

ГЕОГРАФСКО ДРУШТВО
РЕПУБЛИКЕ СРПСКЕ
www.gdrsbl.org

АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ
ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ
www.argorussia.ru

ЗБОРНИК РАДОВА
МЕЂУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА
**"ГЕОПОЛИТИЧКИ ПРОЦЕСИ У
САВРЕМЕНОМ ЕВРОАЗИЈСКОМ ПРОСТОРУ"**

СБОРНИК РАБОТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**«ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ
ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

ЗБОРНИК РАДОВА

МЕЂУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА

**"ГЕОПОЛИТИЧКИ ПРОЦЕСИ
У САВРЕМЕНОМ ЕВРОАЗИЈСКОМ ПРОСТОРУ"**

СБОРНИК РАБОТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ»**

БАЊА ЛУКА, 31.05-04.06.2017.

БАЊА-ЛУКА, 31.05-04.06.2017 г.

Издавач

ГЕОГРАФСКО ДРУШТВО РЕПУБЛИКЕ СРПСКЕ

Издатель

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ

Суиздавачи

АСОЦИЈАЦИЈА РУСКИХ ДРУШТВЕНИХ ГЕОГРАФА

ПРИРОДНО-МАТЕМАТИЧКИ ФАКУЛТЕТ
УНИВЕРЗИТЕТА У БАЊОЈ ЛУЦИ

Соиздатели

АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ

ЕСТЕСТВЕННО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ,
УНИВЕРСИТЕТ В БАНЯ-ЛУКЕ

За издаваче

Др Рајко Гњато

Др Александар Георгиевич Дружинин

Др Горан Трбић

Редакторы-составители

Д-р Райко Гнято

Д-р Александр Георгиевич Дружинин

Д-р Горан Трбич

Уредници

Др Александар Георгиевич Дружинин

Др Рајко Гњато

Редакторы

Д-р Александр Георгиевич Дружинин

Д-р Райко Гнято

Тираж 150

Штампа: ВИЛУКС, Бања Лука

Печать: ВИЛУКС, Баня-Лука

ОРГАНИЗАЦИОНИ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИЈЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Предсједник Председатель

- **Рајко Гњато**, предсједник Географског друштва Републике Српске (ГДРС), доктор географских наука, професор, шеф катедре за регионалну географију, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Райко Гњато**, Председатель Географического общества Республики Сербской (ГОРС), доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Бания-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)

Чланови организационог комитета

- **Даворин Бајић**, доктор географских наука, професор, Катедра за геоинформатику и картографију, Природно математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бањалука, РС, БиХ),
- **Мирко Грчић**, предсједник Српског географског друштва (СГД), доктор географских наука, шеф одељења за друштвену географију, Географски факултет, Универзитет у Београду (Београд, Република Србија)
- **Александар Георгиевич Дружинин**, Предсједник Асоцијације руских друштвених географа (АРГО), доктор географских наука, професор, директор Сјеверо-кавказског НИИ економских и социјалних проблема Јужног федералног универзитета (Ростов на Дону, Русија)
- **Миленко Живковић**, доктор географских наука, ванредни професор, Катедра за регионалну географију, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Игор Зекановић**, доктор географских наука, ванредни професор, Катедра за регионалну географију, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Мира Мандић**, доктор географских наука, ванредни професор, Катедра за друштвену географију, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Драшко Маринковић**, доктор географских наука, редовни професор, Катедра за друштвену географију, Природно-

математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)

- **Александра Петрашевић**, доктор географских наука, Одељење за геоинформатику и картографију, професор на Природно-математичком факултету Универзитета у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Владимир Николаевич Стрелетски**, доктор географских наука, шеф одељења друштвене и економске географије Института за географију Руске академије наука (Москва, Русија)
- **Горан Трбић**, доктор географских наука, професор, декан, Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Млађен Трифуновић**, доктор географских наука, доцент, Катедра друштвене географије, Природно-Математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)

Члены Организационного комитета

- **Даворин Байич**, доктор географических наук, профессор, кафедра геоинформатики и картографии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Мирко Грчић**, Председатель Сербского географического общества (СГО), доктор географических наук, заведующий кафедрой общественной географии, Географический факультет, Университет в Белграде (Белград, Республика Сербия)
- **Александр Георгиевич Дружинин**, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
- **Миленко Живкович**, доктор географических наук, профессор, кафедра региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Игорь Зеканович**, доктор географических наук, профессор, кафедра региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Мира Мандич**, доктор географических наук, профессор, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Драшко Маринкович**, доктор географических наук, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)

- **Александра Петрашевич**, доктор географических наук, кафедра геоинформатики и картографии, профессор, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Владимир Николаевич Стрелецкий**, доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической географии Института географии Российской Академии наук (Москва, Россия)
- **Горан Трбич**, доктор географических наук, профессор, декан Естественно-математического факультета Университета в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Младжен Трифунович**, доктор географических наук, доцент, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)

Технички секретар Конференције Технический секретарь Конференции

- **Марко Станојевић**, магистар географских наука, асистент, Катедра регионалне географије, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска БиХ)
- **Митја Тања**, магистар информационых наука, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Марко Станоевич**, магистр географических наук, ассистент, Кафедра региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Митја Танга**, магистр информатики, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)

НАУЧНИ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИЈЕ НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Предсједник Председатель

- **Александар Георгиевич Дружинин**, Предсједник Асоцијације руских друштвених географа (АРГО), доктор географских наука, професор, директор Сјеверо-кавказског НИИ економских и социјалних проблема Јужног федералног универзитета (Ростов на Дону, Русија)
- **Александр Георгиевич Дружинин**, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Чланови научног комитета

- **Игор Николаевич Вороњин**, доктор географских наука, професор, директор Тавричке академије Кримског федералног универзитета В. И. Вернадског, шеф Одсјека економске и социјалне географије и територијалног управљања (Симферопол, Русија)
- **Рајко Гњато**, предсједник Географског друштва Републике Српске (ГДРС), доктор географских наука, професор, шеф Катедре за регионалну географију, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Мирко Грчић**, предсједник Српског географског друштва (СГД), доктор географских наука, шеф Катедре за друштвену географију, Географски факултет, Универзитет у Београду (Београд, Република Србија)
- **Мирослава Додеровић**, доктор географских наука, професор Филозофског факултета у Никшићу, Универзитет Црне Горе (Никшић, Република Црна Гора)
- **Игор Зекановић**, доктор географских наука, ванредни професор, Катедра за регионалну географију, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци (Бања Лука, Република Српска, БиХ)
- **Јернеј Зупанчич**, доктор географских наука, професор Одјела за географију Филозофског факултета, Универзитет у Љубљани (Љубљана, Република Словенија)
- **Ајдин Ибрахимов**, доктор географских наука, професор Егејског универзитета (Измир, Турска)
- **Владимир Александрович Колосов**, бивши предсједник Међународне географске уније, потпредсједник Асоцијације руских

друштвених географа (АРГО), замјеник директора Института за географију Руске академије наука, шеф катедре за географију свјетске привреде Московског државног универзитета, доктор географских наука, професор (Москва, Русија)

- **Валентин Михајлов**, доктор географских наука, Бугарска академија наука (Софија, Бугарска)
- **Никола Панов** доктор географских наука, професор на Институту за географију, Природно математички факултет, Универзитет "Св Кирил и Методије", Скопље (Скопље, Македонија)
- **Стријакијевич Тадеуш**, доктор географских наука, професор, директор Института за географију и просторни менаџмент, Универзитет Адам Мицкјевич (Познањ, Пољска)
- **Анатолиј Иванович Чистобаев**, доктор географских наука, професор, заслужни дјелатељ науке РФ, почасни професор Института науке о Земљи, професор катедре регионалне политике и политичке географије Санктпетербуршког државног универзитета (Санкт Петербург, Русија)
- **Вјачеслав Александрович Шупер**, доктор географских наука, професор, водећи истраживач на Институту за географију Руске академије наука (Москва, Русија)

Члены Научного комитета

- **Игорь Николаевич Воронин**, доктор географических наук, профессор, директор Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, заведующий кафедрой экономической и социальной географии и территориального управления (Симферополь, Россия)
- **Райко Гнято**, Председатель Географического общества Республики Сербской (ГОРС), доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)
- **Мирко Грчич**, Председатель Сербского географического общества (СГО), доктор географических наук, заведующий кафедрой общественной географии, Географический факультет, Университет в Белграде (Белград, Республика Сербия)
- **Мирослав Додерович**, доктор географических наук, профессор Философского факультета в Никшиче, Университет в Черногории (Никшич, Республика Черногория)
- **Игорь Зеканович**, доктор географических наук, профессор, кафедра региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ)

- **Ерней Зупанчич**, доктор географических наук, профессор Отделения географии Философского факультета, Университет в Любляне (Любляна, Республика Словения)
- **Айдын Ибрагимов**, доктор географических наук, профессор в Эгейском университете (Измир, Турция)
- **Владимир Александрович Колосов**, Паст-Президент Международного географического союза, Вице-Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), заместитель директора Института географии Российской Академии наук, заведующий кафедрой географии мирового хозяйства Московского государственного университета, д.г.н., профессор (Москва, Россия)
- **Валентин Михайлов**, доктор географических наук, Болгарская академия наук (София, Республика Болгария)
- **Никола Панов**, доктор географических наук, профессор Института географии Естественно-математического факультета Университета „Св. Кирилла и Мефодия“, Скопье (Скопье, БЮР Македония)
- **Тадеуш Стриякиевич**, доктор географических наук, профессор, директор Института географии и пространственного менеджмента, Университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша)
- **Анатолий Иванович Чистобаев**, доктор географических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор Института наук о Земле, профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
- **Вячеслав Александрович Шупер**, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии Российской Академии наук (Москва, Россия)

САДРЖАЈ СОДЕРЖАНИЕ

V. Kolosov: SHIFTING GEOPOLITICAL CONCEPTS OF RUSSIA: RELATIONS WITH CIS COUNTRIES AND THE EU.....	1
А.Г. Дружинин: СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПРОСТРАНСТВА, ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОКОНЦЕПТА A. Druzhinin: MODERN EURASIA: GEO-SPATIAL TRANSFORMATION AND THE EVOLUTION OF GEO-CONCEPT	17
Б. Форца, Д. Секуловић: ВОЈНА НЕУТРАЛНОСТ У ГЕОСТРАТЕШКИМ ПРЕСТРОЈАВАЊИМА У САВРЕМЕНОМ ЕВРОАЗИЈСКОМ ПРОСТОРУ B. Forca, D. Sekulović: MILITARY NEUTRALITY IN GEOSTRATEGIC REALIGNMENT IN MODERN EURASIAN SPACE.....	37
T. Strykiewicz: CONTEMPORARY POLISH-GERMAN MIGRATION SPACES AND INTEGRATION PROCESSES.....	59
V.A. Shuper: RUSSIA'S RE-ORIENTATION TO THE ASIA: INTERNAL AND EXTERNAL AFTEREFFECTS.....	73
М. Степић: ПОЗИЦИЈА НА ЕВРОАЗИЈСКОЈ <i>ВЕЛИКОЈ ШАХОВСКОЈ ТАБЛИ</i> <i>ДВАДЕСЕТ ГОДИНА ПОСЛЕ</i> M. Stepić: THE POSITION ON THE EURASIAN <i>GREAT</i> <i>CHESSBOARD</i> TWENTY YEARS LATER.....	83
В.Н. Стрелецкий: РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ГЕОИСТОРИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ V. Streletskiy: RUSSIA BETWEEN WEST AND EAST: GEONISTORICAL TRENDS AND SPATIAL STRUCTURESIN CULTURAL DYNAMICS.....	103
А. Ибрагимов, С. Ыылмаз, С. Кромбах: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ ТУРЦИИ A. Ibrahimov, S. Yilmaz, S. Crombach: THE MAIN FEATURES OF TURKEY'S EURASIAN GEOPOLITICS.....	117
Т. И. Герасименко, Б.Б. Родоман: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР И РЕЗУЛЬТАТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИИ T. Gerasimenko, B. Rodoman: TERRITORIAL IDENTITY AS FACTOR AND RESULT OF RUSSIA'S GEOPOLITICAL PREFERENCES.....	127
С. Вујадиновић, Д. Шабић, М. Гајић: ДОПРИНОС РЕГИОНАЛНЕ ГЕОГРАФИЈЕ АНАЛИЗИ ПОЛИТИЧКИХ, ЕКОНОМСКИХ И КУЛТУРНИХ ПРОЦЕСА У ЕВРОАЗИЈИ S. Vujadinović, D. Šabić, M. Gajić: CONTRIBUTION OF REGIONAL GEOGRAPHY TO THE ANALYSIS OF POLITICAL, ECONOMIC AND CULTURAL PROCESSES IN EURASIA.....	141

В.Л. Бабурын: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШОЙ КРАСНОЯРСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ V.L. Baburn: THE GEOPOLITICAL CONTEXT OF THE FORMATION OF LARGE KTASNOYARSK AGGLOMERATION.....	155
А.И. Чистобаев, М.П., Бурла: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ФАКТОРЫ, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	161
М. Шолаја: „ДЕ ФАКТО ДРЖАВЕ“ И СУБДРЖАВНИ ПОЛИТИЧКИ ЕНТИТЕТИ У ПОСТХЛАДНОРАТОВСКОМ МЕЂУНАРОДНОМ ПОРЕТКУ M. Šolaja: DE FACTO STATES AND SUB-STATES POLITICAL ENTITES IN POST COLD WAR INTERNATIONLA ORDER.....	169
И.Г.Савчук: УКРАИНА В ЕВРОПЕЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛЕ I.G. Savchuk: UKRAINE IN THE EUROPEAN ECONOMIC FIELD.....	187
В.Л. Мартынов: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОЙ АРКТИКИ V.L. Martynov: POLITICAL AND MILITARY GEOGRAPHY OF THE MODERN ARCTIC	193
J. Zupančič: REGIONAL IMPACT OF BORDER CITIES. THE CASE OF SLOVENIA.....	207
A.N. Fartyshev: GEOPOLITICAL PROCESSES IN SIBERIA: PROBLEMS, CONCEPTION, ESTIMATIONS.....	219
С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев: РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЗАПАДНОЙ АЗИИ S.A. Gorokhov, R.V. Dmitriev: RELIGIOUS FACTOR OF ESCALATION OF THE GEOPOLITICAL SITUATION IN WEST ASIA.....	233
Е.А. Позаченюк: ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА В ЧЕРНОМОРСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ K. Pozachenyuk: PHYSIOGRAPHIC FACTORS OF THE CRIMEAN GEOPOLITICAL SPACE IN THE BLACK SEA TRANSBOUNDARY REGION.....	241
С.С. Лачининский: ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРИМОРСКОГО РЕГИОНА В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ S.S. Lachininskii: THE FACTORS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ST.PETERSBURG COASTAL REGION IN A CHANGING GEOPOLITICAL CONTEXT	257
B. Kolsut: POLITICAL ASSOCIATIONS OF MUNICIPALITIES IN EUROPE.....	271

Е.В. Михайлова: АРКТИЧЕСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ МАРШРУТ ЧЕРЕЗ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКУЮ ГРАНИЦУ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ И ЛОКАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ E. Mikhailova: ARCTIC MIGRANT ROUTE ACROSS THE RUSSIAN- NORWEGIAN BORDER:GEOPOLITICAL INTERPRETATIONS AND LOCAL PERCEPTIONS BY BORDERLANDERS.....	289
T.I. Pototskaya: GEOPOLITICS OF PIPELINES IN THE POST-SOVIET TERRITORY.....	303
А.Б.Швец, И.Н.Воронин: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РУБЕЖЕЙ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ СЕКТОРЕ ЕВРАЗИИ A.Shvets, I.Voronin: THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF SOCIOCULTURAL BOUNDARIES IN THE EURASIA'S BLACK SEA REGION.....	317
N. Panov, H. Dimeska, D. Panov: SOME ASPECTS OF THE CRISES AND THEIR INFLUENCE OVER TOURISM.....	331
И.М. Яковенко, А.Б. Воронина: ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ЗАПАДА I. Yakovenko, A. Voronina : TOURISM AND RECREATIONAL ACTIVITY IN THE CRIMEA IN THE CONDITIONS OF POLITICAL SANCTION OF THE WEST.....	343
Е.В. Логвина: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ЕВРОЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ E.V. Logvina: GEOPOLITICAL EXPANSION ON EUROASIAN SPACE.....	357
Л.В. Деточенко: МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В ТУРИСТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ L.V. Detochenko: PLACE AND ROLE OF RUSSIA IN THE TURIST AREA OF THE EUROPEAN REGION AT THE PRESENT STAGE	369
З.А. Семенова, А.И. Чистобаев: МЕДИЦИНСКИЙ ТУРИЗМ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ Z. A. Semenova, A.I. Chistobaev: MEDICAL TOURISM AGAINST THE BACKGROUND OF MODERN GEOPOLITICAL EVENTS	385
Е.А. Лукьяненко, Н.В. Страчкова, И.И. Воронин: ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОРТРЕТА ТУРИСТА КРЫМА E. A. Lukyanenko, N. V. Strachkova, I. I. Voronin: THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS ON THE FORMATION OF A PORTRAIT OF THE TOURIST OF THE CRIMEA.....	395

В.Н. Федорко: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕСУРСНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ V.N. Fedorko: CROSS-BORDER RESOURCE AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN THE REGION OF CENTRAL ASIA.....	405
Р. Гњато: ЗАПАДНИ БАЛКАН – ИЗАЗОВИ И ПЕРСПЕКТИВЕ R. Gnjato: WESTERN BALKANS – CHALLENGES AND PERSPECTIVES.....	415
М. Грчић: ЕВРОАЗИЈСКЕ ОСОБИНЕ БАЛКАНСКОГ ПОЛУОСТРВА КАО ДЕТЕРМИНАНТЕ ГЕОПОЛИТИЧКИХ ПРОЦЕСА M. Grcic: EURASIAN CHARACTERISTICS OF BALKAN PENINSULA AS A DETERMINANTS OF GEOPOLITICAL PROCESSES.....	433
Н.М.Межевич, Н.С.Чукалова: БАЛКАНЫ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ N.M. Mezhevich, N.S.Chukalova: THE BALKANS AS THE QUINTESSENCE OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE	445
Д. Секуловић, Б. Форца: БАЛКАНСКИ ГЕОПОЛИТИЧКИ ЧВОР И СРБИЈА D. Sekulović, B. Forca: BALKANS GEOPOLITICS KNOT AND SERBIA.....	449
М.М. Агафошин, И.А. Захаров: РОЛЬ БАЛКАНСКИХ СТРАН В ФОРМИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ M.M. Agafoshin, I.A. Zakharov: THE ROLE OF THE BALKAN COUNTRIES IN SHAPING MIGRATION FLOWS IN THE EUROPEAN UNION: THE GEOPOLITICAL ASPECT.....	463
М. Сибиновић, А. Винклер: ГЕОЕКОНОМСКИ ОДНОС ЕВРОАЗИЈСКЕ ЕКОНОМСКЕ УНИЈЕ ПРЕМА РЕПУБЛИЦИ СРБИЈИ M. Sibinović, A. Winkler: GEOECONOMIC RELATIONSHIP BETWEEN EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE REPUBLIC OF SERBIA.....	471
М. Додеровић, Љ. Поповић: ЦРНА ГОРА У ГЕОПОЛИТИЧКОМ КОНТЕКСТУ БАЛКАНА M. Doderović, Lj. Popović: MONTENEGRO IN THE GEOPOLITICAL CONTEXT OF THE BALKANS.....	479
Даница Шантић: МИГРАЦИЈЕ СТАНОВНИШТВА КАО ДЕТЕРМИНАНТА ПРОСТОРНЕ РЕДИСТРИБУЦИЈЕ СТАНОВНИШТВА НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРВУ Danica Šantić: MIGRATION AS A DETERMINANT OF THE POPULATION REDISTRIBUTION IN THE BALKAN PENINSULA.....	487
Д. Маринковић: МИГРАЦИОНИ ПРОЦЕСИ НА ПРОСТОРУ БИХ КАО ПОСЉЕДИЦА ГЕОПОЛИТИЧКИХ ПРОЦЕСА И НАСИЛНОГ РАСПАДА СФРЈ D. Marinković: MIGRATION PROCESSES WITHIN BIH SPACE AS A CONSEQUENCE OF GEOPOLITICAL PROCESSES AND THE VIOLENT BREAK-UP OF SFRY.....	505

S. Pašalić: DEMOGRAFSKI GUBICI I DEMOGRAFSKI RAZVOJ SRBA KAO POSLJEDICA RATNIH DEŠAVANJA 1992-1995.	
S. Pašalić: DEMOGRAPHIC LOSSES AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF SERBS AS A WAR CONSEQUENCE IN 1992-1995.....	523
Игор Зекановић: ПРОМЈЕНЕ У ДЕМОГРАФСКОМ И ЕТНО-ТЕРИТОРИЈАЛНОМ РАЗМЈЕШТАЈУ СТАНОВНИШТВА БИХ КАО ПОСЉЕДИЦА НАСИЛНОГ РАСПАДА БИВШЕ СФРЈ	
Igor Zekanovic: CHANGES IN DEMOGRAPHIC AND ETHNIC-TERRITORIAL DISTRIBUTION OF BIH POPULATION AS A CONSEQUENCE OF A VIOLENT BREAKUP OF FORMER SFRY	543
М. Живковић: ДЕМОГЕОГРАФСКИ ПРОЦЕСИ И ПРОБЛЕМИ ОБНОВЕ СРПСКОГ ЕТНИЧКОГ ПРОСТОРА У РЕПУБЛИЦИ ХРВАТСКОЈ	
M. Živković: DEMOGRAPHIC PROCESSES AND PROBLEMS OF REVITALIZATION OF THE SERBIAN ETHNIC SPACE IN REPUBLIC OF CROATIA.....	561
М. Мандић: ПОСЉЕДИЦЕ НАСИЛНОГ РАСПАДА СФРЈ НА РАЗВОЈ НАСЕЉА У БОСНИ И ХЕРЦЕГОВИНИ (РЕПУБЛИЦИ СРПСКОЈ)	
M. Mandić: THE VIOLENT SFRY BREAK-UP CONSEQUENCES ON THE SETTLEMENT DEVELOPMENT IN BOSNIA AND HERZEGOVINA (THE REPUBLIC OF SRPSKA).....	575
М. Лојовић, О. Гњато: НОВИ ТРЕНДОВИ У ТУРИЗМУ ИСТОЧНЕ ХЕРЦЕГОВИНЕ У НОВИМ УСЛОВИМА РАЗВОЈА	
M. Lojović, O. Gnjato: NEW TRENDS IN TOURISM OF EASTERN HERZEGOVINA UNDER THE NEW DEVELOPMENT CONDITIONS.....	593
М. Додеровић, Јб. Поповић: ГЕОПОЛИТИЧКИ ЗНАЧАЈ СКАДАРСКОГ ЈЕЗЕРА ЗА ЦРНУ ГОРУ	601

SHIFTING GEOPOLITICAL CONCEPTS OF RUSSIA: RELATIONS WITH CIS COUNTRIES AND THE EU

Introduction. The role, the perception and the use of space by the separate people and by social groups are constantly changing depending on social practice. In particular, it includes political discourse whose objective is the modification or the strengthening of certain social representations. It plays an important role in the shaping of human territoriality and of political map. R. Sack defined it as an attempt of an individual or of a social group to get an influence on other people, their relations and social processes by delimiting and controlling a territory¹. Every social and regional group has its own image of territory. Sometimes they match but often are in sharp contradiction. The theory of social construction of space contributed to a deep transformation of methodological approaches in geopolitics and to the emergence of the so called critical geopolitics². Critical approaches interpret geopolitics as a discourse dominated by statesmen and politicians interested in the creation of a specific simplified world geopolitical vision which could serve their needs.

One of the key concepts of critical geopolitics is the world geopolitical vision. It can be defined as a normative mental political map of the world or of a region in combination with the representations about political actors, elements of political space, national security, the advantages and the shortcomings of different strategies in foreign policy³. The world geopolitical vision also includes the representations about the territory and the boundaries of the state and/or an ethnic group, the best political regimes and the models of the state, external and internal forces contributing to or hindering from their realization. These representations are diffused in the process of political discourse summarizing some information on international affairs or political situation attached to a territory. The world geopolitical vision is enrooted on geopolitical traditions – historically determined national political-philosophical schools developing a certain normative and

---

¹ Sack, R. (1986), *Human Territoriality: Its Theory and History*. Cambridge (England), Cambridge University Press.

² Dalby S. and Ó Tuathail G. *Rethinking Geopolitics*, London: Routledge, 1998; Ó Tuathail G. Geopolitical Structures and Geopolitical Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics. In: *Geopolitical Perspectives on World Politics*, Tchantouridze, L. (ed.), Bison Paper 4, Winnipeg, Centre for Defence and Security Studies, 2003; Ó Tuathail, G. Thinking Critically about Geopolitics. In: Ó Tuathail, G., Dalby, S. and Routledge, P., eds. *The Geopolitics Reader*, 2nd edition, London: Routledge, 2006; Mamadouh V. and Dijkink G. Geopolitics, International Relations and Political Geography. *The Politics of Geopolitical Discourse*, *Geopolitics*, 2006, 11: 349-366.

³ Dijkink G.-J. Geopolitical codes and popular representations, *Geojournal*, 1998, 46: 293-299.

formalized set of views on national identity, interests and political priorities⁴. Foreign policy is obviously shaped not only by material factors but also by the dominant political discourse, social representations about national interests and partners' images in the national consciousness.

Critical geopolitics combines the methods of human geography, sociology, political science and other disciplines, functional and constructivist approaches⁵. The main task is to compare political discourse and social representations revealed by sociological polls with "objective" indicators of the state and interactions between different territories.

This paper is focused on the evolution of Russian political discourse during about 20 years - since the turbulent 1990s till almost nowadays. Its objective is to better understand changing priorities of political elite and different parts of public opinion, and their relations with the economic and political situation in the country and in the world. The paper results from the work on the *Euborderscapes* project supported by the 7th European Framework Programme (2012-2016). It summarizes the conclusions of the team from the Institute of Geography of Russian Academy of Sciences (Moscow)⁶ under the leadership of the author.

Data and method. Russian political discourse was analyzed through the screening of "*Nezavisimaya Gazeta*" ("*The Independent*") - a "quality" daily newspaper widely covering international events and foreign policy issues, and destined mainly to experts and well educated audience in the capitals (Moscow and Saint Petersburg) and few other large cities. Its editorial policy was mostly liberal but the newspaper regularly offered its pages to the authors of different political orientations - however, not the most radical ones, and particularly to those who expressed the official position.

In addition to "*Nezavisimaya Gazeta*", four other newspapers were screened. The daily "*Rossiiskaya Gazeta*" is the official governmental newspaper, "*Zavtra*" ("Tomorrow") represents the "national-patriotic" (right) part of the political spectrum. "*Novaya Gazeta*" is the liberal-"occidental" newspaper and "*Sovetskaya Rossiya*" ("*Soviet Russia*") has the reputation of a non-official publication of the Communist party. Comparisons of different discourses give an idea about the views of the main political forces on the most relevant issues.

---

⁴ O'Tuathail 2006

⁵ Kolosov V. Critical geopolitics: the main elements of the concept and an experience of its application in Russia. – *Political Science*, 2011, 4: 31-52; Konrad V. and Nicol H.N. Border Culture, the Boundary Between Canada and the United States of America, and the Advancement of Borderlands Theory, *Geopolitics*, 2011, 16: 70–90; Parker N., Vaughan-Williams C. Critical Border Studies: Broadening and deepening the "lines in the sand" agenda, *Geopolitics*, 2012, 17: 727-733.

⁶ The teams' members were Drs. Olga Vendina, Tamara Galkina, Anton Gritsenko, Maria Zotova, Fedor Popov, and Alexander Sebentsov . All of them participated in the collection of materials and their analysis.

The database covers, firstly, the beginning of the post-Soviet period (1994 and 1995) - the period when the country was still in search of its new place of the world, looking for new allies and identifying external threats. Most borders dividing the post-Soviet space were still “transparent” as it was not clear yet what geopolitical codes would determine the relations of Russia with former Soviet republics.

Secondly, the database includes the materials of 2000-2014. A special attention was paid to the period 2000-2003 – the first years of Putin’s presidency when the relations with the “far” and the “near” abroad were reconsidered and when the principle of national sovereignty has definitely become a cornerstone of Russian foreign policy and the world geopolitical vision. It was the period when the general design of integration processes in Central-Eastern Europe and in the post-Soviet space has been shaped.

Thirdly, the database comprises the articles appeared in 2008-2012 – the end of D. Medvedev presidency and the beginning of the third Putin’s mandate. These years were marked by the attempts of Russia to reassert itself as the main power in the post-Soviet space and by the rising conflict between “European” and “Eurasian” integration – the determinant factors of bordering.

Finally, the database covers the most recent period 2013-2014 which was marked by the growing controversies between the Putin’s administration and the collective “West”, including the EU, but especially the rise of the most important international conflict between Russia and the West since the end of the cold war provoked by the coup in Ukraine, the following annexation of Crimea and the civil war in South-East Ukraine.

Two vectors in Russian world geopolitical vision and the relations with the West

An analysis of the database shows that the process of bordering in Russia was determined by the relation between two groups of geopolitical vectors in foreign policy: the Western and the Eastern, or the Eurasian ones. They are closely related with the balance between the processes of integration and fragmentation, re-integration of the post-Soviet space and European integration. The Western vector means the establishment of good neighbourhood with Western countries on the bilateral basis, the gradual rapprochement with the EU and the creation with it of the so called four common spaces which supposes a relative liberalisation of cross-border movement, especially the visa regime, the development of infrastructure and the institutionalisation of long-term cross-border cooperation funded by both sides. The Eastern orientation is a manifestation of the fundamental orientation of Russia’s political elite to the creation of a multi-polar world, the transformation of the country into an autonomous centre of power, the unwillingness to delegate competences to any supra-national authority or an external force, the leadership in the post-Soviet space (except for Baltic countries) and the emphasized value of

national sovereignty. These two vectors appeared almost immediately after the disintegration of the Soviet Union, though is the eastern vector now clearly dominates.

During **the first period, in the 1990s**, the discussions on the “East-West” dilemma were marked by the first attempts of the post-Soviet space’s re-integration and debates on the attitude to the EU and NATO. The political elite at power partly shared “romantic” illusions that Russia could soon join the Western community and at the same time keep former Soviet boundaries as common boundaries of the open post-Soviet space. In June 1994 Russia and EU signed the Agreement on Partnership and Cooperation (ratified in December 1997) which defined the format of their relations and settled the mechanisms of political and economic interaction. Liberal rhetoric was widely used in official media. It assigned to the West the role of the driver of Russia’s development. The 1994 Agreement was considered as *“the most important step on the way of Russia to Europe”*. However, observers expressed disappointment with the EU deafness to Russia’ requests and obstinacy. *Nezavisimaya Gazeta* emphasized a double character of Russia-EU relations. Since approximately the mid-1990s European policy toward Russia is perceived as unequal and pursuing only EU interests. It was noticed that the EU kept Russia at distance. It provoked a new round of debates about the place of the country in the world and the “eternal” question of Russian geopolitics: where does Europe end and whether Russia is its part. *“Russia did not find yet its stable place in Europe and is facing a condescend-polite attitude. In all European institutions into which it was succeeded to squeeze it is courteously asked to wait a little; the conditions close to the intervention in internal affairs are laid down”*⁷.

The discussion about the relations between Russia and EU has been almost always combined with the debates on the US and NATO within a single theme of Euro-Atlantic integration. It was stressed that the way to the EU was open only to NATO members. As a result, the problem of EU enlargement to the east was interpreted also as the expansion of NATO perceived as unacceptable threat. It gave rise to a vicious circle: *“It is hardly possible that Russia joins NATO in a foreseeable perspective, but at the same time the enlargement of NATO without Russia will mean their free or involuntary opposition”*⁸.

Two factors seriously saddened the relations of Russia with EU. Firstly, the war in Chechnya *“revived in European public opinion old fears of Russian imperial expansionism and use of power in the solution of emerging problems”*⁹. The Chechenian conflict accelerated NATO enlargement and nullified Russia’s chance to prevent this process. Secondly, the actions of NATO in Kosovo without the UN consent were considered as *“the actions against peace, against the norms*

---

⁷ Katin V. The relations between Europe and Russian can be described by one word: duality. *Nezavisimaya Gazeta*, 8 June 1994.

⁸ NATO plus Russia? New problems of European security. *Nezavisimaya Gazeta*, 16 November 1994.

⁹ Lukin V., Chair of the State Duma Committee on Foreign Affairs: We turned to be in a very bad geopolitical situation. *Nezavisimaya Gazeta*, 14 March 1995.

of international community”, “a massive, rude violation of national and geopolitical interests of Russia” and an attempt “to cut off Russia from Europe”. These actions were condemned by all Russian political parties and led to a major crisis in relations with the West. It returned to political discourse the notions like *inviolability of boundaries, peoples’ self-determination, Russian unity, identification through search and reproduction of values, national idea*. Unlike the early 1990s, Russia began to be positioned “another civilization which in contrast to East-Central Europe have never been part of the West and was perceived by the West as an alien, expansionist Asian power”¹⁰.

In **the second period (2001-2004)** the discourses about European and Eurasian integration were closely interrelated, and the EU first has been considered as the best example of economic and political integration: after his arrival to power President Putin first opted for the establishment of good relations with the West and especially with Europe. So, in the dominant discourse about post-Soviet integration they used the terms like *integration of the European type, a community on the example of the EU, a union on the example of the EU, an association of two countries on the principles of the EU, the EU model*, etc.

At the same time, already in this period it was possible to notice that the need in Eurasian integration was justified by the opposition to the expanding NATO, though still in a mild form (“a union with Russia is a counterbalance to NATO”). The 1994 Agreement with the EU did not match Russia’s expectations and has been never fully implemented.

Debates about the conditions of the EU enlargement in 2002 and particularly the negotiations between Moscow and Brussels on the problem of communications with Kaliningrad through the territory of future EU members were a new turning point. Russian authorities blamed the EU in refusing to take into account their legitimate interests and rejecting all proposals of the Russian side. The problem of Kaliningrad became a litmus paper for Russia-EU relations. As Russian proposals about the establishment of visa-free corridors for communications with Kaliningrad were declined, the creation of the so called simplified document for transit by train via Lithuania was often interpreted as trampling of Russia’s sovereignty.

The negotiations about a visa-free regime, symbolically and practically important for Russia, did not inspire any optimism. In 2003, on the eve of the EU enlargement, *Nezavisimaya Gazeta* used the image of a wall in describing the Schengen regime¹¹. The EU was accused of erecting customs and border barriers insuperable for Russia: “the proclamation of the united Europe lays politically and psychologically new dividing lines”¹². Failures and limitations in the relations with the West were explained by fundamental differences in mentality and behavior. It

---

¹⁰ Samuilov S. Inter-civilizational approach. *Nezavisimaya Gazeta*, 29 April 1994.

¹¹ Yanov A. It makes no sense cutting the window on Europe. It is necessary to break the wall. *Nezavisimaya Gazeta*, 25 June 2002.

¹² Grigoriev E. Copenhagen is only the beginning. *Nezavisimaya Gazeta*, 16 December 2002.

was stressed that *“the European choice was for us more likely a moral and conceptual, and not an institutional notion”*.

On its turn, the reconsideration of relations with the EU estimated as a zero-sum game stimulated the debates about geopolitical orientations of former Soviet republics, especially Moldova and Ukraine, the perspective either of their integration to common economic and political institutions with Russia, or the association with the EU (and NATO).

The 2007 speech of Vladimir Putin in Munich became a harbinger of a new stage in Russian politics. He stressed that cooperation between Russia and the West must be equal and condemned the attempts to create the unipolar world dominated by the US as the only superpower. Putin believes that it is not only unacceptable but impossible. He also condemned the enlargement of NATO and the installation of American missiles in Central Europe and stated that a reorganization of the post-Soviet space could not be realized without Russia.

On the third period (2008-2012) the perspectives of relations with the EU were considered through the lenses of the Eastern partnership project promoted by the European side. As it directly concerned the place of Russian borders' different sections in the system of national economic and military security, it stimulated discussions on Eurasian integration and strengthening the regime of the boundaries with the post-Soviet countries which opposed this idea. Thus, the relations and the borders' regime was determined by the “type” of country: it remains relatively open with those countries which joined integration projects initiated by Russia, was strengthened with the countries which refused to accept these projects or proclaimed their pro-European and pro-Western orientation like Georgia, and was not stable with the countries which tried to keep a balance between the relations with Russia and the West.

The Eastern Partnership is evaluated as a new challenge to Russian interests in the region. Its objective is viewed as the definitive disintegration of the post-Soviet space and the withdrawal of CIS countries from Russia's influence. Russian leadership believed that Russia could not be treated by the EU in the same way as its small neighbours: *“Russia is not simply a neighbour but represents something more important”*. In the official discourse the attempts to implement European values and norms in neighbouring states are covered in negative tones. However, despite of the critical attitude to the project, the authors of most editorials in *Nezavisimaya Gazeta* realize that *“Russia's chances to keep our former (republics) on its orbit are limited”*.

Discussions about the Eastern Partnership and the relations with the West were combined at this stage with the theme about Russia's geopolitical self-assertion and the sphere of its international responsibility in relation with the five days war with Georgia provoked by its attack against South Ossetia and the recognition of Abkhazia and South Ossetia as independent states soon after it. This theme was in the focus of political debates in August-October 2008.

The dominant “statist” discourse was based on the suggestion that Russia *“could avoid the involvement in the next Caucasian slaughter”* but only if it

accepts to limit its role in Caucasus at the expense of the increasing Western influence. Experts often stressed that Russia was tired of unequal cooperation and double standards applied by the West, including the question of Ossetia. The West blamed Russia in unleashing hostilities. It was painfully perceived by Russian public opinion which was from the very beginning sure that Georgia attacked South Ossetia first. When Moscow recognized in few days Abkhazia and South Ossetia as independent states, no authors saw the difference between the scenarios of Kosovo and of these Georgian break-away regions. The only real distinction, according to Russian observers, was the lack of any perspectives of Abkhazia's and South Ossetia's recognition, especially by the EU and NATO countries. However, many authors repeated that *"Russia and the West would finally find common language"* and *"there will be no Third World War because of Georgia"*, though the conflict has considerably complicated the relations with the West, made senseless the simplification of the visa regime and provoked the freezing of the negotiations about a new basic treaty with the EU. In the official discourse the attempts to implement European values and norms in neighbouring states are covered in negative tones.

Debates about the crisis in Ukraine (**the fourth period, since late 2013**) were intertwined in all Russia media with the theme of the opposition of Russia and the West. About 80% of articles on the relations with the EU and NATO were presented in the language of dilemmas: Ukraine/Moldova/Georgia/Belorussia must make a choice between Russia and the West, the Euro-Atlantic and Eurasian integration. Ukraine appears a battlefield between Russian and Western countries. In the dominant discourse responsibility for its unleashing is conferred on the West because it rejected the Russian initiative to hold trilateral negotiations in the format Ukraine – Russia – EU. In the official discourse, the integration of Ukraine either to the EU or to the Eurasian Economic Union reflects the strategic struggle of the West and Russia for Ukraine which has a crucial importance for both sides. But if in the previous period the EU and NATO were perceived as a single player, since 2013 they are considered separately again. It is emphasized that some European countries like for instance Finland or Germany are in favour of the normalization of relations with Russia: *"Finland appreciates good neighbourhood and partnership with Russia"*, *"the overwhelming majority of Germans do not want confrontation with Russia"*, and *"German public opinion pays a growing attention to dialogue as a tool to solve the Ukrainian problem by a political way"*. At the same time, the most negative role is assigned to USA, the main opponent of Russia accused of an aggravation of political situation and supposedly guiding "passive" Europe: *"Europe cannot afford a cardinal change of foreign policy without consultations with Washington which shows no will to down with Russia at the negotiations' table"*.

The "national-patriotic" rhetoric unusual in the official discourse before 2012, reached its peak in 2014: it was stressed that *"Russia is an independent, active actor of the international life which has national interests that should be taken in consideration and respected"*. In this context the principle of the multi-polar world

gets new sounding: they repeatedly insist that Russia should be one of the major actors in such world. The new geo-economic situation provoked by its eastward turn is interpreted as the alternative to the mono-polar world dominated by the US in which the West could not anymore dictate its conditions and the rules of the game to other countries.

Alternative discourses. *The left discourse* shaped by *Sovetskaya Rossia* looks the most integral and stable. It is based on the assumption that Europe's attitude to Russia has always been prejudiced and unequal. The West and its initiatives are almost always demonized. It is presumed that the West imposes to Russia a deeply alien model of development, the ideology of class inequality, exploitation and consumerism. *The "national-patrotic" discourse* of *Zavtra* is similar. Both newspapers warn Russian authorities against too close cooperation and integration with the EU and especially with NATO. They emphasize that all Russian attempts to improve the relations with the West failed: *"there were no tangible results in the past, there are no results at present"*. The period of the 1990s is particularly criticized and it is declared that Moscow went too far in supporting the West without any pay-off.

In the left discourse Eastern Partnership is represented as exclusively anti-Russian project, as its main objective is to tear away the countries, which have been closely related with Russia, from its influence. The model at the basis of this project is described as neocolonial; they stress that the policy of developed countries is based on the principle *"take our standards and we will take your resources and destroy everything which is able to compete with us"*. *Sovetskaya Rossia* calls the EU *"the Trojan Horse of NATO"*.

The 2008 conflict in South Ossetia is interpreted as a Western complot, *"a carefully thought over operation prepared since a long time with the objective to oust Russia from Caucasus and Central Asia in creating thus the ground for a further enlargement of NATO and for building a sanitary cordon of hostile states around Russia"*¹³. The actions of the authorities are fully approved: *"For the first time in its recent history Russia took a courageous and independent decision accepting the whole responsibility for its consequences"*. The authors of *Sovetskaya Rossia* believe that only the recognition of Abkhazia and South Ossetia *"gives some guarantees of peace"* and that the presence of Russian military on their territory is a condition for it.¹⁴

The 2014 events (the annexation of Crimea and the conflict in Donbass) are pictured as a result of the illegitimate coup in Ukraine backed by the West and of the activity of Ukrainian ultranationalists. The annexation (the return) of Crimea is considered as a step to Russia's self-assertion as a great power which can restore historical justice. *Sovetskaya Rossia* and *Zavtra* usually separate Ukraine as a state

---

¹³ <http://sovrross.ru/articles/1171/20274>

¹⁴ <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=3712>

and its “illegitimate” authorities from the “*unfairly suffering and misled*” Ukrainian people.

In the 1990s and the early 2000s *the liberal discourse* in *Novaya Gazeta* has been close to the discourse in *Nezavisimaya Gazeta*. But since the mid-2000s the distinctions between them became more visible. *Nezavisimaya Gazeta* was approaching the centrist positions and sometimes even published the materials which could appear in “national-patriotic” newspapers. At the same time, *Novaya Gazeta* seems more irreconcilable and sharp.

In the early 1990s the Agreement on Partnership and Cooperation with the EU was represented there as a tool for positive reforms and transformations in Russia. It was noticed that it formulated “*common objectives of Russia and the EU*”. The firm position of *Novaya Gazeta* from the very beginning is that “*the future and the civilizational choice of Russia are without any doubt European*”¹⁵. In the absence of a constructive dialogue with the EU the newspaper laid blame in it only on Russian authorities which do not pay enough attention to economic reforms and took the way of “managed democracy”. “*Russia is changing in a wrong direction, it chooses the ideology of a nation-state, of a messianic state, of great Russia, and it cannot be inserted in the European project*”.¹⁶ The relations between Russia and Europe are called a dialogue between deaf-mutes: “*Both Russia and the EU say “democracy”, “human rights”, “market economy” but understand under these notions quite different things*”¹⁷.

In the liberal discourse the attitude to the *Eastern Partnership* was the most positive. Its experts saw in it a support to European aspirations of some post-Soviet states and a compensation for the impossibility of their admission to the EU. They call Russia official reaction “*contradictory, convulsive and inefficient*”. Liberal observers believed the models of the Eurasian Economic Community and the Single Economic Space unattractive for post-Soviet states: “*the foreign policy vector will be directed to the EU unless Russia becomes as interesting for its neighbours and partners in the CIS as Europe*”. Liberals are sure that Russia should be transformed from a great empire into a “normal country”, reconcile itself with this status and insert itself into its traditional European political environment. Otherwise “*the country is condemned to opposition to Europe in which Russia can suffer even a more sensitive defeat than in Ukraine*”.¹⁸

The position of liberals in the South Ossetian conflict is the most oppositional and the most different as compared with other newspapers. *Novaya Gazeta* stated that “*the Russian invasion to Georgia was planned in advance*”. Russian actions in August 2008 were interpreted as “*the use of any means to prevent Georgia’s accession to NATO*”.¹⁹ The operation in South Ossetia was compared with “the 1999 invasion in Chechnya” and called “*a showdown*” based on “*the idea of the*

---

¹⁵ http://www.ng.ru/courier/2002-10-07/12_buxelles.html

¹⁶ <http://www.novayagazeta.ru/society/24023.html>

¹⁷ <http://www.novayagazeta.ru/society/24987.html>

¹⁸ http://www.ng.ru/politics/2005-02-09/2_choise.html

¹⁹ <http://www.novayagazeta.ru/politics/39058.html>

Russian world's protection beyond Russian boundaries”²⁰. The growth of Russian leaderships' imperial ambitions in the fight for traditional spheres of influence was noticed.

For liberal observers, the 2014 crisis in Ukraine became Rubicon for the relations between Russia and the EU. Crossing it means reaching a non-return point.²¹ They blame in it Russian authorities which choose a wrong way leading to the country's isolation.²² According to them the right way remains in the rapprochement with the EU, and not in the creation of the Eurasian Economic Union. It is emphasized that the strengthening of the authoritarian regime, the toughening of police measures and the usual selective application of legislation deprive Russia of the hope to establish a constructive dialogue with the West, and the country is moving in the direction of “*an endless stagnation*”. “*If Russia is going to become part of the contemporary world, one need to realize... which place it is able to take*”. Liberal rhetoric contradicts the official position to a growing extent, it is ousted to the periphery, condemned by centrist and left media and marginalized.

The Eastern vector: Eurasian integration

Post-Soviet boundaries only rarely match economic, social, ethno-cultural and mental borders. Particularly difficult was the situation of numerous Russian-speaking minorities in new independent states. It explains the persistence in the political discourse of hopes in the restoration of the integrated space and of transparent boundaries. During **the first period, in the 1990s**, it gave rise to such concepts like *the single civilization's field, the historical space of Russia, the space of Russian sense, the territories of Russia's historical responsibility*, etc. The borders of the disappeared power were not erased at once from the mental maps of state officials and ordinary people. They discussed the separation of Russia's boundaries into external ones dividing it from the outer world and internal boundaries with new independent states and tried to protect the country's security at the old Soviet boundaries (for example, in Bielorussia, Armenia and Tajikistan). At the same time, southern borders with post-Soviet countries were to a growing extent associated with civil wars and instability, disturbing massive immigration, smuggling, the traffic of drugs and other soft security threats. It also contributed to the differentiation of borders in the mass consciousness: “good” borders with Slavic countries and to a lesser extent with Kazakhstan should remain open, while the borders with the countries of South Caucasus and especially of Central Asia should be transformed into real barriers with the visa regime, strict control, etc.

The discourse on integration of the post-Soviet space and its bordering in this newspaper is clearly divided into three thematic blocs, which corresponds to three

---

²⁰ <http://www.novayagazeta.ru/columns/69485.html>

²¹ <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6337589.shtml>

²² http://www.ng.ru/ideas/2013-01-18/5_opposition.html

scales of post-Soviet (re)integration: integration in the framework of the CIS as a whole; “selective” integration within the Eurasian Union, Customs’ Union and the Single Economic Space; integration within the Union State of Russia and Belorussia²³.

Besides, a number of articles were devoted to the integration within other organizations: the Organization of the Treaty on Collective Security (ODKB), the Organization for Democracy and Economic Development (GUAM) created by few post-Soviet countries as an alternative to the integration under the auspices of Russia, and the Shanghai’s Organization of Cooperation (ShOS). The discussion about the possible inclusion of Abkhazia and South Ossetia to Russian Federation can also be considered in the context of integration.

The image of the CIS is two-fold: it is interpreted as the post-Soviet space and the “natural” area of Russia’s influence, and as the organization which should contribute to the integration of this space. With years the interest to the CIS was clearly and permanently falling down, with the exception of a short flash of enthusiasm soon after the arrival to power of Vladimir Putin in 2000.

The main argument was inefficiency of this organization which has already played its role on the first years after the collapse of the Soviet Union enabling the “civilized divorce” between its republics. Moreover, many authors were developing the theme about “the loss” of the CIS by Russia: its member states were becoming more autonomous and were strengthening the regime of their boundaries with Russia. They were not its “friends” by definition; their leaders claimed important financial and material resources, political concessions and support in exchange of their “friendship”.

At the same time, the CIS as a space provoked a lot of positive connotations: the authors justified the necessity of integration by plenty of arguments: common cultural values and historical past, Russian language as the natural mean of inter-ethnic communication, family reasons and economic relations and the pattern of communications, etc.

However, in the late 1990s and in **the second period (2001-2004)** a large group of experts were arguing that Russia’s could not afford to subsidize weak and collapsing economies of some CIS countries suffering from political instability and the consequences of civil wars and that the level of their economic development did not allow their full-fledged participation in the post-Soviet integration and criticized Yeltsin’s governments for wasting Russia’s scarce resources without a sufficient pay-off. It led to the elaboration of the concept of multi-speed and multi-level integration: its rates and depth should vary depending on the readiness and the interest of partners.

In the 2000s, after the arrival of Vladimir Putin to power, the situation began to change. The new Russian president tried to switch the relations with CIS countries to a more pragmatic basis, and bargaining with Belorussia becomes tense.

---

²³ Popov F. The evolution of representations about integration processes in the post-Soviet space. *Mir peremen*, 2016, N 1.

The Kremlin was obviously not glad with the declaration of Lukashenka that Belorussia protected Russian borders, hosted Russian military and thus should not pay for gas.

So, the peak of the discourse about the CIS are observed in 2000 when Russia left the Bishkek agreement about the visa-free movement of people between the countries-members and unilaterally established the visa regime with Georgia when it declined Russia's claim to allow its troops from the Russian military base in Vaziani near Tbilisi to cross its territory and to attack Chechenian separatists from the south. The official reason was the transparency of the Georgian boundary with Russia for "the diffusion of international terrorism". Russian leadership also blamed Georgia in closing the eyes and even favouring the existence of Chechenian separatists' field camps on its territory, in the valley of Pankisi bordering with Chechnya. Another reason of Russia's step was the claim of Georgia to withdraw Russian military bases and the intensifying relations of Tbilisi with NATO.

Another peak of the discourse on the CIS was observed in 2008-2009 after the five days war between Russia and Georgia provoked by the Georgian attempt to seize South Ossetia by military force and firing of Russian peacekeepers. It was reported that Georgian leaders stressed the total domination of Russia in the CIS, opposed it to NATO and called its partners in GUAM to increase its activity.

In **the third period (2008-2012)** the relations with CIS countries depending on their readiness to foster integration processes under the auspices of Russia as the largest and economically the most powerful country in the post-Soviet space became even more selective and symbolized the efficiency of foreign policy. It is clearly manifested in bilateral relations of Russia with former republics, the composition of political and economic unions created in the post-Soviet space and in the regime of boundaries. Later the most advanced among them, the Customs' Union of the Eurasian Economic Union (EEU) founded by Russia, Belorussia and Kazakhstan now comprises also Armenia and Kirgizia. These countries removed from their boundaries customs barriers (with some exceptions). On 29 May 2014 the heads of three founding states signed the treaty about the formal creation of the EEU since 1 January 2015. This treaty guarantees according to the rules of WTO the free market of goods, services, capitals and labour force. They also engaged in coordinating their policy in the key branches of economy. Armenia and Kirgizia joined the EEU in 2015; Tajikistan declared its interest to follow them. All these countries are members of the Organization of the Treaty on Collective Security.

At the same time, Georgia (since the "rose revolution" in Georgia in 2004) and Ukraine (under President Yushchenko and especially since the coup in February 2014) are considered as enemies, while Moldova, Azerbaijan and Uzbekistan are in an intermediate position. Despite of a certain warming of bilateral relations with Georgia after the departure of Mikhail Saakashvili from the post of President, Russia since 2008 does not have diplomatic relations with it. The most spectacular is the radical break of the relations with Ukraine after the annexation of Crimea and the beginning of the civil war in Donbass. In autumn

2015 Russia and Ukraine closed their air space for direct flights connecting their cities and for transit. In March 2015 Ukraine abolished the simplified border regime with Russia and in March 2017 forced out the branches of Russian banks. To avoid the infiltration of Russian military to the area of the hostilities in Donbass Ukrainian authorities forbidden to cross the country's boundary to single Russian male citizens between 16 and 60. Exceptions can be made only to those who submit a paper about the illness or the death of relatives in Ukraine certified by a notary or official invitations. Both sides dislocated military units along the boundary. Cross-border cooperation is stopped.

Before the political crisis of 2013-2014 energy issues remained a major problem in the relations of Russia with Ukraine. They practically always have been a part of agreements' "packages". Moscow blamed Ukraine in regular non-payments for Russian supplies of gas and oil and in illegal withdrawal of has from transit pipelines, while Kiev believed that Russia cherished imperial ambitions and was interested in weakening Ukraine via unjustified prices for energy and stressed its intention to get rid from a unilateral dependence on Russian hydrocarbons. Export pipelines through the Ukrainian territory built in the Soviet time needed expensive works which Ukraine could not afford but it declined the suggestions of the Russian side to create an international consortium for running them because of its existential fears to loose national sovereignty. It rejected the projects of economic integration under Russian auspices and refused to remove border barriers. The main argument was that integration *does not match the interests of the Ukrainian people because the country has a neutral status and has to communicate with both East and West*. Ukrainian official and experts stated on the pages of *Nezavisimaya Gazeta* that *tough policy of Russia pushed Ukraine to look for other economic and political partners*.

Energy problems – oil and gas prices closely related with the tariffs for transit by pipelines crossing the territories of Ukraine, Belorussia and the countries of Central Europe - played an important role in the processes of bordering in the post-Soviet and European space. *Nezavisimaya Gazeta* stressed that Russia was interested in diminishing the barriers along its borders via the creation of "the single energy space" with Ukraine, Belorussia, Kazakhstan and Turkmenia. It supposed the same level of transit fees, the simplification of customs procedures and the integrated balance of energy for all five states. Pipelines are an element of national security and a basis of integration. But it was noticed that the leaders of CIS countries considered quite cautiously even mutually beneficial ideas and projects which could limit their sovereignty in the economic field.

One third of publications in *Nezavisimaya Gazeta* on energy issues is devoted to Belorussia. "Particular relations" with it in 1994-2000 were appreciated by the Russian side to a great extent because of its reputation as a reliable transit partner, unlike Ukraine. Moscow considered financial and technical possibilities to redirect transit flows via Belorussia. The Belorussian leadership widely exploited the interest of Russia in transit for getting financial assistance, profiting of Russian

domestic prices for energy resources despite of non-payments and of other privileges.

In the fourth period (since late 2013) the discourse on post-Soviet integration has significantly changed. In the 1990s it was interpreted mainly as a natural regional process of re-integration of the countries which have been for decades and even for centuries part of the single state, it is more or more considered at the global scale, through the lenses of the opposition of Russia to the West and the creation in the post-Soviet space of a renewed geopolitical pole in the multi-polar world under the leadership of Russia, as an embodiment of the Eurasian civilization having a number of important specific features. This change is related with the gradual aggravation of the alternative faced by a number of CIS countries: either the participation in Eurasian integration or the association with the EU, the rapprochement and the membership in NATO²⁴.

Alternative discourses. The attitude to Eurasian integration of communist “Sovetskaya Rossia”, nationalist “Zavtra” and governmental “Rossiiskaya Gazeta” has always been very similar and rather positive. Communist and nationalist authors widely used the concept of Eurasianism, updated and considerably modified by a number of philosophers like Alexander Dugin or Alexander Panarin, as a historical and ideological basis of integration. Another theme concerned the priority of the CIS as a geographical area in Russian foreign policy.

The difference between the left and the nationalist-imperial discourses was in the emotional accents and the dichotomy “us” and “them” which determined the opposition between “our” and “their” integration. For “Zavtra” and “Sovetskaya Rossia” the West is not simply a geopolitical rival but the incarnation of global Evil. Quite in the logic of the zero-sum game, in all newspapers the discourse on post-Soviet integration with time is more and more closely considered in the lenses of the opposition of Russia to the West and the creation in the post-Soviet space of a renewed geopolitical pole in the multi-polar world. “Sovetskaya Rossia” depicts post-Soviet integration as a partial restoration of the USSR and the disappearance of “artificial” borders separating “brother” republics. For “Zavtra”, the most important is Russian “greatpowerness”, the recreation of a power able to counterbalance the liberal West. “Rossiiskaya Gazeta” represents this integration as an intrinsic element of foreign policy and a reaction to similar processes in the West. As regards *Novaya Gazeta*, it considers Eurasian integration rather skeptically and often with irony.

---

²⁴ Popov F. The evolution of representations about integration processes in the post-Soviet space. *Mir peremen*, 2016, N 1.

Conclusion

An analysis of Russian political discourse in the early 1990s-2014 showed, firstly, that its main issues remain the same. Russian world geopolitical vision is determined by the relations with post-Soviet countries and the interpretation of Soviet/imperial legacy, on the one hand, and the attitude to the collective “West” (NATO and the EU), on the other hand. These two major themes are divided into few topics which always are in the focus of political debates: sovereignty and territorial integrity, the creation of the multi-polar world, enlargement of NATO, politics toward compatriots and the “Russian world”, immigration, etc. Secondly, Russian political discourse underwent radical transformations because of the deterioration of relations with the West, progress in Eurasian integration and the re-orientation to the east, i.e. the growing role of interactions with China and other countries of the Asian-Pacific realm. These shifts accelerated since the beginning of the political crisis in Ukraine and the annexation of Crimea and are a manifestation of a more general and fundamental geopolitical shifts: the changing balance between world major geopolitical actors and political alliances that they are leading, the destruction of the statehood in a number of the Middle East countries, international terrorism, the crisis of the EU and the very model of European democracy provoked in particular by the inflow of migrants from this region, a further fragmentation of the world geopolitical space, etc. It is clear that the process of globalisation underpinning geopolitical shifts is far from being linear and becomes more unstable and turbulent.

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПРОСТРАНСТВА, ЭВОЛЮЦИЯ
ГЕОКОНЦЕПТА**

А. Druzhinin

**MODERN EURASIA:
GEO-SPATIAL TRANSFORMATION AND THE EVOLUTION OF
GEO-CONCEPT**

Аннотация. Охарактеризован исторический контекст формирования и развития геоконцепта «Евразия», высвечен общественно-географический аспект доктрины «евразийства» (рассматриваемой в качестве доминантной интеграционной и, одновременно, структурирующей, организующей геопространство идеи), показана сопряжённость её актуализации с распадом СССР и последовавшими за этим геополитическими и геоэкономическими изменениями. Акцентируется, что под влиянием интеграционно-дезинтеграционных процессов и растущего воздействия внешних (в том числе и глобалистских) сил преимущественное доминирование на евразийском пространстве единой центрo-периферийной системы в последние два десятилетия последовательно замещалось фактическим многообразием зачастую альтернативных интеграционных форматов. Показано, что, обретя «многополюсность», современная Евразия продолжает и далее расширять свой геопространственный контур, а сама «евразийская идея» (зародившаяся первоначально как сугубо российский интеллектуальный проект) – всё в большей мере интернационализируется. Проанализированы возможности и риски имплементации концепта «Большой Евразии».

Ключевые слова. Евразия, евразийство, евразийская интеграция, «Большая Евразия», геополитика, геоэкономика, общественная география.

Abstract. The historical context of the formation and development of "Eurasia" Geo-Concept is described; the socio-geographical aspect of the "Eurasianism" doctrine (which is considered as the dominant idea integrating and, simultaneously, structuring, organizing geospace) is highlighted. Its actualization is shown to be in conjugacy with the collapse of the Soviet Union and the further geopolitical and geo-economic changes. It is accented that the influence of integration and disintegration processes and the growing impact of foreign forces (including globalist ones) caused the replacement of dominating unified center-periphery system in the Eurasian space with the actual variety of integration formats (often alternative) in the last two decades. It is shown that, having found its

multipolar structure, modern Eurasia continues to expand its geospatial contour, and the "Eurasian idea" it (originally conceived as a purely Russian intellectual project) is increasingly internationalizing. The article analyzes the opportunities and risks of the implementation of the "Greater Eurasia" concept.

Key words. Eurasia, Eurasianism, Eurasian integration, "Greater Eurasia", geopolitics, geo-economics, Human geography.

Введение. Последние три-четыре года оказались для постсоветского и в целом евразийского пространства во многом переломными, насыщенными знаковыми (и значимыми) событиями. Опережающий рост экономики КНР (государства, всё более «выходящего из тени» [54]) ощутимо изменил геоэкономический баланс ведущих мировых «центров силы»: по совокупному объёму ВВП (рассчитанному по паритету покупательной способности) Китай в 2014 году превзошёл США, а в 2015 – и Европейский союз; меняющееся в Евразии соотношение сил инициировало глубинные геоэкономические и геополитические подвижки. Их зримым проявлением явились, в частности, разразившийся зимой-весной 2014-го «украинский кризис», а также масштабное военно-политическое противостояние в Сирии, обнажившие наметившуюся ранее и всё углубляющуюся «размолвку» России и Запада, растущую активность региональных «центров силы». Параллельно усилилась политическая турбулентность в Турецкой Республике, приведшая как к острому (с ноября 2015 г.) «семимесячному» кризису в турецко-российских отношениях, так и к недавней (июль 2016 г.) неудавшейся попытке военного переворота в Анкаре и Стамбуле. На этом фоне активизировались интеграционные процессы (с 1 января 2015 года «стартовал» Евразийский экономический союз, знаменуя собой новую стадию и форму институционализации постсоветского пространства; началось активное продвижение проекта «Один пояс – один путь» со стороны Китая), а сама *евразийская идея* (ранее почти маргинальная, зачастую воспринимавшаяся как «мнимость» [38], культивируемая сравнительно немногочисленной группой российских интеллектуалов, десятилетиями пребывавшая на периферии научного, в том числе и общественно-географического дискурса) – оказалась востребована, стала расширять своё присутствие в ментальном пространстве, интернационализироваться, обретая качество одного из базовых ориентиров геостратегии, в том числе и за пределами самой России. Цель данного исследования – фокусируя внимание на сущностных чертах геоконцепта «Евразия», осветить тренд его эволюции, показать сопряжённость развития представлений о «Евразии» («евразийском пространстве») с геополитическими и геоэкономическими изменениями постсоветского периода.

Формирование геоконцепта «Евразия»: истоки, базовые идеи, тренды, общественно-географический контекст. Широко используемое ныне понятие «Евразия» вмещает в себя *двойкий* смысл. Первый,

общегеографический, устойчиво культивируется с середины XIX (начиная с работ А. фон Гумбольта [82]) и «Евразия» в этом случае рассматривается как крупнейший и наиболее заселённый материк (36 % территории суши и 70 % населения планеты), то есть некое естественным образом оконтуренное операционное пространство экономических, политических и иных процессов.

С начала 20-х годов прошлого столетия (благодаря трудам Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и др.) геоконцепт «Евразия» обретает и иное, **общественно-географическое** (сфокусированное на геокультурные, геополитические смыслы), содержательное наполнение. Возникло (придав категории «Евразия» сохраняющуюся и поныне **биконтентность**) так называемое «евразийство» – сведённые в единый формат представления о России, её территории, истории, этнокультурной специфике, месте и роли в мире.

Евразийские идеи зародились в среде русской эмиграции в период масштабнейшего, судьбоносного для России (страны, чьи границы казались в тот период «естественными», незыблемыми [34, 50], занимавшей к началу Первой Мировой войны почти 41 % площади евразийского материка) политического и социально-экономического «разворота». Их появление – реакция на предшествующую пролонгированную «вестернизацию» Российской Империи, следствие резко проявившейся антитезы «Запад – Восток» (уже с середины XIX столетия доминирующей в европейской общественной мысли [78]), результат развития и переосмысления взглядов «славянофилов» (как констатировал Н.Я. Данилевский, – «Россия больна, болезнь эта привита ей Петром Великим и называется европейничаньем» [16]). «Евразийство» явилось также попыткой сформировать опирающуюся на сущностные характеристики и факторы огромной «континентальной» страны альтернативную (доминирующей в том момент идеологии) доктрину её развития, акцентировать её своеобразие, обосновать целостность.

Основу «евразийства» (*в своих истоках сугубо российского интеллектуального проекта*), его наиболее значимый с точки зрения общественной географии концептуальный фундамент составили следующие положения:

- Признание культурного полицентризма мира, видение «Евразии» как особой (целостной в природно-географическом, историко-культурном, политическом и хозяйственном отношениях и нетождественной ни Европе, ни Азии) части евразийского материка; отождествление «Евразии» с Россией.
- Акцент на синтетической (объединяющей славянские и туранские, тюркские начала [68]) природе русских и, шире, некоем «евразийском интернационализме» и, соответственно, пространственной предопределённости для России выстраивания разноректорных контактов (по мнению П.Н. Савицкого решить свою задачу русская культура может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов, а культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада [62]).

- Учёт специфики экономики «России-Евразии», понимание рисков включения её в «океаническое» мировое хозяйство и необходимости выстраивания «внутриконтинентальных» альянсов и обменов; постулирование важности разумной автаркии, равно как и разнообразия и дивергенции экономических моделей в мировом хозяйстве.

С середины XX века «евразийство» как интеллектуальное течение в силу ряда причин постепенно угасало. На этом фоне сама Россия – СССР, напротив, добилась максимального за всю свою историю влияния в Евразии [66], воспроизводя (и, даже, ещё более рельефно обозначив) свою евразийскую пространственную, этнокультурную и хозяйственную сущность; по целому ряду принципиальных моментов евразийские идеи оказались реализованы фактически. На этом фоне уже непосредственно в Советском Союзе в 1960-80-е гг. взгляды «евразийцев» начали культивироваться и развиваться географом и историком Л.Н. Гумилёвым. Этот тяготевший к профессиональной корпорации географов-обществоведов выдающийся исследователь своими многочисленными фундаментальными трудами существенно скорректировал представления о «Евразии» как специфическом в природном, историческом, этническом и культурном отношении географическом ареале [13, 14], заложив основу последующего (уже в постсоветский период) ренессанса доктрины евразийства. Конструируя мозаику евразийской геоистории и многочисленными аналогиями «сигнализируя» соотечественникам о возросших к последней четверти XX века системных рисках для русского суперэтнуса, Л.Н. Гумилёв в своих последних работах непосредственно указывал на необходимость сохранить целостным всё постсоветское пространство, ибо здесь «народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и, часто, возникающей взаимной симпатией (комплементарностью)» [15]. Предостерегая, что лозунг «жизнь для себя» – это легкий путь в черную гибель [13], Л.Н. Гумилёв неизменно выступал против бездумной и бездуховной вестернизации, справедливо полагая, что европейское преобладание в мире – не путь прогресса, а эпизод. И данный тезис, безусловно, обретает ещё большую актуальность и справедливость в геоэкономике и геополитике XXI века, где всё конкурентно и настолько переменчиво, что уже сам Запад всерьёз озабочен скорой перспективой утраты глобального лидерства [10].

Распад СССР существенно актуализировал евразийскую тематику, способствовал укоренению представлений о «Евразии» в общественном сознании, инкорпорировал данный геоконцепт в язык реальной политики (уже в 1994 г. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев симптоматично декларировал целесообразность евразийской реинтеграции). На этом фоне евразийские идеи начали обретать характер научной моды, в том числе, и в общественной географии.

В конце 1980-х - первой половине 1990-х гг. на евразийстве как «важнейшей и актуальнейшей геополитической концепции для России»

многократно акцентировал внимание С.Б. Лавров [45]. В этот же период, а также в последующие годы, в российской науке предпринимаются попытки сформировать представления о «евразийском социально-экономическом пространстве» [18] и «евразийском культурном ареале» [20]. Концепты евразийства активно применяются в геополитических и геоэкономических построениях [17], в работах по культурной географии [66], становятся предметом теоретического анализа [12], в том числе и специального, сфокусированного [37]. Ситуация, когда литература по евразийству росла (по характеристике В.Л. Каганского [38]) «как снежный ком», тем не менее, разительно контрастировала с геополитическими и, особенно, геоэкономическими реалиями: последовательной интеграцией России в выстраиваемую Западом глобальную систему в качестве её сырьевой периферии-полупериферии на фоне всё более масштабной дезинтеграции на постсоветском пространстве. Как справедливо подмечал Ю.Н. Гладкий – «евразийский регион» стремительно утрачивает свою идентичность [12]. В этих условиях «евразийство» (всё больше воспринимаемое как «концептуализированная мифология российского пространства [38]», некий инвариант интеллектуального «кризисного менеджмента» [46]) постепенно маргинализировалось, утрачивая черты научного «мейнстрима».

Новый «всплеск» интереса к проблематике Евразии в российской общественной географии проявился лишь к концу «нулевых» годов XXI столетия [5, 6, 7, 24, 27, 79 и др.]. Он корреспондировал с возросшей геополитической активностью России, с реализацией конкретных шагов по евразийской реинтеграции, а также с проявившимся (фактически, уже с 2008 года) противостоянием между нашей страной и Западом, чётче оттеняющим (и делимитирующим) «евразийское пространство», рельефнее высвечивающим его специфику, катализирующим и акцентирующим долговременные устойчивые тренды (всё более воспринимаемые как геополитический и геоэкономический «поворот» России [41], индикатор грядущих её позиционных «тектонических сдвигов» [77]).

Радикальные трансформации евразийского пространства в конце XX – начале XXI вв. и становление «многополюсной Евразии». «Россия, – подмечал ещё в 20-е годы XX в. один из основоположников идей «евразийства» П.Н. Савицкий, – занимает основное пространство земель “Евразии”» [62]. В постсоветский период этот тезис активно развивал один из идеологов современного неоевразийства – А.Г. Дугин, провозглашая: «Россия – Heartland, “географическая ось истории”, Суша. Россия есть Евразия» [28, 29].

Социально-экономическая реальность, тем не менее, – крайне нестатична. В последнее время (практически за десять-пятнадцать лет) вся ранее сложившаяся евразийская геоэкономическая, геополитическая конструкция «скукоживается», дезинтегрируется, деградирует и, одновременно, пространственно расширяясь и усложняясь,

реконструируется. Отчасти на «фундаментах» Евразии - Российской Империи, Евразии - СССР, но во многом и вне прямой связи с ними формируется новая, **многополюсная Евразия**. Её «форматирует» уже не только единое государство (группировка, союз государств), но и альтернативные, конкурентные современной российской геополитике и геоэкономике экспансии: европейская (евроатлантическая), китайская, исламская, турецкая [22]. В этих условиях наблюдается **интернационализация евразийского дискурса**, а упрощённое, прямолинейное пространственное отождествление «Евразии» и России (базирующееся на реалиях и образах прошлого) оказывается всё менее корректным, рациональным, прагматичным, оправданным. Ему на смену неизбежно выдвигается более усложнённая (полицентрическая по своей конфигурации) концептуальная модель [24, 27, 79], в которой Россия, Российская Федерация и, даже, локализованный в пределах материка так называемый «Русский мир» (чья трансграничная, глобальная география – итог не только распада СССР, но и многоволнового «выплеска» русской культуры и её носителей за исторические и геополитические рубежи России) – важная, неотъемлемая, но, при этом, лишь часть общей евразийской структуры.

С учётом недавней (всё ещё существенной для настоящего) истории, важнейшими для делимитации «Евразии» выступают два обширнейших культурно-исторических образования: «*Русский мир*» (из 130 млн. русских почти 127 млн. проживают в пределах постсоветского пространства; помимо Российской Федерации, концентрирующей 77,5 % всех русских на планете, весома доля русских в Казахстане, Украине, Эстонии и Латвии) и «*Тюркский мир*», наряду с некоторыми российскими регионами объединяющий шесть «тюркоязычных государств» (из них лишь Турция – вне постсоветского пространства). Конфессиональная специфика этих «миров» порождает взаимное «напластование» ещё двух крайне важных для формирования полиморфной евразийской идентичности систем: *Православия* (за пределами постсоветского пространства оно доминирует в конфессиональной структуре Болгарии, Греции, Македонии, Республики Кипр, Румынии, Сербии и Республики Сербской, а также Черногории) и *Исламской Уммы*, простирающейся от крайнего запада Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР до «собственно европейских», но, тем не менее, преимущественно исламских Албании, Федерации Боснии и Герцеговины, Косово, Турции, Северного Кипра (в последнее время этот перечень можно дополнить целым рядом западноевропейских государств с их сложившимися, растущими, всё более влиятельными мусульманскими общинами).

«Русский мир» является частью другого, ещё более масштабного феномена, выходящего за рамки собственно евразийского пространства – локализованной от Адриатики, Судет и долины Одера до Тихого океана «россыпи» *славянских народов* (в совокупности объединяющих около 300 млн. человек, из которых более 115 проживает на территории РФ, около 40 –

Украины, 37 млн. – Польши). Их лингвистическая общность, подкрепляя иные устойчивые, сложившиеся столетиями культурные взаимозависимости, «приближает» Европу к Евразии; аналогичным «скрепом» между Евразией и Азией выступают Ислам и Буддизм.

«Синтетическая» евразийская культурная сущность столетиями «вызревала» и формировалась в составе Российской Империи – СССР; устойчива она в рамках современной России, в целом сохраняется на подавляющей части остального постсоветского пространства. Именно в этой связи можно вести речь о **«Сердцевинной Евразии»** как о некоей субструктуре, помимо Российской Федерации объединяющей Абхазию, Белоруссию, Украину (за исключением Волыни, Галиции и Закарпатья), Азербайджан, Армению, Грузию, Молдову, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан и Южную Осетию. В той мере, в какой «Сердцевинная Евразия» (те или иные её составляющие) центрирована на России, русской культуре, правомерно говорить о **«Русской Евразии»**, понимая последнюю как вмещённую в евразийский контур общественно-географическую проекцию «Русского мира».

Что касается более широкого по своему охвату **«евразийского пространства»** или **«Собственно Евразии»**, то наряду с государствами «Сердцевинной Евразии», а также Турецкой Республикой («наследницей» месторазвития Византии, преемницей Османской Империи), в эту категорию, как видится, также правомерно включить Болгарию, Грецию, Македонию, Республику Кипр, Румынию, Албанию, Сербию, Республику Сербскую и Федерацию Боснии и Герцеговины, т.е., евразийские по своей культурно-географической сути страны, в различной степени имплантированные в структуры «Европы» и образующие, при этом, её «евразийский сегмент».

К государствам, входящим в «евразийское пространство» частью своих территорий можно отнести Китайскую Народную Республику (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Иран (провинции «Западный Азербайджан», «Восточный Азербайджан», а также «Голестан»), Афганистан (северные территории, населённые узбеками и туркменами) и, наконец, Монголию (аймак Баян-Углий).

Значительно число стран, в прошлом входивших в состав евразийских государств (и созданных ими политических объединений), испытавших, соответственно, их секторальное культурное влияние. В эту когорту следует (с известной долей условности) включить КНР (в первые годы своего становления осуществившую существенные технологические и культурные заимствования у Советского Союза), КНДР (здесь «советская составляющая» в культурном комплексе ещё более укоренена), а также всю Монголию и Вьетнам. Аналогичным позиционированием (по отношению к Евразии) характеризуется Финляндия, страны Балтии, Польша, Чехия, Словакия и, отчасти, восток ФРГ (территории бывшей ГДР). Параллельно, «генетическую память» о нахождении в составе Османской Империи отчасти продолжают

сохранять Египет, Сирия, Ирак, а также арабские монархии (некоторые из них, в частности Катар, ОАЭ и, особенно, Саудовская Аравия, в силу резко возросшего социально-экономического потенциала и «фактора Ислама» обретают всё большую значимость в качестве аттракторов для государств евразийского пространства).

Переход к многополюсности, как это ни парадоксально, ведёт к «сжатию» русской Евразии и, параллельно, воссозданию дезинтегрированной (после советско-китайской «размолвки» конца 1950-х гг. и, главное, распада СССР) евразийской целостности как бы «над Россией», а в целом ряде ситуаций и «вне её».

Евразийская интеграция: основные форматы и итоги. Важнейшей составляющей постсоветского «переформатирования» евразийского пространства стали присущие ему разноплановые (и разновекторные) интеграционно-деинтеграционные процессы и проекты. Некоторые из них, например, СНГ и ОДКБ возникли сразу же после распада СССР, являя попытку сохранить некую институциональную «рамку» былой общесоюзной целостности, начавшей стремительно разрушаться на свои страновые фрагменты. Иные (наподобие Международной организации тюркской культуры, куда с 1993 г., кстати, входят и отдельные субъекты Российской Федерации: Республика Алтай, Башкортостан, Хакассия, Саха-Якутия, Татарстан и Тыва) оказались созданы спустя непродолжительное время благодаря возросшей активности в Евразии иных «центров силы». Одновременно, существенно усилилось на «шахматной доске Евразии» (по З. Бжезинскому [8]) присутствие евроатлантических государств: в 1994-95 гг. партнёрами НАТО «ради мира» становятся все без исключения новые независимые государства (включая Россию, лишь в 2014 г. приостановившей своё участие в данной программе).

Стремительная *«вестернизация» Евразии* (в том числе и вхождение в структуры ЕС и НАТО Латвии, Литвы и Эстонии) придало новый импульс геополитическому размежеванию, формированию (параллельно аморфной структуре СНГ) новых мини-объединений, наподобие ГУАМ и Союзного государства России и Белоруссии, оформившихся к концу 1990-х годов. Примерно в этот же период (с 2001 г.) пространственные рамки евразийского межстранового диалога существенно раздвигаются (и «смещаются» на восток) созданием ШОС; практически одновременно «стартует» (по инициативе России) и ещё один интеграционный проект – «Евразийское экономическое сообщество».

В итоге, всего за десятилетие, *преимущественное доминирование на евразийском пространстве единой центрo-периферийной системы сменилось фактическим многообразием зачастую альтернативных интеграционных форматов*. Их пульсирующая активность и возрастающая конкуренция инициировали дезинтеграционные процессы, сепаратизм, трансформацию идентичностей, национализм. На фоне конструирования

относительно устойчивых (и, в то же время, ситуационно конъюнктурных) геостратегических группировок и альянсов, практически повсеместно проявились черты *полизависимости*[26] стран и регионов Евразии. Насущная потребность в мновекторном развитии, при этом, стала реализовываться в стремлении евразийских государств участвовать в максимально возможном числе интеграционных проектов. Принцип приоритетного противодействия географически наиболее «близкому» интегрирующему Евразию «центру силы» при одномоментной опоре на «внешних» (по отношению к Евразии) геополитических акторов оказался, при этом, преобладающим.

Активнейшие и архиважные для евразийского пространства интеграционно-деинтеграционные процессы в постсоветский период протекали и в полосе европейско-евразийского контакта (размежевания), определяемой как «Европейский перешеек между Балтийским и Черными морями»[84], «Великий Восточный перешеек»[81], «Балто-Черноморье»[36]. Впрочем, по отношению к Евразии «лимитрофными чертами», по сути, в настоящее время обладает и весь метарегион «Восточная Европа» (возникший как политическая и историческая данность только столетие назад) [49]; аналогично положение и родственного ему конструкта – «Центрально-Восточная Европа»[53], сформированного уже в геополитическом контексте 1990-х годов. Именно в этот период в евразийско-европейском «междумирье» приверженность «общеевропейским ценностям» стала восприниматься как некий императив, лицензия на власть и «символ веры», а само понятие «Европа» усилило своё ценностное, статусное звучание и, распространившись не только на страны Балтии, но и на Молдову, Украину, Беларусь, стало (избирательно, конъюнктурно) применяться также по отношению к ряду государств Закавказья и Ближнего Востока. Геокультурные границы, впрочем, не только изменчивы, но и стабильны. Не зря ещё два десятилетия тому назад С. Хантингтон констатировал, что собственно «Европа» заканчивается там, где начинаются Ислам и Православие [72]. Продвигая свои рубежи на восток, «Европа», не столько возвысилась, сколь обрела большую геотноткультурную аморфность, неустойчивость. Как подмечает Дж. Фридман, «от Польши до Румынии распространяется разочарование в НАТО и в ЕС, но, что еще более важно, растет неуверенность в будущем» [70].

Утверждая свою доминанту в «Евразии», «Европа» сама всё в возрастающей мере являет «евразийские» черты (на что справедливо обращает внимание, в частности, А.Г. Дугин [30]); это, разумеется, не только результат последних двух с половиной десятилетий, но и итог «советского периода» в развитии ряда центрально- и восточно-европейских государств, следствие более глубоких пластов геокультурной истории. Европейско-евроазиатская «граница», в итоге, оказалась не только ещё более «размытой», но и захватила обширные массивы евразийского материка, «вклинилась» в его глубинные территории, усилив изначально имевшую место

неопределённость лимитрофа «Евразии» (включая и её вынесенный на юго-запад сегмент – Западные Балканы).

Со второй половины «нулевых» годов Россия, ставшая, к тому моменту, фактически, не только сырьевой периферией Запада, но и значимым фокусом генерирования, аккумуляирования и перераспределения природно-ресурсной ренты (во многом благодаря благоприятной рыночной конъюнктуре предшествующего десятилетия), демонстрирует большую способность к реальному выстраиванию собственной геоэкономической конструкции. В этой связи усиливается (частично восстанавливается) российское экономическое и культурное присутствие в некоторых государствах Средней Азии, Закавказья. С 2010 года (с момента действия Таможенного союза) возросла степень сопряжённости российской, казахстанской и белорусской экономик. Интеграционные процессы в хозяйственной сфере подкрепил «стартовавший» в 2015 г. «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС); уже в первый год своего существования он наглядно продемонстрировал повышенную комплементарность экономик вошедших в данное объединение стран. Характерно, что если в 2015 году общий объём внешней торговли России (в долларовом эквиваленте) составил лишь 67,4 % от аналогичного показателя 2014 года, то со странами ЕАЭС снижение оказалось не столь интенсивным (85,8 %); суммарная доля Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии в структуре внешнеторгового оборота Российской Федерации, в итоге, выросла за год с 6,9 до 8,4 %.

Конструкт ЕАЭС, тем не менее, маломощен (на фоне глобальных экономических партнёрств), охватывает лишь часть всей «палитры» евразийского пространства и, к тому же, весьма асимметричен и хрупок. Важно, при этом, учитывать, что большинство локализованных на южных рубежах России постсоветских государств – экономически слабы, нуждаются в постоянной бюджетной «подпитке», инвестициях, а реальных возможностей для этого у РФ в кратко- и среднесрочной перспективе практически нет. При этом ресурсов для «обустройства» сопредельного евразийского пространства и, в первую очередь, стран Средней Азии (разумеется, по собственным геоэкономическим и геополитическим «лекалам») – всё больше у Китая; отнюдь не снижается и потенциал «мягкой» и прочей силы «коллективного Запада»; дополнительные возможности обретает Иран; не отказывается от своих евразийских векторов и долгосрочных интересов (включая консолидацию «Турецкого мира» – *Türk Dünyası*) и Турция.

Выстраиваемый Россией экономический союз в ситуации обретшего новый динамизм «переформатирования» Евразии оказывается, в итоге, только одной из нескольких (причём, не самых «масштабных», привлекательных) форм хозяйственной интеграции. Лишь обозначая центрированный на Россию евразийский вектор, несколько нейтрализуя влияние факторов дезинтеграции и, отчасти, стабилизируя социально-экономическую ситуацию в сопредельных с РФ странах, ЕАЭС, в то же

время, как видится, вряд ли окажется устойчив, долговечен без реальной модернизации российской экономики и чётко прочерченного (хотя бы на стратегическую перспективу) политического контура (например, в формате «Евразийской конфедерации»).

Геоконцепт «Большой Евразии»: новые возможности и риски. Масштабная и скоординированная попытка реализовать «евроцентрированную» («вестернизированную») модель организации евразийского пространства (в формате «Большой Европы») предпринималась весь постсоветский период. Вследствие кризиса на Украине, лавиной нарастающих проблем внутри ЕС (Brexit, беженцы, углубляющийся кризис стран и регионов европейской периферии) и, главное, ощутимого смещения глобального баланса сил в пользу азиатских стран (в первую очередь Китая) она во всё в возрастающей мере терпит фиаско.

И демографически, и экономически, КНР ныне – ведущая держава. Она полномасштабно интегрирована в мирохозяйственные процессы, ориентирована на традиционных глобальных лидеров, и «евразийское» направление геоэкономической активности пока для неё – второстепенное (на все постсоветские страны приходится лишь 3,1 % китайского импорта и 2,5 % всего экспорта из Китая, тогда как только на США и Японию суммарно – 17 и 24 % соответственно). Реализуя свой, фактически, глобальный геоэкономический проект, «Срединное государство», тем не менее, всё больше «разворачивается» непосредственно к «Евразии». Китай уже доминирует на рынках Пакистана, Таджикистана, Киргизии, Ирана, Монголии и имеет устойчивые интересы в России, Индии, странах Персидского залива; растёт трансконтинентальный транзит; реализуются крупные инфраструктурные проекты. Сформулированная Председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года концепция «Один пояс и один путь», является, в этой связи, знаковой и, по сути, общеевразийской, знаменующей собой перспективу новой реконфигурации геоэкономического (а, соответственно, и геополитического) ландшафта Евразии.

В складывающемся контексте постсоветские и сопредельные с ними государства вынуждены всё в большей мере балансировать между двумя глобальными «центрами силы». Краеугольный в доктрине евразийства позиционный принцип «ни Европа, ни Азия» в этой ситуации вновь сполна актуализирован, обретая практическую значимость (и востребованность) на обширнейшем (и очень разнородном в природном, социально-экономическом и этнокультурном отношении) пространстве от Баня-Луки до Алма-Аты и от Мурманска до Эр-Рияда и Карачи. Возвышение в Евразии нового крупного геостратегического «игрока» расширяет возможности стран и регионов выстраивать многовекторные геоэкономические и геополитические связи, а новая транспортно-логистическая инфраструктура – наращивать «внутриконтинентальные» экономические обмены. И это тоже своеобразная практическая аппликация «евразийства», доктрины, в новом контексте

видоизменяющейся, обретающей свой всё более расширенный геопропространственный формат. В этой связи идея «большого Евразийского партнёрства» или «большой Евразии» (озвученная В.В. Путиным в его выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июля 2016 года) – вполне конструктивна и своевременна. С одной стороны, это попытка (в русле и логике традиционных «евразийских» подходов) обозначить расширенный контур сферы геостратегических интересов России, с другой – «встроиться» в новый, инициированный динамикой Китая «глобально-континентальный» интеграционный проект.

Несмотря на активнейшую поддержку и ширящуюся содержательную проработку идеи **«Большой Евразии»** российским экспертным сообществом [31, 40 и др.], *контуры данного геостратегического проекта, тем не менее, пока нечётки, а перспектива – неявна.* Он знаменует, пожалуй, ведущий, но не единственный глобальный геостратегический тренд и, в этой связи, неизбежно будет не только конкурировать с «Большой Европой» (и в целом реализуемым Западом глобалистским проектом), но и противостоять гипотетической перспективе «раздела» евразийской «периферии-полупериферии» на сферы (сектора) ответственности (влияния).

Не до конца также осмыслены (и оценены) экономические эффекты «большой» евразийской интеграции, её геополитические и геокультурные последствия. Даже концептуально не прочерчены пространственные границы предлагаемого мега-объединения. Очевидно лишь, что оно существенно выйдет за рамки «Евразии» не только в традиционном (Российская Империя - СССР), но и в современном, расширительном, «многополюсном» её представлении. Замечу также, что «Большая Евразия» (как общеконтинентальная структура) уже не может быть сведена ни к ареалу локализации какого-либо (например, русского, российского) суперэтноса, ни, даже, к пространству соразвития «евразийских этносов» (существенно более масштабному, чем постсоветское). В своей основе это – **межцивилизационное образование**, аморфная и неустойчивая совокупность макрорегионов и государств, формируемая временно установившимся геополитическим балансом и конъюнктурными (также недолговечными) геоэкономическими «скрепами». При этом для России (и выстраиваемого нашей страной собственного «евразийского проекта») существуют риски не только оказаться на периферии «большой» евразийской интеграции, но и в существенной мере «раствориться» в «Большой Евразии», в её фрагментированном (в культурном, этноконфессиональном отношении) и асимметричном (экономически и социально-демографически) пространстве. В этой связи сложно не согласиться с точкой зрения, что «Россия может оказаться в числе бенефициаров становления Большой Евразии. В то же время существует вероятность оказаться в этом процессе основным магнитом рисков и угроз» [31]. Полагаю, в этой связи, что любая евразийская интеграция должна укреплять Россию, а не способствовать её эрозии.

Участвуя в конструировании «Большой Евразии», столь же приоритетное внимание, в этой связи, России необходимо уделять уже сложившимся интеграционным объединениям – Союзному государству, ОДКБ, Евразийскому экономическому союзу.

Одна из важнейших предпосылок становления «Большой Евразии» – усиление полупериферийных и периферийных держав [31] и в этой связи В.Л. Каганский был прав, рассматривая «евразийство» как «идеологию бунта объединяющейся периферии в субпланетарном масштабе» [38]. В ситуации фактического многообразия, уникальности представленных на материке страновых и региональных моделей социально-культурной, этноконфессиональной и политико-экономической динамики – формат «Большой Евразии» позволит охватить (и объединить) как собственно евразийские (по позиционированию, истории, культуре), так и иные территории, чьё влияние на евразийские процессы либо уже чрезвычайно существенно (например, Европейского Союза, КНР, ряда арабских государств), либо способно возрасти в перспективе (Ирана, а также Пакистана, Индии, других стран Южной и Юго-Восточной Азии). «Большой евразийский проект», при этом, неверно мыслить (и выстраивать) как некий очерченный рамками евразийского материка (либо, несколько шире) аналог глобализации («субглобализации»), либо как смену доминанты Запада на геополитическую и геоэкономическую модель, центрированную на Китае (или блоке «Китай-Россия»). Новая *«евразийская комплементарность»* (как антитеза навязывания обширнейшим пространствам Евразии конфронтационных сценариев) должна базироваться на сочетании эффективной взаимодополняемости экономик с их рациональной автаркией (на различных пространственных уровнях - от межрегиональных производственных комплексов до сложившихся интеграционных объединений государств).

Важно также понимать, что для России (даже после геополитической катастрофы 1991 года занимающей почти 32 % площади евразийского материка) в концепте Евразии, «евразийской интеграции» – существенен не только **внешний** (межстрановой), но и **внутренний** (межрегиональный, межэтнический, межкультурный) аспект, предполагающий неизбежную фокусировку на территориальную организацию собственно Российской Федерации, равно как и необходимое смещение акцентов в её региональной политике.

Реализация «евразийского вектора» России связана, в частности, с более рельефной «прорисовкой» в её территориальной структуре *меридиональных геостратегических «осей»*: «Российское Причерноморье – Турция – Египет», «Север Прикаспия – Азербайджан – Иран», «Урал, Западная Сибирь – Средняя Азия – Пакистан – Индия», «Восточная Сибирь, Тихоокеанская Россия – Китай, другие страны АТР». Геостратегический разворот России к «юго-востоку» способен воплотиться также в формировании *«евразийских регионов»* (генерируемых активизацией

трансграничных и трансакваториальных взаимосвязей и локализованных в российском порубежье; предпосылки для их функционирования уже имеются в Причерноморье, на Алтае, на российском Дальнем Востоке), равно как и приуроченных к ним, а также (в ряде случаев) вынесенных на сотни километров от государственной границы вглубь страны **«евразийских фасадов»** (в том числе по-новому позиционированных недавними мегасобытиями, «подновлённых» инфраструктурно и экономически – Владивосток, Казань, Сочи, Уфа, Грозный); наряду с ними **евразийскими общественно-географическими «скрепами»** призваны стать порождённые общей геоисторией объекты совместного культурно-исторического наследия, регионы, локалитеты компактного проживания тех или иных этносов, этнических диаспор.

Заключение. Последние десятилетия ознаменованы масштабными изменениями на всём евразийском пространстве, которое обретает всё более усложнённую (многополюсную) структуру и «размытую» конфигурацию; динамика его компонент (стран и регионов), демонстрируя возрастающую сопряжённость, одновременно, оказывается всё менее предсказуемой, зависимой от технико-технологических, экономико-институциональных, геополитических, социокультурных и этнодемографических факторов, вызовов, инноваций. На этом фоне (в хитросплетении интеграционно-дезинтеграционных векторов) деградируют былые и формируются новые «центры силы» и геостратегические альянсы. Сам же геоконцепт «Евразии» (предложенный русскими историками, географами, экономистами философами столетие назад) с одной стороны являет всё возрастающую популярность, с другой – содержательно видоизменяется, эволюционируя от былого принципата России к полицентричности, многовекторности и многообразию трансграничных контактно-барьерных эффектов, от характерного ранее акцента на этнокультурном своеобразии очерчиваемых им территорий – к высвечиванию ареала интенсивных трансграничных, трансконтинентальных геокультурных, геоэкономических, геополитических трансформаций и взаимодействий. При этом и в условиях недолговечного абсолюта *Rex Americana*, и во всё более различимой новой многополюсности миропорядка, «евразийскость» продолжает устойчиво воспроизводить свою ипостась **доминантной геокультурной интеграционной и, одновременно, структурирующей, организующей пространство идеи**. Всё заметнее воплощает она и столь желаемый многими на просторах Евразии (сколь и практически сложно реализуемый!) геополитический и геоэкономический императив **многовекторного развития** (а на этой основе и возможности самосохранения, воспроизводства этнокультурных и хозяйственных комплексов, политических систем и юрисдикций), **равноудалённости** от доминирующих «центров силы», обеспечения государственного суверенитета (хотя бы частичного, фрагментарного) в расширяющемся ареале мирохозяйственного «передела» и сопутствующих ему геокультурных

трансформаций. Сам евразийский дискурс, его интернационализация и возросшая тональность, выступают, в этой связи, чуткими симптомами нарастающей геостратегической неопределённости, предтечей (и, одновременно, следствием) масштабных позиционных, структурных и иных изменений не только для России, но и для всех без исключения государств Евразии.

Conclusion. The last decades were marked by large-scale changes across all the Eurasian space which is becoming more complex (multipolar) structure and "fuzzy" configuration. The dynamics of its components (countries and regions), demonstrating the increasing conjugation, simultaneously becomes less predictable, dependent on technical and technological, economic and institutional, geopolitical, socio-cultural and ethnodemographic factors, challenges and innovations. Against this background (in the intricacies of integration-disintegration vectors) the past "centers of power" and geostrategic alliances degrade and new ones are to be formed. On the one hand, the geo-concept of "Eurasia" itself (proposed a century ago) performs its growing popularity. On the other hand, this concept changes substantially, evolving from the old principality of Russia in the polycentric, multidirectional development and diversity of cross-border contact-barrier effects, as well as from the previously typical emphasis on ethno-cultural originality of its areas – to the highlighting of the area of intensive cross-border, transcontinental geo-cultural, geo-economic and geopolitical transformations and interactions. At the same time, in both conditions of the short-lived absolute of PaxAmericana and the increasingly visible new multipolarity of the world order, the "Eurasianism" continues to produce sustainably its subsistent role of the dominant geo-cultural integrational idea, which at the same time structures and organizes the space. Also this idea increasingly embodies the geopolitical and geo-economic imperative of multi-vector development (so desired by many in Eurasia, but at the same time too complex to be implemented practically!). This imperative of multi-vector development could be the basis and the possibility for self-preservation and reproduction of ethnic, cultural, economic and political systems and jurisdictions. The same is for the imperative of equidistance from the dominant "power centers" ("neither the West nor the East, neither Europe – neither Asia"), providing the state sovereignty (even when it is implemented partial, fragmentary) in the expanding area of world economic "redistribution" and its attendant geo-cultural transformations. In this respect, the Eurasian discourse as it is, as well as its internationalization and increased tonality appear to be the strict symptoms of the growing geo-strategic uncertainty, the forerunner (and at the same time the consequence) of large-scale positional, structural and other changes not only for Russia, but for all of the Eurasian States without exception.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 15-07-00016 «Российско-турецкое взаимодействие в евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте и его проекция на социально-экономическое развитие регионов Юга России».

Литература

1. Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998
2. Андреев А.Л. Европа или Евразия? Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 10. С. 913-917.
3. Барабанов О. Саммит «Большой двадцатки»: китайское лидерство и Большая Евразия [Электронное издание]
<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sammit-bolshoy-dvadsatki-kitayskoe-liderstvo/> (Дата доступа - 12.09.2016).
4. Байфорд Э. Евразия, пришедшая в движение // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 317-322.
5. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
6. Безруков Л.А. Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. № 4. С. 12-24.
7. Безруков Л.А. Трансиб и Шёлковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие //ЭКО. 2016. 7 (505). С.21-36.
8. Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998.
9. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М.: Аграф, 1997.
10. Брюне Антуан, Гишар Жан-Поль. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения : пер. с фр. / Гишар Жан-Поль, Брюне Антуан. – М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.
11. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. — Симферополь, 1881.
12. Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.
13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
14. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
15. Гумилев Л. Заметки последнего евразийца // Наше наследие, 1991, № 3. С. 14 – 25.
16. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. / Предисловие Н. Н. Страхова; статья К. Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А. А. Галактионова. – СПб. Издательство СПбГУ. Издательство «Глаголь», 1995. – 552 с/

17. Дергачев В. А. Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное из-дание на CD + Интернет-гиперссылки) — Издательский проект профессора Дергачева, 2011.
18. Дмитриевский Ю.Д. Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32 – 36.
19. Дружинин А.Г., Суций С.Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия русского географического общества. Т.125. Вып.6, 1993.
20. Дружинин А.Г. Русский регионализм - явление в контексте геотнoкультуроге́неза // Научная мысль Кавказа. 1996, № 1. С. 3 – 10.
21. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
22. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2009. 288 с.
23. Дружинин А.Г. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л.Н. Гумилёва // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л.Н. Гумилёва. 2012. С. 51 – 57.
24. Дружинин А.Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2013. – № 2. – С. 25 – 36.
25. Дружинин А.Г., Ибрагимов А., Башекан А. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78-87.
26. Дружинин А.Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29-40.
27. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа : монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 228 с.
28. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
29. Дугин А.Г. Основы геополитики. М. 1997.
30. Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М. Алгоритм. 2014. 256 с.
31. Ефременко Д. Рождение большой Евразии [Электронное издание] <http://svop.ru/main/22210/> (Дата доступа - 13.12.2016).
32. Замятин Д.Н. Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И.И. Митин; Сост. Д.Н. Замятин, И.И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 339-377.

33. Ибрагимов А. Евразийская идея в Турции: особенности и тенденции // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015, № 2 (11). С. 18-27.
34. Иванов Г.И. Картины России по географическим областям. Петроград, 1917. 115 с.
35. Ильин И.А. О России. Три речи. 1926-1933. София. Изд. «За Россию». 1934. 78с.
36. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81-97.
37. Каганский В.Л. Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. – М.: Наука, 2004. С. 201–216. (Цивилизации; Вып. 6).
38. Каганский В.Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И.Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007, с. 531–590.
39. Каледин Н.В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 32-42
40. Караганов С. С Востока на Запад или Большая Евразия // Российская газета - Федеральный выпуск №7109 (241)
41. Караганов С., Макаров И. Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] <http://svop.ru/main/14175/> (Дата доступа – 06.02.2015).
42. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 т. М. 1993.
43. Колосов В.А. Зотова М.В., Вендина О.И., Себенцов Л.Б. Российское приграничье: современные вызовы и подходы к изучению// Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс». 2016. С.234-256.
44. Красавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Петроград, 1922.
45. Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
46. Лерсарян Т. Бескрайняя равнина конца времён // Отечественные записки. 2002. № 3 (4)
47. Лукьянов Ф. Другая Европа и другая Евразия // Газета Ру. 11.12.2014.
48. Мартынов В.Л., Сазонова Е.И. Турция между Западом и Востоком // Известия РГО. 2011. № 3. С. 31-37.
49. Межевич Н. М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26—47.
50. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб. Издание А.С. Суворина. 1907. 157 с.
51. Мироненко Н.С. Геополитическая концепция евразийства // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. – 1997. – № 6. – С. 53–65.
52. Неклесса А. Преодоление Евразии // Независимая газета. 20.03.2013.

53. Носков В. В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32.
54. Портняков В.Я. Возвращение Китая: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2014. № 3.
55. Постсоветские государства. Под ред. Ж. Радвани. Armand Coline . 2004. ООО «NOTA VENE». М. 2008.
56. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.
57. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001.
58. Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И.Г. Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007.
59. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 367 с.
60. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Изд-во "Беловодье", 1997.
61. Савицкий П. Евразийство // Русская идея. В 2-х томах. Т. 1. М., 1994.
62. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф. 1997. 464 с.
63. Синяк Ю.В., Бесчинский А.А. Возможная роль российского природного газа в социально-экономическом развития евразийского пространства в XXI веке// //Проблемы прогнозирования. 2003. № 5. С. 55-76.
64. Соколовский Н.И. География. Часть четвёртая. География Российской Империи. Санкт-Петербург, 1846. 295 с.
65. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль. 1989. 347 с.
66. Сущий С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.
67. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
68. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.
69. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. Издательство Южного федерального университета. Ростов-на-Дону, 2014. 536 с.
70. Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
71. Хакимов Р.С. Евразия как конфедерация стран и народов Востока// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 2-1. С. 248-254.
72. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

73. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2007. М., 2007.
74. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / Ред.-сост. Г.Б. Кремнев, Б.В. Межуев. М.: Европа, 2011.
75. Чельшев Е.П. Евразия: проблемы восточно-западного синтеза в русской культурной традиции и наследие евразийцев// Пространство и Время. 2010. № 2. С. 8-16.
76. Чистобаев А.И. Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова. СПб: НИИХимии. СПбГУ, 2002.
77. Шупер В.А. Территориальная организация населения и хозяйства России накануне тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс». 2016. С. 529-539.
78. Dieter Groh. Russland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt am Main, 1988.
79. Druzhinin A., 2016. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer. Quaestiones Geographicae 35(3), Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, pp. 31–39
80. Friedman G. The Next 100 years. A Forecast for the 21st century. – NY: Doubleday, 2009. 344 с.
81. Halecki O. The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.
82. Humboldt A. von. Kosmos. Entwurf einer physischen Welbeschreibung. Stuttgart; Tübingen: G. Gottaschen. Bd 1. 1845.
83. Mackinder, H.J. (1904). «The geographical pivot of history». The Geographical Journal, 23, pp. 421-37
84. Mackinder H. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Wash, 1996.

**ВОЈНА НЕУТРАЛНОСТ У ГЕОСТРАТЕШКИМ
ПРЕСТРОЈАВАЊИМА У САВРЕМЕНОМ ЕВРОАЗИЈСКОМ
ПРОСТОРУ**

**B. Forca
D. Sekulović**

**MILITARY NEUTRALITY IN GEOSTRATEGIC REALIGNMENT
IN MODERN EURASIAN SPACE**

Апстракт: Крај биполаризма у међународним односима последње деценије прошлог века изненадио је и победника и губитника тзв.хладног рата. Супститут деценијског страха од великог рата између истока и запада пронађен је у мноштву виртуалних изазова, ризика и претњи безбедности. Кључни дезинтеграциони процеси који су се збили на евроазијском простору јесу распад највеће државе света – СССР-а и распуштање Варшавског уговора, као и разбијае бивше СФР Југославије. Супротно тим дезинтеграцијама, настављена су два кључна интеграциона процеса: опстанак и ширење НАТО и ширење Европске уније.

Државе настале на простору бившег СССР-а, бивше чланице Варшавског уговора, као и државе настале на протору бивше СФР Југославије различито су реаговале на прекомпоновање евроазисјког простора. Већина држава се определила за чланство у НАТО и ЕУ. Део држава, међу којима и Република Србија, прокламовао је војну неутралност.

Стална и војна неутралност, како их памти период од пре више од једног века, нестала је у пракси савремених међународних односа, посебно на евроазијском простору. Каква је судбина војне неутралности држава тог простора, јесте тема овог рада.

Кључне речи: Интеграциони процеси, Дезинтеграциони процеси, Стална неутралност, Војна неутралност, Евроазијски простор.

Abstract: Place of bipolarity in international relations during the last decade has surprised the winners and losers „cold war”. Substitute a decade of fear of the Great War between East and West was found in a multitude of virtual challenges, risks and threats to security. Key disintegration processes that took place in the Eurasian space are the dissolution of the biggest countries in the world - the USSR and the dissolution of the Warsaw Pact, and the smashing of the former SFR Yugoslavia. Countering this disintegration, set two key integration processes: the survival and expansion of NATO and the expansion of the European Union.

State appeared in the territory of the former USSR, the former members of the Warsaw Pact, and the state formed on the screen of the former SFR Yugoslavia reacted differently to reconfiguration of Eurasian space. Most states opted for

membership in NATO and the EU. Part of the countries, including the Republic of Serbia, was proclaimed military neutrality.

Standing and military neutrality, as they remembered the period of more than a century, disappeared in the practice of contemporary international relations, especially in the Eurasian space. What is the fate of military neutrality of the state of the area, is the subject of this paper.

Key words: Integration processes, Disintegration processes, Geostrategy, Permanent neutrality, Military neutrality, The Eurasian space.

Увод

Евроазија, историјски посматрано, била је и остала „централна тема“ у свим научним и стручним расправама о развоју међународних односа, посебно са геополитичког, геоекономског и геостратешког аспекта посматрано. Та констатација не треба да чуди, ако се има у виду карактер геопростор који Евроазија захвата и укуоност односа према том простору као кључном на глобалном плану посматрано. „Ко влада Еброазијом-влада светом“, постало је аксиом не само геостратешких студија, већ и штиво учбеника на нивоу основног образовања.

Међународни односи се одвијају у амплитуди чији се полови могу утврдити као сарадња и сукоб. Сукоб, као облик међународних односа, има и свој драстични израз – борба. Наиме, у сукобу се стране међусобно ометају док се у борби ниште. И сарадња и сукоби на геопростору Евроазије доприносили су бројним интеграционим и дезинтеграционим процесима, који су посебно карактеристични у 20. и почетком 21. века. Ма колико се, *de iure*, међународна заједница напињала да се сукоби превазиђу, они су остали главна карактеристика међународних односа. Стога не чуди напред наведени аксиом, јер у њему кључна одредница јесте - „владати“.

После формалног и замаскираног краја тзв. хладног рата, свет је очекивао дужи период мира и стабилности. Међутим, ни две деценије нису биле потребне да се у геостратегијским пројекцијама светских моћника оживи реалистичко поимање безбедности, што доводи у сумњу да је оно уопште и било напуштано. Кључне полуге геостратегијских пројекција јесу безбедносне стратегије, које се циклично и ациклично мењају, са карактером еволутивног и револутивног. Отуда, доста замагљено и недовољно аналитички опсервирано лансира се хипотеза – ништа неће бити као пре.

Мале, у географском смислу поимано, државе, што историјским наслеђем, што аспирацијама у новим релацијама у међународним односима, више под страним утицајем него сопственим одлукама, различито поступају у односу на нове геостратегијске пројекције. Мањи број тих земаља, декларативно и/или суштински прибегава војној неутралности, иако је тешко одредити шта тај појам (војна неутралност) данас уопште значи.

У складу са наведеним, овај рад је операционализован у два дела: (1) Нова геостратегијска престојавања у Евроазији и (2) Карактер и перспективе војне неутралности.

1. Нова геостратегијска престојавања у Евроазији

У овом раду фокус је на безбедносним стратегијама националног (држава) и наднационалног карактера. С обзиром да се те стратегије, декларативно и суштински, односе на одређени геопростор, оне носе и назив „геостратегије“. Највећи број безбедносних стратегија у свету носи назив национална стратегија безбедности (САД, Русија, Србија....). Такође, срећемо и безбедносне стратегије које имају наднационални карактер, чији типичан пример јесте Европска унија.

У теорији и документима под називом „стратегија безбедности“, срећемо различита одређења. Као теоријски основ прихватићемо дефиницију дату у *Енциклопедија Британика*, која дефинише националну стратегију безбедности као: „вештину ефикасне примене националних ресурса с циљем остваривања националних интереса“ [Keковић, 2011:128]. Посебан наднационални приступ безбедносној стратегији има ЕУ, која је у свом развоју, практично, усвојила два таква документа, 2003. године¹ и 2016.године². На трећој страни јесу земље које немају документ под називом безбедносна стратегија, те до односа према глобалној, регионалној и спственој безбедности долазимо путем других докумената, практичног поступања и изјава највиших званичника. Типичан пример јесте Република Кина.

Историјски посматрано, може се извести законитост циклуса општих и безбедносних стратегија, [Форца, 2003, 2016], што је приказано на Слици 1.

Стратегије имају свој циклус, који карактеришу одређене реперне тачке и периоди. Тако, на Слици 1 могу се идентификовати следеће фазе стратегије:

T1 до T2 је фаза пројектовања (избора) и усвајања стратегије,

T2 до T3 је фаза успостављања или имплементације стратегије и

T3 до T1 је фаза спровођења стратегије.

У наведеном циклусу уочава се тачка T4 и период T4-T1. Тачка T4 је онај моменат у спровођењу стратегије када се уочава почетак њеног пропадања или потреба њеног ревидирања и репројектовања. Фаза између T4 и T1 се назива „инерција“ (интерфаза), јер се стратегија, сам по себи, наставља одређено време.

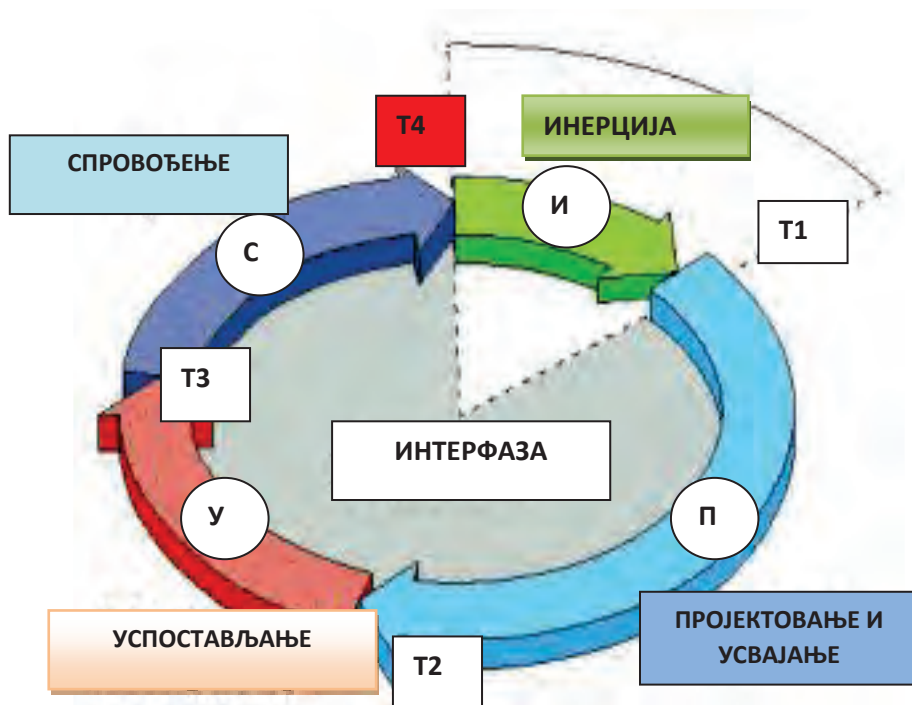
---

¹ Безбедна Европа у бољем свету – Европска безбедносна стратегија.

² Глобална стратегија ЕУ за заједничку спољну и безбедносну политику.

Слика 1. Фазе циклуса стратегије

На пример, тачка T4, када је у питању бивши СССР, јесте сусрет Регана и Горбачова на Исланду 1985. године, када се десио дипломатски преступ, односно домаћин (Реган) није ни сачекао госта (Горбачов). Фаза „инерције“, кад је у питању стратегија СССР, трајала је до распада Варшавског уговора и распада СССР-а. Сматра се да је тачка T4, кад су САД у питању, била 2008. година - почетак велике (финансијске) кризе [Форца, 2016].

С обзиром на чињеницу да су најмоћнији увек диктирали (креирали) токове међународних односа, па и кад је безбедност у питању, у смислу наслова овог питања осврнућемо се на геостратешке пројекције САД, Русије, ЕУ и Кине. Због историјског наслеђа, као и савремених пројекција, кад је у питању балкански геопростор, у најкраћем ћемо се осврнути на геостратегију Турске.

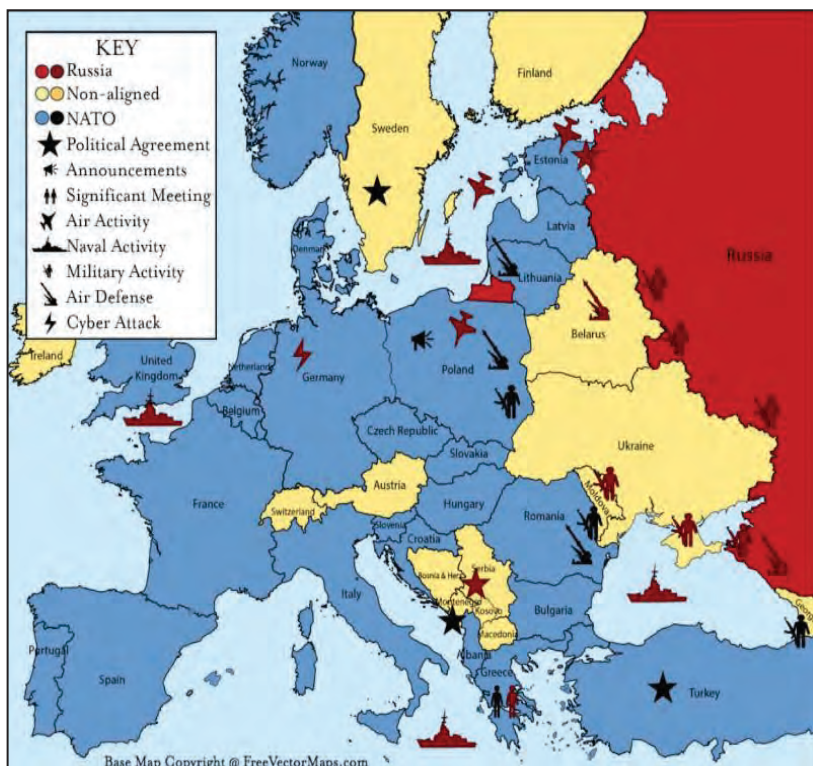
1.1 САД

Прва деценија постхладноратовске ере, или последња деценија прошлог века, кад су САД у питању, протекла је у учвршћивању статуса «победника» и «дисциплиновању» оних који тај статус на било који начин нису узели у обзир. Оба та модела имала су два основна начина имплементације. Један од тих начина јесте принцип кооптације, односно учвршћивање стратешких веза САД и појединих земаља, и/или проширење политичко-војног савеза НАТО. Други, драстичнији начин, био је директно војно сукобљавање, као што су примери Ирака и СР Југославије. Суштина униполарног наступа САД огледала се у настојању да се не дозволи израстање глобалне силе какав је био СССР. Тампон зона између НАТО и СССР, кад је Европа у питању, брзо је смањена пријемом у НАТО земаља бивших чланица Варшавског уговора (Мађарска, Словачка, Чешка Република и Пољска), као и држава насталих након распада СССР-а (Литванија, Летонија, Естонија). Посебан однос у смислу проширења НАТО био је према Бугарској, Румунији, Албаји, Хрватској и Словенији. У осталим регионима Евроазије, САД су настојале да учврсте већ остварени утицај, као што се земље Турска, Израел, Јужна Кореја и Јапан, али и неке друге.

Двадесет први век је за САД почео терористичким нападима на Њујорк и Вашингтон, 2001. године. Тај чин још је више утицао на опредељење САД да примене «методе дисциплиновања». Тако, проводећи тзв. превентивну стратегију, САД се све више увлаче у сокобе у Ираку, на Блиском Истоку и у северној Африци. Са друге стране, недвосмислена је чињеница да се на светску сцену «враћа» Русија, све више «надира» Кине, а своје место међу великима тражи ЕУ. Улога «светског полицајца» лагано измиче САД, али се та сила исте не одриче, посебно се конфронтирајући снагом моћи према Русији, магловитим запречавањем Кине и покушајима да се учврсти лабављење везе са ЕУ (Немачка и Француска). Типичан пример блокирања Русије одвија се на неколико начина: (1) подстрекавање антируског става у Украјини и подршка тој земљи у сукобу са Русијом, (2) инсистирање код савезника (ЕУ) на увођењу санкција Русији и (3) војно приближавање границама Русије (Слика 2).

Амерчка администрација је 2015. године донела два значајна документа: (1) *Стратегија националне безбедности САД* и (2) *Национална војна стратегија* (претходна је усвојена 2011. године. На глобалном нивоу, уочљиво је да нова *Стратегија* истиче наставак ребалансирања ка Азијско-пацифичком региону, при чему се на неколико места истичу безбедносни изазови који су присутни у том региону, са посебним фокусом на Кину и њено војно јачање, као и територијалне спорове које има у Источном и Јужном кинеском мору.

Слика 2. Мапа тензије у Европи између Русије и Запада

Извор: Institute for the Study of War ISW: Русија у Европи Мај-Јун 2016.

Иако се Азијско – пацифички регион у претходном документу не наводи експлицитно као такав, осврт на поједине државе попут Кине, као и јачање савезништава и партнерстава, јасно указују на ребалансирање ка том региону.³ Као и у претходним америчким стратешким документима, основни безбедносни изазови остали су тероризам, пролиферација оружја за масовно уништење, са посебним освртом на нукларне програме Северне Кореје и Ирана, као и транснационални организовани криминал. Међу изазовима који се истичу у *Стратегији*, као новина могу се уочити „супростављање руској агресији у Украјини”, утицај климатских промена, претње у сајбер простору, као и ширење епидемија заразних болести, попут еболе.⁴

Један од основних чинилаца који указује на заокрет у досадашњем виђењу изазова, ризика и претњи по безбедност САД, је заокрет ка државним

³ Barack H. Obama, *The National Security Strategy - February 2015*, Уводник председника.

⁴ Barack H. Obama, *The National Security Strategy - February 2015*, Уводник председника, стр. 3.

непријатељима, где се Руска Федерација практично ставља у исту раван са терористичким организацијама попут Исламске државе (ИСИЛ/ИД). Овим документом САД су поново „на велика врата” вратиле међудржавне ратове у фокус својих безбедносних промишљања, посебно апострофирајући односе са великим силама.⁵ У односу на Руску Федерацију, може се уочити да *Стратегија* наглашава посвећеност европској безбедности кроз одређивање Русије као агресора у Украјини, те се у том смислу истиче експлицитна подршка и помоћ Украјини у наредном периоду, превасходно у домену економије и изградње демократије. Сарадња са партнерским државама попут Грузије, Молдавије и Украјине, јачање постојећих савезништава и динамично војно присуство у централној и источној Европи, као и одржавање различитих видова санкција, биће у функцији одвраћања Руске Федерације од евентуалних даљих агресивних акција.⁶

Поједини аналитичари у америчкој стратегији ка Евроазији детерминишу тзв. два крака, који се огледају у сузбијању јачања политичког утицаја Русије и Кине и спречавању њиховог приближавања. Да би САД то постигле, предузимају две групе активности: (1) економско запречавање Русије и Кине, као што је „гасна криза“, односно супростављање изградње руских гасовода, или онемогућавање „кинеског пута свиле“ и (2) радикални приступ – изазивање сукоба у тампон зонама, као што је то случај са подстрекавањем сукоба Украјина – Русија.⁷

С обзиром да је устаљена пракса да свака администрација на челу САД усваја стратегију националне безбедности, до појаве тог документа не треба спекулисати изјавама Доналда Трампа у предизборној кампањи, али је чињеница да то више „није иста Америка“. Такође, бројни аналитичари су склонили закључку да за САД главни проблем није Русија, већ Кина.

1.2 Руска Федерација

Документ под називом *Стратегија националне безбедности у Русији* по први пут се појављује 2009. године и заједно са војном доктрином чини окосницу опредељења у сфери безбедности и одбране. На усвајање стратегије 2009. године, под називом *Стратегија националне безбедности Руске Федерације до 2020. године*, утицали су различити фактори, а најзначајнији међу њима су рат са Грузијом, приближавање, односно појачана сарадња са партнерима НАТО-а Украјином, Грузијом и Узбекистаном, изградња система противракетне одбране и ометање енергетске сарадње између Русије и Европе - „гасна криза”. [Мачкић и др, 2016]. Према *Стратегији*, односе Русије са НАТО-ом и даље одређује не прихватање ширења војне структуре

---

⁵ Исто, стр. 10.

⁶ Исто, стр. 25.

⁷http://www.danas.rs/danasrs/dijalog/americka_dvokraka_strategija_prema_evroaziji.46.html?news_id=283694 (08.03.2017)

алијансе ка руским границама, што уз покушај додељивања глобалне функције НАТО-у, представља кршење међународног права.⁸ У *Стратегији* се наводи да ће посебна пажња међународне политике, у дугорочној перспективи, „бити концентрисана на овладавање изворима енергетских ресурса”, и то на Блиском истоку, у подручју Баренцовог мора и других региона Артика.⁹

Основна снага за остваривање националне безбедности Русије јесу оружане снаге. У складу са тим *Војна доктрина 2010.* године је дала нагласак на очувању статуса Русије као нуклеарне силе, уз предвиђену могућност превентивног нуклеарног удара према државама које намеравају да изврше агресију на Русију. Без обзира што доктрина из 2010. године има антинатовски карактер, још увек оставља простора за сарадњу са НАТО-ом. Реалност, пак, говори другачије да НАТО делује самостално и да сарадња са Русијом остаје само у домену докумената, дакле теорије.¹⁰ У *Војној доктрини* из 2014. године НАТО се први пут јасно одређује као противник, а проширивање НАТО-а новим чланицама и ширење његове инфраструктуре ка границама Русије као директна војна претња Москви.¹¹

У *Стратегији националне безбедности Руске Федерације*, која је објављена 31. децембра 2015. године, Русија је и даље фокусирана на увећању свог утицаја и престижа, као и јачању свог националног јединства, али се истовремено осећа угроженом од стране САД и њених савезника. Руска Федерација, жели да очува стратегијску стабилност и унапреди стратегијско партнерство кроз активно учешће у међународним организацијама, механизме међународног права и развој билатералних партнерстава пре свега са Кином и Индијом, али и кроз регионалне међународне аранжмане првенствено унапређењем сарадње у оквирима Евроазијске уније, Организације договора о колективној безбедности и Шангајске организације за сарадњу. [Мачкић и др, 2016]. Најзначајнија економска интеграција Русије јесте економска организација БРИК (почетна слова држава које је чине: Бразил, Русија, Индија, Кина) формирана 2006. године, а од 2010. године приступила је и Јужноафричка Република (С). Наведена организација се простире на површини од 39,7 милиона км² (29,8% површине Земљине кугле), броји око 3 милијарде становника (42,1% укупног становништва планете Земље), са бруто националним дохотком од 16,4 билиона америчких долара (22,3% светског БНД).¹²

---

⁸ *Стратегија националне безбедности Руске Федерације до 2020*, Москва 2009., Поглавље II, тачка 8.

⁹ Исто, тачке 53 - 55.

¹⁰ Види шире у: Перишић, С., *Нова геополитка Русије*, Медија центар „Одбрана”, 2015, стр. 150 – 156.

¹¹ Видети: <http://news.kremlin.ru/news/47334>, члан 12, стр. 5, 06.03.2017.

¹² <https://rs-lat.sputniknews.com/infografika/201611021108710548-Briks-infografika/> (08.03.2017).

Безбедносни аспект, као интеграција са окружењем, уграђен је у стратегију националне безбедности Русије, а посебно се односи на *Организацију договора о колективној безбедности* – ОДКБ. Иако се ОДКБ на Западу дефинише пре свега као војни савез, његова улога и активности много су више од тога. ОДКБ, пре свега, јесте регионална организација безбедности која је спремна да своје војне снаге стави на располагање целом свету у борби против тероризма и ништа мање опасне трговине наркотицима. Основана је 2002. године. Наиме, распадом СССР-а нестало је јединствени војно-индустријски комплекс, систем противваздушне и ракетне одбране, радарски систем, системи веза и складишта муниције. ОДКБ је основан како би очувао безбедност земаља, некадашњих чланица Совјетског Савеза. У савезу, поред Русије, данас су Јерменија, Белорусија, Казахстан, Киргистан и Тацикистан. Од 2013. године земље-посматрачи ОДКБ су Авганистан и Србија. Због преливања кризе из Авганистана, страха од тероризма, али и трговине наркотицима, ОДКБ је 2001. године, пре САД, основала Колективне снаге брзог реаговања за Централноазијски регион. То су снаге респектабилног састава са 20 хиљада војника. Само је Русија за те снаге издвојила ваздушно-десантну дивизију и јуришну бригаду.¹³ Са безбедносног аспекта посматрано, кад је Русија у питању, значајна је и *Шангајска организација за сарадњу*, коју су 1996. године основали Русија, Кина, Казахстан, Тацихистан и Киргистан, а којој је 2001. године приступио и Узбекистан. Од 2005. године посматрачи у наведеној органиозацији су Индија, Иран, Пакистан и Монголија¹⁴.

Релативно безбедна са бокова, Русија, и поред економских веза са Европом, у безбедносном смислу утврђује стабилан „чеони зид“ ка Европи, од севера до Африке (Сирија). Критичне тачке у том зиду јесу Украјина и Турска. У том смислу, између осталог, треба посматрати и: (1) сукоб са Украјином и (2) економско зближавање Русије и Турске, као и настојања заједничког деловања против ИСИЛ-а у Сирији и њеном окружењу.

1.3 Европска унија

У кретању од Мاستрихта 1992. године ка Лисабону 2007. године, ЕУ је настојала да ојача своје војно и цивилно-полицијско присуство у свету. Наиме, постало је сасвим јасно да нема великих сила само са економском моћи, уколико ту моћ не прати и војна снага. Те, 2003. године, ЕУ је усвојила и Безбедносну стратегију, (*European security strategy*) названу као „Безбедна Европа у бољем свету“ (*A secure Europe in a better world*). У безбедносној стратегији ЕУ из 2003. године, у првој глави под називом „Безбедносно окружење: глобални изазови и главне претње“, као глобални изазови се

¹³ <https://rs-lat.sputniknews.com/autori/201604051104608893-odkb-organizacija-bezbednost/> (08.03.2017)

¹⁴ <https://slobodni.net/t105766/> (08.03.2017).

наводе се сиромаштво, природни ресурси и енергија¹⁵. Такође, у истој глави, као главне претње безбедности идентификоване су: тероризам, пролиферација оружја за масовно уништење, регионални конфликти, неуспех држава (лоша управа – корупција, злоупотреба власти, слабе институције и недостатак одговорности – и грађански сукоб разједају државе изнутра) и организовани криминал¹⁶.

Од ратификовања Лисабонског уговора (2009. године), политике су постале значајан елемент функционисања ЕУ, тако да је безбедносна стратегија, практично, утопљена у Заједничку безбедносну и одбрамбену политику (ЗБОП), као део Заједничке спољне и безбедносне политике (ЗСБП). Спецификум ЗБОП ЕУ лежи у чињеници различитог статуса појединих чланица Уније, пре свега када је одбрана у питању. Тај спецификум огледа се у чињеници да су 23 земље ЕУ уједно и чланице НАТО, док пет земаља¹⁷ то није. Тако, ЕУ нема стратегију одбране, као документ нижег нивоа од безбедносне стратегије у сфери безбедности. Иако је у Лисабонском уговору (члан 42) истакнута својеврсна обавеза држава чланица Уније да пружи помоћ уколико нека од чланица буде објекат војног напада, тај став ЗБОП је доста магловит. Наиме, чињеница је да у ЕУ преовладава уверење о потреби успостављања заједничке одбране и формирања сопствених војних снага – европске војске, ипак, томе се одупирао један део земаља које је предводила Велика Британија (на референдуму јуна месеца 2016. године изгласала излазак из ЕУ). Тако, Лисабонски уговор, кад је у питању ЗБОП, оставио је клаузулу о значајној улози НАТО у одбрани Уније, праву земаља да питање одбране регулишу на свој начин и остављен је простор за успостављање заједничке одбране ставом да ће то бити када одлуку о томе донесе Европски савет. ЕУ је 2008. године извршила ревизију Безбедносне стратегије из 2003. године („Соланин папир“), али се однос према изазовима, ризицима и претњама безбедности није променио.

Под снажним, пре свега унутрашњим, притисцима да нема савремену стратегију безбедности, ЕУ 2016. године усваја „Глобалну стратегију за спољну и безбедносну политику ЕУ -Заједничка визија, заједничко деловање: јача Европа“ (*The Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy – Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe*). Готово да и није потребна дубља анализа наведеног документа, ако се само пажљиво прочита Предговор стратегије, који је написала висока представница за спољне послове и безбедносну политику, Федерика Могерини. Главне поруке Глобалне стратегије, према Могерини, јесу: (1) преиспитивање посојања и идентитета ЕУ, (2) ЕУ не одустаје од јачања сопствене позиције, коју, пре свега, чини економска снага («мека моћ»), (3) ЕУ је против постојања

---

¹⁵ Безбедна Европа у бољем свету – Европска безбедносна стратегија, ИСАК фонд, Београд, 2006.

¹⁶ Безбедна Европа у бољем свету – Европска безбедносна стратегија, ИСАК фонд, Београд, 2006.

¹⁷ Аустрија, Финска, Шведска, Кипар и Малта.

светског полицијајца (својеврсни «прст у око» САД), али и даље НАТО сматра значајним за своју безбедност (23 од 28 земаља ЕУ су чланице НАТО), (4) ЕУ се не одриче сопствене одбране, када се стекну услови, а не одбацује ни опредељење држава за неутралност и (5) ЕУ настоји да редефинише свој глобалистички наступ и не одустаје од позиције једног од центара моћи.¹⁸

Безброј је радова о перспективи ЕУ настало након усвајања Глобалне стратегије, а посебно након што је Велика Британија на референдуму 2016. године изгласала опредељење за излазак из Уније. Опште, а посебно геостратегијске пројекције и перспективе ЕУ могу се поларизовати на тврдње изеђу «краја» и тешко процењиве «ревитализације» Уније. Тако на пример, Пророковић, смештајући перспективу Уније између два пола – *контролисана атрофија* (крај) и *контролисана консолидација* (повратак), а међурешење између тих полова илуструје на следећи начин: «Између два крајња сценарија вероватно ћемо гледати међурешења. Са једне стране, ЕУ ће наставити да функционише по инерцији. Са друге стране, уместо акције, бићемо сведоци реакција на одлуке осталих актера. Пут ЕУ ће се обликовати од одлуке до одлуке, од једне кризне ситуације до друге. Или ће то можда бити странпутица!? Сложене околности у којима се налазимо чине степен поузданости још мањим. ЕУ какву смо јуче познавали данас више не постоји. На шта ће личити сутра зависи од читавог низа околности и расплета многих криза у разним деловима света на које Брисел више не може да утиче“. [Пророковић, 2016]. Увек оптимистична, када је ЕУ у питању, Тања Мишчевић закључује: „Да се, закључујући, вратимо Черчилу, Спинелију, али и Монеу, Шуману и Делору – нико од њих није тврдио да ће пројекат европског заједништва бити једноставан, јефтин и лак. Али су тврдили да је његова додатна вредност толика да одговара на највећи број проблема за Европљане (и безбедносне и економске природе), заправо, да одговара интересима Европе. Шта бисмо онда друго могли да закључимо него да ЕУ треба да иде путама даље интеграције како би се вратили на почетне позиције јачања заједништва и поделе одговорности за унапређење европских вредности.“ [Мишчевић, 2016].

1.4 Кина

Кина је најмногољуднија земља света. Од стицања независности, а посебно од последње деценије прошлог века, Кина израста у светску силу, пре свега у домену економије, или тзв. меке моћи. Војна моћ Кине није на нивоу САД или Русије, али јесте у сразмери са основним безбедносним опредељењима. Наиме, када о утицају Кине говоримо, онда треба имати на уму два аспекта: (1) безбедносни, односно регионални ниво, који се

¹⁸ <http://www.delimne.ec.europa.eu/code/navigate.php?Id=414> (05.03.2017).

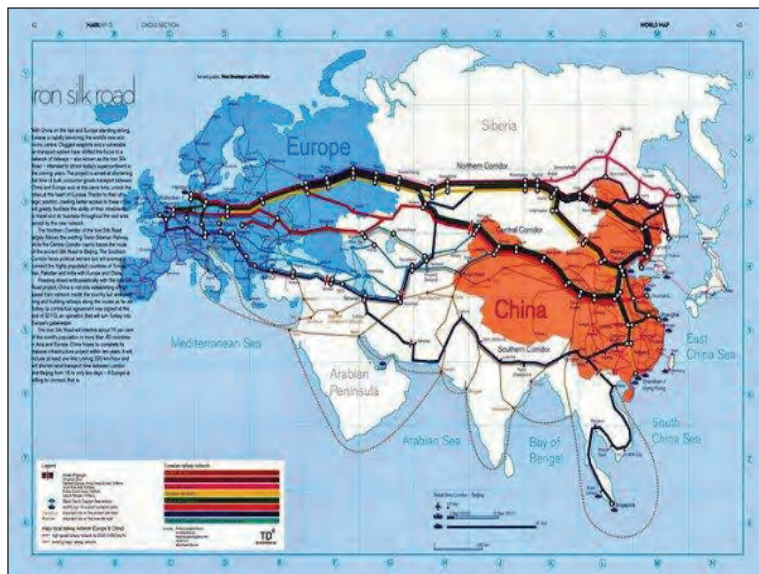
акцептира у одбрани територије и заштити интереса Кине у региону јужног кинеског мора (Слика 3), подразумевајући уједињење са Тајваном и (2) општи, односно економски аспект, који има тенденцију глобалног, препознатљив под називом «нови пут свиле» (Слика 4).

Слика 3. Јужно кинеско море зона посебног интереса Кине

Izvor: <http://pressrs.ba/foto/fotovideo-tacka-usijanja-ove-morske-teritorije-mogu-biti-uzrok-opasnog-sukoba-12-08-2016> (08.03.2017)

Слика 4. Нови кинески пут свиле

Izvor: <http://beograd.in-da-li-ce-novi-put-svile-izmeniti-svetski-poredak-hiljadu-milijardi-dolara-za-kineski-prodor-na-zapad> (08.03.2017)

Нови пут свиле је замишљен као једна велика економска азијско-европска зона слободне трговине. „Пре две и по године, када је председник Си Ђинпинг најавио ову иницијативу, рекао је да ће постојати поморска и копнена компонента Новог пута свиле. На копну, овај економски појас повезаће Кину, Централну Азију, Русију и Европу, од Медитерана до Северног мора. А поморски пут свиле повезаће кинеске обале с Индијским океаном и Африком, с Медитераном, с јужним Пацификом...“ „Овај пројекат, чија ће изградња трајати 35 година, има значајан утицај на мир и безбедност у свету. Јер они народи који улазе у пројекте чија реализација траје 35 година и у које се улаже више од билиона долара, сигурно ће бити наклоњенији опцији мира и сарадње, а не конфликта“, изјавио је Живадин Јовановић, некадашњи миснистар спољних послова СР Југославије¹⁹.

На светском економском самиту у Давосу (Швајцарска), одржаном почетком 2017. године, по први пут је учествовао председник НР Кине. У свом осврту на позицију и ангажовање Кине у светским економским односима, из говора кинеског председника Си Ђинпинга, могу се извести следеће поруке: (1) глобална економија је реалност савременог света, свиђало се то некоме или не (порука америчком председнику Трампу), (2) протекционизам је штетан, глобално посматрано, а трговински рат не води ничему, до новим сукобима, (3) Кина сматра да су и миграције и светска економска криза последица трке за профитом, а не продукт глобализације и (4) Кина улаже стотине милијарди долара у свој економски развој и „нови пут свиле“, али је спремна да отвори своје границе за страна улагања, са планом увоза робе за око осам билиона долара и око 600 милијарди долара страних инвестиција.²⁰

1.5 Турска

Са историјског, али и савременог аспекта посматрано, за регион коме припада Србија, врло је значајан полистратешки положај и аспирације Турске. Општи аспект позиције Турске у међународним односима, на којем се гради полистратешка реалност те земље, бројни аутори различито квалификују. По једнима, то је позиција „нешто између“, која има најмање два модела. Први модел (Александар Дугин) јесте позиција између атлантизма и Евроазије. Други модел (Мирољуб Јефтић) посматра Турску између неоосманлизма, пантурцизма и панисламизма. Потврду за оба приступа анализи позиције и аспирација Турске аутори виде у делу *Стратегијска дубина: међународни положај Турске*, које је написао Ахмет

---

¹⁹ <http://beograd.in-da-li-ce-novi-put-svile-izmeniti-svetski-poredak-hiljadu-milijardi-dolara-za-kineski-prodor-na-zapad> (08.03.2017)

²⁰ <http://www.politika.rs/scc/clanak/372296/Si-Dinping-Vreme-je-za-novi-medunarodni-poredak> (08.03.2017)

Давутоглу, некадашњи министар спољних послова и премијер Турске [Форца, 2017].

Користећи „заузетост“ својим проблемима великих сила (САД, Русија и ЕУ) и скретање пажње са региона Западног Балкана, Турска је оживела историјска сећања и подгрејала аспирације ка региону Балкана, посебно у БиХ, Албанији и на Косову и Метохији. Изајве „Турска је била, сада је и биће у БиХ...“ (Давутоглу, премијер Турске, 2016)²¹ и „Косово је Турска и Турска је Косово...“ (Ердоган, тадашњи премијер Турске, 2013)²², само су део дискурса који осликава турске аспирације [Форца, 2017]. Међутим, у односу политика – стратегија – економија - безбедност, полистратегијска реалност Турске је врло сложена, разапета између сопствених аспирација, са једне и, „стања на терену“, са друге стране. Турска доктрина према суседима „нула непријатеља“ претворила се у „нула пријатеља“. Са милионским избеглицама из окружења на својој територији, Турска је својеврсни генератор кризе у ширим размерама посматрано. Иако јесте регионална сила, са свих аспеката поимања силе посматрано, Турска полистартегија, у многome, биће детерминисана односом међу великим силама (САД, Русија, Кина и ЕУ), као и односом великих сила према Турској (уже) и исламском фактору (шири смисао). У том смислу посматрано, панисламизам, неоосманлизам, стратегија дубине, остаће и даље само пројекције у главама или за сада нереалне аспирације, или, у супротном, свет ће неминовно ући у Хантингтоново промишљање великог сукоба [Форца, 2017].

2. Карактер и перспективе војне неутралности

2.1 Генеа односа према војној неутралности

Игор Новаковић и истраживачки тим су анализу односа према неутралности сместили у три периода: (1) традиционални (до 20.века), случај Швајцарске (2) неутралност у 20.веку, до краја хладног рата и (3) постхладноратовско поимање неутралности. Традиционални притуп тзв.сталној неутралности, како тврди Новаковић, односи се на понашање одређене државе у односу на конкретни оружани сукоб, а први пут је примењен на примеру Швајцарске и регулисан је Хашком конвенцијом V: *О правима и обавезама неутралних држава у случају рата на копну* из 1907.године. [Новаковић, 2012]. Основна права и обавезе неутралних држава током оружаног конфликта, а која се свode на следеће: (1) Територија

---

²¹ Из говора премијера Турске Ахмета Давутоглуа на отварању цамије Ферхадлије у Бања Луци 2016.године. <http://www.alo.rs/davutoglu-turci-su-oduvek-u-bosni-i-ostace/49219> (приступљено 25.02.2017).

²² Предавање Ахмета Давутоглуа о спољној политици Турске, Сарајево, 2009. <http://www.nspm.rs/prenosimo/sta-turska-hoce-na-balkanu.html?alphabet=l> (приступљено 25.02.2017).

неутралних држава је неповредива; (2) Странама у сукобу је забрањено да користе територију неутралних држава за транспорт трупа и војне опреме и (3) Странама у сукобу је забрањено да користе територију неутралних држава за мобилизацију трупа. Еволуцију наведених ставова Хашке конвенције В, Новаковић приписује теоријским радовима Курила Блека (Cyril Black), који каже: 1) неутрална држава треба да избегава увлачење у ратне сукобе; 2) неутрална држава треба да одржава спремним своје националне ресурсе за одбрану и 3) неутрална држава треба да води спољну политику која би јој омогућила да избегне потенцијално будуће ратно ангажовање, другим речима треба да води тзв. политику уздржавања. Тако видјена стална неутралност могла је да буде званично (документ) или прећутно призната [Новаковић, 2012].

Пракса Првог, а посебно Другог светског рата, како тврди Новаковић, у потпуности је погазила тзв. идеалистичко-правни аспект сталне неутралности и показала да проглашена стална неутралност нема никакву важност у међународним односима. [Новаковић, 2012]. После Другог светског рата, очевидно, статус традиционалног поимања сталне неутралности је промењен, али се њиме није посебно бавила Повеља УН. Са друге стране, неким земљама (Аустрија и Финска) је такав статус наметнут од стране великих сила. Однос према неутралности, углавном, мерио се према два антагонистички настројена блока НАТО и ВУ [Новаковић, 2012]. Ипак, врхунац позитивног односа према неутралности после Другог светског рата, а у доба тзв. хладног рата, утврђује се документу Конференције о европској безбедности и сарадњи (КЕБС), односно у Хелсиншкој повељи, где је први пут после Бечког конгреса 1815. године, званично од једне међународне организације признато право државама на неутралност. Сумирајући однос према неутралности у 20. веку, до престанка тзв. хладног рата, Новаковић подржава класификацију неутралности коју је дао Болеслав Бочек (Boleslaw Boszek) о три модела и неколико варијација у њима: стална неутралност, неутрализам и несврстаност. [Новаковић, 2012].

Постхладноратовска ера је изменила општи однос према безбедности, прецизније према изазовима, ризицима и претњама, у одсуству директног антагонизма на релацији НАТО-ВУ, а што је имало утицај и на промену односа појединих држава према неутралности. Стално неутрална Швајцарска је постала чланица УН и Партнерства за мир, Аустрија је прокламовала тзв. напредну неутралност, постала чланица ПЗМ и Уније, Шведска је учествовала у ваздухопловној операцији надгледања мира у Африци. Европска унија је Лисабонским уговором из 2009. године утврдила заједничку безбедносну и одбрамбену политику (ЗБОП), као део заједничке спољне и безбедносне политике (ЗСБП)²³. Једно од одређења ЗБОП јесте обавеза држава чланица Уније да пружи помоћ другој земљи чланици уколико буде

---

²³http://www.mvpei.gov.me/rubrike/Pregovori-o-pristupanju-Crne-Gore-Evropskoj-uniji/dokumenti/Lisabonskki_ugovor_-_Prociscene_verzija_Ugovora_o_E (08.03.2017).

нападнута. Иако неки аналитичари ту одредбу ЗБОП (Лисабносног уговора) пореде са чланом 5. Вашингтонског споразума (формирање НАТО, 1949), ипак, то није исто.²⁴

У складу са наведеним, могу се идентификовати кључне одредбе за дефинисање појма војна неутралност: (1) војна неутралност у савременим међународним односима јесте трансформација сталне неутралности настала у историјском контексту превредновања односа према рату у поимање нове парадигм изазова, ризика и претњи безбедности, (2) војна неутралност је званично прокламована и практичним поступањем државе потврђена одлука о неприпадању ниједном војном савезу, првенствено у сфери одбране, (3) војна неутралност је непосредан израз мирољубиве политике државе и њеног суздржавања од учешћа у рату између других држава, изузев у рату који тој држави буде наметнут, (4) војна неутралност има упориште у Повељи УН (члан 51.), односно на признатом праву сваке државе на самоодбрану, као и Завршном документу из Хелсинкија (1975), где се та неутралност експлицитно утврђује (признаје) и (5) војна неутралност може бити предмет међународног признавања или наметања статуса некој држави, или “прећутно” признат статус, без формално утврђених докумената [Форца, 2016].

2.2 Војнонеутралне државе у постхладноратовској ери

Након распада бившег СССР-а и разбијања бивше СФР Југослвије појављује се одређени број земаља на простору Евроазије које су *de iure* и/или *de facto* прогласиле војну неутралност. Међу те државе убрајају се Туркменистан, Молдавија, Србија и Украјина. Украјина је одустала од прокламоване војне неутралности и почела да се приближава НАТО, што је и био један од узрока сукоба са Русијом. Чињеница је да су аспекти (статус) војне неутралности наведених држава у мањем делу слични, а у већини веома различити. Основна сличност огледа се у чињеници да се ради о малим (изузев Украјине), неразвијеним државама, бременим историјским наслеђем и сложеним унутрашњим приликама, те државама које немају битнији утицај на ток међународних односа. Кључне разлике статуса војне неутралности наведених држава леже у начину прокламовања неутралности, као и односу међународне заједнице и светских центара моћи према том факту.

1) Туркменистан

Туркменистан је једна од самосталних и независних држава настала након распада СССР-а 1991.године. На територији од око 500 хиљада км² живи свега око 5 милиона становника. Од стицања независности, 1991.године, Туркменистан је, углавном, следио излацинистичку политику,

---

²⁴ Isto.

што је резултовало усвајањем *Декларације о спољнополитичкој неутралности*, која је призната од стране Уједињених нација. Од тада Туркменистан је одбацио ангажман у било ком регионалном савезу или организацији која је имала војну компоненту, мада учествује као гост на састанцима Шангајске организације за сарадњу, члан је УН, ОЕБС, Покрета несврстаних, као и придружени члан Заједнице независних држава – ЗНД. Власти у Туркменистану признају да је њихова армија међу најслабијим у региону и да, у основи, нема капацитет да се одбрани у војном смислу. Од 108.000 војника који су бивше совјетске армије 1992. године, војска Туркменистана је до 1996. године сведена на 11.000 припадника [Штавланин, 2013].

С обзиром да има границу са Авганистаном у дужини од око 800 км, то су и одређени проблеми у вези са војном неутралношћу избијали из те чињенице. Наиме, Русија је оптуживала Туркменистан да пружа логистичку подршку САД у прелету њихове авијације ка Авганистану. Русија је оптуживала и САД да користе прилику с обзиром да је реч о аутократском режиму у Туркменистану, у коме нема контроле. Такве спекулације посебно су дошле до изражаја након што је председник Туркменистана Гурбаногли Бердимухамедов присуствовао самиту НАТО у Букурешту 2008. године, којом приликом се срео и са тадашњим председником САД Џорџом Бушом. [Штавланин, 2013].

Аналитичари сматрају да је кључни циљ спољне политике Туркменистана да очува и стабилизује владајући режим. Концепт неутралности је изговор који лидери Туркменистана користе да би маскирали суштинске слабости земље. Такође, то им омогућава да одбаце било који вид сарадње за који сматрају да може водити превеликој зависности од било које стране силе. Русија се сматра највећом претњом власти у Туркменистану, иако су власти у Ашбагату такође забринуте и због могућег утицаја САД, Ирана и, све више, Кине. Иако је безбедност Каспијског басена једна од области где је Туркменистан, власти су спремне да учествују у мултилатералним иницијативама, само у одређеној мери и одбијају било који облик да се прикључе мултинационалним безбедносним иницијативама које долазе са стране Русије или САД. Чини се да је неутралност у случају Туркменистана, углавном, синоним за самоизолацију, односно да је у функцији очувања аутократског режима. Међутим, имајући у виду турбулентност и преко конфигурацију међународних односа, Туркменистан се све више суочава са изазовом како да сачува своју неутралност. [Штавланин, 2013].

2) Молдавија

Поред Србије, Молдавија је једина земља Европе која је после тзв. хладног рата прогласила статус сталне неутралности, а уставом из 1994. године унилатерално је прогласила сталну војну неутралност, која није призната нити од једне стране земље. Аналитичари сматрају да је то било мудро опредељење у том тренутку, најмање из два разлога. Најпре,

Молдавија која је до почетка деведесетих била део Совјетског Савеза, није имала било какву историју, односно наслеђе било какве армије, тако да је проглашење сталне неутралности требало да послужи као замена за снажну војску коју није имала. Другим речима, овај потез је био најјефтинији и најефикаснији начин да брани свој суверенитет и независност. Дакле, стална неутралност се у случају Молдавије може дефинисати и као стратегија преживљавања, односно опстанка између моћних суседа (Украјина, Румунија), као и одговор на притисак Русије да буде укључена у различите безбедносне структуре које је Кремљ створио. Други разлог за проглашење неутралности је присуство руских трупа на левој обали реке Дњестар, односно у сепаратистичкој области Придњестровље. [Штављанин, 2013].

Уставом Молдавије је забрањено присуство страних трупа на њеној територији, али је у пракси друга ситуација. Наиме, на територији Молдавије бораве оружани ефективи Русије, због њених широк геополитичких интереса и стратешких циљева у вези Придњестровља. Такође, Русија је успела да привуче Молдавију у безбедносне интеграције какве су ОДКБ и Шангајска организација за сарадњу. Са друге стране, Молдавија се приближава НАТО, са којим је потписан Индивидуални програм партнерства (ИПАП), а огроман постотак становништва је опредељен за улазак у ЕУ. То су чињенице због којих се војна неутралност Молдавије оспорава.

Аналитичари су става да молдавска војна неутралност више личи на неутрализам, као и стратегијом за ефикасније остваривање националних интереса, иако исти нису званично дефинисани. Са друге стране, неутралност Молдавије се поима и као инвенција Русије која жели гаранцију да Молдавија неће ући у НАТО у догледној будућности. На трећој страни су земље ЕУ које сматрају да Молдавија има више штете него користи од прокламоване војне неутралности. Стога, војна неутралност Молдавије се поима и као изнуђени потез, који јј донекле омогућава избегавање увлачења у војне савезе са Русијом, са једне, као и предупређење или амортизацију увлачења у безбедносне орбите великих сила. [Штављанин, 2013].

3) Србија

Војна неутралност Републике Србије, експлиците, не налази се у Уставу Републике Србије, нити у једном нормативном (закони, уредбе) или стратешко-доктринарном документу. Одредбу о војној неутралности Србије, у званичним документима наше земље, први пут срећемо у тачки б., *Резолуцији Народне скупштине о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије*²⁵. Војна неутралност Србије прокламована је у изузетно сложеној и тешкој ситуацији у којој се наша земља нашла после свих процеса од 1991. године, а посебно након НАТО агресије 1999. године. Укљештена између разгоропађеног запада (САД) и (тада) немоћне Русије, успостављеним протекторатом УН на Косову и Метохији, пропалим Ахтисаријевим планом за Косово и Метохију и

---

²⁵ <http://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/index.php?id=80729> (02.03.2017).

најављеним једностарним проглашењем независности Косова (догодило се 2008), Србија је повукла „изнуђен потез“ – прокламовала војну неутралност. Чињеница да војна неутралност није експлиците уграђена нити у један правни или стратешки документ Србије, али и други разлози, утицали су на поплаву „за“ и посебно „против“ те неутралности, како у окружењу, још више у самој Србији. Противници војне неутралности Србије, као аргументе својих ставова истичу бројне облике сарадње и партнерства са НАТО, статус посматрача у ОДКБ, учешће у мултинационалним операцијама УН и ЕУ, приближавање ЗБОП ЕУ, као и највљено учешће Војске Србије у борбеној групи ЕУ. Мдеђутим, посматрајући са аспекта теорије игара, кад је у питању војна неутралнсот Србије – чланство Србије у ЕУ, ако није највећа добит, онда је најмањи губитак. [Форца, 2016].

Conclusion

Eurasia has been and remains a central region of the world. Geostrategic recomposition of the Eurasian space determine four key "players": Russia, China, the European Union and the United States. Basic levers in this recomposition remain "soft and hard power." It is not posibile to measure the total power of those international players, but the fact that unipolarizam gives way multipolarism.

Security and defense aspects of the general situation of each country in the territory of Eurasia is one of the key issues of their geostrategy. The fact is that most countries in terms of geo-strategic point of view, turning to one of bezbednsno-defense integration. A small number of countries in the Eurasian space, declarative and / or essentially resorting to (military) neutralnsoti. Neutrality and military neutrality in the post-Cold War era differ significantly from the previous period. There are two aspects of this neutrality: (1) historical legacy (Switzerland, Ireland, Austria, Finland and Sweden), and (2) novoproklamovani (Turkmenistan, Moldova and Serbia). Historical and inherited neutrality is reviewed in countries which advocate, with tendency to leave, according to the "something in between". Novoproklamovani form of military neutrality, in essence, is a set of circumstances and move extorted by those countries that have the de jure and de facto proclaimed.

I inherited historical and novoprolamovana neutrality have pure form and it is almost impossible to identify the principles on which they are based. Although, pricipiely speaking, military neutrality should not be a problem in international relations, the trend of world processes, particularly in the area of Eurasia, as well as the relationship between the key 'players' will critically affect the relationship with the military neutrality of those countries that neutrality, for now, apply.

Литература

1. Barack H. Obama, *The National Security Strategy - February 2015*, Уводник председника.
2. *Безбедна Европа у бољем свету – Европска безбедносна стратегија*, ИСАК фонд, Београд, 2006.
3. *Закон о одбрани*, Медија центар «Одбрана», Београд, 2015.
4. Кековић, Зоран, *Системи безбедности*, Факултет безбедности, Београд, 2011.
5. Новаковић, Игор., *Неутралност у Европи у 21.веку и случај Србије*, ISAC фонд, Београд, 2012.
6. Мачкић, Ранко и др., *Стратегија националне безбедности САД и Рске Федерације и могуће импликације по безбедност Републике Србије*, Зборник радова са научног слупа „Србија и стратегијска раскршћа“, Министарство одбране, Београд, 2016.
7. Мишчевић, Тања, *Седам деценија идеје ЕУ-како даље или како назад*; Спољнополитичке свеске бр. 03/16, Фондација Fridrih Ebert, Београд, 2016.
8. Перишић, Слободан, *Нова геополитика Русије*, Медија центар „Одбрана“, 2015.
9. Пророковић, Душан; *Будућност ЕУ из угла геополитике: од контролисане атрофије до контрролисане консолидације*, Спољнополитичке свеске бр. 03/16, Фондација Fridrih Ebert, Београд, 2016.
10. *Стратегија националне безбедности Републике Србије*, „Сл.Гласник РС“, бр. 88/09.
11. *Стратегија националне безбедности Руске Федерације до 2020*, Москва 2009.
12. Štavljanin, Dragan, *Posthladnoratovske „neutralne“ државе Moldavija, Turkmenisatn, Ukrajina*, Zbornik radova sa konferencije „Neutralnost u XXI veku-pouke za Srbiju, ISAC Fond Beograd, 2013.
13. Форца, Божидар; *Полистратегијски аспект односа сарадње Србије и Турске*, саопштење на научном скупу „Панисламизам, неоосманизам и савремена Турска – последице по регионалну безбедност“, Безбедносни форум, Београд, 28.02.2017.
14. Форца, Божидар, *Војна неутралност Републике Србије између декларативног опредељења и поступања у пракси*, Зборник радова са међународног научног скупа „Допринос војне неутралности Републике Србије безбедности и стабилности у Европи“, ИМПП Београд и Hanns Seidel Stiftung - Канцеларија у Београду, 2016.
15. Форца, Божидар, *Заједничка безбедносна и одбрамбена политика ЕУ на Балкану*, саопштење на међународном научном скупу „Изазови, ризици и претње на Балкану“, Евроазијски безбедносни форум, Београд, 29.01.2016, објављено у: Безбедносни форум број 1; Београд, 2016.
16. Форца, Божидар, *Циклус опитних стратегија*; Научни скуп са међународним учешћем „Шест деценија Школе националне одбране:

- корени, раскршћа и перспективе - Зборник; Медија центра Одбрана, Београд; 2015.
17. Форца, Божидар, *Војни фактор међународних односа и његов утицај на развој Војске Југославије*, докторска дисертација, Војна академија, Београд, 2003.
  18. Говор премијера Турске Ахмета Давутоглуа на отварању цамије Ферхадлије у Бања Луци 2016.године. <http://www.alo.rs/davutoglu-turci-su-oduvek-u-bosni-i-ostace/49219> (приступљено 25.02.2017).
  19. Предавање Ахмета Давутоглуа о спољној политици Турске, Сарајево, 2009. <http://www.nspm.rs/prenosimo/sta-turska-hoce-na-balkanu.html?alphabet=1> (приступљено 25.02.2017).
  20. https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf/ (05.03.2017).
  21. http://www.danas.rs/danasrs/dijalog/americka_dvokraka_strategija_prema_evr_oaziji.46.html?news_id=283694 (08.03.2017).
  22. <http://news.kremlin.ru/news/47334>, члан 12, стр. 5, (06.03.2017).
  23. <https://rs-lat.sputniknews.com/infografika/201611021108710548-Briks-infografika/> (08.03.2017).
  24. <https://rs-lat.sputniknews.com/autori/201604051104608893-odkb-organizacija-bezbednost/> (08.03.2017)
  25. <https://slobodni.net/t105766/> (08.03.2017).
  26. <http://www.delimne.ec.europa.eu/code/navigate.php?Id=414> (05.03.2017).
  27. <http://beograd.in/da-li-ce-novi-put-svile-izmeniti-svetski-poredak-hiljadu-milijardi-dolara-za-kineski-prodor-na-zapad> (08.03.2017)
  28. <http://www.politika.rs/scc/clanak/372296/Si-Dinping-Vreme-je-za-novi-medunarodni-poredak> (08.03.2017)
  29. http://www.mvpei.gov.me/rubrike/Pregovori-o-pristupanju-Crne-Gore-Evropskoj-uniji/dokumenti/Lisabonskki_ugovor_-_Prociscene_verzija_Ugovora_o_E (08.03.2017).
  30. <http://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/index.php?id=80729> (02.03.2017).

CONTEMPORARY POLISH-GERMAN MIGRATION SPACES AND INTEGRATION PROCESSES

Abstract. The aim of this study is to analyze two interconnected elements of contemporary Polish-German relationships: (1) migrations and (2) socio-economic integration. The scale and dynamic of both processes is very large, especially after Poland's accession to the European Union in 2004 and full opening of the German labor market to Polish citizens in 2011. The paper focuses on a spatial dimension of migration and integration processes, using unique statistical data and cartographic presentations.

Key words: migration spaces, integration processes, Poland, Germany.

Introduction

In the debate on geopolitical and socio-economic processes in modern European space, the Polish-German relationships are particularly important. This is connected, among other things, to a geographical location of both countries in the centre of Europe and with historical legacy. This study aims at analysing two interconnected elements of mutual relationships: (1) migrations and (2) socio-economic integration processes¹.

Using the terminology of the path dependence concept (J. Mahoney 2000, K. Gwosdz 2004), we can distinguish four 'critical junctures' which shape the conditions and new development paths of those relationships after WWII:

- a) the change of boundaries in 1945;
- b) signing the Polish-German political treaties: Treaty of Warsaw (Warschauer Vertrag) in 1970 (ratified in 1972) and Treaty of Good Neighbourhood and Friendly Cooperation in 1991;
- c) Poland's accession to the European Union in 2004;
- d) full opening of the German labour market to Polish citizens in 2011.

Each of the above-mentioned critical junctures affected migration movements as well as economic and social (dis)integration. Since both these processes are well described in scientific literature from the historical perspective (see e.g. T. Stryjakiewicz and Chung-Tong Wu 1998, G. Stöber 2002, S. Ciok 2004, M. Więckowski 2008), the present study focuses on their contemporary dimension, i. e. the 21st century, and in particular on the period following Poland's accession to the EU.

---

¹ The study does not deal directly with the issue of political integration.

Main research problems and sources of data

The analysis is divided into two problem groups:

- a) contemporary Polish-German migration spaces, and
- b) contemporary processes of Polish-German economic and social integration.

As far as the issue of migration is concerned, three research questions have been formulated:

1. What are the scale and dynamics of migration movements from Poland to Germany after the enlargement of the EU in 2004?
2. Which parts of Germany are preferred by Poles as a place to settle down and why?
3. What are the specific features of migration movements between Poland and Germany as well as the similarities and differences of this process comparing to the migration of other nations to Germany?

The data have been collected by one of the Institute's PhD students, Piotr Sosiński (during his stay in Germany under the ERASMUS programme) in the following institutions:

- Federal Statistical Office in Wiesbaden,
- 16 statistical offices of the German states (Bundesländer),
- Federal Office for Migration and Refugees.

Moreover, the statistics of the Regional Data Bank of the Polish Central Statistical Office (GUS) were used as well as the information received from 16 interviewees, i.e. migration officers.

The problem of integration processes is analysed in a different, more deductive way. The study tries to answer the question to what extent the concepts and models of integration formulated at the beginning of the 21st century have been proved. Such verification is carried out at two spatial levels: national and local, and it is even easier due to the fact that the author of the present paper could witness the process of post-socialist transformation in Poland and the former GDR from the very beginning and participated in several Polish-German integrating activities in many different fields: from common Polish-German research projects through expert reports (e. g. for the Hamburg Institute of International Economics – HWWA) to education².

The author is convinced that the presentation and deeper analysis of various aspects of integration as well as its stimulants and barriers on the example of Poland and Germany can be a good starting point for a wider discussion about this process in the context of the Balkan states.

---

² The example of integrating actions in geographical education are:

- a) the organisation of joint student workshops and fieldworks (for details see T. Kaczmarek and T. Strykiewicz 1996, T. Strykiewicz and T. Kaczmarek 2000);
- b) participation in the Polish-German Schoolbooks Commission of Historians and Geographers.

Contemporary Polish-German migration spaces

At the beginning of this section the following question is worth answering: why has the present migration of Poles to Germany become a topical issue in the analysis of Polish external migration movements and an important geographical problem? There seem to be at least four reasons:

- a) the large scale and dynamics of the process;
- b) destination: Germany has been the main inflow area for Polish migrants since 2011;
- c) as a result of this migration movement, Poles have become the fastest growing national minority group in Germany (see Table 1);
- d) the settlement choices of Poles on the German territory show considerable differences (the same refers to the spatial pattern of emigration areas in Poland).

Table 1. Main national minorities in Germany

	Turks	Italians	Poles	Russians*
2006	1 738 831	534 657	361 696	693 138
2007	1 713 551	528 318	384 808	688 503
2008	1 688 370	523 162	393 848	686 004
2009	1 658 083	517 474	398 513	688 869
2010	1 629 480	517 546	419 435	693 849
2011	1 607 161	520 159	468 481	709 621
2012	1 575 717	529 417	532 375	733 173
2013	1 549 808	552 943	609 855	773 565
Change 2006-2013	-10,87%	3,42%	68,61%	11,60%
Mean annual change	-1,52%	0,41%	5,09%	1,30%

*together with people born in the former Soviet Union

Source: own elaboration based on the data of the German Federal Statistical Office

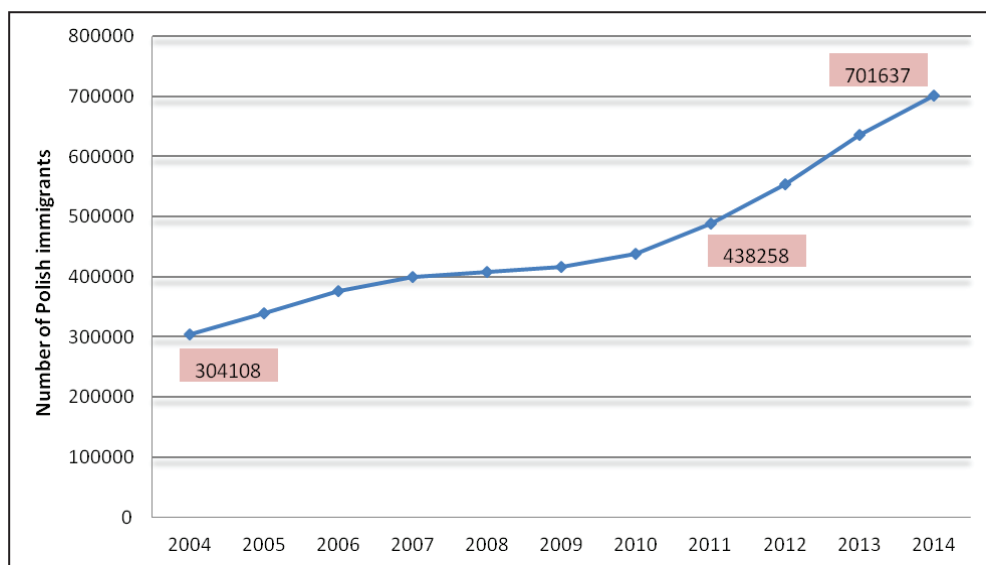
The scale and dynamics of the migration process are shown in Fig. 1 and its spatial distribution in Fig. 2. Four types of regions with the greatest influx of Poles can be distinguished:

- a) traditional migration regions (dating back to the 19th century), such as Nirdrhein-Westfalen (the Ruhr district);
- b) quickly developing federal lands of Hessen and Baden – Württemberg (particularly the area between Frankfurt am Main and Stuttgart);
- c) metropolitan regions of Berlin, Munich, Hamburg and Hannover; and
- d) the regions bordering Poland, especially in Mecklenburg – Vorpommern and Brandenburg.

It is worth mentioning that from the geographical point of view the distribution range of Polish population in Germany stands in contrast to other German neighbours. Fig. 3 displays that the distribution of Austrian, Czech or Dutch minorities is restricted to the narrow border zones, whereas Poles are the most numerous minority in as many as four out of six federal lands of the former GDR. In some East German spatial units (Kreise), such as Uckermark, the proportion of Poles exceeds 50% of the total immigrant population (see Fig. 4). Such a large proportion of Polish population exerts further influence e.g. on housing and education markets (it is discussed in the next section).

Border twin cities as well as Berlin, which is located only about 90 km from the Polish-German border, are among the most interesting objects of geographical studies on migration and integration processes. A study conducted by I. Kościelniak and R. Matykowski (2015) in the capital of Germany shows that the recent Polish immigrants 'replace' the Turkish ones to some extent (Fig. 5). What is worth particularly noting is the results of the research of the above authors on co-occurrence of different national groups in Berlin (Table 2). They prove that Polish immigrants prefer to settle down in this city in the same areas as Serbs (!).

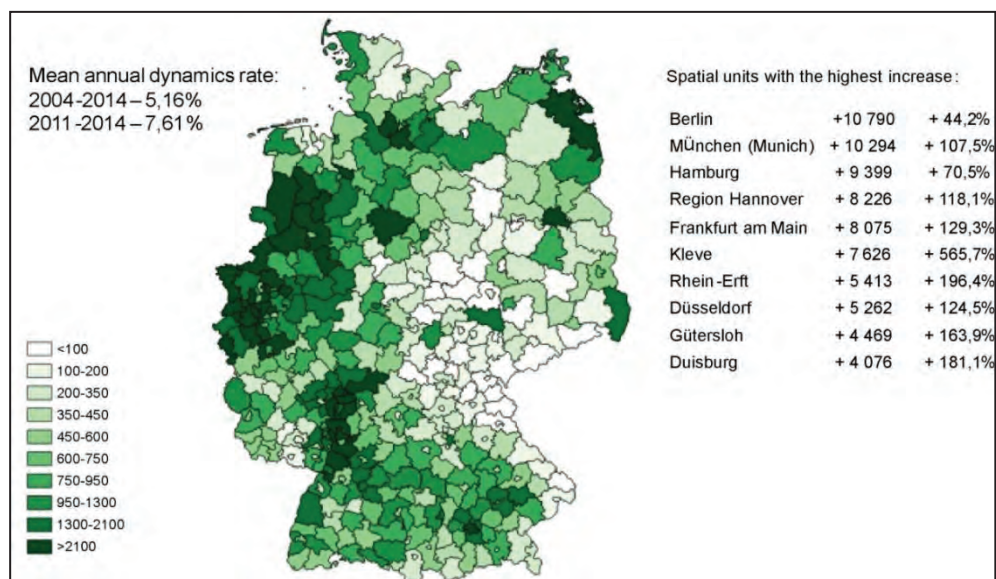
Fig. 1. Polish immigrants in Germany in 2004-2014

Source: own elaboration based on the data of the German Federal Statistical Office

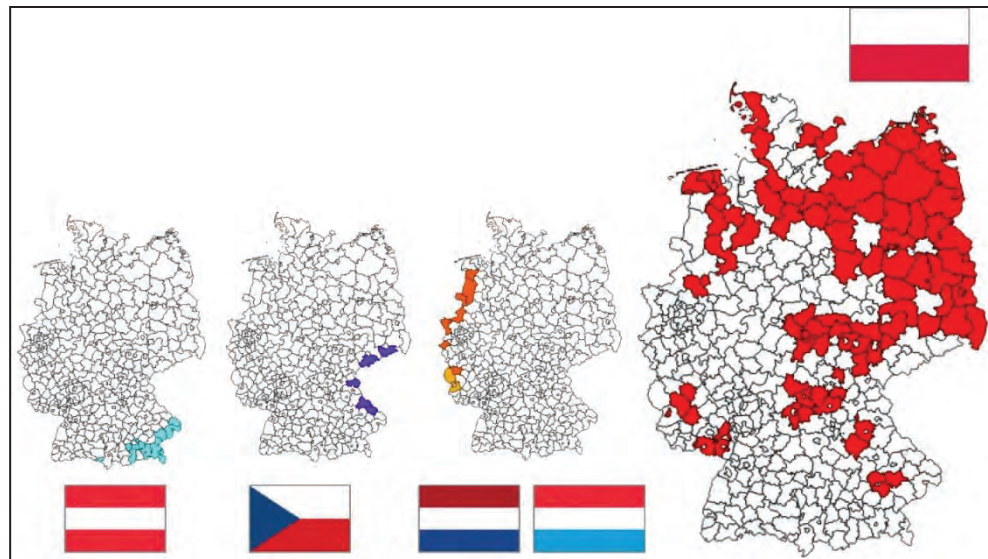

Fig. 2. Increase in the number of Polish immigrants in 2004-2014

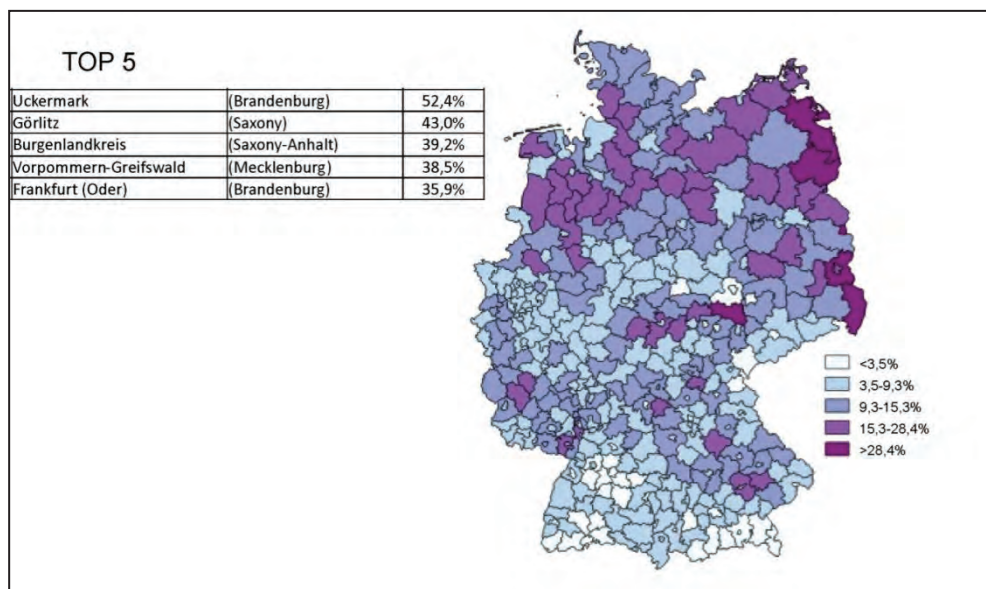
Source: own elaboration based on the data of the German Federal Statistical Office

Fig. 3. Most numerous national minorities in the spatial units of Germany

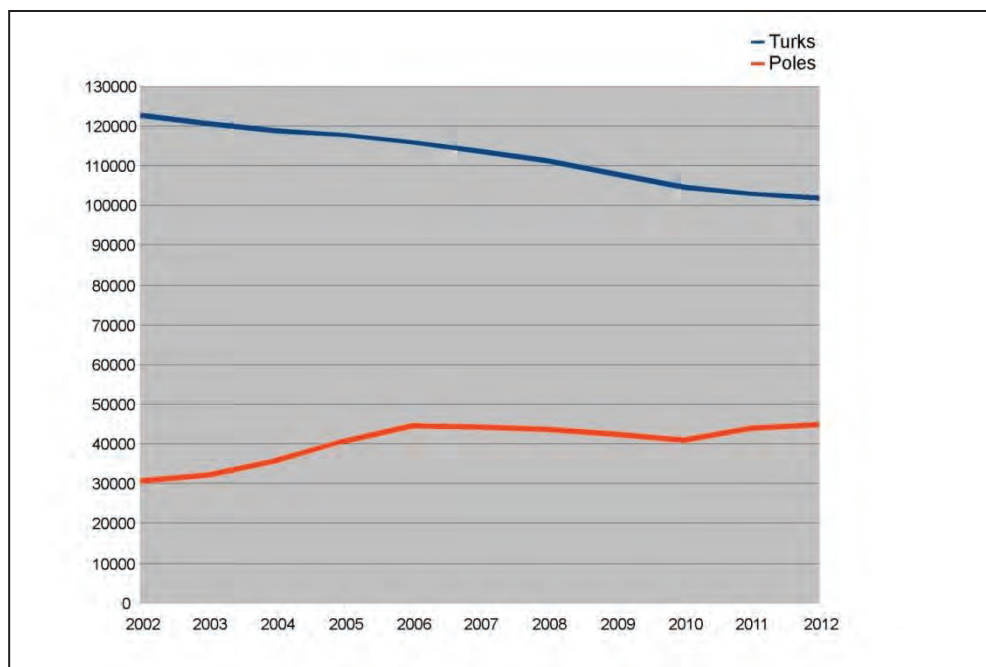
Source: own elaboration based on the data of the German Federal Statistical Office

Fig. 4. Share of Poles in the immigrant population

Source: own elaboration based on the data of the German Federal Statistical Office

Fig. 5. Dynamics of the Polish vs. Turkish population in Berlin in 2002-2012

Source: I. Kościelniak, R. Matykowski (2015: 75)

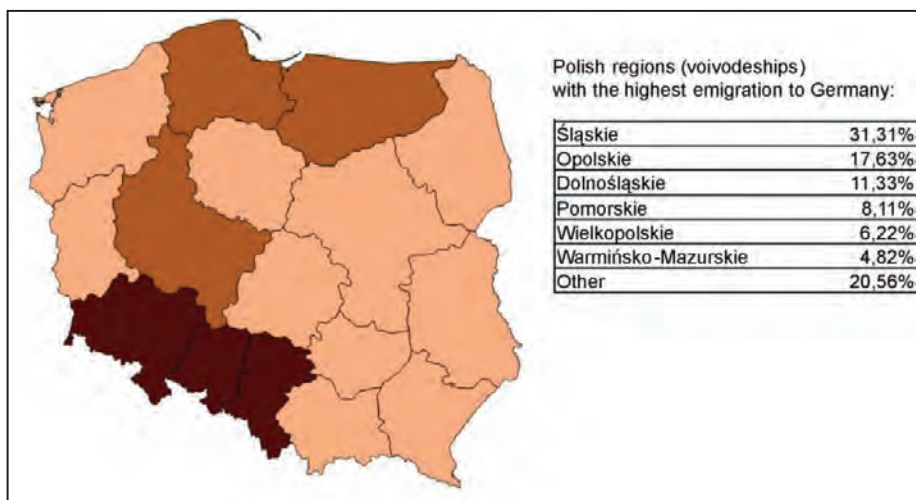
Table 2. Correlation coefficients between national groups in Berlin, 2012

National groups	Bulgarians	French	Greeks	Italians	Poles	Russians	Serbs	Turks	Germans
Bulgarians	1,00								
French	0,43	1,00							
Greeks	0,75	0,71	1,00						
Italians	0,50	0,96	0,79	1,00					
Poles	0,79	0,46	0,81	0,58	1,00				
Russians	0,37	0,35	0,49	0,41	0,51	1,00			
Serbs	0,83	0,45	0,79	0,59	0,87	0,44	1,00		
Turks	0,78	0,48	0,76	0,59	0,74	0,33	0,79	1,00	
Germans	0,28	0,40	0,51	0,45	0,57	0,45	0,45	0,34	1,00

Source: I. Kościelniak, R. Matykowski (2015: 78)

The analysis of the Polish-German migration from the point of view of the emigration country is the last issue to be discussed in this section. Here arises a typically geographical question: what are the main outflow regions in Poland? As many as 60% of Poles emigrating to Germany originate from three out of sixteen voivodeships (see Fig. 6). They are all located in south-western Poland, in the historical region of Silesia (Śląskie, Dolnośląskie and Opolskie voivodeships) and had strong connections with Germany in the past. The role of Polish eastern regions is considerably smaller. Hence, one can conclude that the main factors determining contemporary Polish-German migration movements are (1) geographical proximity and (2) historical legacy together with previous cultural and economic links.

Fig. 6. Intensity of Polish emigration to Germany by region (voivodeship)

Source: own elaboration based on the data of the Polish Statistical Office (GUS), 2013

Contemporary processes of Polish-German economic and social integration in their spatial dimension

The character, scale and dynamics of integration processes are determined by several factors, such as:

- natural conditions;
- demographic potential;
- structure of the settlement system;
- level and structure of the economy, degree of economic disparities;
- technical infrastructure;
- heritage of the past (continuous/common or 'broken' history);
- language similarity;
- ethnic and cultural relations, social capital; and
- institutional regulations (on the local, national and supranational level).

As far as the Polish-German relationships are concerned, three factors are of particular importance:

- a) substantial differences in the levels of economic development, capital resources, as well as prices and wages on the two sides of the boundary³;
- b) the clash of two legal systems and legal practices, in spite of unification trends, following the UE regulations; and
- c) an intertwining of economic, political and social elements, including the heritage of the past and cultural differences.

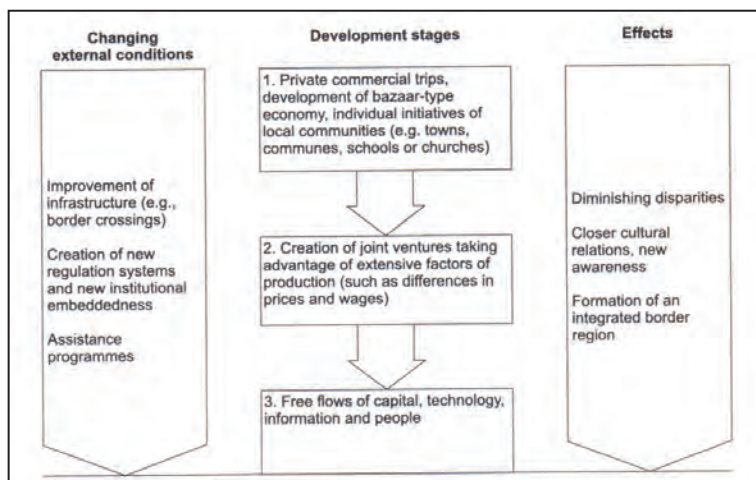
³ This factor is responsible, among other things, for the large scale of migration movements.

In the extensive scientific literature on the Polish-German integration one can find many attempts at generalising and classifying this process from different points of view. For instance, T. Kaczmarek and T. Strykiewicz (2006), using ecological approach, distinguish the following forms of integration: mutualism, commensalism, synergism and parasitism. S. Krätke (1996) adopts a more geographical criterion: spatial range of mutual interconnections and distinguishes three types of the spatial range of relationships:

- a) far reaching (in the Polish-German context they are connected mainly with metropolitan regions);
- b) supra-regional; and
- c) regionally integrated (they are connected with integration processes in border regions).

In turn, at the beginning of the 21st century, the author of the present paper formulated a model of dynamics of the integration process, presented in Fig. 7 (cf. T. Strykiewicz, T. Kaczmarek, 2000; T. Strykiewicz 2002). Now, it is high time to confront the above-mentioned models with the course of real processes. Such an analysis is, due to the limited volume of the article, very general and refers to two spatial levels: national and local.

Fig. 7. Dynamics of transborder relationships in the conditions of great socio-economic disparities.

Source: T. Strykiewicz, T. Kaczmarek (2000: 52)

At the national level the process of economic integration can be characterised by the following facts:

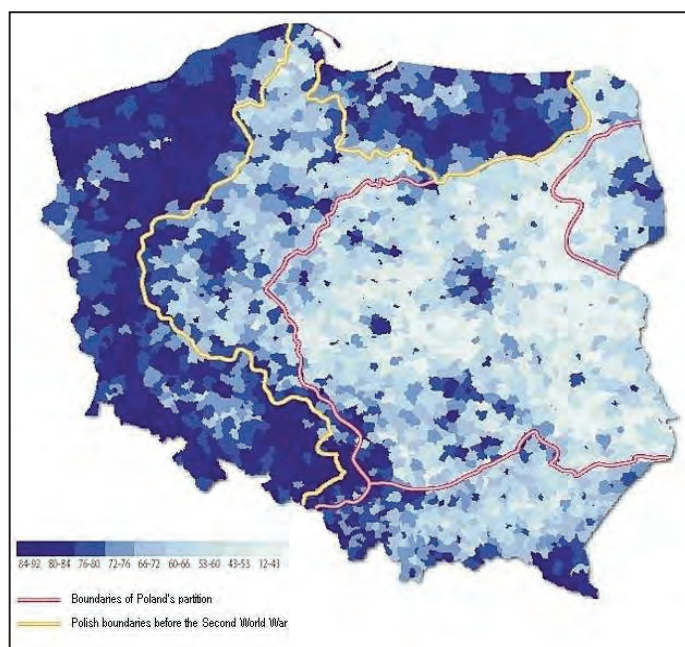
1. Germany is the biggest trade partner of Poland (its share in Polish exports amounts to 27.3% and in imports – to 23.4%).
2. The inflow of foreign direct investment is very asymmetric, not only from the point of view of its volume, but also with regard to its structure: large industrial

corporations are predominant among the German investments in Poland (e.g. Volkswagen Group) whereas the emerging Polish firms in Germany are small and engaged mainly in construction works and services.

3. The predictions from 1990s (cf. G. Węclawowicz et al. 2006, K. Lammers et al. 2006) that the Polish-German border area would become a zone of accelerated development and diffusion of innovation turned out to be wrong.
4. The neighbourhood with Germany, and more precisely – its proximity, have a significant impact on social awareness of Poles, which can be seen in the election results or in the level of the acceptance for Poland's membership in the EU (the western regions of Poland are more open to European integration – see Fig. 8).
5. Using Krätke's typology of the spatial range of relationships, two types seem most intensive in the Polish-German case⁴:
  - a) far reaching, i.e. between the largest metropolitan regions or between the areas of traditional historical links (e.g. Upper Silesia – Ruhr district); and
  - b) regionally or locally integrated (they refer to the border region and twin cities).

Fig. 8. Support of Polish citizens for the accession to the EU expressed in the referendum in 2003 (in per cent)

Source: T. Strykiewicz (2012: 56)

Moreover, as far as the level of economic integration is concerned, one can observe that the 'zones of export surpluses to Germany' develop alongside the

⁴ They are relevant to both migration movements and economic links.

main Polish transportation corridors (such as the motorway A2). Whereas the processes of integration at the macro-level are well described in scientific literature, their knowledge at the local level is neglected. Some crucial aspects of this integration will be discussed below, using the example of the twin city Frankfurt (Oder) and Ślubice where the author of this paper has been carrying out his research since the beginning of 1990s. Such a long time perspective enables the verification of the model presented in Fig. 7.

The processes integrating the cities mentioned above began with private commercial trips and the development of a 'bazar-type' economy, followed by initiatives of local self-governments and institutions (e.g. schools or churches). Over time, especially after the association of Poland with the EU, the integration process started to take more and more institutionalised forms, such as the creation of Euroregion, common cultural and business-supporting organisations or the cross-border European University Viadrina in Frankfurt (Oder) with the Collegium Polonicum located at Ślubice, on the Polish side of the border. The mutual integration progresses also quite well in the domains of (1) infrastructural development (which is evidenced by launching a city bus line from the Frankfurt railway station to Ślubice)⁵, (2) commuting of the local inhabitants to schools or other services provision and (3) bottom-up social initiatives. The results of a fieldwork carried out in three communes (sample n=1785, which is 5% of total population)⁶ show that more than 75% local people assess everyday Polish-German contacts as good or very good.

In the whole border area there are many integrating activities aiming at environmental protection. They are exemplified by revitalisation of famous Pückler's landscape park at Bad Muskau (devastated after WWII), which was included in UNESCO's World Cultural and Natural Heritage List in 2004. More and more Poles are buying out abandoned flats and real estates on the German side, while Berlin residents are purchasing flats at the Polish seaside where they like to spend their free time.

The issue of establishing joint ventures together with technology and innovation flows presents a bigger problem. The process of de-industrialisation which takes place on both sides of the border as a consequence of post-socialist transformation appears to be responsible for a slow progress in this domain.

---

⁵ One more example is a common sewage purification plant operating in Gubin-Guben, another twin city.

⁶ For details see T. Stryjakiewicz and T. Kaczmarek (2000), T. Stryjakiewicz (2002) and T. Kaczmarek, T. Stryjakiewicz (2006).

Conclusion

Theoretically, both migration movements and integration processes between Poland and Germany might seem more difficult than those between Poland and the Czech Republic or Slovakia (i.e. other neighbouring EU countries) due to a language barrier, initial negative social stereotypes or the burden of the past. The reality, however, does not support this assumption. In spite of the fact that the analysed processes show clear asymmetry, slow equalisation of 'integration potentials' as well as reciprocal compensation of different forms of this asymmetry are still progressing (e.g. on one hand Poles go to Germany to look for better working conditions, and on the other hand more and more Germans come to Poland to work in German companies or to spend vacation there).

In the author's opinion, the Polish-German example may be an 'integration incentive' for the Balkan countries. The main threat for the population movements and integration processes presented in this paper poses the future development of the political situation which is hard to predict.

References

1. Ciok S., 2004. Pogranicze polsko-niemieckie. Problemy współpracy transgranicznej, Uniwersytet Wrocławski, Wrocław.
2. Gwosdz K., 2004. Koncepcja zależności od ścieżki (path dependence) w geografii społeczno-ekonomicznej, *Przegląd Geograficzny*, 76, 4: 433-456.
3. Kaczmarek T., Stryjakiewicz T., 1996 Współpraca przygraniczna w świetle wyników wspólnej polsko-niemieckiej praktyki studenckiej na obszarze Środkowego Nadodrza, [In]: Z. Chojnicki, T. Stryjakiewicz (eds), *Problemy współpracy regionalnej w polsko-niemieckim obszarze przygranicznym*, Biuletyn Komitetu Przestrzennego Zagospodarowania Kraju, Polska Akademia Nauk, Warszawa.
4. Kaczmarek T. Stryjakiewicz T., 2006. Grenzüberschreitende Entwicklung und Kooperation im deutsch-polnischen Grenzraum aus polnischer Sicht. *Europa Regional*, 2, 6: 61-71.
5. Kościelniak I., Matykowski R., 2015. Rozmieszczenie obcokrajowców pochodzenia polskiego i tureckiego w Berlinie. *Rozwój Regionalny i Polityka Regionalna*, 32: 67-80.
6. Krätke S., 1996. Where East meets West: The German—Polish border region in transformation, *European Planning Studies*, 4, 6: 647-669.
7. Lammers K., Niebuhr A., Polkowski A., Stiller S., Hildebrandt A., Nowicki M., Susmarski P., Tarkowski M., 2006. Polsko-niemiecki obszar przygraniczny w roku 2020 - Scenariusz rozwoju i zalecenia odnośnie jego realizacji, Hamburg Institute of International Economics (HWWA), Hamburg.
8. Mahoney J., 2000. Path dependence in historical sociology, *Theory and Society*, 29: 507-548.

9. Stöber G. (ed.), 2002. Polen, Deutschland und die Osterweiterung der EU aus geographischen Perspektiven. Verlag Hahnsche Buchhandlung, Hannover.
10. Stryjakiewicz T., 2002. Das polnisch-deutsche Grenzgebiet - eine Herausforderung für den europäischen Integrationsprozess. (In:) G. Stöber (ed.), Polen, Deutschland und die Osterweiterung der EU aus geographischen Perspektiven. Verlag Hahnsche Buchhandlung, Hannover: 104-119.
11. Stryjakiewicz T., Chung-Tong Wu (eds), 1998. Changing border regions in Europe and Asia. *GeoJournal*, 44, 3.
12. Stryjakiewicz T., Kaczmarek T., 2000. Transborder co-operation and development in the conditions of great socio-economic disparities: the case of the Polish-German border region: (In:) J.J. Parysek, T. Stryjakiewicz (eds), *Polish economy in transition: spatial perspectives*. Bogucki-Wydawnictwo Naukowe, Poznań.
13. Stryjakiewicz T., 2012. Związki geografii z historią i ekonomią oraz ich ewolucja. (In:) W. Maik, K. Rembowska and A. Suliborski (eds), *Związki geografii z innymi naukami*. WSG, Bydgoszcz: 51-68.
14. Węclawowicz G., Bański J., Degórski M., Komornicki T., Korcelli P., Śleszyński P., 2006. *Przestrzenne zagospodarowanie Polski na początku XXI wieku*. IGiPZ PAN, Warszawa.
15. Więckowski M., 2008. New international mobility of Poles. *Espace, Populations, Societies*, 2: 261-270.

RUSSIA'S RE-ORIENTATION TO THE ASIA: INTERNAL AND EXTERNAL AFTEREFFECTS

Abstract. Russia needs to fit into the international geopolitical and geo-economic landscape. The formation of this landscape is largely determined by alternating integration and disintegration cycles in the development of the world economy. The second global disintegration cycle that started in 2008 is expected to last 15-20 years. It will be followed by a new integration cycle, largely dependent on China (Pax Sinensis instead of Pax Americana). This change necessitates a number of steps: a significant strengthening of the Eastern vector in the development of Russia, the formation of the Moscow-Beijing-New Delhi triangle (as proposed by Evgeny Primakov) as well as providing access of energy-intensive and water-intensive goods from East Siberia by railway to the Chinese and Indian markets. Russia should express its interest in the construction of a railway from China to India. The integration in the Silk Road project allow Russia to reduce transportation costs and use a potentially heavy transit traffic for the modernization of the Trans-Siberian railway. These steps could radically change the role of the Baltic exclave of Russia: from being a 'window to Europe' the region is to turn into the westernmost point of an infrastructure axis extending from east to west. The creation of such an axis, combined with a sharp fall in transportation costs will facilitate the access of energy-intensive and water-intensive goods from the Urals and Siberia not only to the Asian but to the European markets also. The Kaliningrad region is increasingly taking on business facilitating functions, which used to be performed by the Soviet Baltic republics in the past. The region can play a more important role in the formation of Eurasia stretching from Shanghai to St. Petersburg (according to Dmitry Trenin), instead of the Europe from Lisbon to Vladivostok. The proliferation of Big Eurasia to the West starts with areas of instability, which can be attributed to the Balkans. Where are no pronounced regional leader, shaping the rules of the game for himself, there is a freedom to choose the integration project.

Key words: integration and disintegration cycles, Moscow-Beijing-New Delhi triangle, the railway from China to India, transportation costs, Trans-Siberian railway, "Continental curse" of Siberia, Big Eurasia, Balkans.

Introduction: cyclical development of the world economy

Unlike the USSR, Russia is not a superpower. As T.V. Bordachev stresses, the country does not have discretion to choose geopolitical priorities and it has to fit into the geopolitical and geoeconomic landscape, whose development it no longer controls. The landscape configuration is strongly affected by the alteration of

integration and disintegration cycles in the world economy. These cycles were studied since the end of 1970s by B.N. Zimin (1929-1995) and later by L.M. Sintserov [8]. According to Zimin, any integration has a leader at its centre and leaders shape integration to suit their needs. The first global integration cycle – *Pax Britannica* – lasted from the mid-19th century when Britain was the "workshop of the world" to 1914. It was followed by the first disintegration cycle, which embraced the two world wars and the two decades between them.

The second global integration cycle – *Pax Americana* – began in 1945, when the economy of the USA accounted for half of the world economy. The crisis of 2008 can be considered as its end. It is logical to suppose that two decades of an extremely turbulent 'multipolar world' will be followed by the advent of *Pax Sinensis*. The transition will be neither peaceful nor painless – the decline of *Pax Britannica* led to World War I and World War II is considered to be its continuation and conclusion. Today, relations between the current and future leaders of the world development are becoming increasingly strained. There are numerous signs of this process, for instance, the aspirations to replace the WTO – as the position of the US is weakening – with regional economic blocks inspired by American patterns.

Shift to the east: Maergoiz's and Vardomsky's concepts

The first block of this kind was the Trans-Pacific Partnership (TPP). The project of the Silk Road Economic Belt (SREB) can be considered as China's ambition to refocus economic ties to the West as a response to the pressure from the East. Donald Trump's victory in the US presidential election will most probably result in that the TPP will be abandoned and the efforts to finalise TIPP – an irritating factor for the residents of many EU countries, including the largest ones – suspended. However, one should not expect a dramatic change in the US policy. With China being the major benefactor of globalisation, following the rules imposed by the US, the rules will be changed soon. Moreover, Trump's incoming administration will have a clearer idea of China as a major geopolitical rival of the US than Obama's administration did. Thus, one can expect that Russia will be subject to increased pressure aimed at impeding its rapprochement with China. As a result, China and Russia may find themselves sandwiched between various economic partnerships in the East and the West. The anamorphical map (fig. 1) demonstrates enormous differences between the economic masses of the two countries. These differences explain the fact that Russia has stronger dependence on China than China on Russia.

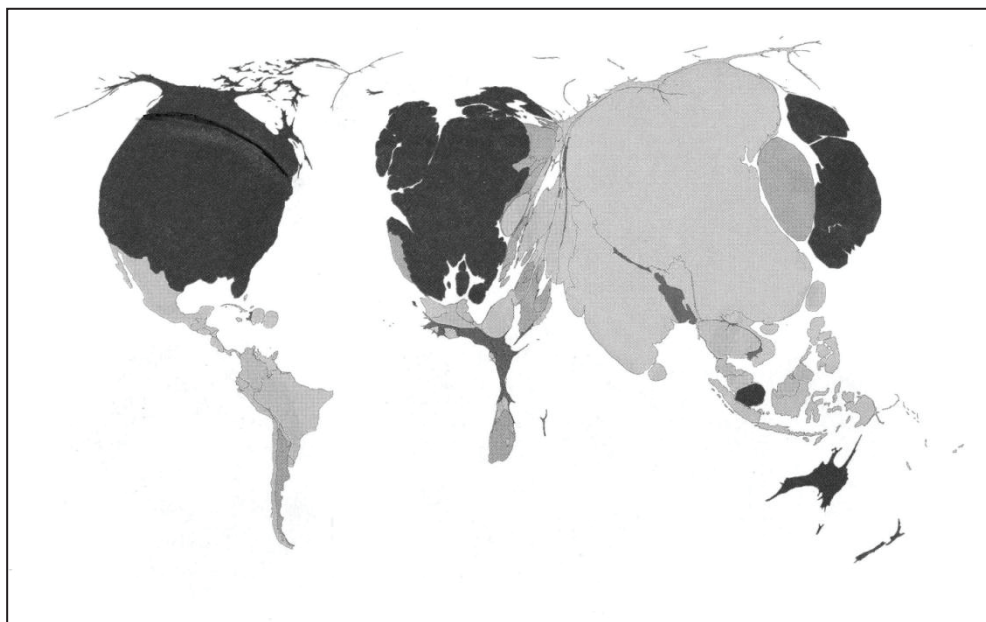

Fig. 1. Anamorphical map showing countries' 2020 GDP [10].

The danger of such unilateral dependence brings to mind the fundamental idea formulated by E.M. Primakov (1929-2015). He emphasised the need to form the Moscow-Beijing-New Delhi triangle. Among other things, the concept for Russia's territorial development should be analysed in the context of such a triangle.

As early as the 1970s, I.M. Maergoiz (1908-1975) – a scholar of phenomenal geographical intuition – put forward the concept of accelerated development of the Soviet Far East based on its unique geographical position [6]. A brilliant scientist, he was decades ahead of his time. He assumed that the axis of world development was moving from the Atlantic to the Pacific macroregion. Moreover, he believed that the accelerated development of the Far East would turn the region into a second development base for the Siberia and that this process would be boosted by two powerful surges coming from the West and the East.

Unfortunately, the opportunities for the industrial development of the Soviet Far East were missed, although the economic and demographical situation was much more favourable at the time. However, doubts were voiced as to whether the expensive and poorly qualified workforce of the Russian Far East could compete with the labour pool of East and Southeast Asia. A.N. Pilyasov proposed an audacious concept of post-industrial development of Siberia and the Russian Far East. He abandoned the idea of industrial development that the time had passed and argued that the extractive industry could be innovative in both production and social and environmental aspects [7]. Unfortunately, even the author of the concept does not overestimate its feasibility in the current political situation and he continues to develop the concept as a theoretical possibility.

L.B. Vardomsky – primarily in his oral presentations – emphasises that East Siberia has more favourable conditions for development than the Far East does. He believes that Russia has missed yet its chance on the rim of the Pacific and the country will be faced with increasing competition in the region. Eastern Siberia is in a more advantageous position, since it can act as a supplier of in-demand resources and their derivatives. Vardomsky often stresses the exceptional importance of strengthening economic ties with India for the development of Russia's eastern regions.

The existing transport corridor opens opportunities for European Russia to secure land connections with India but there are no such opportunities for Eastern Siberia. In 2014, a railway link was built to connect Uzen (Kazakhstan), Bereket (Turkmenistan), and Gorgan (Iran). Before that, cargo would be delivered via Sarakhs (Iran), making a huge detour. From Gorgan, trains can reach Iran's southwestern city of Zahedan, which is historically linked with the Pakistani railway network and serves as the starting point for the Pakistani gauge. Further, trains can run to India, if this is not impeded by the complicated relations between the countries. Cargo is carried from Gorgan to Bandar Abbas – a rapidly developing port with reliable logistics approximately 1100 nautical miles away from Bombay. A more convenient link via Azerbaijan will be built in the near future. A two-track electrified railway from Astara to Resht will be finished in the next few years and the Resht-Qazvin link will be inaugurated at the end of 2016.

"Continental curse" of Siberia: ways of overcoming

Even the authors of the Valdai club report who do not specialise in geography, and most notably S.A. Karaganov, insist on the development of sub-meridional thoroughfares – railways and motorways running from Siberia to overcome the region's 'continental curse' [3]. This goal assumes particular significance with the need for stronger economic ties with India. There is a project for the construction of a railway to link China and India, although it is still at its initial stage.

The Qinghai-Tibet railway (Golmud-Lhasa, 1143 km) was inaugurated in 2006. In 2014, it was extended to reach Shigatse. This is 253 additional kilometres, half of which are bridges and tunnels. An extension to Kathmandu is being discussed alongside a connection to India's railway network via Sikkim (fig. 2) – the distance from Shigatse to Darjeeling being approximately 400 km. Stretching to Kathmandu, such a railway will have both tourist and strategic significance much more than economic one. The Qinghai-Tibet railway – the most elevated railway in the world (it overcomes the Tanggula Pass, 5072 m above sea level) – is an impressive feat of engineering. It rests on embankments and driven-pile foundations, which excludes single-level intersections with motorways and rural roads. Thus, the construction of a second track required for large-scale cargo traffic

will involve the erection of a similar structure. This is next to impossible over the most challenging section between Lhasa and Shigatse.

Fig. 2. The Qinghai-Tibet railway and its possible extensions

Another obstacle to heavy-duty traffic is that locomotives have to operate in the conditions of extremely thin air. Even passenger trains are hauled by three *General Electric* locomotives from Golmud to Lhasa and by two in the opposite direction (the pressure and oxygen content in the cars is maintained at the level that prevent passengers from developing mountain sickness). Electrification can solve this problem but it will also bring new issues relating to power generation. Obviously, large exports of energy and water-intensive produce from Eastern Siberia to India require constructing a railway of a larger capacity.

When searching for a possible route, it is important to address the recent history, in particular, the famous Stilwell or Ledo Road – a grandiose structure dating back to the times of World War II. Until 1942, supplies were delivered to

the Chinese army, then fighting against the Japanese, via Rangoon. Further, cargo was carried by railway to Lashio in Burma's North-East and by motor vehicles to Kunming along the so-called Burma Road. After the fall of Rangoon and occupation of Lower Burma, supplies could be delivered only by air. Cargo was transported from Calcutta and even Karachi to Ledo in India's North-East (where the railway used to terminate and an airfield system was created) and further by cargo aircraft to Kunming.

The decision to construct a motorway to connect India and China was also made in 1942. The first convoy consisting of 113 vehicles travelled the 1736 km road (fig. 3) only in January-February 1945, which took three weeks. The gigantic structure included not only the road itself but also a petrol pipe for supplying Chinese allies and fuelling passing convoys. The capacity of the Stilwell road did not increase until the end of the war. Nevertheless, even limited operation of the road made it possible to transfer hundreds of lorries to the Kuomintang.

Fig. 3. The Ledo (Stilwell) road (a wartime map).

Plans to construct a railway from India to Burma were first conceived of as early as the end of 19th century. Naturally, the more recent case of the Stilwell road should contribute to their implementation. Russia's leadership must develop a strategic vision and use friendly relations with its Chinese partners to develop transport corridors that will open up the way to India for Siberian goods. This will

require mechanisms for interest reconciliation, which are being developed in the framework of a large-scale SREB project.

The idea of the Ural-Kuznetsk plant in the twenty-first century

L.A. Bezrukov stresses in his recent article [1] the need to develop the Trans-Siberian railway in the framework of the SREB to reduce cargo transportation costs to the level of sea transport. He argues that it is important to draw on the unprecedented experience of the Ural-Kuznetsk Plant (UKP) construction, when materials were shipped by land that earlier had been transported over comparable distances (2000 km) only by sea [5]. By the mid-1930s, 2 million tons of iron ore were transported from Ural deposits to the Kuznetsk Iron and Steel Plant and over 5 million tons of coal were carried from the Kuznetsk basin to the Ural region annually [9]. Heavy cargo traffic was a result of organising counter traffic and reconstructing the Trans-Siberian railway. Today, we should not only honour the memory of N.N. Kolosovsky (1891-1954) – the man behind the UKP construction, Trans-Siberian railway reconstruction, and the creation of the Angarsk industrial park – but also make a considerable reduction in the cost of cargo traffic along the Trans-Siberian railway and alternate routes a top national priority.

Russian reformers proclaimed the end of the railway historical mission much too early. For instance, V.L. Inozemtsev believes that the development of the Siberian economy requires developing air rather than railway transport [2]. While supporting the reconstruction of the existing Siberian airports and the construction of new ones, one could not but admit that the population of Siberia is too small for creating large airline hubs to significantly reduce transportation costs. Meanwhile the transit cargo traffic from China, Japan, and South Korea creates necessary preconditions for the construction of super-railways with heavy cargo traffic and unprecedentedly low land transportation costs.

The Qinghai-Tibet railway is not only a great victory in engineering and technology won by a great people but it is also a manifestation of the Chinese genius and exceptional endurance of their national character. However, it should not be considered an exceptional achievement, a record that is not to be beaten. Since 2013, a 1200 km railway from Kashgar (its old name is Kashi), the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, to Gwadar – a Pakistani port located 70 km away from the Iranian border – has been underway. To grasp the true scale of this massive project, one should take into account that the construction of a railway will be accompanied by upgrading the Karakoram Highway, which runs through the Khunjerab Pass at an altitude of 4693 m (some sources claim that the height of the pass is over 4800 m), and constructing an oil pipeline.

Expands or contracts the space? Perhaps it is premature to interpret economic space contraction as a long-term trend. Expansion and contraction cycles alternate and they may turn out to be shorter than expected due to the acceleration of historical processes. Moreover, these processes can have different directions at

different scales. Ongoing contraction in many – although not all – regions of the Federation can occur amid country-wide expansion with economic potential is gradually migrating eastward. Solving problems faced by a country that strives to secure or improve its global standing requires not only structural reforms but also massive infrastructure projects spanning a territory from the Baltic Sea to the Pacific Ocean. While the Chinese astound the world with their triumphs over the highest mountain systems, the major challenge for Russia is its enormous territory. The struggle against its resistance has lasted for centuries and it has become part of the national identity. These traditions should not be uprooted and ridiculed as an outdated conquest ideology chaining the country to a path of extensively development. On the contrary, they should be used to the benefit of the country. If the country is not ready to relinquish control over its territory, it should actively seek for ways to effective use of its vast space.

An American political scientist, who does not express tremendous admiration for Russia, could not understand how a nation that colonised such a vast territory east of the Urals can have an inferiority complex when facing the West instead of being proud of its achievements [4]. The railway imperialism (accelerated railway construction in Siberia, in the Far East, and Central Asia), which astonished Europeans in the late 19th - early 20th century was a significant contribution to the global civilisation, comparable to the discovery of the Antarctic. A reconstruction of the country is impossible without a reconstruction of national character based on enlightened patriotism bequeathed by the great ancestors. Not only do the Russians need to know their territory but also they need to have a correct idea of its role in the country's development. One cannot overestimate the scale of the challenge faced by the geographical science in this context.

Conclusion: the Big Eurasia formation

The formation of a Big Eurasian will have a variety of geopolitical implications, including for the Balkans. Russia is doomed to the long lasting rearguard action on the Ukrainian front, quite aware of their purely local importance in times of the re-orientation towards the East. At the same time, the proliferation of Big Eurasia to the West is unlikely to be uniform and subsequent. Apparently, it starts with areas of instability, which can be attributed to the Balkans. Where are no pronounced regional leader, shaping the rules of the game for himself, there is a freedom to choose the integration project. If Russia has no choice – shift to East has become a matter of self-preservation, Serbia, Bosnia and Herzegovina are having such a choice. These countries will be able to choose between Eurasian and European integrations, depending on which of them will be the most attractive. Of course, the most preferred option – not to participate in only one large-scale project, but in both.

References

1. Bezrukov, L.A. 2016, *Transsib i Shelkovyy put: globalnaya infrastruktura I regionalnoye razvitiye* [Trans-Siberian Railway and the Silk Road: Global Infrastructure and Regional Development], *Ekonomika I organizatsiya promyshlennogo proizvodstva* [Economy and organization of industrial production], no. 7, p. 21-36.
2. Inozemtsev, V. 2013, *Ekonomika prostranstva: Vozdukh protiv relsa* [Economy of Space: Air Vs. Rail], *Vedomosti*, 11.06.2013
3. Bordachev, T.V. (ed.), 2016, *K Velikomu okeanu-4: Povорот na vostok. Predvaritelnyye itogi I novyye zadachi. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday»* [To the Great Ocean-4: Turn to the East. Preliminary Results and New Tasks. Report of the International Discussion Club "Valдай"], 2016, May, Moscow, available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/12395/> (accessed 14.07.2016).
4. Kaplan, R.D. 2013, *The Revenge of Geography. What the Maps Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*, N.Y., Random House, 418 p.
5. Kolosovskiy, N.N. 2009, *Budushcheye Uralo-Kuznetskogo kombinata* [Future of Ural-Kuznetsk Plant], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economy], no. 4, p. 126-141.
6. Mayergoyz, I.M. 1974, *Unikalnost ekonomiko-geograficheskogo polozheniya sovetskogo DalnegoVostoka I nekotoryye problemy ego ispolzovaniya v perspective* [Uniqueness of an economical geographical location of the Soviet Far East and some challenges of its use in the long-term], *Vestn.Mosk. un-ta. Ser. V. Geografiya*, no.4, p. 3-8.
7. Pilyasov, A.N. 2009, *I posledniye stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will become the first: The northern periphery on the way to knowledge economy], Moscow, 544 p.
8. Sintserov, L. M. 2000, *Dlinnyye volny globalnoy integratsii* [Long waves of global integration], *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], no. 5, p. 56-64.
9. Uralo-Kuzbass, 2009. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia], T. 3, Novosibirsk, Ist. Naslediye Sibiri.
10. Gusein-Zade, S.M., Tikunov, V.S. 2015, *Visualisation in noneuclidean metrics*, Hong Kong, The Chinese University of Hong Kong, 213 p.

ПОЗИЦИЈА НА ЕВРОАЗИЈСКОЈ ВЕЛИКОЈ ШАХОВСКОЈ ТАБЛИ ДВАДЕСЕТ ГОДИНА ПОСЛЕ

М. Stepić

THE POSITION ON THE EURASIAN GREAT CHESSBOARD TWENTY YEARS LATER

Abstract: In his *The Great chessboard* from 1997, Brzezinski conceptually defines the way by which the United States should retain control of Eurasia as a precondition for global hegemony. However, over the next twenty years the situation has radically changed. The author states that the majority of “geostrategic players” and “geopolitic pivots”, as identified by Brzezinski, have strengthened and began to oppose US domination. Moreover, what the “Empire” feared the most, has followed – “barbarians” began to unite in order to terminate its command of Eurasia. This paper comes forward with argumentation that with the advent of multipolarism, the telurocratic-thalassocratic antagonism is transformed, and with it also the (neo)classical Heartland-Rimland form and most of the other geopolitical paradigms. These changes have an epochal and fundamental character, and they project themselves on the Balkans region, whose importance, even in the new circumstances, is not reduced.

Keywords: “big spaces”, “geostrategic players”, “geopolitical pivots”, multipolarism, Eurasia, the Balkans

1. Геополитички распоред Евроазијских „шаховских поља“ у јеку апсолутног униполаризма

Када је пре стотинак година Освалд Шпенглер својом двотомним делом *Пропаст Запада*¹ указао на силазну, деклинистичку будућност Европско-америчке цивилизације, парадоксално је да су реални показатељи наговештавали да Запад, у ствари, улази у фазу своје максималне моћи. И док

---

¹ Шпенглер је наслов дела одредио 1912. године и писање привео крају 1914. године, али књигу због избијања Првог светског рата није одмах штампао. Предговор је написао крајем 1917. године, а први том књиге, под насловом „Облик и стварност“, објављен је средином 1918. године у Бечу. Други том („Светско-историјске перспективе“) изашао је 1922. године, а друго издање прве књиге, са донекле измењеном садржином, појавило се 1923. године. Видети: Oswald Spengler, *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* (Band 1: Gestalt und Wirklichkeit), Braumüller, Wien, Leipzig, 1918. и Oswald Spengler, *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* (Band 2: Welthistorische Perspektiven), C. H. Beck, München, 1922.

су две централноевропске империје 1918. године претрпеле пораз, а она источноевропско-азијска се крунила у револуцији, братоубилаштву, рату против интервенциониста и потоњим идеолошким сукобима, поморске силе са обе стране северног Атлантика, упркос ратним губицима и трошковима, геополитички су конкретизовале тријумф и нараслу моћ. Француски прекоморски поседи били су огромни, Велика Британију су колоније широм света чиниле „Империјом где Сунце никада не залази“, а САД су одавно изашле из монроовског континенталистичког раздобља, те широм Светског океана и његових приобаља постављале тачке ослонаца за будуће глобалне амбиције.

Био је то истински тријумф таласократије, из којег су проистекле многе антителиурократске геополитичке мере као што је, на пример, у Европи било формирање Санитарног кордона и Краљевине СХС у његовом саставу. У Другом светском рату једини истински победник биле су САД, мада су добиле моћног, евоазијског, континенталистичког супарника – СССР. Биполаризам и Хладни рат представљали су класичан геополитички судар „моћи мора“ и „моћи копна“, где су на Мехеновим, Мекиндеровим, Спајкменовим и Кенановим постулатима Американци наметнули правила игре. Захваљујући томе, Запад је у праскозорје последње деценије 20. века победио, територијално се проширио, потиснуо и опколио главног, а деморалисао остале противнике, те успоставио „свој“, униполарни, глобалистички поредак. Као што је раније пласирао тезу о „крају географије“, сада је прогласио „крај идеологије“ и „крај историје“. Вестернистички Рах Америчана није дозвољавао нарушавање монопола у „опросторењу политичког“, те је громогласно поручио да ће геополитику сменити геоекономија. Али, тријумфализам Запада трајао је релативно кратко. „Варвари“ су почели не само да појединачно јачају, већ да се удружују против „Империје“. Шпенглер је, ипак, имао право – била је то „лабудова песма“ Запада.

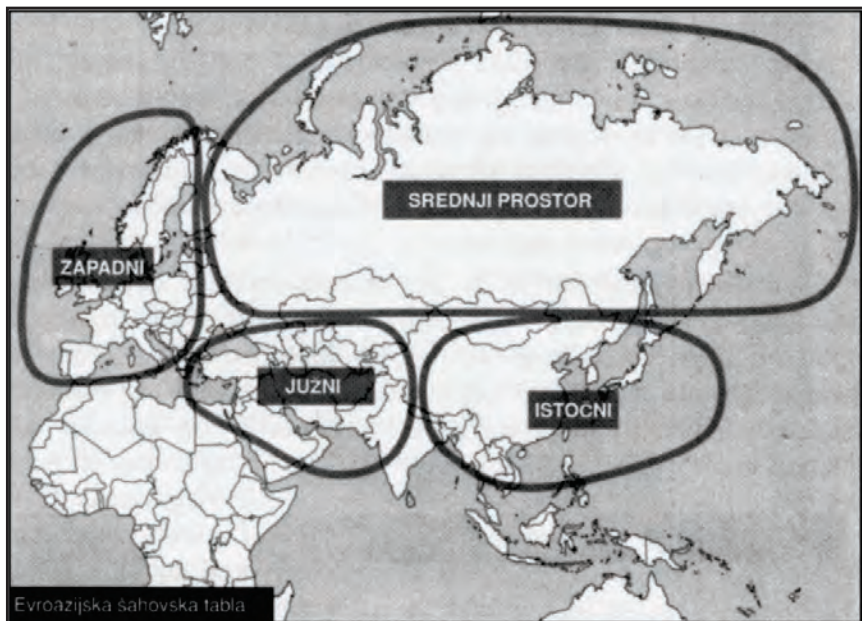
Знајући да ће снага и амбиције евроазијских супарника и даље расти, а настојећи да задрже своју глобалну хегемонију, САД су време *апсолутног униполаризма* током последње деценије 20. века искористиле да се још боље позиционирају и концепцијски осмисле ако не „глобалну доминацију“, онда „глобално вођство“². „Образац“ је поставио Збигњев Бжежински, кључни творац и реализатор америчке хладноратовске геополитике, у не толико оригиналном, колико програмски интонираном делу *Велика шаховска табла – амерички примат и њени геостратегијски императиви*, објављеном 1997. године. Не одступајући од постулата утемељивача англосаксонске геополитике, он је већ у уводу књиге истакао да је још пре 500 година, „од када је почела међусобна политичка интеракција континената“³, Евроазија

² Zbigniew Brzezinski, *Američki izbor: globalna dominacija ili globalno vodstvo*, Politička kultura, Zagreb; CID, Podgorica, 2004.

³ Zbigniew Brzezinski, *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, New York, 1997, стр. XII.

постала средиште светске моћи. Нема сумње да је она задржала планетарни геополитички значај и после слома Совјетског Савеза, који је представљао прави „тектонски поремећај у међународним односима“⁴, а њена круцијална улога трајаће и у будућности. Међутим, евроазијски простор је исувише велики, хетероген и територијално подељен да би био политички јединствен, што, како сматра Бжежински, јесте срећа за САД. Веран геополитичким идејама и концепцијама својих претходника, он је поентирао: „Евроазија је шаховска табла на којој ће се наставити борба за светски примат“.⁵ (карта 1)

Карта 1: Картографски приказ евроазијске „Велике шаховске табле“
3. Бжежинског

Извор: Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, CID, Podgorica; Romanov, Banja Luka, 2001, стр. 37.

Евроазијска „велика шаховска табла“, на којој би САД као глобална сила лоцирана изван Евроазије(!) водила „шаховску партију“ према правилима које је унапред поставила, заснивала се на идеји великих простора и класичном *Heartland-Rimland* моделу прилагођеном постмодерним условима. Највеће „шаховско поље“ представља *Средњи простор*, који према територијално-морфографским својствима и геополитичкој функцији одговара Мекиндеровој „Осовинској области“ (*Heartland-у*), тј. Русији. Дуж

⁴ Исто, стр. XII

⁵ Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, CID, Podgorica; Romanov, Banja Luka, 2001, стр. 36.

пространог, лучног обода Евроазије нанизани су *Источни*, *Јужни* и *Западни простор*, који су заједно аналогни Мекиндеровом Унутрашњем или Ивичном полумесецу и Спајкменовом Rimland-у. Њихова улога остала би потпуно иста – да на (нео)класичан геополитички начин и у постмодерном добу опкољавају, потискују и неокенанистички „обуздавају“ Средњи простор (Русију), те да обезбеде даљу америчку контролу Евроазије, а тиме и света.

Контактне зоне три ободна простора са Средишњим простором, тј. потенцијални „прелази“ којима се крећу „фигуре“ између три мања и највећег „шаховског поља“, одликују се великом геополитичком енергијом и конфликтним потенцијалом, што омогућује САД да тиме манипулишу ради задржавања надмоћи у Евроазији и притиска првенствено на Русију, али у будућности и на Кину, Индију, Јапан, ЕУ (Курилска острва, кинеско-руска граница на Амуру и Усури, постсовјетске централноазијске републике, Украјина, Белорусија, Прибалтика...). Такође, Американцима је веома важно да артикулишу „кризни менаџмент“ у нестабилним „карикама“ које спајају Источни и Јужни простор (Кашмир, Тибет, Синкјанг), те Јужни и Западни простор (Балкан, Егејски басен, Босфор и Дарданели, Мала Азија). У сваком од три ободна „велика простора“ САД су у последњој деценији 20. века апострофирале државе и народе који ремеће њен глобално димензионисан „национални интерес“, те их прогласиле за припаднике „осовине зла“ и „одметничке елементе“ које је неопходно „уподобити“ – у Источном простору Северну Кореју и имплицитно Кину; у Јужном простору Иран, Ирак и Сирију; у Западном простору Србију и целокупан српски чинилац.

2. Јачање америчких „изазивача“ и нова Евроазијска географија моћи

Дефинишући великопросторне темеље настављања америчке супремације у Евроазији, Бжежински је нагласио да ће она бити могућа само ако САД буду спроводиле конзистентну стратегију. Њени краткорочни циљеви (у наредном петогодишту од референтне 1997. године) односили би се на спречавање јачања и антиамеричког савезничког повезивања евроазијских земаља. Средњорочни циљеви (у двадесетогодишњем периоду, тј. управо до 2017. године) усмерили би се на формирање трансевроазијског безбедносног система у чији састав би улазили Америци компатибилни партнери. У контексту дугорочних циљева (у раздобљу дужем од 20 година) он би се трансформисао у језгро глобалног геополитичког система, који би био у функцији остваривања интереса и очувања хегемоније САД.⁶ Иако их планира за постмодерно раздобље, Бжежински будуће америчке интересе ипак заснива на два темељна (нео)класична геополитичка принципа: једном,

---

⁶ Zbigniew Brzezinski, „A Geostrategy for Eurasia“, *Foreign Affairs*, Council on Foreign Relations Inc, New York, 1997, Vol. 76, № 5, September/October 1997, p. 58.

територији, тј. *територијалној експанзији* у квалитативном (географски положај, природни ресурси...) и квантитативном смислу (увећање просторне величине) и другом, *националним државама* као (још увек) основним јединицама светског система и непревазиђеним геополитичким актерима.

У *територијалном* смислу, САД су убрзо по окончању Хладног рата искористиле „аквизиције“ дуж евроазијског Rimland-а и са тог „мостобрана“ (bridgehead), као са „оскочне даске“ (springboard), транслирале свој утицај у дубину копнене унутрашњости (hinterland).⁷ Не желећи да директно провоцирају Кину и Русију (нуклеарне силе), то нису оствариле на Далеком Истоку, али јесу у источној Европи и делимично на Балкану, те у постсовјетском централноазијском простору, засецајући чак и делове Мекиндеровог Heartland-а. Са становишта *држава* које ће бити главни актери у „партији“ на постављеној евроазијској „великој шаховској табли“, Бжежински је потврдио челну позицију тада једине глобалне силе – САД. Оне ће „водити игру“, тј. „помераће фигуре“ – најзначајније аутохтоне државе, подељене у две групе:

• *Геостратегијски играчи* (geostrategic players) су „шахисти“ *вишег реда* и имају капацитет да утицај остваре далеко изван својих граница и промене постојећу дистрибуцију глобалне моћи, те на тај начин угрозе америчку доминацију. Иако су САД у последњој деценији 20. века биле далеко снажније од свих њих заједно, амерички задатак у будућности биће да им одреде противтежу (неокенанистички „балансири“), а нарочито да онемогуће њихово антиамеричко повезивање („удруживање варвара“). Бжежински је издвојио *пет* геостратегијских играча:

1. и 2. *Немачку* и *Француску* у Европи као „најбитнијем америчком геополитичком мостобрану на евроазијском континенту“⁸;
3. *Кину*, чија нарастајућа моћ не би смела да достигне глобалне, већ само „дозвољене“ регионалне димензије (тзв. Велика Кина), и то без угрожавања америчке „далекоисточне котве“⁹;
4. *Индију*, „полутајну нуклеарну силу“¹⁰, све значајнијег чиниоца на југу Азије и у басену Индијског океана;
5. *Русију*, наследницу Совјетског Савеза чији је нестанак „створио „црну рупу“ у самом средишту Евроазије“¹¹, која ће, упркос „вероватно дугој болести“¹², поново испољити своје амбиције на евроазијском и

---

⁷ Миломир Степић, *Геополитика – идеје, теорије, концепције*, Институт за политичке студије, Београд, 2016, стр. 472.

⁸ Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, нав. дело, стр. 57.

⁹ *Исто*, стр. 143.

¹⁰ *Исто*, стр. 47.

¹¹ *Исто*, стр. 85.

¹² *Исто*, стр. 45.

глобалном плану, што би САД требало да „обуздавају“, радећи чак и на њеној фрагментацији¹³.

(Индикативно је да Бжежински међу геостратегијске играче није уврстио неколико моћних и за САД важних држава – Индонезију, најмногољуднију исламску земљу света, лоцирану између Тихог и Индијског океана, те Велику Британију и Јапан као симетрично позициониране и потпуно подређене америчке експоненте на атлантској и пацифичкој „фасади“ Евроазије.)

• *Геополитички стожери* (geopolitical pivots) су актери *нижег реда* и немају својства захваљујући којима би могли да играју важнију евроазијску и глобалну улогу. Али, они могу да буду „катализатори“ геополитичке динамике и тако утичу не само на позиције геостратегијских играча, већ и на претензије САД да задрже хегемонистички status quo. Њихов значај проистиче углавном из географског положаја у односу на природне ресурсе, комуникацијске коридоре, стратeгијске тачке, правце и регионе, културно-цивилизацијска средишта и економски развијене целине, те интересе једног или више геостратегијских играча. Сходно томе, Бжежински је нагласио да САД имају витално важан задатак да штите геополитичке стожере, вежу их за себе и пресудно утичу на њихову геополитичку будућност, те је издвојио такође *пет* таквих држава:

1. *Украјину*, чије и сâмо постојање негативно делује на Русију, те одлучујуће утиче на њен будући статус – ако је не држи у својој утицајној сфери, Русија престаје да буде (и) европска сила, а ако је буде поново контролисала, Русија добија моћ не само евроазијских, већ и глобалних домета¹⁴;
2. *Азербејџан*, као „чеп на боци“¹⁵ каспијских и централноазијских петролејских лежишта, који може да онемогући њихово цевоводно транспортовање кроз Русију или проруске територије;
3. *Јужну Кореју*, као „док“ где су се САД „привезале“ за далекоисточну обалу Пацифика, која би и даље требало да „игра улогу америчког „истуреног положаја“ уметнутог између све снажније Кине и опорављене Русије, те притајеног Јапана“¹⁶;

---

¹³ Бжежински је залагање за поделу Русије на три конфедералне јединице конкретизовао и картографски приказао у чланку који је објављен исте године када и *Велика шаховска табла* (1997.). Видети у: Zbigniew Brzezinski, „A Geostrategy for Eurasia“, нав. дело, стр. 60.

¹⁴ Бжежински потенцира значај Украјине и констатује де њено осамостаљење „представља губитак виталног геополитичког простора за руску државу“ и да „уколико би повратила контролу над Украјином, Русија би још увек могла да буде лидер једне одлучне евроазијске империје“. Видети у: Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, нав. дело, стр. 89.

¹⁵ Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, нав. дело, стр. 47.

¹⁶ Миломир Степић, *Геополитика – идеје, теорије, концепције*, Институт за политичке студије, Београд, 2016, стр. 478.

4. и 5. *Турску и Иран*, који су за САД важни зато што забрањују руски приступ Средоземљу, Персијском заливу и Индијском океану, спутавају обнављање утицаја Русије у муслиманским државама Блиског Истока и постсовјетске Централне Азије, те располажу таквом просторном, демографском, војном и економском моћи која их, према Бжежинском, квалификује чак и за геостратегијске играче.

Збигњевистички замишљен хијерархизован униполарни систем САД – геостратегијски играчи – геополитички стојери није профункционисао на глобалном плану. Он се показао само ограничено ефикасним, и то у регионалним размерама и у суочавању са недораслим супарницима, као што је то било, на пример, у „балканском експерименту“ током сукоба „за југословенско наслеђе“. У њему је, упоредо са САД, непосредно учествовало још пет од десет водећих „шахиста“ које је издвојио Бжежински – три од пет геостратегијских играча (Немачка, Француска и Русија) и два од пет геополитичких стојера (Турска и Иран)¹⁷ – али се већ на том примеру могло назрети да је апсолутна подређеност америчкој доминацији дугорочно неодржива. А САД су у том тренутку досезале врхунац моћи!

Године 1996. која је претходила објављивању *Велике шаховске табле*¹⁸, САД су биле убедљиво водећа светска економија (више од 1/4 светског БДП-а). Њену доминацију (не)посредно су увећавали „савезници“ на далекоисточном (транспацифичком) и европском (трансатлантском) „мостобрану“ – Јапан је био друга светска економија (15% светског БДП-а), а Ј. Кореја једанаеста (1,9%), док је „велика ЕУ/НАТО четворка“ (Немачка, Француска, В. Британија и Италија) заузимала треће, четврто, пето и шесто место, учествујући у светском БДП-у са 21,7%. Укупно, САД и њеним савезницима припадало је готово 2/3 светског БДП-а, а тај износ додатно су увећавали Канада и остале чланице ЕУ/НАТО. (табела 1а) И други важан чинилац „тврде моћи“ – војни потенцијал – ишао је 1996. године у прилог САД и њених савезника. У укупним војним трошковима света САД су тада учествовале са 38,3% и биле убедљиво најјача војна сила. Четири кључне трансатлантске „мостобранске“ земље (В. Британија, Француска, Немачка и

---

¹⁷ О балканској пројекцији „велике шаховске табле“ детаљније видети у: Миломир Степић, „Перспективе Косова и Метохије у контексту глобалних геополитичких концепција“, у зборнику: *Срби на Косову и Метохији* (уредник: Стеван Карамата), Научни скупови, Књига 112; Одељење друштвених наука, Књига 26; Српска академија наука и уметности, Београд, 2006, стр. 259-281. (видети карту на стр. 269)

¹⁸ Године 1996. Бжежински је приводио крају рукопис књиге, њен увод под насловом „Политика великих сила“ написао је априла 1997. године, а књига је из штампе изашла октобра 1997. године. У ствари, „преломно“ својство те 1996. године уочио је угледни руски економист и политичар Михаил Делягин (Михаил Геннадјевич Делягин) констатујући: „Поврх свега, од 1996. године свако озбиљно разматрање и руско-америчких односа подразумева и Кину.“ Видети у: Михаил Делягин, „Унутар елите САД постоји консензус: Кину по сваку цену одсећи од америчког тржишта“, <http://fakti.org/globotpor/quo-vadis-orbi/unutar-elite-sad-postoji-konsenzus-kinu-po-svaku-cenu-odseci-od-americkog-trzista> 24/02/2017.

Италија) заузимале су високо друго, треће, четврто и шесто место, а њихов заједнички удео у светским војним трошковима био је 19%. Два америчка упоришта на транспацифичком „истуреном положају“ (Јапан и Ј. Кореја) налазили су се на петом и деветом месту и учествовале са додатних 6,3%.¹⁹

Табела 1: Показатељ промена „тврде моћи“: БДП водећих земаља света 1996-2016. године

а)			
1996.	ДРЖАВА	МИЛИЈА РДИ ДОЛАРА	% СВЕТСКОГ БДП-а
1.	САД	8.100	25,8
2.	Јапан	4.706	15,0
3.	Немачка	2.504	8,0
4.	Француска	1.614	5,1
5.	В. Британија	1.393	4,4
6.	Италија	1.309	4,2
7.	Кина	864	2,8
8.	Бразил	850	2,7
9.	Шпанија	641	2,0
10.	Канада	629	2,0
11.	Ј. Кореја	603	1,9
14.	Индија	400	1,3
16.	Русија	392	1,2
	СВЕТ	31.401	100,0
б)			
2016.	ДРЖАВА	МИЛИЈА РДИ ДОЛАРА	% СВЕТСКОГ БДП-а
1.	САД	18.562	24,7
2.	Кина	11.392	15,1
3.	Јапан	4.730	6,3
4.	Немачка	3.495	4,6

¹⁹ У овом чланку сви нумерички подаци, процентуални прорачуни и рангирања држава на светској листи војних трошкова извршени су на основу:
<http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1604.pdf>, 08/03/2017.
<https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-constant-USD.pdf>, 08/03/2017. и
<https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-world-regional-totals.pdf>, 08/03/2017.

5.	В. Британија	2.650	3,5
6.	Француска	2.488	3,3
7.	Индија	2.251	3,0
8.	Италија	1.852	2,5
9.	Бразил	1.770	2,4
10.	Канада	1.532	2,0
11.	Ј. Кореја	1.404	1,9
12.	Русија	1.268	1,7
	СВЕТ	75.213	100,0
Извор: https://knoema.com/tlcncrg/gdp-by-country-world-largest-economies , 31/01/2017.			

На другој страни, евроазијски изазивачи САД били су у то време далеко слабији. Међу првих десет на светској ранг-листи економске моћи била је само Кина (7. место), која је тек кретала стазом успона. Њен БДП био је 1996. године готово десет пута мањи од америчког, пет пута од јапанског и готово три пута од немачког. Индијска економија заузимала је тек 14. место (1,3% светског БДП-а) и такође споро кретала узлазном линијом. У најнеповољнијој ситуацији налазила се Русија, најпространија и природним потенцијалима најбогатија земља света, али и „таргетирани“ архи-супарник САД. После слома СССР, те „највеће геополитичке катастрофе“ (Путин), она се силовито и неконтролисано приближавала пропасти. У првој години нове самосталности (1992.) она је била 9. економија света, да би потом уследио њен вишедимензионални „слободни пад“ – геополитички, дипломатски, економски, војни, демографски, морални... Године 1996. (пред објављивање *Велике шаховске табле*) њен БДП спустио се на 16. место у свету, а 1999. године, управо у време агресије НАТО на СР Југославију(!) пао је најниже – на 22. место.²⁰ Било је то време када је Русија и у војном смислу била „на коленима“, срамним поразом и повлачењем окончаваши тзв. Први чеченски рат 1996. године. У укупним светским издвајањима за војне потребе те године њено учешће било је само 2,8% (тек 7. место), а још слабије биле су Кина са 2,6% (8. место) и Индија са 1,8% (11. место). Дакле, најпространија и две најмногољудније земље Евроазије и света имале су укупно тек незнатно веће војне трошкове од Јапана и Ј. Кореје!

Две деценије после објављивања *Велике шаховске табле* догодило се управо оно на што је Бжежински упозоравао САД да морају превентивно да онемогући ако желе задржавање глобалне супремације. Кључни евроазијски геостратегијски играчи и геополитички стожери су не само економски ојачали, него су и све мање били у подређеној позицији. Кина је спроводећи „политику реформе и отварања“ постигла у дугом периоду стабилан годишњи раст од готово 10%, што је незапамћено у економској историји.

²⁰ <https://knoema.com/tlcncrg/gdp-by-country-world-largest-economies>, 31/01/2017.

Године 2010. претекла је Јапан и постала друга светска економија, брзо се приближавајући САД. Водећу светску позицију у потрошњи енергената Кина је преузела 2012. године (21,9%), а у увозу нафте 2013. године.²¹ Вредност кинеског извоза у САД 2015. године била је четвороструко већа од увоза, што ова два глобална гиганта све више доводи у конкурентске, мада није искључено и у обострано корисне, мутуалистичке односе.²² У односу на 1996. годину, америчка економија је 2016. године порасла 2,3 пута, а кинеска чак 13 пута. Удео америчке у светској економији 2016. године незнатно је опао у поређењу са оним из 1996. године (БДП је и даље готово 1/4), али је кинески достигао 15,1% (као јапански 1996. године) и њен БДП 2016. године износио је 61,4% америчког.²³ (табела 1б) О кинеском успону и светском значају сведочи и задивљујући пораст војне моћи. Према проценама SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute), она је постала трећи светски извозник оружја, а њен удео у светским војним трошковима за протеклих двадесетак година порастао је готово осам пута (са осмог скочила је на друго место).²⁴ Истовремено, учешће америчких у светским војним трошковима опало је за две деценије са 38,3% на 35,6% (2010. године износило је чак 43%).²⁵

И остали евроазијски „шахисти“ све више постају економски и геополитички еманциповани субјекти. Индија је у поређењу са 1996. годином свој БДП 2016. године увећала 5,5 пута и са четрнаестог се попела на седмо место на светској ранг-листи. ММФ прогнозира да ће до 2020. године напредовати до петог места, а до 2030. године престићи Немачку и Јапан, те постати трећа економска сила света. И њена војна моћ указује на повећане геополитичке амбиције (војне трошкове увећала је за протеклих двадесетак

---

²¹ Детаљније о економским, а нарочито енергетским показатељима успона Кине видети у: Драгана Митровић, Драган Траиловић, „Геополитичке последице кинеске енергетске стратегије у Централној Азији“, у зборнику: *Србија и евроазијски геополитички простор* (приредили: Миломир Степић, Живојин Ђурић), Институт за политичке студије, Београд, 2013, стр. 178-181.

²² Момир Булатовић, „Доналд Трамп између патриотизма и мутуализма“, *Печат*, ИП „Наш Печат“, Београд, бр . 456, 3. фебруар 2017, стр. 15.

²³ Према паритету куповне моћи, кинеска економија већ сада је надмашила америчку. Процене Међународног монетарног фонда (ММФ) поручују да ће се 2020. године БДП Кине приближити америчком на око 75%, да би га 2030. године премашао за 4 процентна поена.

²⁴ Реални кинески војни трошкови 2016. године износили су око 146 милијарди \$, мада процене SIPRI-а иду и до 215 милијарди \$. Разлика између две цифре резултат је кинеског исказивања војних трошкова у јуанима, валути коју Кина држи депресираном ради стимулисања извоза.

²⁵ Како би задржао америчку војну надмоћ, нови председник Д. Трамп најавио је крајем фебруара 2017. године да ће од Конгреса тражити „историјско“ повећање војног буџета за 9% (за 54 милијарде \$) у 2018. години. Видети: <http://www.newsweek.rs/svet/81697-opasna-megalomanija-trampov-vojni-budzet-najveci-u-poslednjih-15-godina.html>, 08/03/2017.

година готово три пута, те учинила скок са једанаестог на шесто место светске ранг-листе). Иран се успешно деценијама одупире притисцима САД и постаје све утицајнији на Блиском и Средњем Истоку. Турска, најважније америчко упориште и „сидро НАТО“ у источном Медитерану, после покушаја државног удара средином јула 2016. године у коме је идентификован „рукопис“ Вашингтона, хитро је интензивирала везе са Русијом, најављујући преоријентисање од евроатлантизма ка (нео)евроазијству. Азербејџан ипак није успео да се издвоји из руске интересне (постсовјетске) сфере, а покушај Запада да по „рецепту“ Бжежинског то учини са Украјином завршио се њеном дестабилизацијом и фактичком фрагментацијом, те формирањем дуготрајне кризне зоне уз саму границу Русије и отпочињањем антируског економског рата.

Међу геополитичким играчима које је издвојио Бжежински, одан и економски успешан проамерички чинилац после двадесет године остала је само Ј. Кореја, која у контексту своје далекоисточне позиције за сада и нема други избор. Од геострагијских играча, Француска и Немачка, као „носећи стубови“ европског „мостобрана“ САД, у светској економији више нису оно што су били – удео немачког у светском БДП-у опао је са 8,0% на 4,6%, а француског са 5,1% на 3,3%. Још уочљивије је смањење њиховог учешћа у укупним војним трошковима света, те следствени пад на ранг листи (Француска са другог на седмо, а Немачка са четвртог на девето место). Тренд даљег назадовања ће се наставити, а он важи и за остала два члана „велике европске четворке“ – одлазећу В. Британију и нарочито Италију – као и за читаву ЕУ, коју додатно потресају дестабилизујући центрифугални и имиграциони процеси.

На другој страни, са персоналном променом на челу Русије, почео је прво поступни, а потом и њен бржи опоравак, државна консолидација и, што је најважније, враћање самопоштовања и самопоуздања. Међутим, тек 2008. године Русија се вратила на позицију девете светске економије коју је заузимала још 1992. године, што је и даље релативно ниско за земљу таквих квалитета и квантитета. Светска финансијско-економска криза 2008. године зауставила је руски успон и вратила је неколико места ниже. Управо када је поново почела да се опоравља (8. место, са БДП-ом 2.232 млрд. \$ 2013. године), уследиле су, санкције Запада „правдане“ украјинском кризом. То је још једном „обуздало“ економски раст Русије (12. место, са БДП-ом 1.268 млрд. \$ 2016. године).²⁶ Упркос томе, руска економија, до тада великим делом ослоњена на извоз енергената, почела је да се ослобађа увозне оријентације и окреће се сопственој пољопривредној, индустријској и другој производњи. Војно јачање, такође, било је очигледно. На стабилном је другом месту у извозу наоружања и војне опреме, а њен удео у светским војним трошковима за две деценије порастао је са 2,8% на 4% (скок са 7. на 3-4. место), мада је

---

²⁶ <https://knoema.com/mhrzol/gdp-statistics-from-the-world-bank?country=Russia>, 31/01/2017.

вишеструко мањи од америчког и кинеског. Пораст међународног утицаја, успостављање антиамеричких „осовине пријатељства“²⁷ са кључним азијским земљама (првенствено са Кином), стварање алтернативних интеграција и операционализација теоријско-концепцијских поставки неоевроазијске геополитике, вратили су Русији статус силе глобалних домета. Ангажманом у Сирији то је ставила до знања.

3. Униполарна „велика шаховска табла“ vs. мултиполарни рах eurasiatrica

Одмицањем 21. века и даљим залажењем у постмодерну епоху свет се суочава са све „опипљивијим“ крајем и релативног униполаризма, тј. не само са окончавањем неприкосновне светске супремације, него и са релативизовањем предводничке улоге САД. Америчко настојање да помоћу ЕУ и НАТО задржи „централни положај Атлантске заједнице у светским размерама“²⁸, укључујући и инструментализовање Европе као „одскочне даске“ за продор ка Русији²⁹, суштински представља хладноратовски анахронизам. Показује се неодрживом и контрола „ланца“ састављеног од Јапана, Јужне Кореје, Тајвана (иако de iure дела Кине) и Филипина, којим би се даље блокирала источна „фасада“ Евроазије. Намера да се две деценије после предлога Бжежинског појави пацификована Евроазија, којом би продужиле да управљају САД тако што би наставиле да исцрпљују, опкољавају и фрагментирају Русију, док би кинеске нарасле амбиције задовољиле „допуштањем“ стварања тзв. Велике Кине (чак и као псеудоглобалне силе, али без ширења ка пацифичкој пучини!³⁰) – такође није реална. Ојачали кључни „геостратегијски играчи“ Кина и Русија (па и Индија) – ни појединачно, а још мање у „симбиози интереса“ – недвосмислено показују невољност да се уклопе у америчку „шему“, већ јасно стављају до знања да имају довољно и моћи и хтења за мењање геополитичких парадигми и успостављање новог светског система.

Геоцивизацијски, геоекономски и геополитички (мега)тренд премештања глобалног тежишта, САД не могу да зауставе ни инструментализацијом неколико преосталих, још увек лојалних, „геостратегијских играча“, а још мање непосредном (зло)употребом „геополитичких стожера“. Глобализам, као идеологија коју намеће Запад,

---

²⁷ Александар Дугин, *Геополитика постмодерне*, Преводачка радионица „Росић“, ИКП „Никола Пашић“, Београд, 2009, стр. 113.

²⁸ Zbignjev Bžežinski, *Druga šansa Amerike – tri predsednika i kriza američke supersile*, JP Službeni glasnik; Fakultet bezbednosti, Београд, 2009. (видети карту на стр. 108)

²⁹ Миломир Степич, „Расширение НАТО и геополитическое положение Сербии“, *Геополитика*, Кафедра Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Выпуск X/2011, стр. 32.

³⁰ Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, нав. дело. (видети карту на стр. 158)

више не може да скрива своје наказно тоталитарно лице, а глобализација, као процес утемељен махом на глобалном тржишту којим доминира Запад, извргла се у мутанта, компромитовала неке добре стране тог трансформацијског таласа и преобратила се у своју супротност – у стимуланс деклинизма Запада. „Гледамо како се глобално тржиште – као некада свеконтинент Гондвана – распада на макрорегионе!“³¹ Аналогно, на макрорегионе се распада и глобалистичка геополитичка „Гондвана“, упркос америчком напору да се њена целовитост сачува антиевроазијским, а првенствено антируским и антикинеским деловањем. Уместо пролонгирања Рах Americana према „рецепту“ униполарне концепције „Велике шаховске табле“, тј. на основу адаптираног класичног Heartland-Rimland модела контроле Евроазије и света, рађа се полицентрични Рах Eurasiatica у коме ће главну реч водити моћне аутохтоне силе. Управо руска неоевроазијска геополитичка концепција, коју је у последњој деценији 20. века теоријски поставио А. Дугин, а од прве деценије 21. века као државну политику сукцесивно спроводи В. Путин, остварује се кроз мултиполарност. Она подразумева хаусхоферолику поделу света на четири зоне – Англо-америчку, Евро-афричку, Пан-евроазијску и Пацифичко-далекоисточну. (карта 2)

Карта 2: Мултиполарни свет према руској неоевроазијској геополитичкој концепцији

Извор: Краткое изложение евразийства в четырех картах.
<http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/map-1.jpg>

³¹ Михаил Делягин, „Унутар елите САД постоји консензус: Кину по сваку цену одсећи од америчког тржишта“, <http://fakti.org/globalpor/quo-vadis-orbi/unutar-elite-sad-postoji-konsenzus-kinu-po-svaku-cenu-odseci-od-americkog-trzista> 24/02/2017.

Према неоевроазијском становишту, мултиполаризам би почивао на три основна принципа: на телурократској *пан-идеји*, на основу које би се формирале меридијански издужене зоне, са средишњом позицијом континената и доминацијом великих сила и/или интеграција са Северне полулопте; на „пандемији“ *антиамериканизма* која би захватила већи део света, што би резултирало формирањем антитрилатерале Европа+Русија/Евроазија+Далеки Исток, тј. демонтажом досадашње трилатерале ЕУ+САД+Јапан; на *централитету Русије* у постмодерном светском систему, која би тај свој пијемонтски капацитет употребила за усмеравање геополитичких вектора према осталим кључним евроазијским актерима и регионима којима они доминирају.³² Некадашња глобална хегемоја САД би се окончала и свела се само на Северну и Јужну Америку, те евентуално Велику Британију и Аустралију³³, док би Евроазија преузела водећу светску улогу. Унутар ње би функционисала остала три пола моћи:

- Неоевроазијска „понуда“ *Европи* била би да, предвођена Немачком, постане лидер пан-области која би обухватала читаву Африку и Блиски Исток, али под условом да се ослободи превазиђене хладноратовске функције америчког „мостобрана“ и трансформише своју досадашњу атлантистичку оријентацију у континенталистичку.

- После почетног фаворизовања нужно деамериканизованог Јапана, уследило је уважавање све снажније и антиамерички настројене *Кине* у Пацифичко-далекоисточној зони. Стога је А. Дугин закључио да за позицију „језгра“ конкуришу и једна и друга држава³⁴, те да би ову зону на место неприкосновеног глобалног геоекономског и геополитичког лидера лансирао (хипотетички) кинеско-јапански кондоминијум.³⁵

- Читава замисао и реализација неоевроазијског преобликовања униполарног у мултиполарни поредак зависила би од спремности Русије да, захваљујући свом „осовинском“, *heartland*-истичком капацитету, оформи Пан-евроазијску зону и делује кохезионо унутар тог хетерогеног, али континенталистички и антиамерички профилисаног простора. Структурисање

---

³² Миломир Степић, *Геополитика – идеје, теорије, концепције*, нав. дело, стр. 569-570.

³³ Неоевроазијска идеја четворополарног света је флуидна и флексибилна сходно променљивим геополитичким токовима, те има и више варијанти територијализације. На пример, према опцији из 2001. године, Аустралија припада Тихоокеанској, а Велика Британија Евро-афричкој зони. (Видети: *Евразийский взгляд – основные принципы доктринальной евразийской платформы*, Арктогея центр, Москва, 2001, стр. 44) Међутим, већ у варијанти из 2002. године и Аустралија и велика Британија укључене су у Англо-америчку зону. (Видети: Краткое изложение евразийства в четырех картах. <http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/map-1.jpg>)

³⁴ Александр Гельевич Дугин, *Геополитика*, Академический Проект; Гаудеамус, Москва, 2011, стр. 466.

³⁵ Александар Дугин, *Геополитика постмодерне*, Преводилачка радионица „Росић“; ИКП „Никола Пашић“, Београд, 2009, стр. 78, 288.

четири зоне које би уследило према принципу „великих простора“ само привидно би деловало фрагментационо и антагонистички. У ствари, ти „велики простори“, међу којима прворазредни значај припада *Русији-Евроазији*, лакше би се транс-зонално повезивали и представљали прелазну фазу до „новог модела биполарности“³⁶.

Геополитички преображај Евроазије као „кључ“ промене глобалног поретка није само руски ексклузивитет. Као „локомотива“ постмодерног евроазијства намеће се истински моћан и за америчку пољуљану хегемонију застрашујући изазивач – Кина. Иако је пре две деценије Бжежински лицемерно покушао да јој понуди партнерство поруком „за Кину, Америка која прелази Пацифик би требало да буде природни савезник, пошто Америка нема рђавих намера на азијском копну...“³⁷, показало се да ће то у пракси бити тешко оствариво. Опширно анализирајући развој Кине и сугестивно оспоравајући да ће она „током наредних двадесетак година [да] постане истинска – и за неке Американце већ претећа – глобална сила“³⁸, на више места је потенцирао да је далекоисточна географија (пored историје и економије)³⁹ важна предиспозиција кинеских интереса. Нудећи (и) варијанту глобално значајне тзв. Велике Кине, он не дозвољава могућност да она буде више од проширене, али у суштини само регионалне силе, која неће бити у стању да потисне САД из западног Пацифика, нити проблематизује америчку глобалну доминацију/вођство. Иако не пренебрегава, Бжежински потискује чињеницу самоспознаје Кине као „Средишњег царства“, те да она није и не може бити у „кохабитацији“ са САД, нити уклопљена у *Rex Americana*. (карта 3) Двадесетак година после објављивања *Велике шаховске табле* неупитно је да Кина Евроазију и свет другачије геополитички перцепира и конципира, те настоји да је, сходно томе, и уреди. Савремена Кина свој традиционални континенталистички геополитички идентитет интензивно над(о)грађује демографско-урбанистичко-економском литорализацијом и јачањем поморске саобраћајно-трговачко-војне компоненте. Будући да су велике силе своју снагу и експанзионистичка опредељења заснивале или на телурократији (Русија, Немачка), или на таласократији (Велика Британија, САД), Кина може да постане „јединствен пример велике силе која би успела да ,помири‘ ова два концепта“, прва у историји „усклади свој таласократски и телурократски потенцијал“, оствари „интегрисану геополитичку моћ“⁴⁰ и тако

³⁶ Александр Дугин, *Проект „Евразия“*, ЭКСМО; Яуза, Москва, 2004. (Видети одељак: „Многополарный мир“; доступно и посредством: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=543>, 27/02/2017.)

³⁷ Zbignjev Bžežinski, *Velika šahovska tabla*, нав. дело, стр. 143.

³⁸ *Исто*, стр. 153.

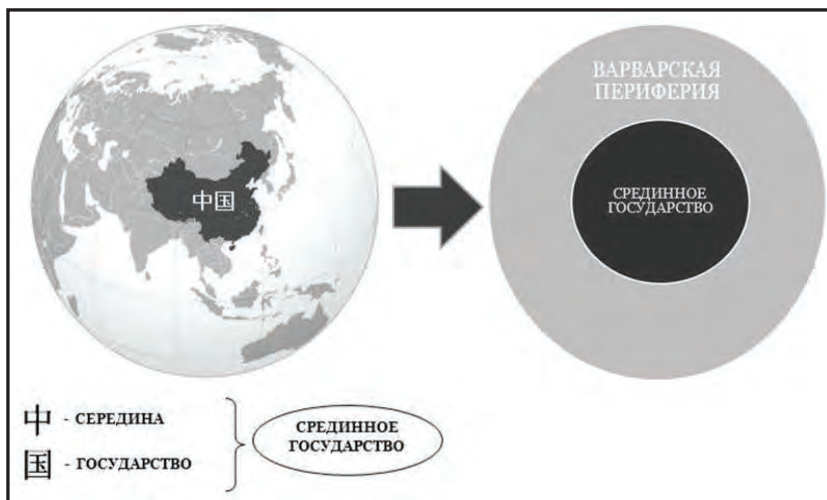
³⁹ *Исто*, стр. 154-158.

⁴⁰ Иван Зарић, „Евроазијска геополитичка и геостратегијска перспектива Народне Републике Кине“, у: *Србија и евроазијски геополитички простор* (приредили Миломир Степић и Живојин Ђурић), Институт за политичке студије, Београд, 2013, стр. 200.

учини оно што је у време објављивања *Велике шаховске табле* изгледало недостижно – елиминисе САД са Далеког Истока, а затим из читаве Евроазије и са глобалне лидерске позиције.

Карта 3: „Средишње царство“ – кинеска историјска, географска, цивилизацијска и геополитичка самоспознаја

Извор: Виктор Кочетков, Марина Лымарь, „Китайская национальная идентичность: чтобы понять китайский народ“, *Геополитика и международные отношения*, (Александр Дугин, ред.), Кафедра Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Евразийское Движение, Москва, 2012, стр. 1081.

Није искључено да јој за тај подухват ускоро можда неће бити потребно удруживање са осталим евроазијским силама. На то упућује интегрално геосистемски профилисан пројекат *Један појас, један пут* (The One Belt, One Road; OBOR), који је званично промовисан у марту 2015. године, а састоји се од (копненог) *Економског појаса Пута свиле* и *Поморског Пута свиле* за 21. век, обзнањених 2013. године.

Упркос јавном потенцирању „нежних“ аспеката овог кинеског обрасца будућности, „апроксимативне трасе и појасеви копненог и поморског правца формираће, у ствари, изнутра премрежен прстен који ће обухватити и повезивати готово све „полуге“ које омогућују доминацију Евроазијом – следствено, Светским острвом и светом“⁴¹. То указује на „грубост“ интереса, тј. „на обресе конзистентне, назовимо је тако, *Свилене (геополитичке)*

⁴¹ Milomir Stepić, Ivan Zarić, „Serbia and Geopolitical (non) Complementarity of the Danube strategy and the New silk road“, in: *Danube and the New Silk Road* (Duško Dimitrijević, ed.), Institute of International Politics and Economics, Belgrade, 2016, стр. 451.

концепције“⁴². Кина, дакле, претендује да она, а не нека друга сила, постане „центар“ Евроазије, те да из те позиције одашиље интегративне векторе и гравитационо везује не само највеће копно на Планети и морско-океанске акваторије које га запљускују, већ читав „остатак света“. Никада од успостављања термина *геополитика*, установљавана геополитике као науке, формирања кључних геополитичких концепција и примене глобалне геополитике у пракси, тј. више од једног столећа – свет се није суочио са оваквом стварношћу и будућношћу.

Нема сумње да свет очекују тектонски геополитички покрет(и), чији ће резултати бити значајнији од пада Берлинског зида и претварања биполарног у униполарни поредак. Кинеско обликовање Евроазије прети да деконструише геополитичке темеље свих главних постојећих и долазећих актера – да потисне САД из Rimland-а и релативизује њихову поморску доминацију „по паралели“ („идеју хоризонтале“), да продре кроз Heartland и пресече руске директрисе „по меридијану“ („идеју вертикале“), да онемогући захукталу Индију да доминира басеном Индијског „океана будућности“, да Европу (ЕУ) економски потчини и обесмисли њене стратегије ширења (на пример, Дунавску стратегију), да заустави прерастање „препорођеног“ Исламског света у геополитички субјект и спречи његово преузимање улоге новог, „Глобалног (исламског) Heartland-а“.⁴³ Не доводећи у питање значај појединачних макро-региона где велике силе непосредно доминирају, судбина Евроазије и света одлучиваће се тамо где се њихови интереси сударају – у простору омеђеном Блиским Истоком, Централном Азијом и Југоисточном Европом, тј. унутар традиционално експлозивног троугла „Арабијска Велика пукотина“ – „Евроазијски Балкан“ – „Балкански геополитички чвор“.

4. Conclusion

The USA have capitalised their victory in the Cold War by enlarging their sphere of influence, consolidating world hegemony and establishing unipolar order. In the book *The Great Chessboard* from 1997, Z. Brzezinski proposed a concept on which the continuance of American global dominance in the postmodern era would be based. A prerequisite is that the United States keep controlling Eurasia. For this reason (Because of this), Brzezinski proposes the formation of four geopolitical “big spaces” – three along the perimeter of Eurasia – the West, South and East – whose role would be to surround the Central space in the continental interior (Russia). Also, the key countries of Eurasia would be subordinate to the United States. They are divided into actors of a higher order (“geostrategic players”) and

---

⁴² Исто, стр. 452.

⁴³ Детаљније о антагонизму геополитичких амбиција Кине и осталих великих сила видети у: Milomir Stepic, Ivan Zarić, „Serbia and Geopolitical (non)Complementarity of the Danube strategy and the New silk road“, нав. дело, стр. 452-455.

the lower order “geopolitical pivots”). Twenty years later, most of the Eurasian “chess players” are strengthened, so they individually and jointly oppose the US configuration of Eurasia and the world. Russia, which nearly collapsed in the late 20th century, is now stabilized and becomes an energy, military and diplomatic power. It seeks to geopolitically structure Eurasia and the world in accordance with its own multi-polar *Neoeurasian conception*. Therefore, the US treat it as a recovered and (again) hazardous opponent. However, an objectively greater threat to the US globalist geopolitics is a rapidly rising power – China. It has, by many indicators already overcome the power of the United States and directly threatens the American positions in the Far East. The Chinese (mainland) the Silk Road Economic belt and the 21st Century Maritime Silk Road of the are an integral part of the *Silk conception*, upon which this country is building integral geopolitical power, suppresses the interests of other powers and the leading role of the USA in Eurasia and the world. A new Eurasian actor – the Islamic world shall significantly affect the future geopolitical processes. Thanks to its central geographic location, numerous and moveable population, religious and civilizational expansiveness, oil and gas wealth, fighting spirit and other properties, the Islamic world has the capacity to become the new *Global Heartland*.

Литература

1. Brzezinski, Zbigniew (1997), *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, New York.
2. Brzezinski, Zbigniew (1997), „A Geostrategy for Eurasia“, *Foreign Affairs*, Council on Foreign Relations Inc, New York, Vol. 76, № 5, September/October 1997, стр. 50-64
3. Bžežinski, Zbignjev (2001), *Velika šahovska tabla*, CID, Podgorica; Romanov, Banja Luka.
4. Brzezinski, Zbigniew (2004), *Američki izbor: globalna dominacija ili globalno vodstvo*, Politička kultura, Zagreb; CID, Podgorica.
5. Bžežinski, Zbignjev (2009), *Druga šansa Amerike – tri predsednika i kriza američke supersile*, JP Službeni glasnik; Fakultet bezbednosti, Beograd.
6. Дугин, Александр (2004), *Проект „Евразия“*, ЭКСМО; Яуза, Москва, 2004.
<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=543>, 27/02/2017.
7. Дугин, Александар (2009), *Геополитика постмодерне*, Преводилачка радионица „Росић“; ИКП „Никола Пашић“, Београд.
8. Дугин, Александр Гельевич (2011), *Геополитика*, Академический Проект; Гаудеамус, Москва.
9. Зарић, Иван (2013), „Евроазијска геополитичка и геостратегијска перспектива Народне Републике Кине“, у: *Србија и евроазијски*

- геополитички простор (приредили Миломир Степић и Живојин Ђурић), Институт за политичке студије, Београд, 2013, стр. 195-226.
10. Кочетков, Виктор; Лымарь, Марина (2012), „Китайская национальная идентичность: чтобы понять китайский народ“, *Геополитика и международные отношения*, (Александр Дугин, ред.), Кафедра Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Евразийское Движение, Москва, стр. 1078-1087.
  11. Митровић, Драгана; Траиловић, Драган (2013), „Геополитичке последице кинеске енергетске стратегије у Централној Азији“, у зборнику: *Србија и евроазијски геополитички простор* (приредили: Миломир Степић, Живојин Ђурић), Институт за политичке студије, Београд, стр. 177-194.
  12. Spengler, Oswald (1918), *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* (Band 1: Gestalt und Wirklichkeit), Braumüller, Wien, Leipzig.
  13. Spengler, Oswald (1922), *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* (Band 2: Welthistorische Perspektiven), C. H. Beck, München.
  14. Степић, Миломир (2016), *Геополитика – идеје, теорије, концепције*, Институт за политичке студије, Београд.
  15. Степић, Миломир (2006), „Перспективе Косова и Метохије у контексту глобалних геополитичких концепција“, у зборнику: *Срби на Косову и Метохију* (уредник: Стеван Карамата), Научни скупови, Књига 112; Одељење друштвених наука, Књига 26; Српска академија наука и уметности, Београд, стр. 259-281.
  16. Степич, Миломир (2011), „Расширение НАТО и геополитическое положение Сербии“, *Геополитика*, Кафедра Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Выпуск X/2011, стр. 18-44.
  17. Stepić, Milomir; Zarić, Ivan (2016), „Serbia and Geopolitical (non)Complementarity of the Danube strategy and the New silk road“, in: *Danube and the New Silk Road* (Duško Dimitrijević, ed.), Institute of International Politics and Economics, Belgrade, стр. 447-466.
  18. Булатовић, Момир (2017), „Доналд Трамп између патриотизма и мутуализма“, *Печат*, ИП „Наш Печат“, Београд, бр . 456, 3. фебруар 2017, стр. 15.
  19. Делъагин, Михаил (2017), „Унутар елите САД постоји консензус: Кину по сваку цену одсећи од америчког тржишта“, <http://fakti.org/globotpor/quo-vadis-orbi/unutar-elite-sad-postoji-konsenzus-kinu-po-svaku-cenu-odseci-od-americkog-trzista> 24/02/2017.
  20. *Евразийский взгляд – основные принципы доктринальной евразийской платформы*, Арктогея центр, Москва, 2001.
  21. <http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/map-1.jp>, 27/02/2017.

22. <https://knoema.com/tlcncrg/gdp-by-country-world-largest-economies>, 31/01/2017.
23. <http://www.newsweek.rs/svet/81697-opasna-megalomanija-trampov-vojni-budzet-najveci-u-poslednjih-15-godina.html>, 08/03/2017.
24. <https://knoema.com/mhrzolg/gdp-statistics-from-the-world-bank?country=Russia> 31/01/2017.
25. <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1604.pdf>, 08/03/2017.
26. <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-constant-USD.pdf>, 08/03/2017.
27. <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-world-regional-totals.pdf>, 08/03/2017.

**РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ:
ГЕОИСТОРИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
СТРУКТУРЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ**

V. Streletskiy

**RUSSIA BETWEEN WEST AND EAST: GEOHISTORICAL TRENDS
AND SPATIAL STRUCTURES IN CULTURAL DYNAMICS**

Аннотация: Проведено сопоставление разных концептов цивилизационного развития России, укладывающихся в русло четырех потоков историософской мысли («Россия – Запад»; «Россия – Восток»; «Россия – мост между Западом и Востоком»; «Россия как самодостаточный и органичный евразийский цивилизационный ландшафт»); обсуждаются аргументы «за» и «против» каждого из концептов с историко- и культурно-географических позиций. Выделены основные геоисторические тренды в эволюции российского цивилизационно-культурного пространства и сопряженной с ними трансформации пространственных структур.

Ключевые слова: Россия, Евразия, региональные цивилизации, геоисторические векторы, культурное пространство, культурный регионализм, региональная идентичность

Summary: Different patterns of historical evolution of Russian civilization area are compared; they are considered in the framework of four historical concepts: “Russia as a part of the global West”; “Russia as a part of the global East (Orient)”; “Russia as a cultural bridge between West and East”; “Russia as an organic Eurasian cultural landscape”. Various arguments “pro et contra” are discussed and compared in favor of and against each of those concepts, from the standpoint of historical and cultural geography. The basic geo-historical trends are characterized in the evolution overview of Russian cultural area and transformation of spatial structures of the country.

Key words: Russia, Eurasia, Local Civilizations, Geo-historical Trends, Cultural Space, Cultural Regionalism, Regional Identity

Задачи данной статьи – анализ культурно-географической и геочивилизационной специфики российского пространства в геоисторической динамике.

Колоссальные размеры территории, ее природное разнообразие и положение на стыке разных культурных миров предопределили особую сложность национальной истории России. Миграции разноразличных народов, их смешение и чересполосное расселение, колонизация новых земель стали ключевыми факторами ее пространственной дифференциации и

регионализации. Россия – страна очень своеобразная, способ ее «включения» в мировой культурный процесс крайне противоречив. И не случайно не стихают споры об исторических судьбах России, о цивилизационных основах ее развития, укладывающиеся в основном в русло четырех потоков историософской мысли.

Россия – Запад. Эта точка зрения обосновывается обычно ссылками на местонахождение исторического ядра страны, христианское (православное) вероисповедание большинства населения, его европейский, большей частью, этнический субстрат, включенность русской культуры в общеевропейский культурный процесс еще со времен Киевской Руси. По мнению «западников» – начиная еще с блестящих работ середины XIX в. (К.Д. Кавелина, Т.Н. Грановского, Б.Н. Чичерина), Россия есть периферия Европейской цивилизации, в силу особо неблагоприятных условий (природных и социальных) задержанная в своем развитии по тому же историческому пути, что и Западный мир. Но претендуя (обоснованно или нет) на выявление вектора исторического развития России, западнические теории мало продуктивны при поиске его цивилизационных оснований, тем более в этно- и геокультурном аспекте.

Россия – Восток. Данная концепция фиксирует давнюю «прививку» в России достижений азиатских цивилизаций, многие восточные корни русской культуры, близкую восточным обществам модель генезиса государства, а также своеобразие восточно-христианского, византийского наследия, столь отличного от западного. Нередко внимание акцентируют и на оппозиции Европы и России, якобы извечно враждебных друг другу. Однако на самом деле ничуть не меньше исторических свидетельств выполнения Россией и барьерной функции на стыке Запада и Востока. Отношение же России к Востоку – столь же амбивалентно, как и к Западу – здесь имели место не только культурная диффузия, но и противостояние (тем более, что в географическом, культурно-цивилизационном контексте понятие «Восток» для России разнороднее, чем «Запад»).

Россия – мост между Западом и Востоком. В этой трактовке она соединяет разные цивилизации. Положение России на их стыке ярко охарактеризовано словами В.О. Ключевского: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами» [5, с.65]. Концепция «моста» хорошо отражает синтетический, западно-восточный характер российской цивилизации, но при этом отводит ей роль главным образом посредника в диалоге культур (да и сами размеры российского «моста» порождают скепсис).

Россия – Евразия, отличная и от Европы, и от Азии, от Запада и от Востока. По мнению «евразийцев» (П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г.В. Вернадского и др.), Россия – это самобытный и органичный цивилизационный ландшафт, представляющий по выражению главного теоретика движения, географа и экономиста П.Н. Савицкого, целостный и совершенно самостоятельный «континент – океан» [15]. С позиций культурной географии, евразийская концепция России имеет свои «плюсы». Именно в исследовании специфики цивилизационного пространства России евразийцы ухватили то, мимо чего в свое время прошли славянофилы и западники, – симбиотику российской культуры. Последняя не сводима не только к противопоставлению Запада Востоку, но и к формуле «и Запад, и Восток». Она выработала свой собственный генетический код, восприняв влияние Юга, Востока и Запада [3] – наследие византизма, привнесенные из Азии традиции степной цивилизации, а с эпохи преобразований Петра Великого в начале XVIII в. – также и пласты европейской городской, преимущественно светской, культуры.

Однако у евразийской концепции есть уязвимые стороны, связанные с недоучетом общечеловеческих элементов в национальных культурах классиками и особенно эпигонами евразийства. Следует отметить, что представление о России как о некоем самодовлеющем мире, стране единственной в своем роде, ни на кого не похожей, было довольно широко распространено в российской историософской мысли, в том числе и среди авторов, не относивших себя к евразийцам (вспомним работы Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Г.В. Федотова). Но чрезмерное акцентирование черт «уникальности» в их гипертрофированной форме своей оборотной стороной неизбежно порождает культурный изоляционизм.

Вопрос об историческом пути и цивилизационной специфике России невозможно вырвать из более широкого контекста геокультурного взаимодействия между Западом и Востоком. В историософской литературе принято подчеркивать своего рода «переформатирование» Древнерусского пространства в XIII-XIV вв., в развитии которого после монголо-татарских завоеваний резко усилился восточный социокультурный тренд; реформы же Петра Великого и формирование Российской империи в начале XVIII в., в свою очередь, означали резкое усиление западного, европейского вектора развития России.

Сами по себе два этих тезиса принципиальных возражений не вызывают, но, не будучи вписаны в широкий геоисторический контекст, они существенно упрощают и редуцируют реальную картину. Разделение христианской церкви на западную и восточную (лишь окончательно зафиксированное в 1054 г., а реально проходившее и нараставшее на протяжении нескольких предшествовавших столетий) было мощнейшим и долговременным трендом цивилизационного раскола Европы. Монголо-татарское нашествие на Восточную Европу (поглотившее в итоге Русь, но захлебнувшееся на ее западных рубежах) лишь усугубило этот раскол и дало

масштабный импульс дальнейшей ориентализации древнерусских земель, их нарастающему «отрыву» от цивилизации Средневекового Запада [10].

В послемонгольский период происходит качественная трансформация всего древнерусского историко-культурного пространства. Присоединение западнорусских и южнорусских земель к Великому княжеству Литовскому и превращение Северо-Восточной Руси в вассала Золотой Орды привели к разрыву древнерусской метаэтнической целостности; этногенез славянских народностей Литовской Руси и Московской Руси идет с этого времени различным путем. Сложившееся в XIV-XV вв. ядро Великороссии было образованием с бесспорной славянской этнической доминантой, включавшим иноэтнические анклавы племен в основном финского происхождения, постепенно ассимилировавшихся великороссами.

В свою очередь, сами великороссы испытали сильное воздействие со стороны народов Великой Степи. Диапазон мнений о тюрко-славянских этнокультурных связях в эпоху Золотой Орды и складывания Московского государства чрезвычайно широк: от выводов об их огромном, а то и решающем влиянии на этногенез великороссов, российскую культуру и государственность [4 и др.] до утверждений, что этнические смешения русских с ордынцами происходили в основном путем аристократических браков и мало затронули массы народа, а представление о большой доле «татарской крови» в русских — не более, чем миф [26 и др.].

Петровские реформы, несомненно, были глубочайшей революцией в истории России. Дав толчок европеизации страны, они (как и многие последующие реформы, проводившиеся и далее в Российской империи на протяжении примерно двух столетий) не смогли, однако, ликвидировать цивилизационные и социокультурные барьеры между Западным миром и Россией. Правда, и путь возврата к допетровской патриархальной старине был после них окончательно закрыт.

В контексте цивилизационно-культурной специфики России на стыке Запада и Востока важно охарактеризовать как унаследованные структуры пространственной организации российского социума, так и геоисторические тренды ее трансформации.

Важнейшая исторически унаследованная черта, во многом связанная, несомненно, с архетипическими социокультурными особенностями российской цивилизации в целом, — это огромная **пространственная рассредоточенность социума**. Отсюда *очень слабые связи между территориальными сообществами*, между территориальными культурными общностями, но также и между региональными экономическими, хозяйственными комплексами. Отчасти, но именно лишь отчасти, данная черта пространственной организации российского социума может быть объяснена природно-географическими факторами. Представление об особой роли природного фактора в развитии России, бытии российского социума давно стали важной мировоззренческой позицией для ряда направлений русской философской мысли, отечественной историософии и истории,

экономической науки, социологии, культурологии, политологии и ряда других социальных и гуманитарных наук. Как писал еще в 1918 г. Н.А. Бердяев, «в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства» [2, с.65]. Сами географические размеры российского пространства, с учетом неблагоприятности (а то и непригодности) для проживания людей обширных территорий в пределах страны, как при этом часто подчеркивается, предопределяют дисперсность расселения, разреженность и рассредоточенность социума и социальных связей. То, что Россия и ее народ в известном смысле – заложники суровой природы, неоднократно утверждали многие известные отечественные мыслители, такие, например, как консервативный философ и писатель прошлого века И.Л. Солоневич, писавший о «географической обездоленности» России [21, с.69]. Близкая к этой точка зрения высказывается во многих работах И.А. Ильина, других отечественных мыслителей. Огромное внимание уделялось исследованию роли природных факторов в российском историческом процессе, в формировании пространственной организации хозяйства и общества и в работах отечественных географов. Еще в дореволюционные годы наши ведущие антропогеографы особо отмечали природно-ландшафтную и климатическую обусловленность дисперсности освоения пространства как Европейской, так и Азиатской России [8; 9; 17-19 и др.]. В советской географической науке такая точка зрения дореволюционных антропогеографов во многих отношениях оспаривалась, а географический детерминизм, как известно, подвергался критике с позиций исторического материализма. Однако в целом значимость борьбы за выживание в условиях сравнительно сурового северного климата, типичного для огромной части территории России, не вызывает сомнений, и это безусловно очень важный фактор, повлиявший на пространственное рассредоточение российского социума.

Другая исторически унаследованная особенность пространственной организации российского общества – это *гиперцентрализация*, характеризующая современное пространство, с точки зрения его внутренней структуры. Его вертикальная, иерархическая, в известном смысле – «*статусная*» (крупный город – средний город – малый город – село) дифференциация, во многих отношениях «сильнее», выраженнее, очевиднее дифференциации плоскостной, горизонтальной, *региональной*. «Статусные» различия в российском пространстве – не просто демографические, экистические, экономико-географические; они носят, прежде всего *социокультурный характер*. Соответственно, при описании местонахождения какого-либо локуса в российском пространстве (особенно в пределах русского этнического мегаядра) определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному району, но, скорее, его собственный статус и близость к крупному

центру[22]. В этом отношении ситуация за двадцать постсоветских лет, как представляется, радикально не изменилась.

Характерно, что культурно-географическим выражением глубокой вертикальной иерархизации российского пространства является очень высокий вес «статусных» характеристик того или иного места как фактора культурной специфики. Так, обитателей «сопоставимых» (по размеру и статусу) российских городов-миллионников в разных частях страны (например, жителей Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Омска и Новосибирска) разделяет, как часто отмечают российские социологи[1 и др.], гораздо меньшая социокультурная дистанция, чем их же – с их соседями, проживающими в депопулирующей сельской местности или в небольших поселках городского типа всего в нескольких десятках километров от соответствующих областных центров.

В целом, культурный регионализм в России изначально формировался в условиях более гомогенного, чем в Западной и Центральной Европе, физико-географического пространства. Поэтому *культурные районы* в историческом (восточноевропейском) ядре России, в целом, слабее привязаны к своей природной основе. Роль *культурных границ* в российском пространстве менее значима, чем в зарубежной Европе. Культурные рубежи в России, в целом, более размыты и приобретают отчетливый характер, главным образом, в местах этнических разломов. Вместе с тем, для России, особенно для ее европейской части, очень большое значение имеют *ядра типичности культурных районов*. Культурные районы маркируются здесь не столько четко выраженными границами, сколько *переходными зонами*. Исторически для России была типична *иная, чем в Западной и Центральной Европе, «модель» освоения пространства*. Характерная особенность русского сознания – *ориентация на экстенсивный способ освоения территории*: чаще «вширь», чем «вглубь»; генезис культурных районов в России (особенно в пределах обширной полосы колонизации новых земель) происходил на сравнительно слабо, часто лишь фрагментарно освоенном и заселенном пространстве [23].

Колонизация обширных, ранее слабо заселенных и освоенных туземцами территорий, ведшаяся чисто экстенсивным путем, сильно повлияла на *пространственную психологию* русских людей. Жизнь на фронтире формировала дух первооткрывателей, первопроходцев [11-13]. Но с другой стороны, сам способ, характер колонизации во многом был продуктом, результатом как раз складывавшейся пространственной психологии – в этой связке невозможно однозначно указать на причину и следствие, они постоянно взаимно перетекали друг в друга. В отличие от столь характерной для Западной Европы «внутренней колонизации» территории, освоение необъятных сибирских пространств еще не означало их обустройства, облагораживания. Напротив, стремительное колонизационное движение здесь было возможным лишь при условии *незавершенности освоения* каждого района, местности, участка земли, где появлялись переселенцы.

Экстенсивный тип освоения пространства сдерживал генезис локального самосознания, для которого требуется высокая степень *укорененности культуры* на определенной территории.

Тем не менее, в процессе колонизации новых земель, адаптации переселенцев к специфическим и разнообразным условиям природной и социальной среды возникли *локальные субкультуры* русского этноса. В районах, подвергшихся колонизации, восприятие новых культурных черт русскими поселенцами происходило существенно быстрее, чем в ядре Великороссии. Важно отметить, что вдали от Центра страны русские осваивали *этнокультурно и демографически разреженное пространство*, в условиях которого борьба за землю и ресурсы с туземными народностями не имела особой остроты – их хватало на всех. Этому способствовала, кстати, и установка колонистов на освоение территории вширь, а не вглубь – при более «плотной» колонизации и более интенсивном характере землепользования в районах пионерного освоения острые конфликты с аборигенами были бы неизбежны. При экстенсивном же освоении разреженного пространства возникали предпосылки тесного культурного взаимодействия разных этнических групп. При этом нередкими были и случаи, когда сами русские переселенцы перенимали этнические черты автохтонных народов, нормы и ценности туземной культуры¹.

Таким образом, влияние процесса колонизации новых земель на развитие культурного регионализма в России было двояким и крайне противоречивым. С одной стороны, недостаточная «укорененность» колонистов на новых землях, их высокая миграционная подвижность, незавершенность процесса «обустройства» переселенцами ареалов своего проживания выступали существенными факторами, в известном смысле сдерживавшими, тормозившими, замедлявшими регионализацию культуры в полосе нового освоения. С другой стороны, освоение новых земель переселенцами из исторического ядра России расширяло среду и сам спектр этно- и социокультурных взаимодействий в полосе колонизации. Взаимодействие русских колонистов с аборигенными народами стало мощным фактором, предопределившим глубокое культурное своеобразие новоосваиваемых земель. Однако при этом разреженность социокультурных связей в районах «поздней» русской колонизации затрудняла взаимную аккультурацию отдельных этнических и региональных сообществ, что отчасти благоприятствовало сохранению архаических укладов, но тормозило культурную модернизацию и инновации.

В России одним из ключевых факторов регионализации культурного пространства является *этнический*. В стране с несколько ослабленным (в

---

¹ Так возникли, например, обьякученные амгинские, олёмминские, мархинские этнографические группы русских крестьян-земледельцев и ямщиков в Северной Якутии [16, с.245-247].

сравнении с западноевропейскими обществами) чувством пространства и, соответственно, региональным сознанием, культурные районы, выделяющиеся этнической спецификой, представляются самыми рельефными из числа «обыденных». Случаи ярко выраженного культурного регионализма в России имеют, в значительной степени, этническую «окраску» [22-25].

Менее однозначным представляется вопрос, в какой мере регионализм присущ собственно русской культуре. С одной стороны, региональное самосознание разных групп русских имеет очень давние корни в Европейском ядре страны, оно *исторически укоренено* в нем. Еще в XIX в. выдающийся историк Н.И. Костомаров писал о глубоком своеобразии «исторических» русских земель, формировавшемся фактически с эпохи феодальной территориально-политической раздробленности [6]. Схожей точки зрения придерживались и многие другие ученые, в т.ч. А.П. Щапов[27], М.К. Любавский [11; 12]; близка она была и русским антропогеографам конца XIX – начала XX вв., П.П. и В.П. Семеновым-Тян-Шанским. В соответствии с этой позицией, культурные районы в историческом ядре России – большей частью «наследники» древнерусских земель. Соответственно, культурный регионализм в России, по крайней мере, в ее европейской части – феномен давний, со сложившимся и укорененным региональным самосознанием.

С другой стороны, в сравнении со многими другими странами и народами мира, для России и русских характерна определенная ослабленность региональной идентичности по сравнению с идентичностью общенациональной (российской) и этнической (русской). По Л.В. Смирнягину, русской культуре присуща т.н. *аспатиальность* – трактуемая как специфически пониженная ее реакция на фактор географического пространства, на три его главные ипостаси – расстояние, границу и место [20 и др.]. Одно из следствий «аспатиальности» – относительно слабая выраженность межрегиональных культурных различий в макроареале расселения крупнейшего этноса – русских. Один из ключевых тезисов сторонников концепции аспатиальности следующий: для России специфично не само по себе существование межрегиональных культурно-географических различий, но специфична именно их сравнительная незначительность, слабая выраженность в пределах огромного географического пространства.

У концепции аспатиальности есть свои *pro* и *contra*. С одной стороны, в пользу данной концепции можно привести весомые аргументы. Во-первых, в пространстве такой гигантской цивилизационной ойкумены «горизонтальные» культурно-географические различия (межрегиональные различия), действительно, могли бы быть значительнее и ярче. Так, во многих западноевропейских странах с территорией намного меньше российской (Германия, Италия и др.) различия между культурными районами выражены, тем не менее, существенно более отчетливо.

Во-вторых, для российского пространства, как уже отмечалось, очень характерны глубочайшие *социокультурные различия по «вертикали»*: город – село, крупный город – малый город и т.п. Формировавшиеся на протяжении столетий, эти различия резко усилились в XX в. Сверхцентрализация, характеризовавшая практически все стороны жизни российского общества на протяжении советской эпохи, стала дополнительным мощнейшим фактором поляризации этнокультурного мегаядра России, резко усилила контрасты внутри него, причем именно контрасты, выражающие иерархическую, вертикальную (а не плоскостную, горизонтальную) неоднородность геокультурного пространства. Иерархические различия выражены теперь более рельефно, чем культурные различия между отдельными русскими регионами страны.

В-третьих, сторонники концепции аспатиальности справедливо обращают внимание на *«гипертрофированную» роль административно-территориального деления в жизни российского общества*. Сетка административно-территориального деления, зачастую расчленяя естественно сложившиеся культурно-исторические регионы страны, сильно влияет на региональное развитие. Данный процесс имеет разные проявления – от социальных и экологических до экономических и политических.

С другой стороны, во многих отношениях концепция «аспатиальности» носит дискуссионный характер.

Во-первых, *не очень удачен сам термин*; культура, самоорганизуясь в пространстве, в принципе не может быть «аспатиальной».

Во-вторых, этой гипотезе противоречит *исторический опыт развития регионализма в Европейской России*. Изучение работ русских антропогеографов, историков и историко-географов дореволюционного времени убедительно свидетельствует, что регионализация культуры исторического ядра страны имеет очень давние корни, восходит еще к средневековью.

В-третьих, требует глубокого обоснования и специальных фундаментальных исследований тезис об «аспатиальности» как *некоей «врожденной», фенотипической черте русской культуры*. Дело в том, что ее характерные и во многих отношениях очевидные симптомы могут иметь и иной генезис и быть объяснены с принципиально иных позиций. Заметная нивелировка культурно-географических различий в российском пространстве в XX в., сопровождавшаяся почти повсеместно и «размывом» регионального самосознания людей, во многом была обусловлена *беспрецедентной социально-экономической трансформацией общества*, в начале столетия бывшего сугубо аграрным, в специфических условиях индустриальной модернизации советского типа и связанной с ней деструкции традиционной культуры. В этом отношении тезис об «аспатиальности» как некой фенотипической черте русской культуры представляется отнюдь не очевидным.

В-четвертых, постсоветский период (1990-2000-е годы) характеризуется большими изменениями конфигурации региональных культурных различий в стране. С начала 1990-х годов культур-географами отмечается подлинный *ренессанс регионального самосознания в этническом мегаядре России* [7; 14; 20; 22; 23]. Возрождение культурного регионализма стало чрезвычайно важным трендом, причем подъем регионального самосознания начался как раз в «контурах» исторических провинций страны. В начале XXI в. процесс культурной регионализации России, судя по целому ряду очевидных симптомов, замедлился, но отнюдь не «сошел на нет».

За последние четверть века произошли важные *сдвиги в геокультурном и, в частности, в этнокультурном пространстве России*. Так, сравнение данных переписей населения 1989 г., 2002 г. и 2010 г. свидетельствует о двух четких трендах [22]. Во-первых, происходит «коренизация» населения практически всех национальных республик России – рост удельного веса «титulyных» национальностей и сокращение в этих республиках доли русского населения. Во-вторых, этносы России все более «стягиваются» в свои национальные республики, концентрируются в их пределах.

Возрождение же регионализма в пределах этнического мегаядра страны протекало в значительной степени сопряженно с осознанием *региональных интересов* местным населением. К тому же, геоэкономическая дифференциация, углубление территориальных различий в условиях, уровне и качестве жизни, «расслоение» российского пространства, столь явно проявившие себя в 1990-2000-е годы, не могли не привести к существенным подвижкам в общественном сознании. Кроме того, лозунги отстаивания «особых» региональных интересов были широко взяты на вооружение местными властями, да и региональными элитами в целом.

Значительный территориальный сдвиг – заметное *изменение геодемографических пропорций между Европейской и Азиатской частями страны*. Доля азиатских районов в численности населения России, достигавшая в 1980-е годы (от итога по тогдашней РСФСР) почти 1/4 (и неуклонно росшая на протяжении почти всей советской эпохи), за двадцать пять лет сократилась до 1/5. Растущая концентрация населения в пределах Европейской России, и прежде всего в его староосвоенной полосе, – это в очевидный тренд, свидетельствующий о том, что в эволюции пространственной организации российского общества, в данном отношении, проявились уже принципиально новые, в сравнении с советской эпохой, черты.

За постсоветский период российское пространство в целом сохранило свои важнейшие, основные, исторически унаследованные черты и особенности. Вместе с тем, сдвиги в нем были тоже значительными. Наиболее очевидные из этих сдвигов были продиктованы распадом СССР, а также институциональными и рыночными реформами, проведенными в Российской Федерации в конце прошлого века. Однако не вызывает сомнений, что в значительной степени произошедшие пространственные

сдвиги имеют первооснову в исторических тенденциях и закономерностях саморазвития социума как такового. И в некоторых своих измерениях они носят по отношению к разного рода геополитическим и институциональным факторам, в известном смысле, «автономный» характер.

Conclusion

Different patterns of historical evolution of Russian civilization area are compared; they are considered in the framework of four historical concepts: “Russia as a part of the global West”: “Russia as a part of the global East (Orient)”; “Russia as a cultural bridge between West and East”; “Russia as an organic Eurasian cultural landscape”. Various arguments “pro et contra” are discussed and compared in favor of and against each of those concepts, from the standpoint of historical and cultural geography. The basic geo-historical trends are characterized in the evolution overview of Russian cultural area and transformation of spatial structures of the country.

To be considered as a whole, the geographical space of Russia is characterized in ethnic and cultural dimension by evident patterns of steadiness and sustainability. The inherited spatial patterns predominate both in ethnic settlement structures and in configurations of linguistic, confessional and regional cultural distinctions.

Nevertheless, the cultural-geographic changes and shifts in Russia were also important at the end of 20th – beginning of 21st centuries. On the one hand, some spatial shifts and the newest trends are accounted for their demographic background. The deep differences in reproduction of population (and correspondingly in demographic dynamics) among various ethnic and confessional groups living in Russian Federation are becoming the more and more important factors of its ethnic and cultural transformation. On the other hand, the cultural-geographic transformation of the country is caused by processes of modernization of society. The up-growth of social mobility of population entails erosion and destruction of ethnic and cultural barriers, formation of zones of cultural diffusion and ethnic contact areas, reveals focuses of heterogeneity of ethnic and confessional structure of society.

Литература

1. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Изд. 2-е, доп. и перераб. Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с. Т.2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 594 с.
2. *Бердяев Н.А.* О власти пространств над русской душой // *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С.65-70.
3. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 320 с. [*Вернадский*, 1927].
4. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1992. 781 с.
5. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т.1. М.: Мысль, 1987. 430 с. [*Ключевский*, 1904].
6. *Костомаров Н.И.* Об отношении русской истории к географии и этнографии (Лекция, прочитанная в Географическом обществе 10 марта 1863 г. // *Костомаров Н.И.* Земские соборы. М.: «Чарли», 1995. С.424-440.
7. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Изд-во «Новый хронограф», 2010. 240 с.
8. *Крубер А.А.* Опыты разделения Европрусской России на районы // *Землеведение*. 1899. Кн. 3/4. С.175-184.
9. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского континента // *Славянское обозрение*. 1892. Т.1. №1. С.19-41. №2. С.145-173. №3. С.297-328.
10. *ЛеГофф Ж.* Цивилизация Средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с. [*LeGoff*, 1977].
11. *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с. [*Любавский*, 1909].
12. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. 688 с.
13. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. М.: Прогресс, 1993. Т.1. Земля. Население. Экономика. Сословие. Государство. М.: Прогресс, 1993. 528 с. [*Милюков*, 1896].
14. *Павлюк С.Г.* Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху // *Постиндустриальная трансформация социального пространства России. Шестые Сократические чтения* / Под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2006. С.94-115.
15. *Савицкий П.Н.* Континент-океан (Россия и мировой рынок) // *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. Кн. 1. София. 1921. С.110-141.
16. *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX вв. М.: Наука, 1978. 258 с.

17. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии (Зап. ИРГО по отд. статистики. Т. 10. Вып.2). СПб.: Тип. Киришбаума, 1910. 212 с.
18. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Типы местностей Европейской России и Кавказа: Очерк по физической географии в связи с антропогеографией. Пг., 1915. 113 с.
19. Семёнов-Тян-Шанский П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов //Изв. ИРГО. 1892. Т.28. Вып.4. С.349-369.
20. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре //Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: Моск. общественный научный фонд, 1999. С.108-115.
21. Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск: Изд-во «Лучи Софии», 1998. 503 с. [Солоневич, 1952].
22. Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. – М.: Изд-во МГТУ, 2011. Глава 2.6. С. 146–176.
23. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России. Дисс. ... д.г.н. М.: ИГ РАН, 2012. 320 с.
24. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов - н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
25. Феномен культуры в российской общественной географии (экспертные мнения, аналитика, концепты) / Под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 536 с.
26. Флиер А.Я. Об исторической типологии российской цивилизации //Цивилизации и культуры. Вып.1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Институт Востоковедения РАН, 1994. С.94-115.
27. Щапов А.П. Избранное / Гл. ред. А.С. Маджаров. Иркутск: Оттиск, 2001. 363

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

A. Ibrahimov, S. Yilmaz, S. Crombach

THE MAIN FEATURES OF TURKEY'S EURASIAN GEOPOLITICS

Аннотация. Географически Турецкая Республика расположена на стыке геополитических интересов мировых центров силы. Страна пытается балансировать, сохраняя равную удаленность от противоречий, возникающих у ведущих акторов региона. Данная территория является как узлом современных мировых проблем, так и своего рода переходной зоной в Евразии. Анатолийский полуостров и прилегающие к нему пространства обретают притягательность в контексте возникновения ареалов конфликтности в современном мире. Турция, соединяющая Европу и Азию, Иран и Средний Восток, Средиземное и Черное море, своими Восточными провинциями врезающаяся в Кавказ, обладает исключительным геополитическим и стратегическим положением.

Ключевые слова: Турция, Евразия, геополитика, Россия, цивилизация, геополитические идеи.

Abstract. Geographically, the Turkish Republic is at the junction of the geopolitical interests of the global power centers. The country tries to balance, preserving the model and the remoteness of the prototypes that evolved among leading actors of the region. Being a transition zone in Eurasia, the region is as a knot of modern global problems. The Anatolian peninsula and the surrounding areas are an appealing force in the context or the emergence of conflict areas in the modern world. Turkey, connecting Europe and Asia, Iran and the Middle East, the Mediterranean and the Black Sea, with its Eastern provinces penetrating into the Caucasus, has an exceptional geopolitical and strategic position.

Keywords: Turkey, Eurasia, Geopolitics, Russia, Civilization, Geopolitical Idea.

Введение. Начиная с первой четверти прошлого века и практически до первого десятилетия 21 века во внешнеполитической парадигме Турции доминировала прозападная ориентация. Основная причина подобной ситуации, особенно в республиканский период, связана, главным образом, с идеологическим постулатом государства, ориентированного на европейский тренд модернизации страны, который в 20-х годах прошлого столетия был имплантирован в феодальный организм Турецкой Республики.

К концу 20 века Турецкая Республика сумела войти в группу наиболее развитых стран мира (G 20) и модель ее развития стала примером для многих

развивающихся стран. При этом, европейская ориентация Турции всегда создавала определенные сложности в процессе ее странового поведения в геополитическом, геоэкономическом и геокультурном отношениях.

Турецкий социум, вернее его большинство, так и не смог преодолеть свое тюркско-исламское начало, особенно в ментальной плоскости. В стране перманентно идет борьба противоположностей. С одной стороны, это идеи Ататюрка о необходимости стремиться достичь уровня развитых наций, а с другой – боязнь потери традиционных ценностей, накопленных за тысячелетия.

Многолетнее давление на исламскую составляющую турецкого общества (начиная с перехода на многопартийную систему в конце 50-х годов) стало давать трещину в турецком «плавильном котле», результатом которого явилось постепенное выдвижение на передние позиции происламских сил. Подобное привело, в итоге, к отходу от односторонней проатлантической ориентации, что явилось важным фактором в формировании евразийского тренда турецкой внешней политики.

Второй важный фактор – это то, что национальная идентичность турецкого народа (постулат «одна страна – один народ, один флаг») по истечении времени дает трещину, особенно в звене «один народ», ввиду роста национального самосознания курдского этнического меньшинства, автохтонным пространством которого является Восточная Анатолия.

Третье явление – снижение роли вооруженных сил в общественной жизни страны. Надо отметить, что сам характер поведения вооруженных сил в Турецкой республике (создание государства и формирование политической системы, активное участие в социально-экономической жизни и т.д.) делает эту страну по своей природе «средневосточной».

Только за последние более чем 50 лет в Турции произошло три военных переворота (1960, 1971 и 1980 гг.); в 1997 году военные вынудили правительство уйти в отставку и инициировали принятие целого ряда законов по еще большей секуляризации страны [1] (в данной статье не рассматривается попытка государственного переворота 16 июля 2016 года, т.к. эта тема особого исследования и требует определённого осознания).

Перелом произошел в начале 2000 годов, когда пришедшие к власти т.н. исламисты-демократы (позиционирующие себя как некий аналог христианских демократов в Германии) стали постепенно отстранять армию от процессов принятия политических решений.

Все перечисленные трансформации обусловлены целым рядом факторов, среди которых значительную роль играет и уникальное географическое положение Турции, в геополитическом и геокультурном отношении представляющую собой Восток на Западе и Запад на Востоке.

Стыковое положение между развитыми пространствами Европы и отсталыми в формационном отношении территориями Среднего Востока создает некий конгломерат геополитических идей, порой противоречащих друг другу. Наиболее рельефно подобная картина стала вырисовываться с

начала 90-х годов прошлого столетия, когда изменилась геополитическая картина мира и Турция перестала быть чисто европейской державой и начала искать свое место в новой Евразии.

Безусловно, первоначально это было обусловлено выходом на арену стран тюркского мира (ряда республик бывшего СССР), повышением статуса страны в Каспийско-Черноморском регионе, активным вовлечением Турецкой Республики в экономические и политические процессы евразийского материка. Можно говорить о некоем геополитическом дуализме, поскольку путь Турции в «евразийское пространство» лежал через сложившееся в этой стране мышление, что распад СССР позволит ей воссоединиться со своими кровными братьями, долгое время оторванными от нее. Однако довольно тесные связи тюркских республик бывшего СССР с Российской Федерацией, в итоге, как бы вынудили Турцию перейти от пантюркистской составляющей к евразийской.

Евразийская составляющая геополитического поведения Турецкой республики. Основой развития евразийства в Турции послужили идеи пантюркизма и туранизма. Еще в первые годы республиканской Турции начали развиваться идеи туранизма, составляющие основу турецкого национализма [2]. Значительный вклад в развитие идей пантюркизма в Турции внесли и крупные мыслители из России, такие, как крымско-татарский философ Исмаил Гаспринский[3] и башкирский востоковед - тюрколог Ахмет Заки Валидов[4].

Именно первая мировая война и последующие события, приведшие к развалу Османской Империи и образованию республиканской Турции, послужили основой для формирования турецкого евразийства, которое довольно долго протекало в форме пантюркизма и туранизма [5]. Однако, как и в Советском Союзе, так и Турецкой Республике государственная идеология препятствовала тенденциям, приводящим к обострению межнациональных отношений внутри страны, видя в этом особую угрозу национальной безопасности и территориальной целостности государства.

Однако в противоположность Советскому Союзу, где во главу угла был поставлен интернационализм, в Турции стал реализовываться тезис о едином народе, в основе которого находились такие понятия как равноправие, социальная общность, единая история, география и культура. В научной литературе его интерпретировали как национализм Ататюрка, отвергающий такие понятия как шовинизм, религиозную и этническую исключительность[6].

Дабы совсем провести черту, отделяющую политику турецкого государства по формированию новой национальной общности от апологетов пантюркизма, по предложению Ататюрка (с целью строительства нации-государства) в оборот было введено понятие турецкий улус (улус – монгольское слово, означающее «страна», «государство»[7]). Однако, как

показала практика, данный подход (особенно в контексте курдского национального меньшинства) оказался недостаточно действенным.

Евразийство, как, линия геополитического поведения государства, опиралось на турецкий национализм, который, в свою очередь, пытался строить свою конструкцию на пропаганде центральноазиатского прошлого турок. При этом следует отметить, что кемалистская идеология также всячески подчеркивала значимость общетюркского фактора в деле формирования турецкой нации. Единство с народами Центральной Азии и Кавказа было одним из краеугольных камней турецкой национальной идеологии и отражалось во внешнеполитической парадигме государства.

К примеру, Мустафа Кемаль Ататюрк еще в 1933 году говорил: «... это государство (СССР - А.И.) может развалиться или сократиться в размерах. В мире может сложиться совсем другой баланс сил. В возникшей ситуации Турция должна знать, что делать. У нашего друга СССР сегодня находятся исповедующие с нами одну религию, говорящие на одном с нами языке, такие же как мы народы. Мы должны быть готовы к их поддержке... Надо создавать нравственные мосты контактов....и мы должны с ними воссоединиться. Мы не можем ждать, когда они приблизятся к нам, а сами должны двигаться по направлению к ним» [8].

Вторым важным направлением геополитической идеологии того периода являлась антиимпериалистическая направленность кемалистской Турции. По мнению турецких исследователей (Gün Zileli, Attila İlhan, Ercan Karakoç и др.), создание в 1923 году Турецкой Республики стало примером для всех поработанных народов, особенно в плане строительства современного государства западного образца. Считалось, что движение за независимость во многих афро-азиатских странах сформировалось под влиянием идей Ататюрка; именно в этом факторе им и видится евразийский вектор Турецкой Республики.

Следует отметить, что евразийская стратегия того периода строилась по двум направлениям: это вышеотмеченные тюркоязычные пространства, сопредельные с ними территории Ирана, Афганистана. Евразийская политика того периода сопровождалась заключением целого ряда соглашений и политических акций. Так, к примеру, в марте 1921 года в Москве был заключен союзный протокол с Афганистаном, который, кроме всего прочего, предполагал признание Афганистаном независимости Бухары и Хивы.

В тот же год был подписан договор и с Советской Россией. Это был первый договор правительства Анкары с крупным государством. Таким образом, была подчеркнута важность сближения Турции с Советской Россией; обе страны в тот период не пользовались особой поддержкой Запада и, дабы выстоять, вынуждены были идти на сотрудничество. Советская Россия по этому соглашению признавала границы Турции, определенные новым правительством Анкары (а не Севрским договором), с другой – Анкара отказывалась от права владеть Батумом (данного Брест-Литовским соглашением от 1918 года) и передавала его Советской Грузии. При этом два

государства признавали независимость друг друга и выражали уважение к политическим системам, одобренным народами двух стран [10].

Ататюрк и его соратники пытались сформировать новые турецкие границы по линиям проживания турок в приграничных районах Юго-Восточной Анатолии (нынешние территории Ирака и Сирии – Киркук, Мосул, Алеппо), Восточной Фракии (нынешняя Болгария - Западная Фракия) и Западного Причерноморья (нынешняя Грузия - район Батуми), объявив это национальной идеей. В дальнейшем темы Болгарии и Грузии были закрыты, а границы с Ираком и Сирией до сегодняшнего дня в ментальном отношении являются временными.

Таким образом, можно заключить, что «тюркский фактор» являлся основным элементом евразийского среза турецкой геополитики. Даже был создан термин «внешние турки» (турки, проживающие вне границ Анатолии). Здесь хотелось бы сделать маленькую ремарку: национальная концепция Турецкой Республики включает в понятие «турецкая нация» все тюркоязычные народы Евразии от якутов в северо-восточной Сибири до гагаузов в Молдавии [11]. Тем не менее, подобная политика не сопровождалась антисоветской риторикой, и лидеры турецкого государства вплоть до начала 50-х годов вели довольно сбалансированную политику, где учитывались государственные интересы страны и стремления по единению с остальным тюркским миром.

Турецкое евразийство: противоречия и практика. Начиная с 1991 года, турецкое евразийство от своих теоретических изысканий перешло в практическую плоскость. Распад СССР привел к значительному статусному росту Турецкой Республики: из игрока местного уровня она превратилась в государство регионального значения. При этом, как и в 20-е годы прошлого столетия, она, спустя 70 лет, успешно сочетала, как уже отмечалось выше, свои этнические интересы с общестрановыми.

Следует отметить, что Турция (в отличие от развитых европейских демократий) представляет собой страну с довольно антагонистической системой противостояния различных идеологических воззрений, находящих свое отражение в геополитическом поведении государства. Образно говоря, в данном контексте мы можем вести речь о нескольких альтернативах в рамках одной страны, являющейся своего рода островком Среднего Востока в большом Европейском океане. Недостаточное развитие культуры компромисса делает политических игроков порой абсолютно враждебными друг другу практически во всем спектре их подходов как по вопросам внутренней, так и внешней политики.

Вышеизложенное имеет прямое отношение и к евразийской геополитической тематике; здесь можно говорить о трех основных трендах: консервативный (исламский) подход, традиционный (туранистский) и левый (социалистический)[12].

Консервативный срез формировался под сильнейшим влиянием глобальных проатлантических сил еще начиная с 50-х годов прошлого столетия и принял конструктивный характер в начале 90-х годов XX века. Именно в тот период США начали видеть в Турции некую модельную державу для Среднего Востока и тюркоязычных народов бывшего СССР.

Евразийская суть консерватизма, по мнению турецких исследователей, заключалась в мягком идеологическом и культурном проникновении на пространство бывшего Советского Союза (создание учебных заведений и медиаструктур, культурное сотрудничество на платформе тюрко-исламского синтеза). Стратегической целью такой модели поведения являлось создание регионального противовеса России и укрепление сотрудничества с новыми тюркскими государствами[13].

Традиционный взгляд на евразийские процессы во главу угла ставит категорию общетюркского единения. Как правило, в основе данного подхода лежит сопереживание за своих кровных братьев, которые уже несколько столетий живут в отрыве от Анатолии. Можно говорить и о современной модели пантюранизма, которая не предусматривает создание единого государства, а больше концентрируется на солидарности тюркских народов и формировании у них общетюркского мышления.

Однако существуют определенные субъективные и объективные факторы, которые не позволяют традиционалистам в полной степени осуществить свои идеологические догмы на практике. Во-первых, отсутствие восприятия тюркоязычных сообществ в качестве сложившихся наций (об этом говорилось выше), что создает определенные сложности как в межличностном общении, так и на общественно-государственном уровне. Во-вторых, абсолютно негативная оценка советского прошлого народов Центральной Азии и Кавказа, часто проявляющаяся в менторском отношении к ним. В-третьих, идеализация раннего прошлого тюркских народов, приводящая к субъективным историческим и геополитическим оценкам. В-четвертых, отрицание эволюционного подхода в геополитическом поведении государств, вызывающего формирование образа постоянного внешнего врага на просторах Евразии в лице Ирана, Китая и России.

Левый взгляд на Евразию, оперируя понятийным аппаратом Ататюрка, демонстрирует марксистский, антиимпериалистический тренд. В основе этого подхода лежит тезис о повышении значимости Турецкой Республики в Евразии путем сохранения идеологических основ этой страны, определенных Ататюрком, главным из которых является ее антиимпериалистичность и мирное сосуществование с окружающим пространством (одним из основных тезисов Ататюрка был «мир во всем мире, мир в доме»)[14].

Народники, так называют в Турции сторонников левой национальной идеи, несмотря на различные разногласия, выступают за создание сильного союза государств в Евразии в лице России, Китая, Ирана и Турции, который

позволит отказаться от однополярного мира и положит конец гегемонии США и их союзников [15].

Говоря о практической евразийской геополитике, следует отметить, что активно эта тема стала разрабатываться после прихода к власти Партии Справедливости и Развития (ПСР) в ноябре 2002 года. Главная причина заключалась в том, что в период с 1991 по 1999 год в стране произошли значительные изменения: из игрока средней руки в регионе, страна оказалась одной из ведущих сил. Как отмечалось выше, это было обусловлено распадом СССР и образованием независимых тюркских государств. Помимо этого, значительно изменились и отношения между Россией и Турцией: прежние системные ограничения исчезли и два государства стали более полно использовать свой экономический и стратегический потенциал. Тем не менее, в евразийском аспекте поворотным следует считать 2002 год. Впервые за многие десятилетия в стране установился однопартийный режим политической силы, пользующейся доверием большей части населения страны, и Турция стала проводить новую внешнюю политику с опорой на внутренний ресурс.

Начиная с 2002 года, впервые после образования Турецкой Республики, правительство страны перестало быть неким техническим элементом в деле продолжения стратегического курса в рамках основ, заложенных Ататюрком, а начало активно реализовывать новую модель внешней политики, основой которой являлся тезис «нулевых проблем с соседями».

Турция стала позиционировать себя в качестве некоего моста между Европой и Средним Востоком, между Европой и Центральной Азией и, дополнительно к этому, взялась за реализацию амбициозного проекта стать моделью развития для всего Мусульманского мира [16]. В связи с тем, что данная внешнеполитическая ориентация коренным образом отличалась от трендов прошлого, часто ее стали называть Нео-Османизмом, по аналогии с резкой сменой ориентации поздних Османов от Востока к Европе; только сейчас все было наоборот.

В этом проекте основная роль принадлежала Ахмеду Давудоглу¹ который, опираясь на две свои ключевые работы «Трансформация Цивилизаций и Исламский мир» (1994) и «Стратегическая Глубина: международное положение Турции» (2001), начал перестраивать всю внешнюю политику страны.

В основе всего лежал тезис о кризисе христианской цивилизации и растущем авторитете исламской, которая своей цивилизационной активностью решит многие проблемы, стоящие перед современным человечеством [17]. В контексте вышеизложенного, начиная с 2002 года, Турция стала проводить политику добрососедства со своими приграничными

---

¹ Ученый, видный политический и государственный деятель Турции, министр иностранных дел (2009-2014), премьер-министр страны.

государствами, опираясь на свое геополитическое своеобразие и культурное наследие, ставя целью стать центральной страной в регионе [18].

Считалось, что подобным образом Турция способна создать зону стабильности вокруг себя и (вступив в диалог с соседними и союзными странами) сконструировать интегрированную экономическую систему государств, что приведет к снижению фактора негативного воздействия этнических и религиозных различий на долговременное сотрудничество стран как региона, так и всего Евразийского пространства. Однако, как показала практика, процессы, происходящие в соседних с Турцией странах (Ирак, Сирия), не только негативно отразились на взаимоотношениях между странами и создали вселенный катаклизм, но и переросли во внутритурецкую проблему, серьезно расколов турецкое общество.

Заключение. Можно прийти к выводу, что Евразийская геополитика Турции, пройдя значительную эволюцию, все более становится прагматичной. От радикальной переориентации на Восток страна понесла значительные стратегические потери и всё более осознает важность поиска партнеров, позволяющих ей наиболее широко реализовать свой страновой потенциал. В стране возникла тенденция усиления субъективного фактора в формировании модели новой геополитики Турции.

Основной проблемой в этом отношении является значительный разброс во взглядах на внешнеполитическое поведение страны среди различных политических сил. Практически не находит поддержки политика сближения Турции со странами арабского Востока. Исламская составляющая внешней политики страны, хотя и пользуется доверием среди определенной части общества, оказывает негативное влияние на внутригосударственную стабильность. В данном контексте российско-турецкие отношения (при всей их противоречивости) выглядят довольно перспективными и могут служить тем целям, которые ставит перед собой Турция, т.е. укреплению ее геополитического и геоэкономического статуса.

Conclusion. One could conclude that Turkey's Eurasian geopolitics, after a significant evolution, became more and more pragmatic. The country suffered serious strategic losses due to a radical reorientation to the East. The awareness of the importance finding partners that might enable Turkey to achieve its potentials, is increasing. Subjectivity tends to shape the model of Turkey's new geopolitics. The main problem in this respect is the wide range of views among political players on Turkey's foreign policy. There is hardly any support for the policy of rapprochement between Turkey and the Arab countries. The islamic factor in Turkey's foreign policy has a negative impact on domestic stability, although it is supported by a substantial part of society.

Within this context, Russian-Turkish relations look quite prospective, notwithstanding their contradictory nature. They might even serve Turkey's ambitions to strengthen its geopolitical and economic status.

Литература

1. URL: <http://www.tsk.mil.tr/bashalk/basac/2007/a08.htm>.
2. Necati Gültepe, Turancılık Tarihinin Kaynakları, İstanbul, Turan Yayıncılık, 1999.
3. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.
- A. Zeki Velidi Togan Umumi türk tarihine giriş. s. 323, İSMAİL AKGÜN MATBAASI, İstanbul, 1946.
4. Fatih Akgül ,Rusya ve Türkiye’de Avrasyacılık, İstanbul,IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2009, s. 161.
5. Hamza Eroğlu, Türk İnkılap Tarihi, Ankara, Savaş Yayınları, 1990, s. 391–392.
6. URL: <http://www.etimolojiturkce.com/kelime/ulus>.
7. Anıl Çeçen, Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.
8. Üç Tarz-ı Siyaset. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yay. 1987, s. 87.
9. URL: <http://ua.mfa.gov.tr/>.
10. Müzaffer Özdağ, Türkiye ve Türk Dünyası Jeopolitiği, Ankara.
11. Elif Hatun Kılıçbeyli, 21 Yüzyılda Avrasya ve Avrasyacılık: Rusya: Çin,İran ve Türkiye’nin Jeopolitik Yaklaşımları // Jeopolitik Dergisi, Bahar 2003, Sayı 6, s. 90.
12. Mehmet Aça, Avrasya Yaklaşımının Türkiye Çeşitlenmeleri ve Türk Dünyası Geleceği//Bağımsızlığın Onuncu Yılında Türk Cumhuriyetleri, Harlem, SotaYayınları, 2002, s. 170.
13. Atatürk’ün bütün eserleri, c. 11, Kaynak Yayınları, Aralık 2003, s. 158.
14. Алесандр Дугин, Евразийская стратегия Турции (на тур.языке), // Теорі, Aralık 2004, s. 44 <http://Özgür Tüfekçi, Türk Dış Politikasında Avrasyacılık Söylemi>.
15. Davutoğlu Ecolü /www.academia.edu/Documents/in/Türk_dış_politikası, p. 171.
16. Ahmet Davutoğlu, Medeniyetlerin Ben – idraki,Divan,İlmi Araştırmalar,cilt 1,sayı 3, 1997, s. 1–53.
17. B. Aras, Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy, SETA Policy Brief, No. 32, May 2009.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР И РЕЗУЛЬТАТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИИ

T. Gerasimenko, B. Rodoman

TERRITORIAL IDENTITY AS FACTOR AND RESULT OF RUSSIA'S GEOPOLITICAL PREFERENCES

Аннотация. В статье рассматривается идентичность как сложная многокомпонентная категория. Показана иерархичность территориальной идентичности россиян, которая формируется и трансформируется под воздействием многих факторов. Выделены и охарактеризованы этапы её трансформации. Предпринята попытка выявить взаимовлияние территориальной идентичности и геополитических предпочтений России.

Ключевые слова: идентичность, факторы и трансформация территориальной идентичности.

Abstract. This article considers identity as a complex multi-component concept. We view the hierarchical character of Russian territorial identity as a product of many factors. We determine and describe the stages of its transformation. We have attempted to discover the mutual influence of territorial identity and Russia's geopolitical preferences.

Keywords: Identity, factors and transformation of territorial Identity.

Introduction. Идентичность – сложный многокомпонентный, многослойный и многофакторный объект. Под идентичностью (самоопределением) следует понимать многоплановое позиционирование индивида или группы индивидов (этнической, конфессиональной, профессиональной, социальной, гражданской и др.) в окружающем мире, включающее осознание принадлежности к сообществу, к эпохе и к территории. Её многочисленные содержательные составляющие могут быть обозначены двумя категориями: «место» и «память». Среди них позиционирование себя как личности, члена семьи, осознание принадлежности к поколению, социальной группе, страте, касте, клану, профессиональному сообществу, этносу, конфессии, ландшафту, месту, региону, государству, эпохе [2].

В рамках данной статьи остановимся на характеристике территориальной идентичности. Этим вопросам уделяют внимание в странах Запада представители разных наук (например, [21, 23] и др.). Появляются работы, посвящённые этой проблеме, и в России, где чаще всего говорят о «региональной» идентичности (например, [9, 20, 22]). М. П. Крылов определил региональную идентичность как системную совокупность

культурных отношений, связанных с понятием «малая родина», а также внутренний имидж территории[9].

Представляется, что корректнее употреблять термин «территориальная идентичность», поскольку она иерархична. Число уровней зависит от степени генерализации. В самом общем виде их можно сгруппировать в четыре: 1. Микроуровень – «малая родина» (село, город, микрорайон, улица, дом, семья) 2. Мезоуровень – региональная идентичность. Например: осознание себя жителем субъекта федерации («москвич», «оренбуржец») либо крупного региона («сибиряк», «уралец», «камчадал», «северянин»). 3. Макроуровень – принадлежность к государству («россияне», «советские люди»); 4. Культурно-цивилизационный уровень («европейцы», «азиаты», «евразийцы», «особая цивилизация», «человек мира»).

Территориальная идентичность связана с картиной мира и с чувством укоренённости. Картина мира, как важная часть духовной культуры, складывается из географических, исторических, религиозных, психологических представлений, смыслов, образов и формируется под влиянием многих факторов, в том числе и географической среды [10]. Укоренённость – это сплетение связей между членами общества и окружающей их средой. Географическая картина мира определяется такими понятиями, как «отчизна», «родина», «родной край», «земля». Она не может быть полной без понятий «место», «граница» и других географических представлений. Осознание своего места в пространстве неразрывно связано с осознанием места в истории. «Память» — понятие о предках и месторазвитии (по Л.Н.Гумилёву [4]), родословная, место в истории и географии (по современным представлениям — в топохроне).

Наличие территориальной идентичности в России подвергается сомнениям, иногда говорят даже о российской патологии [5]. Мы полагаем, что следует говорить о российском феномене. Идея аспатиальности российского пространства [18] не отражает реальной ситуации. В России не очевидна многоступенчатая идентичность, поскольку не развит многоступенчатый патриотизм – любовь, осознание многих территориальных единиц, в которых живёт человек [15], т.е. любовь к малой родине и гордость за нее и за региональные бренды. Большинство людей стесняются своего провинциального, особенно сельского происхождения (это не престижно) и стараются не демонстрировать территориальную и иную идентичность. Есть исключения, к которым относятся, к примеру, группы православных националистов и представители неформальных организаций (байкеры, футбольные болельщики) и др. Территориальная идентичность ярко выражена там, где есть для этого территориально организованная основа – например, *этнокультурные территориальные комплексы (ЭТК)* – открытые системы разного иерархического уровня, сформировавшиеся в результате взаимодействия этносов и (или) их частей под влиянием ряда факторов на определенной территории в течение длительного исторического периода.

Единый ЭТК, например, сформировался в Оренбургско-Казахстанском регионе и в других этноконтактных зонах [1]).

Theory and Methods. В России на протяжении XX – XXI вв. устойчиво доминирует общегосударственная идентичность (за исключением периода распада СССР, когда демонстрировался «парад суверенитетов»). Современная роль и доминирование центра в России взаимосвязаны с гиперцентрализованной территориальной структурой. Поляризация российского пространства по линии центр-периферия (на разных уровнях: от общероссийского до муниципального), как и расслоение общества, нарастает. Реальностью являются ксенофобия и снобизм. Демонстрация территориальной идентичности отражает территориальную структуру геопространства, обусловленную географическим положением — столичностью, периферийностью, приграничностью. В противовес региональной, государственная идентичность россиян — осознание себя единым целым (несмотря на большой территориальный разброс и слабость транспортных связей, вызванную резким подорожанием пассажирского транспорта по сравнению с советской эпохой) — осознаётся и демонстрируется в гораздо большей степени. Осознание её размеров (и названия) меняются, как и представление о месте в культурно-цивилизационном пространстве. Идентичность формируется и трансформируется под воздействием многих факторов. В их числе географическое положение, колонизация, распад страны или империи, индустриальное, инфраструктурное (строительство транзитных магистралей, совершенствование средств связи) или иное развитие, степень барьерности границ с соседними странами, централизации власти, отсутствие реального федерализма, геополитические и геоэкономические приоритеты руководства государства. Важнейшим средством формирования и трансформации идентичности служит пропаганда через СМИ. Она формируется в течение многих поколений и взаимосвязана с геополитическими и геоэкономическими предпочтениями. Территория страны то расширялась, то сжималась, представляя собой «пульсирующий хронотоп» (термин М.П.Крылова [9]). После распада СССР произошло сжатие, а теперь мы наблюдаем очередное расширение.

Можно выделить периоды трансформации идентичности, хотя подробных, полномасштабных социологических исследований не проводилось ни в советское, ни, тем более, в досоветское время. Некоторые выводы можно сделать по итогам переписей населения, где была графа «национальность», которая определялась на основе самоидентификации. Только после распада СССР появились такого рода работы, но они касались лишь отдельных регионов.

1. В советский период преобладала общегосударственная (общесоюзная) идентичность. Этому способствовала политика властей, направленная на формирование «единой общности» — советского народа. Доля русских

(считающихся «государствообразующим» этносом) постоянно росла, они составляли крупнейшую группу в большинстве российских регионов, в том числе этнонациональных. Подавляющее большинство потомков смешанных семей идентифицировали себя как русские.

2. Период распада СССР сопровождался активизацией этнонационалистических движений, сепаратистскими призывами этнических лидеров и внутри России. В национальных республиках стало выгодно быть представителем титульного этноса. В значительной степени это обстоятельство способствовало росту их численности и доли в населении. Увеличилась номинальная численность малых народов Севера благодаря политике экономической поддержки – за счёт того, что многие стали указывать другую национальность (справедливости ради отметим, что и в СССР было выгодно писаться чукчей или алеутом, они имели ряд привилегий).

Ослабела единая общегосударственная идентичность. Аналогичные процессы наблюдались в Югославии. Это сопровождалось всплеском этнонационализма и регионализма, проявляющегося в изменении социально-культурной и политической самоидентификации, а также в действиях, направленных на повышение статуса региона (например, в Татарстане, Чечне, Тыве; звучали призывы создания Сибирской республики). Этому способствовала западная геополитическая ориентация России: ведь именно в странах Европы распространены регионалистические партии.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение», в конце 90-х годов более 1/3 россиян идентифицировало Россию как европейскую страну, около 1/5 – как евразийскую, несколько процентов – как азиатскую и 40 % затруднились ответить на этот вопрос [11]. Как видно из результатов опроса, общественное мнение в данном случае разделилось.

3. Современный период. Трансформация идентичности ускоряется, поскольку ускоряются все социально-экономические процессы. В результате поиска национальной идеи, в том числе под эгидой православия (что может быть подвергнуто критике: ведь Россия – многоконфессиональное государство), дискутируется проблема возврата на новой основе к формированию единой общности – «общероссийской нации». Главная причина подобных идей – боязнь утраты контроля над регионами и сецессии ряда территорий [15]. В некоторых странах важным инструментом стал перенос столицы (например, Казахстан, в прошлом – Турция).

Одним из авторов данной статьи (Т.Г.) в течение нескольких лет проводились исследования по выявлению идентичности в Оренбургско-Казахстанском трансграничном регионе по обе стороны государственной границы. В рамках данной статьи важны результаты опросов жителей Оренбургской области. Результаты подтверждают сказанное выше. Идентификация менялась в соответствии с выделенными периодами. Использовалось анкетирование, метод глубинного интервью и экспертных оценок. Выборка охватывала разные слои населения.

Опросник включал три группы вопросов. Первая касалась маршрутов путешествий, вторая – прямые вопросы относительно идентичности и третья – вопросы, помогающие выявить приверженность тем или иным цивилизационным ценностям (например, согласны ли люди с отменой смертной казни, как следует поступать с террористами, считают ли конкуренцию важнейшим элементом общественно-государственного устройства, ставят ли личные интересы выше общественных, и т.д.).

Results. Исследования, проведенное в середине 2000-х годов, показали, что 55,6% принявших участие в соцопросе идентифицировали Россию как евразийскую страну, 25% как европейскую и 19,4% как самобытную, не принадлежащую ни к одной из цивилизаций. Интересен анализ ответов респондентов, идентифицировавших Россию как европейскую страну, на уточняющие вопросы. Все они полагали, что террористов следует «мочить в сортирах» (как известно, с подобным заявлением выступил в то время В.В. Путин); 44,4% были уверены в необходимости смертной казни; 77,7% утверждали, что конкуренция для России неприемлема; 66,7% считали, что мужчина – глава семьи; большинство опрошенных неоднозначно относились к накоплению богатства. Иными словами, западные ценности оказались для опрошенных, идентифицировавших Россию как европейскую страну, неприемлемыми. Во внешних связях 34% всех опрошенных предлагали ориентироваться преимущественно на страны Запада.

Ситуация коренным образом изменилась в 2016 г. Никто из опрошенных не идентифицировал Россию как европейскую страну. 57% назвали её самобытной, 36% – евразийской и 7% – азиатской. Выросла значимость этнической и конфессиональной идентичности. Для подавляющего большинства опрошенных наибольшее значение приобрела принадлежность к семье. 48% на первое место в ряду территориальных идентичностей поставили принадлежность к России, 20% – к региону. 35% ратуют за импортозамещение, 60% предлагают ориентироваться в геополитических и геоэкономических отношениях на страны СНГ, Китай, Индию или Японию. И лишь 7% считают необходимым развивать отношения со странами Европы или США.

Такая трансформация предпочтений в самоопределении вполне понятна и происходит под воздействием СМИ. Когда открылись границы и у наших руководителей появились иллюзии стать равноправными партнёрами европейских государств, а у людей появилась возможность выезжать в эти страны, ориентация на запад и, соответственно, идентичность приобрели «западный» вектор. Часть населения предпочла считать себя европейцами, т.е., по их мнению, цивилизованными, прогрессивными людьми. Привлекательным казалось лидерство в области техники и экономики, высокий уровень жизни. Европоцентрическое мировосприятие предполагает представление о европейской культуре как о высшей стадии развития общества. Новая доктрина сопровождается патриотическими лозунгами и

публикациями в СМИ и на телевидении, повышением роли православной церкви в формировании общественного мнения, появлением молодёжных и детских патриотических движений, милитаризацией и противостоянием неким враждебным силам, конфронтацией с Западом. В геополитических контактах происходит переориентация на неоевразийство. Восстанавливаются и расширяются контакты с православными славянскими странами Европы, с тюркскими странами Азии, с Монголией и др.

В России, как, может быть, нигде больше в мире, существует глубокая ментальная и социальная пропасть между столицей и остальной территорией. Главная причина этого – традиционная централизация самодержавной власти, не терпящей конкурентов. Развитию регионального патриотизма мешали и частые принудительные и вынужденные переселения и перемещения по службе, практиковавшиеся в нашей империи. Тем более заметны редкие и яркие исключения. Так, художник И.К. Айвазовский был трогательным патриотом родного города – Феодосии (ныне утратившей многоязыкий средиземноморский колорит). Он подарил ей водопровод, помогал проектировать железную дорогу.

В советское время заметным местным патриотизмом отличались ленинградцы, одесситы, потомки архангельских поморов; о своих регионах с гордостью говорили дальневосточники, сибиряки, уральцы. И всё же это были скорее исключения, чем правила. Даже крупные части СССР обычно не назывались родиной, и уж тем более отечеством. Считалось само собой разумеющимся, что отечество у всех советских людей одно – Советский Союз.

Лишь в самом конце советской эпохи было сделано послабление: наши идеологи поняли, что для полноценного гражданского самосознания необходимо и чувство *малой родины*. Ею отныне могло считаться родное село, город, регион. С тех пор выражение «малая родина» вошло в моду, оно часто употребляется и в наши дни. Таким образом, причитающихся каждому гражданину родин стало две, но не больше, а этого очень мало. Оседлого жителя окружают контуры множества территориальных единиц, и каждая может быть для него своей, родной, любимой. А у кочевника – свои представления о родине. Когда происходила колонизация земель, принадлежавших башкирским и киргиз-кайсацким племенам, пришельцы и не подозревали, что эти «ничьи» на первый взгляд земли строго распределены, а места кочевий соседних племён не пересекаются! Это привело в некоторых случаях к серьёзным проблемам во взаимоотношениях, спровоцировало башкирские восстания, но в дальнейшем отношения были урегулированы. Проблемы были и во взаимоотношениях с северными народами, которые не хотели переходить на оседлый образ жизни, а откочёвывали от урбанизированных территорий с оленьими стадами.

Россия – не единственная родина для человека, родившегося и живущего в нашей стране. Его родина – это и регион, природная зона, город или деревня, часть города, микрорайон и т.д. Такая многоступенчатая,

многоуровневая, многогранная идентичность имеет право на существование и должны быть равноценной и равноправной, как разные формы собственности, без всякого подчинения великодержавной идентичности, равно как и патриотизму.

Нам представляется, что у человека, духовно и душевно развитого, чувство родины многогранно и многоярусно: он ощущает себя гражданином Вселенной, как В.И.Вернадский и К.Э.Циолковский; европейцем, как А.С.Пушкин и Ф.И.Тютчев: сыном «богоизбранного» отечества, как Ф.М.Достоевский и В.С.Соловьёв; частицей родной природы, как И.И.Левитан и М.М.Пришвин; москвичом, как П.Д.Боборыкин и В.А.Гиляровский; «сыном Арбата», как А.Н.Рыбаков и Б.Ш.Окуджава.

Территориальные области, считающиеся своими, родными, не всегда вложены одна в другую, как матрёшки. Они могут быть однопорядковыми по размеру и пересекаться (частично накладываться), как диаграммы Эйлера – Венна, имея общий участок там, где находится мой дом. Объектом идентичности не обязательно должна быть казённая административно-территориальная единица или иная область, значимая для большинства окружающих людей. Ощущение родины у каждого может быть своё, различны и её границы; в этом и проявляется личность. На современном этапе развития общества нередко речь идёт о внепространственности многих явлений (см., например, [7]). Границы и ареалы идентичности также практически не поддаются локализации.

Современная структура российского геопространства иерархична и многоступенчата. Сильное ядро, не совпадающее с географическим центром, размещается на западе страны. Эксцентриситет связан с колонизаторской политикой. Завоевывая и колонизируя земли на востоке, Москва оказалась на западной окраине страны [14].

Для многих периферийных регионов Москва в ряде случаев более доступна в транспортном отношении, чем центры соседних субъектов федерации или даже населённые пункты в пределах своего региона. Кратчайшее реальное географическое расстояние между многими периферийными по отношению к столице региональными центрами играет меньшую роль, чем кратчайшее экономическое (оцениваемое, по И.М.Маергойзу, по времени либо по стоимости перевозок), которое в большинстве случаев проходит через Москву. Например, из Оренбурга в Красноярск, Иркутск, Ставрополь, Норильск и другие города путь через столицу короче, надёжнее и дешевле других вариантов. Этому парадоксальному явлению способствовало сокращение в постсоветские годы внутрироссийских авиарейсов и железнодорожных маршрутов.

Центр объединяет социально-экономическое, политическое, культурное, научное пространства России, а вместе с этим цементирует единую идентичность. Это в интересах современного государства, ибо выполняет «антисецессионистские» функции. Однако полностью подчинить и контролировать регионы не всегда удаётся. Процесс регионализации –

объективная реальность. Регионализация приводит к разделению российского пространства, что может стать реальной основой для сепаратистских и даже сецессионистских настроений. Часть российских территорий, не имея лёгкого транспортного доступа к столице, становятся самодостаточными. В отдалённых регионах формируется региональное социально-экономическое пространство, имеющее всё ту же моноцентрическую структуру. Научные и культурные центры, утратив связи со столицей, нередко развиваются независимо от неё. В регионах – свои кумиры, неизвестные столице, свои политические деятели, свои рекреационные предпочтения. За границей, куда направляется всё больше российских рекреантов, редко пересекаются дальневосточники и жители европейской части страны.

На региональном и локальном уровнях функционируют свои собственные центры, вокруг которых формируются в большинстве случаев нуклеарные частично изолированные структуры. Связи между этими территориями ослаблены, вследствие чего административные границы ярко выражены в ландшафте (реже население, больше дикой природы) [13].

Центральная власть вынуждена реагировать на ослабление связей, скрепляющих страну. Предпринимаются попытки формирования точек роста в виде федеральных университетов, территорий опережающего развития (ТОР), регулировать экономические отношения, цены на авиабилеты из Москвы (на Дальний Восток, в Калининградскую область). Следовало бы дотировать перелёты, чтобы не потерять связи между регионами, и из региональных центров.

Discussion. Геополитические предпочтения лежат в основе идентичностей россиян на макро- и культурно-цивилизационном уровнях, они меняются в зависимости от того, ориентируются ли лидеры в своей политике на Европу либо на другие регионы, укрепляют или ослабляют те или иные рубежи. В этой связи важным является вопрос о месте России в мировом культурном пространстве. Этот вопрос интересен не только с теоретической точки зрения. Ответ на него имеет значение для выбора геополитических и геоэкономических предпочтений, а также вариантов региональной политики. Предпринимаемые многочисленные попытки решить эту проблему обнажают принципиальные расхождения во взглядах, предполагающие разные пути развития страны. Многочисленные разночтения можно свести к трём основным направлениям: «западники» [6], «неоевразийцы» и считающие российскую цивилизацию уникальной и оригинальной [8].

Концепция неоевразийцев на современном этапе развития превалирует. Евразийцы в свое время выделили в ойкумене Европу, Азию и Евразию ([17] и др.). По их мнению, Евразия объединена «месторазвитием» – пространством, представляющим природно-территориальный комплекс с внутренними системными связями, наполненным взаимодействующим культурным содержанием. От других миров Евразия отделена фронтами.

Эти миры – Тибет, пустыни Средней Азии, Западная Европа – принципиально иные и не комплиментарны евразийскому миру, хотя и взаимодействуют с ним.

Ряд авторов выделяют уникальную российскую цивилизацию как особую самодостаточную сущность, не относящуюся ни к Европе, ни к Азии, ни к Евразии. Они считают, что модернизация России должна проходить на основе выявления закономерностей тысячелетнего исторического развития и выработки собственной идеологии, а также селективного использования мирового опыта. Однако эта точка зрения только на первый взгляд кажется оригинальной. По большому счету, она сходна с взглядами евразийцев, но имеет в виду более компактное российское пространство. События последних лет, связанные с происходящими процессами на Украине и в других странах, причислявшихся к евразийскому пространству, пожалуй, подтверждают это положение.

Так или иначе, большинство авторов полагают, что Россия представляет собой особый, уникальный культурный мир. Его идентифицируют по-разному: от мира-России, реально представляющего гораздо меньшую территорию, чем наше государство сегодня, до Евразии в широком смысле (включая бывшие союзные республики и Монголию). Многие исследователи разных эпох отмечают самобытность и особость российской культуры (Астафьев П.Е., Бердяев Н.А., Ключевский В.О. и др). Например, С.В. Кайманов [8] к фундаментальным элементам российской цивилизации относит общинность, соборность, государственность (державность), приоритет духовно-нравственных начал, необходимость высокой цели, сверхидеи. Но множество таких аргументов не подтверждаются практикой.

Обобщив мнение ряда политологов и социологов, отметим чаще всего приводимые аргументы, указывающие на отличия российской модели общественного устройства от западной, или, точнее, англосаксонской.

1. Российское общество не приемлет конкуренцию и считает ее негативным явлением.

2. Российская общественная модель основана на доминировании якобы общего интереса, когда задачи населению «спускаются сверху». На практике это интерес не общий, а тех, кто его диктует.

3. В западной традиции превыше всего ценится личная позиция. В российской системе человек соотносит себя с некоей внешней системой ценностей и поэтому более устойчив.

4. Западная модель претендует на тотальное господство. Покоренные англосаксами народы обязаны принимать цивилизационный мейнстрим и правила поведения. Иначе возможен вариант тотального уничтожения, как это произошло с 200-миллионным индейским населением Северной Америки. Российская цивилизационная модель, напротив, предполагает сохранение разнообразия, когда все народы имеют право жить по-своему. В самом деле такое право соблюдала Российская империя от Петра Первого до Александра Второго включительно. Формирование российского сообщества

в условиях мультикультурности и полиэтничности способствовало укреплению общегосударственной идентичности. Сходные природные ландшафты способствовали конвергенции и формированию общих стереотипов поведения, а также взаимовлиянию культур. Но при Александре Третьем началась русификация и унификация, которая привела в итоге к распаду империи. Советская власть поддержала и сделала ставку на национальные меньшинства, что стало мощным фактором победы и сохранения советской власти в течение длительного времени. В условиях СССР этнокультурные грани то выпячивались, то нивелировались под влиянием изменчивой национальной политики.

Последние события и эволюция позиции России, введенные санкции привели к новому заметному изменению ситуации. А централизованная власть позволяет манипулировать общественным сознанием.

Conclusion. Территориальная идентичность – это осознание принадлежности индивида или группы индивидов к территории. В российской науке чаще используют термин «региональная идентичность», однако корректнее употреблять понятие «территориальная идентичность», поскольку она иерархична. В самом общем виде множество уровней можно сгруппировать в четыре: 1) микроуровень – «малая родина» (село, город, микрорайон, улица, дом); 2) мезоуровень – региональная идентичность – осознание себя жителем субъекта федерации либо иного столь же крупного региона; 3) макроуровень – принадлежность к стране, государству; 4) культурно-цивилизационный уровень («европейцы», «азиаты», «евразийцы», «особая цивилизация», «человек мира»). Многоступенчатая идентичность соотносится с многоступенчатым патриотизмом, – любовью и осознанием многих территориальных единиц как места жительства и гордостью за региональные бренды. Но такой многоступенчатый патриотизм в России не развит. Идентичность многоступенчатая в России не очевидна, поскольку большинство людей стесняются своего провинциального, особенно сельского происхождения (это не престижно). Такая ситуация сложилась из-за доминирования центра в России и гиперцентрализованной территориальной структуры российского геопространства. Территориальная идентичность ярко выражена там, где есть для этого территориально организованная основа. В нашей стране огромную роль играет административно-территориальное деление, а все остальные регионы (природные, историко-культурные и т.п.) отражаются в общественном сознании незначительно.

В России на протяжении XX – XXI вв. устойчиво доминирует общегосударственная идентичность (за исключением периода распада СССР, когда демонстрировался «парад суверенитетов»). Этому способствовала политика властей, направленная на формирование «единой общности» – «советского народа», а в современный период дискутируется проблема

возврата на новой основе к формированию аналогичной единой общности – «общероссийской нации».

Центр объединяет социально-экономическое, политическое, культурное, научное пространства России, а вместе с этим цементирует единую идентичность. Это в интересах современного государства, ибо выполняет «антисепессионистские» функции. Однако полностью подчинить и контролировать регионы не всегда удаётся. Процесс регионализации – объективная реальность. Центральная власть старается скреплять страну, усиливая привязку окраин к столице. Формируются точки роста (федеральные университеты, территории опережающего развития), дотируются цены на авиабилеты из Москвы (на Дальний Восток, в Калининградскую область). Но следовало бы дотировать перелёты и из региональных центров в другие регионы, хотя бы в соседние.

Геополитические предпочтения лежат в основе идентичностей россиян на макро- и культурно-цивилизационном уровнях, они меняются в зависимости от того, ориентируются ли лидеры в своей политике на Европу либо на другие макрорегионы мира, укрепляют или ослабляют те или иные рубежи. В этой связи важным является вопрос о месте России в мировом культурном пространстве. Ответ на него имеет значение для выбора геополитических и геоэкономических предпочтений, а также вариантов региональной политики. Многочисленные разночтения можно свести к трём основным направлениям: «западники», «неоевразийцы» и считающие российскую цивилизацию совершенно уникальной и оригинальной. На современном этапе развития в массовом сознании преобладают концепция неоевразийцев и мнение об особости России, что подтверждают и проведённые нами социологические исследования.

Conclusion

Territorial identity is an individual's (or a group of individuals') awareness of their belonging to a certain territory. The more common Russian academic term is *regional identity* though it should be more correct to talk of *territorial identity* due to its hierarchical character. The many hierarchical levels can be grouped into the following most general four:

- 1) *The microlevel* which is the *smaller home place* like a village, town, city, neighborhood, street or a house.
- 2) *The mesolevel* which is the *regional identity* implying one's awareness of his/her being an inhabitant of a federal subject or any other equally large territory.
- 3) *The macrolevel* which implies an individual's belonging to a country.
- 4) *The cultural and civilizational level* which deals with notions like *Europeans, Asians, Eurasians, exclusive civilization, cosmopolitans* etc.

The multilevel identity correlates with multilevel patriotism which is essentially the love for and awareness of the many territorial units such as home

places and the pride of the local regional brands. This type of multilevel patriotism is not typical for Russia where no multilevel identity is distinctive as many people are self-conscious about their provincial origin especially if they come from a rural area because it is not socially prestigious. This situation is the result of center domination in Russia and overcentralized territorial structure of Russian's geographical space. Territorial identity is most evident where it has its basis in territorial arrangement. In our country the administrative subdivision of territory is of utmost importance while the social awareness of other aspects such as natural, historical and cultural is not distinct.

During the 20th and 21st centuries the national identity has been predominant in Russia (excluding the period of the Soviet Union breakup when the so-called *sovereignty parade* was to be widely observed). That was the result of the governmental policy aimed at forming a *unified community - the Soviet people*. At present there is a tendency to consider the old concept's comeback to a renovated basis aiming to form a similar community - *the all-Russian nation*. Socially, economically, politically, academically and culturally the Russian territory is center-dominated which leads to a stronger unified identity.

This type of arrangement serves the interests of the present day state due to its anti-secessionist functioning. Though it is not always possible to totally control the regions. Regionalization is objective reality. The centralized administration is trying to hold the country together reinforcing the link between the capital and the periphery. Growing points are being formed such as federal universities and territories of priority development. The flights from Moscow to remote areas such as Far East or Kaliningrad region get subsidized though flights connecting regional centers with other regions (at least the neighboring areas) should get that kind of support as well.

The geopolitical preferences underlie the identities among Russians at the *macrolevel* as well as *cultural and civilizational level*. They may change following the Europe-biased policy conducted by the country's leaders or any other geopolitical and regional bias depending on how much stronger or weaker certain boundaries become. Due to which the problem of Russia's cultural position in the world is of importance. How it is solved is crucial when geopolitical and geo-economic preferences are chosen as well as the way regional policy should go.

The many different parties here may be reduced to the three main types such as the Westernizers, the neo-Eurasians and those who believe the Russian civilization to be absolutely unique. At the present-day stage of mass consciousness the neo-Eurasian concept alongside with the theories of Russia's uniqueness tend to be most wide-spread which finds its proof in our social research.

Литература

1. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб.:Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 235 с.
2. Герасименко Т.И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности Вестник СПбГУ 2012. Спецвыпуск. С. 31-41
3. Герасименко Т.И. Роль столицы в формировании и трансформации территориальной структуры социально-экономического пространства // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. С.8-12.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
5. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Теоретическая политология: мир России и Россия в мире Москва, Издательство МГУ, 2000: 300 с. Под редакцией проф. В.В.Ильина
6. Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства (Смысл и статус евразийской концепции пространства России) // Общественные науки сегодня. – 2003. - № 4. - С. 63 – 80; 2003. - № 5. - С.70-84.
7. Казарова Т.В. Цифровое общество как уникальный культурно-исторический феномен // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции "Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека", 11 -- 13 февраля 2016. -- Коломна, Гос. социально-гуманитарный ун-т, 2016, с. 161 -- 166; 150 экз.
8. Кайманов С.В. Российская цивилизационная система и переходная экономика // Природа и ментальность. Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXIII. - М.: Московский Лицей, 2003. - С. 217-232
9. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
10. Мягков С.М. Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. М.: НИИПИ экологии города, 2001. 190 с.
11. Пантин В.И. Проблемы и поиски национально-цивилизационной идентичности в современной России // Природа и ментальность. Сер. "Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России". - М.: Московский Лицей, 2003. -Вып. XXIII. - С.205-206
12. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

13. Родоман Б.Б. Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России. - М.: ИГ РАН, 2004, с. 82 - 85.
14. Родоман Б.Б. Эксцентриситет и дисторсия узловых районов // Центрографический метод в экономической географии. – География и хозяйство, вып. 3. – Л.: Всесоюзн. геогр. об-во, 1989, с. 107 – 121.
15. Родоман Б.Б. География и воспитание патриотизма // География, 1994, № 7 – 8, фев., с. 2 – 3.
16. Родоман Б.Б. Фобия потери территориальной целостности // Неприкосновенный запас, 1999, № 6 (8), с. 10 – 15.
17. Савицкий П.Н. Географические особенности России. Часть 1-ая. Растительность и почвы. -Прага, Евразийское книгоиздательство. 1927. -180 с.
18. Смирнягин Л. В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: Изд-во МОНФ, 1999. С. 108-115.
19. Сухачёв В. Ю. Национальная идентичность — теория и реальность. СПб.: Гражданская инициатива, 1999. С. 30-37.
20. Сухачев В. Ю. «Права народов», этнические меньшинства и Я-идентичность // Национальный вопрос и права беженцев. СПб.: СПб писательская организация, 1998. С. 72-88.
21. Cameron D., Anderson, R., MochaëlMcgregor. Explaining Stability and Change of Territorial Identities // Nations and Nationalism 22(1), 2016, 84-102.
22. Gerashimenko T.I. Landscape of the Ethnic Group Formation and Complementarity of Ethnic groups as a Foundation of the Regional Identity Formation The 2015 IGU Regional Conference “Geography, Culture and Society for our Future Earth”.Geography, culture and society for our future Earth: The 2015 IGU Regional Conference (Moscow,17-21.08.2015) : Book of abstracts.– М., 2015. http://www.igu2015.ru/sites/default/files/public/programma_igu15_a4_elektronv_1.pdf.
23. Osman Balcan. Disorder at the Border Europe’s Migrant Crisis in Comparative Perspective //Studies in Ethnicity and Nationalism. Oxford, USA. Vol.16, No.1, 2016. 118-120.

**ДОПРИНОС РЕГИОНАЛНЕ ГЕОГРАФИЈЕ АНАЛИЗИ
ПОЛИТИЧКИХ, ЕКОНОМСКИХ И КУЛТУРНИХ ПРОЦЕСА У
ЕВРОАЗИЈИ**

S. Vujadinović, D. Šabić, M. Gajić

**CONTRIBUTION OF REGIONAL GEOGRAPHY TO THE ANALYSIS OF
POLITICAL, ECONOMIC AND CULTURAL PROCESSES IN EURASIA**

Апстракт: У раду је дефинисана улога регионалне географије у проучавању политичких, економских и културних процеса у Евроазији. Значај регионалне географије у анализи поменутих процеса у Евроазији у глобалном добу је неспоран, јер поједини проблеми као што су политички конфликти, драстичан пораст интеррегионалних и интрарегионалних економских неједнакости, прекомерно коришћење природних ресурса, еколошке катастрофе, урбана експлозија, пренасељеност, етнички сукоби, масовне миграције или нетолеранција према другим културама све више утичу на свакодневни живот људи у многим регионима Евроазије.

Кључне речи: регионална географија, Евроазија, регион, глобализација.

Abstract: This paper defines the role of regional geography in the study of political, economic and cultural processes in Eurasia. The importance of regional geography in the analysis of the processes in Eurasia in the global era is undeniable, because some problems such as political conflicts, a drastic increase in regional and inter-regional economic disparities, excessive use of natural resources, environmental disasters, urban explosion, ethnic conflicts, mass migration or intolerance towards other cultures are increasingly affecting the daily lives of a lot of people in many regions of Eurasia.

Key words: regional geography, Eurasia, region, globalization.

Увод

Идеја региона претходила је настанку традиционалне регионалне географије. Размишљајући о околини, људи су још у старом веку настојали да сазнају докле се нека територија простира. Због тога је регионални приступ стар истраживачки поступак. Регион је према концепцији традиционалне регионалне географије ограничен просторни систем и израз организационог јединства на основу кога се разликује од другог (Allen et al. 1998, Amin 2004, Bristow 2010, Castels 1996, Cook and Morgan 1994, Gilbert 1988). Као такав, регион је представљао производ територијалне диференцијације света. Повезаност просторне и друштвене динамике прелама се у региону, који се у

анализама традиционалне регионалне географије подудара са територијалним јединицама (Ristić i Marinković, 2014, Keating 1998, Levis and Wigen 1997, MacLeod 2001, Meijers and Romein 2003). У глобалном добу, концепција региона је доживела значајне промене. Уобичајена је пракса да се региони дефинишу на различите начине, тако да у савременој регионалној географији не постоји једна дефиниција, што је последица сложене појмовно–семантичке конструкције. Да би се дефинисао регион треба разумети његову прошлост, образложити његово политичко, економско и културно функционисање и указати на његову будућност. Региони према концепцији савремене регионалне географије представљају аналитичко оруђе у географским, економским, политичким, историјским и социолошким истраживањима, иако су у међувремену на значају добили и појмови – територија и место (Claval, 2007).

У глобалном добу, главни проблеми истраживања савремене регионалне географије и даље остају региони, организација географског простора, регионални развој и регионални идентитет, као одраз комплексних односа на релацији природа – друштво. Савремена регионална географија има за циљ да упозна научну и стручну јавност са плуралистичком природом света и новим трендовима, који повезују глобални ниво и нивое регионалних и локалних заједница (Вујадиновић и др. 2015). За разлику од традиционалне концепције региона, која представља одраз адаптације на природну околину, нови концепт дефинише регион кроз друштвену интеракцију. Тај нови концепт региона има различите приступе, од политичког и економског, преко географског, до културног, али је свима њима заједничко обележје да регион посматрају као резултат интеракција појединаца, група и институција. Тај процес ствара интерни хомогенизовани простор и одређује идентитет. Према томе, региони представљају моделе који указују како различити фактори делују и стварају препознатљив географски пејсаж. Познавање политичких, економских и културних процеса који обликују простор Евроазије, од велике важности је за разумевање актуелних догађаја.

Пажња регионалних географа дуго је била усмерена на издвајање и описивање територијалних јединица. Основни циљ традиционалне регионалне географије био је да објасни начин на који је географски простор организован, а акценат је стављан на економску организацију материјалног простора. Осамдесетих година 20. века дошло је до обнове значаја регионалне географије и наглашавања њеног синтезног и мултидисциплинарног карактера. Традиционална регионална географија, заснована на хоролошком принципу, постепено се напушта јер се показало да регионалногеографска истраживања не обухватају целокупну регионалну проблематику и да је за савремену анализу неопходан допринос других друштвених наука, пре свега социологије, економије, културологије и историје (Claval, 2007).

Глобално доба снажно утиче на политичке, економске и културне процесе у Евроазији. Оно у политичком и економском погледу доводи до

отварања евроазијских националних тржишта, а у културолошком погледу – прилагођавања националних културних образаца евроазијских држава западној култури и постепеног прихватања вредности, заснованих на принципима либералне демократије.

Од средине 1980-их година анализа политичких, економских и културних процеса постаје све актуелнија међу регионалним географима, што је доказ да се у научним круговима о томе све више размишља и пише (Newman and Kliot 1999, Miloradović 1999, Trkulja 2003, Soros 2002, Stiglitz 2003, Sen 2003, Vuletić 2003a, 2003b, Milovanović 2003, Petrović 2003). О глобалним изазовима регионалне географије постоје различита мишљења. У раду је анализирана њена улога у проучавању политичких, економских и културних процеса, кроз призму њиховог утицаја на промене у Евроазији. Због сложених аспеката утицаја наведених процеса, улога регионалне географије у савременом научном дискурсу постаје све сложенија. Прихватање елемената друштвених наука у савременим регионалним истраживањима има за циљ да се превазиђу ограничења традиционалне регионалне географије, односно да се умањи нагласак природног окружења. Бројни аутори из осамдесетих и раних деведесетих година 20. века у својим радовима експлицитно указују на заокрет у регионалним истраживањима (Gilbert 1988, Lee 1985, Murphy 1991, 2006, Paasi 1986, Pred 1984, Sayer 1989, Thrift and Pred 1981, Thrift 1990, 1991, 1993, 1994).

Улога савремене регионалне географије у проучавању политичких, економских и културних процеса у Евроазији

У односу на традиционалну концепцију, савремена регионалногеографска истраживања се заснивају на регионалној диферсификацији политичких, економских и културних структура, при чему природна основа нема детерминистички карактер. Савремена регионална географија наглашава друштвене интеракције у специфичностима времена и простора (Gilbert 1988). Главни циљеви савременог регионалногеографског истраживања и даље остају организација простора и географски аспект политичких, економских и културних процеса, анализа еволутивног карактера региона, истицање његове специфичности и идентитета као одраза комплексних односа на релацији природа – друштво.

Политички процеси

Политички односи између евроазијских држава су се у прошлости знатно разликовали од данашњих (Antić 2003). На прелазу из 19. у 20. век сматрало се да снага једне државе директно произлази из њене територијалне величине и доминације. Временом су се односи у свету променили, па је најважнији

циљ државне политике постао приступ ресурсима и међународном тржишту, са циљем јачања политичке моћи државе (Cagatay et al. 1995, Hutton and Giddens 2000). Политички фокуси регионалногеографских истраживања везани су за савремене политичке процесе као што су стварање мултиполарног света и новог међународног поретка, дешавања у међународним односима на релацији Запад-Исток, политичка позиција Русије и Кине које имају снажну улогу у Савету безбедности УН, стварање безбедоносне политике Русије према Западу и њено противљење ширењу НАТО-а на државе бившег комунистичког блока, развој стратешких партнерстава и савеза од стране Русије, криза у Југозападној Азији и њене импликације и др.

Велики број регионалногеографских радова последњих година односи се на Европску унију као најуспешнију реализацију регионалне економске интеграције у пракси. Вредности на којима почива ова интеграција као што су мир, владавина права, тржишна привреда, заштита људских и мањинских права, и социјална држава на жалост су и у другој деценији 21. века недостижне за многе друге делове евроазијског континента. Продубљивање јаза између најсиромашнијих и најбогатијих држава, ствара политичке кризе и конфликте, као и безбедоносне проблеме попут међународног криминала.

Економски процеси

У регионалногеографским истраживањима која су усмерена на економски развој, регион се најчешће посматра као недељива целина која се може ефикасно употребити не само за анализу, већ и за спровођење јавне интервенције. Зарад социјалне правде и економске ефикасности регионална политика добија све више на значају (нпр. регионална политика у ЕУ је главни механизам постизања економске и друштвене интеграције држава чланица).

Економска питања која најчешће завређују пажњу регионалних географа јесу: фактори економског развоја (расположивост природних ресурса, климатски услови, рељеф, природни услови за развој саобраћаја, институционална уређеност, људски капитал као и навике становништа и њихов однос према послу, ниво и квалитет социјалног капитала, креативни капитал, услови за живот и рад, тј. људским радом створене погодности и предности – физички капитал и др.), концентрација економске активности на локалном, националном и глобалном нивоу, просторна дистрибуција развојних ресурса и др.

Евроазија је у економском погледу високо поларизован простор, што је у великој мери последица неолибералне економске политике у свету. Територијална неједнакост је присутна како на нивоу континента, тако и на регионалним и националним нивоима, на шта указују економски, социјални и синтетички показатељи економског развоја. Евроазијски региони са високим

нивоом дохотка концентрисани су на релативно малом простору. Тако на основу просечног дохотка по становнику (GNI per capita) и Атлас методе, већина европских држава (без Источне и Југоисточне Европе), Јапан и Јужна Кореја спадају у државе са високим дохотком, док већина држава Јужне и Југоисточне Азије остварује низак доходак по становнику. Сличан однос присутан је и када се анализира индекс људског развоја. Технолошки напредак, праћен новим облицима инвестирања и моделима индустријске организације омогућава поједним евроазијским регионима и државама да се боље економски позиционирају на глобалном тржишту. Тако нпр. Финска, Шведска и Јапан су, заједно са САД, државе са највишим индексом технолошког развоја у свету.

Уколико економски развој посматрамо као процес који олакшава живот људи, путем успостављања слободног тржишта и формирања демократског друштва, у том случају она је позитивна. Међутим, ако је посматрамо као процес унификације света или као хегемонију појединих економија, мултинационалних компанија или међународних организација, она се сматра негативном (Held and McGrew 1999). Бројна регионална истраживања показала су да се економски процеси (кроз економске политике) у Евроазији првенствено манифестују кроз техничко–технолошку супериорност развијених индустријских друштава, која покушавају да ту позицију увећају извозом застарелих технологија и увозом квалификованог стручног кадра из земаља у развоју, у чије школовање нису уложили материјална средства. Евроазијске државе у развоју укључују се у савремене економске процесе кроз процес транзиције, која представља пре свега изградњу новог система. При томе, сваки нови систем не значи истовремено да је држава на путу успеха. Тржиште рада, где се цена рада формира под утицајем понуде и тражње, није постојало у многим евроазијским комунистичким државама више од 50 година. У комунизму, држава је прокламовала право на рад и сигурност посла, што је имало за последицу трајан вишак од 30–40% запослених. Током 1990-их, ниво запослености се прилагођавао нивоу економских активности, кроз пад реалних зарада, повећање броја незапослених и ширење црног тржишта. Због тога и данас многе евроазијске државе у транзицији карактеришу сиромаштво, низак животни стандард и велика незапосленост. Живот многих заједница и даље је везан за село и пољопривреду, а због опште неразвијености – мали број високообразованих људи има прилику да се запосли у својој струци.

Културни процеси

Поља истраживања савремене регионалне географије Евроазије везују се и за културне промене које учествују у изградњи евроазијских региона, индивидуалне и колективне идентитете и др. Као таква, савремена регионална географија се у оквиру теме нашег истраживања не своди на

акумулацију знања везаних за одређени евроазијски културни регион, већ проучава формирање културних региона и проблеме везане за културни регион као теоријску и конкретну материјалну категорију и идентитет. Задаци истраживања савремене регионалне географије, на примеру Евроазије, везани су за разумевање и објашњавање разлика у броју, саставу и размештају структурних елемената евроазијских културних региона и њихових квантитативних и квалитативних карактеристика, као и за тумачење просторновременске међузависности динамичних компоненти и детерминанти културног развоја. Због комплексних задатака истраживања евроазијских културних региона, савремена регионална географија се и даље често преклапа са другим наукама и научним областима. Пораст интересовања научника различитих профила за проучавање евроазијских културних региона резултат је савремених културних процеса, пре свега глобализације оличене у њеној културној димензији.

Проучавање културног развоја је једна од кључних истраживачких анализа савремене регионалне географије. Регионални географи су заинтересовани за културну природу евроазијских региона и његову трансформацију, која се одвија кроз дејство опречних институционализованих пракси, као што су нпр. политика, администрација, образовање, медији и др. Разумевање односа снага у процесима изградње евроазијских културних региона такође се налазе у жижи проблемских истраживања савремених регионалних географа. Оно што и даље остаје као дилема за истраживања јесте да ли евроазијски културни региони заиста постоје, да ли су видљива и доказана реалност или су они само идеје или ментални ентитет кога регионални географи развијају и користе при просторној диференцијацији.

Регионална истраживања приказују разлике у културним обележјима међу регионима у Евроазији. Развој и културна унификација донели су свим евроазијским регионима западне филмове и телевизију, на којима преовлађују слике луксуза и моћи (Gidens 1998, 2007, Guillen 1999, Jovanović 2003, Kamal et al. 2003, Mojić 2007, 2009, 2010). Медијске слике усмерене су на богате, лепе, успешне и динамичне људе са нагласком на брзину, младост, моду, конкуренцију... Такав једнодимензионалан поглед на живот ствара утисак да је живот већине људи примитиван, једноставан и неефикасан (Мандер и Гилдсмит 2003). Млади широм неразвијених делова Евроазије се у условима глобалне културе често стиде свог идентитета и националне културе, јер их телевизија непосредно убеђује да је западна култура надмоћнија од њихове. Усвајајући обрасце западне културе изражене кроз моду, музику и стил живота, многи млади широм света, прихватају глобалну монокултуру не зато што им је лепша или удобнија, него зато што им је прихватљивија и представља симбол модерног и савременог (Gidens 1998, Мандер и Голдмит, 2003). Утицаји овог вида хомогенизације на културолошке прилике у свету су огромни. Утицај глобалне културе огледа се и на улицама и трговима већине евроазијских метропола. У њима има

више ресторана брзе хране, него ресторана са локалним специјалитетима, а уочљива је и све већа хомогенизација брендова. Када је у питању начин живота и стил одевања, ситуација је слична: готово свака друга–трећа особа се слично облачи и има сличну фризуру и сличан модел понашања.

Глобализација и Евроазијски простор

У контексту глобализације и њене економске димензије, регионална географија се бави и проучавањем регионалних економских групација, посебно перспективама, приоритетима, предностима и слабостима истих. Евроазија је полигон бројних регионалних економских интеграција, јер позитивни ефекти удруживања доприносе укупном привредном просперитету држава чланица. Најочигледнији пример економске интеграције је Азијско-пацифички форум за економску сарадњу, који се простире и ван граница Евроазије и укључује приближно половину светске популације, половину светске трговине и приближно 57% глобалног БДП-а.¹ Осим економске, све су сложенији и други облици сарадње (безбедоносна, технолошка, финансијска и др.) између самих регионалних интеграција, држава у оквиру тих групација, али и између региона појединих држава. Постојеће регионалне економске интеграције настоје да прошире своје границе (нпр. ЕУ се шири према Источној и Југоисточној Европи, АСЕАН према Централној и Источној Азији).

Изазов за савремене регионалне географе јесте да анализирају интеграционе економске и политичке процесе који датом региону дају димензију идентитета и јединствености. Регионална истраживања су показала да је глобална економија продрла у многе сфере живота људи широм Евроазије. Преузимајући знања и технологије развијених земаља, неразвијене евроазијске државе покушавају да се прикључе или приближе регионалним економским силама на разне начине, кроз различите облике удруживања и сарадње. Мултинационалне и регионалне компаније отварају предузећа у неразвијеним евроазијским државама, јер су јефтинији услови производње. У њима мултинационалне компаније зарађују на нижим ценама рада, лошој примени стандарда пословања и заштите животне средине. Освајањем неразвијених евроазијских тржишта од стране мултинационалних и регионалних компанија повећана је конкурентност домаћим производима, који постају све више неконкурентни иностраним, због релативно високих цена производње. Све бројнији велики тржни центри и продавнице светских брендова указују на то да су и неразвијене евроазијске државе ушле у фазу потрошачког друштва, карактеристичног за тржишне економије. Захваљујући пословању страних компанија многе државе смањују стопу незапослености (који раде за мултинационалне компаније), иако зарада у њима није виша у

---

¹ <http://www.china-briefing.com/news/2013/10/07/the-importance-of-apec-to-china.html>

односу на домаће компаније. Домаће тржиште у изворном смислу више не постоји и представља део јединственог глобалног тржишта, а привилегован статус појединих домаћих произвођача најчешће наилази на осуду јавности. Проток људи, капитала и услуга омогућава стицање нових знања и вештина, посебно када је у питању образовање. Стручни кадар, са искуством стеченим у високоразвијеним државама, један је од развојних потенцијала неразвијених и земаља у развоју. Наиме, образовани људи лакше успостављају контакте са колегама из света и стичу нова знања која могу да примене у својим земљама.

Регионална истраживања су показала да глобализација има великог утицаја на националне културе (Ralston et al, 1997). Развој културних региона везује се за раст контаката различитих култура у свету. Многи научници користе појам модерни идентитет, који се у великој мери ослања на прихватању културне разноврсности. Циљ таквих ставова јесте измена животног стила – прихватањем страних културних образаца, тј. производа, идеја и технологија (светска култура). Међутим, оно што се дефинитивно мења под плаштом јаких културних утицаја јесте поништавање елемената националних и регионалних култура, губљење лингвистичког идентитета, прихватање мултикултурализма у смислу друштвених промена, које превазилазе индивидуалност сваког народа (културна асимилација и настанак монокултуре) (Held and McGrew 1999, Пећујић 2003a, 2003b, Ralson et al. 1997).

У Евроазији се одвијају два супротна глобална процеса у сфери културе (Ralston et al. 1997). Процес културне унификације чини да стил живота појединца на целој планети постаје сличан. Истовремено, присутан је тренд развоја националних култура и система вредности као одговор на тзв. културну асимилацију. Негативни ефекти културне унификације исказују се кроз наметање масовне културе и вредности које су њено обележје, што потискује културне специфичности и културни идентитет малих евроазијских народа.

Једно од питања на које регионални географи покушавају да дају одговор у глобалном добу јесте како очувати регионални идентитет народа у ери културне глобализације и процесу транзиције? Култура једног народа и регионални идентитет није прошлост, већ и будућност, као и стварање нових вредности, што се у условима културне глобализације све чешће доводи у питање. Уколико културну глобализацију прихватимо у контексту разумевања и приближавања народа, која неће асимиловати културе малих народа, онда је она нужност (Pohl 2004, Raagma 2002, Scot and Storper 2003, Stepanov i Lazar 2002, Шабић и Павловић 2007, 2009, Шабић 2008, Вујадиновић и др. 2014, Wade 2006). Регионални географи потврђују да регион обликује идеологија људи и њихово право да живе на својој територији, интензитет осећања припадности људи који деле историју, културу, језик и веру. Регионални идентитет је постао битан у културном дискурсу и планирању региона. То је важно у глобалном добу, јер регионални економски успех је неодвојив од друштвеног, културног и институционалног

остваривања (Cooke and Morgan 1994). Регионални идентитет је такође важан у политикама појединих држава, где се користи као инструмент чији је циљ да промовише територијалну кохезију, капитал и конкурентност региона.

Conclusion

In the global age, and due to increasingly complex international relations, geographical idea of the world as a mosaic of static spatial units is unrealistic. The world is not structured in such a neat way, but on the contrary, the regions disappear and re-appear and transform under the influence of various economic, political and cultural factors (Levis and Wigen 1997). This is why there is a need to redefine relations among global - regional - national (Ristić 2012, Ristić and Marinković 2014).

The restructuring of the world greatly influenced the affirmation of the regional geography in the global era and its role in the study of political, economic and cultural processes in Eurasia. Modern regional geography under the influence of regional science and new economic geography is leaving the traditional concept of the regions as homogeneous spatial units, which are a reflection of human adaptation to the natural environment. Unlike traditional regional geography, where the regions are defined as separate entities, based on the internal integrity, modern regional geographers have considered region as an entity which was created through social interactions (Vresk 1997). Regions in modern regional geography are studied as a product of the interaction of individuals or of social groups in different economic, political and cultural contexts. Gilbert (Gilbert 1988) distinguishes three different approaches in modern regional geography: the region as a local response to the modern economic processes in the world, the region as a medium for social interactions, adjustment of people, nature and social relations in a particular time and place and the region as a centre / space of cultural identification. The first approach examines the region as the spatial organization of social processes and production (circulation of capital in social processes) with an emphasis on objective reality, the political and economic basis of the region and the role of economic factor in the shaping of space. According to another approach region is a subject of social interactions. Space, as well as time, and material basis (nature, economy) are accepted as social and cultural constructions. The third approach emphasizes the culture of the region, focusing on issues such as regional identification and regional identity. Region is seen as a set of cultural relations between certain social group and certain place or territory. Although they include various assumptions, all three approaches which define regional specificity have similarities that are in conflict with traditional regional geographic units. Although they emphasize different factors in the shaping of space, these three approaches are complementary in explaining the social structures of the space of Eurasia.

Today most regional geographers consider the Eurasian regions, and also those around the world, as social constructions and expression of power relations,

but they are not always clearly defined in the practice (Allen et al., 1998; Paasi 2010). Eurasian regions are not isolated islands, but their development is influenced by political, economic and cultural processes outside their borders (Paasi 1986, 2002a, 2002b, 2009a, 2009b, 2010, 2011). Region is not a closed system, and is not immune to external influences. Also, each region is open to challenges from inside and outside. Therefore, regions have unclear and more or less clear boundaries, but also a symbolic form which is manifested in social practice that produces or reproduces the region and is used to build regional identities.

Regional geographic knowledge can contribute to a better understanding of the economic, political and cultural changes in the world. Thinking through *the prism of regional geography* is crucial for solving spatial problems in the world, because understanding the impacts of the structures, relationships and connections in the space on these problems contributes to solving them (de Blij 2005).

Литература

1. Allen, J., Massey, D. and Cochrane, A. (1998). *Rethinking the Region*. London: Routledge.
2. Amin, A. (2004). Regions Unbound: Towards a New Politics of Place. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography* 86(1): 33-44.
3. Antić, Č. (2003). Globalizacija i istorija. *Aspekti globalizacije sa pregledom osnovnih pojmova*, Beograd: Dosije.
4. Bristow, G. (2010). *Critical Reflections on Regional Competitiveness*. London: Routledge.
5. Cagatay, N., Elson, D. and Grown, C. (1995): World Development. *Special Issue on Gender and Macroeconomics* 23.
6. Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society*. Vol. I. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Oxford: Blackwell.
7. Claval, P. (2007). Regional Geography: Past and Present (A Review of Ideas, Approaches and Goals). *Geographia Polonica* 80(1): 25-43.
8. Cooke, P. and Morgan, K. (1994). Growth Regions Under Duress: Renewal Strategies in Baden Wurttemberg and Emilia Romagna. In Amin, A., Thrift, N. eds.. *Globalization, institutions, and regional development*. Oxford: Oxford University Press 91-117.
9. De Blij, H. J. (2005). Raising Geography's Profile in Public Debate. *Progress in Human Geography* 29(2): 167-173.
10. Gidens, A. (2007). *Sociologija*. Beograd: Ekonomski fakultet.
11. Gilbert, A. (1988). The New Regional Geography in English and French-speaking Countries. *Progress in Human Geography* 12: 208-228.
12. Guillen, M. (1999). *Is globalisation Civilizing, Destructive or Feeble? A Critique of Six Key Debates in the Social Science Literature*, the Wharton School University of Pennsylvania.

13. Keating, M. (1998). *The New Regionalism in Western Europe*. Cheltenham: Elgar.
14. Held, D. and McGrew A. (2000). *The Great Globalization debate: An Introduction*. The Global transformation Reader, Cambridge: Polity Press.
15. Hutton, W. and Giddens, A. (2000). *On the Edge. Living with Global Capitalism*. London: Jonathan Cape.
16. Jovanović, M. (2003). Globalizacija i evropske vrednosti. *Aspekti globalizacije sa pregledom osnovnih pojmova*, Beograd: Dosije.
17. Kamal, M. et al. (2003). *Making Global Trade Work for People*. Sterling, Virginia: Earthscan Publication, London.
18. Lee, R. (1985). *The Future of the Region: Regional Geography as Education for Transformation*. In Geographical Futures Ed. R King, Sheffield: Geographical Association, 77-91.
19. Levis, M. and Wigen, K. (1997). *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press.
20. MacLeod, G. (2001). New Regionalism Reconsidered: Globalization and the Remaking Of Political Economic Space. *International Journal of Urban and Regional Research* 25(4): 804-829.
21. Мандер, Џ. и Голдсмит, Е. (2003). *Глобализација, аргументи против*. Опстанак, Београд: Clio.
22. Meijers, E., & Romein, A. (2003). Realizing Potential: Building Regional Organizing Capacity in Polycentric Urban Regions. *European Urban and Regional Studies* 10: 173-186.
23. Milovanović, S. (2003). Internet i globalizacija. *Aspekti globalizacije sa pregledom osnovnih pojmova*, Beograd: Dosije.
24. Miloradović, A. (1999). *Globalizacija*. Osijek–Zagreb–Split: Pan Liber.
25. Mojić, D. (2007). Organizacije i nacionalna kultura. *Sociologija* XLIX: 4
26. Mojić, D. (2009). O mogućnostima i dometima empirijskih istraživanja kulture i njihovom značaju za proučavanje organizacija. *Sociologija* LI: 2.
27. Mojić, D. (2010). *Uticaj globalizacije i tranzicije na kulturne promene: primer Srbije*. 6. naučni skup sa međunarodnim učešćem, Bijeljina: Univerzitet Sinergija.
28. Murphy, A. (1991). Regions as Social Constructs: the Gap between Theory and Practice. *Progress in Human Geography* 15(1): 22-35.
29. Murphy, A. (2006). Enhancing Geography's Role in Public Debate. *Annals of the Association of American Geographers* 96(1): 1-13.
30. Newman, D. i Kliot, N. (1999). Globalisation and the Changing World Political Map. *Geopolitics* IV: 1-2.
31. Paasi, A. (1986). The Institutionalization of Regions: a Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity. *Fennia* 164: 105-146.
32. Paasi, A. (2002a). Place and Region: Regional Worlds and Words. *Progress in Human Geography* 28(6): 802–811.

33. Paasi, A. (2002b). Regional Transformation in the European Context: Notes on Regions, Boundaries and Identity. *Space and Polity* 6(2): 197-201.
34. Paasi, A. (2009a). The Resurgence of the Region and Regional Identity: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on the Regional Dynamics in Europe. *Review of International Studies* 35(S1): 121-146.
35. Paasi, A. (2009b). Regions and Regional Dynamics. In Rumford C (ed). *The SAGE Handbook of European Studies*, Sage, London, 464-484.
36. Paasi, A. (2010). Regions are Social Constructs, But Who or What Constructs Them? Agency in question. *Environment and Planning A* 42(10): 2296–2301.
37. Paasi, A. (2011). The Region, Identity, and Power. In: *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 14: 9–16.
38. Pečujlić, M. (2003a). Globalizacija, dva lika sveta. *Aspekti globalizacije sa pregledom osnovnih pojmova*, Beograd: Dosije.
39. Pečujlić, M. (2003b). *Planetarni kentaur – dva lika globalizacije*. Beograd: NSPM.
40. Petrović, V. (2003). Globalizacija i budućnost. *Aspekti globalizacije sa pregledom osnovnih pojmova*, Beograd: Dosije.
41. Pohl, J. (2004). Regional identity. In Smelser NJ & Baltes PB (eds). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, Elsevier, Amsterdam. 12917–12922
42. Pred, A. (1984). Place as a Historically Contingent Process. *Annals of the Association of American Geographers*, 74: 279–297.
43. Raagmaa, G. (2002). Regional Identity in Regional Development Planning. *European Planning Studies*, 10(1): 55–76.
44. Ralston, D. A. et al. (1997). The Impact of National Culture and Economic Ideology on Managerial Work Values: A Study of the United States, Russia, Japan, and China. *Journal of International Business Studies* 28.
45. Ristić, D. (2012). Diskurzivni karakter regionalnog identiteta, u: *Regioni i regionalizacija – sociološki aspekti*, Priredili Valentina Sokolovska i Dušan Marinković, Novi Sad: Mediterran Publishing 93.116.
46. Ristić, D. i Marinković, D. (2014). Društvena konstrukcija regiona: teritorija, mesto, identitet. U: V. Sokolovska i Ž. Lazar (prir.). *Regioni i regionalizacija* 3: 73–89.
47. Sayer, A. (1989). The New Regional Geography and Problems of Narrative. *Environment and Planning D: Society and Space* 7: 253–276.
48. Scott, A. and Storper, M. (2003). Regions, Globalization, Development. *Regional Studies* 37: 579–593.
49. Sen, A. (2002). *Razvoj kao sloboda*. Beograd: Filip Višnjić.
50. Soros, G. (2002). *On Globalization*. Oxford: Public Affairs Ltd.
51. Stiglitz, J. E. (2003). *Globalization and Its Discontents*. London: W.W. Norton,.
52. Stepanov, R. i Lazar, Ž. (2002). *Savremene koncepcije regionalizma i problem statusa Vojvodine. Sociološki pregled* 36(1-2): 129–145.

53. Subotić, M. (2003). Kritike procesa globalizacije: primer Rusije i Srbije. *Filozofija i društvo* 21.
54. Шабић, Д. и Павловић, М. (2007). Регионална свест и регионални идентитет. *Зборник радова Географског факултета у Београду* (55): 205-212.
55. Шабић, Д. (2008). Регионални приступ проучавању култура и мултикултурализам. *Демографија – међународни часопис за демографска и остала друштвена истраживања* (5): 163-170.
56. Шабић, Д. и Павловић, М. (2009). Регионални приступ проучавању европског идентитета и идеја о европским интеграцијама. *Зборник радова Географског факултета у Београду* (57): 139-146.
57. Thrift, N. (1990). For a New Regional Geography 1. *Progress in Human Geography* 14: 272-279.
58. Thrift, N. (1991). For a New Regional Geography 2 *Progress in Human Geography* 15: 456-565.
59. Thrift, N. (1993). For a New Regional Geography 3. *Progress in Human Geography* 17: 92-100.
60. Thrift, N. (1994). Taking Aim at the Heart of the Region. In D. Gregory, R. Martin, and G. Smith eds. *Human Geography: Society, Space and Social Science*. University of Minnesota Press, Minneapolis, 200-231.
61. Thrift, N. and Pred, A. (1981). Time-geography: a New Beginning. *Progress in Human Geography* 5: 277-286.
62. Trkulja, J. (2003). Globalizacija kao potčinjavanje ili šansa. *Aspekti globalizacije sa pregledom osnovnih pojmova*, Beograd: Dosije.
63. Вујадиновић, С., Шабић, Д. и Гајић, М. (2014). Регионална географија у наставним плановима одабраних универзитета у Европи, У Грчић, М., Филиповић, Д. и Драгићевић, С. (ур.): *Географско образовање, наука и пракса: развој, стање и перспективе*, Географски факултет у Београду, Београд, 207-213.
64. Вујадиновић, С., Павловић, М. и Шабић, Д. (2015). Проблеми и изазови савремене регионалне географије. У Станковић, С., Филиповић, Д. и Ђурђић, С. (ур.): *Достигнућа, актуелности и изазови географске науке и праксе*, 4. Српски конгрес географа, Географски факултет у Београду, Српско географско друштво, Београд, 1: 289-297.
65. Vresk, M. (1997). Regionalna geografija danas. *Acta Geographica Croatica* 32: 69-82.
66. Wade, C. (2006). A Historical Case for the Role of Regional Geography in Geographic Education. *Journal of Geography in Higher Education* 30(2): 181-189.

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШОЙ
КРАСНОЯРСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ**

V.L. Baburnyn

**THE GEOPOLITICAL CONTEXT OF THE FORMATION OF LARGE
KTASNOYARSK AGGLOMERATION**

Аннотация. Традиционно геополитический контекст используется при анализе взаимоотношений стран. Но для России с ее огромными разнородными пространствами геополитические факторы территориального развития опускаются на региональный уровень. Особенно это характерно для Сибири и Дальнего Востока. В статье анализируется геополитический потенциал Большой Красноярской агломерации в контексте существующих трендов и тенденций ее социально-экономического развития. Делается вывод о перспективности геополитического фактора развития этого региона.

Ключевые слова: геополитика, пространственный анализ, агломерация, периферия.

Abstract. Traditionally, the geopolitical context is used to analyze relationships between countries. But for Russia, with its vast heterogeneous spaces, geopolitical factors of territorial development go to the regional level. It is especially true for Siberia and the Far East. The article analyzes the geopolitical potential of Krasnoyarsk agglomeration in the context of existing and future trends of its socio-economic development. A conclusion was drawn about the prospects of geopolitical factor of region development.

Key words: geopolitics, spatial analysis, agglomeration, peripherals.

Региональный геополитический анализ (на примере Красноярской агломерации) не может быть осуществлен без учета более общего, глобального положения России на геополитической карте мира. Россия не просто одно из государств Евразии, наша страна является одним из базовых блоков всех существующих геополитических концепций (будь то модели Кьелена, Хаусхофера, Маккиндера или Хантингтона). Россия – heartland, наиболее континентальная страна на планете и, одновременно, самая океаническая среди континентальных. Такое ее значение уже давно внеисторическое, оно не зависит от блоков, идеологии, политической ориентации, специфики режима: континентальность – ее эволюционно унаследованное свойство, географическая и геополитическая ярко выраженная отличительная черта. Располагаясь между Евро-атлантической цивилизацией, азиатскими и исламским мирами, она соединяет в себе все черты их сходства и различия. Именно эти геополитические свойства России

и предопределяют характер и специфику рассмотрения ее внутренних геополитических проблем. Можно в более мягкой формулировке согласиться с тезисом Дугина, что вопрос в том, «...каким образом и на каких естественных (или искусственных) предпосылках сохранить максимальный геополитический объем России, по возможности увеличить его, распределив все внутренние геополитические факторы так, чтобы наилучшим образом обеспечить возможность планетарной геополитической экспансии?». Разумеется, на данном этапе естественно-исторической динамики вряд ли стоят столь грандиозные задачи, но удержание унаследованного геополитического плацдарма – обязательное условие выживания унаследованной российской идентичности.

Отсюда вытекает ряд вполне конкретных задач: 1) возможности внутрирегиональной консолидации и за счет эффектов масштаба, и концентрации создать сеть ядер второго (после столичного) уровня, способных нести часть геополитической нагрузки; 2) возможности расширения пространственного влияния столичных и субстоличных регионов на периферию (особенно юго-восточную) и, при благоприятных предпосылках, за ее пределы. Это предполагает за счет механизмов воспроизводства и ретрансляции геополитических функций уменьшение размеров геополитической периферии. При этом следует учитывать, что военно-промышленный комплекс играет огромную роль в геополитической организации российских пространств. Именно его стратегическое значение привело к концентрации значительной его части во внутриконтинентальных, зауральских районах, наиболее удаленных от потенциальных геополитических и геостратегических угроз. Во многом, и инфраструктура, все возможные ограничения, менталитет населения являются производными этого сегмента российской экономики. Именно в Восточных районах он проявляется наиболее четко.

Пространственный анализ показывает, что за Уралом простирается слабо дифференцированная равнина (лишь вдоль южной и дальневосточной периферии «отороченная» горами) со схожим континентальным климатом и абсолютным господством таежных ландшафтов. Распространяясь на тысячи километров вглубь Сибири, она превращает Москву в центр преимущественно Европейской России. В то же время очевидные изменения весовых категорий основных российских геополитических контрагентов требуют усиления внимания именно к восточным районам. Поэтому в современной ситуации геополитическая роль Сибири не может рассматриваться пропорционально ее пространству. Это особое, «резервное пространство», которое представляет собой самое обширное неосвоенное и слабоосвоенное пространство евразийского материка.

Общая конструкция внутривосточной геополитической структуры, согласно Дугину, включает четыре геополитических луча, которые связывают Москву с периферией «русского пространства». Эти лучи имеют разное качество и разделяются на две пары – лучи «Москва - Запад» и

«Москва - Юг», с одной стороны, и лучи «Москва - Восток» и «Москва - Север», с другой. На Севере и на Востоке Россия имеет законченные геополитические границы. И главной задачей в данном случае является сохранить статус-кво, для чего необходимо создание на востоке геополитических субцентров.

Результатом такой многоуровневой интеграции (пока существующей лишь потенциально) стало бы создание совершенно новой геополитической реальности, в которой значительное повышение автономности и региональной самостоятельности не ослабляло бы стратегической связи с центром. Освоение Севера с южных меридиональных плацдармов стало бы путем в будущее. Именно широтная интеграция Северных регионов, учитывая их принадлежность к единой климатической и орографической зоне, а не чисто географическую близость их к иным областям, будет способствовать их культурно-экономическому развитию, но препятствовать созданию предпосылок для потенциального политического и стратегического суверенитета.

Енисейский бассейн охватывает почти всю Восточную Сибирь и значительную часть Монголии. В его составе, помимо Красноярского края, – Иркутская область, Бурятия, Хакасия и Тува. Красноярская агломерация находится в геополитическом центре этой конструкции как в силу географического положения, так и по причине концентрации в ее границах и ближайшем окружении огромного природно-ресурсного и, по сибирским меркам, крупного социально-экономического потенциала. Регион из всех восточных наиболее защищен от иноэтнической и экономической экспансии как с юго-запада (из ЦАР), так и с востока.

Проект интеграции Сибири ставит вопрос о географическом центре этого процесса. На эту роль, по мнению многих аналитиков и экспертов (включая Дугина), более всего подходит Новосибирск. Однако центральным является именно положение Красноярска в основных геополитических моделях. Исходя из модели Маккиндера, он находится практически в центре Хартленда, на двух его основных внутренних осях (как субширотной в пределах главной полосы расселения и западно-восточного коммуникационного коридора, так и потенциальной северно-южной – соединяющей Перспективную Арктику с Перспективным Внутренним (Центральным) Китаем). Не менее знаковым выглядит положение Красноярска и в геополитической модели С. Хантингтона, согласно которой столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов. В этом смысле Красноярск – фактически прифронтный город.

Но если серьезно обсуждать подобную геополитическую конструкцию, то проблемы внутрироссийской геополитической связности становятся одним из ведущих факторов геополитической устойчивости России. Особенно плохо обстоит дело с транспортно-экономической связностью. Дело не только в том, что социально-экономические связи Запада и Востока

России обслуживаются недостаточным количеством железнодорожных, автомобильных магистралей, авиарейсов. Их необходимо всячески стимулировать, в том числе за счет специальных проектов (преимущественно государственных, но важен и общественный, негосударственный вклад) по социокультурному обмену и общению. И Красноярский мега-проект стоит в ряду подобных действий как мощный субстоличный центр.

С точки зрения предложения для мировых рынков, ключевым фактором могло бы стать выведение на рынок российских ресурсов Восточной Сибири. Определенные шаги предпринимаются и в отношении инновационного развития Восточной Сибири и, прежде всего, района Красноярской агломерации. Большая Красноярская агломерация потенциально может объединить в своих границах территорию большей части юга Красноярского края с общей площадью 250 тыс. км² и населением около 2,0 млн чел., а при условии включения в ее состав проектируемой Богучанской агломерации второго порядка – площадь может возрасти до 350 тыс. км².

Ядром Большой Красноярской агломерации является город-миллионер Красноярск – развитый центр промышленности (ведущие отрасли: цветная металлургия, машиностроение, деревообработка, химическая, пищевая). Достаточно много в границах Красноярской большой агломерации предприятий инновационного сектора, и ведущие из них принадлежат к ВПК, что определяет их важное геополитическое значение. Красноярск — крупный транзитный узел, в нем расположен Сибирский федеральный университет, научный центр Сибирского отделения РАН.

Перспективы формирования и развития Большой Красноярской агломерации и ее роль как геополитического субцентра на востоке России во многом определяется развитием ее перспективных специализаций. В будущем, согласно стратегиям развития Сибирского федерального округа и Красноярского края, существующие экономические специализации будут сохранены и усилены, при условии более значительной диверсификации экономики. Фактически новой специализацией становится нефтегазовый сектор ТЭК, дальнейшее развитие угольной и гидро- электроэнергетики, при этом очевидно, что проекты развития Березовской и Богучанской электростанций носят геополитический характер, т.к. вырабатываемая на них электроэнергия будет избыточной для региона и позволит обеспечивать поставки за его пределы.

Для подобных потоков, учитывая наличие и других амбициозных электроэнергетических проектов, рассчитанных на более отдаленную перспективу, в примыкающих к агломерации регионах достаточных потребителей нет. Поэтому именно Китайско-Монгольское направление становится тем геополитическим вектором, который может быть поддержан электроэнергетическими и иными энергонасыщенными потоками. При этом важно подчеркнуть, что по расстояниям это вполне сопоставимые затраты с центрально-азиатскими проектами. Не трудно видеть, что и большинство проектов в области развития лесопромышленного кластера, его верхних

стадий с высокой добавленной стоимостью, планируется размещать непосредственно в границах агломерации с ориентацией на «азиатский» экспорт.

Таким образом, очевидно, что внутри Большой Красноярской агломерации намечается пространственное разделение ролей, во многом повторяющее общероссийское. Северные части агломерации – это преимущественное развитие ресурсно-сырьевых отраслей, дополненных более высокими технологическими переделами; центральная и южная часть – обрабатывающие производства, отрасли пятого и шестого технологических укладов, транспортно-коммуникационные функции международного значения, на юге дополняемые отраслями АПК.

К основным преимуществам Красноярского геополитического проекта можно отнести: существенную долю предприятий реального сектора экономики, наличие передовых высоко технологичных и инновационных производств, близость к растущим регионам Азии, центральное положение в Сибирском регионе, развитый научно-образовательный комплекс, высокий уровень кадрового потенциала, наличие готовых промышленных площадок, относительно дешевая электроэнергия и значительные генерирующие мощности, транспортный потенциал. Факторами, сдерживающими развитие, являются низкая диверсификация экономики, неэффективная структура занятости, низкая производительность в большинстве секторов и отраслей, относительное отставание от других крупных сибирских и западных городов по уровню качества жизни, общая территориальная удаленность.

В этих условиях геополитический Красноярский проект ориентируется на перспективы стать источником технологического возрождения не только Сибири и Дальнего Востока, но и страны в целом, «Воротами» в Азию, территорией, укрепляющей реальный сектор экономики страны в противовес западным (сервисно-ориентированным) территориям, полюсом роста конкурентоспособности России в сфере инновационного производства, механизмом устранения диспропорций в социально-экономическом развитии регионов РФ.

Есть и географический ресурс. Разница во времени с Европейской и Дальневосточной частями России, а также Западной и Восточной Европой, дает Красноярской агломерации возможность организовать непрерывный цикл работы для организаций Российских, Европейских и Азиатских деловых центров.

Красноярская агломерация в своих претензиях на роль геополитического субцентра на Востоке страны имеет сильных конкурентов в лице, прежде всего, своих ближайших соседей – Новосибирска на западе и Большого Иркутска на востоке, также претендующих на подобные роли. Однако один из них слишком западный, другой слишком восточный. Кроме того, только у Красноярска есть внутрикраевой выход к Арктике, будущей главной арене геополитического соперничества. Именно как геополитический континентальный тыл в этой будущей межцивилизационной битве может

позиционироваться Большая Красноярская агломерация. Есть очевидные преимущества в ее положении и по отношению к южным цивилизационным соседям. Новосибирск слишком близко и «открыто» расположен по отношению к исламской цивилизации, а Иркутск приближен к китайской (конфуцианской). Красноярск и здесь расположен в геополитическом тылу, будучи прикрыт цепями гор Южной Сибири и бесконечными пустыми пространствами Монголии, которые в то же время, в случае геополитической необходимости, могут быть относительно быстро и малозатратно преодолены геополитическим коммуникационным коридором, контролируемым из Красноярска.

Conclusion. Geopolitical "Krasnoyarsk project" focuses on the prospect of becoming a source of technological Renaissance not only for Siberia and the Far East, but the whole country, the "Gateway" to Asia, a territory for strengthen the real economy sector in contrast to Western, service-oriented regions, growth pole of competitiveness of Russia in the innovative production sphere, the mechanism of disproportions elimination in the socio-economic development of Russian regions. There is geographical resource: it means a time difference between European and Far Eastern parts of Russia, Western and Eastern Europe. It gives to Krasnoyarsk agglomeration the opportunity to organize a continuous work cycle for Russian, European and Asian business centers organizations. The Krasnoyarsk agglomeration in its claims to the role of geopolitical sub-centre in the Russian East has strong competitors, especially its closest neighbors – Novosibirsk on the West and a Large Irkutsk in the East, which also applying for a similar role. However, one of them is too Western, other is too Eastern. In addition, only Krasnoyarsk has access to the Arctic, the future main arena of geopolitical competition. Big Krasnoyarsk agglomeration may become a geopolitical continental rear in this future battle between civilizations. There are obvious advantages of its position for the southern neighbors. Novosibirsk is located too close and "open" for the Islamic civilization, Irkutsk - for the Chinese (Confucian). Krasnoyarsk is located in the geopolitical rear, it is covered by chains of southern Siberia mountains and the endless empty spaces of Mongolia, which at the same time can be relatively quick and low-cost overcome by geopolitical communication corridor, controlled from Krasnoyarsk (in case of geopolitical necessity).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ФАКТОРЫ, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Охарактеризованы основные факторы геополитического положения самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровья) как в предшествующие временные периоды, так и в долгосрочной перспективе. Показана прямая связь геополитического положения республики со стратегическим выбором стран-соседей (Украины и Молдовы), а также с внешнеполитическим взаимодействием России, НАТО и Европейского Союза.

Ключевые слова. Приднестровская Молдавская Республика (Приднестровье), геополитическое положение.

Самопровозглашенная Приднестровская Молдавская Республика (Приднестровье) расположена на юго-востоке Европы. Занимает левобережье Днестра в пределах бывшей Молдавской ССР и ряд населенных пунктов на правом берегу - г. Бендеры с прилегающими и находящимися под управлением Бендерского совета народных депутатов селами (Гиска, Варница и Протягайловка), а также сельскими поселениями Копанка, Кицканы, Меренешты, Кременчуг, входящими в состав Слободзейского района.

Восточная и северная граница Приднестровья с Республикой Украина совпадает с бывшей границей Молдавской ССР. Основная часть восточной границы с Республикой Молдова проходит по р. Днестр (рис.).

Рисунок. Геополитическое положение Приднестровской Молдавской Республики.

Размеры республики невелики. В соответствии с Конституцией, площадь поселений, входящих в состав ПМР, составляет 4,2 тыс. км². Реальная площадь, находящаяся под юрисдикцией ПМР, несколько меньше и составляет 3,6 км². Это обусловлено тем, что 9 сельских населенных пунктов не приняли юрисдикцию ПМР и находятся под управлением органов власти Республики Молдова. Протяженность территории в субмеридиональном направлении (вдоль берега р. Днестр) составляет 202 км, ширина колеблется от 40 км (по линии с. Гиска - с. Незавертайловка) до 3 км в районе с. Михайловка [1, с. 15].

К конкретным факторам, влияющим на современное геополитическое положение ПМР, можно отнести:

- 1) межгосударственные военно-политические, экономические и демографические процессы и события, происходящие на постсоветском и европейском пространствах;
- 2) размеры, географическое положение и конфигурация территории, численность, этнический и лингвистический состав населения, его менталитет и политическая ориентация;
- 3) экономический потенциал, емкость рынка, объем спроса и предложения, масштабы производства и степень его диверсификации.

Приднестровье расположено на стыке двух великих культур – германо-романской и славянской, являясь фокусом геополитических интересов разных стран [3, с. 52]. Особенно возросло значение республики в геополитических процессах после распада социалистической системы, Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), Организации Варшавского Договора (ОВД), СССР, сопровождаемых перераспределением зон влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе.

ПМР, как государственно-территориальное образование, относят к так называемым «очагам сепаратизма» – то есть регионам, которые самостоятельно, в одностороннем порядке провозгласили свою независимость. Существенными факторами, определяющими реальное геополитическое положение республики являются отсутствие окончательно определенного международного политико-правового статуса и стратегический выбор народа Приднестровья.

Первоначально ПМР была провозглашена на 1 съезде депутатов всех уровней (июнь, 1990 г.) в качестве особого хозрасчетного экономического региона в рамках СССР, соответствующего принципам самокупаемости, самофинансирования и самоуправления. На втором съезде депутатов всех уровней (2 сентября 1990 г.) было принято решение о создании политического образования – Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики (ПМССР). После распада СССР (8 декабря 1991 г.) и военно-политического конфликта с Республикой Молдова (март-июль, 1992 г.) руководством республики принято стратегическое решение о создании суверенного государства. Данное решение нашло подтверждение и поддержку народа на референдуме 17 сентября 2006 г. В референдуме участвовало 73% электората. За суверенитет ПМР проголосовало 97%. На референдуме было принято еще одно стратегическое решение – о присоединении ПМР в обозримом будущем к России.

Статус ПМР, ее геополитическое и геоэкономическое положение в большой мере обусловлены политикой и действующим законодательством Республики Молдова. Высшее политическое руководство Молдовы рассматривает Приднестровье как неотъемлемую составную часть страны, имеющую особый статус, который определен Законом РМ 2005 г. «Об особом статусе левобережных районов Республики Молдова». Оно отвергло возможный вариант федерализации («План Козака» 2003 г.), возможность создания конфедерации с последующим определением статуса конфедеративных единиц – собственно Молдовы и Приднестровья путем проведения референдума, а также концепцию «цивилизованного развода», предложенную предыдущим Президентом ПМР Е.В.Шевчуком.

К геополитическим факторам, определяющим современное развитие ПМР, следует отнести отсутствие непосредственных границ с Российской Федерацией, что кардинально отличает Приднестровье от Абхазии, Южной Осетии, и выхода к морю, что отличает регион от многих самопровозглашенных территорий (например, Турецкой Республики Северного Кипра, Тайваня). Эти факторы существенно ограничивают самостоятельность республики во внешних связях и ставят ее в зависимость от высшего руководства Республики Молдова и Украины, а также от совместных решений указанных государств и международных организаций.

Геополитическое положение ПМР за послевоенное время характеризовалось высокой динамикой, обусловленной военно-политическими и экономическими изменениями на постсоветском и

европейском пространствах. Наиболее кардинальные изменения произошли в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.

Наиболее благоприятное геополитическое, политико-географическое и экономико-географическое положение ПМР имело в послевоенный советский период. С 1945 г. по 1990 г. ПМР входила в состав Молдавской ССР, которая была составной частью СССР, в том числе единого народнохозяйственного комплекса (ЕНХК). Как следствие, Приднестровский регион МССР обладал широчайшими связями по кооперации внутри ЕНХК, беспрепятственно (без конвертации валют, приграничного и таможенного контроля) осуществлял поставки товаров во все регионы СССР и необходимые закупки, пользуясь выгодами единой транспортной системы. Для товаров, произведенных в регионе, были гарантированные рынки сбыта, устойчивые источники сырья, энергии, финансов, квалифицированных кадров. Приднестровский регион выполнял важные транзитные функции. Через его территорию проходили десятки международных и внутрисоюзных железнодорожных и автомобильных маршрутов.

Этот период характеризовался благоприятным внешнеэкономическим положением. Регион непосредственно граничил со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), с которыми получили широкое развитие связи по кооперации и взаимному товарообмену. В течение этого периода были созданы совместные предприятия с ГДР, Болгарией и другими странами.

Распад социалистической системы, СЭВ, ОВД, СССР, образование суверенных государств на постсоветском пространстве, усложнение взаимоотношений с Республикой Молдова – существенно ухудшили геополитическое положение самопровозглашенного (1990 г.) Приднестровья.

Существенно усложнилось геополитическое положение ПМР после вступления близлежащих стран Восточной Европы в Европейский Союз (ЕС) и Организацию Североатлантического договора (НАТО). Включение в его состав бывших социалистических государств Варшавского договора (Венгрия, Польша, Чехия, Латвия, Литва, Эстония, Болгария, Румыния) и размещение на их территории военных объектов альянса нарушило военно-политический баланс в Европе, обозначив более глубоко проблему собственной безопасности Приднестровья. В то же время следует подчеркнуть, что расширение Евросоюза привело к росту транзитной роли республики, а также упростило условия для взаимной внешней торговли.

Существенное влияние на страны-соседи оказывает политика Европейского Союза. Под этим влиянием находятся скорость и направления политических преобразований в Молдове и на Украине, стратегическая ориентация их правящих элит.

Проведенный анализ показывает, что эволюция геополитического положения ПМР происходила по направлению от чрезвычайно благоприятного (послевоенное время – конец 80-х годов) к благоприятному с

отрицательными элементами (1990– 2002 гг.) и до неблагоприятного (с начала XXI в. по настоящее время).

На геополитическое положение ПМР существенное влияние оказал Московский меморандум от 8 мая 1997 г. «О взаимоотношениях Республики Молдова и Приднестровья», подписанный президентами сторон, а также Президентом России и действующим Председателем ОБСЕ. Пункт 3 Меморандума определил право Приднестровья на самостоятельное осуществление внешнеэкономических и культурных связей, а также связей в сфере науки и образования.

Следует отметить, что до 2002 г. ПМР обладала всеми необходимыми полномочиями и реквизитами для самостоятельного осуществления внешнеэкономической деятельности. Вступление Молдовы в ВТО (2002 г.) обусловило изъятие всех реквизитов, необходимых для реализации внешнеэкономических связей. Как следствие, все внешнеторговые сделки экономических агентов ПМР стали оформляться через соответствующие компетентные органы Республики Молдовы. Это привело к дополнительным финансовым расходам для приднестровских экономических агентов, навязыванию со стороны Молдовы невыгодной логистики перемещения товаров и нарушение сложившихся оптимальных схем товарооборота.

Республика Молдова, являясь «держателем» всего внешнеэкономического инструментария, неоднократно вводила разнообразные рестрикции для перемещения товаров и финансов, вплоть до полной блокады (например, 3 марта 2006 г.).

В соответствии с совместным соглашением между Молдовой, Украиной и Европейским Союзом, вдоль приднестровско-украинской границы создана специальная наблюдательная миссия (EUBAM), которая осуществляет мониторинг всех внешних связей Приднестровья.

Стратегическое значение для геополитического положения и развития республики имеет непосредственное соседство с Украиной, с которой ПМР сближает общность исторического развития (с 1924 г. по 1940 г. основная часть территории современной ПМР входила в состав Украинской ССР). Около 20% населения ПМР имеет гражданство Украины, а доля этнических украинцев составляет около 30% [2, с. 47]. Украина сегодня выступает не только одним из главных внешнеэкономических партнеров ПМР, но и гарантом в переговорном процессе по нормализации отношений с Республикой Молдова (в формате 5+2). Военные наблюдатели принимают участие в миротворческом процессе по поддержанию мира и безопасности на берегах Днестра, активно взаимодействуют с Объединенной Контрольной Комиссией, созданной с целью урегулирования спорных вопросов в молдо-приднестровских отношениях путем взаимных переговоров. ПМР осуществляет тесное сотрудничество с Украиной в области таможенных вопросов, культуры, образования. Значительную роль, при этом, играют приграничные отношения с украинскими регионами (Одесской и Винницкой областями), прямые экономические, торговые и культурные связи с которыми удалось не только

сохранить, но и расширить. События, начавшиеся на Украине в 2014 г. существенно усложнили экономические связи с экономическими агентами Украины, значительно ограничили транзит грузов и людей, а также рекреационные, транспортные и другие связи.

Анализ особенностей истории самопровозглашенных республик подтверждает, что их позитивное политическое и социально-экономическое развитие возможно только при наличии страны или группы стран, выполняющих роль гаранта, попечителя, протектора. Функцию страны гаранта для ПМР играет Россия.

Российская Федерация сыграла главную роль в прекращении вооруженной агрессии Республики Молдова против ПМР в 1992 г., а также в организации и проведении одной из наиболее успешных в современной истории миротворческой операции на Днестре (с июля 1992 г. по настоящее время). Россия несет основную нагрузку в мероприятиях по поддержанию хрупкого мира в Приднестровье, являясь гарантом и посредником в налаживании конструктивного диалога с Молдовой. В условиях нерешенности конфликта, дислокация ограниченного контингента российских войск (ОГРВ) и миротворческих сил является необходимым условием исключения эскалации ситуации в регионе. Являясь основным экономическим партнером ПМР, Россия обеспечивает энергетическую и финансовую безопасность республики. Многие приднестровские предприятия являются собственностью российского капитала или входят в состав крупных российских корпораций.

Связи России и ПМР охватывают практически все сферы жизнедеятельности. Около 40% (200 тыс. человек) населения ПМР имеет гражданство России, 30% населения являются этническими русскими, более 90% населения являются приверженцами Русской православной церкви. Все образовательные учреждения Приднестровья осуществляют свою деятельность в соответствии с законами и нормативными актами Российской Федерации, являясь составной частью российского образовательного пространства. Более 20% пенсионеров, проживающих в ПМР, получают российскую пенсию.

Приднестровье поддерживает с Россией постоянные разнообразные межправительственные и межпарламентские связи. К настоящему времени республика заключила множество прямых договоров об экономическом сотрудничестве с городами и субъектами федерации России.

Интенсификация двусторонних связей Приднестровья с Россией является главным условием обеспечения национальных интересов республики на международном уровне посредством заключения и реализации торговых, финансовых, культурных и образовательных соглашений.

В свою очередь, Приднестровье представляет значительный стратегический интерес для России, выполняя функции российского аванпоста в Юго-Восточной Европе.

Оптимизация геополитического и геоэкономического положения ПМР возможно только в условиях сохранения мира в регионе. Поэтому, несмотря на наличие множества проблем во взаимоотношениях ПМР и Молдовы, ПМР и Украины, руководство республики пытается находить взаимоприемлемые механизмы для обеспечения мирного сосуществования и оптимального взаимодействия сторон.

Conclusion. Проведенный анализ показывает, что эволюция геополитического положения ПМР происходила по направлению от чрезвычайно благоприятного (послевоенное время – конец 80-х годов) к благоприятному с отрицательными элементами (1990– 2002 гг.) и до неблагоприятного (с начала XXI в. по настоящее время). Перспективы обусловлены, в первую очередь, внешними факторами, первостепенная роль среди которых принадлежит стратегическому выбору стран-соседей – Украины и Молдовы, а также внешнеполитической стратегией и взаимовлиянием России, НАТО и Европейского Союза.

Самый негативный вариант изменения геополитического положения ПМР может быть обусловлен процессами интеграции Молдовы и Украины в европейские экономические и военно-политические структуры.

Более привлекательным является вариант, при котором Республика Молдова поменяет европейскую интеграцию на евразийскую стратегию. Об этом векторе развития неоднократно заявлял Президент Молдовы И.Додон, избранный всенародно в декабре 2016 г. При реализации этого варианта положение ПМР в геоэкономическом и геополитическом пространстве существенно улучшится.

Наиболее оптимальным является вариант, при котором Украина частично или полностью сменит европейский вектор интеграции на евразийскую стратегию. Однако современные политические процессы, происходящие на Украине, свидетельствуют о маловероятности такого сценария в ближайшей перспективе.

Улучшению геополитического положение ПМР должно способствовать укрепление экономических и политических позиций России в Республике Молдова, Юго-Восточной Европе, повышение эффективности Евразийского Экономического Союза (ЕЭАС), что сделает его привлекательным для экономических агентов Украины.

К кардинальным факторам, влияющим на перспективное геополитическое положение, следует также отнести потенциальный статус ПМР, который является предметом переговоров формата «5+2». Возможны следующие варианты политико-правового статуса ПМР:

1) особый правовой статус (автономия) в границах унитарного государства; прообраз этой модели фактически содержится в Законе Республики Молдова «О статусе левобережных территорий РМ»;

2) республика в составе федеративного государства; данная модель провозглашена Президентом Молдовы И.Додоном, но для ее реализации отсутствует соответствующий нормативной правовой и управленческий инструментарий;

3) конфедеративная модель, предполагающая эволюцию в федерацию или создание двух самостоятельных государств, образованных в результате референдума (модель Сербии и Черногории 2003-2006 гг.);

4) суверенное государство; эта модель соответствует стратегическому выбору народа Приднестровья, выраженного на референдуме от 17 сентября 2006 г., и рассматривается в качестве стратегической цели руководством ПМР; при этом в качестве долгосрочной цели рассматривается вхождение ПМР в состав России в качестве отдельного субъекта (эксклава).

Литература

1. Бурла М.П. Социально-экономическое развитие Приднестровья. История, факты, современное состояние, проблемы и перспективы. // Экономика Приднестровья. №8 – 2005.
2. Кулик В.А. К вопросу о роли Украины в Приднестровском урегулировании. // Приднестровье в системе геополитических координат XXI века. ЦСПИ «Перспектива», Тирасполь – 2002.
3. Фролов К.А. Приднестровский регион в геополитической системе координат Восточно-христианской цивилизации. // Приднестровье в современной системе геополитических координат. ЦСПИ «Перспектива» Тирасполь – 2002.

„ДЕ ФАКТО ДРЖАВЕ“ И СУБ-ДРЖАВНИ ПОЛИТИЧКИ ЕНТИТЕТИ У
ПОСТХЛАДНОРАТОВСКОМ МЕЂУНАРОДНОМ ПОРЕТКУ

М. Šolaja

DE FACTO STATES AND SUB-STATES POLITICAL ENTITIES IN POST
COLD WAR INTERNATIONAL ORDER

Апстракт: Постхладноратовска дезинтеграција социјалистичких федералних држава донијела је знатно повећан број независних држава – чланица међународних организација у евроазијском простору, самим тим и знатне промјене међународног поретка успостављеног током Хладног рата. Нео-либерални приступ међународним односима почетком трећег миленијума карактерише се као „либерални институционализам“ што се огледа кроз промјене односа моћи, начина управљања и улоге међународних организација, али и нагли пораст броја новооснованих регионалних институција. Кључне особине тог приступа су либерализација економије и промијењена безбједносна парадигма. Карактеристика процеса дисолуције социјалистичких држава јесте етно-националистичка мобилизација која је утицала на постављање питања суверености, територијалности, граница и самоопредјељења на дневни ред. Ни једна од тако насталих „вебеворски обликованих државоликих творевина“ није успостављена демократском консензусом на територији метрополских држава већ искључиво истичу признање независности као крајњи циљ. Резултат непостојања механизма рјешавања унутардржавних дисолуционих криза јесте паралелни процес признавања независности бивших социјалистичких федералних јединица дефинисаним „Бадинтеровим правилима“ која је наметнула Европска економска заједница и непризнавање једнако мотивисаних суб-државних политичких ентитета. По принципу „де факто државе“, „државе у држави“, „државе у сјени“ или сличне оне симбиотички функционишу с признатим државама као *непризнате државе* у међународном поретку. И раније је у свијету постојало неколико десетина таквих творевина, али их је глобална биполарна равнотежа моћи држала далеко од утицаја на међународни поредак. Двије деценије након Хладног рата и дисолуције социјалистичких федерација сличан процес отвара се и у чланицама Европске уније који у фокус ставља самоопредјељења и захтјев за признавање суверенитета и независности. Намјера овог рада је да истражи утицај непризнатих држава на међународни поредак као и обрнуто.

Кључне ријечи: држава, суверенитет, територија, независност, самоопредјељење, етнос, нација, поредак

Abstract: Post Cold War disintegration of federal socialist states brought highly enlarged number of new states in Euro-Asian space – members of international organizations. This process imposed significant changes in international order after the Cold War. Neo-liberal approach in international relation in the beginning of the third millennium is known as “liberal institutionalism”. It is reflected through changes in power-relations, a mode of governance and role of international organizations as well as

increasing a number of regional initiatives and institutions. Key features of neoliberal institutionalism are liberalization in economy and changed security paradigm. One of characteristics of transition in post-socialist countries is impact of ethno-national mobilization and setting questions of sovereignty, independence, territoriality, borders and self-determination on statehood agenda. No one of these “weberian state-shaped appearances” is established by democratic consensus with metropolitan states but ultimately insist on international recognition as a sovereign state. Lack of mechanisms for recognition of self-declared independency of members of former socialist federations is parallel process of recognition imposed by European Economy Community countries through ‘Badentaire rules’ as a certain standard for independency recognition. On the other side these rules did not propose recognition of equally motivated sub-state political entities. As established due to principle “de facto states”, “states within states”, “states in shadow” or similar as the non-recognized states in international order they exist symbiotically with internationally recognized states. Although such states had existed for a long time in recent history bipolar balance of power had been keeping them far away from any impact on international order. Two decades after the Cold War and dissolution of three socialist federal countries a similar process has been opened up in some European Union and other Western countries setting in the focus a principle of self-determination and international recognition of sovereignty and independence. The intention of this work is to examine an influence of non-recognized states on international order and vice versa.

Key words: state, sovereignty, territory, independence, self-determination, ethnos, nation, order

Увод

Крај Хладног рата унио је бројне промјене у међународне односе. Те промјене посебно се тичу међународног поретка што подразумева измијењене односе моћи и контролу глобалног простора, јачање бројности и улоге међународних институција и организација, либерализацију и раст економије и трговине, огроман развој, раст и значајно измијењену улогу информационо-комуникационих технологија и контролу глобалних друштвених процеса заснованих на њима, редефинисани приступ појмовима суверенитета, независности и интегритета држава, постављање питања самоопредјељења и етнонационалних политика као и питања безбједности као једног од кључних политичких питања и најважније теме у међународним односима крајем двадесетог и почетком 21. вијека. Као једно од важних питања постосоцијалистичке транзиције поставља се и проблем транзиције суверености са бивших социјалистичких федерација које су нестале у постхладноратовским процесима на разне форме државних творевина које су се појавиле на том простору. Од, условно названих старих, држава које су након другог свјетског рата припадале источном социјалистичком идеолошком војно-политичком блоку све су задржале територијални интегритет, суверенитет и међународно признање осим Чехословачке која се мирном дисолуцијом раздвојила на Чешку републику и Словачку 1993. године. Све бивше чланице Источног својетског

блока одмах последице распада Варшавског пакта и распуштања Савјета за узајамну економску помоћ (СЕВ) укључујући и двије новонастале определијиле су се за чланство у НАТО-у и Европској унији и све су у међувремену постале чланице обе ове међународне асоцијације.

На простору Совјетског Савеза настало је 15 независних држава и све су постале чланице Уједињених нација, Савјета Европе и Организације за европску безбједност и сарадњу. Три балтичке државе – Летонија, Естонија и Литванија – постале су и чланице НАТО-а и Европске уније. Грузија и Украјина, које су изразиле исте намјере, немају ни унутрашње капацитете ни сигурне међународне и спољнополитичке околности да би могле да остваре ту намјеру. Европска унија је за ове двије државе уз Јерменију, Азербејџан, Молдавију и Белорусију биле дио процеса Источног партнерства Европске уније, али је процес заустављен након одбијања председника Виктора Јануковича да потпише указ о Уговору и нереда кој су избили у Кијеву и који су довели до индипендентичких тенденција у регионима Доњецка и Луганска, свакако и Крима као региона који је укључен у састав Руске Федерације. Појаве ових региона отворили су потребу за даљим проучавањем питања *де факто држава* као посебне карактеристике постсовјетског простора. Четири случаја дуготрајне коегзистенције *де факто држава* у оквирима истовременог паралелног постојања на територији међународно признатих држава као независних држава. То су случајеви Абхазије и Јужне Осетије у оквирима међународно признатих граница Грузије, Нагорно-Карабаха као државне творевине Јермена на простору Азербејџана и Придњестровље у Молдавији.

Случајеви настанка *де факто држава* на простору бивше Југославије има одређених сличности, али показује и одређене разлике према оваквом облику државно-политичког организовања на пост-совјетском простору. На простору Југославије настало је шест независних држава. Једна од битних разлика јесте да су неке од таквих творевина прихваћене по међународном праву што се, прије свега односи на ентитет-региона у оквиру Републике Српске и Федерацију Босне и Херцеговине, али и десет кантона - уставно утемељених региона на простору овог ентитета. Неке творевине сличног типа су након одређеног периода функционисања нестале-То је случај с Републиком Српском Крајином на простору данашње Хрватске и Аутономне покрајине Западна Босна на простору ентитета Федерација БиХ у Босни и Херцеговини. На овом простору као *де факто држава* појављује се и Косово које је 2008. године унилатерално прогласило независност, али није успјелио да добије пуно међународно признање које би се огледало у облику пријема у чланство Уједињених нација.

Процес настајања *де факто држава* на Југоистоку Европе јије довршен и могуће је, као и у случају постсовјетског простора, очекивати нове политичке процесе, покрете и догађаје који ће водити настајању конкретних дефинисаних политичких ентитета.

Постојање и процес настанка непирзнатих државних творевина на постосоцијалистичком простору двије мултинационалне, федерализоване државе сличних идеолошких одређења историјски недовршене економски и политички развој и основе у етно-национализму, религијским и културолошким приликама. Појава суб-државних творевина на простору бивших

социјалистичких држава након њиховог нестанка као субјеката међународних односа наговјестила је и сличне процесе у Западној Европи. Покрети за независност Шкотске у Великој Британији, Каталоније и Шпанији, Корзике у Француској или сјевеноиталијанских сепаратистичких тенденција указују на то да процес настанка *де факто држава* или *држава у држави* не остаје везан само за нове државе настале из некадашњих социјалистичких федерација већ да показује и глоблане димнзије. Историјски гледано, феномен појаве *де факто држава* стар је колико и сам појам савремене државе 'вестфалског типа'. Ипак, чињеница је да у модерном добу појава суб-државних творевина врло различитих карактеристика које их разликују од 'модерне државе', на коју смо навикли и коју још прихватамо, захвата државе дијела развијеног свијета, али да у многим просторима неразвијених држава постоје јш много раније, само нису биле тако видљиве, указују на процесе који утичу на политиколошко и геополитичко редифинисање појава и суштине спољне и унутрашње суверености, територијалног интегритета, међународног организовања држава и њиховог представљања у међународним организацијама, међународне економије и, свакако и међународног права, посебно у оквиру питања међународног признања и заступљености у међународним односима.

Де факто државе

Карактеристике глобалних процеса могли су да се уоче средином 80-тих година 20. Вијека. Већ тада су указали су на на кризу легитимитета савремене државе какаву познајемо од времена Вестфалског мира средином 17. вијека и умањење њене улоге посебно и сфери безбједности државе, и даље као најважнијег субјекта међународних односа. Државе која свој суверенитет веже за територијалниост. Класична суверена држава, какву препознајемо по испуњавању критерикума датих Конвенцијом из Монтевидеа о правима и дужностима држава из 1933. почиње да се оспорава као јединствен субјект међународних односа у удносу на међународно представљање. Ти критеријуми подразумијевају сваки политички ентитет који се карактерише признањем као државее треба да има стални популацију, дефинисану територију и способност да учествује у међународним односима. Тиме се безрезервно поставља и питање међународног поретка заснованог на односима међу сувереним, али и не-сувереним, дакле непризнатим, државама односно државама без статуса једнаког статусу признатих држава. Поставља се и питање примјене одредби класичног међународног јавног права по којем је држава готово једини носилац права и обавеза у оквирима достигнутог нивоа прихваћености међународног права односно питање је када нека држава постаје дио међународног поретка као носилац права и обавеза које то подразумијева. Савремени приступ међународном признању држава односи се на њихово чланство у Уједињеним нацијама. Од 50 чланица – оснивача Уједињене нације данас имају 195. Чланица. Неке свјетске спортске асоцијације имају и до 207 чланица, дакле више од броја чланица Уједињених нација. Претпоставља се да још око 40 државно-правних

творевина у свијету настоји да оствари међународно признање у статусу суверене државе.

Кретања у глобалном окружењу означили су процеси „фрагментације” – појава интегративних надржавних творевина, али и јачања субдржавних политичких ентитета. Појава се назива и „глокализација” - с једне стране глобализација економије, трговине и политичких процеса кроз раст бројности институција међународних организација, с друге стране појављује се јачање политичке улоге и утицаја политичких актера на нивоу политичког организовања нижем од оног што се сматра признатом државом, али у 'државоликом облику' и с намјером да постигне статус независности и суверености као призната држава. Процес је указао на промјене у односима политичке моћи – раст броја политичких и државно-правних ентитета. Неки од њих иако нису признати у смислу међународног права, дјелимично утичу на међународне геополитичке односе и нове геостратешке концепте. Те промјене видљиве су у пољу јачања мултиполаризма и већег степена организованости и утицаја међународних институција које трпе притисак новонасталих политичких ентитета, обликованих управо по „веберијанском“¹ моделу државе. Те творевине у међународној заједници нису остварили пуни суверенитет нити су доказали апсолутни субјективитет, али су углавном територијализовани и имају суверену унутрашњу моћ унутар оних граница гдје су организовали власт односно оних граница које саме једностан признају као границе „државе“. То свакако указује на кризу савремене државе и на промјене традиционалних ауторитета који представљају државу у односима с другим државама у оквирима које поставља међународна заједница. Посебно је теоријски правац познат по дефиницији као „либерални институционализам“ у теоријском смислу образложио пролиферацију политичких и државних ауторитета у два правца: убрзани раст и јачање постхладноратовског мултилатералног институционализма што се свој институционални и нормативни одраз има кроз све већи број и утицај међународних организација, али истовремено и омогућавање функционалистичке фрагментације држава политичке ентитете који за себе унилатерално узимали унутрашње системе и функције државе. Процес води територијализацији политичких ентитета успостављених на дијелу територија постојећих међународно признатих држава, углавном супротно вољама влада тих држава и њиховом само-организовању на принципима суверене државе с јасаном и искључивом намјером да остваре међународно признање.

Процеси у међународним односима послије хладног рата поставили су на дневни ред питање дефинисања националног интереса у државама – субјектима међународних политичких односа и међународног правног система на другачијим основама. Промијењено међународно безбједносно окружење и другачије вриједносно дефинисање система колективне безбједности донијели измијенили су и улогу рата као средства рјешавања конфликта. Ратова између великих сила данас нема, али је повећан број унутардржавних конфликта, најчешће оружаних, углавном између етничких група и у највећем броју

---

¹ Држава по Макс Веберу као „легитимизовани монопол физичке силе“

случајева ради се о територијализацији етничког конфликта стварању институција на територијалној основи и на начин суверених признатих држава.

Да би се боље разумјели процеси који су довели до успостављања и функционисања облика државности различитих од државе као субјекта међународне политике и међународног права неопходно је анализирати њихов положај у односу према држави у оквиру чије територије и политичког систрама су настали, узроке и поводе њихово самодефинисање државно-правног тог политичког ентитета, 'унутардржавну' структуру која подразумева степен политичке стабилност, унутрашње владавине у управљања, као и степен безбједности тог политичког ентитета као државно-правне цјелине, али и њиховог становништва, ниво економске ефикасности и самосталности. Посебно питање јен положај новонасталих непризнатих државних творевина у међународним односима и међународном праву. Дакле, какав је њихов однос према међународно-правним субјектима који прихватају постојање нових субјеката и способност успостављања дипломатских веза као правни акт признања. Какав је њихов однос према 'метрополским државама' у чијим оквирима су натали, какав према другим државама као приознатим међународним политичким и правним субјектима?

За дефинисање недржавних политичких ентитета са особинама државности користи се више термина који означавају њихов међународни положај, али и суштину у оквирима међународног поретка. Различит је њихов однос према држави којој *de jure* припадају или према међународном политичком оквиру. Савремена терминологија међународних односа терминолошки их одређује као „непризнате државе”, „дјелимично признате државе” „државе у држави” „нешто као државе”, „непризнате државе које имају дјелимичну контролу над територијом”, „дјелимично признате државе под војном окупацијом”, „територије под контролом Уједињених нација”, „интерне повезаности унутар одређене територије” „државе у сјенци“ или, коначно „де факто државе” (*de facto states*). То говори о њиховој позицији у систему међународних односа, а с друге стране о квалитету примјене сопственог политичког приступа и ефикасности реализације својих политика на унутрашњем плану. Самодефинисање и самоорганизовање „де факто држава” испровоцирано је највише унутрашњим политичким односима у међународно признатим државама у којима су настале. Тестирање нивоа државности и унутрашње суверености, политичког система и међународног политичког и правног субјективитета „де факто држава” најреалније је у односу на Конвенцију о правима и дужностима држава из Монтевидеа 1933. године. "*De facto states (де факто државе)* постоје тамо гдје је неорганизовано политичко руководство држава. Њихова снага јача у оквиру самониклих унутрашњих капацитета: имају довољно капацитета да за популацију на 'свом' дијелу територије обезбиједе остваривање државне власти и ефективну контролу у значајном временском периоду и тако стичу повјерење становника као и у јавности. *De facto states* виде себе способним да успостављају релације с другим државама, да траже пуну уставну независност, а да у ширим међународним односима буде препозната као суверене државе". (*Lynch, 2004. Стр. 17.*)

Према анализи Скота Пегга (Pegg 2008. Str. 1) „де факто државе” испуњавају већину критеријума међународног субјективитета из Монтевидеа. Прво, имају организовано политичко руководство које ужива значајну мјеру подршке становника. Друго, политичко вођство посједује довољно капацитета да обезбиди систем државне управе и јавне службе за своје становништво. Треће, контролишу цијелу или бар већи дио територије и периоду од најмање двије године; то је период од пресудне важности довољан да се докаже да нека територија има извјестан достигнути степен сталности. Четврто, „де факто државе” виде себе као довољно способне да успостављају односе с другим државама. Пето, активно траже међународно признато право своје суверености. Шесто, углавном не успијевају да остваре шире признање суверености и остају већином непризнате од стране међународног друштва суверених држава, иако постоји много признатих држава које никада нису ефективно контролисале своју територију или организовале ефикасну власт за своје становништво, а признате су упркос чињеници да су неефикасне. С друге стране, де факто државе остају непризнате без обзира на то колико су ефективне и ефикасне и колико су њихове владе способне да контролишу територију и врше власт.

Други угао гледања јесу не-државни субјекти међународних политичких и економских односа „држава у држави”, као елемент који у великој мјери утиче не помјерање Веберовске (Max Webber) концепције државе присвајајући за себе као суб-државни ниво управо „веберовске државноправне облике”, мијењајући и успостављајући разноликост нивоа односа између „државе” и „суб-државних ентитета”, прије све изазивајући суверенитет државности, посебно слабих држава, истовремено утичући на пораст броја субјеката и успостављање још сложенијих међународних односа. Сваког тренутка у свијету постоји између пет и 40 „де факто држава”. Конкретни примјери су Придњестовска молдавска република Транснистрија, Република Јужна Осетија, Република Абхазија, Република Нагорно-Карабах, Турска Република Сјеверни Кипар, Република Сомалиленд. Поред ових, као „де факто државе” узимају се случајеви Тајвана и Косова. У историјском смислу случајеви „де факто држава” су такође Република Бијафра у Нигерији, Република Чеченија у Русији и Република Српска Крајина у Хрватској. Оне се веома често узимају и као синоними за сецесионизам, намеће им се рквица као извора анархичних односа у међународној политици и узрока нестабилности у међународном поретку, оптужују се за агресивне политике и војне акције као и за и етничко чишћење становништва. Негативни имиџ појачава се и доминантном перцепцијом ових суб-државних творевина као ратоборних и то с високим степеном насиља, посебно оним које се односи на етничко чишћење. Таклвуи перцепцију потичу међународно признате 'метрополске државе' које легитимитет и политичко оправдање акција оправдавају управо међународним признањем.

Критеријум по којем треба посматрати „де факто” државе јесте однос према достигнутому нивоу њихове суверености. И у односу на државе као међународно признате правне субјекте постоји двострани приступ суверености – један је сувереност као апсолутно важећа карактеристика државе у теоријском смислу која на својој територији остварује највишу власт, друга је условљена сувереност стављена у контекст међународних односа и моћи у међународним односима која

подразумијева и могућност интервенције у унутрашње процесе индивидуалних држава. Посебни аспекти суверености у унутрашња и спољна. У досадашњим схватањима суверености обе аспекта била су обједињена – није било могуће говорити о унутрашњој, ако није била призната спољна сувереност – држава је била или суверена или није била држава. С обзиром на дефинитивну чињеницу постојања „де факто цава” у међународним односима, као и на чињеницу да својим постојањем утичу на међународне односе, неопходно је посебно посматрати оба аспекта суверености у оквирима које задаје савремени контекст међународних односа. Унутрашња сувереност тражи преиспитивање одређења територије, процеса развоја владавине и демократије, управљања, рјешавања унутрашњих конфликта, питања самоодређења и идентитета као кључних основа успостављања друштвеног консензуса и механизма институционалног дизајна. Овај процес је од посебне важности у циљу разликовања „де факто” државе од оне на чијој су територији настале и које настоје да их задрже у својим државноправним оквирима. У погледу унутрашњег и спољног аспекта суверености, поставља се питање у којој мјери је могућа изградња државности „де факто” државних творевина уколико немају међународно признање суверености.

Егзистенцију „де факто Држава” могуће је анализирати у међународном контексту кроз утицаје које остварују у односу на „безбједност, политичку економију и међународно право” (Pegg, 2008. стр. 2.) У погледу безбједности, иако готово све могу да се сматрају 'малим државама' могу да носе знатне безбједносне ризике, јер могу знатно да умање безбједност и стабилност у регионима и окружењу у којем се налазе. Разлози могу да буду у оружаним конфликтима у којима постоји и могућност учешћа сусједних држава, али и држава 'патрона' које чести могу да се нађу и међу глобалним геополитичким играчима. С друге стране, велике изазове безбједности представљају етнички сукоби и етничка чишћења, организовани криминал и раширена корупција који регионалне просторе чине нестабилном.

Утицај „де факто држава” на међународне економске односе веома је мален, готово незнатан. Политички циљеви и опстанак државности најчешће су и главни приоритети при чему се економија ставља у други план. Недостатак суверености и међународног признања као и недовољна правна уређеност и сигурност одвраћају многе потенцијалне партнере од инвестирања у ове политичке ентитете. Поред тога, у једном броју случајева ради се и о грабљивој експлоатацији природних богатстава или распродаји раније стеченог друштвеног богатства, што се дешавало у бројним случајевима „непризнатих држава” у Африци и Азији. Постоје и позитивни примјери попут Тајвана познатог по производњи електронске опреме или Сомалиленда² који успјешно и економски ефикасно извози стоку и пољопривредне производе у Иран и земље Арапског заљева.

У погледу међународног права „де факто државе” немају мјесто у међународном друштву држава. „То не значи да немају положај у међународном праву” (Pegg, 2008. стр 3.) На ове политичке творевине односи се перемпторна

---

² Бивши британски дио Сомалије који је 1991. прогласио независност од Сомалије.

правна норма међународног права према којој се постојање ових државноправних творевина не поставља као правно питање. Шта се успоставља као препрека међународном признању постојања политичких творевина који не могу да се идентификују с државом? Пег сматра да међународно право релативно лако може да се прилагоди њиховом постојању, али да је проблем непријатељство постојећих суверених држава да прихвате било какву форму прилагођавања (Pegg, 2008. стр. 3.) Међународно право ипак признаје њихово постојање кроз одредбе хуманитарног права, прије свега кроз Женевске конвенције из 1949. Члан 3. се примјењује и на непризнате државне творевине, укључује сарадњу с њиховим институцијама, али то не може да се узме ка акт међународно-шравног признања државе. Има случајева који говоре о активном односу „де факто држава” и међународних организација, посебно економско-финансијских. Тајван је постао чланица Свјетске трговинске организације (WTO) на основу тумачења из времена антиколонијалних процеса по којем чланице WTO – а нису искључиво државе, већ и самосталне економије чије владе могу да контролишу територијално царинсе и порезе и могу да доносе и спроводе сопствене економске политике.

У односима с међународном заједницом, поставља се питање односа и комуникације *де факто држава* с другим државама. Према Scott Pegg-у, досадашња пракса показује три приступа у односима међународног окружења и „де факто држава”: један је потпуно супротстављање постојању неких од тих државних творевина и активно настојање да престану да функционишу и да се утопе или трансформишу у друге државе. Израз ових настојања најчешће су одбијање комуникације с њима, врло ограничена прихватљивост од стране признатих држава, одбијање формалне сарадње кроз потписивање споразума иу уговора, активно негирање постојања до вођења политичких кампања против њих што може да укључује економски ембарго и санкције као и употребу политичких притисака и политике условњава. Други приступ, за који се сматра да је много чешћи од активног опонирања, је игнорисање постојања „де факто држава” односно „прећутно избјегавање“ сваке сарадње и комуникације што многим омогућава да активно раде на реализацији свог сувереног статуса. У таквим случајевима, постоје могућности комуникације, али се они свде на практичну комуникацију попут непримјењивања одређених међународних аранжмана (на примјер Међународни монетарни фонд и Свјетска банка) док се не успостави статус сувереног међународно признатог субјекта међународног права и међународне политике или прихватљивости комуникације. Трећи је „приступ ограничене прихватљивости” (Pegg, 1998. стр. 6) То се дешава у ситуацијама када Уједињене нације, друге међународне организације или државе успостављају одређен ниво веза, чак их институционализују у смислу сталних представничких канцеларија и других институција које активно официјелно раде на разрјешавању конфликта карактеристичних за ситуацију готово свих „де факто држава”.

Де факто државе и међународни поредак

Глобализација је унијела промјене у принципе међународног организовања стварајући, поред класичних међудржавних³ нове транснационалне мреже које карактеришу конзумеристичке особине, а које производе мултинационалне корпорације или глобалне невладине хуманитарне или професионалне организације. Транснационализам успоставља и основе за инклузивност појединаца и група и појачава самоуважавање локализације и фрагментације на основама функционалности. „С једне стране, људски животи су дубоко обликовани догађајима који се обликују далеко од мјеста гдје они живе и над којима немају никакву контролу. С друге, ту су нове могућности за повећање улоге локалних и регионалних политика кроз повезаношћ са глобалним процесима“ (Калдор, 2005:114). Либерализам дефинисан и усмјерен на принцип апсолутне добити институционално се истовремено успоставља као међународни поредак у настајању на основама постмодерне државе. „Постмодерна држава је релативно нов феномен, углавном концентрисан на капиталистичко језгро... она има много више отворен и толерантан став према културним, економским и политичким интеракцијама и убјеђује себе у отварање економија“ (Бузан, 23) Већа отвореност постмодерне државе утицала је и на другачије схватање принципа суверенитета. Све израженији процес дисоулције постмодерне државе и појава 'де факто држава' појачава потребу наглашавања разлике између *спољног* и *унутрашњег суверенитета*. „Унутрашњи суверенитет више се односи на институције унутар одређених територија“ (Столсвик 2000:29). С друге стране „спољни суверенитет може бити дефинисан као конституционални иако не нужно одређен, чак и лабавији у оквиру конституционалних оквира“ (Џејмс, 1984:11).

Јачање егионалних политика не значи само оживљавање и појачање традиционалних јавних политика регионалних и локалних самоуправа, већ и конституисање суб-државних и регионалних заједница као политичких заједница људи на територијама на којима живе и које за себе проглашавају права суверених заједница. Оне су конституционално успостављају тако да се не баве само ограниченим локалним и регионалним развојем у односу на ранију метрополску зједницу већ се успостављају као облик апсолутне суверености односно поставка да „свака држава посједује неокрњену јурисдикцију на сопственој територији“ (Хаг, Хароп, Бреслин, 2001:74). Тиме се успоставља јединствена политичка заједница као цјелина која се односи на све области живота која уређује држава као највиша власт на својој територији – од локалне управе до највишег судства. Метрополској држави остаје врло ограничен спољни суверенитет и то „као ограничена својина над правима и могућностима на основу признатог статуса мање него посједовање стварног суверенитета који се односи на стварна права и моћ“ (Берг, 2009:221) У суштини, промјена се односи на питање признања међународне границе и на политичко признање које нужно не мора да се односи на питање признања свих аспеката суверености у смислу међународноправног схватања тог појма. „Недавни развој неких ситуација упућује неминовно на поређења. Снажно војно укључење Русије у ситуацију у

---

³ Некад су се називале и 'међувладине' организације

Грузији може да се објашњава аналогно НАТО интервенцији у бившој Југославији 1999. Штавише, као што је Косово признато од стране западних сила као независна држава, Јужна Осетија и Абхазија могу да уживају међународноправно признање од стране Руске Федерације“ (Берг, 2009:232). Дакле, ради се о редефиницији суверенитета у смјеру реалне моћи над територијом и остваривања суштинске власти на том простору и над становништвом као реалног суверенитета. „Реални суверенитет означава способност држава да да стварно, а не само декларативно, самостално виођење унутрашње, спољне и одбрамбене политике, склапање и отказивање уговора, ступање и иступање из стратегијских савеза и партнерстава; он подразумева контролу ваздушног простора и саобраћаја, нафте, нафтеводима и гасоводима и транспортним терминалима, над научним потенцијалима, научно-стратејским одбрамбеним потенцијалима, развијања фундаменталне науке, политичког развоја и успостављања бизнис елите и интелектуалне елите које воде самосталном стратешком промишљању безбједности у у том погледу развоју одговарајућих друштвених политика“. (Кокошкин, 2006:49-50).

Захтјеви за суверенизацијом успостављају се на основама два фундаментална принципа међународног права – остваривањем територијалног интегритета и права на самоопредјелење народа. Територијално питање као основа класичне – просторне геополитике снажно се преклапају за захтјевима за декларисањем независности као реализације принципа самоопредјелења. Границе на терену у складу с принципом *uti possidetis juris* добијају на важности, јер постају границе само-декларисаних нових суверених држава и тиме раздвајају и ограничавају суверенитет 'класичних суверенитета' метрополских држава и њихових међународноправно прихваћених територијалних оквира. Успостављање ефективне контроли и власти у одређеном простору дефинисаном границама поставља се као неопходан услов државности који одражава и просторно условљено изражавање моћи. Пошто се територијална одређеност поставља као *conditio sine qua non* независности и суверености и то као је неспојива са стањем мултинационалности и самоопредјелења тиме у основи узмјерава процесе у правцу етничког чишћења и напора на конституисању националних политика на основама контроле територије.

Према Модесту Колерову (2008, 28-29) историјски фактори настанка *де факто* држава у постсоцијалистичком могу се сагледати у слиједећем:

- одбијање нових „метрополских“ држава, међународно правни признатих бивших совјетских република да признају суверенитет на дијеловима својих територија: Азербејџан одбија признање Нагорно- Карабаха, Грузија поништава аутономије Абхазије и Јужне осетије, Молдавије на признаје посебност Придњестровља;

- ратови међу „странама“ у погледу признања принципа сувереног статуса, садашња ситуација међусобног подривања суверенитета, непрозумавања територијалног интегритета између Азербејџана и Нагорно Карабаха, , Грузије са Абхазијом у Јужној Осетијом и Молдавије с Придњестровљем;

- етничко чишћење и подбурљивање или присилно премјештање становништва из зона конфликта између Јерменије и Азербејџана, као Грузина

Абхаза и Осета (искључује се Молдавија гдје је очуван етнички сасав Молдаваца, Руса и Украјинаца);

- значајан проценат или апсолутна већина држављанства становиштва непризнатих држава које не припада метрополским државама непризнатим од стране самопроглашених независних ентитета (око сто хиљада грађана Русије и 50 хиљада грађана Украјине од око 600 хиљада грађана придњестровља, око 150 хиљада грађана Абхазије од око 200 хиљада становника, око 40 хиљада држављана Русије од око 45 хиљада становника Јужен осетије или сви становници Набгорно – Карабаха су држављани Јерменије;

- облик друштвеног уређења и политичког система као и симбол непризнатих држава јесте републикански предсједнички систем, али и настојања да преовлада парламентарни систем што може да се гледа као настојање за десуверенизацијом тих држава;

- међународно посредовање

Самоопредјељење и суверенитет

Једно од питања на које међународна политика и међународно право још нису дали прецизне и јасне одговоре јесте питање самоопредјељења (самоодређења). У највећем броју случајева оно се односи на национална или етничка самоодређења. Кључна дилема успоставља се на односу да ли је рерализација самоодређења да ли је то испуњење политичког принципа или реализација међународноправне норме. Питање остаје од суштинске важности за све политичке ентитете – потнецијалне државе који настоје да остваре суверености и територијално – институционално признање. У свијету постоји више десетина народних иницијатива и покрета чији се политички циљеви испуњавају гаранцијама и институционализацијом права на самоодређење кроз територијалне, институционалне, културне и друге аутономије које се задовољавају на основу принципа прихватљивости самоодређења које не значи и нужно независност. Овакав приступ даје више могућности за самоопредјељење него што је то захтјев за независност, али у одређеним случајевима показује се као неприхватљив модел рјешења унутардржавних конфликта. Међународни суд правде у Савјетодавном мишљењу у случају Западне Сахаре стоји на становишту да акт самоодређења не значи нужно независност. На исти начин према проблему се односи и Резолуција Савјета безбједности Уједињених нација 1541 из 1960. и Декларација о пријатељству земаља Уједињених нација 2625 из 1970. Тиме је потврђена концепција „све или ништа“ суверености држава односно потребе за међународним признањем независности. Принципу Уједињених нација дефинисани су у вријеме постколонијалног таласа бројног и брзог признавања нових независних држава који је иницирао и бројне унутар државне непосразуме и сукобе националних и етничко-религиозних покрета који су поставили захтјеве за признавање независности. „Народи који су признати као становници специфичних колонијалних административних територија у оквирима ограничења по принц *uti possidetis juris* поставља питање самоодређења као територијално питање“. (Берг, 224) Будући да за сада нема јасног

мешђународног страха и одговора на то питање, међународни поредак ће остати неодређен у погледу критеријума за међународно признање држава. Признање самоопредјелења народа и држава као независних политичких ентитета остаће зависан од геополитичких, економских, политичких, идеолошких, вриједносних или других интереса који ће бити дефинисани као основни критеријум.

Индикативан примјер је признање Косова које је, образлажући то принципом самоодређења, једнострано прогласило независност 2008. године. Иако је око стотину држава – чланица Уједињених нација бичлаторално признало Косово, чињеница да није чланица Уједињених нација и даље га свврстава у *де факто државе*. Та чињеница може да буде основа за однос признања држава – чланица УН према другим само-декаларисаним независним државама, али и према оквирима дефинисања геополитичких, безбједносних и других интереса великих сила према региону Југоисточне Европе. Абхазију и Јужну Осетију су као чланице Уједињених нација признали Русија, Венецуела, Никарагва, Науру Вануату и Тувалу. Чињеница да је Русија као велика сила и глобални актер међународних односа признала кавкаске државе, а да није (уз Кину као чланицу Савјета безбједности) признала Косово упућује на интересне основе дефинисања односа према политичком и територијалном одређењу принципа самоопредјелења. Поред тога, четири *де факто државе* – Абхазија, Јужна Осетија, Нагорно Карабах и Придњестровље, све нечланице Уједињених нација, међусобно су признале једна другу. То упућује на потребу њиховог међународног умрежавања и увезивања, али и повезивање с другим покретима, непризнатим државама и другим институционализованим облицима самоопредјелења на глобалном нивоу.

Динамика постхладноратовских односа унутар Западне Европе и држава Европске уније, најразвијенијег дијела свијета, показује сличан правац транспозиције интереса у националне, регионалне и друге партикуларне ентитете као дио аутономног процеса неконтролисаних 'децентрализације' као резултат неравнојерног друштвеног развоја појединих европских држава и регија унутар њих. Покушај Европске економске заједнице да 1986. године одговори „политиком кохезије” није био довољан да спречи регионалне притиске за наглашено постављање питања самодефинисања и самоодређења посебности и идентитета најчешће на националној и етничкој основи. Глобална економска криза само је појачала центрипеталне тежње које се испољавају у све израженијим захтјевима за институционално и територијално дефинисање интереса и идентитета различитих и одвојених у односу на суверене државе у чијим оквирима настају и настоје да искажу посебност. Чињеницу да је препознала субнационални ниво као значајну могућност за дефинисање регионалних и развојних политика Европска унија (Европска економска заједница до 1992.) институционализовала је кроз Комитет регија европске уније (Committee of Regions – CoR). Самоиницијативно организовану Скупштину региона током 1991. и 1992. ЕУ је институционално учврстила као Комитет региона који је постао савјетодавно тијело Европске уније за регионалне политике и кохезиону политику које би требале да унаприједи развој појединих регија до нивоа развијености метрополских држава. Временом су политички утицај европских регија и Комитета регија толико ојачали у Европској унији да се састав Комитета

од територијалне регионалне репрезентације трансформисао у репрезентацију непосредно браних политичких партија и група у својим регионима чиме се поставио као озбиљна конкуренција Европском парламенту у областима у којима је надлежан да даје мишљење Европској комисији (територијални односи и политика кохезије, одрживи развој, култура и образовање, економска и социјална политика, уставни односи и европско управљање, међународни економски односи). Начин и ниво утицаја у усвајању политика и извршних одлука чак су изражене и кроз примједбе Европског парламента да је „Комитет региона сувишан” (Динан, стр 304.).

Децентрализација на регионалном принципу ушла је 1981. и у Европски парламент, када је Европска политичка партија усвојила Декларацију о Конвенцији којом је активно почела да се баи питањима децентрализације и проблемима региона. Затим је 2004. формирала Европски слободни савез (European Free Alliance – EFA) у чијој су основи партикуларне регионалне политике са изразитим циљевима дефинисаних регионалних политика. Предсједник ЕФА Нели Маес (Nelly Maes) каже да „Европски слободни савез жели да преда историји књиге неправде у погледу језика, заједница, мањина и недржавних нација. Негирање права људи и регија, њихових језика и културе и права на самоопредјелјење остаје извор фрустрација и расправа многих земаља у Европи и изван ње. С друге стране, уско размишљање и себични интереси држава чланица спречавају Европу да постане истински шампион људских права. Развоја и мира на глобалној скали. Слободни људи који могу да испоље сопствени идентитет као нација, регија или језичка заједница и који раде заједно да створе демократске институције које политички обликују Европску унију представљају сам Европског слободног савеза” (<http://www.e-f-a.org/efactive.php?id=97> посљедњи приступ 10. 8. 2012. 17:19) Европски слободни савез обједињује 13 регионалних сепаратистичких партија. Он открива могућност и идеју цијепања држава по којој би Европа могла да има велики број нових држава насталих на тлу тренутно постојећих. Европа би била састављена од много уситњенијих мање или више суверених територија. „Шпанија би се распала на шест, Француска на пет покрајина, а Белгија би нестала. Поред ’велике Каталоније’ у чијем саставу би били и Балеари, на мапи ЕФА ниче и нова област – Андора. Пољска би изгубила Шлезију, која би добила ’посебан статус’, а у Шпанији би настале: независна Андалузија, независна Галиција, Арагон и, наравно, Баскија. Француска би остала без готово пола своје територије, пошто би настале Окситанија, Бретања и Алзас. Велика Британија би се такође распала. Јужни Тирол би постао посебна држава.” (Политика, Београд, 29 октобар 2012. стр. 5.) Ова могућност премијерно је промовисана је 2007. године на Сајму књига у Франкфурту. „Да тренд који у Европском парламенту гурају челници ЕФА није безазлен и да су сепаратистички покрети сваким даном све моћнији у Европи открива и шокантна најава ’промјена’ у политичкој карти европског континента, коју су 2006. године у лондонском „Тајмсу” објавили уредник Ричард Бистон и новинар Цереми Пејџ најавивши настанак бројних нових држава до 2020. године. „Тајмс” је изазвао лавину реакција, јер је у новој карти Европе предвидио појаву нових актера, а међу њима Херцег-Босну и Републику Српску уз Курдистан, Велс и Уједињену Ирску” (Политика, Београд, 29 октобар 2012. стр. 5.)

Процес сепарације региона у Европи, али и много шире, у суштини је значајно одмакао иако је раније био веома мало видљив пошто га игноришу и политика и медији. Приједлози за понављањем референдума за независност у Квебеку (Канада) и недавно одржаног референдума у Шкотској (Велика Британија), изразита децентрализација Белгије и индипендистички покрети широм Шпаније, међу којима предњачи Каталонија, јасно показују све изразитију тежњу за децентрализацијом до независности. Веб-страница ЕФА објавила је 12. септембра 2012. Године да би Каталонија мога да постане прва нова независна држава у Европској унији: „У контексту тоталне кризе (политичке, економске и еколошке), људи Каталоније јасно су видјели да је једини пут да превазиђу текућу кризу да имају одрживу и бољу будућност дајући нови статус својој нацији. Тај статус ће им омогућити такав раст и моћ у глобализованом свијету да сачувају идентитет, карактер, културу и традицију, статус који ће им донијети пуну партиципацију у доношењу одлука које се тичу њихове нације, статус пуног суверенитета и независну државу у оквиру Европе”. (<http://www.e-f-a.org/news.php?id=667>, последњи приступ 16. септембар 2012. 10:48)

Западноевропски талас *„де факто држава у настајању или у покушају”* и процес појачане децентрализације временом ће коинцидирати са де факто државама насталима на простору Балкана и Црног мора, у суштини на просторима нешто ширим од граница које су обухватили Совјетски Савез и СФР Југославија. Изузетак из политичког одређења 'постсоцијализма' је покушај стварања „курдске државе” која се за своје територијално одређење и суверенитет бори на простору Турске гдје су Курдима та права потпуно негирана, за разлику од Ирака и Сирије гдје су већ организовали аутономију и аутономну контролу територије и институција, као и Ирана гдје уживају право на самоопредјељење. За постјугословенски и постсовјетски простор, карактеристичан је процес настанка независних држава - бивших федералних република, али је исто тако карактеристично да је у том таласу у декларативно одвојеним државама настао још и низ етнонационалних сецесионистичких покрета који су настојали да се одвоје он „новостворених држава“, сматрајући да су и њихова национална права и право на самоопредјељење угрожени и да је рјешење тог питања у отцјеplењу. Заједничко тим отцјеplењима јесте да су дио комунистичког политичког и државног наслијеђа и да представљају сецесионистичка настојања којима се опирају „нове” матичне државе, а које мање-више подржавају старе „централизоване” федерације у којима су након сецесије бивших федералних република успостављени нови политички амбијенти. Сличне државно-правне творевине успостављају нови политички систем, нове демократске институције, одржавају изборе у настојању да усвоје одговарајуће државно-политичке стратегије и постану суверене државе, дакле потпуно с крајњим циљем да остваре међународно признање. У свим случајевима „најважније је рећи да су та настојања у самом почетку била илузорна. Облик ових суб-суб-државних виртуелних ентитета и 'државних структура' урушио се у унутрашњим ратовима тако да су се ови 'ентитети' упркос реалној територијалној контроли коју су остваривали, приближили статусу 'пропале'

државе' (*'failed state'*) у пуном смислу те ријечи: пријетило је непостојање и интерног и спољног суверенитета". (Caspersen, стр. 4)

Узрок настанка „*де факто држава*” на простору двије постсоцијалистичке федерације налази се, прије свега, у етничким разликама које су се успоставиле и као основа за дефинисање националног идентитета, дефинисања политичког и економског система другачијег од државе на чијем су простору успостављане у којем етно-националне елите имају доминантну улогу. „Оно што међународна заједница не жели да види јесте процес успостављања етничких држава, јер је чињеница да су нове државе грађене на економској искључивости и да промоција таквих политика не би могла да буде нормална у савременим грађанским државама. ..Национално питање не би могло да постане рјешење бесконачним умножавањем етничких држава, већ демократским развојем држава које промовишу како колективну исто тако и индивидуалну заштиту индивидуа”. (Ивековић, стр. 180.)

„На просторима региона и сада живе многи народи који су међусобно различити и супротстављени конфликтима територијалне, етничке, вјерске и културне природе уопште”. (Јефтић, стр 341.) На простору бивше Југославије постоје *дјелимично признате де факто државе* које су у међународним оквирима на различите начине *дјелимично и ограничено* признате. Два ентитета у Босни и Херцеговини – Република Српска и Федерација Босне и Херцеговине стекле су Дејтонским мировним споразумом ограничени међународни правни и политички субјективитет који је одлукама Високог представника, политичким притисцима и условљавањима међународне заједнице знатно умањен. Посљедсим међународним иницијативама, посебну усвајањем Реформске агенде под притиском Европске комисије (ЕУ) наглашени су одређен степен суверености и територијлно одређење, дакле и одређен степен државности и десет кантона - федералних јединица ентитета Федерације БиХ. *Државни де факто правни ентитети* који нису успјели - да обезбиједи било који степен признања у разрјешењу југословенске ратне кризе нестали су као правне и политичке творевине: Република Српска Крајина на простору Хрватске, Хрватска Република Херцег-Босна и Аутономна Покрајина Западна Босна, обе творевине чије су се посебности Вашингтонским споразумпм 18.марта 1994. утопиле у 'ентитеску државност' на простору Федерације БиХ као уставно- правног ентитета у Босни и Херцеговини.

Conclusion

A process of forming of *de facto states* in the area of post-socialist integrations can be described by few important characteristics:

First, essentially there is a process of separation of still existing *metropolitan states*. That is political process of defining national self-determination. A final goal is constructing and functioning of institutions that characterized independent internationally recognized states. They call themselves “states” in order to demonstrate that they have ability to survive and function as states. Recognition limited on very few of United Nations member should be a clear sign of possibility to be a state.

Second, self-declaration of independence and introducing of sense of *statehood* influenced on conflict sparking but with much less direct enmities that it would be expected. *De facto states* do not have intentions to master of metropolitan states in which territorial frame they are established. Their exclusive intention is to leave metropolitan states and to confirm themselves as independent states building international relations as with former state on an equal basis like as with any other country.

Third, in international relations *de facto states* do not accept any other type of relations with former country except relations of equal sovereign countries.

Fourth, intending to realize international recognition *de facto states* force any type of international relationships. They prefer as close as possible ties with great and regional powers. They also intend to enhance relationships between themselves as non-recognized countries in order to increase common strength. Finally, they join to associations of regions and unrecognized states that assemble majority of those who do have similar interests and actively pose requests for international recognition.

The wave of changes after disintegration of two big socialist federations such are Soviet Union and Yugoslavia brought in geopolitical re-composition both early compact spaces but changes of social values as well. It was supposed that socialist values should be replaced by values of liberal democracy. All post-socialist countries, including *de facto states*, declared that change as a primary goal.

Direct implementation of liberal values considers a necessity of legal legitimization of national identities and ethnic territorial self-definition and defining limits of self-determination. In future it can take three developing directions: first is full or part recognition of sovereignty and independency of unrecognized *de facto states* which has to recognize the most important subject of international relations. Second is ignorance by great subject of international politics and orientation on cooperation with neighbors in order to contribute to regional security and stability based exclusively on networks of regional and local actors. Third is acceptance of their specificities, defining their position in international relations and international law, active communication with them and international recognition inside borders of existing already recognized states and without recognition by United Nations.

Disintegration of socialist federations was supported by European Economy Community 1991 by imposing of co called Baddentaire Rules as legal base and political criteria for recognition of new self-declared countries. Some of actual *de facto states* fulfill conditions posed for independency and they even could be accepted as independent countries. "Some of criteria are: a) expression of free will of interested population based on a referendum or plebiscite; b) firm determination to respect rule of law, human rights and freedoms and rights of groups and minorities. This is the basic condition for respect of internal self-determination and respect of minority rights. Both raise recognition on a level of condition without which is impossible to talk about external sovereignty". (Kaseze, 312)

Литература

1. Berg, Eiki (2009), „Re-Examining Sovereignty Claims in Changing Territorialities: Reflections from Kosovo Syndrome“, *Geopolitics*, No 14, 219 – 234, Routlage, London
2. Caspersen, Nina (2008) *The Politics of Unrecognized States: Democratisation, Self-determination amd Contested Identities*: NOn-Technical Summarz (Research Sumarry) ESRC End of Award Report, RES-000-22-2728
3. Iveković, Ivan (2001) *Ethnic and Regional Conflicts in Yugoslavia and Transcaucasia: A Political Economy of Ethnonational Mobilisation*, Longo Editore Ravenna.
4. Јефтић, Невенка (2008) *De facto stes u Crnomorskom Regionu*, Актуелна питања из међународних односа, ур. Невенка Јефтић, Институт за међународну политику и привреду, Београд, стр. 337 – 343.
5. Lynch, Dov (2004) *Engaging Eurasia's Separatost States: Unrespvled Conflicts and De Facto states*, United States Institute for Peace.
6. Lynch, Dov (2007) „De Facto 'States' around the Black Sea: The Importance of Fear“ *South East and Black Sea Studies*, Routlage London, Vol. 7. No. 3 September 2007 pp. 483-496.
7. Kaseze, Antonio (2011), *Samoodređenje naroda*, Beograd, Službeni glasnik.
8. Колеров, Модест (2008) *Без СССР*, Москва. Регнум
9. Кокошкин Андрей (2006), *Реальный суверенитет*, Москва, Издательство Европа
10. Pavković, Aaleksanar: Radan, Petar (2008), *Stvaranje novih država – Teorija i praksa otcjepljenja*, Beograd, Službeni glasnik
11. Pegg, Scot (1998) *De Facto States in the International System*, Institute for International Relations, The University of Columbia, Working Paper 21, February.
12. Pegg, Scot (2008) *the Impact of De Facto States on Intenrational law and the International Communiity* 15. maj 2008.
13. Дневне новине „Политика“, Боеград, 29. октобар 2007.
14. www.e-f-a.org
15. www.unpo.org

УКРАИНА В ЕВРОПЕЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛЕ

I.G. Savchuk

UKRAINE IN THE EUROPEAN ECONOMIC FIELD

Аннотация. Экспорт товаров и услуг за годы независимости Украины стал основой её экономического развития. По объёму экспортного производства на одного занятого страна занимает в Европе третье место (с конца), что прямо указывает на недостаточное использование существующего потенциала развития экономики. Поэтому Украина не играет существенной роли в импорте стран Европы. Фактически половина украинского ВВП формируется за счёт экспорта. Есть прямая связь между годовыми колебаниями стоимости ВВП и экспорта страны. При этом нами была выявлена линейная зависимость между экспортом и импортом Украины и степенная зависимость между экспортом товаров и объёмами прямых иностранных инвестиций. С 2010 г. наметилась чёткая тенденция к увеличению доли сырья в производстве и экспорте Украины, что свидетельствует об утверждении в стране периферийного типа экспортоориентированной модели экономического развития.

Ключевые слова: Украина, Европа, ВВП, внешняя торговля.

Annotation. Export of goods and services for the years of Ukraine's independence became the basis of its economic development. For the volume of export production per employee, the country occupies the third place in Europe from the end, which directly indicates insufficient use of the existing potential for economic development. Therefore, Ukraine does not play a significant role in the import of European countries. In fact, half of the Ukrainian GDP is formed by export. Therefore, there is a direct link between annual fluctuations in the value of GDP and exports of the country. At the same time, we discovered a linear relationship between Ukraine's exports and imports and a degree of dependence between exports of goods and foreign direct investment. Since 2010, there has been a clear trend towards an increase in the share of raw materials in the output and export of Ukraine. This indicates the establishment of the peripheral type of the export-oriented model of economic development in the country.

Keywords: Ukraine, Europe, GDP, foreign trade.

Актуальность. Экспорт за годы независимости Украины стал основой её экономического развития. Такое состояние в начале XXI в. характерно для малых по площади и населению стран Европы, так как для массового товарного производства необходимо иметь гарантированный значительный по объёму рынок сбыта продукции. Соответствующие оптимальные рынки по

своим параметрам превосходят внутренние рынки стран данной части света, а это обуславливает интенсивную торговлю между ними. Таким образом, создаётся единое европейское экономическое поле.

Цель статьи – раскрыть место Украины в европейском экономическом поле, **задачи** – показать положение страны во внешней торговле в Европе и влияние поставок за границу на развитие её ВВП и производства.

База данных. В данной статье мы рассматриваем усреднённые показатели экономического развития стран Европы за период между 2001 и 2013 гг. Это позволяет устранить влияние случайных процессов в экономическом развитии. Все расчёты произведены на основе базы данных ЮНКТАД, в которой последние опубликованные данные по макроэкономической статистике Европы представлены состоянием на 2013 г.

Изложение результатов исследования. В среднем за период между 2001 и 2013 гг. Украина занимала в Европе 20 место по стоимости ВВП и 23 – по доли экспорта товаров и услуг в нём, что указывает на несоответствие между объёмом внутреннего рынка и стоимостью поставок продукции за границу. При этом доля экспорта в ВВП Украины составляла 47,5 %; она выше соответствующего показателя мира в целом (28,0 %) и развитых стран (24,4 %), стремительно приближаясь к показателю стран Центральной Африки (54,9 %).

Экспорт Украины главным образом формируют поставки товаров. Поэтому конъюнктура на основных рынках сбыта продукции непосредственно влияет на формирование ВВП страны. Годовые колебания стоимости ВВП и экспорта товаров и услуг Украины практически идентичны, что указывает на тесную экономическую связь между ними. При этом с 2005 г. страна имеет отрицательное сальдо внешней торговли товарами. Это приводит к потребности существенного привлечения иностранного капитала к обеспечению платёжного баланса Украины.

Значение Украины в импорте стран Европы в начале XXI в. является незначительным для большинства из них. Лишь в закупках шести стран Украина имеет показатель больший, чем среднеевропейское значение (2,3 %), что прямо указывает на её более чем скромную роль во внешней торговле в этой части света. Исключение составляют поставки товаров в Молдову (36,8 %), Албанию (6,5 %) и Беларусь (5,2 % от импорта соответствующей страны). Украинские поставки в страны с крупнейшим значением ВВП в Европе не превышают 0,1 % от их импорта. Лишь в импорте в Россию – основного внешнеторгового партнера Украины (23,7 % от всего её импорта) их доля составляла 3,0 %. В последние годы, из-за политического противостояния и экономических санкций доля Украины в импорте России существенно снизилась.

Лидерами по объёму экспорта товаров из Украины являются страны с большим внутренним национальным рынком, такие как Россия, Италия,

Германия, а также непосредственные её страны-соседи – Беларусь, Польша, Венгрия. Стоимость украинских поставок продукции в другие страны (в данной части мира) – весьма незначительна по европейским масштабам и не зависит от размера их собственного экспорта. Во многом это вызвано устоявшейся внешнеторговой системой экономических связей стран Западной Европы, в рамках которой они преимущественно торгуют между собой в едином экономическом пространстве ЕС.

За период между 2001 и 2013 гг. имело место уменьшение стоимости украинского экспорта товаров лишь в такие страны Европы как Босния и Герцеговина, Исландия, Кипр, Черногория, тогда как наблюдался и существенный прирост в Ирландию и Люксембург. В общем, стоимость экспорта товаров в страны Европы выросла за этот период в 6,4 раза. Такие тенденции указывают на сложные условия продвижения украинских товаров на рынки развитых стран, где царит жёсткая конкуренция и существуют многочисленные особые требования к качеству продукции и другие виды нетарифных ограничений. Лишь отдельные украинские товары (преимущественно аграрное сырьё и продукция черной металлургии) успешно продают в этих странах.

В 2013 г. Украина по стоимости экспорта товаров (64,3 млрд дол. США) среди стран-соседей незначительно отставала от Румынии (65,8 млрд дол. США), тогда как Польша имела куда более высокий показатель (205,0 млрд дол. США). Средняя доля экспорта товаров и услуг в ВВП Украины (47,5 %) была больше, чем в Польше (37,4 %), Румынии (33,4 %), России (32,1 %), что прямо указывает на существенную зависимость страны от конъюнктуры на мировых рынках сбыта основных товаров её экспорта. При этом, по усреднённой стоимости экспорта товаров и услуг Украина превышала лишь показатель Румынии (соответственно 54,8 и 43,7 млрд дол. США), тогда как по стоимости ВВП, эта страна имеет более высокий показатель (соответственно, 118,7 млрд дол. США для Украины и 131,6 млрд дол. США для Румынии). Во многом это обусловлено малым (по европейским меркам) объёмом производства товаров на экспорт на одного занятого в Украине. В среднем, по этому показателю, страна была третьей (с конца) в Европе (2584,2 дол. США/чел.), опережая лишь Молдову (1337,0 дол. США/чел.) и Албанию (2506,0 дол. США/чел.). Это указывает на существенные резервы Украины для увеличения объёмом производства продукции на экспорт. Например, соседняя Венгрия имеет ВВП не намного меньший, чем украинский (114,5 и 118,7 млрд дол. США), хотя на одного занятого в ней производят товаров на экспорт на сумму в 22089,4 дол. США, что в 8,6 раза больше соответствующего украинского показателя.

Изменения в структуре экспортных поставок оказывают прямое влияние на импорт. Поэтому объём экспорта и импорта в Украине растёт пропорционально. Окончательное утверждение в стране в начале XXI в. экспортоориентированной модели экономики обусловило линейную зависимость между экспортом и импортом и темпами изменений экспорта и

ВВП Украины. Между стоимостью экспорта товаров и объёмами прямых иностранных инвестиций в Украину в начале XXI в. существует степенная зависимость.

В 2014 г., в результате начала периода политической и экономической нестабильности в стране, существенно сократились объёмы привлечённых прямых иностранных инвестиций (в 11 раз меньше, чем в 2013 г.). Резкая девальвация гривны (по отношению к доллару США она потеряла 32,8 % своей стоимости за 2014 г. и 54,4 % за 2015 г.) в сочетании с либеральным режимом внешнеэкономической деятельности в стране позволили незначительно сократить стоимость поставок за границу (за 2014 г. экспорт товаров уменьшился в сравнении с показателем 2013 г. лишь на 14,9 %, а услуг – на 20,0 % в исчислении в долларах США).

На мировом рынке Украина является, прежде всего, поставщиком полуфабрикатов и сырья (соответственно, 45,9 и 27,3 % от стоимости экспорта товаров в 2001 – 2013 гг.). При этом, в 2008 г. установилась тенденция к увеличению доли сырья в экспорте и выпуске товарной продукции Украины. В период экономического роста в 2001 – 2007 гг. она, напротив, стабильно сокращалась. Эта позитивная тенденция свидетельствовала об увеличении не только производства, но и экспорта товаров перерабатывающей промышленности. Начиная с 2008 г., имеет место стабильное увеличение доли сырья в украинском производстве товаров в форме синусоиды с трехлетним шагом. С 2010 г. утвердилось тенденция к резкому увеличению доли сырья в экспорте товаров. За период между 2010 и 2013 гг. стоимость экспорта сырья Украины выросла в 1,8 раза. По нашему мнению, это вызвано углублением экономического кризиса в стране.

В условиях мирового экономического кризиса лишь сырьевые отрасли украинской экономики остаются конкурентоспособными на мировых товарных рынках. Увеличение доли сырья в экспорте товаров Украины за 2013 и 2014 гг. во многом обусловлено политическим противостоянием с Евразийским экономическим союзом. Введение нетарифных ограничений и запретов на поставку продукции отдельных отраслей перерабатывающей промышленности Украины негативно отразилось на её развитии.

Украина относится к группе стран Европы с наибольшей долей сырья в экспорте товаров. Среднее значение соответствующего национального показателя за период между 2001 и 2013 гг. – 15,6 % (идентично показателю Дании, которая имеет традиционную международную аграрную специализацию). В соседних Беларуси, Польше, Румынии, Словакии так же поставки аграрного сырья составляют основу их сырьевого экспорта. Современная экспортная ориентация украинской экономики способствует развитию лишь тех отраслей, которые опираются на природные преимущества страны в условиях выгодного транспортно-географического положения по отношению к основным рынкам сбыта.

Выводы. Экспорт товаров и услуг за годы независимости Украины стал основой её экономического развития. В начале XXI в. подобная модель развития характерна для малых по площади и населению стран Европы, которые развивают свою экономику на основе экспортной деятельности. Объём экспортного производства на одного занятого в Украине всё ещё остаётся меньше соответствующих показателей стран-соседей (за исключением Молдовы), что свидетельствует о недостаточном использовании существующего потенциала развития экономики. Украина не играет значимой роли в импорте стран Европы (за исключением поставок в Албанию, Беларусь, Молдову); украинские товары поступают, главным образом, в страны с большим внутренним рынком и в соседние государства.

Экспортная ориентация экономики Украины обуславливает её высокую зависимость от конъюнктуры на мировых рынках сбыта основных товаров её экспорта и непосредственно влияет на объёмы не только производства продукции, но и на формирование ВВП страны.

Фактически, половина украинского ВВП формируется за счёт экспорта. Поэтому наблюдается прямая связь между годовыми колебаниями стоимости ВВП и экспорта страны. Нами выявлена линейная зависимость между экспортом и импортом Украины и степенная зависимость между экспортом товаров и объёмами прямых иностранных инвестиций.

За границу преимущественно поставляют полуфабрикаты и сырьё. Начиная с 2010 г. наметилась чёткая тенденция к увеличению доли сырья в выпуске и экспорте Украины. За период между 2010 и 2013 гг. стоимость соответствующих поставок выросла в 1,8 раза, что указывает на утверждение в стране периферийного типа экспортоориентированой модели экономического развития.

Conclusion. Export of goods and services for the years of Ukraine's independence became the basis of its economic development. At the beginning of the XXI century such a development model is typical for small countries and the population of Europe, which develop their economies on the basis of export activities. The volume of export production per employee in Ukraine still remains smaller than the corresponding indicators of neighboring countries (with the exception of Moldova). Behind this indicator the country occupies the third place in Europe from the end, which directly indicates the insufficient use of the existing potential for economic development. Therefore, Ukraine does not play a significant role in the import of European countries, with the exception of supplies to Albania, Belarus. Moldova. Ukrainian goods are mainly supplied to countries with a large domestic market and to neighboring countries.

The export orientation of the Ukrainian economy determines its high dependence on the conjuncture in the world markets for the sale of the main goods of its exports and directly affects the volumes of not only production but also the formation of the country's GDP.

In fact, half of the Ukrainian GDP is formed by export. Therefore, there is a direct link between annual fluctuations in the value of GDP and exports of the country. At the same time, we discovered a linear relationship between Ukraine's exports and imports and a degree of dependence between exports of goods and foreign direct investment.

Abroad are mainly supplied with semi-finished products and raw materials. Since 2010, there has been a clear trend towards an increase in the share of raw materials in the output and export of Ukraine. For the period between 2010 and 2013 The cost of corresponding supplies increased 1.8 times, which indicates the approval of a peripheral type of export-oriented model of economic development in the country.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ
СОВРЕМЕННОЙ АРКТИКИ**

V.L. Martynov

**POLITICAL AND MILITARY GEOGRAPHY OF THE
MODERN ARCTIC**

Аннотация. Арктика – один из двух полярных регионов планеты, интерес географов к которым традиционно велик. В политическом отношении Арктика разделена на сектора, относящиеся к государствам, имеющим выход к побережью Северного Ледовитого океана. Подписание и ратификация Россией Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. никак не изменило правовой статус российского сектора Арктики. Ни одно арктическое государство не заинтересовано в передаче касающихся Арктики вопросов на международный уровень. Широко обсуждаемой проблемой в последние годы стало разграничение исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. В 90-е гг. объём перевозок на Северном морском пути резко снижается, более чем в 10 раз в сравнении с советским временем. В первые годы XXI века происходит очень медленный рост. В целом, громадные капиталовложения в Арктику, осуществлённые в советское время, в значительной мере оказались напрасными. Военное освоение Арктики в начале 50-х гг. XX в. начали Соединённые Штаты, создавшие систему авиационных баз на Аляске, в Гренландии, Исландии и Норвегии. С советской стороны формирование системы противовоздушной и морской обороны в Арктике началось в середине 50-х гг. Вдоль побережья Северного Ледовитого океана и на его островах разворачиваются части Войск ПВО страны, включавшие в свой состав радиотехнические, зенитно-ракетные и авиационные подразделения. С начала 90-х гг. военная активность в Арктике резко сокращается. В последние годы отмечается нарастание военной активности в Арктике, происходящее одновременно с ростом экономической деятельности.

Ключевые слова: Арктика, границы, Северный морской путь, континентальный шельф, военное освоение, стратегическая авиация, Войска ПВО, пограничная зона.

Summary. Arctic - one of the two polar regions of the planet, interest geographers which is traditionally high. In political terms, the Arctic is divided into sectors related to the States with access to the coast of the Arctic Ocean. The signing and ratification of the Russia of the UN Convention on the Law of the Sea in 1982 did not change the legal status of the Russian sector of the Arctic. None Arctic state is not interested in the transfer of Arctic issues relating to the international level. The widely discussed issue in recent years has become a

problem of the delimitation of the exclusive economic zone and continental shelf in the Arctic Ocean. In the 90-ies. the volume of traffic on the Northern Sea Route is sharply reduced by more than 10 times in comparison with the Soviet period. In the first years of the XXI century is very slow growing. In general, the huge investment in the Arctic, Implemented in Soviet times, largely proved groundless.

Military development of the Arctic for the purpose of applying in the half of XX century the United States began to establish a system of air bases in Alaska, Greenland, Iceland and Norway. On the Soviet side of the formation of the system of air and naval defense in the Arctic began in the mid 50s. Along the coast of the Arctic Ocean and its islands unfolding of the Air Defense Forces, which included in its membership radio, air defense and air units. Since the beginning of the 90s. XX century. military activity in the Arctic is sharply reduced. In recent years there has been an increase of military activity in the Arctic, which occurs simultaneously with the growth of economic activity.

Keywords: Arctic border, the Northern Sea Route, the continental shelf, military development, strategic aviation, air defense troops, border zone.

Арктика – один из двух полярных регионов планеты, интерес географов к которым традиционно велик. Для обоих полярных регионов, Арктики и Антарктики, характерны особенности освоения, отличающие их от всех прочих крупных регионов планеты. В Антарктике любая политическая, военная, экономическая деятельность в сущности запрещена, там могут осуществляться лишь научные исследования. В Арктике, освоение которой началось существенно раньше, чем Антарктики, ситуация иная. В политическом отношении Арктика разделена на сектора, относящиеся к государствам, имеющим выход к побережью Северного Ледовитого океана. Но границы этих секторов и их правовой статус установлены не международными договорами и соглашениями, а национальными законодательными актами соответствующих государств. Единственная страна, арктические владения которой определены на международном уровне – Норвегия. Архипелаг Шпицберген ей принадлежит на основе Парижского договора 1920 года.

Граница полярных владений России, показанная на всех российских картах, была установлена 15 апреля 1926 г. постановлением Центрального исполнительного комитета СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и означает лишь то, что все острова, которые открыты или могут быть открыты в Северном Ледовитом океане к северу от побережья СССР между 32°4'35" в.д. и 168°49'30" з.д., принадлежат Советскому Союзу, ныне, соответственно, – Российской Федерации. Подписание и ратификация Россией Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. никак не изменило правовой статус российского сектора Арктики. Действие Конвенции ООН по морскому праву не распространяется на сушу, а действие постановления ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года – на море.

Иногда утверждается, что нормативно-правовая база, определяющая раздел Арктики, не отвечает современным требованиям глобальной безопасности, другими словами, эта база устарела [1].

Нынешняя «секторальная» система раздела Северного Ледовитого океана, основа которой была заложена Парижским договором 1920 г., закрепившем архипелаг Шпицберген за Норвегией, действительно возникла как часть «Версальской системы мира», существовавшей между двумя мировыми войнами, и является ныне, пожалуй, последней действующей её частью. Однако ни одно арктическое государство не заинтересовано в передаче касающихся Арктики вопросов на международный уровень. Своё нежелание обсуждать вопросы политической принадлежности Арктики иначе как между собой, пять государств, имеющих владения в Северном Ледовитом океане и его морях, - Россия, Канада, США, Дания, Норвегия, - предельно ясно сформулировали в 2008 г. в декларации, принятой по итогам конференции в Илулиссате (Ilulissat), Гренландия [2]. Такое единодушие по другим вопросам у этих государств наблюдается очень редко, и оно свидетельствует о том, что такое решение – единственно правильное.

В последние годы страны, не имеющие выхода к Северному Ледовитому океану и соответственно не получившие ничего в ходе его раздела 20-х – 30-х гг., начинают проявлять интерес к Арктике. К числу таких стран относится Китайская Народная Республика, которая активно предпринимает усилия по внедрению в Арктику [3]. Интерес проявляет также Япония [4]. В случае, если существующая система раздела Северного Ледовитого океана на сектора, принадлежащие арктическим государствам, будет изменена, то государств, желающих «внедриться» в Арктику, будет много. Именно поэтому эту систему менять нельзя, невзирая на всю её дискриминационность по отношению к неарктическим государствам. Легко представить себе последствия для России появления в Северном Ледовитом океане «опорных баз» любого из двух буквально рвущихся в Арктику восточноазиатских государств.

Граница полярных владений и государственная граница России имеют совершенно различный статус. Государственная граница в морях Северного Ледовитого океана проходит в 12 морских милях от побережья материка Евразия и принадлежащих России островов Северного Ледовитого океана, а граница зоны экономических интересов в 200 морских милях.

В годы «холодной войны» этими особенностями арктических границ СССР пользовались Соединённые Штаты Америки. Американские разведывательные самолёты облетали советские арктические острова и побережье в середине 80-х гг. примерно раз в неделю. Самолёты-разведчики RC-135 поднимались с базы на Аляске, пролетали между Землёй Франца-Иосифа и Новой Землёй, далее шли через Баренцево море на авиабазу Буде в Норвегии. Самые быстроходные и «высотные» самолёты мира SR-71 поднимались с базы в Великобритании, дозаправлялись у побережья Норвегии, далее направлялись к северной оконечности Новой Земли, вдоль

берега этих островов, но вне территориальных вод Советского Союза направлялись на юг к континентальному побережью СССР, и вдоль него возвращались на запад к побережью Норвегии. Трасса их полёта образовывала петлю, охватывавшую всё советское побережье Баренцева моря. С начала 90-х годов американские самолёты-разведчики прекратили свои полёты.

Северный морской путь является национальным водным путём России. Согласно «Правилам плавания по трассам Северного морского пути», утверждённым приказом министра морского флота СССР 14 сентября 1990 года и введённым в действие 1-го июля 1991 года, «Северный морской путь - ... национальная транспортная коммуникация, включающая пригодные к ледовой проводке судов трассы, крайние пункты которых ограничены на западе западными входами в новоземельские проливы и меридианом, проходящим на север от мыса Желания, а на востоке в Беринговом проливе параллельно 66 градусов северной широты и меридианом 168 градусов 58 минут 37 секунд западной долготы». Новые «Правила плавания в акватории Северного морского пути», утверждённые приказом Министерства транспорта России № 7 от 13-го января 2013 г., существенно сместили на запад западную границу Северного морского пути, установив в качестве этой границы, официально именуемой Западный рубеж, меридиан 33° в.д. (примерно – долгота Кольского залива). Восточная граница (Восточный рубеж) осталась практически неизменной – в качестве этой границы установлено 169° з.д. и 66° с.ш. [5]. После принятия этих правил доступ иностранных судов в российскую часть Баренцева моря, даже находящуюся за пределами территориальных вод России, стал невозможен без разрешения российской стороны. Доступностью Баренцева моря для иностранных судов пользовались представители организации «Гринпис», высаживавшиеся в 1990 г. на Новую Землю в районе ядерного полигона, а в 2012 г. – на буровую платформу «Приразломная».

Собственно государственные границы в Арктике в том виде, в каком они сформировались ещё в XIX – первой половине XX в., устойчивы и никем не оспариваются. Широко обсуждаемой проблемой в последние годы стала проблема разграничения исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Так, большую известность приобрело погружение в 2007 г. батискафа на Северном полюсе, в ходе которого на дне Северного Ледовитого океана был оставлен флаг России, сделанный из титана. Участникам погружения было присвоено звание Героев России. Но никаких юридических последствий такого рода действия не имеют, как не имело их и то, что первым в мире Северного полюса достиг либо Фредерик Кук, либо Роберт Пири – оба граждане США. Большой интерес вызывает также вопрос установления границ арктического шельфа по хребту Ломоносова. Не совсем арктическая проблем, но близкая к ней – проблем установления границ исключительной экономической зоны

России и США в Беринговом море, проведение её по ортодромии или локсодромии.

Все эти вопросы и проблемы чаще всего преподносятся как имеющие большое экономическое значение, поскольку, дескать, Арктика является «кладовой ресурсов». Но вопрос о том, насколько технически возможна и экономически выгодна добыча ресурсов в «спорных» районах, как правило, замалчивается. Надо понимать, что какие бы ресурсы не залежали на шельфе Северного Ледовитого океана и его морей, кроме незамерзающих, добыча их на современном техническом уровне невозможна. Не разработано ещё технологий добычи чего-либо со дна морского в районах распространения дрейфующих паковых льдов. Вследствие этого вопросы о границах исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Северном Ледовитом океане можно отнести к числу «дипломатических игр» с элементами «экстремального туризма» (типа установки флагов на дно океана), в которых интересен процесс, результата же ожидать не стоит.

В незамерзающей части арктической акватории, а это главным образом Баренцево море, подобные вопросы имеют существенное практическое значение, а потому решаются относительно быстро и к взаимному удовлетворению сторон. К числу таких вопросов можно отнести проблему разграничения исключительных экономических зон России и Норвегии, которая имеет большое значение для рыболовства обеих стран. Решение здесь, хотя и не слишком быстро, но было найдено [6].

Об освоении морских путей Азиатской России до конца XVII в. сохранились обрывочные, и, как можно предположить, неполные сведения. Очевидно, что эти пути активно использовались до начала XVIII в. Но в царствование Петра I русское арктическое мореходство, осуществлявшееся поморами, было фактически запрещено, и большая часть знаний о морских путях Арктики была утеряна.

Однако на протяжении всего XVIII – первой половины XIX вв. арктические моря исследуются многочисленными экспедициями, которые совершили множество географических открытий, но не привели к формированию здесь мореходных маршрутов. Интерес к этому пути проявляли и в западноевропейских странах, где его именовали Северо-Восточным проходом (Северо-Западный проход огибает побережье Канады и Аляски). В 1878 – 1879 гг. шведская экспедиция Н.А.Э. Норденшельда впервые в истории мореплавания прошла через весь Северо-Восточный путь за две навигации на судне «Вега» [7]. До этого суда под командование Норденшельда дважды доходили до Енисея и поднимались по нему вплоть до Енисейска.

После плавания Норденшельда проекты освоения морского пути вдоль северного побережья Евразии неоднократно выдвигались как русскими, так и европейскими предпринимателями. Но эти проекты разной степени проработанности неизменно отклонялись властями Российской Империи, справедливо полагавшими, что новый путь этим предпринимателям нужен

главным образом для бесконтрольного разграбления Сибири, вывоза её богатств за пределы страны. Как показали события постсоветского времени, когда природные богатства России были «приватизированы», а фактически – разделены между частными предприятиями, власти Империи были в этом совершенно правы. Для внутригосударственных сообщений в то время Северный морской путь никакого значения не имел, как не имеет и сейчас.

Северное побережье Азиатской России было фактически необитаемым. Знания об этом побережье и примыкающих к нему морях были настолько скудны, что в 1913 году экспедиция Б.А. Вилькицкого совершила здесь крупнейшее географическое открытие XX века – к северу от побережья Азиатской России был открыт архипелаг «Земля Николая II», в советское время переименованный в «Северную Землю».

Интерес к Северному морскому пути резко усиливается в годы I мировой войны, когда Россия оказалась фактически отрезана от своих союзников по Антанте. На Кольском полуострове в 1914 – 1916 гг. строится новый порт Романов-на-Мурмане, с 1917 году именующийся Мурманск.

После 1917 года освоение Северного Морского пути воспринималось в качестве одной из основных задач как большевиками, так и их противниками в Гражданской войне. Первое государственное учреждение, целью которого было определение возможных направлений использования Северного морского пути, было создано Временным сибирским правительством адмирала А.В. Колчака в 1918 году. После победы «красных» это учреждение, называвшееся Комитетом Северного морского пути, было сохранено.

С 1920 года начинается регулярное использование трассы будущего Севморпути для вывоза природных ресурсов из Сибири – «Карские экспедиции». Грузы из Сибири по Северному морскому пути вывозились главным образом в зарубежные страны, сначала в Великобританию, потом в Германию и США.

В 1932 году создаётся Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть, ГУСМП) [8]. Для освоения природных ресурсов Азиатской России и обеспечения судоходства на трассе появляются новые порты и пристани – Дудинка и Игарка на Енисее, Диксон у входа в Енисейский залив, Тикси при устье Лены и другие.

В 1932 году Северный морской путь впервые удалось пройти за одну навигацию. На основе успешного рейса ледокольного парохода «Сибиряков» были сделаны поспешные выводы о том, что освоение этого пути значительно более лёгкая задача, чем представлялось ранее, и его надо вести активнее.

Представляется, что подобное «прожектёрство», очень опасное в арктических условиях, и сейчас сложилось у значительной части российского политического руководства и руководителей действующих в Арктике крупных корпораций. В противном случае трудно объяснить строительство нового морского порта Сабетта, предназначенного для вывоза сжиженного

природного газа (СПГ) в Ямало-Ненецком автономном округе, и предполагаемое строительство порта в бухте Индига (Ненецкий автономный округ). Участь Игарки, Тикси и Певека, равно как других арктических портов, строившихся из соображений «текущего момента», а ныне полузаброшенных, никого и ничему не научила. Есть и совершенно безумные проекты, которые правильнее было бы назвать «прожектками», строительства крупных промышленных предприятий на островах Северного Ледовитого океана, например, на Новой Земле.

Во время Великой Отечественной войны на Северном Морском пути велись боевые действия. Корабли германского ВМФ, рейдивовавшие в морях Северного Ледовитого океана, топили советские суда и попытались захватить в 1942 году Диксон, но их нападение было отбито. Была создана военно-морская база на Новой Земле. На Земле Франца-Иосифа германский флот создал автоматическую метеостанцию. Именно в этот период Севморпуть становится основным путём снабжения отдалённых северных и восточных районов СССР, в частности Якутии.

Коренная реорганизация всей экономической и политической жизни страны после смерти И.В. Сталина в 1953 г. привела, в числе прочего, и к резкому снижению статуса Главсевморпути. Из фактического хозяина огромной территории и акватории –ГУСМП было преобразовано в одно из управлений Министерства морского флота СССР, т.е. приобрело исключительно транспортные функции. Но активное освоение Северного морского пути продолжалось. В 1959 г. был построен первый в мире атомный ледокол «Ленин», однако основное строительство атомных ледоколов развернулось в 70-е – 80-е гг. В 1977 г. атомный ледокол «Арктика» стал первым в мире надводным судном, достигшим Северного полюса.

На протяжении 50-х – 80-х гг. перевозки по Северному морскому пути (СМП) непрерывно возрастали. Этот рост определялся двумя основными факторами: ростом вывоза продукции добывающей промышленности (по направлению «восток – запад») и снабжения северных городов и посёлков («северный завоз», направление «запад – восток»). Так, например, в это время были начаты продолжающиеся по сей день, хотя ныне и в очень небольших количествах, перевозки сырья из Норильска для переработки в Мурманскую область (комбинаты «Североникель» и «Печенганикель»).

В 90-е гг. объём перевозок по Северному морскому пути резко снижается (более чем в 10 раз в сравнении с советским временем). Резко снижаются объёмы промышленного производства, сокращается численность населения на примыкающей к Северному морскому пути территории. Неоднократно выдвигавшиеся проекты превращения этого пути в транзитный между Тихим и Атлантическим океанами пока результатов не дали, хотя предложений и проектов в этом отношении было и есть множество [9]. Расстояние между крупными портами Восточной Азии, с одной стороны, и Западной Европы – с другой, через Северный морской путь меньше, чем через Суэцкий или Панамский каналы, а тем более вокруг Африки или

Америки. Однако на Северном морском пути большую часть года суда могут проходить только в составе караванов, которые ведут ледоколы. Кроме этого, для прохода судов по этому пути в любое время года требуется специальная подготовка и экипировка капитана и команды. Любое судно, проходящее по Северному морскому пути, должно соответствовать ледовому классу. Необходима лоцманская проводка, за которую надо платить. Для прохода по Северном морскому пути требуется разрешение, которое следует запрашивать не ранее чем за 120 дней и не позднее чем за 15 дней до предполагаемого прохода судном Западного или Восточного рубежей СМП.

Все это сводит на нет преимущества меньшего расстояния. Для оценки транспортной работы главное – это не расстояние как таковое, а время, которое требуется на его преодоление, и деньги, которое за это преодоление надо заплатить. Времени в пути при использовании Северного морского пути в качестве транзитного требуется больше, чем по Суэцкому каналу. Денег также придётся отдать больше. Следует иметь в виду, что значительная часть контейнерных грузов (например, радиоэлектронная и компьютерная техника, продукция лёгкой промышленности и др.) не может транспортироваться по Северном морскому пути из-за климатических условий – они просто испортятся. С учётом того, что судно - контейнеровоз перемещает чаще всего сборные грузы, часть которых может с технической точки зрения перемещаться через СМП, а часть – нет, движение таких судов по Севморпути вряд ли имеет смысл. Кроме этого, климатические условия Арктики меняются очень быстро, закономерности этих перемен до конца не ясны, долгосрочный прогноз ледовой обстановки здесь практически невозможен, навигационные условия морей Северного Ледовитого океана даже сейчас изучены очень плохо.

В целом, громадные капиталовложения в Арктику, осуществлённые в советское время, в значительной мере оказались напрасными. В условиях рынка большая часть российской арктической экономики оказалась не только неэффективной, но и просто бессмысленной. Закрылись десятки посёлков при добывающих предприятиях, численность населения других сократилась в несколько раз и даже несколько десятков раз.

Существует распространённое мнение, что сейчас Крайний Север «кормит» остальную Россию. Формально это действительно так – основу российского экспорта составляет продукция добывающих отраслей, в основном и сосредоточенных на Севере. Реально - нет. Во-первых, потому, что большая часть северных предприятий добывающей промышленности создана в советское время. Соответственно, ныне действующие предприятия избавлены от необходимости возмещать через прибыль затраты на создание промышленной, транспортной, социальной инфраструктуры. Средства же на первоначальное освоение Севера шли со всей остальной страны. Во-вторых, отдача от инвестиций в арктические регионы намного ниже, чем в более обжитые и освоенные регионы России. Деньги, вложенные в староосвоенные

регионы, работают гораздо эффективнее, чем в регионах нового освоения [10].

А теперь – о военно-стратегическом значении Арктики. В 50-е – 60-е годы Арктика обретает существенное значение в качестве вероятного театра военных действий (ТВД). Кратчайший путь между двумя тогдашними сверхдержавами, СССР и США, пролегает через Северный полюс. В условиях, когда главным носителем атомного оружия была стратегическая авиация, именно полюс являлся главным направлением нападения вероятного противника.

Военное освоение Арктики в начале 50-х гг. XX в. начали Соединённые Штаты, создавшие систему авиационных баз на Аляске, в Гренландии, Исландии и Норвегии. Между Аляской и Гренландией в режиме боевого патрулирования, проходившем через Северный полюс, постоянно перемещались стратегические бомбардировщики США. При получении соответствующего приказа эти бомбардировщики в любой момент готовы были повернуть на юг в сторону Советского Союза. В 1968 г на подлёте к авиабазе Туле в Гренландии разбился стратегический бомбардировщик Б-52 с водородными бомбами на борту. Но уже в 70-е, а особенно в 80-е гг., когда основным средством доставки атомного оружия становятся ракеты, значение Арктики (как вероятного ТВД) снижается.

Для обеспечения этого маршрута боевого патрулирования и одновременно предупреждения о возможном нападении со стороны СССР создаётся единая система ПВО США и Канады, с 1958 г. известная как НОРАД (Северо-Американское командование воздушно-космической обороны). Передовые линии радиотехнических сил НОРАД располагались и располагаются на островах Канадского Арктического архипелага, севере Канады, на Аляске и Алеутских островах. В Норвегии находились главным образом базы «фронтальной» (тактической) авиации, а также подразделения противовоздушной обороны.

С советской стороны формирование системы противовоздушной и морской обороны в Арктике началось в середине 50-х гг. Вдоль побережья Северного Ледовитого океана и на его островах разворачиваются части Войск ПВО страны, включавшие в свой состав радиотехнические, зенитно-ракетные и авиационные подразделения. В отличие от США, Советский Союз не создавал в Арктике баз стратегической авиации. Для обеспечения её потребностей был построен «аэродром подскока» в Тикси, но основные советские стратегические аэропорты находились за пределами Арктической зоны. Военно-морской флот разворачивает новые базы на Кольском полуострове и Камчатке. На островах Северного Ледовитого океана создаются военно-морские «точки», контролировавшие перемещение судов и кораблей. Кроме этого, в Арктике размещаются части Ракетных войск стратегического назначения. Насколько можно судить по открытым источникам, самая крупная такая база существовала в районе Анадыря

(«Анадырь-1» или Гудым). На западной и восточной оконечностях Советской Арктики, в Печенге и Анадыре, дислоцируются мотострелковые дивизии.

На островах Новая Земля создаётся полигон для испытаний атомного и ядерного оружия, ныне – Центральный полигон Российской Федерации [11].

Кроме сил Министерства обороны СССР, в Арктике размещаются также пограничные войска КГБ (в первой половине 50-х гг. – МВД) СССР. На Кольском полуострове пограничные войска функционируют с 20-х гг. На Чукотке пограничный отряд действует уже в первой половине 50-х гг., в 1967 г. организован Отдельный арктический пограничный отряд с управлением в Воркуте, заставы которого располагались на северном побережье СССР и островах Северного Ледовитого океана между Кольским полуостровом и Чукоткой. В 1981 г. этим отрядом создаётся пограничная застава «Нагурская» на о-ве Земля Александры, входящем в состав архипелага Земля Франца-Иосифа [12] – в настоящее время самая северная пограничная застава России.

Радиотехнические войска (РТВ) состоят из относительно небольших по численности частей, разбросанных на больших территориях. Их задача – только видеть. Образно выражаясь, РТВ, особенно на дальних рубежах, были «стражами Судного дня». Их боевая задача сводилась, в сущности, к тому, чтобы в случае начала III мировой войны увидеть на индикаторах РЛС (радиолокационных станций) воздушные армады противника, идущие в боевых порядках, и успеть «передать по связи» «Началось!». В повседневной же обстановке подразделения РТВ обеспечивают контроль режима полётов.

Части истребительной авиации были крупными по численности личного состава, они обладали мощной инфраструктурой, основу которой составляли аэродромы. Аэродромы, на которых базировались истребительные авиационные полки (ИАП), естественно, находились в ведении Министерства обороны, но часто они использовались как аэродромы двойного базирования, т.е. использовались также гражданской авиацией (в советское время – авиацией Министерства гражданской авиации, МГА). Аэродром «обрастал» разнообразной инфраструктурой (транспортной, социальной и т.д.), поскольку в условиях Арктики он неизбежно становился основным транспортным узлом примыкающей к нему территории. Вследствие этого ликвидация таких аэродромов существенно меняла траекторию развития тех населённых пунктов, где они находились – эти поселения приходили в запустение. В качестве примера можно привести пос. Амдерма (Ненецкий АО).

Зенитно-ракетные войска по своему воздействию на окружающие их территории занимали промежуточное положение между ИА и РТВ. Зенитно-ракетные полки (ЗРП) состояли из дивизионов, располагавшихся на существенном расстоянии от тех объектов, которые они прикрывали. Но это расстояние измерялось не сотнями и даже тысячами километров, как в случае РТВ, а в лучшем случае десятками. Но и столь высокого уровня территориальной концентрации, как в случае с ИАП, ЗРП не имели. ЗРВ в

Арктике использовались для прикрытия расположенных там же стратегических объектов [13].

С начала 90-х гг. XX в. военная активность в Арктике резко сокращается. Стратегическая авиация США выводится из Арктики. Авиабазы стратегической авиации на Аляске «перепрофилируются» под различные цели. Авиабазы в Туле сохраняются, но становятся базой противоракетной обороны. Авиабазы в Кефлавике (Исландия) закрываются, как и авиабазы в Северной Норвегии. Американские самолёты-разведчики SR-71 прекращают свои полёты и вообще снимаются с вооружения. RC-135 выводятся с базы на Аляске. В начале 90-х годов российские Войска ПВО страны выводят свои подразделения с арктических островов и побережья; вскоре прекращается и существование самих этих войск, включённых в состав ВВС. В начале 2000-х годов военные окончательно уходят с ракетной базы в районе Анадыря. Практически прекращается функционирование «аэродрома подскока» стратегической авиации в Тикси. Вероятность начала атомной войны в «белом безмолвии» Крайнего Севера сводится практически к нулю. Военное освоение Арктики сходит на нет так же, как и экономическое.

Но во втором десятилетии XXI в. военная деятельность здесь вновь активизируется одновременно с оживлением движения по Северному Морскому пути и в целом ростом экономической активности. Строится новое здание пограничной заставы «Нагурская» на Земле Александры. Здесь же создаётся новый аэродром на Земле Франца-Иосифа вместо заброшенного ледового аэродрома на о-ве Грэм Белл. Восстанавливается зенитно-ракетный полк на Новой Земле, прикрывающий посёлки Белушья Губа, в котором размещается штаб Центрального полигона Российской Федерации, и Рогачёво, где находится единственный аэродром Новой Земли. Министерство обороны строит собственный ледокол, призванный обеспечивать военную навигацию в Арктике [14]. Реконструируется ледовый аэродром «Темп» на Новосибирских островах. Усиливается также активность других силовых ведомств. Всё арктическое побережье в настоящее время является пограничной зоной, причём в её состав этой зоны включены города и территории, являвшиеся «открытыми» для граждан СССР в советское время – например Салехард, центр Ямало-Ненецкого автономного округа. Единственная крупная территория Российской Арктики, которая не контролируется пограничными войсками – Новая Земля, где контроль за въездом и выездом на острова осуществляет «служба режима» Центрального полигона.

Следует отметить, что Соединённые Штаты держали и держат в пределах Арктики значительные военные контингенты – численность личного состава 172-й пехотной бригады, дислоцирующейся на базе Форт Уэйнрайт (Fort Wainwright) в районе Фэрбанка, штат Аляска, составляет более 5 тыс. чел. [15] У России сейчас сухопутных войск на Чукотке просто нет. Очевидно, что Соединённые Штаты и Канада, так же как и Россия, помещают в открытый доступ далеко не все сведения о своей военной

активности в Арктике. Но очевидно, что как со стороны России, так и со стороны стран – членов НАТО уровень военного противостояния сейчас значительно ниже, чем это было в годы «Холодной войны». Дипломатическая борьба за континентальный шельф или изменение границ исключительной экономической зоны вряд ли трансформируется в вооружённый конфликт.

Заключение. Политическая и военная география Арктики отличается своеобразием. Наряду с существованием собственных всему миру межгосударственных границ, здесь существуют специфические «границы секторов», например, «границы Российского сектора Арктики», обозначенные на всех картах, включая школьные, и в обыденном восприятии кажущиеся аналогом государственной границы. На самом деле это совершенно не так. Границы государств, секторов, исключительной экономической зоны и континентального шельфа разных стран в пределах Арктики сочетаются самым причудливым образом.

Особенностью политической географии Арктики является и то, что до начала XX в. её освоение имело интернациональный характер. Первым человеком, который смог пройти по всему Северному Морскому пути, был швед Н.А.Э. Норденшельд – уроженец подвластного Российской империи Великого Княжества Финляндского, но подданный Шведского королевства. Фактическое отсутствие границ в Северном Ледовитом океане не всегда было благом; так, в конце XIX – начале XX в. России пришлось отстаивать свои полярные владения от норвежцев, с одной стороны, канадцев и американцев – с другой. Первым международно признанным островным владением в Северном Ледовитом океане обзавелась Норвегия, получив Шпицберген по Парижскому договору 1920 г. Официальное включение Шпицбергена в состав Норвежского королевства привело к тому, что другие арктические государства, включая СССР, начали «столбить» свои полярные владения между побережьем материка Евразия и Северным полюсом. Раздел этот в целом был завершён к 30-м годам XX в. Неарктические государства от этого раздела были оттеснены. Северный Ледовитый океан стал единственным океаном Земли, поделённым на части выходящими к его берегам странами. При этом раздел осуществлялся национальными законами соответствующих государств.

Во второй половине XX в. все арктические государства пытались тем или иным образом осваивать свой сектор Арктики. Цели и методы такого освоения были различны, как различны и достигнутые результаты. Сходным было лишь одно направление освоения Арктики – военное. СССР с одной стороны, страны НАТО – с другой, создавали в Арктической зоне военные объекты с целью как нападения на вероятного противника, так и защиты от него же. Кроме этого, Советский Союз использовал острова Северного Ледовитого океана для испытаний атомного оружия. С окончанием

«Холодной войны» уровень военного противостояния в Арктике существенно снизился, но в последние годы вновь несколько возрос.

Conclusion. The political and military geography of the Arctic is peculiar. Along with the existence of a peculiar worldwide international borders, there are specific "border sectors", such as "the Russian sector of the Arctic boundary" marked on all maps, including school and in everyday perception seemingly analogue of the state border. In fact, this is not the case. The boundaries of states, sectors, exclusive economic zone and the continental shelf around the Arctic within combined in a most peculiar way.

The peculiarity of the political geography of the Arctic is the fact that prior to the beginning of XX century. it was the development of an international character. The first person who was able to go across the Northern Sea Route, the Swede was N.A.E. Nordenskiöld - born in the Russian Empire was subject to the Grand Duchy of Finland, but the subject of the Kingdom of Sweden. The virtual absence of boundaries in the Arctic Ocean has not always been good - so, in the late XIX - early XX century. Russia had to defend its polar possession of Norwegians, on the one hand, Canadians and Americans - on the other. The first internationally recognized island possessions in the Arctic Ocean has acquired Norway, Svalbard received by the Paris Treaty of 1920, the official inclusion of Spitsbergen in the Norwegian kingdoms led to the fact that other Arctic nations, including the Soviet Union, began to "post" their polar ownership between the coast of Eurasia and the North pole. This section has generally been completed by the 30th years of XX century. The non-Arctic states on this section were relegated. The Arctic Ocean was the only ocean Earth is divided into parts to its shores facing countries. In this section carried out by national laws of the States concerned.

In the second half of the XX century. all Arctic states have tried in any way to develop their sector of the Arctic. Objectives and methods of such a development were different as different and the results achieved. Similarly, there was only one direction of development of the Arctic - the military. The Soviet Union on the one hand, NATO countries - on the other hand, created in the Arctic area military installations with a view as attacks on a potential enemy, and protection from him. In addition, the Soviet Union used the islands of the Arctic Ocean for the testing of nuclear weapons. With the end of Cold War levels of military confrontation in the Arctic has decreased significantly, but increased slightly in recent years.

Литература

1. Мирошниченко О.И., Гайворонская Я.В. Проблемы обеспечения правового режима Арктики в контексте обеспечения глобальной безопасности // Пробелы в российском законодательстве, 2016 - № 8, с. 349 – 354.

2. The Ilulissat Declaration. Режим доступа: http://oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf (проверено по состоянию на 03.03.2017)
3. Загорский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия истинные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения, 2016 - № 2, с. 63 – 71.
4. Курмазов А.А. Приоритеты современной арктической политики Японии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке, 2016 - № 2(75), с. 3 – 10.
5. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации (Минтранс России) от 17 января 2013 г. N 7 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути». Режим доступа: <https://rg.ru/2013/04/19/pravila-dok.html> (проверено по состоянию на 03.03.2017).
6. Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Л.: Морской транспорт, 1962. Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. 892 с.
7. Каменев Л.Б. Речь на собрании ответственных работников Московской организации // Международное и внутреннее положение СССР. – М.: ЦК и МК РКП, 1924. 114 с.
8. Ключев В.В., Кондратьев С.И. Становление Севморпути как транспортного коридора // Эксплуатация морского транспорта, 2016 - № 3 (80), с. 12 – 17.
9. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Территориальная структура производительных сил Северо-Запада России в 2000 – 2010 годах // Балтийский регион, 2012 - № 1(11), с. 110 – 119.
10. Федеральный закон от 5 апреля 2011 г. № 57-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане».
11. Мартынов В.Л. Новая Земля – военная земля // География, 2009 - № 9
12. Отдельный Арктический пограничный отряд КГБ. Режим доступа: http://shieldandword.mozohin.ru/kgb5491/troops/border_guard/POGO/arctic.htm (проверено по состоянию на 03.03.2017)
13. Мартынов В.Л. «Холодная война» в Северном Ледовитом океане: войска ПВО страны в Арктике (50-е – 90-е годы) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015 - № 1 (4), с. 75 -85.
14. «Илья Муромец» – новый ледокол-снабженец с немецкими корнями. Режим доступа: https://www.korabel.ru/news/comments/ilya_muromec_-_novyy_ledokol-snabzhenec_s_nemeckimi_kornyami.html (проверено по состоянию на 03.03. 2017).
15. Fort Wainwright, Alaska. Режим доступа: <http://fort-wainwright.army-base.us/> (проверено по состоянию на 03.03.2017)

REGIONAL IMPACT OF BORDER CITIES. THE CASE OF SLOVENIA

Abstract: Border cities have a few specifics in its development. Border position have on them important, even decisive influence. The article deals with border cities in Slovenia in terms of spatial planning and regional development. Here, the city is defined as a generator of regional development of the rural area. The most of border areas have predominantly a peripheral character as a result of lower economic attractiveness and efficiency in the near past. But, the border position may be a stimulator of regional development, too. Political boundaries generate structural differences between the bordering areas, which allows them (particularly the cities) the exercise of complementarity and competition. Therefore, border cities can develop a comparative advantages. The structural differences trigger the need for cooperation. The supplement can be the key priority (or advantage, from planning point of view) of border cities. Spatial planning should take into account the structural symmetry / asymmetry of the border areas and adjust the developmental concept of border cities with their key advantages: complementarity.

Keywords: border cities, regional development, political geography, Slovenia.

Introduction

The border cities represent a particular part of border landscapes. They are a result of political competition between internal and external economic and political forces. Political boundaries generate structural differences between the border areas. The most of border areas have predominantly a peripheral character as a result of lower economic attractiveness and efficiency during the past periods (Bufon, Minghi, Paasi, 2014). The border cities are urban spaces positioned directly along the border lines or close to them. Border position have on them various, even decisive impacts. Supposing that the cities generate the regional development of the surrounding rural area, the border cities play the role of local centers for one or –under some particular conditions – both sides of border.

Slovenia is a small Central European country. Positioned in southern part of Central Europe, Slovenia is a true „border country“. Due to its relatively small size (20,273 km²), a good half of state territory lies inside of 25km – frontier. Slovenia is bordering to four neighbour countries: Italy, Austria, Hungary and Croatia. The total border length is 1,334 km; 17% with Italy, 25 % with Austria and 8% with Hungary, while the rest almost exactly half of Slovenia's land border is with Croatia: 670 km (National Atlas of Slovenia, 2001,14). By another criteria, the borderness can be measured by share of km of international border-line per 100km² of state surface: Slovenia is the second country in Europe with 5,7 km of border/ 100km² (Bufon, 2004, 23). The Slovenian maritime border (towards Italian

and Croatian territorial water in Upper Adriatic shelf sea) is still (in 2017) disputing about (Zupančič, 2017). The decision, done by International Arbitration Court, is expected during next years.¹

None of Slovene border cities is a result of political division (divided cities). Some (Ormož, Metlika, Brežice, Rogaška Slatina and Rogatec) have their historical roots deep into the past centuries: they have been erected to defend the frontier and later remain small due to low economic opportunities. Another group of border cities became as such thanks to creation of political boundaries after WWI – like Lendava (close to Slovene-Hungarian border (and a bit later with Croatia, too)), Dravograd and Ravne – Prevalje as well as Kranjska gora, Jesenice and even Tržič (and could also Bled and Radovljica, located close to Jesenice, be counted in frame of these border cities). Ankaran in Slovene Coastland has also a similar character. The third group is represented by local centres, developed deliberately during the socialist period under the industrial paradigm. They “replaced” in some regards the “lost centers”² in Italy and Austria, according to new needs for industrial- and administrative functions. Sežana (towards Trieste in Italy), Gornja Radgona (towards Radgona (germ. Bad Radkersburg) in Austria and the biggest and closest Slovenian border city – Nova Gorica (towards the “old” Gorica – Gorizia in Italy) are the examples in this group. All together 18 smaller border cities with some particular geographic features, but with quite common issues regarding their spatial development and regional influence.

The contribution deals with border cities in Slovenia in terms of spatial planning and regional development and is divided into two parts. In first one the genesis of borders and border landscapes is explained, while in second part follows the analysis of border cities, their common geographical features and particular local issues.

The genesis and typology of slovenian borders: a brief overview

It was after the First and Second World Wars and the collapse of Yugoslavia in 1991 when the Slovenian political boundaries were formed. The border with Italy has been drawn between 1945 and 1954 and fully accepted in 1975 by the Treaty of Osimo (Klemenčič, 1987, 59). The border with Austria was agreed upon with the St. Germaine Peace Treaty in 1920, and a year later the border with Hungary with the Treaty of Trianon (Celar, 2002, 88-90). Subsequently, there has

---

¹ Both diplomatic representatives, Slovenian and Croatian, agreed in 2012 to abjure the boundary decision (maritime and terrestrial in whole) to International Arbitration Court. There were some problems and even shortages during the process (in 2015 and 2016), but the court continued his deal.

² According to the international peace agreements after WWI and WW2, some towns lost their hinterland and hinterlands remained without the urban cores. The situation demands new regional organization and the creation of new urban centers is probably the most expanded part of these strategies.

been no alternation thereof. The border with Croatia was established by proclamation of independence and mutual recognition of the two countries in June 1991. However, there are still some outstanding border issues on land and at sea between the two countries. A significant milestone as regards the border issue is the Slovenia's and Hungary's accession to the EU (2004) and further into the Schengen area (2007); namely when direct military, police and customs control of the boundary have been abolished (Klemenčič, Zupančič, 2016).

The border area structure dynamically reflected the general modernisation processes and at the same time was adjusted to the influence of national centres. The border areas examined belong to three different types of border areas, namely isolated, passive, cooperative, cohesive type and as particular case the developing border landscape.

The shortest and probably the most structurally homogeneous Slovene border is with Hungary. The border was drawn across entirely peripheral agrarian area in the western arc of Pannonia Basin. The northern part follows the watershed and the eastern part, however, goes through some settlements. Decades of separate development accelerated depopulation and peripheralisation of the area. As, due to the specific policy of separation, the border was extensively fortified (military infrastructure of the Iron Curtain) and controlled, cross-border contacts were practically abolished. Even though the structure of the areas on both side of the border is quite similar (agriculture and industry) and represent the periphery of Slovenia or Hungary, their development was entirely separate. This border represents the type of **isolated border** (from the past). This type of border landscape has – due to the political relations and spatial politics, adopted to the close borders – any cooperation between local communities in the past, despite there were potentials for it. Even after the accession of both countries to the EU and the "Schengen area" the features of separation are preserved; on both sides the passivity is canned with the designation of protected areas; National Park Őrszeg in Hungary and Regional Park Goričko in Slovenia, and Regional park Raab in Austria as well.

The Slovenian–Austrian border, particularly in the section Radgona–Gornja Radgona, is an example of **passive border**. The geographical structure of areas on both side of the border is relatively similar. The broad plains along the Mura River represent the central part thereof, and dense, but highly dispersed populated hills dominate in the background. The area has quite agrarian character and there are two smaller cities, it means Radgona and Gornja Radgona, the latter nestled directly along the border. As the areas are self-sufficient, the cross-border communication was limited for decades. The border was drawn exclusively with respect to watercourses; one part along the Mura river, which was due to its role fortified with embankment in order to maintain the flow, and then on the stream Kučnica, flow of which was adjusted to the agreed border-line. Similarly, there was a negative attitude to minority by both sides. While the German population of the Apaško polje was mostly banished, the Slovenian minority remained for decades practically ignored (Zupančič, 1999, 96). In the main western sector the

cooperation between both parts (countries) use to be much closer. A various forms of collaboration has been processed during the past periods, despite the predominant mountainous character. The high mountain ridges of Karavanke (over 2000 m!) doesn't represent a serious barrier; the circulation between the Carinthia in north and Carniola in the south was frequent in the past periods as well. The Karavanke were and remain common space in many regards. It seems to be more a spine than a wall. There were probably two main reasons for that. First: the mining in the area and manufactures and industry on the southern and northern edges. The second reason represent common demographic structure: there are Slovenes who lives on both sides. The western section of Slovene-Austrian border represent a form of **cooperative type of border**, with many forms of local cooperation and many ties among people (Zupančič, 2002).

The Slovenian-Italian border stretches between the foothills, the Karst plateau and the Friuli plain, whereas one part is drawn in a way the natural obstacles taken into account (mountain crest and reef) and the other crosses the densely populated and economically active area. Longitudinally, it goes through densely populated area of the Friuli plain in Italy and the Vipavska valley in Slovenia. Old political boundaries (between the Habsburg Monarchy and the Venetian Republic and its successor, the Kingdom of Italy) were held slightly to the west. Therefore, the area was for centuries characterised by intensive cultural and economic contact. Urban centres are in the middle of the Soča river valley. While the northern section represent mostly his passive character (mainly due to its mountainous surface and low population density), the southern part count to more vital and dynamic regions. A regional centre of Nova Gorica was established, directly on the border, demonstrating the defiant nature of these decisions, directly after WW2. As regards the structure, the areas are complementary as certain forms of cross-border cooperation are required that results in the dependence thereon. Thus, the area represents a type of **cohesive border**. In this respect, the Slovenian minority is an essential factor in increasing the cohesiveness as a result of many familial ties and friendships local population has a lot of personal motives for cross-border cooperation (Zupančič, Pipan, 2012). Moreover, the 10th European transport corridor crosses the Gorica region (Zupančič, 2008).

Last but far to be the least is the Slovene-Croatian border. Almost exactly half of slovenian border line is with Croatia. Commonly observed these border landscapes could be named as **developing type of the border**, due to rapid changes of border regimes and border situations during last 25 years. The border is mainly drawn along the old line of the administrative border,³ which was formed between the 16th and 18th centuries. In spite of somewhat different competences, the conditions had been provided for the formation of a settlement structure, traffic

---

³ The perception, that political borders between yugoslav federal units (republics) have »only« administrative character, is completely wrong. The federal republics have large autonomy and competences and were, first among all, political entities and were structuralized like states (countries). But they were not securized trough army, police and custom.

order, property law and other public and private regulations, forming the cultural region. Life was different, but due to relatively close languages and the same (catholic) cultural provenience, there were many contacts, as well as many mixed marriages. The regions lived in intense contact. Towards the end of the 18th century, the cadastre measurement began to form, which differed in details (technique as well as surveying starting points). In region of Žumberak (today Gorjanci mountain) the border line was drawn according to the possession of land-owners residence (Zajc, 2006, 29-36) and adopted the line "meandering" a lot, making in the area some enclaves (or exclaves) (Celar, 2002, 103), perhaps because of special right of the settlers there, a real "frontiersmen" - s.c. Uskoki⁴. Once the double monarchy was formed according to the Austro - Hungarian agreement (1866), the introduction of the internal economical control between Hungarian and Austrian lands saw the implementation of partial harmonisation and straightening out of the border line: legal heritage of today's "cadastre" border, which later, in the Yugoslav era, went through several redrawing's; those are where most of the non-harmonised cases of the cadastre route of the border line of the current Slovenian - Croatian border stem from. The border on the Mura river was drawn inside one common cadastral measurement (Hungarian part of double monarchy), so that the contemporary differences were done later during Yugoslav period. In the sector of Istria, the border is entirely new and was formed with agreements after World War II. This part is still a subject of debate and dispute due to a series of unclear aspects within the border line drawing process itself (Kristen, 2006, 24-35). Beside this, the area of Istria was long under Republic of Venice and has therefore, a Venetian juridical tradition. Austrian authorities just adopted them after conquering the area in 18th century (Zgodovina Slovencev, 1979, 234). Another source of border issues stems from mainly erosion - accumulation processes by Drava, Mura and Sotla, which changed the subject characteristics and access to property. The third source of issues is the layout of the infrastructure, especially traffic related one, since it crosses the border line several times and there is no clear competence regarding maintenance and control. A series of open question relates to energy facilities (hydroelectric power plants, nuclear power plant Krško) directly at the border or close to it. The fourth group of problems includes interventions, which were formed after the establishment of the countries. There were several shortages because of border. All these circumstances significantly influenced the considerable dynamic of changes of the border cultural landscape.

---

⁴ Uskoki – people mainly serbian ethnic origin, who were refugees from areas under ottoman rule, and settled the frontier of Habsburg empire. They have special competences and rights for compensation of military border service.

Geographical profile of the border cities

Due to natural conditions (predominantly hilly- and mountainous surface of greater part of Slovene border regions) and historical development, the settlements very close or directly to the border are relatively common spatial phenomenon. This is probably reflecting strong ties of every-day life between the countries and allow to the local people to develop some particular life-styles by using the advantages from both sides of border. Their border position is much more noticeable through the important regional and international traffic corridors, what reflects the importance of whole Slovenia as a gateway-country. These cities are generally well connected by roads and by rail and can improve the international transit locally. But in opposite, the socio-economic structure of all these border cities was strongly oriented to the industry and local, rarely to the regional services. Of course, there are important differences between them and there were changes in the last two decades, but generally, the border cities are oriented inside (to the central areas in the country) and to a lesser extent to the neighbor region and country.

Local centers have developed in the smaller towns mainly in the period after 1958. In this year, the administrative reform introduced a system of large municipalities. Municipal centers have obtained many jobs in public administration, education, trade, and particularly in industrial sector. The industry remains the dominant developmental force almost during the whole socialist era. The development of services has been delayed and relatively modest under the socialist system. The only exceptions were tourist resorts and tourism as an important economic branch in Slovenia. Industrial development and modest tertiarisation directed mainly inwards. Most of border cities developed any significant gravitational hinterland on the other side of political borders. So that they have rather poor regional impacts across the border, even though the borders with Italy and Austria were open and the cross border cooperation an often practice. The border cities developed quite intense ties to the local surrounding area in the country. Cross-border gravitational effects were and are the exception rather than the rule (Zupančič, 2008, 89). However, this does not apply to a small but locally influential cities along the border with Croatia. Industrial plants in Slovenia were very attractive to the workforce from Croatia, so they were quite intense cross-border ties. This was during the period of common Yugoslav Federation simply because political borders did not represent really any formal obstacles. After proclaiming the independence the situation has been changed. Many industrial enterprises collapsed gradually and only the gravitational power of border cities maintain services to a lesser extent.

The case of Nova Gorica – Gorica (it. Gorizia) is another exceptional case. A decade after World War II was characterised by the beginning of geopolitical polarisation and the creation of the concept of closed borders. In the Gorica region, as an act of defiance, a parallel regional centre was established, directly on the border line with the street system, facing towards "old" Gorizia, as if it was a single

location. In the pic of geopolitical competition, a border became a cut-off point; the term “Iron Curtain” developed as a concept of strongly secured cumbersome border. In our case, the concept did not long persist. In the seventies, the border regimes experienced major changes. According to the Yugoslav Constitution of 1974 the republics of former Yugoslav federation had greater autonomy, which enabled Slovenia to focus primarily on the markets of the European Economic Community (EEC). Border regimes became more liberal, the frequency of transitions increased. Italy and Austria were among the most Slovenia’s important partners. As a result, there was a great increase in cross-border traffic of goods. The Treaty of Osimo in 1975 enabled the concept of open borders (Bufon, 2008). Only in the Gorica region there were 28 crossings of different grades or one to 2.3 km, which is an exceptional density in the world! They need additional “proof” to demonstrate new spirit of liberalisation, so they create a unique border feature: the extraterritorial road between the city (Nova Gorica) and its most dense settled surrounding region Goriška Brda. The region was close to the city, but the transport connections were rather long and insufficient. With the active participation of the Slovenian minority in Italy, cross-border activity rapidly increased, in particular in the fields of education, agriculture and trade as well as providing services to companies. Investment and innovation entered in the border area. In contrast to industry, a tertiary paradigm of economic development evolved. Close aftermath the city and commune authorities made another radical change and turn the industrial paradigm over. Still in late 1980s Nova Gorica became one of the hughest gambling city in this part of Europe. A perfect case of new liberalism in many aspects and economically more than successful. The tourism (and gambling as a core-service) became the “winning horse” in the region between Alps and Adriatic, and there were enough places for agro tourism and perfection in wine-production. The Gorica region became an elite winemaking, culinary, tourism and gambling region, although Slovenia was then in the culmination of agrarian-industrial paradigm of development. The liberal way of border crossings and the spirit to do this was probably most crucial issue in this development. Nova Gorica became influent regional center (Zupančič, 2017). The story continued into 1990s, after Slovenia became independent and run to euro Atlantic associations (EU, NATO) quite soon. In 2004 Slovenia entered into EU, and three years later (2007) to NATO, Eurozone and Schengen-zone. Many things in local life of both cities became (seems to be so) closer, and some comments from this period assumed that “thy cities can be united functionally soon”. This last really never happened due to many differences in public administration, education system, system of planning, city management and governing the communal infrastructure. Today, both cities communicate well and have various forms of cross border cooperation’s, projects etc.

Sežana was still in 1960 a village in Kras region. By creating large municipalities (administrative reform of 1958) has become one of the largest Slovenian municipalities. Industrialization was more modest than elsewhere. However, Sežana developed into a typical rural urban center almost next to the

border with Italy, close to the largest urban core in the region, in Trieste. After Ossimo Agreements (1975 and 1976) has established a vibrant transboundary transport. Transportation options at highway corridor have become the main force behind the development site. Thus is still today.

Along Slovene-Austrian border only one (Gornja Radgona) is located directly at the border; all another are distanced several kilometres. But this one is practically the only with direct cross border impacts. The city took place of the local or small regional centre after the delimitation in 1920 (St. Germain Treaty). There was just a political vision to create a local centre instead of “older” Radgona (now Bad Radkersburg) which remain in Austria. There were barely any changes until the mid-1960s. The city developed by the substantial industrialization. It has developed a completely adequate local infrastructure. Today it represent the small-sized regional center with some industrial enterprises and services for predominantly hilly agrarian hinterland, well known by wine yards and fruit-production. Oppositely, the Austrian Bad Radkersburg (with well preserved medieval city walls and architecture from 19th century in older part of the city) has only the local importance, too. The city became known by its spa. Similarly, in Radenci, small town nearby Gornja Radgona, tourism has more than 100-years-old tradition, thanks to famous mineral water springs and sources. The cross border cooperation between two small border cities has an extended list of wishes and plans, but only some symbolic common tourist roads have been really installed. About common inter-city communal network were never discussed.

All another border cities along Slovene-Austrian border were industrially oriented and – more or less – self-sufficient. Cross border connections has been developed additionally and relatively modest-sized. Jesenice (around 13.000 residents), located in western border section, represent a typical industrial town. The iron- and steel- production has deep historical roots and a long tradition (since 18th century) and has never been developed as a really regional center, even though the city took some regional functions occasionally (secondary schools, regional hospital). The border position was important; the railway and in 1990s the highway border crossing certainly put some regional marks to the scene. During the industrial era the city came to his culmination in size and importance. Still in late 1980s the city alone has more than 20.000 inhabitants. During transition period the population decreased due to reduction of steel-mill. It still works with several hundreds of employees (in his “golden” period the factory offered around 6,000 jobs!) (Zupančič, 1998). Tržič, located at the southern piedmont of Karavanke-Kamniške Alps, has industrial roots to (mainly textile- and shoes production). The industry is reduced to minimum and the economic base depends on small enterprises and shops only. The population decreased from close to 7.000 (1991) to less than 4,000 (2014) (Zupančič, 2015). Also a third border city – Prevalje and Ravne (the cities are very close together, practically united, together around 13,000 residents) in the central sector of Slovene-Austrian border area, have a common industrial and mining tradition. Together with some industrial plants and mines (they are out of mine production for more than two decades!) in the mountain

surrounding areas in Mežica valley (Črna, Žerjav, Mežica) known by lead-mines and metallurgy. The industry was probably the only developmental factor for decades in the near past. The industrial production is now strongly reduced and many industrial plants have been closed or even removed. Seeking for new opportunities many people found jobs in Austria (Zupančič, 2002). The cross border communication is relatively strong also thanks to human factor: strong Slovene minority in Austria. Dravograd is a small local center in Drava valley.

Almost exactly half of Slovenian border is with Croatia. The border cities have here another position due to different political history. Both countries were a part of former Yugoslav federation as separate republics. The border cities developed through industrial socialist era similar as communal centers explained before. The industrial plants in the cities like Ormož (sugar factory), Lendava (petrochemical enterprise), Rogatec and Rogaška Slatina (glass factory) or textile production in Metlika). These enterprises attracts the workers from neighbor Croatia once and now. The cross border employment served the local needs, despite the reduction of industrial plants. The cross border cooperation is relatively modest due to the periphery of these border areas.

Conclusion

Slovenian borderlands reflects the long and rich history, where the dominant factors influenced from their centres: Austrian, Venetian, later Italian, Hungarian (and strong Russian-soviet influence during socialist period, either) and, of course, the Yugoslavian. The minorities settled there have been important “inner” factor: sometimes understood as “bridge-maker” and quickly thereafter a non-wish able menace. But they survived. The borders were places of contact and confrontation, memories, demonstration of power and violence still some decades ago, became then a good reasons for cooperation and stimulated by new European friendship-spirit, a real cross border co-operators. The cities grown beside the border, despite it and against it. Now, they are close to some common spatial decisions, but still far away from common management. They remain spaces of double-interests: inner (or local) and central – ones.

Slovenian borderlands are quite different in this regard. Their geographical position, tradition of crossborder cooperation and even the bilateral relations between neighbour countries differentiates the regional structures in general. The slovene-italian border developed, thanks to some regulations in border regime already during 1970s, the cooperative type of border. The same was principally in the northern sector too, but the mountainous region gave lesser opportunities for crossborder cooperation. The situation along slovene-austrian border was comparable, incalculating here the predominant montaneous landscape in the west and pretty lower in the east. The hungarian-slovenian border remain closed until the break of socialist regime. Despite many changes, there are many spatial consequences in the region. The croatian-slovenian borderland is a special case: it

was under common political unit for a long time and represent a young, developing type of borderland.

Last, but not least: are specific principles for spatial planning meaningful for the sensible border cities?

Border cities have emerged from the tradition of self-sufficiency and faces nowadays competition from cities in neighboring countries. Especially in areas with pronounced structural asymmetry of border areas (these are: area of Trieste in Italy vs. the Sežana with Kras region in Slovenia, the Zagreb agglomeration vs. Brežice and Krško as well as Varaždin region (both with Zagreb in Croatia) vs. border areas near Ormož and Lendava on the east) must be calculated on the gravitational strength of neighboring urban centers. This gives residents of the Slovenian border areas some benefits and usable opportunities (jobs, better supply), but also creates regional competition. Structural adjustments and integration of local centers with the goal of providing adequate services are just as of the same importance as taking care and improving of cross-border cooperation. This strengthens the supply and economic efficiency of the border (which are mostly peripheral) areas. Beside some weaknesses, Slovenia has a good experiences with cross border communication and collaboration on many fields. Deperipherization is a strategic objective of spatial and economic development and the border cities are probably the best places to do it.

References

1. Bufon, Milan 2004. Slovenia as a european contact area, in: Slovenia: a geographic overview, ZRC Založba, Ljubljana, 21-26.
2. Bufon, M. (ed.) 2008. Na obrobju ali v ospredju? Slovenska obmejna območja pred izzivi evropskega povezovanja, Založba Annales, Koper.
3. Bufon, M., Minghi, J.V., Paassi, A. (eds.) 2014. The new european frontiers: social and spatial (re)integration issues in multicultural and border regions. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne.
4. Celar, Branko, 2002. Slovenija in njene meje, Visoka policijsko-varnostna šola, Ljubljana.
5. Klemenčič, V., 1987. Državna meja na območju SR Slovenije in obmejna območja kot geografski fenomen, Razprave in gradivo / Treatises and documents, vol. 20, year 1987, Insitute for ethnic studies, Ljubljana, 57-81.
6. Klemenčič, M., Zupančič, J. 2016. Ethnic, historical and geopolitical dimensions. V: ADAM, Frane (ur.). Slovenia : social, economic and environmental issues, (European political, economic, and security issues). New York: Nova Science, cop. 2017, str. 3-23.
7. Kristen, S., 2006. Meje in misije. Dileme slovensko-hrvaške razmejitve v Istri v vojaškem, političnem, diplomatskem in obveščevalnem primežu II. svetovne vojne, Založba 2000, Ljubljana, 404p.
8. National Atlas of Slovenia, 2001, Rokus Publishing House, Ljubljana.

9. Zajc, Marko, 2006. Kje se slovensko neha in hrvaško začne. Slovensko-hrvaška meja v 19. in na začetku 20. stoletja, Modrijan, Ljubljana.
10. Zgodovina Slovencev, 1979, Cankarjeva založba, Ljubljana.
11. Zupančič, J., 1998. Slovene border cities along the Slovene-Austrian border. A New Geopolitical and Spatial situation. In: Heffner, K., Klemenčič, V. (eds.) Small european regions during transition period : settlement systems. Opole: Silesian Institute in Opole, p.81-87.
12. Zupančič, Jernej 1999: Slovenci v Avstriji / Slovenes in Austria, Geographica Slovenica 32, Institute of Geography, Ljubljana, 246 p.
13. Zupančič, J., 2002. Grenzüberschreitende Pendelwanderung aus Slowenien nach Österreich und Italien. Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft, , jg. 144, 145-157.
14. Zupančič, J., 2004. Ethnic structure of Slovenia and Slovenes in neighbouring countries, In: Slovenia: a geographic overview, ZRC Založba, Ljubljana, 87-92.
15. Zupančič, J. 2005. Vloga in pomen narodnih manjšin v čezmejnem sodelovanju. Primer manjšin v Sloveniji in Slovencev v sosednjih državah. Razprave in gradivo / Treatises and documents, Vol. 47, p. 26-41.
16. Zupančič, Jernej, 2008. Značaj in funkcije političnih meja v Evropi. Ars & humanitas, vol. 2, nr. 1, 82-96.
17. Zupančič, Jernej, Pipan, Primož, 2012. Slovensko morje in obala : Severni Jadran v geopolitični perspektivi ter problemi razmejevanja med Italijo, Slovenijo in Hrvaško. V: Ogrin, D., (ed.) Geografija stika Slovenske Istre in Tržaškega zaliva, (GeograFF, 12), Ljubljana, Znanstvena založba Filozofske fakultete, 13-35.
18. Zupančič, J. 2015. Disputed and transformed: recent changes in the Slovenian-Croatian border landscape. In: Sobczyński, M. (ed.). Geographical-political aspects of the transborder conservation of natural and cultural heritage : borderlands and contemporary changes of the politics in border regions, (Region and regionalism, no. 12, vol. 1). Łódź: University of Łódź, Department of Political Geography and Regional Studies; Opole: Governmental Research Institute, Silesian Institute, p. 151-159.
19. Zupančič, J. 2017. Border-landscape changes. The case of Slovenia, In: Jordan, P. (ed.) 10 years of EU eastern enlargement. The Geographical Balance of the Symposium in Vienna, 2-4 December 2014, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, p.469-480.

GEOPOLITICAL PROCESSES IN SIBERIA: PROBLEMS, CONCEPTION, ESTIMATIONS

Annotation. The article gives the represent of Russian geopolitical and geoeconomical researches and Irkutsk science school of political geography. It emphasizes the general issues researched in Russian geopolitics. Especial attention is paid to geopolitical and geoeconomical conceptions and strategies of development. It is emphasized among them three general vectors of development in Siberia (industrial vector, non-industrial and non-developing) and 5 sub-vectors (raw material export, manufacturing, transport corridor, touristic and non-development. For analyzing these conceptions author worked out quantitative method of estimation of geopolitical position of a subject looked as ratio of geopolitical strength of the subject to geopolitical strength of outward subjects considering influence of every subject and level of political relation. An estimation of profitable of geopolitical and geoeconomical conceptions for a subject have to described on prognosis of changing parameters of geopolitical position of outward subjects. The analysis of estimation shows the most advantageous conceptions are industrial-oriented such as Trans-Eurasian Project “RAZVITIE” and conception of intercontinental development. At the opposite conceptions of compression the space takes damage how Siberia and whole Russia.

Keywords: geopolitical position, geoeconomical position, quantitative methods on geography, Siberian science, shift to the east, limnology, Siberia, Russia, RAZVITIE, Asian superring, diversification of oil flows,

Geopolitics as a geographical science branch in Russia develops due to president of Russian Geographical Society S.B. Lavrov in the 90s. He published several articles in 1993-2000, where substantiated actuality of geopolitics and it was put on geographical rails (Lavrov, 1993, 1997). Then geopolitical publications was written by many Russian geographers, such as T.I. Pototskaya (1997), V.A. Kolosov and R.F. Turovskiy (2000), B.M. Ishmuratov (2003), T.P. Gerasimenko (2005), A.I. Treivish (2005), Y.N. Gladkiy (2006), P.Y. Baklanov and M.T. Romanov (2009), A.G. Druzhinin (2009), S.B. Pisarenko (2014), A.B. Elatskov (2017), and the others. In the end of 90s and the beginning of 2000s there was started Russian scientific school of geoeconomics, that is related geopolitics. It's such works as by N.V. Alisov (1999), M.G. Nikitina (2002), D.N. Zamyatin (2007), L.A. Bezrukov (2008), A.F. Nikolskiy (2012), S.S. Lachininskiy and I.V. Semenova (2015), and the others.

In Irkutsk in institute of Geography V.B. Sochava there is incipient school of political geography and geopolitics. Y.N. Mihailov took an attention on disparity of real and desired role of Siberia in international division of labor (Mikhailov, 2002). B.M. Ishmuratov revealed conceptions of development of Siberia according to supposing geopolitical role and criticized it through geographical argumentation

(Ishmuratov, 2003). L.A. Bezrukov proves that Siberia has an exclusive geographical (and geopolitical) possession concludes in the most remoteness from world marine trade ways. And its possession influences on freeness of base market principles through the transport costs (Bezrukov, 2008). A.F. Nikolskiy argued necessity returning to soviet industrial development theory for Siberia (Nikolskii, 2012). The author continues the tradition of “geographisation” geopolitics.

Geopolitics for Siberia first of all is issue of position in the world economic area. Siberia saves from war conflicts more than one hundred years. There weren't ethnic problems despite the ethnic diversity, nor in the times of join to Russian Empire, nor in the world parade of sovereignties and age of self-determination of nations, nor the vague 1990s for Russia and the collapse of the Soviet Union. Geopolitical researches in Siberia connected with three main problems:

- Demographical pressure of overcrowding North China to fair-crowding underborder regions of Siberia and Far East.
- Fair exploration and transport connectivity of Siberian territories.
- Prevailing role of Siberia as a raw material supplier in international division of labor

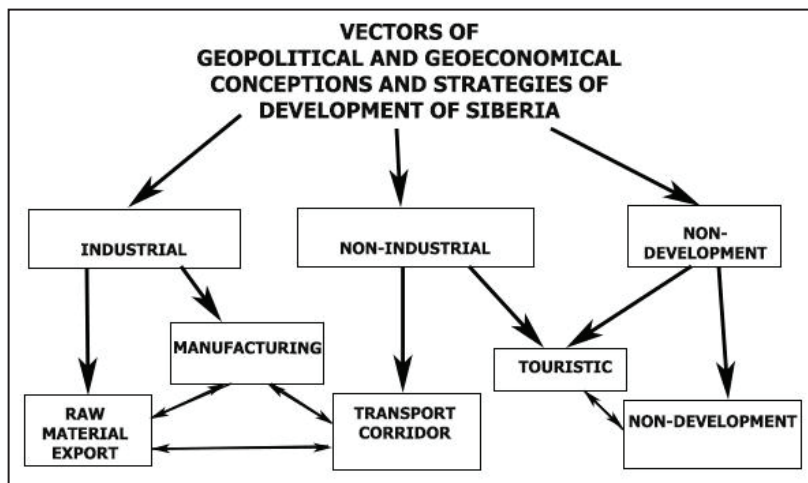
From these three main issues is flow out the next problems of economic (fair development of private management, total dependence on subsidies of all-level budgets), social (archaism of mode of life in remote places, low standart of siberian's living), demographical (migration flow to european part of Russia), transport (fair transitivity for transcontinental cargo) and the others.

Several members of Russian power and science consider Siberia as a lagging periphery which is overburden for Russian economy. Towards this, Siberian richness of natural resources keeps envy of world powers to buy Siberia and turn into international property. Seeing wide and at times diametrically opposite opinions spread, these conceptual constructions must being critically analyzed by politic and economic geographical positions. The aim of my works is elaboration of estimation methods of geopolitical and geoeconomical conceptions of development and positioning Siberia (understood as Asian part of Russia).

At the first we'll conduct a review of main vectors of geopolitical and geoeconomical conceptions and development strategies for Siberia on the post-soviet period as the most actual today. It's emphasized three general vectors: industrial, non-industrial and non-developing – of which more divided on 5 sub-vectors (pic. 1).

Industrial vector is a sum of conceptions where Siberia supposed as a manufacturer of goods in international division of labor. Among its there is two sub-vectors – raw material exporting and manufacturing. The first is conceptions where the main export product is natural recourses or primary treatment products (in the fact it repeats the present situation), and the second is conceptions there the world specialization of region is some high level treatment produce.

Pic.1 Scheme of main vectors of geopolitical and geoeconomical conceptions and strategies of development of Siberia

In non-industrial vector it is suggested to develop services sector of the economy as a world specialization. Here also two sub-vectors are showing up. Group “transport corridor” is conceptions where Siberia performs role of a transit region uniting Europe and Asia. Touristic sub-vector includes the conceptions where Siberia represents a one of the important recreation region free of pollution.

The last vector is non-developing which based on the consideration unprofitability to economy activity or reserving natural resources in reasons of future growth of value because of exhaustion the biggest active world resource deposits.

It should be noted the conceptions, programs, strategies of development combines often several mentioned interrelated vectors. So programs by raw materials export vector can be correlated with transport corridor vector and on the other side conception of non-development contains features of touristic vector etc. Similar interrelations marked as double arrows in the picture.

For an example let’s select the most typical and influential conceptions for every category.

- Conception of diversification of oil flows by S.Vainshtok (raw material export vector). It’s reveal redirect some oil and gas export from European to Asian route and build magisterial pipelines in Siberia. (Baikal..., Stroitelstvo...)

- “Asian superring” (raw material export vector and manufacturing vector) is project of integration and unification energy systems of Russia, China, Japan and Resp. Korea and function of Siberia in this union is the main producer of energy by hydro-electric stations. (Sibirskaja...)

- Trans-Eurasian Project “RAZVITIE” (manufacturing vector and transport corridor vector) based on idea of building two bearing high-speed railway

magistrals (Trans-Siberian and magistral China-America through the tunnel under Bering strait) and creating on this base science-towns nets and modern industry. (Yakunin 2012, 2014)

- Governmental strategies of development Siberia and Far East (raw material export vector and manufacturing vector) stays on principles of free market and moderate developing. It consists of projects exploitation of new natural resource reserves, building new transport ways for this and restructure existing industries. (Strategiia..., Federalnaia...)

- Conception of innercontinental development (manufacturing vector) proposes to help high-value product industries on the theory of territorial-industrial complexes, and priority directions of export should be nearest neighbours. (Bezrukov, 2008)

- "The North Hoop" (transport corridor vector) assumes reanimating the idea of North Marine Way as a Suez Canal marine way rival. (Moiseev, 1993, 1999)

- "The great sneakers way" (transport corridor vector) assumes building highway road through Siberia from China to East Europe and support service its private businesses. (Rozov, 1998)

- Ecological conception of B. Rodoman (touristic vector) defense the mention of transformation Siberia to the main recreation region and zone of ecological tourism. (Rodoman, 2006)

- Compression the space (non-developing vector) is the conception of reduction the active economy zones for intensification in the most perspective south territories. (Pivovarov, 2002)

- Reservation the space (non-developing vector) is project of reserving natural resources in reasons of future growth of value because of exhaustion the biggest active world resource deposits (Shchedrovitskii...)

Modern development in Siberia is efficiency going on three scenarios: diversification of oil flows, compression the space and, sure, on the governmental strategies.

B.M. Ishmuratov refers a conception (or hypothesis or future supposition) is an attempt to formulate a desired politic strategy which can be able to realize it or it can be constructive version of national idea based on wide world outlook foundation, consciousness of society or some its segments. Conceptions can be expounded in governmental programs, science works, mass media articles etc. (Ishmuratov, 2003)

For an estimation of geopolitical and geoeconomical conceptions it would be needed to introduce an estimation geopolitical position of territory as a special geographical category. Geopolitical position is a relation of a place, city, region or country to different outer givennesses to have a geopolitical significance considering their political orientation. These givennesses includes on the author's view geopolitical subjects with their geographical, political, economic, demographic, military features what faces a power, strength and might of a subject on the global world map.

Geopolitical position is metered by degree of advantage. What are characteristic would be had territory with advantageous geopolitical position? The simple example of these territories is the giant countries USA, Russia and China, little country Singapore, island country the Great Britain and the others. If these examples of advantageous geopolitical position are generally recognized, can we find examples of territories with disadvantageous geopolitical position? It can be Israel, because almost all perimeter of political borders is military dangerous, but Israel at most of conflicts is to be an aggressor (in example, towards Syria, occupied Golan heights). We can say that Armenia is a country with disadvantageous geopolitical position, because it haven't access to the sea and surrounded by three opposed state, but almost all borders lies on the ridges that is well-defensive natural barriers. As well it can be Cuba, placed in the island not just 180 kilometers away the coast of the one of powerful state on the world USA what did an unfriendly acts to Cuba at the last time such as embargo. But if the embargo will be lifted, this circumstance would be turned into great advantage, which makes open the one of the biggest market on the world for Cuban goods. Thereby geopolitical position looked as non-uniform and there is no universal criterion for its estimation. All that can be helpful to defense the territory would be obstacle to expansion or economic interaction with neighbours. That means it's needed to divide geopolitical position in conformity with aims of the subject's policy: expansion, defense and economic development. According to this aims we can name the next three type of geopolitical position:

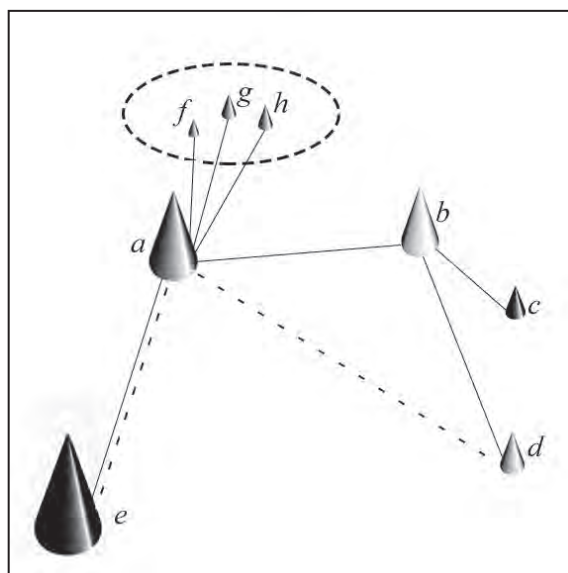
- Active geopolitical position as a sum of geopolitical factors to expansion and widening zones of influence
- Passive geopolitical position as a sum of geopolitical factors for defense the territory
- Geoeconomical position as a sum of geopolitical factors for economic development of subject

Three types of geopolitical position fit into the logic of world-system analysis of I. Wallerstein. Active and passive geopolitical position is an attribute of world-empires and geoeconomical position is an attribute of world-economies. If we imagines the present international relations as a world-economy that geopolitical position equals geoeconomical one.

Basing on the works of leading Russian political geographers V.A. Kolosov (2000), Y.N. Gladkiy (2006), P.Y. Baklanov and M.T. Romanov (2009), A.B. Elatskov (2017), T.I. Gerasimenko, (2015) we built a formula showing degree of advantage of geopolitical position of a subjects. It is determined ratio geopolitical strength of a subject a to sum geopolitical strengths of outward subjects (b, c, d, e, f, g, h), where strength of every outward subject has a coefficient of degree of influence on the subject a and the level of bilateral political relations (see pic.2).

Pic. 2. Abstractive model of geopolitical relations within subjects

$$GPP = \frac{GS_a}{\sum_{i=b,c,d,e,f,g,h} GS_i \times IN_i^a \times PR_i^a} \quad (1),$$

GP – geopolitical strength of a subject expressed in inner geographical, economical and demographical parameters of a subject. It is shown by size of cone. There are synonymic terms that are geopolitical status and complex power, but this is not a geopolitical potential what have to include realized and unrealized parts. Strength is only realized part of geopolitical potential.

IN – influence of some subject on the subject *a*. It includes dividing degree of borders between two subjects, spatial gravity of economy and population, geographical remoteness. Influence of sea neighbours on the one side and land neighbours are different in fact and it will be needed to distinguish sea influence (shown in the pic by solid lines) and land influence (shown by dotted line). In example, influence of group of subjects *fgh* on the subject *a* stronger, than influence of subjects *b* and *e*. In the fact it's applying of Tobler's first law of geography that is "everything is related to everything else, but near things are more related than distant things." (Tobler, 1970). In the other author's publications it is expanded in detail. (Fartyshev 2016a, 2016b, 2016c)

PR – level of bilateral political relation on the scale "friendly-hostility". It is shown by color of cone. In example, dark color of cones *c* and *e* means hostility and light color of *b* and *d* means friendship and *b* more friendly, than *d*. We have taken on the base the modifying scale of Wolfers (Wolfers, 1962).

Advantageous geopolitical position (in logic of world-economy) is situation where maximum *IN* has subjects with more *GS* and friendly *PR*, but minimum *IN*

has subjects with a few *GS* and/or hostile *PR*. This theoretical construction gives an opportunity of quantitative estimation of geopolitical position and it changes in consequence of realization of geopolitical and geoeconomical conceptions and strategies of development of regions.

The estimation of geopolitical and geoeconomical conceptions and strategies of development of Siberia is built on the prognosis of changes of every parameter of geopolitical position (*GS*, *IN*, *PS*) the most significant outward subject till supposed realization the same conception. For Siberia (understood as Asian part of Russia).emphasized the next most significant outward subject: the world geopolitical powers - USA, EU and China; first order neighbours – European part of Russia, Kazakhstan, Mongolia, North Korea; no more 1000 km sea remoteness states – Japan, South Korea. The table 1 shows expected change of every parameter for Siberia. Rise the parameter noted by plus and fall the same marked by minus. Rising *IN* of the subject occurs in the case of changing of transparency of political borders, visa and custom facilitation or drifting demoeconomical center of the subject to the same center of considered subject. Rising of *PR* means changing bilateral political relations on the scale “friendly-hostility” to the stable-friendly status. Rising *GS* of the subject is to be in case of significant increase of economic, demographical and military attributes of the subject. (see table 1)

For example of conception of diversification of oil flows let is analyze estimated marks in detail. It is assumed to build east-oriented pipelines through the territory of Siberia and mining new oil and gas fields that will give an impulse for local economy and will increase the flow of population to Siberia on account of creating high-salary jobs. That’s raise *GS* of Siberia. S.M.Vainshtok the author of this conception claims the European states are overfeed by cheap Russian oil and Asian-Pacific Region is potential alternative big sales market for the main export product of Russia a counterweight Europa. At the first sight it means damage for *GS* of European Union and *PR* of Russia-EU, but on the other sight it doesn’t expect to reduce export of oil products to the West. Therefore turn to the East can bring political image changes for the worse because of possible inability to control the taxes on the Russian oil. *GS* of European part of Russia will be raise according to rising income of main performer companies based at most in Moscow and Saint-Petersburg (“Transneft”, “Gasprom”, “NK Rosneft”, etc.). The conception attacks the attention two big neighbours of Siberia: Mongolia and Kazakhstan, and its parameters will be not change. Countries of East Asia (China, South Korea, Japan) pursuant to the conception will raise *GS* and *PR* because it is an aim of export of oil. In a less degree it is fit for North Korea, which doesn’t the main commercial partner but can get a profit too through owing to nearness and transit position to South Korea. Geographical convergence doesn’t evidence here and parameter *IN* for these subjects will be not change. USA isn’t being considering, but rising Russian trading in the Asian market will be perceived as a rival and it can decline Russian-USA *PR*.

The something data of the table 1 are disputing, but now we can say the general trends. At the most conceptions oriented to interrelation with China. The most pluses are marked Trans-Eurasian Project “RAZVITIE” that means the better conception for realization in Siberia. The worst conceptions in order to geopolitical position are “compression the space” and “reservation the space”.

This estimation is not an all-sufficient. Realizing of conceptions depends on at least two unconsidering problems in the upper described methods: how geographic species of Siberia can obstruct to realize this and is there local, governmental or international interest for this or that positioning of Siberia?

Conclusion

Modern geopolitical and geoeconomical conceptions and strategies of development of Siberia have significant differentiation. It is emphasized among them three general vectors (industrial vector, non-industrial and non-developing) and 5 sub-vectors (raw material export, manufacturing, transport corridor, touristic and non-development. Someconceptions can combine features of several vectors.

Geopolitical position as a geographic category can be a quantitative and looked as ratio of geopolitical strength of the subject to geopolitical strength of outward subjects considering influence of every subject and level of political relation. Geopolitical position depend on aims of subject's policy and it is emphasized three types: passive geopolitical position, active geopolitical position and geoeconomical position. Applying world system analysis at the present situation geoeconomical position has the most significance and equals geopolitical position.

An estimation of profitable of geopolitical and geoeconomical conceptions for a subject have to described on prognosis of changing parameters of geopolitical position of outward subjects (geopolitical strength, geographical influence and political relations). The analysis of estimation shows the most advantageous conceptions are industrial-oriented such as Trans-Eurasian Project “RAZVITIE” and conception of innercontinental development. At the opposite conceptions of compression the space takes damage how Siberia and whole Russia. It reveals disparity with modern development vector of Siberia and the most beneficial conceptions.

Table 1: The estimation of changes of geopolitical position of Siberia in relation with realization of geopolitical and geoeconomical conceptions and strategies of development

	Siberia			The EU			European part of Russia			Kazakhstan			Mongolia			China			North Korea			South Korea			Japan			USA			total
	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR	GS	IN	PR				
Diversification if oil flows	+		-		+											+		+				+		+				-	7		
Asian surerring			-													+		+				+		+					7		
RAZVITIE	+	+	+		+												+	+		+		+		+		+	-	20			
Governmental strategies	+		-		+											+	+	+		+			+			-		10			
Innercontinental development	+		-		+											+	+	+									-	10			
The North hoop	+		+															+					+						6		
The great sneakers way	+	+	+		+												+	+		+			+		+				11		
Ecological conception	-		+		-												-	+					+			-		-3			
Compression the space	-		+		+												-			-					+			-5			
Reservation the space		-			+																		-						-3		

References

1. Alisov N.V. (1999) Tseli, zavachi, problem geografiimirovogokhoziaistva [Goals, objectives, problems of geography of world economy]. In *VestnikMoskovskogoUniversiteta. Serii 5: Geografiia [Herald of Moscow State University. Series 5: Geography]*. 2, 3-8
2. Baikal poka spoken [Baikal yet is calm] (2006). In *Rossiyskayagazeta [Russian newspaper]*. Available at:<http://rg.ru/2006/02/09/vainstok.html> (accessed 22 June 2016)
3. Baklanov P.Ia., Romanov M.T. (2009). Ekonomiko-geograficheskoeopolozhenieiegeopoliticheskoeopolozhenieTikhookeanskoiRossii [Economic-geographical position and geopolitical position of Pacific Russia]. Vladivostok, Dalnauka, 168 p.
4. Bezrukov L.A. (2008). Kontinentalno-okeanicheskaiadikhotomiia v mezhdunarodnom I regoinalnomrazvitii [Continental-oceanic dichotomy in international and regional development]. Novosibirsk, Geo, 369 p.
5. Druzhinin A.G. (2009) GlobalnoepozitsionirovanieIugaRossii: factory, osobennosti, strategii [Global positioning of South Russia: factors, features, strategies]. Rostov-on-Don, South Federal University, 288 p.
6. Elatskov A.B. (2017). Obshayageopolitika: voprosyteoriiimetodologii v geograficheskoyinterpretatsii [General Geopolitics: Theoretical and Methodological Issues in Geographical Interpretation]. Moscow, Infra-R, 250 p.
7. Fartyshev A.N. (2016a) Stepen' estestvennykhgranitskakgeopoliticheskaiakategoria [Degree of Naturality of Political Borders as a Geopolitical Category] In *IzvestiyaIrkutskogogosudarstvennogouniversiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie» [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»]*. 1 (17), 33-42.
8. Fartyshev A.N. (2016b) Metodraschetastepeniprozrachnostipoliticheskikhgranitskakgeopoliticheskaiakategorii [Mathematical method of calculating political borders transparency as a geopolitical category]. In *Geograficheskii vestnik [Geographical Herald]*. 2 (37), 29-39.
9. Fartyshev A.N. (2016c) Udalennost' demograficheskikhiekonomikikhtsentrovotsosedekakriteriiikhgeopoliticheskogopolozheniia (naprimereRossii I Sibiri) [Remoteness of demographical and economical centers to neighbours as criteria of its geopolitical position in example of Russia and Siberia]. In *internet-zhurnal "Naukovedenie" [Internet-journal "Naukovedenie"]*. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/80EVN516.pdf> (9 March 2017)
10. Federalnaiatslevaiaprogramma "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiieDal'nego VostokaiBaikalskogoregiona do 2025 goda"

- [Federal target program "Social-economic development of Far East and Baikal region]. Available at:
<http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/75a/DVBR2025.pdf> (9 March 2017)
11. Gladkiy Iu.N. (2006). Rossiya v labirintakh geograficheskoy sud'by [Russia in labyrinths of geographical fate]. Saint-Petersburg, Iuridicheskiy centr press, 846 p.
  12. Gerasimenko T.I. (2005) Problemy entokulturnogo razvitiya i transgranichnykh regionov [Problems of ethnic-cultural development of trans-border regions]. Saint Petersburg, 235 p.
  13. Gerasimenko T.I., Semenov E.A. (2015). Ekonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozhenie kak integralnaya prostranstvennaya kategoriya [Economic-geographical and geopolitical position as an integral spatial category]. In *Vestnik Orenbergskego gosudarstvennogo universiteta [Herald of Orenburg State University]*. 1, 156-161.
  14. Ishmuratov B.M. (2003) Sibir' v rossiiskoy mirovoy perspektive [Siberia in Russian and world outlook]. Irkutsk, Ottisk, 172 p.
  15. Kolosov V.A. (2000) Geopoliticheskoe polozhenie Rossii: predstavleniya i realnost' [Geopolitical position of Russia: images and reality]. Moscow, Art-Kurier, 352 p.
  16. Kolosov V.A., Turovskiy R.F. (2000) Geopoliticheskoe polozhenie Rossii na poroge XXI veka: realii i perspektivy [Geopolitical position Of Russia on the verge of the XX century: realities and prospects] In *Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies]*. 3, 40-60.
  17. Kolosov V.A. Mironenko N.S. (2001). Geopolitika i politicheskaya geografiya [Geopolitics and politic geography]. Moscow, Aspekt-press, 479 p.
  18. Lachininskiy S.S. Semenova I.V. (2015) Sankt-Peterburgskiy primorskiy region: geoekonomicheskaya transformatsiya territorii [The St. Petersburg seaside region: geoeconomic transformation of the territories] Saint Petersburg, Lema, 191 p.
  19. Lavrov S.B. (1993). Geopolitika: vozrozhdenie zapretnogo napravleniya [Geopolitics: reborn of forbidden science] In *Izvestiya Rossiyskogo Geograficheskogo Obshchestva [The Bulletin of Russian Geographical Society]*. 4.
  20. Lavrov S.B. (1997) Geopoliticheskoe prostranstvo Rossii: mify i realnost' [Geopolitical space of Russia: myths and reality]. In *Izvestiya Rossiyskogo Geograficheskogo Obshchestva [The Bulletin of Russian Geographical Society]*. 3.
  21. Mikhailov Iu.P. (2002) Geopolitika v geograficheskoy osveshchenii i ee prilozhenie k resheniyu sotsial'no-ekonomicheskikh problem Aziatskoy Rossii [Geopolitics in geographical coverage and its application of decision social-economic problems of Asian Russia]. In *Geografiya i prirodnyye resursy [Geography and natural resources]*. 2, 5-13.

22. Moiseev N.N. (1993) Sumerki Rossii: rassvetilizakat? Rossiianapereput'e [Dusk of Russia: dawn or sunset? Russia on the crossroad]. In *Polis. Politicheskoe issledovanie* [Polis. Political Studies]. 1, 7-16.
23. Moiseev N.N. (1999) Proekt "Russkiy Poliarniy put'" [Project "Russian Polar Way"] In *Neft' Rossii* [Oil of Russia]. 1, 53-55.
24. Nikitina M.G. (2002) Geoekonomika: Ocherki [Geoeconomics: essays]. Simferopol, Tavriia plus, 224 p.
25. Nikolskiy A.F. (2012) Teoriia ustoychivogo razvitiia i voprosy globalnoi i natsionalnoi bezopasnosti (nachal teorii sovremennogo socializma) [Theory of sustainable development and issues of global national security (origins of modern socialism theory)]. Irkutsk, Sibirskaya kniga, 358 p.
26. Pisarenko S.B. (2014) Sibir' v zapadnykh geopoliticheskikh konstruktsiyakh XX veka [Siberia in the west geopolitical constructions]. Abstract of Ph.D. dissertation, geography. Saint Petersburg, 16 p.
27. Pivovarov Iu.L. (2002) Szhatie "ekonomicheskoy oikumeny" Rossii [Compressing "economic oecumene" of Russia]. In *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations]. 4, 63-69.
28. Pototskaya T.I. Geopoliticheskoe polozhenie Zapadnogo raiona Rossii (Bryanskaya i Smolenskaya oblasti). [Geopolitical position of West region of Russia (Bryansk and Smolensk)]. Abstract of Ph.D. dissertation, geography. Moscow, 16 p.
29. Rodoman B.B. (2006) Ekologicheskaya spetsializatsiya Rossii v globalizuiushchemsya mire [Ecological specialization of Russia in globalizing world]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2, 78-88.
30. Rozov N.S. (1998) Rossiia i Sibir' v geoprostranstve XXI veka: put' v propast' ili rastsvet [Siberia and geospace of XXI: way to the abyss or blossom]. In *Sibir' v geopoliticheskom prostranstve XXI veka. [Siberia in geopolitic space of XXI]*. Novosibirsk, Izdatelstvo instituta arkheologii i entografii SO RAN, 147-168.
31. Shchedrovitskiy P., Tupitsin A., Kniaginina V., Strategiya dlia Sibiri [The Strategy for Siberia]. Available at: <http://www.archipelag.ru/authors/knyginin/?library=1148> (27.01.2017).
32. Sibirskaya energetika: povorot na vostok [Siberian energetics: turn into East] (2015). In internet-newspaper "Newslab". Available at: <http://newslab.ru/article/640550> (22 June 2016).
33. Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri do 2020. [Strategy of social-economic development of Siberia till 2020]. Available at: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php> (18 June 2016)
34. Stroitelstvo nefteprovodana Baikale. Interv'yu S. Vainshtok na radio "Ekho Moskvyy" [Building the pipeline near Lake Baikal. Interview of S. Vainshtok on the radio "Echo of Moscow"] (2006) Available at: <http://echo.msk.ru/interview/43043/> (22 June 2016)

35. Tobler W., (1970) A computer movie simulating urban growth in the Detroit region. *Economic Geography*. 46(2), 234-240.
36. Treivish A.I. (2005) A New Russian Heartland: The Demographic and Economic Dimension *In Eurasian Geography and Economics*. 2, 123–156
37. Wallerstein, Immanuel (1992). The West, Capitalism, and the Modern World-System. *Review* 15 (4), 561-619.
38. Wolfers Arnold (1962), *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 283 p.
39. Yanunin V.I (2012) V budushchee Rossii – s vysokoiskorost'iu [To future of Russia – on the high speed] Moscow, Nauchnyy expert, 216 p.
40. Yakunin V.I. (2014) Integralniiproiectsolidarnogorazvitiiaevro-aziatskomkontinente [Integral project solidarity development in Euro-Asian continent]. *In VesntikRossiiskoiAkademiiNauk [Herald of the Russian Academy of Science]*. 8, 675-693.
41. Zamiatin D.N. (2001) Geopolitika: osnovnie problem iresul'tatyrazvitiia v 20 veke [Geopolitics: Major Problems and Results of Development in the 20th Century]. *In Polis. Politicheskiesledovaniia [Polis. PoliticalStudies]*. 6, 97-115.
42. Zamiatin D.N. (2007) Prostranstvokakobraz I tranzaktsiia: k stanovleniiugeoekonomiki [Expanse as Image and Transaction: to the Formation of Geonomics]. *In Polis. Politicheskiesledovaniia [Polis. PoliticalStudies]*. 1, 168-183.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЗАПАДНОЙ АЗИИ

S.A. Gorokhov, R.V. Dmitriev

RELIGIOUS FACTOR OF ESCALATION OF THE GEOPOLITICAL SITUATION IN WEST ASIA

Аннотация. В статье проанализирована роль религиозного фактора в формировании геополитической ситуации в Западной Азии, рассмотрены особенности развития конфессионального пространства субрегиона. Авторы приходят к заключению, что обострение геополитической ситуации в Западной Азии в значительной степени связано с деятельностью радикальных исламистских организаций. Изгнание исламистами немусульманского населения, уничтожение материальных свидетельств его существования выводят ситуацию в субрегионе на уровень глобальной геополитической проблемы.

Ключевые слова: Западная Азия, конфессиональное геопространство, геополитическая ситуация, радикальные исламистские группировки.

Abstract. The article examines the role of the religious factor in formation the geopolitical situation in West Asia and the peculiarities of the development of the subregionconfessional space. The authors havecome to the conclusion that escalation of the geopolitical situation in West Asiais significantly associated with activities of Islamist organizations. The expulsion of non-Muslim population, destruction of material evidence of non-Muslim existence by Islamists raises the situation in the subregion at the level of global geopolitical problem.

Key words: West Asia, confessional geospace, geopolitical situation, radical Islamic groups.

Для Западной Азии¹ всегда была характерна острая конкуренция между различными религиозными общинами за адептов, контроль над сакральными центрами, политическое и экономическое влияние в регионе; его история изобилует фактами возникновения различных религий, сект и духовных учений, в результате которых конфессиональное пространство субрегиона не раз существенно изменялось. Именно здесь, на относительно небольшой по площади территории, зародились три авраамические религии (иудаизм, христианство и ислам), которые сыграли огромную роль в судьбе всего

---

¹ В состав субрегиона Западная Азия входят 20 государств: Армения, Азербайджан, Бахрейн, Кипр, Грузия, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, ОАЭ, Йемен, Абхазия, Южная Осетия, а также Палестинские территории, включающие в себя Западный Берег и Сектор Газа.

человечества. К двум из этих религий – христианству и исламу – принадлежит теперь более половины населения мира. До настоящего времени Западная Азия – один из субрегионов мира с наиболее религиозным населением, во многих странах которого конфессиональная принадлежность продолжает играть ключевую роль в определении социального статуса человека, а религиозные противоречия имеют тенденцию к обострению.

Конфессиональное пространство Западной Азии на протяжении XX – начала XXI вв. характеризуется повышением уровня конфессиональной гомогенности населения вследствие нарастания количественного дисбаланса существующих здесь религий в пользу увеличения доли адептов ислама[1].

Ислам зародился на территории субрегиона – на Аравийском полуострове – в начале VII в. и в результате «сплошной» контактной диффузии уже к концу данного столетия распространился по всему субрегиону за исключением Малой Азии и Закавказья. Главным фактором распространения ислама в регионе можно считать политический, то есть мусульманство распространялось в результате успехов войск Арабского халифата, которые смогли завоевать к середине VIII в. фактически всю территорию Западной Азии. Позднее, к концу XI в., под властью мусульманских правителей оказалась и территория современной Турции (за исключением европейской части, которая стала мусульманской только после 1453 г.).

Завоевание арабами-мусульманами в большинстве случаев не сопровождалось насильственной исламизацией населения, и мусульманские правители, как правило, использовали для распространения своей религии экономические методы. В результате в Западной Азии, особенно в крупных городах, а также в труднодоступных горных районах сохранялись и процветали немусульманские общины. Важно и то, что три наиболее многочисленных в регионе религиозных меньшинства – христиане, иудаисты и зороастрийцы – имели, согласно мусульманскому праву, статус «*зимми*», или «людей договора» и пользовались покровительством мусульманских властей [2]. К началу XX в. на всей территории Западной Азии, кроме Кипра и стран Закавказья, ислам был официальной государственной религией; в то же время система *миллетов*, существовавшая в Османской империи, позволяла религиозным меньшинствам существовать на принципах автономии [3].

Таким образом, к началу XX в. в конфессиональном пространстве современной Западной Азии сумели сохраниться «следы» некогда процветавших здесь религий, а также адепты различных христианских и мусульманских сект, ныне представляющих собой немногочисленные и замкнутые этно-конфессиональные группы: езиды, мандеи, зороастрийцы, друзы, исмаилиты, марониты и др. Во второй половине прошлого века вследствие развития хозяйства стран региона (в основном, стран-экспортеров углеводородов Персидского залива) и вызванных им миграционных процессов в Западной Азии стали распространяться индуизм, буддизм,

китайская традиционная религия, которые появились вместе с мигрантами, прежде всего, из других субрегионов Азии [4].

В настоящее время подавляющее большинство населения субрегиона по-прежнему составляют приверженцы трех возникших здесь авраамических религий, однако соотношение между их адептами существенно изменилось (таблица).

Таблица: Динамика конфессиональной структуры населения Западной Азии, %

Религии	Доля жителей Западной Азии, %		
	1910 г.	1970 г.	2010 г.
Ислам	75,7	82,8	88,8
Христианство	22,9	7,2	5,7
Иудаизм	1,2	2,9	2,5
Индуизм	0,0	0,0	0,5
Буддизм	0,0	0,0	0,2
<i>Нерелигиозные</i>	<i>0,0</i>	<i>6,9</i>	<i>2,1</i>
Западная Азия	100,0	100,0	100,0

Рассчитано и составлено авторами по:[5; 6].

На протяжении всего XX в. в населении Западной Азии происходит увеличение доли мусульман и уменьшение доли адептов христианства. К 1910 г. мусульмане составляли более 75% ее населения, столетие спустя их «вес» вырос на 13 процентных пунктов, и ныне по доле мусульман в населении субрегион занимает одну из лидирующих позиции в мире, уступая по данному показателю лишь Северной Африке. Согласно прогнозам, доля мусульман в населении Западной Азии будет расти и в дальнейшем. К 2025 г. мусульмане будут составлять более 89% населения региона, а в 2050 г. их доля должна превысить 90%. Большинство (86-90%) мусульман региона относились к суннитской ветви ислама, однако в Ираке, Бахрейне и Азербайджане преобладали шииты, а в Омане – ибадиты; в Йемене и Ливане шииты составляли несколько менее половины мусульманского населения [7].

Среднегодовые темпы прироста численности христиан субрегиона (0,55%) в 1970-2010 гг. были почти в 4 раза ниже, чем у мусульман, а в последнее десятилетие они снизились еще больше (0,4%) и теперь отстают от соответствующего показателя адептов ислама почти в 5 раз[8]. Главными причинами снижения доли христиан в населении Западной Азии стали относительно низкий уровень естественного прироста, а также эмиграция. К 2050 г. доля христиан в населении Западной Азии уменьшится примерно в два раза и составит лишь около 3%.

В результате создания государства Израиль и активной миграции (алии) в него евреев со всего мира существенно возросла численность иудаистов, составлявших в начале прошлого века лишь немногим более 1% населения

Западной Азии, В результате к 1970 г. доля иудаистов в населении Западной Азии достигла своего исторического максимума – около 3%, а их численность увеличилась почти в 7 раз, однако фактически все они (около 99%) оказались сосредоточены в Израиле, где составляют сейчас более 70% населения. Однако отставание адептов иудаизма от мусульман по темпам рождаемости привело к уменьшению их доли в населении региона до 2,5% в 2010 г. По прогнозам, доля иудаистов в населении Западной Азии к 2050 г. будет составлять менее 2%.

Таким образом, понижающийся тренд характерен для динамики численности всех традиционных религиозных меньшинств региона, по крайней мере, на протяжении первой половины XXI в. Ныне адепты ислама доминируют в населении большинства стран региона, в то время как приверженцы других религий размещены преимущественно на его периферии.

Религиозный фактор часто обуславливал обострение геополитической ситуации в Западной Азии, приводя к конфликтам как регионального, так и глобального масштаба, которые, в свою очередь, вызывали разрушение экономики субрегиона, многомиллионные потоки беженцев, потерю культурных и исторических памятников. В регионе в 1915 г., впервые в современной истории, произошел факт геноцида – уничтожение армянской – христианской по вероисповеданию – общины в Турции, в результате которого в стране погибли, по разным данным, от 1,5 до 1,9 млн армян и значительное количество ассирийцев, также исповедовавших христианство; более 300 тыс. христиан бежали из страны [3]. В 1919-1922 гг. Турцию покинули еще около 1,5 млн православных понтийских греков, которые были вынуждены переселиться в Грецию, а на их место прибыли 370 тыс. турок-мусульман [9]. Таким образом, всего за несколько лет существовавшая в Турции на протяжении тысячелетий христианская община была насильственными методами превращена в незначительную по численности маргинальную группу.

В дальнейшем религиозно-общинные противоречия стали важнейшей причиной израильско-палестинского конфликта, гражданской войны в Ливане в 1975-1990 гг., военных действий в Ираке (с 2003 г.) и Сирии (с 2011 г.). Все эти конфликты привели к трансформации конфессионального пространства всего субрегиона и отдельных стран, в него входящих, приведя к уменьшению доли религиозных меньшинств (прежде всего, христиан) в населении Западной Азии. В ходе внутренних конфликтов или внешней агрессии в странах субрегиона межобщинные противоречия становятся ведущим фактором эскалации конфликта, при этом именно религиозные меньшинства оказываются в наиболее уязвимом положении, вынуждающем их покидать регион.

Западная Азия является одним из ключевых субрегионов мира благодаря крупнейшим в мире запасам нефти – важнейшего энергетического ресурса, выгодному географическому положению на перекрестке транспортных путей

в Западную Европу, Россию, Африку и Южную Азию, а также тому, что в регионе находятся важнейшие святыни христианства, ислама и иудаизма. Религиозный фактор исторически использовался различными державами для активизации их политики в Западной Азии. Так, крупные державы за пределами региона были связаны с различными этническими и конфессиональными группами в Западной Азии, отстаивая их интересы. Например, исторически защитником интересов католиков-униатов (прежде всего маронитов) в Ливане и Сирии выступала Франция; Великобритания поддерживала тесные связи с друзьями, а Россия была традиционным защитником православного населения и др.

Позднее, после Второй мировой войны, Западная Азия стала одной из главных мировых арен геополитического соперничества СССР и США, в котором страны Западной Европы играли роль «младшего партнера» американцев. При такой модели геополитического соперничества в регионе главными союзниками США выступали Израиль, традиционалистские режимы арабских государств (монархии Персидского залива, Иордания), а также Турция, входившая в НАТО. СССР опирался, в основном, на националистические светские режимы в Сирии и Ираке, а также поддерживал борьбу арабского народа Палестины за образование собственного государства. Именно США и их союзники стали впервые активно использовать исламистскую идеологию в своем геополитическом противостоянии с СССР, которому были ближе левые идеи светского арабского национализма.

После распада СССР и фактического «ухода» России из Западной Азии – США и страны Европы стали постепенно сокращать свое присутствие в субрегионе; в результате основными геополитическими игроками здесь стали уже «местные» региональные державы, такие как Саудовская Аравия, Иран и Турция, которые активно использовали в своем геополитическом соперничестве религиозный фактор, выражавшийся, прежде всего, в суннитско-шиитском соперничестве. Иран поддерживал шиитское религиозное меньшинство в регионе, добившись серьезных успехов в Ираке, Ливане, Сирии и отчасти в Йемене. Саудовская Аравия и примкнувший к ней Катар, в свою очередь, ориентировались на консервативные суннитские группы в субрегионе: их союзниками выступали, прежде всего, монархические режимы Западной Азии. Политическая элита Турции, выдвинув концепцию неоосманизма, стремилась восстановить своё утраченное в начале прошлого века политическое влияние в арабских странах, ранее входивших в состав Османской империи, опираясь на умеренные суннитские буржуазные круги и на этнически близкие ей туркоманские группы в Сирии и Ираке. В результате в субрегионе Ирану удалось сформировать «шиитский полумесяц», которому противостоит Саудовская Аравия и Турция, а также их союзники. Свои геополитические интересы в Западной Азии имеют также курды, ведущие борьбу за создание своего независимого государства на территории восточной Турции,

северного Ирака и Сирии. Вносит свою лепту в обострение геополитической ситуации в субрегионе постоянная эскалация еврейско-арабского конфликта в исторической Палестине.

Усилению влияния религиозного фактора в жизни стран региона и обострению межобщинных противоречий в значительной степени способствовала протестная волна, охватившая регион в 2011 г. и известная как «Арабская весна». Причиной данного движения, трансформировавшего регион[10], стала неспособность большинства правящих режимов Западной Азии к модернизации, коррупция, тоталитарность политической системы, высокий уровень безработицы. В этих условиях ислам вновь стал знаменем перемен, к которым стремилась значительная часть общества в мусульманских странах. В мусульманском мире стала популярной идея отказа от навязанных «неверным Западом» моделей развития и возвращения к истокам ислама. Тем более что политическая программа исламистов сочетает принципы ислама и демократию, социальный патернализм и рыночную экономику, что в значительной степени стало причиной их популярности. Именно с этим во многом связаны феномен политизации ислама, усиление влияния исламистских партий и кризис светской националистической идеологии, наблюдаемый в странах мусульманского мира[11].

Наиболее острой представляется ситуация в Сирии и Ираке, где в результате гражданской войны и деятельности боевиков «Исламского государства» (ИГ), «Фронта ан-Нусра»¹ несуннитское население подвергается религиозным гонениям и геноциду. Под контролем исламистских организаций оказались территории компактного проживания религиозных меньшинств на северо-востоке Сирии и северо-западе Ирака. Например, летом 2014 г. боевики ИГ захватили иракский Мосул и близлежащие города и селения Ниневийской равнины – территорию, отличающуюся этническим, культурным и религиозным многообразием. Это привело к бегству почти 200 тыс. христиан, кроме них равнину покинули около 70 тыс. шиитов и более 40 тыс. езидов. Христианские беженцы направились в провинции Дахук и Эрбиль, находящиеся под контролем иракских курдов, а также за границу, прежде всего в Ливан, Турцию, Иорданию, страны ЕС [12]. В целом, более 3 млн иракцев пришлось покинуть свои дома, 220 тыс. переместились на территорию других стран.

Ещё больший размах притеснения религиозных меньшинств наблюдается в Сирии, где исламисты захватили территории компактного проживания христиан, езидов, алавитов и друзов. Около 9 млн человек были перемещены в пределах Сирии; 4,8 млн стали беженцами, среди них почти треть сирийских христиан (около 600 тыс. человек) вынуждены были покинуть места своего обитания под угрозой истребления со стороны экстремистских группировок [13]. Всего, по данным на первое десятилетие

---

¹ «Исламское государство» и «Фронт ан-Нусра» – террористические организации, запрещенные на территории РФ.

нашего века, из Западной Азии ежегодно выезжало более 80 тыс. адептов христианства.

Conclusion

Current escalation of the geopolitical situation in West Asia is largely associated with activities of Islamist organizations, rivalry for leadership in the region between Sunni and Shiite regimes, an escalation of the Israeli-Palestinian conflict and the struggle of the Kurds for the creation of their national state. The expulsion of non-Muslim population, destruction of material evidence of non-Muslim existence by Islamists raises the situation in the subregion at the level of global geopolitical problem.

At the beginning of the 21st century the countries of Western Asia were covered by complex transformation processes, the major directions, in our mind, are:

- actualization of the role of the religious factor as one of the leading in the geopolitical rivalry in West Asia;

- increasing role of Islam in political life of the region, the aggravation of the contradictions between traditionally religious societies of Western Asia with the post-secular West [14];

- growing demand for the modernization in the Islamic society, which is revealed, on the one hand, as the increasing influence of extreme Islamist currents and groups, on the other hand, as attempts to reconcile the Islamic norms and Western values;

- strengthening of the positions of the Shiites in the region and their desire to take revenge in the confrontation with the Sunnis;

- weakening influence of the Christian community in West Asia and reducing its strength [15];

- promoting the role of ethno-religious groups in the political life of the region.

Литература

1. Горохов С.А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX–начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. С. 107–116.
2. История Востока. Т. II. Восток в средние века. / Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009 г. 720 с.
3. История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – конец XX в); Кн. 1. / Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004 г. 608 с.

4. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Демографический потенциал конфессиональных групп стран БРИКС // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 251-258.
5. Atlas of Global Christianity. 1910-2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 364 p.
6. Barrett D.B., Kurian G.T., Johnson T.M. World Christian Encyclopedia. 2nd ed. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 2001. 876 p.
7. Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. М.: Наука, 1976. 325 с.
8. Агафошин М.М. Влияние демографических особенностей на процессы регионального развития арабских стран Ближнего Востока // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: мат-лы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО) / Под общ. ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 16-20.
9. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Наука, 1986. 829 с.
10. Агафошин М.М., Горохов С.А. Трансформация конфессионального пространства Западной Азии // География в школе. 2017. № 1. С. 24-29.
11. Горохов С.А. Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 5. С. 49-55.
12. Вавилов А.И. Взлёт «Исламского государства»: причины и следствия // Ежегодник института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета). М.: Московский государственный институт международных отношений (университет), 2015. С. 120-134.
13. United Nations High Commissioner for Refugees [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org> (дата обращения: 18.12.2016).
14. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world // Geography and Natural Resources. 2016. Vol. 37, Is. 2.P. 93-99.
15. Горохов С.А. Ислам в современном мире // География в школе. 2009. № 7. С. 12-1

**ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КРЫМА В
ЧЕРНОМОРСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ¹**

К. Pozachenyuk

**PHYSIOGRAPHIC FACTORS OF THE CRIMEAN GEOPOLITICAL
SPACE IN THE BLACK SEA TRANSBOUNDARY REGION**

Аннотация. Проанализировано геополитическое пространство Крыма в зависимости от физико-географических факторов его развития: позиции, сочетании суши и моря, геолого-геоморфологических, климатических, биологических и ландшафтных. Определены условия для процесса создания общего пространства сотрудничества и диалога между местными и региональными властями в Черноморском регионе в вопросах сохранения ландшафтного и биологического разнообразия, формирования экологической сети, прибрежного управления, устойчивого развития Черного моря, содействия туризму и использования нетрадиционных энергоресурсов.

Ключевые слова: трансграничный регион; геополитическое пространство; физико-географические факторы и критерии оценки геополитического пространства; ландшафтное разнообразие, экологическая сеть, национальный ландшафт.

Abstract. The Crimean geopolitical space is analyzed depending on the physiographic factors of its development: position, combination factors of land and sea, geological and geomorphologic, climatic, biological and landscape factors. Conditions for the process of creating common space for cooperation and dialogue between local and regional authorities in the Black Sea region concerning the problem of conservation of landscape diversity, formation of an ecological network, coastal management, sustainable development of the Black Sea, promotion of tourism and the use of non-traditional energy resources are determined.

Key words: transboundary region; geopolitical space; physiographic factors and criteria for estimation of geopolitical space; landscape diversity, ecological network, national landscape.

---

¹ "Развитие кадрового потенциала в рамках международной академической мобильности преподавателей и управленческого персонала"

Введение

Черноморский трансграничный регион находится на пересечении Европы и Азии и в силу этого обстоятельства – на перекрестке политических и экономических интересов. На протяжении своей истории в Черноморском регионе сосредотачиваются миграционные потоки и экономические, политические, а также экологические процессы. Это пространство используется для геополитических игр и территориальных захватов и представляет собой как большой потенциал для сотрудничества, так и источник напряженности и конфликтов.

Черноморский регион богат энергоресурсами и является транзитным для поставок энергоносителей, что чревато потенциальным соперничеством. Этническое разнообразие региона - источник как силы, так и противостояния. Примерно, по середине Черноморского региона проходит граница между христианской и мусульманской цивилизациями.

В то же время Черноморский трансграничный регион отличается от других регионов мира исходными природными уникальными ландшафтами и повышенным ландшафтным и биоценотическим разнообразием. Именно природные условия - сочетания суши и моря, равнинных и горных территорий, благоприятные климатические условия, наличие водных ресурсов предопределило, наряду с позицией этого региона, его уникальность и конфликтность. Крым - центральный регион трансграничного Черноморского пространства. От геополитического статуса Крыма во многом зависят отношения и благополучие всех стран Черноморского региона.

Изложение основного материала

Свойства Крыма и его геополитическое пространство в системе отношений Черноморского трансграничного региона с точки зрения физико-географических факторов проявляется в связях, обусловленных общим морским пространством, общими геолого-тектоническими структурами, аналогичными климатическими условиями, почвенным покровом и ландшафтами, а также биоценотическими потоками.

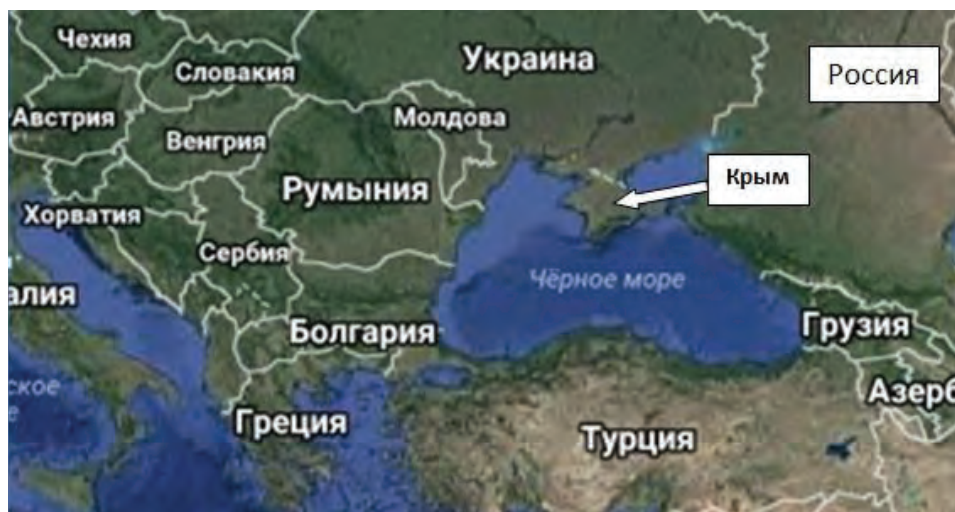
Позиция Крыма в Черноморском регионе – основной фактор, обуславливающий его геополитические отношения. Позиция Крыма – это пространственно-временные его отношения к другим географическим объектам. Пространственный аспект позиционного положения Крыма заключается в центральном его положении в Черноморском регионе (рис. 1). Крым находится на пересечении путей из трех континентов: Европы, Азии и Африки. Близость проливов Босфор и Дарданеллы и непосредственно Керченского - увеличивают ценность геополитического пространства Крыма. Пространственные отношения Крыма изменчивы во времени. Временная

позиция Крыма меняется в зависимости от политических и экономических отношений.

Крым – уникальная территория в плане сочетания на незначительном пространстве (площадь 26 тыс. км²; протяженность 324 км по широте и 207 км - по меридиану) суши и моря; горных и равнинных морфоструктур, разнообразия геолого-геоморфологических и климатических, биоценологических и ландшафтных условий.

Крым омывается Черным и Азовским морями, имеет общую протяженность береговой линии. Длина береговой линии Черноморского побережья полуострова Крым ~ 945 км (в том числе Севастополя – 154 км), Азовского ~ 230 км.

Рисунок 1. Положение Крыма в Черноморском трансграничном регионе

Основные черты геологического строения полуострова сформировались в результате развития двух крупнейших тектонических структур – молодой эпипалеозойской Скифской платформы и киммерийско-альпийского Горно-Крымского складчатого сооружения, а также примыкающей с севера докембрийской Восточно-Европейской (Русской) платформы и Черноморской плиты на юге.

Крым имеет общие тектонические структуры с Черноморским регионом. Скифская платформа (плита) протягивается широкой полосой через северо-западную шельфовую часть Черного моря, Равнинный Крым (в т.ч. северную и восточную часть Керченского полуострова), Азовское море, равнины Предкавказья. Система тектонических нарушений, погребенных под мощным осадочным чехлом, отделяет ее от Восточно-Европейской (Русской) платформы [2, 3]. Юг полуострова занимает Горно-Крымское складчатое (складчато-надвиговое) сооружение, общие черты которого образовались в конце юрского периода, но современный облик возник в альпийский

орогенез. Альпийский орогенез охватил не только Крымские горы, но территории Черноморского региона - Балканы, Карпаты, Динары, Кавказ.

Общность тектонических структур, образующих основу территории многих государств, может являться причиной конфликтов, обусловленных претензиями на полезные ископаемые и некие территории, в то же время это важное условие для сотрудничества. Примером может служить конфликтная ситуации по о. Змеиный и газо-нефтеносных месторождениях шельфа Черного моря [8].

Уникальность и разнообразие геолого-геоморфологического строения Крыма способствует высокой концентрации геологических охраняемых объектов. В Крыму 126 геологических памятников. В европейском пространстве активно развивается идея формирования геопарков. Движение по созданию геопарков зародилось в 1990-е годы и постепенно охватило всю планету. С 2002 года существует специальная программа ЮНЕСКО по поддержке создания всемирной сети национальных геопарков (*Global Network of National Geoparks*). С 2004 года созданная организация всемерно развивает «геотуризм», служащий как просветительским, так и социо-экологическим целям.

В Европе геопарки расположены в таких государствах, как Австрия, Германия (13), Греция, Франция, Хорватия, Англия, Шотландия, Финляндия, Норвегия, Испания, Италия, Чехия, Румыния, Португалия, Ирландия. За пределами Европы геопарки ЮНЕСКО созданы в Китае (22), Вьетнаме, Малайзии, Японии, Южной Корее, Канаде, Бразилии, Иране, на Тайване [12].

Крым очень перспективный регион для создания геопарков. Геологические памятники Крыма и перспектива создания геопарков – одно из условий формирования общего Черноморского пространства сотрудничества в области науки, рекреации и туризма.

Климатические условия Крыма отличаются разнообразием: от очень засушливого, умеренно жаркого с умеренно мягкой зимой на севере полуострова и засушливого в центральной части до влажного и очень влажного, прохладного с умеренно холодной зимой юга и субтропического средиземноморского засушливого на юго-западе Южного берега Крыма до полусубтропического в центральной части южного побережья и очень засушливого – в юго-восточной части. Субтропические черты климата юго-западного и южного берега Крыма имеют общие черты с климатом южной части Черноморского региона, а климат северной части Крыма с бореальными свойствами имеет общие черты с климатом северной части Причерноморья.

В годовом ходе прямой солнечной радиации максимум наблюдается в июне – 473,1-523,4 МДж/м², минимум - в декабре – 41,87 - 62,8 МДж/м². На три летних месяца приходится до 50% годового количества солнечного тепла, большую часть которого получают предгорья и открытые побережья. Суммарная солнечная радиация за год изменяется в широких пределах: от

4861,1- 5150 МДж/м². Крым имеет богатые потенциальные ресурсы для развития гелиоэнергетики.

Ветровые ресурсы обеспечивают развитие ветроэнергетики в равнинном Крыму, в том числе в пределах Керченского полуострова. Горный Крым выделяется высоким потенциалом для развития ветроэнергетики, но ряд ограничивающих факторов затрудняют ее реализацию в этом регионе.

Климатические ресурсы Крыма позволяют развивать гелио- и ветроэнергетику, что соответствует общеевропейским тенденциям, в.ч. широкому использованию нетрадиционной энергетики в Черноморском регионе. Это - еще одно условие сотрудничества и формирования общего пространства стран Черноморского региона.

Трансграничность Крыма прослеживается и в разнообразии почвенного покрова. Черноземы, распространенные в равнинном Крыму, отражают общность Крыма с северной частью Причерноморья, коричневые почвы – один из факторов принадлежности Крыма к Средиземноморью.

Гидрографическая сеть Крымского полуострова во многом отображает характер региональных особенностей геологического строения, рельефа и климата. Почти все реки берут начало в Крымских горах, а соленые озера – располагаются вдоль морских берегов. В Крыму насчитывается 1657 рек и временных водотоков (из них около 150 – реки), общей протяженностью 5996 км.

Биологическое разнообразие Крыма уникально. Флору Крыма составляют 2536 видов и подвидов. Из них: 29 видов (1,05%) – исчезнувших; 40 (1,44%) - под угрозой; 117 (4,22%) – уязвимых; 411 (14,82%) – редких. 219 видов растений имеют различного уровня природоохранный статус.

По данным Государственного комитета по лесному и охотничьему хозяйству РК, площадь лесного фонда в Крыму составляет 341,4 тыс. га, в том числе лесопокрытая — 278,5 тыс. га; средняя лесистость — 10,7%. За последние 50 лет лесопокрытая площадь увеличилась на 47 тыс. га. На территории охотничьих угодий Республики Крым обитает более 35 видов охотничьих ресурсов. Площадь среды обитания охотничьих ресурсов составляет около 2,1 млн. га, в том числе 1,947 млн. га являются закрепленными охотничьими угодьями [10].

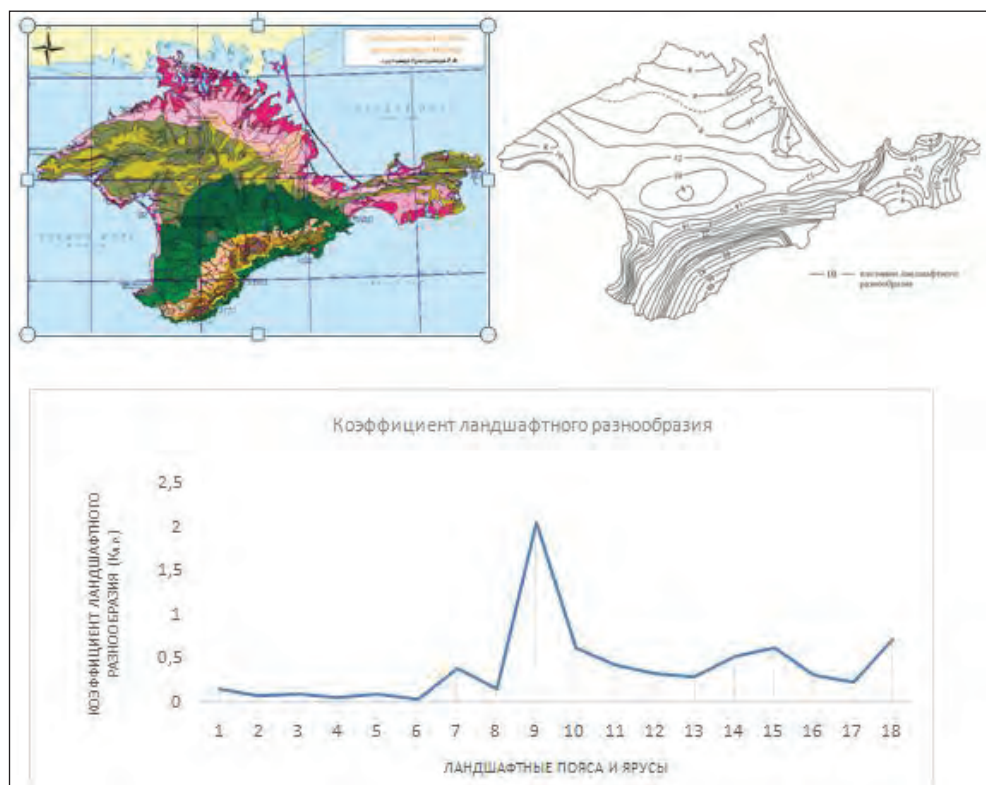
Крым выделяется высоким биологическим и ландшафтным разнообразием, что обусловлено его связями с Черноморским и Средиземноморским регионами, а также с более северными, отличающимися бореальными ландшафтами. Ландшафты Крыма развиваются в зависимости от позиции относительно Черного и Азовского морей, Скифской платформы и геосинклинальных структур Крымских гор. В результате они подразделяется на две контрастные по природным качествам части: равнинные степные (около 16 тыс. км²) и горные, преимущественно, лесные (около 10 тыс. км²). Пространственное сочетание платформенных и геосинклинальных структур Крыма привело к формированию ландшафтных уровней: гидроморфного (28,4%), плакорного (35,4%), низкогорного (25,9%),

и среднегорного (10,3%). Ландшафтный уровень – это планетарные геоморфологические уровни, относительно однородные по рельефу и грунтовому увлажнению [4]. Каждому ландшафтному уровню соответствует свой набор природных зон и иных единиц пространственной дифференциации ландшафтов. Это обусловлено разной совокупностью факторов: на гидроморфном уровне - внутризональная дифференциация, связанная с изменением уровня грунтовых вод, на плакорном – с наличием высотной ярусности, на предгорном и среднегорном - с высотой над уровнем моря и позицией относительно радиационных и циркуляционных потоков.

Положение Крыма на юге умеренного пояса в сочетании с позиционными эффектами формирует различные типы ландшафтов умеренного климата в пределах равнинного Крыма и северного макросклона Крымских гор, а на южном макросклоне - полусубтропических южнобережных. Естественная пространственная сопряженность ландшафтных уровней в сочетании с типом климата обусловила формирование в Крыму целостной системы ландшафтных зон, ландшафтных поясов и иных ландшафтных единиц. В ландшафтном и биологическом отношении Крым отличается чрезвычайно высоким разнообразием (рис. 2): равнинные полупустынные степи, типичные степи; предгорные лесостепные и лесные; горные лесные (дубовые, грабовые, сосновые, буковые леса и полусубтропические эндемичные и реликтовые можжевельново-фисташковые леса).

Крым имел и имеет биоценотические и ландшафтные связи с Черноморским и Средиземноморскими регионами. Об этом свидетельствуют древние флористические его связи. Ядро крымской флоры образует древнесредиземноморский географический элемент. Количество средиземноморских видов с включением переходных европейско-средиземноморских достигает 50%, преимущественно ксерофитов и гемиксерофитов. Голарктический географический элемент Крыма составляет 22,2% от общего количества видов; преимущественно это мезофиты, гидромезофиты и настоящие гидрофиты. Евроазиатский географический элемент достигает 11,4% [9]. По экологии виды данной ареалогической группы преимущественно ксерофитные. Другие географические элементы флоры составляют 16,4% от общего числа видов (табл.1).

Рисунок 2. Ландшафтное разнообразие Крыма

Ландшафтные пояса и ярусы: 1-3 ландшафтные гидроморфные пояса; 4-5 ландшафтные ярусы равнинного Крыма; 6-8 ландшафтные пояса предгорья; 9-10 ландшафтные пояса ЮБК; 11-16 ландшафтные пояса среднегорных склонов; 17-18 ландшафтные пояса яйл.

Распределение географических элементов флоры Крыма обусловлено пространственно-временной позицией Крыма к меняющемуся во времени его пространственному окружению. Древняя позиция Крыма относительно располагавшейся севернее древней средиземноморской зоны определила в плиоцене (кимерийский век) широкий обмен флоры и фауны между древним средиземноморьем в целом и Крымским полуостровом, что способствовало формированию древнего средиземноморского ядра флоры Крыма. Голарктический элемент флоры формировался в нижнечетвертичное время, благодаря позиции Крыма к северным континентальным регионам во время отступления флоры в ледниковые эпохи.

Таблица 1. Ареалогическая структура флоры Крыма

Нп\п	Географический элемент	Количество видов, %	Характерные виды
1	<i>Древнесредиземноморский</i>	50	Асфodelина желтая (<i>Asphodeline lutea</i>), сердечник греческий (<i>Cardamine graeca</i>), маргаритка лесная (<i>Bellis sylvestris</i>); ладанник крымский (<i>Cistus tauricus</i>), пузырник киликийский (<i>Cotutaea cilicica</i>); земляничник мелкоплодный (<i>Arbutus andrachne</i>), можжевельник высокий (<i>Juniperus excelsa</i>), фисташка туполистная (<i>Pistacia mutica</i>), рябина крупнолистная (<i>Sorbus domestica</i>) и др.
2	Голарктический	22,2	Пырей ползучий (<i>Elytrigia repens</i>), овсяница гигантская (<i>Festuca gigantea</i>), тимopheевка степная (<i>Phleum phleoides</i>), лисохвост луговой (<i>Alopecurus pratensis</i>), ежеасборная (<i>Dactylis glomerata</i>), костенец постенный (<i>Asplenium ruta-muraria</i>), крушина ольховидная (<i>Frangula lnuus</i>), ива белая (<i>Salix alba</i>), сосна обыкновенная (<i>Pinus sylvestris</i>), осина (<i>Populus tremula</i>), береза (<i>Betula pendula</i>), два вида тополя (<i>Populus alba</i> , <i>Populus nigra</i>) и др.
3	Евразийский	11,4	Адонис весенний (<i>Adonis vernalis</i>), ковыль украинский (<i>Stipa ucrainica</i>), спаржа коротколистная и Палласа (<i>Asparagus brachyphyllus</i> и <i>A. pallasii</i>), щавель узколистный (<i>Rumex stenophyllus</i>), котовник мелкоцветный (<i>Nepeta parviflora</i>), карагана степная (<i>Caragana frutex</i>), таволга зверобоелистная (<i>Spiraea hypericifolia</i>), можжевельник казацкий (<i>Juniperus sabina</i>) и др.
4	Др. географ. элементы	16,4	

Высокое биоценоотическое и ландшафтное разнообразие Крыма, а также его биологические связи с Черноморским и Средиземноморскими регионами свидетельствуют о том, что эти регионы должны иметь общую трансграничную экологическую сеть. Сохранение ландшафтного разнообразия Крыма необходимо, в том числе, и для сохранения

ландшафтного и биоценотического разнообразия Черноморского и Средиземноморского регионов. Вышесказанное проявляется в необходимости формирования трансграничной экологической сети Черноморского региона, которая обеспечивала бы биоценотические и иные связи всего Черноморского и Средиземноморского регионов. Всеевропейской стратегией сохранения биоразнообразия было предусмотрено в 1996—1999 гг. разработать программу создания Всеевропейской экологической сети, которая будет включать разработку физической сети природных ядер, экологических коридоров и буферных зон [13]. Правовыми принципами для определения природных ядер европейского значения являются: программа «НАТУРА-2000» в рамках директив Европейского союза охраны птиц и сохранения ареалов, Бернская, Боннская и Рамсарская конвенции; биогенетические резерваты и некоторые природоохранные территории, которые удостоены Европейского диплома.

Если идея экологической сети и ее реализация в Европе реализуется, то в России эту работу во многом еще предстоит осуществить. Тем не менее, Российская Федерация присоединилась к Рамсарскому соглашению о заболоченных местах, Биогенетических запасах, Стратегии биологического и ландшафтного разнообразия, Европейской директиве о птицах и среде обитания, Хельсинскому соглашению. Бернское Соглашение Россией подписано не было, но страна имеет статус наблюдателя [14]. Крым обладает теоретико-методическим опытом выделения экологической сети и имеет разработанный проект. Элементы экосети вошли в Федеральную целевую программу развития Крыма (2014 г.) и в схему территориального планирования (2015 г.). Но современный режим санкций против Крыма не позволяет полномасштабно включить его экологическую сеть в систему Черноморского пространства.

Наряду с обеспечением ландшафтных и биоценотических связей Черноморского региона, каждая страна должна формировать свои *национальные ландшафты* в пределах отдельных территорий или национальный ландшафт всей страны. Изучение национального ландшафта региона – новая пионерная тема, связанная с активизацией ландшафтного движения в Европе, обусловленного принятием Комитетом министров Совета Европы 19 июля 2000 года Европейской конвенции о ландшафтах [5].

Теоретико-методические основы формирования национального ландшафта в русскоязычном пространстве заложены в трудах В.В.Докучаева, Л.С.Берга, Г.Ф.Морозова, Б.Б.Полынова, Л.Г.Раменского, Н.А.Солнцева, Д.Л.Арманда, В.Б.Сочавы, А.Г.Исаченко, В.А.Николаева, С.В.Преображенского, Ф.Н.Милькова, К.Н.Дьяконова, А.Ю.Ретеюма, М.Д.Гродзинского, Г.Е.Гришанкова и др. Но остаются практически не разработанными теоретико-методические подходы к изучению и формированию национальных ландшафтов, не установлены критерии и методические приемы оценки национального ландшафта: показатели

качества, ценности, функционального и структурного анализа, а также критерии устойчивости национального ландшафта.

Согласно Европейской конвенции о ландшафтах - ландшафт означает часть территории, в том виде как она воспринимается населением в результате взаимодействия природных и/или человеческих факторов. Европейская конвенция охватывает природные, сельские, городские и пригородные территории. Ее действие распространяется на сушу, внутренние воды и моря и касается как выдающихся, так и обычных ландшафтов, и деградированных земель. В содержание понятия «ландшафт» вкладывается как природная составляющая, так и антропогенная, в т.ч. и культурная [5]. Национальный ландшафт региона выражает уникальность и специфику природного и культурного ландшафта, на основе которой формируется национальная культура и самобытность региона; вносит вклад в благосостояние людей и укрепление национальной самобытности, способствует формированию местной культуры. *Национальный ландшафт региона можно рассматривать как целостную систему природного и культурного наследия региона.*

Теоретико-методические подходы к изучению и формированию национального ландшафта базируются на представлении о современных ландшафтах как целостных геосистемах, состоящих из природной и хозяйственной подсистем [7]. Критериями выделения национального ландшафта могут быть: ценности ландшафта, его качество и устойчивость к различным видам нагрузок и др. Каждый критерий выделяется по следующим показателям:

- ценности ландшафта - ландшафтные (ландшафтное разнообразие, уникальность ландшафта и др.), биоценотические, эстетические, культурно-исторические и др.);

- показатели качества ландшафта - оценки, которые базируются на системе свойств современного ландшафта, обеспечивающих выполнение ими той или иной заданной функции (средообразующей, рекреационной, ресурсной, водно-хозяйственной, эстетической и др.);

- устойчивости ландшафта к заданным видам нагрузок.

- количество критериев может увеличиваться в зависимости от масштаба исследований, уровня информации и др.

Наиболее ценным элементом структуры культурного ландшафта являются ядра национального ландшафта - это наиболее значимые ландшафты для региона по всем рассматриваемым критериям. Ядра национального ландшафта – те природные и культурные ландшафты, потеря которых приведет к снижению специфических свойств региона, унификации его уникальности и притягательности, потери ландшафтного и биологического разнообразия, снижения уровня организации ландшафта и устойчивости к различным видам нагрузок, а, следовательно, к снижению качества функций, которые выполняет тот или иной ландшафт.

Условия для научного сотрудничества стран Черноморского региона – разработка теоретико-методических подходов выделения, оценки, картографирования национального ландшафта региона, и обеспечение условий его сохранения и развития.

Вследствие позиции Крыма в Черноморском регионе он характеризуется разнообразными рекреационными ресурсами: пляжными и ландшафтными. Большая часть пляжей Крыма формируется на берегах Черного моря. Общая протяжённость пляжей и пляжепригодных территорий Крыма составляет 452 км. Пляжный ресурс Крыма обладает высоким потенциалом и является одним из наиболее привлекательных и востребованных ресурсов туристско-рекреационного комплекса региона. В Республике Крым оборудованных пляжей – 560, в городе федерального значения Севастополь – 65. Единовременная рекреационная емкость пляжей и пляжепригодных территорий Крыма приведена в табл.2. В перспективе до 2030 г. турпоток в Крым достигнет 8,3 млн. чел. [11].

Таблица 2. Единовременная рекреационная емкость оборудованных пляжей и пляжепригодных территорий Крыма

S, площадь пляжных территорий, м ²		N, кол-во туристов, чел.			
		из расчета 5 м ² / на чел.	из расчета 10 м ² / на чел.	из расчета 20 м ² / на чел.	из расчета 100 м ² /на чел.
Площади оборудованных пляжей	1 653 433	330 687	165 343	82 671	16 534
Площади пляжепригодных территорий	4 088 000	817 600	408 800	204 400	40880
Всего	5741433	1 148 287	574 143	287 071	57 414

Ландшафтные рекреационные ресурсы представлены лесными, горно-луговыми и лесостепными, кустарниковыми и степными (рис.3). Нормативная единовременная рекреационная емкость ландшафтных ресурсов приведена в табл.3. Степные сообщества равнинного Крыма целесообразно рассматривать как резервные территории для развития очагового туризма.

Условием для общего пространства сотрудничества между странами Черноморского региона в области рекреации и туризма являются рекреационные ресурсы Крыма.

Срединное положение Крыма в Черноморском трансграничном регионе обуславливает целесообразность формирования общего пространства в

области управления развитием береговых зон и создание условий для обеспечения устойчивого развития Черного моря. Береговая зона отличается повышенным ландшафтным разнообразием, аттрактивностью, высоким потенциалом рекреационных ресурсов, социально-экономической притягательностью, концентрацией мощного промышленного и финансового капитала (являющихся важным фактором расширения внешнеэкономических связей), высокой концентрацией населения, мощным научно-техническим потенциалом, конфликтами интересов и как результат – конфликтами природопользования, наряженной социально-экономической и экологической ситуацией.

Рисунок 3. Типы и площади (%) рекреационного ландшафтного ресурса Крыма

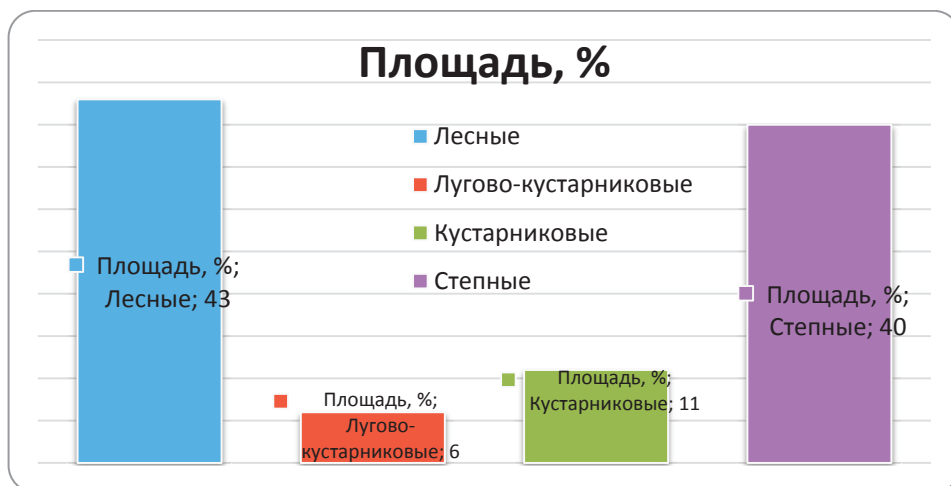

Таблица 3. Единовременная рекреационная емкость ландшафтного ресурса Крыма с учетом понижающих коэффициентов

Ландшафтные ресурсы	Площадь, га	Единовременная ландшафтная рекреационная емкость, человек		
		из расчета 1 чел. / га	из расчета 3 чел. / га	из расчета 30 чел. / га
Лесные	240 522	40 321	120 963	1 209 631
Горно-луговые и лесостепные яйл	32 026	6 475	19 427	194 276
Кустарниковые	60 311	84	254	2 540
Степные	226 135	18 706	56 118	561 181
ВСЕГО:	558 994	65 586	196 762	1 967 629

Общими вопросами, требующими усилий стран Черноморского региона, являются вопросы разработки стратегии развития береговой зоны, научного обоснования природопользования и управления развитием береговых зон; взаимодействия по вопросам рекреации и туризма; развития инфраструктуры морского хозяйства; вопросы водоохранного и природоохранного природопользования, формирования единой трансчерноморской морской экологической сети.

Крым имеет опыт формирования морских охраняемых территорий. У берегов России Азово-Черноморского побережья находится 35 морских охраняемых территорий, а в прибрежной зоне Крымского полуострова - 31 объект. Сложность их функционирования заключается в том, что Крым (по данным Международного союза охраны природы) является одним из центров биоразнообразия в Европе с одной стороны, а с другой – традиционным рекреационным и туристическим центром. Для решения этой проблемы необходима единая государственная программа, направленная на устойчивое развитие береговой зоны и комплексное ее развитие, а также включение Крыма в международные программы по управлению и развитию береговых зон.

В Крыму, с одной стороны, не все морские охраняемые акватории подтвердили свой природоохранный статус, а с другой – при разработке проектов реконструкции портов Крыма, берегоукрепительных сооружений и благоустройства набережных в подавляющем большинстве случаев не учитываются морские охраняемые акватории. Усилия стран Черноморского региона также должны быть направлены на обеспечения устойчивого развития Черного моря, сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, обеспечения количество рыбных ресурсов, качества водной среды, стабилизацию сероводородного слоя и др. Страны Причерноморья, наряду с другими участниками 6 FP RI Black Sea SCENE и 7-й Рамочных Программ Евросоюза «UP-GRADE BLACK SEA SCIENTIFIC NETWORK (UP-GRADE BS-SCENE)» осуществляли проекты направленные на создание Черноморской научной сети ведущих экологических и социально-экономических исследовательских институтов, университетов и неправительственных организаций из стран, расположенных вокруг Черного моря по созданию виртуальной информационной инфраструктуры. Общая база данных и информации должна поддерживаться этими организациями для улучшения идентификации, доступа, обмена, определения качества и использования информации о Черном море. Созданная Черноморская научно-исследовательская инфраструктура SCENE стимулирует научное сотрудничество, обмен знаниями и опытом, а также укрепляет региональный потенциал и эффективность управления данными и информацией о морской среде; стандартизирует данные с европейскими процедурами контроля и оценки качества морских данных и применения международных метаданных, стандартов и практики управления данными, предоставляя улучшенные услуги по предоставлению данных и информации для Черноморского

региона на европейском уровне. Проект Black Sea SCENE осуществлялся 51 партнером, из которых 43 находились в странах Черноморского региона.

Действующие в настоящее время против Республики Крым и г. Севастополь санкции ряда стран Запада не позволяют ему участвовать и в названных выше и иных международных программах, что в целом обедняет, не только Черноморское и Средиземноморское пространства, но и все мировое сообщество.

Выводы

Крым занимает центральное положения в Черноморском трансграничном регионе.

Свойства Крыма в системе отношений Черноморского трансграничного региона (с точки зрения физико-географических факторов) проявляются в связях, обусловленных его позиционными отношениями, общим морским пространством, общими геолого-тектоническими структурами, аналогичными климатическими условиями, почвенным покровом и ландшафтами, а также биоценотическими связями.

Условия для процесса создания общего пространства сотрудничества и диалога между местными и региональными властями в Черноморском регионе определены в вопросах сохранения ландшафтного и биологического разнообразия, формирования панчерноморской экологической сети, использования нетрадиционных энергоресурсов, развития рекреации и туризма, управления приморскими зонами и обеспечения устойчивого развития Черного моря, а также в научном сотрудничестве.

Каждый Черноморский регион отличается не только трансграничными отношениями, но и также особыми чертами природного и культурного наследия, а, следовательно, своими специфическими ландшафтами.

Conclusion

The Crimea occupies a central position in the Black Sea transboundary region. The characteristics of the Crimea in the system of relations of the Black Sea transboundary region from the point of view of physiographical factors are manifested in the relationships conditioned by the common maritime space, general geological and tectonic structures, similar climatic conditions, soil cover, landscapes and biological relations.

The conditions for the process of creating a common space for cooperation and dialogue between local and regional authorities in the Black Sea region are defined concerning the problem of conservation of landscape and biological diversity: the formation of the Pan Black Sea ecological network; use of non-traditional energy resources; development of recreation and tourism; management

of maritime zones and sustainable development of the Black Sea; scientific cooperation.

Every Black Sea region is distinguished from the other one with not only transboundary relations but with special features of nature and cultural heritage as well and, therefore, their own national landscape.

Литература

1. Аналитическая справка об итогах работы предприятий санаторно-курортного и туристского комплекса Республики Крым Министерства курортов АР Крым (2010-2013 гг.), Министерства курортов и туризма Р. Крым (2014-2015 гг.).
2. *Геология СССР*. – М.: Недра, 1969. Т. VIII. – Крым. – Ч. 1: Геологическое описание. – 1969. – 576 с.
3. *Геология шельфа УССР*. Тектоника. – К.: Наук. думка, 1987. – 152 с.
4. Гришанков Г.Е. Ландшафтные уровни материков и географическая зональность / Гришанков Г.Е. // Изв. АН СССР. – 1972. – С. 4-12. – Серия: география; № 4. – С. 4-12.
5. Европейская конвенция о ландшафтах. Страсбург, 2000 год rus-eu-culture.ru/files/document/Eu-conv-landschaft.doc
6. Муратов М.В. Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова / Муратов М.В. – М. : Госгеолиздат, 1960. – 208 с.
7. Позаченюк Е.А. и др. Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий. Монография // Научный редактор Е.А.Позаченюк. - Симферополь, Бизнес-Информ. - 2009. – 668 с.
8. Позаченюк Е.А. и др. Острів Зміїний та шельф: просторово-часова динаміка геоекологічного стану / Под ред. Е.А. Позаченюк. - Симферополь: "Бизнес-информ", 2009.- 300 с.
9. Позаченюк Е.А. Флористические связи Крыма с точки зрения позиционных отношений //Экосистемы, их оптимизация и охрана. – Симферополь: ТНУ. 2012. – Вып. 7. - С.11-21.
10. Постановление Совета министров Республики Крым от 30 декабря 2014 года № 654. URL: http://minek.rk.gov.ru/file/File/2015/docs/strateg/gosprogRK/utv/gosudarstvennaya_programma_razvitie_lesnogo_i_ohotnichjego_hozyaystva_na_2015-2017_gg.pdf.
11. Шарафутдинов В.Н., Яковенко И.М., Позаченюк Е.А. Онищенко Е.В. Крым: новый вектор развития туризма в России: Моногр. / Под ред. Шарафутдинова В.Н.-М.:НИЦ ИНФРА. -М, 2017. - 364с.
12. Diehl, R.; Weber, J.; Bühn, S. (Hrsg.): *Geotope und Geoparks — Schlüssel zu nachhaltigem Tourismus und Umweltbildung — 9. Internationale Jahrestagung der Fachsektion GeoTop der DGG 24. — 28. Mai 2005 im*

Geopark Bergstraße — Odenwald, Lorsch. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft für Geowissenschaften, Heft 42.

13. Document d'information sur le Réseau écologique paneuropéen; par la Direction de la Culture et du Patrimoine culturel et naturel, et le Comité d'experts pour la constitution du Réseau écologique paneuropéen (STRA-REP), 18 juillet 2003.
14. Gilbert K., Rientjes S., van't Erve S. (2005). Communicating the Pan European Ecological Network. An analysis of the implementation and communication processes for ecological networks in Europe. ECNC, 72-74.

**ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРИМОРСКОГО РЕГИОНА В МЕНЯЮЩЕМСЯ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

S.S. Lachininskii

**THE FACTORS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF THE ST.PETERSBURG COASTAL REGION IN A CHANGING
GEPOLITICAL CONTEXT**

Аннотация. После распада СССР в условиях новой геополитической и геоэкономической реальности роль и значение приморских регионов для России многократно возрастает. Именно эти регионы выступают в качестве внешнеэкономических «операторов» или «посредников» в мирохозяйственных связях российских корпораций и компаний из стран Европы, Северной и Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона. Обращает на себя внимание тот факт, что такие приморские регионы становятся привлекательными площадками для масштабных инфраструктурных и транспортно-логистических проектов, в том числе в приграничных контактных территориях. Санкт-Петербургский приморский регион, обеспечивающий перевалку более 200 млн. тонн грузов в год, является внешнеэкономическим оператором Северо-Западного макрорегиона России. В статье предпринята попытка рассмотреть факторы и перспективы Санкт-Петербургского приморского региона в меняющемся геополитическом контексте. Рассматриваются «факторы первой и второй природы», воздействующие на развитие города и всего региона.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, приморский регион, геополитика, геополитический контекст, Евразия.

Постановка проблемы. В настоящем исследовании мы исходим из того, что границей приморского региона является рубеж в 200 км от побережья. Полагаем, что административный район может быть включен в рассматриваемый регион при условии, что его центр попадает в максимальную (200 км) зону приморского региона. Таким образом, в состав Санкт-Петербургского приморского региона целесообразно для нашего исследования включить все районы города Санкт-Петербурга, 16 районов Ленинградской области, 4 – в Карелии, 9 – в Псковской области и 8 – в Новгородской области. Численность населения Санкт-Петербургского приморского региона достигает 7,5 млн. чел., а площадь 110,5 тыс. кв. км[1].

Рассматриваемый регион детерминирован следующими пространственными параметрами: 1) береговая линия протяженностью 500 км вдоль Финского залива; 2) два участка государственной границы с Эстонией и Финляндией; 3) соседство с ведущей интеграционной

группировкой – Европейским Союзом; 4) влияние мирового города гамма-группы – Санкт-Петербурга [2].

Особое влияние на развитие Санкт-Петербургского приморского региона имеет внешний (геоэкономический) фактор. Результатом воздействия этого фактора являются: возникающие эффекты (например, приморская рента, эффект агломерации, синергетический эффект и др.), которые формируются в условиях и под влиянием геоэкономических рисков [3].

Санкт-Петербург и его поддерживающая периферия в силу особенностей геополитического и геоэкономического положения традиционно выступает в качестве не только крупнейшего форпоста России на Балтийском море, но и важного центра, через который осуществляются внешнеэкономические связи с зарубежными странами. При этом город исполнял роль своеобразной «витрины» и площадки для обмена идеями, внедрения новых технологий и общения европейских и российских предпринимателей, мыслителей, учёных и творческой интеллигенции.

Здесь, в условиях сверхвысокой «контактности», в системе «суша–море» исторически сформировался один из важнейших в современной России ареалов метрополизации [4] с крупным организующим центром – Санкт-Петербургом, который можно рассматривать в качестве типичной «глобальной городской области» [5].

Сегодня, в новом геополитическом контексте, Санкт-Петербург стал важным центром взаимодействия с рынками АТР, в частности – Китаем. Не случайно, с 2016 года в аэропорту «Пулково» официально введен китайский язык. Добавим, что если в 2014 г. прямым воздушным путем в Санкт-Петербург воспользовалось 47 тыс. пассажиров из Китая, то в 2015 году – чуть меньше 100 тысяч. Это говорит о возрастающем интересе китайских туристов и предпринимателей к Санкт-Петербургу.

Санкт-Петербургский приморский регион, включая Санкт-Петербург и Ленинградскую область, занимает особое уникальное место в территориальной структуре России. Фактически он объединяет в себе все три типа территорий роста – крупнейшие городские агломерации, экспортно-ресурсные регионы, портовые приграничные регионы на основных путях мирохозяйственных связей. При этом, не обладая минеральными ресурсами, но обладая портовой и трубопроводной инфраструктурой, регион стал внешнеэкономическим оператором Северо-Западного округа¹.

---

¹По только что опубликованным данным Российского экспортного центра (РЭЦ) за 11 месяцев 2016 года, из общего объема российского экспорта, который составил 254,07 млрд. долл., на Санкт-Петербург пришлось 5,55% - 14,09 млрд. долл.

Экспорт в большинстве ведущих, по объему зарубежных поставок, отраслях экономики Санкт-Петербурга вырос в 2016 году на 21–56%. При этом объемы производства в этих же отраслях увеличивались в основном лишь на 1–3%, а в некоторых случаях даже снижались.

В исследовании «Петербургский экспорт 2016-2017», проведенном РБК, указывается, что официальная государственная статистика не учитывает около 25% экспорта

Основатель «новой экономической географии» Пол Кругман выделил две группы таких факторов, влияющих на развитие территории [6]: факторы «первой природы» и факторы «второй природы». Эти и другие факторы будут рассмотрены в предложенной статье.

Факторы развития Санкт-Петербургского приморского региона. Рассматривая факторы развития Санкт-Петербургского приморского региона, прежде всего следует остановиться на факторах «первой природы» и факторах «второй природы», предложенных Полом Кругманом в 1993 году.

Таблица: Факторы развития Санкт-Петербургского приморского региона

<i>Факторы «первой природы» и факторы «второй природы»</i>							
ОПР	ВГП	АЭ	РИ	ЧК	И	МН	ИНН
+	++++	++++	+++	+++	++	+++	+++
<i>Другие факторы развития</i>							
Э	ЗПП	СС	ФИИП	Г	КК	КИ	ГФ
+++	++++	+++	++	++	+++	++	++++

ОПР – обеспеченность природными ресурсами; ВГП – выгодное географическое положение; АЭ – агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе; РИ – развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние; ЧК – человеческий капитал; И – институты, влияющие на предпринимательский капитал; МН – мобильность населения; ИНН – распространение инноваций; Э – эмуляция; ЗПП – зависимость от пройденного пути («унаследованные особенности развития»); СС – столичный статус; ФИИП – федеральная инвестиционная и институциональная поддержка; Г – гетерогенность, разнообразие социальной среды; КК – концентрация креативного класса; К – кластерная инициатива; ГФ – геоэкономический фактор;

++++ – определяющее влияние; +++ – высокое влияние; ++ – заметное влияние; + – влияние условное.

продукции сектора ИТ – реального экспорта из города, продукция которого значительно превосходит все прочие товарные группы, даже черные металлы, суда и оборудование. Даже самые крупные из них — черные металлы (0,55 млрд. долл.), суда и плавсредства (0,48 млрд. долл.), механическое оборудование и техника (0,43 млрд. долл.) — в сумме уступают ИТ. Таким образом, ИТ — абсолютный экспортный лидер в Петербурге, хотя официальная статистика, по оценкам специалистов «Руссофта», учитывает не более 10% вывозимой из России продукции этого сектора. При этом 63% петербургского экспорта пришлось на нефть и нефтепродукты, которые в городе практически не производятся. Если сделать поправку на еще ряд сырьевых товаров (зерно, круглый лес, мех и т.п.), которые проходят через петербургскую таможню и завозятся к нам из других регионов, то окажется, что доля производимой в Петербурге продукции в общем объеме экспорта из города не превышает 35% процентов.

В таблице рассмотрены многочисленные факторы, которые, на наш взгляд, оказывают существенное влияние на развитие Санкт-Петербургского приморского региона. Это, в частности: обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными), которые востребованы рынком; выгодное географическое положение (в пределах агломераций); приморское и приграничное (на путях глобальной торговли), снижающее транспортные издержки; агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе; развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние; человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); институты, влияющие на предпринимательский климат, мобильность населения, распространение инноваций.

Дополнительно нами предложены: эмуляция, как попытка сравниться с другими или превзойти их в каком-либо достижении или качестве; зависимость от пройденного пути или «унаследованные особенности развития»; столичный статус, которым Санкт-Петербург обладал 200 лет, а сегодня фактически выполняет роль северной, морской и судебной столицы России; федеральная инвестиционная и институциональная поддержка, получившая в 2000-е гг. дополнительный импульс благодаря тому, что представители «петербургского клана» вошли в верхние эшелоны высшей государственной власти; гетерогенность, понимаемая как разнообразие социальной среды, а также концентрация креативного класса (в понимании Ричарда Флориды [7]) в городах. Кроме этого, мы выделяем кластерную инициативу в качестве самостоятельного фактора развития и внешний (геоэкономический) фактор. Результатом воздействия этого фактора являются: возникающие эффекты (например, приморская рента, эффект агломерации, синергетический эффект и др.), которые формируются в условиях и под влиянием геоэкономических рисков.

Мы видим, что *определяющее влияние* оказывают: выгодное географическое положение; агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе; зависимость от пройденного пути («унаследованные особенности развития»; внешний (геоэкономический) фактор.

Высокое влияние оказывают: развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние; человеческий капитал; мобильность населения; распространение инноваций; эмуляция; столичный статус; концентрация креативного класса.

Заметное влияние оказывают: институты, влияющие на предпринимательский капитал; федеральная инвестиционная и институциональная поддержка; гетерогенность, разнообразие социальной среды и кластерная инициатива.

Условное влияние оказывают: обеспеченность природными ресурсами, прежде всего водными и лесными.

Обращает на себя внимание, что определяющее влияние на развитие Санкт-Петербургского приморского региона играют пространственные (географические) факторы.

Не случайно П.В. Минакир и А. Н. Демьяненко отмечают, что: «Пространственные аспекты превратились сегодня в один из наиболее популярных объектов анализа не только экономики, но и целого ряда смежных с ней отраслей знания» [8]. По их мнению, глобализация, благодаря деятельности ТНК, с одной стороны – привела к трансформации мировой экономики в единое экономическое пространство..., а с другой – к формированию экономического пространства, в котором два удаленных экономических агента могут взаимодействовать напрямую, без посредства промежуточных узлов. Это означает, что происходит своеобразная «свертка» пространства, в рамках которого функционируют экономические агенты. Эти исследователи недвусмысленно указывают на «формирование нового качества пространственных проявлений экономической деятельности. И одним из видимых гносеологических проявлений этого является все большая популярность так называемой геоэкономики, описывающей как раз формирование и функционирование экономических агентов на глобальном уровне».

Выгодное географическое положение региона определяется его приграничным, пристольным и приморским положением, где последнее уже само по себе является ресурсом и выступает конкурентным преимуществом по сравнению с другими городами и регионами России. Подчеркнем, что в нашей стране больше нет подобных территорий, что делает его уникальным. По утверждению одного из современных исследователей: «Портовые города – стратегические узлы для крупнейших торговых областей, в частности – Европы и Азии, особенно учитывая тот факт, что в мире больше чем 90% торговых оборотов происходят морским путем» [9].

Говоря о совместном влиянии *агломерационного и геоэкономического фактора*, П. Диккен утверждает, что экономическая глобализация формирует новое экономическое пространство товарных цепочек и производственных сетей разного масштаба. Она сопровождается развитием агломерирования, увеличением значения региональных и локальных экономик, ростом региональных кластеров и сетей, усилением специализации [10].

Одним из ярких глобализационных эффектов является научно-техническая трансформация и, в частности, создание автомобильной промышленности (объем производства в 2014 г. для города составил 361,4 тыс. штук), относящейся к четвертому технологическому укладу. Отметим, что автомобилестроение целиком развивается силами иностранных компаний, поэтому коэффициент локализации невысокий («Форд Соллерс холдинг» – 10-30%, «Ниссан Мэнуфэкчуринг Рус» – 32%, «Тойота Моторс Мануфэкчуринг Россия» и «Дженерал Моторс» – 15-20% и только в компании «Хендэ Моторс Мануфактуринг Рус» коэффициент локализации составляет 47%).

В 2000-е гг. Санкт-Петербург уплотняет собственное агломерационное пространство, которое покрывается понятием Санкт-Петербургского приморского региона. Происходит оформление обновленного транспортного каркаса с фокусом в виде кольцевой автомобильной дороги Санкт-Петербурга. Благодаря строительству кольцевой автодороги и «Западного скоростного диаметра», новой индустриализации в поддерживающих городах-спутниках, интенсификации пригородного сообщения, доступной массовой жилой застройки и успешной инвестиционной политике Ленинградской области на стыке города и области, город демонстрирует примеры укрепления локальных экономик (до 100 км от города), появления региональных кластеров и усиления региональной специализации.

Вдоль северо-восточной границы Санкт-Петербурга и Ленинградской области сформировались поддерживающие центры-спальные районы Новодевяткино, Бугры, Мурино, Кудрово, общей численностью более 100 тыс. человек. Их локализация обусловлена «неправильностью» геометрических форм Санкт-Петербурга, из-за которой слабозаселённые западные территории входят в его состав, а освоенные многолюдные и, что самое важное, близко расположенные пригороды – нет. На ближней периферии (5-15 км) активно развиваются поддерживающие центры (Тосно, Сертолово, Всеволожск), создающие рабочие места в зоне первой периферии. Динамичное развитие этих городов говорит о зарождении полицентризма в рамках агломерационного пространства крупногородского ареала.

Выполняя функции крупного портово-промышленного центра, Санкт-Петербург становится узловым организующим центром для других комплексов, например, для Усть-Луги, Бронки, Приморска и Высоцка, а также оказывает значительное влияние на периферию региона, включая сопредельные территории в Псковской, Новгородской областях и Карелии.

Огромное значение имеют *унаследованные особенности развития*. Под ними, в широком смысле, понимается зависимость от сложившейся в регионе структуры экономики, степени освоенности, демографической ситуации, социокультурных особенностей и неформальных институтов (традиций и норм), воздействующих на формы занятости, доходы, мобильность населения, а в более широком плане – на человеческий и социальный капитал.

Европейская судьба Санкт-Петербургского региона и его интеграция в европейское культурное пространство исторически дали возможность появлению особой мультикультурной среды, восприимчивой к влиянию не только иных российских регионов, но и европейских государств-соседей и мигрантов, ставших носителями особого петербургского менталитета.

В Санкт-Петербурге военная и высокотехнологичная промышленность на протяжении всей истории формировала его облик и играла особую роль в его экономике. Как пишет Ф. Ф. Рыбаков, «экономика Петербурга зарождалась во времена Северной войны и поэтому с самого начала имела внушительную оборонную составляющую ... Более того, оборонная

промышленность являлась наиболее технически и технологически оснащенной, положительно влияла на развитие других отраслей промышленности» [11]. К концу XIX — началу XX в. город переживает небывалый экономический рост. К 1913 г. он обеспечивает 12% производства промышленной продукции Российской империи, в том числе 70% электроэнергетических изделий, 50% химической продукции, 25% машин, 17% текстиля страны. В столице в это время действовало 567 банков (там же).

Особую роль играет иностранный частный капитал...Наибольшую группу предпринимателей, составляли немцы, затем – французы, англичане, бельгийцы, австрийцы, швейцарцы. «Развитие деловых контактов между российскими и иностранными предпринимателями влекло за собой глубокие изменения в психологии и этике деловых отношений, привнося в них элементы национальной и религиозной терпимости, уважение к позиции другого человека, стремление понять, найти общий язык с партнером независимо от его социального статуса и личных убеждений» [12].

Одним из важных факторов конкурентоспособности и роста Санкт-Петербурга стала *эмуляция*. Это явление можно определить, как «попытку сравниться с другими или превзойти их в каком-либо достижении или качестве; желание или стремление сравняться, или превзойти» [13].

По утверждению Федора Достоевского: «...так возник космополитичный, многонациональный и веротерпимый Петербург — самый умышленный город на всём свете». Действительно, на этапе становления и развития Северной столицы, механизмы эмуляции позволили заимствовать многие успешные практики из стран Западной Европы, но, при этом, создать абсолютно уникальный и своеобразный европейский город.

Важным фактором его развития стал 200-летний *столичный статус* (1712-1918 гг.), который дал возможность извлекать так называемую «столичную ренту»² и развивать важнейшие виды деятельности: государственное управление, торговлю, промышленность, науку, элитарное образование, культуру, финансы и т. д. При этом, в годы империи Санкт-Петербург занимал лишь третье место после Одессы и Лиепай по экспорту пшеницы, являвшейся главной статьёй экспорта державы.

Для роста богатства было необходимо не просто увеличивающееся население, но и его концентрация. Уже к началу XX века в городе проживало 2 млн. человек, а он занимал 3 место в Европе по численности населения. Сегодня он имеет 5,2 млн. чел. и также занимает 3 место в Европе по численности населения.

Показательным, в развитии этого региона, стал советский период. В годы советской власти город усилил промышленный потенциал и добавил к этому

---

²По мнению немецкого исследователя Дашера, прирост рабочих мест, непосредственно связанный со столичным статусом города, можно оценить примерно в 7% от общего уровня занятости в столичном регионе.

статус научно-образовательного (при одновременной потере статуса торгового и финансового) центра. Говоря о «зависимости от пройденного пути» и «унаследованных особенностях развития», необходимо отметить, что еще в первые годы «Новой экономической политики» (1920-е гг.) начинается поиск модели развития города, в частности, были выбраны три генеральных направления движения: «город-порт, город-транзит, город промышленности и высокой технической культуры...».

В это время была представлена следующая иерархия задач и последовательность действий: 1) местными силами и средствами восстановить город нельзя; 2) необходимо вернуться к забытой роли торгового посредника между Западом и Советской Россией; 3) промышленность должна быть подчинена торговым задачам, а не наоборот; 4) всё, что он (Петроград) получает как транзитный город от заграничного рынка и от всей Советской России остается в его бюджете [14]. В этом плане можно констатировать, что логика развития современного города, его специализация и доминирующая экономическая модель определяется той, которая была сформулирована еще в 1922 году. Определенная инерционность обусловлена особенностями его геополитического и геоэкономического положения [15].

Важным фактором развития любого региона является *развитая инфраструктура*, сокращающая экономическое расстояние. В 2000-е гг. внимание региональных и федеральных властей сфокусировано на: автомобильных дорогах, модернизации аэропорта «Пулково-1», строительстве «Энергетического кольца 330 кВ вокруг Санкт-Петербурга», а также строительстве портовых (Усть-Луга, Высоцк, Приморск, ММПК «Бронка») и логистических комплексов («Янино», «Шушары»).

Заметное влияние на развитие региона оказывает как *прямая федеральная инвестиционная и институциональная поддержка*, так и косвенная.

Например, перевод в Северную столицу штаб-квартир крупных компаний-налогоплательщиков («Газпромнефть», ВТБ-24, «Совкомфлот» и других) является косвенной поддержкой, но оказывает колоссальное влияние на развитие региона. В качестве мер прямой поддержки можно отметить лоббирование и финансирование проведения крупнейших международных мероприятий (G-8, G-20, Чемпионат мира по футболу и другие), финансирование крупных инфраструктурных проектов (Новая скоростная автомобильная дорога М-11 «Москва - Санкт-Петербург», кольцевая автодорога, западный скоростной диаметр, Комплекс защитных сооружений Санкт-Петербурга от наводнений, Ленинградская атомная станция - II, портово-логистические комплексы в Усть-Луге, Высоцке, Бронке и Приморске, «Балтийский СПГ» — завод по сжижению природного газа в Ленинградской области и другие).

Как отмечалось выше, Санкт-Петербург исторически был открыт для инноваций и новых идей.

Фактор *распространения инноваций* оказывает важное влияние на весь регион. В Санкт-Петербурге, действительно, довольно быстро формируются новые бизнесы и высокотехнологичные элементы инновационной среды региона. Появившиеся в 1990-е гг. научные и исследовательские центры крупных высокотехнологичных компаний Microsoft, EMC, Oracle, Intel, Яндекс, Google, Hewlett-Packard, Motorola Mobility, EPAM, LGSoftLab, Siemens, T-Systems — создают предпосылки для развития конкурентоспособной инновационной среды и новых форм организации науки и производства. У С.-Петербурга есть потенциал для того, чтобы стать центром современной и высокотехнологичной промышленности, развить принципиально новые индустрии с опорой на местную научно-исследовательскую базу.

Санкт-Петербург по своему инновационному потенциалу стабильно входит в тройку крупнейших российских инновационных центров. Примечательно, что в рейтинге инновационных городов мира «Innovation cities global rating», подготовленного Международным инновационным агентством «2thinkNow» (Австралия), Санкт-Петербург занимает 81 место среди 445 инновационных городов мира, поднявшись на 3 позиции по сравнению с 2013 годом [16].

В Санкт-Петербурге сосредоточено более 10% научно-исследовательского и конструкторского потенциала страны, который составляют свыше 350 научных организаций: более 60 организаций Российской академии наук и других государственных академий; более 250 государственных организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками; 12 государственных научных центров.

Сегодня инновации создаются в специальных площадках, в частности в «Технопарке Санкт-Петербурга», создающем собственную инновационную экосистему. Здесь создан и успешно функционирует бизнес-инкубатор «Ингрия». На площадке сейчас работает 60 резидентов. Если раньше бизнес-инкубатор специализировался на ИТ, то теперь спектр расширился – здесь представлены разработки в области медицины, робототехники, композитных материалов. В 2015 году программа резидентуры бизнес-инкубатора «Ингрия» заняла 6 место в общеевропейском рейтинге бизнес-инкубаторов (UBI Global).

Предполагается, что к 2030 году успешная реализация инновационного сценария в экономике города будет во многом обеспечена за счет опережающего развития отраслей экономики знаний. Их доля в ВРП Санкт-Петербурга возрастет до 35%.

Говоря о роли *концентрации креативного класса и человеческого капитала*, следует отметить следующее. Сегодня в мире уже сформировались общепризнанные центры креативных индустрий и инноваций: Лондон, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сингапур и Токио. Креативный сектор очень привлекателен. Если в Лондоне и Берлине его доля — 6-9%, то в Санкт-Петербурге всего 1-1,5%. Реализация мероприятий по поддержке креативных

индустрий позволит к 2030 году увеличить вклад креативных индустрий в формирование ВРП Санкт-Петербурга с 7 до 12%.

Если раньше затраты сокращались за счет расширения производства, то сегодня — за счет внедрения IT-технологий. Процесс глобализации завершается. XXI век — век креативности и инноваций. Сегодня в городе формируется современный кинокластер. Традиционно прочное место занимают искусство и живопись, в том числе современное искусство уличного стрит-арта и др. Не случайно город сегодня переживает бум создания «креативных пространств».

Санкт-Петербург, являясь крупнейшим образовательным центром, обладает широкими возможностями подготовки высококлассных специалистов в области креативных индустрий, которые пока не используются³. В городе насчитывается свыше 30 высших учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов по творческим специальностям. В них обучается почти 70 тыс. студентов. В то же время в городе ощущается нехватка инфраструктуры, позволяющей данным специалистам реализовывать их идеи.

Перспективы развития Санкт-Петербургского приморского региона.

Рассмотренные факторы «первой и второй природы», а также дополнительные факторы, акцентированные автором, существенно влияют на развитие Санкт-Петербургского приморского региона в целом и его ядра — Санкт-Петербурга в частности. Заметим, что регион, вступивший на путь форсированной интеграции в глобализованное пространство, сталкивается с возрастающими геоэкономическими рисками, в частности, с экономической зависимостью (взаимозависимостью) от мировой экономики.

Всесторонний и глубокий взгляд на пространственную структуру Санкт-Петербургского приморского региона, а также анализ зарубежных практик развития подобных территорий показывает, что в настоящее время (2000-е гг.) происходит лишь формирование недостающей портово-логистической, транспортно-распределительной, инженерной инфраструктуры, а также особой приморской системы расселения, которая в приморских территориях до сих пор не сложилась. Фактически, за последние 15 лет эта инфраструктура лишь начинает создаваться. Дальнейшее её развитие резко ограничивает весьма низкая плотность населения и занятых в прибрежной полосе.

Учитывая новую геополитическую реальность, Россия и её наиболее вовлеченные в глобализованное пространство регионы, среди которых особое место занимает Санкт-Петербургский приморский регион, начинают

---

³Так, в Хельсинки в креативном кластере занято 12,5% всех компаний финской столицы, а общий оборот отрасли составляет более €10 млрд. Согласно статистике, около 30% трудоспособного населения динамично развивающихся городов заняты в творческих профессиях.

ориентироваться не только на иные центры силы – КНР, Индию, Бразилию, Вьетнам, Иран и ЮАР и др., но и на новые для себя рыночные ниши.

У Санкт-Петербурга и его поддерживающей периферии имеется потенциал для того, чтобы стать центром высокотехнологичной, современной промышленности и креативных секторов экономики, развить принципиально новые индустрии с опорой на местную научно-исследовательскую базу. Его экономика диверсифицируется, возвращаются новые идеи и фирмы, а сама городская среда и новые урбанистические ландшафты будут вытеснять «старые отрасли промышленности» в удалённые города-спутники и на дальнюю периферию региона.

При этом следует иметь в виду, что без широкой международной кооперации и выхода на глобальные рынки город не сможет в полной мере реализовать свой потенциал. Важно понимать, что внутренний рынок никогда не сможет заменить внешний ни по масштабу, ни по прибыли.

Важнейшей становится проблема импортозамещения в промышленности и повышения добавленной стоимости производимой продукции. В этих условиях национально ориентированный бизнес, системообразующие банки и государственные корпорации должны создавать производственные и инфраструктурные объекты, которые будут связаны с местной экономикой более тесными производственными, сбытовыми, инфраструктурными и логистическими связями. Наряду с этим должны решаться комплексные задачи: рост занятости, создание высокооплачиваемых рабочих мест, локализация продукции, более высокая добавленная стоимость и расширение экспортных возможностей производителя, изменения качества жизни населения и структуры экономики региона.

Модернизация портовой и аэропортовой инфраструктуры дает возможности нарастить международные перевозки товаров и людей уже в ближайшие годы. На примере замещения европейских туристов – туристами из КНР, Индии и Латинской Америки видно, что это возможно.

В перспективе прогнозируется увеличение объёмов международных перевозок в связи с ростом товарообмена между Россией и странами Евразии, что связано с вступлением России во Всемирную торговую организацию и созданием Евразийского экономического союза⁴, включая Российскую Федерацию, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Республику Армения и Кыргызскую Республику. Союзные государства обязуются гарантировать свободное перемещение товаров и услуг, капиталов и рабочей силы, а также осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

---

⁴Суммарный объем внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) с третьими странами за январь – декабрь 2016 года составил 509,7 млрд. долл. США, в том числе экспорт товаров – 308,4 млрд. долл., импорт – 201,3 млрд. долл.

Заключение. В условиях санкционного противостояния и общей геополитической и геоэкономической неопределенности, возникшей после 2014 года, российские регионы переживают сложный период адаптации и переформатирования сложившихся внешних связей и сценариев развития. Санкт-Петербургский приморский регион представляет собой уникальный регион, чьи конкурентные преимущества определяются его пространственными характеристиками – приграничным, пристольным и приморским положением. В нашей стране больше нет подобных территорий, что делает его уникальным.

В настоящее время в Санкт-Петербурге и Ленинградской области происходит формирование национальных транспортно-логистического и дистрибутивного центров Европейской части России за счет развития морских портов и подходов к ним, создания сети терминально-логистических центров и портово-промышленных зон, развития кластеров высокотехнологичных отраслей, предоставляющих услуги с более высокой добавленной стоимостью.

В условиях нового геополитического контекста, возникшего после 2014 года, можно констатировать, что от успешного развития таких приморских регионов зависит устойчивость всей российской экономики и её дальнейшее поступательное развитие.

Conclusion. In the conditions of confrontation through sanctions and overall geopolitical and geo-economic uncertainties after 2014, the Russian regions are experiencing a difficult period of adaptation and reformatting of existing external relations and development scenarios. The St. Petersburg coastal region is a unique region, whose competitive advantage is determined by its spatial characteristics – the border, the capital and seaside position. In our country, there are no more such territories, which makes it unique.

Currently in Saint-Petersburg and Leningrad region is the formation of national transport and logistics and distribution centers of the European part of Russia due to the development of sea ports and approaches thereto, creating a network of terminal and logistics centers and the port and industrial zones development of clusters of high-tech industries, providing services with higher added value.

In the new geopolitical context, which arose after 2014, we can say that the successful development of such coastal regions depends on the stability of the Russian economy and its further progressive development.

Литература

1. Lachininskii S.S., Lachininskii A.S., Semenova I.V. (2016) The geoeconomic factor in shaping the spatial pattern of St. Petersburg's coastal area. In *Regional Research of Russia*, volume 6, Issue 4, pages 323–331, DOI: 10.1134/S2079970516040110.
2. Anokhin, A.A., Lachininskii, S.S. (2015) Evolution of the Ideas and Contents of Geoeconomic Studies. In *Regional Research of Russia*, vol.1 (5), pages 82–87.
3. Лачининский С.С. (2013) Опыт типологии геоэкономических рисков. *География и природные ресурсы*, №2, с.15–22.
4. Дружинин, А.Г. (2014) Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте. *Известия РАН. Серия географическая*, № 1, с.19–27.
5. O'Connor K. (2010) Global city regions and the location of logistics activity. *Journal of Transport Geography*, 18, pages 354–362.
6. Krugman P. R. (1993) First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Journal of Regional Science*, vol. 33, pages 129–144.
7. Флорида, Р. (2005) Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. — М., Классика–XXI, 2005. с.
8. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2010) Пространственная экономика: эволюция подходов и методология. *Пространственная экономика*, №2, с.6–32.
9. Rodrigue Jean-Paul, Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. www.geog.umontreal.ca/Geotrans/fr/ch3fr/conc3fr/ch3c3fr.html, accessed by November 2006.
10. Dicken, P. (1998) Global shift. Transforming the World Economy. Third Edition. London: Paul Chapman Publishing. 521 p.
11. Рыбаков Ф.Ф. (2012) Экономика Санкт-Петербурга и вызовы XXI века. *Проблемы современной экономики*, №2 (42), URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4095> (дата обращения: 06.01.2014).
12. Вишняков-Вишневецкий, К.К. (2004) Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства в начале XX века. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, том 4, №7, с.258–271.
13. Райнерт Э. С. (2015) Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автомонова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М.: Дом Высшей школы экономики, 2015. 384 с. (Экономическая теория).
14. Манько А. (1998) Россия на мировых рынках. Взгляд в прошлое // *Внешняя торговля*, №10–12.
15. Кузнецов С.В., Лачининский С.С. (2014) Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и ее верификация на примере

Санкт-Петербургской агломерации. *Балтийский регион*, №1 (19), с. 103-121.

16. Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года утв. постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13.05.2014 №355.

POLITICAL ASSOCIATIONS OF MUNICIPALITIES IN EUROPE

Abstract: The article endeavours to identify and characterise selected political associations of municipalities across Europe, as well as to provide typical models of municipalities being associated into large groups representing their interests in relations with central government. A study that addressed 26 European countries has helped identify four principal organisational models of associations of local structures. These are as follows: (1) the consolidated model (existing in Bulgaria, Czech Republic, Denmark, Finland, Greece, Latvia, Lithuania, Netherlands, Norway, Sweden), (2) the bipolar model (in Bosnia and Herzegovina, Croatia, Estonia, Italy, Slovakia, Slovenia, and Switzerland), (3) the federative model (in Austria, Belgium, Germany, Spain), and (4) the fragmented model (to be found in France, United Kingdom, Poland, Hungary, and Romania).

Keywords: inter-municipal cooperation, associations of municipalities, local government, Europe

Introduction

Inter-municipal cooperation is currently one of the increasingly popular questions addressed in scientific research (Hulst, Van Motfort 2007). Studies to date have focused on a wide array of substantive manifestations of this cooperation. The most frequent have been analyses of cooperation in the provision and production of public services, e.g. in municipal waste management, water and sewage economy and public transport (Bel Fageda 2006; Warner 2006; Sørensen 2007; Wollmann, 2010; Bel et al. 2013; Mäeltsemees et al. 2013; Bel, Warner 2015; Grešová 2016; Kolsut 2015). Such studies concentrate primarily on the economic side of cooperation and seek efficient and profitable institutional solutions for the implementation of the municipalities' statutory objectives (most often as an alternative to privatisation). Studies have also frequently focused on cooperation in the coordination of developmental and spatial planning policies in metropolitan areas as opposed to territorial reforms (Ostrom et al. 1961; Kaczmarek, Miś 2007; Lackowska 2009; Rayle, Zegras 2012; Miś 2014; Krukowska, Lackowska 2016). Moreover, studies aim to analyse public management and territorial organisation with a view to seeking optimum legal solutions for urban agglomerations and metropolitan areas.

Far less frequent are analyses of inter-municipal cooperation which present the creation of joint representation of municipalities in their relations with the government (at the central or federal state level). This is a unique cooperation which most commonly takes the form of large interest groups gathering from a few dozen up to a few dozen thousand members. Mechanisms of operation of such organisations are most often addressed by political sciences and sociology, which

make use of the findings of the interest group theory, collective action theory and public choice theory (Olson 1965; Nownes 2014). Relevant literature very rarely addresses the question of political associations of municipalities, which is most often discussed as part of an analysis of other issues. Kettunen and Kull (2009), for instance, touch upon the role played by associations of municipalities in three European countries (Estonia, Finland and Germany) in the development of the European Union policy via their offices in Brussels. Moreover, the question of political associations of municipalities often appears in the context of more comprehensive analyses of local-national relations (Blom-Hansen 1999; Cigler 1994; Entwistle, Laffin 2003; CCRE 2007; Stoney, Graham 2008; Chenier 2009; Agranoff 2014; Shot 2015). There is then a clear research gap concerning this question, which this publication aims to bridge to some extent, especially in the European context.

The objective of this publication is to identify and characterise selected political associations of municipalities in Europe as well as to indicate the typical models of municipalities being associated in large groups representing their interests in relations with the central authority. Analysis of relevant literature demonstrates an evident deficit of European research on this topic. The objective adopted in this study is first of all idiographic, i.e. addresses mainly the seemingly simple individual solutions, their description and assignment to distinct categories. The typology of models of associations of municipalities proposed here is, however, an attempt to come up with unprecedented generalisations in the field. The following research questions will facilitate reaching the stated objective:

- How do municipalities create associations in various European countries?
- Is there only one association representing the interests of municipalities in a given country or are there more of them?
- What are the models of municipalities gathering into political organisations?
- What is the level of participation of municipalities in national political associations and what does it depend on?

The present analysis has covered 26 European countries, member states of the Council of Europe. The study leaves out a few countries. The reason is three-fold. First, this analysis excludes countries which are very small in terms of size and their local self-government organisation is of incomparable smaller significance (Andorra, Liechtenstein, San Marino, Monaco, Luxembourg, Malta). Secondly, excluded are also those member states of the Council of Europe which are in fact located outside Europe (Armenia, Azerbaijan, Georgia). Thirdly, the analysis does not include counties for which data concerning their political associations of municipalities are unavailable (Albania, Belarus, Cyprus, Ireland). The data factored in the analysis are taken from the official publications of the Council of Europe and the websites of the associations.

Political associations of municipalities in Europe

Political associations of local self-government entities are in fact created in every country with self-government of municipalities. They can be defined as organisations gathering municipalities and representing their interests in relations with the central government. The prime characteristics of such associations are, then: (1) participation of municipalities as direct or indirect members (via regional organisations), (2) national scale (in exceptional cases, a scale of an internal region and substantial autonomy), (3) status of a representative of the local community in relations with the government. The operative criterion of including a given association in the analysis was its membership in the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe.

Associations of municipalities take active part in many initiatives and play a plethora of roles. These are as follows:

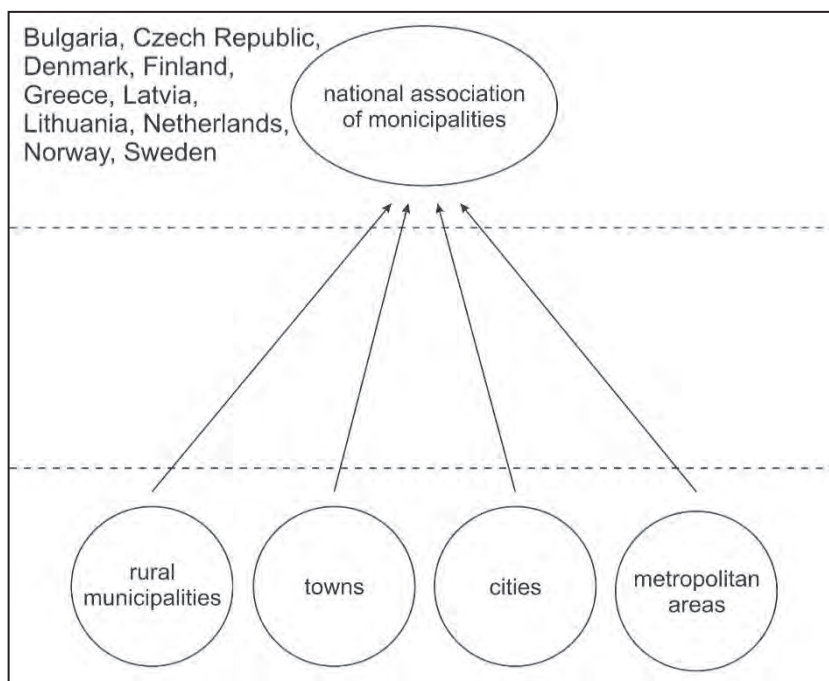
- contribution to the legislation process via providing opinions on draft laws, negotiations and meetings with parliament and government, public relations,
- promotion of modern and innovative, citizen-centred governance methods,
- participation in national and international forums,
- Support to municipalities in their execution of power.

Analysis of political associations of municipalities in 26 European states has helped single out four principal models of organisation of joint representation: (1) the simple consolidated model, under which the country's municipalities are represented by a single nationwide association, (2) the bipolar urban-rural model, where municipalities are represented by two separate associations upholding the interests of cities, towns and metropolises on the one hand, and of rural municipalities on the other, (3) the federative model, where municipalities are represented by an association (or associations) active on a regional level or at the level of the federal state, and finally (4) the fragmented model, with three or more national associations representing municipalities. Furthermore, the article discusses the individual associations within the above four models.

Consolidated Model

The consolidated model is a type with the simplest institutional structure (Fig. 1). It can be found in countries with a single joint network of municipalities. This type is the most common (covers 11 countries) and is represented by relatively small unitarian states (Croatia, Czech Republic, Netherlands, Lithuania, Latvia), the Scandinavian countries, which show a high administration culture and a consensual political style (Denmark, Finland, Norway, Sweden), and finally by medium-sized states with relatively big local self-government units (Bulgaria and Greece).

Figure 1. The consolidated model.

Source: own elaboration.

An example of a highly consolidated model is offered by the associations of municipalities in the Scandinavian countries; in Denmark, Finland, Norway, and Sweden there are single representations of local structures. In Denmark this role is played by the Local Government Denmark, an organisation that groups all the 98 municipalities and acts as a representative of local administration employees. This is a sizeable entity (employing ca. 400 people), established in 1970 (as a result of merger of three other organisations of local-self-government). At a similar time (1972) and in a similar manner (as a result of merging two associations) was created the Norwegian Association of Local and Regional Authorities. At present, it gathers all the 428 municipalities and (like its Danish counterpart) plays the role of an organisation gathering administration personnel. This is also the function fulfilled by the Swedish Association of Local Authorities and Regions, set up in 2007 after a merger of a local and a regional organisation. It combines the potential of 290 Swedish municipalities. Scandinavian associations are a unique example of an almost ideal culture of cooperation and organisation. One should indicate, however, that all of the above states demonstrate a clearly consolidated structure of local structures (an average municipality is inhabited by, respectively: in Denmark ca. 57,000 residents, in Finland 17,000, in Norway 12,000, and in Sweden 33,000 residents), and the relatively small number of municipalities helps create a comprehensive and complete representation, legitimising all the actors of the local

political scene. The potency of such a model of political representation is borne out by the study of The Council of European Municipalities and Regions (CCRE 2007), which presents European states on a scale of quality of the consultation procedures between the state and the political representation of municipalities. It turns out that the Scandinavian countries are placed in the first category – “Consultation highly satisfactory” (Finland, Norway) or in the second one – “Consultation satisfactory” (Denmark, Sweden).

Table 1. Associations operating in countries with the consolidated model

Country	English name	Original name	Year of establishment	No. of members
Bulgaria	National Association of Municipalities in the Republic of Bulgaria	Националното сдружение на общините в Република България	1996	265
Czech Republic	Union of Towns and Municipalities of the Czech Republic	Svaz měst a obcí České republiky	1990	2564
Denmark	Local Government Denmark	Kommunernes Landsforening	1970	98
Finland	Association of Finnish Local and Regional Authorities	Suomen Kuntaliitto	1993	311
Greece	Central Union of Municipalities and Communities of Greece	Κεντρική Ένωση Δήμων Ελλάδας	N.A.	325
Latvia	Latvian Association of Local and Regional Governments	Latvijas Pašvaldību savienības	1991	119
Lithuania	Association of Local Authorities of Lithuania	Lietuvos savivaldybių asociacija	1995	60
Netherlands	Association of Netherlands Municipalities	Vereniging van Nederlandse Gemeenten	1912	393

Norway	Norwegian Association of Local and Regional Authorities	Kommunenes Sentralforbund	1972 ¹	428
Sweden	Swedish Association of Local Authorities and Regions	Sveriges Kommuner och Landsting	2007	290

source: own compilation on the basis of desk research
(literature review and website analysis).

The simple consolidated model can be moreover found in the Netherlands. The country is rather small in terms of size, yet is very densely populated. The number of municipalities comes close to that in the Scandinavian countries, their average population being very high; a Dutch municipality is inhabited by an average of 43,000 people. This is, then, a situation similar to that of the Scandinavian countries, whose local self-government structures are also relatively consolidated. The Association of Netherlands Municipalities was set up in 1912; it therefore has a long history and enjoys an established position in the country. At present, it represents all the Dutch municipalities. The Association supports devolution processes and cooperation on a local level. This organisation seeks to strengthen territorial self-government structures, their associations and training institutes not only in the Netherlands, but also in the developing countries and in the countries in transition. By developing premium quality standards of public services, it endeavours to promote adequate models for local self-government worldwide.

Apart from the Nordic countries and the Netherlands, the simple consolidated model can be found in Bulgaria, Greece, Latvia, and Lithuania. All of the above states share a relatively high average size and the number of municipalities. In Bulgaria there are 265 municipalities, with an average local structure numbering ca. 27,000 residents, in Greece (after a recent consolidation of local structures) there are at present 325 municipalities inhabited on average by 34,000 residents, in Latvia the local structures are made up of 119 municipalities with an average of 17,000 inhabitants, while in Lithuania there are 60 municipalities with an average of 49,000 residents. The common denominator of the above four states is moreover a strong political representation in relations with the government, comprising all the municipalities within a state. These are, respectively, the National Association of Municipalities in the Republic of Bulgaria (set up in 1996), the Central Union of Municipalities and Communities of Greece, the Latvian Association of Local and Regional Governments (est. in 1991), and the Association of Local Authorities of

---

¹ Norwegian Association of Local and Regional Authorities was established after a merger of two associations: 1) Union of Norwegian Cities (Norges Byforbund), set up in 1903, and 2) Norwegian Association of Rural Municipalities (Norges Herredsforbund), set up in 1923.

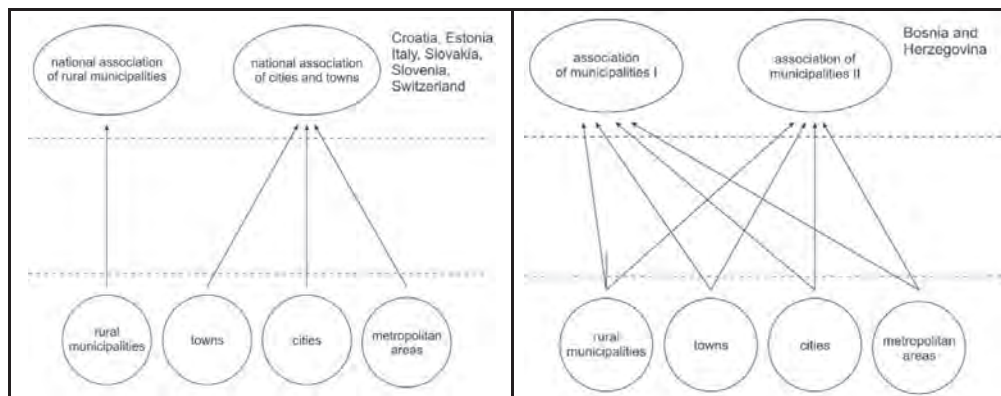
Lithuania (set up in 1995). However, assessment of these organisations' impact on national legislation provided by their representatives varies (CCRE 2007). Representatives of associations in Latvia and Lithuania are of the highest opinion of this impact and deem it "highly satisfactory". In the case of representatives of the National Association of Municipalities in the Republic of Bulgaria, consultation quality is regarded as satisfactory. In turn, representatives of the Central Union of Municipalities and Communities of Greece believe that the "consultation is pure formality" and are rather critical of it.

Another example, dramatically different from the others, is offered by the Czech Republic, a country with the highest (besides France) fragmentation of its local self-government structures. According to the data for 2016, in the Czech Republic there were ca. 6,300 municipalities (i.e. an average municipality has ca. 1,700 inhabitants). Such a vast number of municipalities may affect the relatively low level of participation in the political associations of municipalities (ca. 41%). Czech municipalities are gathered in one such organisation, the Union of Towns and Municipalities of the Czech Republic, established as in most post-socialist states in the early 1990s. This is an organisation which represents the interest of municipalities in their relations with the Czech government and parliament. Its representatives assessed the quality of consultations with the national government as average relative to the other European countries (CCRE 2007: 234). It seems that the principal reason for this low level of participation is the high fragmentation of the local structures (their number increases the probability of negative phenomena in such a big organisation; they are inevitable in large groups and trigger a low willingness to cooperate) as well as the post-socialist legacy.

Bipolar model

The bipolar model can be found in countries with two associations representing the interests of (1) cities and (2) urban areas (possibly also towns and joint urban and rural municipalities). In one case (Bosnia and Herzegovina), the bipolar representation is made up of associations active in the autonomous and separate parts of a given state. The entire group includes two federalised states (Bosnia and Herzegovina, Switzerland), as well as countries of Central and Eastern Europe (Croatia, Slovenia, Slovakia, Estonia). Another country demonstrating this model is Italy, with The National Association of Italian Municipalities and The National Union of Mountain Towns and Communities; both associations started an integration process in 2011.

Figure 2. The bipolar model of associations of municipalities within joint political representation

source: own elaboration.

Croatia is an example of a country with separate associations for rural municipalities and cities. There are two national associations, i.e. the Association of Croatian Cities and the Association of Municipalities of the Republic of Croatia (Table 2). They gather 404 municipalities (ca. 94% of the total number). Membership rate is, then, relatively high, possibly due to a rather small number of municipalities; research studies to date (Ivanović et al. 2010) indicate a series of weaknesses of inter-municipal cooperation in Croatia, including e.g. a lack of collaboration culture, absence of financial incentives, weakness of institutions, and passivity of central government, which does not support local structures in cooperation initiatives. Perhaps the last factor motivates Croatian municipalities to gather in opposition to state structures.

The bipolar model includes moreover representations of municipalities in three relatively small countries: Estonia, Slovakia, Slovenia, and Switzerland. Apart from the overall size, the above states share a relatively high fragmentation of the local structures – in Estonia there are 213 municipalities with an average of 6,000 residents, in Slovakia – 2,930 municipalities with 1,900 residents, in Slovenia – 212 municipalities of ca. 9,800 residents, and in Switzerland there are 2,324 municipalities with an average of 3,500 inhabitants. Most probably the relatively high fragmentation of the local structures may have contributed to the emergence of separate political representations for rural and urban municipalities.

Table 2. Associations in operation in countries with the bipolar model

Country	English name	Original name	Year of establishment	No. of members
Bosnia and Herzegovina	Association of Local Authorities of Republic of Srpska	Savez opština i gradova Republike Srpske	1998	63
	Association of Municipalities and Cities of the Federation of Bosnia and Herzegovina	Savez općina i gradova Federacije Bosne i Hercegovine	2002	79
Croatia	Association of Croatian Cities	Udruga općina u Republici Hrvatskoj	2002	283
	Association of Municipalities of the Republic of Croatia	Udruga gradova	2002	121
Estonia	Association of Municipalities of Estonia	Eesti Maaomavalitsuste Liit	1990	115
	Association of Estonian Cities	Eesti Linnade Liit	1990	45
Italy	The National Association of Italian Municipalities	Associazione Nazionale Comuni Italiani	1901	7318
	The National Union of Mountain Towns and Communities	Unione Nazionale Comuni Comunità Enti Montani	N.A.	N.A.
Slovakia	Association of Towns and Communities of Slovakia	Združenie miest a obcí Slovenska	1990	2614
	Union of Slovak Towns and Cities	Únia miest Slovenska	1994	76
Slovenia	Association of Municipalities and towns of Slovenia	Skupnost občin Slovenije	1992	173

	Association of Municipalities of Slovenia	Združenje občin Slovenije	1999	143
Switzerland	Swiss Union of Cities and Towns	Schweizerischer Städteverband	1897	N.A.
	Association of Swiss Municipalities	Schweizerischer Gemeindeverband	1953	N.A.

source: own compilation on the basis of desk research
(literature review and website analysis).

Italy is a country with two separate national associations of municipalities. This is a rather unique situation, since apart from a representation of cities, towns and rural municipalities there is an association (The National Union of Mountain Towns and Communities) dedicated to so-called mountain communities, or structures composed of a few up to a dozen or so municipalities located in the mountainous regions (active in 6 Italian regions). It has to be borne in mind, however, that in 2011 it began integration with The National Association of Italian Municipalities, the principal and the strongest corporation representing the interests of the local structures in relations with the government. The National Association of Italian Municipalities was created in the early 20th century and has at present over 7,300 members (ca. 90% of the total number of municipalities). It is therefore an organisation with a long history, gathering a vast majority of the many Italian municipalities.

A slightly different situation can be identified in Bosnia and Herzegovina. There are two associations in this country, one for each of the two, relatively autonomous parts of the state. One of them (Association of Local Authorities of Republic of Srpska) represents the municipalities of the Republic of Serbia, and the other (Association of Municipalities and Cities of the Federation of Bosnia and Herzegovina) gathers the local structures of the Federation of Bosnia and Herzegovina. It is in order to point out that Bosnia is a federation state, composed of two relatively separate parts; unlike Belgium (where we deal with a conflict between Wallonia and Flanders), it does not have a single joint representation of the local structures.

Federative model

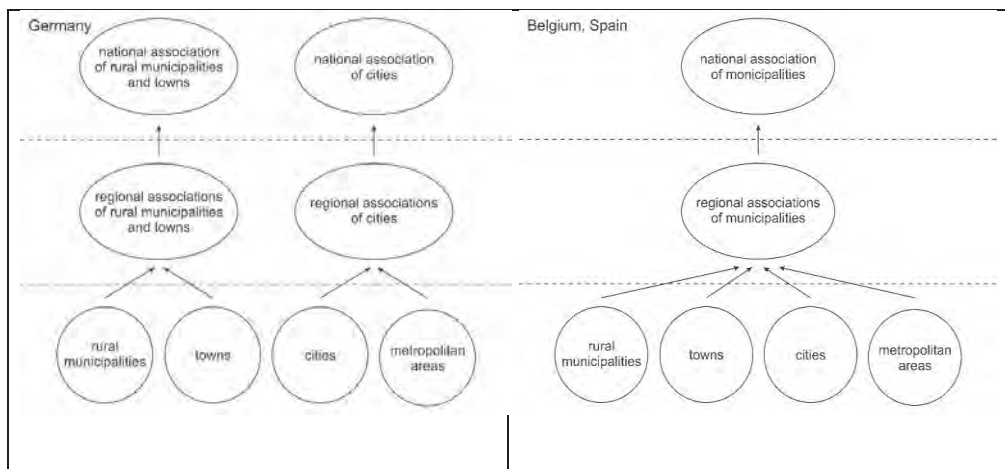
Some European countries (Austria, Belgium, Germany, Switzerland, and the aforementioned Bosnia and Herzegovina) are federations. There are also European unitarian states, like Spain or Italy, with a powerful role of the regional tier. This character of the state and local self-government has triggered the emergence of the federative model of municipality organisation (Fig. 3). It can be found in countries with at least one network gathering not so much municipalities, but rather regional

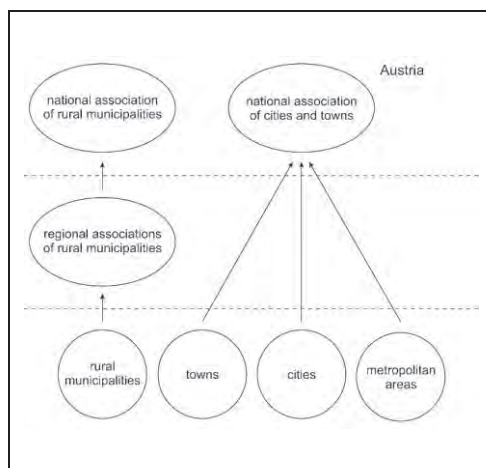
organisations (of the federal states). This is a complex type of organisation, consisting in indirect participation of municipalities in the national network; formally their members are regional associations of municipalities. Four of the states under discussion here, i.e. Austria, Belgium, Germany, and Spain, represent this very model. However, each of these countries developed their own modality of implementing it, differing as to some details from the other ones (Fig. 3).

Austria is a rather atypical case, with two national associations of a long-standing tradition: the Austrian Association of Cities and Towns (established in 1915) and the Austrian Association of Municipalities (set up in 1947). The former association gathers directly cities and towns (a total of 249). The latter is made up of regional organisations that gather rural municipalities (the national representation is made up of 10 associations organised at the level of federal states, gathering a total of over 2,000 municipalities). In Austria, then, there are two nationwide organisations, one of which has a two-tier structure.

To some extent, a situation similar to that in Austria can be observed in Germany, where we also deal with two associations at the national level, both with a relatively long history. The difference is, however, that in both of them the main members are associations of municipalities of the federal states and the division of the local structures is different. The Association of German Towns and Municipalities groups 17 associations representing rural municipalities and towns of the federal states. In turn, the German Association of Cities represents large German cities and metropolises and incorporates 15 regional organisations.

Figure 3. The federative model of associations of municipalities within a joint political representation
source: own elaboration.

Apart from Austria and Germany, the federative model can be found in Belgium. This is country of relatively substantial historical and cultural differences, highly politically polarised. Its two rather autonomous parts (Flanders and Wallonia) have their separate representations of the local structures – the Association of Flemish Cities and Municipalities and the Union of Cities and Municipalities of Wallonia.

Moreover, there is a separate structure representing the Brussels Region, i.e. the Association of the City and Municipalities of the Brussels-Capital Region. All the three organisations act in unison within the Union of Belgian Cities and Municipalities, trying to represent the nearly 600 Belgian municipalities.

Table 3. Associations in states with the federative model

Country	English name	Original name	Year of establishment	Members	
				Associations	Municipalities
Austria	The Austrian Association of Cities and Towns	Österreichischer Städtebund	1915	-	249
	Austrian Association of Municipalities	Österreichischer Gemeindebund	1947	10	(2 089) ²
Belgium	Union of Belgian Cities and Municipalities	Vereniging van Belgische Steden en Gemeenten	1995	3	(589) ³
Germany	Association of German Towns and Municipalities	Deutscher Städte- und Gemeindebund	1973	17	N.A.

² Indirect participation via associations of municipalities in the federal states.

³ Indirect participation via 3 associations of municipalities in regions: Flanders, Wallonia, Brussels.

	German Association of Cities	Deutscher Städtetag	1948	15	199 (3400) ⁴
Spain	Spanish Federation of Municipalities and Provinces	Federación Española de Municipios y Provincias	1981	16	N.A.

source: own compilation on the basis of desk research
(literature review and website analysis).

Spain is the last country with the federative model. This is no state with a typical federation organisation of state structures, but with a powerful position of regions, some of which enjoy a high degree of autonomy. This fact is responsible for the dominance of regional organisations associating municipalities, which together with the provinces make up the Spanish Federation of Municipalities and Provinces, in operation for over 35 years. It gathers 16 regional organisations and represents municipalities in relations with the government in Madrid.

Fragmented model

The fragmented model can be found in countries with more than two national, political associations of municipalities. Their number depends on either the different kinds of municipalities (different representations of rural municipalities, cities, towns, metropolises) or regional affiliation (in the case of substantial internal divisions within a state). France is a country with the largest number of national associations; there are as many as 7 of them. In Hungary there are 5 national networks, with 3 active in Romania. The United Kingdom is atypical in that it has a national union gathered the local structures of England and Wales (with the Welsh municipalities having their separate association) and two autonomous networks, for Northern Ireland and Scotland. This type is moreover represented by Poland, whose municipalities participate in 4 national political associations.

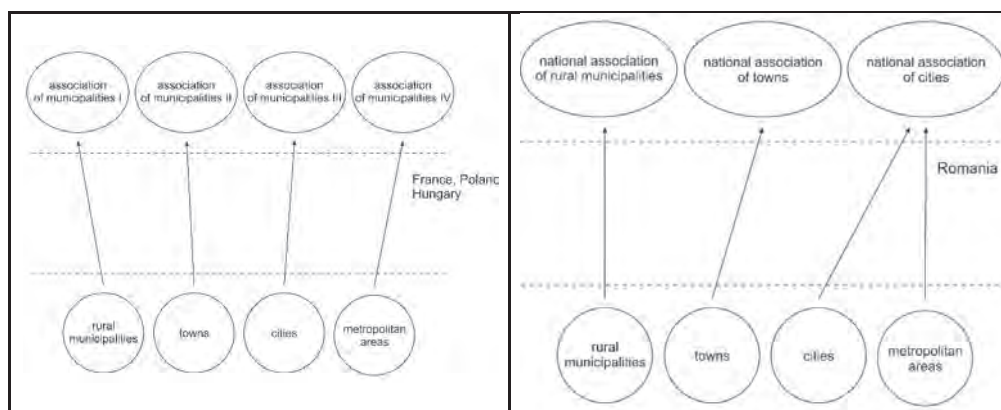
The most similar examples of the fragmented model can be found in France, Poland and Hungary. In each of these countries there are separate associations representing rural municipalities, towns, cities and large urban areas (including metropolises). Representation of local structures in relations with the government is, then, highly dispersed. Moreover, associations active in the three states have dissimilar powers to represent municipalities. While nearly all of the great number of municipalities in France (over 36,000) participate in the activities of at least one national network, in Poland the ratio is disquietingly low (36%, i.e. ca. 900 from among nearly 2,500 municipalities participate in the work of national political

---

⁴ Indirect participation via associations of municipalities in the federal states.

associations). The situation in Romania is slightly better, as ca. 60% municipalities belong to at least one of the national political associations.

Figure 4. The fragmented model of associations of municipalities within a joint political representation

source: own elaboration.

The representation of local self-government structures in Romania is similar to that of France, Poland and Hungary. The three existing Romanian associations act separately on behalf of rural municipalities, smaller towns and finally large and medium-sized cities. The three organisations gather ca. 1,800 municipalities (from a total of over 3,100).

Table 4. Associations in states with the fragmented model

Country	English name	Original name	Year of establishment	No. of members
France	Assembly of The Mayors of France	Association des maires de France	1907	35528
	Federation of Medium Cities	Villes de France	1988	161
	French Large Town Mayors Association	Association des maires de grandes villes de France	1974	49
	French Association of Rural Mayors	Association des Maires Ruraux de France	1971	10000
	French Association for the Council of European Municipalities and Regions	Association française du conseil des communes et régions d'Europe	1951	1449

United Kingdom	Local Government Association	Local Government Association	1997	350
	Northern Ireland Local Government Association	Northern Ireland Local Government Association	2001	11
	Convention of Scottish Local Authorities	Convention of Scottish Local Authorities	1975	28
	Welsh Local Government Association	Welsh Local Government Association	1996	22
Poland	Association of Rural Communes of Poland	Związek Gmin Wiejskich RP	1993	552
	Association of Polish Cities	Związek Miast Polskich	1993	305
	Union of Polish Small Towns	Unia Miasteczek Polskich	1991	17
	Union of Polish Metropolitan Areas	Unia Metropolii Polskich	1993	12
Hungary	Association of Hungarian Cities with County Rank	Megyei Jogú Városok Szövetsége	1990	23
	Hungarian Association of Municipalities	Magyar Önkormányzatok Szövetsége	1990	N.A.
	Hungarian National Association of Local Authorities	Tanácsi Önkormányzatok Országos Szövetsége	1989	1577
	Hungarian Village Association	Magyar Faluszövetség	1989	201
	National Association of Small Cities	Kisvárosi Önkormányzatok Országos Érdekszövetsége	1990	93
Romania	Association of Romanian Municipalities	Asociația Municipiilor din România	1990	103
	Romanian Association of Communes	Asociația Comunelor din România	1997	1489
	Association of Romanian Towns	Asociația Orașelor din România	1994	217

source: own compilation on the basis of desk research
(literature review and website analysis).

The situation in the United Kingdom is unique. The biggest and strongest UK organisation is the English Local Government Association. Apart from English municipalities, it gathers also 22 municipalities of the Welsh Local Government Association. Scottish municipalities (Convention of Scottish Local Authorities) and

those of Northern Ireland (Northern Ireland Local Government Association) have created a completely autonomous representation. Thus, the relatively small number of municipalities of the United Kingdom (a country with a clearly consolidated local structure) make up a dispersed rather than a consolidated representation. Definitely, such decisions are mainly motivated by the socio-cultural differences and the history and tradition of the individual autonomous parts of the United Kingdom.

Conclusion

Political associations of municipalities in Europe are at present a relatively little researched area of studies of public administration, local self-government and local policy. Earlier major studies on inter-municipal cooperation have focused mainly on optimising institutional solutions for metropolitan areas and on seeking more economic solutions to the implementation of public tasks by inter-municipal corporations. This article fills the research gap and moreover attempts to expand the insufficient relevant scholarship. It has set out to identify, account for and order a set of national political associations of municipalities, as well as to provide generalised conclusions in the form of models (simplified constructs of reality) of associations of municipalities.

A total of 51 associations municipalities (in 26 countries), representing these structures in relations with the government have been identified during the analyses conducted for this purpose of this publication. These associations have a dissimilar history and often divergent objectives. Attempts at generalising individual cases have led to the identification of four principal models of association of municipalities: (1) the consolidated model (Bulgaria, Czech Republic, Denmark, Finland, Greece, Latvia, Lithuania, Netherlands, Norway, Sweden), (2) the bipolar model (Bosnia and Herzegovina, Croatia, Estonia, Italy, Slovakia, Slovenia, Switzerland), (3) the federative model (Austria, Belgium, Germany, Spain), and (4) the fragmented model (France, United Kingdom, Poland, Hungary, Romania). Each of these models has its unique organisation of joint representation, from single, through bipolar to fragmented. The mode of operation of these entities varies from country to country. Some are well-established and well-represented associations, i.e. in the Scandinavian countries, France, Germany, and Austria (all of these countries have a membership rate in the national political networks at the level of ca. 100%). There are also countries where local structures are represented the least frequently: Poland (a membership rate at the level of ca. 36%) and the Czech Republic (41%).

The studies conducted so far are but a preliminary review of this area of public administration and public policies. They should be continued, e.g. in the context of efficient operation of the models identified and their multilateral relations and relations with central government. The area of joint political representation of municipalities has a short research history and this scholarship gap must be effectively bridged in the near future.

Literature

1. Agranoff R., 2014. Relations Between Local and National Governments. [In:] D. P. Haider-Markel (ed), *The Oxford Handbook of State and Local Government*. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199579679.013.002.
2. Bel G., Fageda X., 2006. Between privatization and intermunicipal cooperation: Small municipalities, scale economies and transaction costs. *Urban Public Economics Review* 6: 13-31.
3. Bel G., Fageda X., Mur M., 2013. Why Do Municipalities Cooperate to Provide Local Public Services? An Empirical Analysis. *Local Government Studies* 39, 3: 435-454.
4. Bel G., Warner M., 2015. Inter-municipal cooperation and costs: Expectations and evidence. *Public Administration* 93, 1: 52-67.
5. Blom-Hansen J. 1999. Policy-Making in Central-Local Government Relations: Balancing Local Autonomy, Macroeconomic Control, and Sectoral Policy Goals. *Journal of Public Policy*, 19, 3: 237-264.
6. CCRE 2007. Consultation procedures within European states. Brussels, Conseil des Communes et Régions d'Europe.
7. Chenier J. A. 2009. The evolving role of the Federation of Canadian Municipalities. *Canadian Public Administration*, Vol. 52, No. 3: 395–416.
8. Cigler B. A., 1994. The County-State Connection: A National Study of Associations of Counties. *Public Administration Review*, 1994, Vol. 54, No. 1: 3-11.
9. Entwistle T., Laffin M. 2003. The multiple strategies of the Local Government Association: partner, player and think-tank? *Policy & Politics*, Vol. 31, No. 1: 37–50.
10. Feiock R., 2007. Rational Choice and Regional Governance. *Journal of Urban Affairs*, 29, 1: 47-63.
11. Grešová L., 2016. Towards the implementation of the best practice from abroad – strengthening the cooperation among Slovak municipalities. *Acta Regionalia et Environmentalica* 2, pp. 35-40
12. Heinelt H., Kuebler D. 2005. Metropolitan governance, democracy and the dynamics of place. (In:) H. Heinelt, D. Kübler (eds), *Metropolitan Governance. Capacity, democracy and the dynamics of place*. Oxon, Routledge, pp. 8–28.
13. Hulst R., van Montfort A., 2007. Inter-Municipal Cooperation: A Widespread Phenomenon. In: Hulst R., van Montfort A. (eds), *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. Springer, Dordrecht: 1-21.
14. Ivanović M., Podolnjak R., Gluhak I., Jackson J., 2010. Inter-Municipal Cooperation in the Republic of Croatia. Zagreb, Association of Municipalities in the Republic of Croatia. [W:] http://udruga-opcina.hr/upload_data/site_files/imcincroatia_66826308.pdf (26.03.2017 r.).

15. Kettunen P., Kull M., 2009. Governing Europe: the Status and Networking Strategies of Finnish, Estonian and German Subnational Offices in Brussels. *Regional and Federal Studies*, Vol. 19, No. 1, 117–142.
16. Kaczmarek T., Mikuła Ł. 2007. Ustroje terytorialno-administracyjne obszarów metropolitalnych w Europie. Poznań, Bogucki Wydawnictwo Naukowe.
17. Kołsut B., 2015. Zinstytucjonalizowane sieci współdziałania międzygminnego w Polsce. Poznań, Bogucki Wydawnictwo Naukowe.
18. Krukowska J., Lackowska M. 2016. Metropolitan Colours of Europeanization. Institutionalization of Integrated Territorial Investment Structures in the Context of Past Cooperation in Metropolitan Regions. *Raumforschung und Raumordnung*, DOI: 10.1007/s13147-016-0447-y.
19. Lackowska M., 2009. Zarządzanie obszarami metropolitalnymi w Polsce. Między dobrowolnością a imperatywem. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
20. Mäeltsemees S., Lõhmus M., Ratas J. 2013. Inter-Municipal Cooperation: Possibility for Advancing Local Democracy and Subsidiarity in Estonia. *Halduskultuur – Administrative Culture* 14 (1): 73-97.
21. Mikuła Ł., 2014. Powiązania instytucjonalne Poznania – współpraca samorządowa. [w:] T. Kaczmarek (red.), Delimitacja poznańskiego obszaru metropolitalnego. Biblioteka Aglomeracji Poznańskiej, nr 26: 79-93.
22. Nownes A. J., 2014. Local and State Interest Group Organizations. [In:] D. P. Haider-Markel (ed), *The Oxford Handbook of State and Local Government*. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199579679.013.006.
23. Olson M., 1965. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Harvard University Press
24. Ostrom V., Tiebout C., Warren R. 1961. The organization of government in metropolital areas. *American Political Science Review*, 55: 835-842
25. Rayle L., Zegras C., 2012. The Emergence of Inter-Municipal Collaboration: Evidence from Metropolitan Planning in Portugal. *European Planning Studies* 21, 6: 867-889.
26. Schot A. K., 2015. Municipal Associations, Membership Composition, and Interest Representation in Local Provincial Relations. Electronic Thesis and Dissertation Repository. Paper 3333.
27. Sørensen R.J., 2007. Does dispersed public ownership impair efficiency? The case of refuse collection in Norway. *Public Administration* 85, 4: 1045-1058.
28. Stoney K., Graham K. A. H., 2009. Federal-municipal relations in Canada: The changing organizational landscape. *Canadian Public Administration*, Vol. 52, No. 3: 371–394.
29. Warner M. E. 2006. Inter-municipal cooperation in the U.S.: a regional governance solution? *Urban Public Economics Review* 7: 132–151.
30. Wollmann H., 2010. Comparing Two Logics of Interlocal Cooperation: The Cases of France and Germany. *Urban Affairs Review* 46 (2): 263-292.

**АРКТИЧЕСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ МАРШРУТ ЧЕРЕЗ
РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКУЮ ГРАНИЦУ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТРАКТОВКИ И ЛОКАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ**

Е. Mikhailova

**ARCTIC MIGRANT ROUTE ACROSS THE RUSSIAN-NORWEGIAN
BORDER:
GEOPOLITICAL INTERPRETATIONS AND LOCAL PERCEPTIONS BY
BORDERLANDERS**

Abstract. The suddenness of the migratory flow appearance in the High North, its content as well as the way it has been treated and stopped caused significant outcry in international mass media, three countries involved (Russia, Norway and Finland) and world politics. However, the Arctic migrant route was lacking academic reflection. This paper contributes to filling in this gap by contextualizing it, reconstructing its chronology, naming some of its consequences and finding out its perception locally and globally. By using these two scales the author brings evidence to uncontrolled and spontaneous nature of the Arctic migrant route and thus provides yet another counterargument against hybrid warfare hypothesis.

Keywords: Arctic migrant route, refugee and migrant crisis, Russian-Norwegian borderland, border community

Recognizing the lack of academic reflection on the Arctic migrant corridor and its aftermath, this paper seeks to place this land route in the context of the global exodus and summarize its perceptions and interpretations globally and locally. These two levels were chosen as they represent the closest and the furthest prisms to understand migration both as a phenomenon and a process. By using global and local lenses the author tries not just to think about a flow going from one point to another but to reconstruct its transit path and document impacts it had on the surrounding. Such a multi-scale analysis (Artobolevsky and Sintserov 2008, Nefedova 2012, Kolosov and Sluka 2016) is an effective and appropriate tool for investigating international migratory flows of people, their composition, motives and expectations.

By moving upscale and downscale, from the global to the local and back, the author compares and contrasts public discourse. The analysis of global discussions is based on mass media notes and academic reports. To embrace the variety of local debates, the author used interviews with border landers and public interchange of views in popular social networks.

The paper consists of four parts. The first part introduces the Russian-Norwegian cross-border region, its long-standing tradition of cooperation and substantial social and economic differences between the two sides. The second part restores chronology of the Arctic route, names key reasons of its emergence and termination. The third part sketches geopolitical talks caused by the Arctic route and provides new argument dashing the hybrid warfare hypothesis. The fourth part tops up the previous narrative with analysis of community's experience of welcoming refugees and migrants and gives an insight into variety of local reactions to migrants and refugees transiting through their homelands.

Introduction to the region

The Russian-Norwegian cross-border region consists of two counties – Murmansk Oblast on the Russian side and Finnmark fylke on the Norwegian side. One of key structural components of the cross-border region is the 196 km Russian-Norwegian land border, the oldest Russia's border in Europe. The border was agreed upon in 1826 in the Russian-Swedish convention 'About borders between Russia and Norway in Lapland churchyards' (Kola encyclopedia 2017). In the second part of twentieth century the border with Norway became one of the most isolated Soviet frontiers as it was dividing capitalist and socialist blocks, NATO and Warsaw Treaty states. Today the border separates the Russian Federation and the Schengen zone and has accommodated the first visa-free arrangement between continental Russia and Schengen agreement countries. The record high number of border-crossings was registered in 2013 when 320.000 people crossed the Russian-Norwegian border (Moe and Rowe 2016, p.83).

The Russian-Norwegian cross-border region covers 193.537 km² and has population over 840.000 inhabitants, with 75% of the territory and 91% of population being on the Russian side. As the numbers suggest, this area has a rather low population density – 1.5 people per km² on the Norwegian side (ten times lower than the country average – 16 people per km²) and 5.3 persons per km² on the Russian side (versus 8.3 persons per km² for the entire country). Most of the region consists of tundra (in the north) and taiga (in the south). The inner parts of the region have a continental climate. The coastal part has a slightly milder climate due to the influence of the Gulf Stream.

The social and economic gradients between the Norwegian and Russian parts of the cross-border region are great. The general living standard on the Norwegian side of the border remains much better, even if the living standard has improved considerably on the Russian side during the latest years. In 2015 Norwegian GDP per capita was 2.5 times higher than the Russian one (World Bank, 2015) and almost nine times higher than the one in Murmansk Oblast (Rosstat 2017). In Norway the expected living age is more than ten years higher than in Murmansk Oblast. The average expected living age in Norway was registered as 81.8 in 2015

(World Health Organization 2016), while in Murmansk Oblast it equals 70 (Murmanskstat 2016, p. 38).

Historically, the most important regional characteristic that fueled cross-border interactions was the enormous difference in living standards. During 1990s the humanitarian aid from Finnmark to Murmansk Oblast (especially to the neighboring Russian municipality – Pechenga Rayon) was a dominating type of cooperation. Nowadays the situation has changed. While the Russian actors at the municipal level still look at their Norwegian partners as the main financial contributors, such expectations do not exist at the regional level any more (Fors, Espíritu, Mikhailova 2014).

Since 1993 the Russian-Norwegian cross-border region became a part of the newly established Barents Euro-Arctic region (hereinafter BEAR) that consists of northern parts of Finland, Norway, Russia and Sweden. A new institutional framework for cooperation with special authorities coordinating joint activities and dedicated funds providing financial support to cross-border initiatives led to creation of “simplified border-crossing rules for residents of the Barents” and “project support for indigenous entrepreneurs and enterprises in the region” (Sellheim 2012, p. 519). Some argue that due to Barents cooperation a distinct Barents identity “concentrated in the triangle Kirkenes–Murmansk–Rovaniemi” has emerged (Heikkilä 2014, p.1). At the celebration of the 20th anniversary of BEAR in 2013 at that time Norway's Prime Minister Jens Stoltenberg pointed at spread of trust across borders as one of Barents cooperation chief results (Johannessen 2013). However, a few years later both trust and simplified border-crossing rules for Barents residents appeared under threat when international refugee and migrant crisis has extended to the European Arctic.

The sudden emergence and termination of the Arctic route

The northernmost land route used by the Middle East refugees and migrants seeking sanctuary in Europe is popularly known as the Arctic migrant route. While the academic reflection on the Arctic route is scarce, the abundance of mass media reports allows to reconstruct its chronology quite easily. Describing the Arctic route retrospectively, one could resume that the highest intensity of its exploitation so far happened from September 2015 till February 2016. While for the first couple of months – till November 29, 2015 – the flow of refugees was heading predominantly to Norway, later it was redirected to Finland. Altogether about 7.000 asylum seekers used these two ‘branches’ of the Arctic migrant route. This paper deals particularly with the Norwegian ‘branch’, the one that was used by majority of refugees and migrants making their way to the European Economic Area via the Arctic in summer and autumn of 2015.

Experts and journalists have consensus about two main reasons for a sudden emergence of the Arctic route. The first one is an economic rationale behind it. The estimated price of the whole package ranged between \$1.600 (Jacobsen and Doyle

2015) and \$2.500 (Hohmann and Laruelle 2016) what was substantially cheaper than the Mediterranean crossing (for instance crossing via Greece may cost about \$18.000 (Moe and Rowe 2016, p. 87). The second reason lied in belief that this route is relatively safe. While generally speaking this reputation has been proven, there were a number of freeze burns and one death caused by severe weather conditions registered on this route (Nilsen 2016b).

The ethnic composition of migrants and refugees who used the Arctic migrant route has been changing over time. The first waves mostly comprised of Syrians, but gradually people from “other zones of war and poverty” joined “the caravan to Europe” (Hudson 2015, p. 23). Arctic migrants and refugees originated from over 20 countries including Egypt, Ethiopia, Gambia, India, Nigeria, Nepal, Sri Lanka, Sudan, Tunisia, Turkey, Pakistan, etc. The main donors of asylum seekers were Syria, Afghanistan, Iraq and Iran (The Local 2016).

The typical itinerary of Syrians crossing the border to Norway included a flight from Beirut to Moscow, a plane or a train ride from Moscow to Murmansk and then a lift towards the border. The final part of the long way – last 20 km – asylum seekers had to cover “on the wheels”, as the Borisoglebsk border-crossing point has a status of a multilateral international automobile checkpoint (Federal Customs Service of the Russian Federation 2011) and nobody is allowed to cross this type of checkpoints on foot. At the beginning Middle East asylum seekers mostly were driven across the border in Russian cars. However, from August 2015 local police in Kirkenes started pressing charges against drivers who brought refugees and migrants across the border suspecting them in human trafficking (The Local 2015). Since then the only possible way to pass the final stretch became by bicycle (Jacobsen and Doyle 2015).

October 27-November 14 was the busiest period in receiving migrants and refugees at the Norwegian ‘branch’ of the Arctic route. During this time over 100 asylum-seekers per day (with a record of 196 asylum-seekers on November 4, 2015) passed through Borisoglebsk-Storskog border-crossing point (Ulyanova and Vassilieva 2015). Such a flow has put both border towns of Nikel and Kirkenes at the edge of the humanitarian crisis. While weather conditions were becoming harsher, accommodation facilities available in cities (especially on the Russian side) were filled over their capacity. About 500 refugees and migrants were staying at the only (at that time) hotel in Nikel at once. All rooms were occupied; people were sleeping in the halls and corridors (Demeneva 2015).

The Norwegian side facing the same problem of constantly growing incoming flow of migrants and refugees decided to open the second center for asylum seekers reception. The first and the main transit center called Fjellhallen was located in Kirkenes downtown in a man-made cave burrowed into a mountain and had capacity of 150 beds. It was operational from September 24 till November 11, 2015 and was managed by Sør-Varanger municipality. During these seven weeks it received 3.500 refugees (Furuly and Olsen 2016). The second transit center called Vestleiren comprised of newly erected barracks near Kirkenes airport, 12 km away from Kirkenes downtown. It was opened on November 2015 and functioned for a

year. Management of the center was carried out by the Hero, the largest operator of reception centers in Norway with 30-year experience in the field (Hero Mottak 2017). The center had capacity to accommodate 600 refugees. When the flow of migrants and refugees was over, the newly opened center was turned into a “camp for people who have been denied asylum in Norway and were awaiting to be returned to Russia” (Nilsen 2016a).

The other challenge on the Norwegian side of the border was the limited capacity of the Storskog border-crossing point itself including problems with water supply and providing a roof for preliminary questioning of asylum seekers at the border. To expand available premises, three barracks and some tents were urgently set up by the Norwegian Civil Defence (Nilsen 2015b). Finally there was a clear lack of personnel to process incoming flow of migrants and refugees on the Norwegian side and police workers were at work all night (Arvola and Wormdal 2015). At the end of October Norwegian Government allocated funding for extra 23 police officers to handle the extraordinary situation (Nilsen 2015).

The Norwegian 'branch' of the Arctic route has emerged as suddenly, as it has terminated. On November 29, 2015 the Police in Finnmark in charge of Norway's immigration control and Russian Border Service reached an agreement that identity check will happen on the borderline and persons without a valid visa to Norway or Schengen would not be allowed to enter Norwegian soil (Nilsen 2015d). Some believe that migrants were deterred with the words of Norway's Prime Minister Erna Solberg who warned that “asylum seekers from Afghanistan arriving at Storskog check-point risk being put on a direct plane to Kabul” (Nilsen 2015a). According to Frontex (2016), other reasons for easing the situation at the Norwegian 'branch' of the Arctic route included worsening weather conditions and even the shortage of bicycles. Since the refugee and migrant flow over the Russian-Norwegian border has been stopped in 2015, only infrequent small groups of refugees and migrants made attempts to cross into Norway via Russia, all of them have been stopped on the Russian side of the border (Staalesen 2017).

Geopolitical interpretations of the Arctic migrant route

The Arctic route received its first international coverage in late August 2015, one month before its busiest days. At that time there were five to 20 asylum seekers trying to cross from Russia to Norway per month (Kingsley 2015). While the figure looks quite modest, it has been a clear surge as in 2014 there were ten asylum claims in total submitted by people entering Norway in the High North (Abelsen and Trellevik 2016).

As multiple experts and journalists have noted, some people who used the Arctic route had already been based in Russia for a long time. Some of them had residence permits there, others had requested asylum in Russia and were rejected (Engesland 2016, p. 3; Hohmann and Laruelle 2016; Demeneva 2015). Norway's

Minister of Justice and Public Security at that time Anders Anundsen labeled such a phenomenon as a “misuse of the asylum system” (Nilsen 2015a).

The suddenness of the Arctic route emergence and its rapidly growing popularity, as well as its motley composition caused a significant international discussion. Many were suspicious of Russia initiating the flow to destabilize its neighbors. The Finnish tabloid *Ilta-Sanomat* noted that the flow of migrants and refugees using the Norwegian 'branch' of the Arctic route is “too well-organized to be taking place without the blessing of the Kremlin’s top leadership” (Yle 2015). The same mistrust has been voiced by Finnish politicians, including Finnish Defense Minister Jussi Niinistö (Sputnik 2016) and Finland’s former foreign minister Ilkka Kanerva (Higgins 2016). By pointing at the fact that Russia’s European North is a highly-militarized region, some resumed that allowing asylum-seekers to cross it is “a provocation, punishing Oslo for adopting European sanctions regarding the Ukraine conflict” (MS Risk Blog 2015). The main accusations consisted of Russia facilitating illegal entry to its Northern neighbors (Martikainen et. al. 2016, p. 54) by changing procedures in the border zone (Sputnik 2016).

Such a mystification of the Arctic route has been dashed by researchers from Norway's Fridtjof Nansen Institute Arild Moe and Lars Rowe who concluded that “Russian practices were not altered in any significant way in 2015” and that the Norwegian side had an “incorrect impression of the Russian border regime being more restrictive than it really was” (Moe and Rowe 2016, p. 80). Thus, a hypothesis of the Arctic migrant route being yet one more secret weapon of the Russia’s hybrid war against the West was not confirmed.

Although the flow of migrants and refugees on the Arctic route was crossing the border more orderly: all asylum seekers entered Norway through its main and the only official entry point – Storskog checkpoint, there was a number of situations demonstrating that control over the flow was rather fragile and illusory. One of the most telling events occurred on October 26 when a group of young men started walking from Nikel towards the border determined to cross it that day, as they did not carry any gear or proper clothes to stay at the border overnight (Nilsen 2015c). Their estimated number given by eyewitnesses varied between over 80 (Nilsen 2015c) to 120 individuals (Abelsen and Trellevik 2016). To stop this group and prevent possible troubles at the border, Nikel authorities had to mobilize police, border guards and civil defense forces. After several hours of negotiations the conflict was resolved and these migrants and refugees were transported back to the Nikel hotel (Abelsen and Trellevik 2016). It is not the same scale of disorder or the same degree of risk for migrants and refugees to lose their lives attempting to storm the borders (although this is difficult to measure and controversial) as the Calais accident of August 3, 2015 when around 1.700 refugees and migrants tried to “breach the 15 mile ring of steel surrounding the Channel Tunnel to get to Britain” (Robinson and Smith 2015). On the other hand, it's the same combination of despair, tiredness of endless waiting and a persistent desire to reach once chosen destination.

Local Perceptions of the Arctic route

While Norwegian scholars and reporters narrate the Arctic passage as a “precarious route desperate Syrian refugees are braving in their pursuit of security and shelter” (Naguib 2016, p. 377), Russian newspapers more often portrayed this route as a way towards attractive Norwegian social benefits and “life by European standards” (Hibiny 2015). Local perceptions of border landers correspond with said two approaches.

On the Norwegian side of the border one could have observed “a wave of generosity and volunteering” (Barkouki 2016, p. 2). Sør-Varanger residents were mobilized to assist with migrant and refugee reception both by grassroots associations and by the municipality. Sør-Varanger activists launched an organization ‘Refugees welcome to the Arctic’, a northernmost division of nationwide organization ‘Refugees Welcome to Norway’. Volunteers from these associations distributed “warm clothes, nappies, prams, toys, coffee, tea, sandwiches, and traditional Christmas cakes” among refugees and migrants in Kirkenes (Naguib 2016, p. 377). Besides, a significant share of Sør-Varanger residents was involved in migrant and refugee reception as a part of their occupational duties, as both the municipality and later the Hero recruited people for two transit centers operated by them locally.

Based on interviews with Kirkenes residents, one could conclude that on the Norwegian side perception of refugees and migrants was quite homogeneous. There migrants and refugees on the Arctic route were seen as “people who need help” and “people who had a long journey”. Norwegian interviewees were mentioning that “life in a transit camp is not a normal life, it’s a life full of fear about the future”. No wonder that Bjørn Engesland and Svetlana Gannushkina, human rights activists who visited the Vestleiren camp, pointed at high organizational skills and humanity of the people of Finnmark county who were hosting the asylum seekers, underlining that there migrants were “treated as human beings” (Engesland 2016, p.3).

On the Russian side of the border migrants and refugees on the Arctic route were perceived differently. Based on analysis of public discussions in social networks, one could identify three main narratives present among Pechenga Rayon residents and expressed in the Internet:

1) **“Arctic migrants” are not real refugees, they pretend to be refugees** (*“Refugees could be women, kids and elderly people, all others should defend their fatherland”; “Have you seen those “refugees”? They are young men in age 20-28”; “Refugees are unlikely to be rude and to wear golden jewelry”*).

2) **“Arctic migrants” are terrorists** (*“The other day I’ve seen a bus with Middle East refugees returned from Norway. Where will they go now? We’ve already had some terrorists and terror attacks, I wish there won’t be any repetition”, “Very few of them are refugees, half of them are from Afghanistan. Almost everybody travels without wives and kids. I wouldn’t be surprised if there are many hitmen among them”*).

3) **“Arctic migrants” don’t flee the war, they are hunting for easy life and Norwegian social benefits** (*“Refugees are heading to generous Norwegian allowances and will live better than us”; “I would love to receive Norwegian social benefits too but I’m working here in Russia instead”*).

These narratives are not the only ones present among Pechenga Rayon residents. Other attitudes may be reconstructed based on different patterns of interactions with transiting migrants and refugees. Some individuals were empathizing with people in need and voluntarily helping them by providing shelter and hot meals. Others saw entrepreneurial possibilities in mass arrival of Middle East refugees and migrants and were earning money on incoming flow by providing different services - selling bicycles, subletting flats, giving rides from Murmansk to Nikel and from Nikel towards the border, etc. The last mentioned pattern was publicized in mass media and received condemnation both from fellow Pechenga Rayon citizens and Norwegian neighbors.

While the described variety of opinions about the Arctic migrants and refugees is quite expressive, one should not underestimate previous community’s experience of receiving refugees. Sør-Varanger commune presents itself as a multicultural municipality and it has good reasons for it. It has been receiving international migrant flows several times and adopted some asylum seekers with positive decisions regarding their claims for permanent residence. According to one of interviewees, the first refugees reached Kirkenes in late 80s, they were from Sri-Lanka and made their way to the High North by plane. The first transit camp was opened in Sør-Varanger municipality in 1993, mainly for Bosnians. Last time the transit camp operated in 1999 when refugees were coming from Kosovo. Thus, the Norwegian border municipality has some expertise both in opening transit camps in a very short time and in receiving refugees from different parts of the world.

On the Russian side of the border experience of receiving refugees is not that long and diverse. Till 2014 perhaps there was no experience at all. It’s rarely said that until the emergence of the Arctic migrant route, the term “refugees” in the Russian High North has been associated primarily with Ukrainian refugees. Hohmann and Laruelle (2016) and Malinkin (2015) are among few authors who paid attention to different attitudes towards Ukrainian and Middle East refugees. In both papers authors point at Russia’s tiredness of Ukrainian refugees that was also felt in Murmansk Oblast.

From July 2014 Murmansk Oblast and Pechenga Rayon, as other Russian regions, started receiving Ukrainian refugees (Regnum 2014). By January 2016 the total number of Ukrainian refugees received in Murmansk region equaled 5,285, half of them settled in Murmansk (Zvereva 2016) and about 6% (308 individuals) settled in Pechenga Rayon. Although Murmansk region managed refugee reception quite well, there have been a few scandalous cases. The biggest outcry happened when Ukrainian refugees refused leaving the temporary refugee housing and instead of moving to dormitories continued using the accommodation provided by Murmansk municipality regardless the fact that costs for its maintenance has been

cut off from federal subsidies (RIA Novosti 2016). This problematic situation occurred in January 2016, just after the influx of migrants and refugees on the Norwegian 'branch' of the Arctic route.

Conclusions

Till recently the Russian-Norwegian cross-border region had reputation of an exemplary contact and collaboration zone between the West and the East of Europe. The long-established peaceful border, Barents cooperation as well as a 30-km visa-free zone for border landers are some of the key features of that area. Despite (or perhaps thanks to) significant economic and social asymmetries the Russian-Norwegian trans-frontier interactions were steadily evolving both in their forms and range of actors involved. The spread of mutual trust and belief in good-neighbor relationship were indicated among chief results of 20 years of joint work and cross-border cooperation. However, in 2015 when the international migrant flow was transiting through the region, the previously achieved reciprocal understanding became questioned.

5,500 migrants and refugees entered Norway from Russia via the remote Arctic border-crossing point in 2015. Although this occurrence has already turned into a history page, its content, reasons and consequences are worth thorough documentation. Detailed analysis of mass media reports and a few academic publications, as well as doing fieldwork in the region allowed this paper to present quite accurate event canvas. Some facts, such as marching towards the Russian-Norwegian border by a group of young refugees and granting extra personnel to the Norwegian police are placed in a wider academic reflection on the Arctic route for the first time.

Besides providing structured factual description of the Arctic migrant route, the paper contains analysis of its geopolitical interpretations and local perceptions. Perception analysis encompassed overview of public discussions in regional, national and international mass media and local debates reflected in social networks. Based on this material the author reveals a profound mismatch between the two sides of the border as well as between two scales of examination. While globally the Arctic migrant route ever and anon has been labeled as a hybrid war, locally it brought both border municipalities on the edge of a humanitarian crisis and raised serious security concerns among border landers on the Russian side.

Exploration of the way how border landers perceived migrants and refugees on the Arctic route makes it clear that residents of the Russian-Norwegian cross-border region had different attitudes and hence different degree of interactions with transiting migrants and refugees. Residents of the Norwegian border municipality were more actively involved in reception process both within their occupational duties and as a part of volunteer networks. Individual strategies used by border landers on the Russian side varied from staying away from the situation for

security concerns to active participation driven by economic or humanitarian motives.

To grasp the difference in local civic responses to the challenge of international migration on the Russian and Norwegian sides of the border, the paper suggests looking at community's experience in refugee reception. Although there is no clear correspondence between this experience and the way refugees and migrants are perceived and treated, one could assume that lower sympathy and assistance to Arctic migrants and refugees on the Russian side of the border was partially caused by recent mobilization of local population in helping Ukrainian refugees and lack of experience in receiving refugees from culturally different regions of the world.

References

1. Abelsen, T. and Trellevik, A. (2016). Rossiyskiy mer: utverzhdeniya o gibridnoy voyne — grubaya oshibka [Russian mayor: statements about a hybrid war is a blunder]. INOSMI. April 22. [Online] Available from: <http://inosmi.ru/politic/20160422/236254011.html> [Accessed: 17th March 2017]
2. Artobolevsky, S. and Sintserov, L. (eds.). (2008). *Transformatsiya rossiyskogo prostranstva: sotsial'no-ekonomicheskie i prirodno-resursnyye factory (polimasshtabnyy analiz)*. Proceedings of XXV session of International Association of Regional studies. Moscow.
3. Arvola, S. and Wormdal, B. (2015). Flyktningstrøm kan skape humanitær katastrofe. NRK Finnmark. November 3. [Online] Available from: <https://www.nrk.no/finnmark/ordforer-i-sor-varanger-frykter-humanitaer-katastrofe-1.12635776> [Accessed: 15th March 2017]
4. Barkouki, N. M. (2016) Finding rest in your mother language.
5. Demeneva, S. (2015). Zapolyarnyy tranzit. Siriyskikh bezhentsov v Nikele stanovitsya vse bol'she [Transit in Polar regions. Syrian refugees continue arriving in Nickel]. October 29. [Online] Available from: <http://murmansk.bezformata.ru/listnews/bezhentcev-v-nikele-stanovitsya-vse/39541283/> [Accessed: 15th March 2017]
6. Engesland, B. (2016). Norwegian Helsinki Committee. Annual report 2015. [Online] Available from: http://www.nhc.no/filestore/Publikasjoner/rsrapporter/74955_AnnualReport_2015_nettersjon.pdf [Accessed: 20th March 2017]
7. Federal Customs Service of the Russian Federation. (2011). Prikaz FTS RF № 2271 ot 08.11.2011 [Decree No. 2271 from November 8, 2011] [Online] Available from: <http://customs.consultant.ru/doc.asp?ID=18054> [Accessed: 21st March 2017]
8. Fors, B.S., Espiritu, A.A. and Mikhailova, E. (2014). EUBORDERREGIONS FP7 Research project. Case Study No. 1. Norway-Russia: Case Study report.

9. Frontex. (2016). Eastern Borders route. [Online] Available from: <http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/eastern-borders-route/> [Accessed: 15th March 2017]
10. Furuly, J.G. and Olsen, T. (2016). Sør-Varanger truer UDI med rettssak etter asylkrisen ved Storskog. Aftenposten. April 16. [Online] Available from: <http://www.aftenposten.no/norge/Sor-Varanger-truer-UDI-med-rettssak-etter-asylkrisen-ved-Storskog-53647b.html> [Accessed: 20th March 2017]
11. Heikkilä, M. (2014) Editorial: Testing the Barents identity. Barents Studies Supplementary issue. [Online] Available from: https://lauda.ulapland.fi/bitstream/handle/10024/59414/barents_pop_3_Testing-the-barents-identity_screen.pdf?sequence=2 [Accessed: 20th March 2017]
12. Hero Mottak. (2017) Om oss. [Online] Available from: <http://heromottak.no/om-oss/> [Accessed: 20th March 2017]
13. Hibiny. (2015). V Nikel' zachastili siriysy. [Syrians are often in Nikel] September 29. [Online] Available from: <https://www.hibiny.com/news/archive/88188/> [Accessed: 24th March 2017]
14. Higgins, A. (2016). E.U. Suspects Russian Agenda in Migrants' Shifting Arctic Route. New York Times, April 2. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2016/04/03/world/europe/for-migrants-into-europe-a-road-less-traveled.html?_r=0 [Accessed: 20th March 2017]
15. Hohmann, S. and Laruelle, M. (2016) From the Mediterranean to the Far North: A Refugees Corridor at the Russian-Norwegian Border. In: *Commentary, Norway, Russia, Society and Culture*. [Online] Available from: <http://www.thearcticinstitute.org/refugees-corridor-russian-norwegian-border/> [Accessed: 17th March 2017].
16. Hudson, L. (2015) Liquidating Syria, Fracking Europe. Middle East Policy. 22, No. 4. p. 22-39.
17. Jacobsen, S. and Doyle, A. (2015). On Arctic tip of Europe, Syrian migrants reach Norway by bike. Reuters. September 3. [Online] Available from: <http://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-arctic-idUSKCN0R325N20150903> [Accessed: 15th March 2017]
18. Johannessen, F. (2013). Kirkenes II Declaration signed. Norden. June 6. [Online] Available from: <http://www.norden.org/en/news-and-events/news/kirkenes-ii-declaration-signed> [Accessed: 15th March 2017]
19. Kingsley, P. (2015). Syrians fleeing war find new route to Europe – via the Arctic Circle. August 29. The Guardian. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2015/aug/29/syrian-refugees-europe-arctic-circle-russia-norway> [Accessed: 17th March 2017]
20. Kola encyclopedia (2017). [Online] Available from: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=99599 [Accessed: 24th March 2017]
21. Kolosov, V. and Sluka, N. (eds.). (2016). *Geografiya mirovogo khozyaystva: traditsii, sovremennost', perspektivy*. Smolensk. Oykumena Publishing House.

22. Malinkin, M. E. (2015) A Long Road to Asylum: Syrian Refugees in Russia. *Kennan Cable* No. 12. Woodrow Wilson International Center for Scholars.
23. Martikainen, T., Pynnöniemi, K., Saari, S., and the Finnish Institute of International Affairs team, 2016. Russia's changing role in Finland's neighbourhood. *Publications of the Government's analysis, assessment and research activities*, 34/2016.
24. <http://vnk.fi/documents/10616/2009122/Ven%C3%A4j%C3%A4n+muuttuva+rooli+Suomen+l%C3%A4hialueilla/ab20bd1b-6fbd-4929-8b47-3bc246fc643?version=1.0>
25. Moe, A., and Rowe, L. (2016). Asylstrømmen fra Russland til Norge i 2015: Bevisst russisk politikk? *Nordisk Østforum*, 30, pp. 80–97. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.17585/nof.v30.432>. [Accessed: 16th March 2017]
26. MS Risk. (2015). The Arctic Route to Europe. November 30. [Online] Available from: <http://www.msrisk.com/uncategorized/the-arctic-route-to-europe/> [Accessed: 16th March 2017]
27. Murmansk Oblast Government. (2014) Murmanskaya oblast' gotovitsya prinyat' pervuyu organizovannuyu gruppu bezhentsov s yugo-vostoka Ukrainy. [Online] Available from: <http://old.gov-murman.ru/press/2014/07/?newsid=23940&page=19> [Accessed: 17th March 2017]
28. Murmanskstat. (2016). [Statistic Yearbook 'Murmansk Oblast']. [Online] Available from: http://213.168.51.135/files/electronic_versions/Yearbook/012311003.pdf [Accessed: 20th March 2017]
29. Naguib, N. (2016). Humanitarian Pluralism: The Arctic Passage in an Age of Refugees. *International Journal of Middle East Studies*. 48. p. 377-381.
30. Nefedova, T. (2012). Polimasshtabnyy podkhod k issledovaniyu sel'skoy mestnosti Rossii. In: *Geograficheskoe polozhenie i territorial'nye struktury: Pamyati I. M. Maergoyza*. P. Polyanskiy, A. Tretyakov (eds.). Moscow. Novy khronograf. Pp. 315-345.
31. Nilsen, T. (2015). More police to handle Arctic inflow of asylum seekers The Independent Barents Observer. October 30. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/2015/10/more-police-handle-arctic-inflow-asylum-seeks> [Accessed: 20th March 2017]
32. Nilsen, T. (2015a). Storskog gets fast-track for return of asylum seekers biking from Russia. The Independent Barents Observer. November 26. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2015/11/storskog-gets-fast-track-return-asylum-seekers-biking-russia> [Accessed: 20th March 2017]
33. Nilsen, T. (2015b). Recommends pocket fluff to overloaded border checkpoint. The Independent Barents Observer. November 9. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2015/11/recommends-pocket-fluff->

- overloaded-border-checkpoint [Accessed: 17th March 2017]
34. Nilsen, T. (2015c). Refugees have started to walk towards the Norwegian border. The Independent Barents Observer. October 26. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/2015/10/refugees-have-started-walk-towards-norwegian-border> [Accessed: 18th March 2017]
  35. Nilsen, T. (2015d). Zero asylum seekers at Storskog after Norway places police on borderline. The Independent Barents Observer. November 30. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/2015/11/police-norways-borderline-russia-stop-migrants-not-holding-legal-visa> [Accessed: 18th March 2017]
  36. Nilsen, T. (2016a). Former military camp turned into Arctic migrant center. The Independent Barents Observer. November 11. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/2015/11/former-military-camp-turned-arctic-migrants-center> [Accessed: 18th March 2017]
  37. Nilsen, T. (2016b). Man found dead on Arctic migrant route after waiting in a car for five days in temperatures below minus 30. The Independent Barents Observer. January 26. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2016/01/man-found-dead-arctic-migrant-route%20> [Accessed: 15th March 2017]
  38. REGNUM. (2014) Segodnya v Murmanskuyu oblast' pribudut okolo 50-60 bezhentsy s Ukrainy. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/1825050.html> [Accessed: 16th March 2017]
  39. RIA Novosti. (2016) Ukrainskie bezhentsy otkazyvayutsya pokidat' punkt razmeshcheniya v Murmanske. [Online] Available from: <https://ria.ru/society/20160128/1366592785.html#ixzz3yYEtsMq> [Accessed: 17th March 2017]
  40. Robinson, M. and Smith, E.K. (2015). Calais under siege: Riot police battle 2,500 migrants desperate to reach Britain through Channel Tunnel during weekend of chaos. Mail Online. [Online] Available from: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3183668/Riot-police-pelted-stones-2-100-migrants-storm-Channel-Tunnel-Calais-weekend-chanting-Open-borders.html#ixzz4bwqAj0aR> [Accessed: 18th March 2017]
  41. Rosstat. (2017). Gross regional product per capita by subjects of the Russian Federation in 1998-2015. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/dusha98-15.xlsx [Accessed: 20th March 2017]
  42. Sellheim, N. (2012). Problem-solving capabilities, goal-attainment and effectiveness of the Barents environmental cooperation. The Yearbook of Polar Law Online, 4(1), 519-539.
  43. Sputnik. (2016). Norway Admits Arctic Migrants Actually Not 'Secret Russian Plot'. August 31. [Online] Available from: <http://sptnkne.ws/c9NQ> [Accessed: 15th March 2017]
  44. Staalesen, A. (2017). Migrants still try to make it from Russia to Norway. The Independent Barents Observer. March 1. [Online] Available from:

- <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/03/migrants-still-try-make-it-russia-norway> [Accessed: 17th March 2017]
45. The Local. (2015). Syrians cross Norway's Arctic border on bicycles. August 27. [Online] Available from: <https://www.thelocal.no/20150827/syrians-crossing-norway-border-on-bicycles> [Accessed: 18th March 2017]
  46. The Local. (2016). Norway to stop returning migrants to Russia by bike. January 14. [Online] Available from: <https://www.thelocal.no/20160119/norway-to-stop-returning-migrants-to-arctic-russia-by-bike> [Accessed: 19th March 2017]
  47. Ulyanova, A., and Vassilieva, E. (2015). Norway adopts stricter asylum regulations. Barents Observer. [Online] Available from: <http://barentsobserver.com/en/borders/2015/11/norway-adopts-stricter-asylum-regulations-27-11> [Accessed: 19th March 2017]
  48. World Bank. (2015). International Comparison Program database. Accessed on March 22, 2017. [Online] Available from: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> [Accessed: 20th March 2017]
  49. World Health Organization. (2016). Tables of health statistics by country, WHO region and globally. [Online] Available from: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2016/EN_WHS2016_AnnexB.pdf?ua=1 [Accessed: 20th March 2017]
  50. Yle. (2015). Wednesday's papers: Mysterious migration, Slushy start, private healthcare, vanishing wolves. November 11. [Online] Available from: http://yle.fi/uutiset/osasto/news/wednesdays_papers_mysterious_migration_slushy_start_private_healthcare_vanishing_wolves/8446434 [Accessed: 20th March 2017]
  51. Zvereva, M. (2016) V Murmanske bezhentsy, prozhivayushchie v PVR, ne speshat pakovat' chemodany. Murmanski vestnik. [Online] Available from: <https://vmnews.ru/novosti/2016/01/30/v-murmanske-bezency-prozivausie-v-pvr-ne-spesat-pakovat-chemodany> [Accessed: 15th March 2017]

GEOPOLITICS OF PIPELINES IN THE POST-SOVIET TERRITORY

Abstract. The paper presents the results of studies of changes in the geography of pipeline transport of Russia and neighboring countries in the post-Soviet period, under the influence of geopolitical factors: Russia's desire to escape from the dictates of the transit countries through which energy exports or have been exported; the struggle for oil and gas transportation routes, extracted in the Caspian Sea; competition for oil and gas transportation routes from the study area in the Asia-Pacific region. There is noted as a main conclusion that purposeful activity of Russia in the creation of the pipeline system under the influence of these factors, the result is ambiguous. On the one hand, it leads to a reduction of the transport depending on some countries, on the other hand, helps to strengthen the economic position and the regional ambitions of other countries, in close proximity to the state border of Russia, as is largely due to the use of their territory. And of course it leads to the formation of potential problems.

Keywords: Geopolitics; Pipeline transportation; Geopolitical interests of Russia; Russia's geopolitical position; The territory of the former Soviet Union.

Since geopolitics studies the impact of territory properties on the policy pursued by the state located within this territory, the nature of all geopolitical researches is inherently interdisciplinary, thus, geopolitical issues are developed by representatives of various sciences, namely, politology, military science, history, sociology, economics etc. However, any geopolitical processes regardless of the tackled tasks (political, social, economic, ecological etc) are territorially bound which makes them the subject of investigation of political geography. It is the main reason why domestic geopolitics is primarily constituted by scientific works of geographers. The most sought-after aspect of geopolitical researches is the geopolitical position of Russia. Its examination is based on combination of different scientific approaches, i.e. historical (Rum, 1994; Treyvish, 1995), economic and political (Shuper, 2009; Baburin, 2011), complex (Horev, 1995; Kolosov, 2000, 2001, 2012; Mironenko, 1996, 2001) and others.

Analysis of the Russia's contemporary geopolitical position traditionally involves initial examination of its characteristics acquired as a result of the USSR collapse (Post-Soviet Space: Twenty years of change, 2013). In the meantime, the attention is usually drawn to negative aspects which, in turn, have negative effect on the overall country development (narrowing of the influence zone and dependence of its socio-economic development on the neighbouring countries, which weakened its internal potential and turned Russia into a hostage of relations with them). Nevertheless, as any integral element of economic and geographical position, the general geopolitical standing is dynamic. The recent 25 years of

Russia's development outside the USSR have been marked by both targeted as well as spontaneous changes in a number of significant characteristics of Russia's geopolitical position.

The most dramatic transformation is related to overcoming the most detrimental aspect of Russia's geopolitical position, namely, with "transportation breaks", which emerged as a result of the USSR collapse in the form of division of the previously integrated transportation system between the newly independent states and thus constituted Russia's "transportation dependence" on those countries within the Post-Soviet territory through which it used to export its goods. No wonder that Russia's contemporary geopolitics is often referred to as "transportation geopolitics" (Yakunin, 2009).

Considering the above mentioned factors, Russia has been actively using both properties of its own territory and territorial characteristics of the neighbouring countries in order to create alternative transport infrastructure elements and alternative transportation routes (Table 1). The ensued changes can be regarded as positive ones since they have significantly reduced the level of the state's dependence on relationships with its neighbours (mainly with countries of the former Soviet Union). Meanwhile, the changes may obviously pose some serious problems in the future as they contribute to strengthening of economic and, consequently, political positions of other neighbouring countries such as Belarus, Georgia, Turkey and China.

Table 1: Alternative Russian Main Pipeline Projects

Title, transportation route	Kind	Commissioning, year	Specifications (length, throughput)
Sukhodolnaya – Rodionovskaya	Oil	2001	259 km; 26 mln. tons per year
"Baltic Pipeline System II": Unecha – Ust-Luga	Oil	2012	1000 km; 30 mln. tons per year
Caspian Pipeline Consortium: Tengiz (Kazakhstan) – Novorossiysk (Russia)	Oil	2004	1510 km; 67 mln. tons per year
"Nord Stream": Vyborg (Russia) – Greifswald (Germany)	Gas	2011	1224 km; 55 bn. cu. m. per year
"Blue Stream": Compressor Station "Beregovaya" (Russia) – Samsun (Turkey) – Ankara (Turkey)	Gas	2003	1213 km; 16 bn. cu. m. per year
"Turkish Stream": Compressor Station "Russkaya" (Russia) - (Turkey)	Gas	2016	about 1000 km; 63 bn. cu. m. per year
"Eastern Siberia – Pacific Ocean" (ESPO): Taishet – Ust-Kut – Lensk – Olekminsk – Aldan – Skovorodino	Oil	2009	2694 km; 30 mln. tons per year

“Eastern Siberia – Pacific Ocean” (ESPO - 2): Skovorodino - Blagoveshchensk – Birobidzhan - Khabarovsk – SMNP “Kozmino”	Oil	2012	2046 km; 30 mln. tons per year
Skovorodino (Russia) – Mohe (China)	Oil	2011	63,7 km (in Russia) and 950 km (in China); 15 mln. tons per year
“Power of Siberia – 2”: Western Siberia (Russia) – Xinjiang Uyghur Autonomous Region (China)	Gas	2015	2600 km; 30 bn. cu. m. per year
“Power of Siberia”: Irkutsk Region – Yakutia – Khabarovsk – Vladivostok	Gas	2017	4000 km; 61 bn. cu. m. per year

Compiled by the author

Initially the use of properties of its own territory in Russia was determined by an intention to decrease the dependence of its foreign trade with key partner countries on the impact made by Russia's relations with those countries through which this trade was carried out (transit countries). First of all, it concerned the relations with Estonia, Latvia, Lithuania, Ukraine that provided both a sea transit (the ports of the Baltic and Black Seas) and a continental transit (Ukraine) of Russian goods. Therefore, the main changes occurred in maritime, oil pipeline, gas pipeline and railway transport.

The first step on the way to Russian “export independence” was the creation of the “Baltic Pipeline System” (BPS) in 2001 with the intention to create its own port facilities on the Baltic Sea capable of providing transportation and supply of oil for export from the Russian oil fields in the territory of the Timan-Pechora region, Western Siberia and Ural-Volga region through oil terminals in the Gulf of Finland (Transneft, 2016). As a result new ports were built, namely, Primorsk (it became not only the largest port of the Baltic Sea, but also the second largest among all Russian ports with a turnover of 60 million tons per year), Ust-Luga (88 million tons), Vysotsk (18 million tons), the port facilities in St. Petersburg were considerably expanded (the Big port of St. Petersburg - 52 million tons) (Rosmorport, 2016). Despite the fact that the emphasis in design of the Baltic Pipeline System was placed on bulk cargo, almost all ports are able to take over various kinds of cargo. For instance, along with an oil terminal Ust-Luga has timber, fish, container, and coal terminals; the Big Port of St. Petersburg - oil, timber, container, coal, ore and other terminals; Vysotsk – oil and coal terminals; and only Primorsk is a specialized oil port. Thus, most of the Russian goods, which used to be transported through the ports of the Baltic region, have gone through the Russian ports.

The construction of the BPS had the most significant impact on work of Ventspils (Latvia) which used to be the largest port in the Baltic region. This was largely determined by the export through this port of oil running along the northern branch of the oil pipeline "Druzhba". Its operation was considerably affected by the nature of Russia's relations with Latvia and Belarus. It was closed for renovation

(the section Unecha - Polotsk) for a long time, and then there arose a question about the possibility of its reverse use (Belarus oil supply through the ports of the Baltic States). As a result, the largest Baltic port Ventspils turned into an outsider (the port cargo turnover in 1988 amounted to 35.6 million tons, in 2011 - 12.3 million tons, in 2015 - 22.5 million tons.) (Byrkova 2015). The situation further worsened when Russia built the "Baltic Pipeline System II» (BPS - 2) in 2012. It completely passes through the territory of Russia and, thus, reduces the need to use oil terminals of the Baltic Sea belonging to other countries: Ventspils (Latvia), Butinge (Lithuania).

Moreover, the establishment of the BPS-2 not only reduced, but also virtually eliminated the risk of oil export to European countries through both maritime routes (via the Baltic Sea ports), and continental routes (via Ukraine), as the BPS - 2 originates in that place of the pipeline "Druzhba", where its southern branch (Unecha) begins. It goes through Ukraine to Europe and is connected in its territory with the oil pipeline Odessa - Brody going to the Yuzhny Port of the Black Sea that allows to deliver Russian oil to Europe by sea.

As a result of the Ukraine's introduction of substantial customs duties for Russian transit goods and attempts at price pressure, Russia made a decision to send its oil flow to bypass Ukraine. For this purpose, they used the BPS - 2, collecting oil in the Baltic ports and built in 2001 as well as the Sukhodolnaya – Rodionovskaya pipeline (Transneft, 2016), going through the territory of the Rostov region and providing transportation of oil to the Novorossiysk port (also bypassing Ukraine).

Issues arising from unresolved economic relations between Russia and Ukraine consequently affected the functioning of export transit gas mains. In the Soviet period they went to Europe primarily through the territory of Ukraine, whereas in the post-Soviet period the focus was initially made on the main Russian ally in the former Soviet Union - Belarus. It was its territory which was utilized for the construction of the transnational gas pipeline "Yamal - Europe". Today, it runs through four countries: Russia, Belarus, Poland and Germany (Gazprom, 2016). However, later Belarus, like Ukraine, started using its transit position to put pressure on Russia in making all sorts of economic decisions. As a result, Russia launched a project to build a gas pipeline that would bypass all transit countries in Europe – the "Nord Stream". It was laid in 2011 from Vyborg (Russia) under the Baltic Sea to Greifswald (Germany) (Nord Stream, 2016). There are no transit countries on its way, which allows to reduce the cost of transportation of Russian gas, and to avoid possible political risks.

In turn, importance of the two gas projects for Europe determines active investment activities in respect of the exploration and exploitation of their resource base, which generally promotes the development of Russian oil and gas complexes.

While analyzing Russia's exploitation of other countries to solve its own geopolitical problems, it's worth considering the transit position of Russia itself which has always stood out as a positive aspect of its geopolitical position. In other words, it is a transit country itself. Actually, the Russian territory connects the

countries producing oil and gas in the Caspian region (Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan) and in the contiguous region of Central Asia (Uzbekistan) to the main consumers of energy – European countries, thus forming transport dependence of these countries on the relationship with Russia.

Before the collapse of the Soviet Union the main pipelines performing this function used to pass through the territory of Russia. There are oil pipelines: Baku (Azerbaijan) - Tikhoretsk - Novorossiysk (Russia) (renovated in 2000) and Uzen (Kazakhstan) - Guriev (Kazakhstan) - Kuibyshev (Russia) (after reconstruction it was called: Atyrau - Samara) as well as the gas pipeline "Central Asia - Center".

Therefore, the energy-producing countries were interested in reducing transport dependence on Russia, and embarked on the laying of new pipeline systems, bypassing its territory (Table 2).

Table 2: Alternative to Russia Projects on Trunk Pipelines

Title, transportation route	Kind	Commissioni ng, year	Specifications (length, throughput)
Baku (Azerbaijan) - Tbilisi (Georgia) - Akhalkalaki (Georgia) - Supsa (Georgia)	Oil	1999	837 km; 6 mln. tons per year
BTC: Baku (Azerbaijan) - Tbilisi (Georgia) - Ceyhan (Turkey)	Oil	2006	1767 km; 50 mln. tons per year
South Caucasus: Baku (Azerbaijan) - Tbilisi (Georgia) - Erzurum (Turkey)	Gas	2006	690 km; 20 bn. cu. m. per year
Kazakhstan Caspian Transportation System: Eskene (Kazakhstan) - Kuryk (Kazakhstan), tanker shipments from the port of Kuryk to Baku and further via the BTC	Oil	2020	200 km; 56 mln. tons per year
"Southern Gas Corridor": the networking of already existing South Caucasus gas pipeline and only planned for the construction of Trans-Anatolian (TANAP) and the Trans-Adriatic (TAP)	Gas	2018 - 2020	3500 km; 20 bn. cu. m. per year
Trans-Atyrau (Kazakhstan) - Atasu (Kazakhstan) - Alashankou (China)	Oil	2006	2790 km; 20 mln. tons per year
"Central Asia - China": Turkmenabat (Turkmenistan) - Bukhara (Uzbekistan) - Navoi (Uzbekistan) - Shymkent (Kazakhstan) - Almaty (Kazakhstan) - Khorgos (China)	Gas	2009 - 2012	2000 km, in China - over 4,86 th. km; 40 bn. cu. m. per year

Turkmenistan - Iran: Korpeje - Kurt-Kui	Gas	1998	200 km; 8 bn. cu. m. per year
Turkmenistan - Iran: Dovletabad - Sarahs - Hangeran	Gas	2010	31 km; 12 bn. cu. m. per year

Compiled by the author

In the Caspian region it was determined by the complicated military-political situation in the North Caucasus which profoundly deteriorated in the 90-s. The Chechen wars and Islamic terrorism, spread across the oil transportation area, made the route unsafe. Therefore, alternative oil transportation projects have been developed and implemented, reaching through Azerbaijan, Georgia and Turkey to the ports of the Black Sea and the Mediterranean, respectively: the BTC and Baku (Azerbaijan) - Tbilisi - Akhalkalaki - Supsa (Georgia) (Tyurin, 2014; Gadzhiev, 2014). In order to solve this problem, Russia, in turn, built an oil pipeline in 2000, bypassing the territory of the Chechen Republic. However, its importance for the transportation of Azerbaijani oil plummeted since instead of contract-stipulated 5 million tons only about 2 million tons were transported, subsequently, a contract for its transit through the territory of the Russian Federation was terminated in 2013. As a result, the oil pipeline Baku - Makhachkala - Tikhoretsk - Novorossiysk switched to pumping only Russian and Kazakhstani oil in the direction of Makhachkala - Tikhoretsk - Novorossiysk (Tyurin, 2014).

After the commissioning of gas condensate field Shah Deniz in Azerbaijan and the increase in gas production in Turkmenistan, the issue of gas transportation route came in the spotlight. In this regard, the South Caucasus gas pipeline (north-eastern part of the "Nabucco" / "Trans Adriatic Pipeline") was built. It runs parallel to the BTC pipeline through the region (Zholkver, 2015). It all caused the entry of Azerbaijan and Georgia in the GUAM, one of whose tasks is to reduce the transport and energy dependence on Russia.

A direct consequence of construction of new oil transportation routes was the strengthening of **Georgia's** economic situation due to the booming economy of the country's ports. Before the collapse of the Soviet Union there were two ports of the Black Sea in its territory, namely, Poti and Batumi, with a turnover of 5 mln. tons and 7 mln. tons respectively. Poti specialized in dry cargo, while Batumi specialized in liquid bulk cargo. This enabled Georgia to become a transit country in transporting oil from the Caspian Sea ports to the Black Sea ports and then to Europe. It resulted not only in capacity expansion and facilities diversification of the existing ports (Poti up to 7.3 million tons, Batumi up to 7.5 million tons), but also in the construction of new oil terminals, i.e. Supsa with a turnover of 4 million tons and Kulevi (3.6 mln. tons) (Association of Sea Commercial Ports, 2015). In turn, such an active economic cooperation between Azerbaijan and Georgia turned Georgia into a hostage to political interests of Azerbaijan, strengthening thereby Armenia's isolation in the region due to the problem of Nagorno-Karabakh.

In addition, alternative oil and gas transportation routes become attractive to other countries in the Caspian Sea basin, such as Kazakhstan and Turkmenistan. Due to the fact that the volume of crude oil produced in Tengiz and Kashagan in Kazakhstan gradually began to exceed the capacity of CPC (Caspian Pipeline Consortium), there emerged a need to develop its own Kazakhstan Caspian Transportation System (CCST), including Eskene – Kuryk pipeline, system of tanker deliveries from the port of Kuryk to Baku and further via the BTC (Azerbaijan, Georgia, Turkey are interested in it). Presumably need for CCST will have arisen by 2020, when Kashagan oil field starts to be used in full (National Company "KazMunaiGas", 2015). Obviously, the operation of this system contributes to strengthening economic positions of Georgia and Turkey.

Turkmenistan's contribution to the creation of alternative routes for transporting Caspian gas is a project to build the Trans-Caspian gas pipeline, approved and supported by the US and EU. The Trans-Caspian gas pipeline is expected to be held under the Caspian Sea, connecting its east and west coast: Turkmenbashi (Turkmenistan) - Baku (Azerbaijan). The unresolved problem of the Caspian status stalls the project implementation because there are no legal provisions governing the zone of responsibility of each Caspian state. In this situation, in addition to the environmental arguments to counter this project, there are also economic and political reasons. The most powerful reasoning is presented by Russia, since from an economic point of view, Trans-Caspian gas pipeline could become a competitor to the Russian projects "Blue Stream" and "Turkish Stream" (Zaslavsky, 2005). From a political point of view, the infringement of Russia's economic interests leads to inevitable weakening of its political influence.

Competition of Russian economic interests in the transportation of Caspian energy naturally reduces the possibility of expanding its zone of influence not only in this region but also in the Middle East as a whole. Since the alternative pipelines go through the territory of **Turkey**, it intensifies its particular role in the region.

One of the first ways of Russia's competition for the transportation of Caspian oil, was the construction of Tengiz (Kazakhstan) - Novorossiysk (Russia) pipeline connecting oil and gas fields in Kazakhstan with the Russian Black Sea ports performed by the Caspian Pipeline Consortium in 2004 (Zholkver, 2015). This consequently contributed to the creation of a new marine terminal on the Black Sea coast in South Ozereyevka (cargo turnover was 32 million tons in 2013) and to the transformation of Novorossiysk into the largest port in the country (113 million tons in 2013) (Rosmorport, 2016; Unified state system of information on the world's oceans, in 2016). Ultimately, this aspect has strengthened the importance of the Black Sea in the development of Russia's national economy on the whole, and Turkey, as a country which controls the flow of goods (including oil) through the Bosphorus and the Dardanelles, in particular.

The significance of Turkey is growing also due to Russia's construction of alternative pipelines bypassing Belarus and Ukraine, which, as noted earlier, would repeatedly use the Russian gas pipelines to solve all sorts of problems, including economic (an attempt to reduce energy costs, unauthorized gas intake etc.). To

solve this problem, the Russian government resorted to the construction of new pipelines, the operation of which is not associated with the listed countries. The first pipeline was the "Blue Stream" (Gazprom, 2016). It is designed to supply Russian gas to Turkey across the Black Sea, bypassing any third countries. It complements the gas transportation corridor from Russia to Turkey, which passes through Ukraine, Moldavia, Romania and Bulgaria. The second in the southern gas transportation direction was originally the "South Stream", but due to the blocking of its construction from the European Commission, Russia proceeded to the construction of the "Turkish stream" on the basis of agreements with Turkey. It is designed to supply Russian gas to Europe and will go on the bottom of the Black Sea from Russia to Turkey (Byrkova, 2015).

It is evident that Europe, as the main consumer of gas coming through Turkey, benefits in this situation from the emerging competition between the Russian gas supplies, on the one hand, and gas supplies from the Caspian and Central Asian regions (South Caucasus Pipeline), on the other hand. Furthermore, European countries are seeking to implement the project "Southern Gas Corridor": the networking of the already existing South Caucasus gas pipeline with the Trans-Anatolian (TANAP) and the Trans-Adriatic (TAP) gas pipelines, which are only planned for the construction and which are expected to supply Europe with gas via the Turkish territory not only from fields in Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan and Iraq, but also from Iran, since the planned lifting of economic sanctions against Iran will contribute to it.

We emphasize that the creation of the "Blue Stream" and "Turkish stream" stimulates the development of the whole gas transport system in Russia, solving domestic economic problems. For example, the pipeline system "Southern Corridor", which is currently under construction, will not only ensure an uninterrupted supply of gas to the "Turkish Stream", but will also send additional volumes of natural gas to the Russian regions in order to develop industry and public utilities and to increase the gasification rate (Moshin, 2006; Gazprom, 2016).

Thus, Russia's geopolitical position in the context of the problems arising from its relations with the countries of the former Soviet Union, as well as attempts to overcome them "brought" to Turkey about 100 bn. cu. m. of annual gas supply ("Blue Stream", "Turkish Stream", South Caucasus Pipeline), as well as about 120 million tons of annual oil supply (CPC, Baku - Tbilisi - Ceyhan), moreover, there will be about 60 million tons in the future (CCST), thereby giving into its hands the function of the energy distributor and, accordingly, the mechanism of influence on foreign policy both in its own and in the neighboring regions. In other words, an attempt to overcome the negative aspects of Russia's geopolitical situation led to "nurturing" a new regional leader in its borders - Turkey. Furthermore, significant complication of political relations between Russia and the EU intensified its efforts in this direction. All this is happening against the background of economic contradictions in the region.

We want to point out that not only the Caucasus countries are trying to contact the direct consumers of their energy resources bypassing the Russian territory. Countries of Central Asia are also seeking the same, although to a lesser degree. Initially, upon the collapse of the Soviet Union countries in the region did not form significant opposition zones to Russia's economic interests continuing to cooperate with it (reconstruction and joint exploitation of old oil and gas pipelines linking the region with Europe). Subsequently, however, the region's countries realized the advantageous features of its geopolitical location, i.e. proximity to China, Iran, and began to use them actively, competing thereby with the economic interests of Russia. First of all, the advantages were realized by Kazakhstan and Turkmenistan. Each of them is trying to diversify its energy transportation routes.

One of the first transportation projects, which Russia considered promising, was the construction of "Caspian gas pipeline": Turkmenbashi (Turkmenistan) - Uzen (Kazakhstan) - Beyneu (Kazakhstan) - Alexandrov Gai (Russia) - Saratov (Russia) (Zholkver, 2015). It would enable Russia to include virtually all the gas produced by Turkmenistan and Kazakhstan in the Caspian Sea in transportation through a single system of main export pipelines. However, the worsened conditions on the world gas market as well as Russia's attempts to solve problems arising in this respect by exerting pressure on Turkmenistan, led to termination of the gas contracts between these two countries. This resulted not only in the freezing of the project, but also in the reconstruction plans aimed at increasing the capacity of the main gas pipeline "Central Asia - Center" existing since the times of the USSR (and the subsequent dramatic decline in the volume of gas pumped through it) (Gazprom, 2016).

Thus, Russia motivated Turkmenistan to seek alternative routes for the transportation of its gas to the world market. The pipelines that go directly to the consumer (without intermediaries), particularly to Iran, constituted the first route. The consumers of gas are the northern provinces of Iran, remote from the fields of the Persian Gulf. These are the following pipelines: Korpeje - Kurt - Kui, targeted at the north-western provinces of Iran and Dovletebat - Sarahs - Hangeran, focused on the north-eastern province of Iran (Pototskaya, 2014; Crude Accountability, 2014). The second project that spurred Russia into action in Asia, was a gas pipeline "Central Asia - China", bringing together all the countries in the region and China (The information-analytical portal "Oil of Russia», 2016). Obviously, this pipeline reduced Turkmenistan's export dependence on Russia considerably.

Another actively discussed project, originating in Turkmenistan, is the project of laying TAPI gas pipeline: Turkmenistan - Afghanistan - Pakistan - India (Zholkver, 2015) and even Russia's joining it. However, high political risks that the project leaders may face make it difficult to assume that this gas pipeline will still be built.

Kazakhstan paid attention to the capacious energy market of neighboring China a little earlier than Turkmenistan. Hence, the Trans-Kazakhstan latitude trunk oil pipeline was built in 2006. On the one hand, it acts as a competitor to Russia in exporting oil to China, but on the other hand, its design capacity exceeds

the planned volumes of the pumped Kazakh oil, which requires the involvement of other participants in this project. The most appropriate prospective participant for objective reasons is Russia with its rich oil resources and the existing pipeline system allowing to put this operation into practice: Omsk (Russia) - Pavlodar - Atasu - Shymkent (Kazakhstan). Russian Oil accounts for about 30% of oil supply through this pipeline (Belov, 2014).

Russia's response to severe competition in transportation of energy resources to China and later to considerable complication of relations with the EU on the whole, was the construction of the new system of main pipelines that bring it to markets in the Asia-Pacific region. This will not only enable Russia to benefit from the increasing turnover with China, but also contributes to the formation of infrastructure of mining and processing industry in Siberia on the whole, stimulating thereby overall economic development in this region, which encounters certain challenges and problems in this respect. There are the following pipeline systems: "Eastern Siberia - Pacific Ocean" (ESPO) pipeline, transporting oil and gas pipelines "Power of Siberia", "Power of Siberia – 2" (The Ministry of Energy, 2016).

Despite the fact that the ESPO is generally focused on marine oil deliveries to China, yet it has a branch in the form of pipeline Skovorodino - Mohe (China), which provides continental oil supplies. Currently the volume of continental oil supplies to China via ESPO exceeds the amount of marine supplies. The stability of the entire pipeline system can be achieved only through constant expansion of the resource base, and its inclusion in the overall oil flow. For this purpose, the main oil pipeline Kuyumba (the Krasnoyarsk region) - Taishet (the Irkutsk region) is being built. Its task is the reception of oil from new deposits of the Krasnoyarsk region - Kuyumbinskoye and Yurubcheno-Tokhomskoye. Commissioning is planned for 2016-2018 (Transneft, 2016).

In turn, the gas from Russia to China is expected to be delivered through two routes - the Western and Eastern ones. They differ not only in indication of the direction from which the gas comes into the country - from the western borders or Eastern, but also implies a different kind of transportation. Thus, the western route requires continental supplies, while the eastern route - naval supplies. The gas pipeline "Power of Siberia - 2" represents the western route, namely, COP Purpeisky - Alexandrov - Parabel - Novosibirsk - Biysk - KS Chui - Xinjiang Uygur AR (China). "Power of Siberia" makes up the eastern route: Kovykta - Chayandinskoye - Khabarovsk - Vladivostok (Gazprom, 2016). Moreover, despite the fact that each of these routes transports gas from the various production areas, there may be plans to join them due to development of the Sobinsko-Pangiyskogo, the Yurubchino-Tokhomskoye and other deposits with the subsequent processing in Boguchany (the Krasnoyarsk region) and gas distribution in the western or eastern routes in Lower floodplain (the Krasnoyarsk territory) (The program of creation ....., 2016). This will definitely ensure the necessary stability for these projects and markedly reduce the dependence of their operation on the prevailing political and economic conditions both at the regional and international levels.

It is obvious that the launch of these new gas projects will have a significant impact on the economic development of the areas in which they will be held (in aggregate 13 RF subjects), changing (improving) their investment attractiveness thanks to gasification of settlements, establishment of new enterprises both in mining and processing industries, creation of infrastructure and housing, solution of employment problems and increase in the quality of education.

Thus, the problems of Russia's geopolitical position in Central Asia in the context of its relations with the regional countries, as well as attempts to solve them "brought" to **China** about 40 billion cubic meters of annual gas supply ("Central Asia - China") with the prospect of another 90 billion cubic meters ("Power of Siberia - 2", "Power of Siberia") as well as about 80 million tons of annual oil supply (Trans-oil pipeline ESPO) in the future. If we consider other infrastructure projects, which are aimed at improving the quality of interaction between the two countries, it becomes evident that the Eastern (Asian) geopolitical vector of Russia's development is currently being formed. A complication of political relations between Russia and the EU leads to its strengthening, contributing thereby both to booming of the fast-growing China's national economy and to the reinforcement of its position in the region.

In summary of the study, we can draw the following conclusions.

First, a country can overcome negative aspects of its geopolitical position both through the exploitation of resources in its own territory and through the utilization of properties of other states.

Second, the use of its territory resources stimulates the overall socio-economic development of the country.

Third, implementation of geopolitical interests of the state is multiple-option and open-ended. In the context of Russian interests, obviously, there was a decrease of Russia's export dependence on transit countries (Ukraine, Latvia) in pursuing its economic interests in the adjacent territory at the expense of such countries as Belarus (through which went a considerable part of Russian transit flows that used to pass through Ukraine, Latvia, Lithuania) and Turkey (through which went a part of the Russian transit gas that used to pass through Ukraine and Belarus).

Fourth, Russia's neighboring countries also characterized by the dependence of their export activity on the transit countries, are actively capitalizing on multiple-option character of their geopolitical interests implementation by means of creating transportation projects that bypass Russia. The most significant progress in this direction was made by Azerbaijan (transit through Georgia and Turkey), Turkmenistan (transit through Azerbaijan, direct access to consumers - China, Iran) and Kazakhstan (transit through Azerbaijan; direct access to the consumer - China).

Fifth, the multi-variant implementation of geopolitical interests of the newly independent states contributed to the strengthening of the economic position and regional ambitions of those countries that are located in proximity to the state

border of Russia, i.e. Belarus, Georgia, Turkey and China. In other words, the elimination of the negative impact made by certain aspects of the state geopolitical position on its development by means of capitalizing on the properties of other states, enables to solve tactical problems, while creating strategic problems.

In general, it is worth noting that in the post-Soviet period a redistribution of functions performed by the Russian state border took place owing to the change in roles played by the newly independent countries in Russia's foreign trade activities under the influence of the transport component of Russia's geopolitical position in three directions.

- The geopolitical importance of countries making up **the western sector of the Russian state border** (Estonia, Latvia, Lithuania, Belarus, Ukraine) was initially determined by their profound involvement in the provision of marine and continental transit of Russian export goods going to the main Russian partners - the countries of Europe. It determined the formation of Russia's significant transportation dependence and indicated the high level of barriers on this section of the state border. Over the examined period, Russia has been able to markedly decrease the transport dependence on the countries of the Western region by creating alternative transport projects. It did not considerably reduce the level of the barriers on the state border, nevertheless, it mitigated the significance of this barrier for the overall development of Russia.
- The geopolitical importance of countries constituting **the southern sector of the state border of Russia** (Azerbaijan, Georgia, Armenia, Kazakhstan, Turkmenistan) initially was largely determined by its barrier function resulting from competition between the countries in this region and Russia for routes to transport oil and gas extracted in the Caspian Sea. Although Russia's strenuous activity in creating new transportation routes in the region did not achieve complete elimination of the competition, it succeeded in significantly reducing it thanks to turning several countries in the region into allies in transportation projects.
- The geopolitical importance of countries forming **the eastern sector of the Russian state border** was originally determined by its contact function (limited by a low level of infrastructure development in the region), associated with the promising use of a transcontinental "container bridge", which is based on the Trans-Siberian Railway. However, the global process of redistribution of economic and political forces in the international community, connected with the strengthening of the countries position in the Asia-Pacific region, as well as the formation of Russia's Eastern geopolitical vector of development, caused by the complication of its relations with the European countries, led to the creation of several transport projects, contributing to the actual (Russia - China) and future (Russia - China - Republic of Korea) interaction in the region, and thus strengthen the contact function of the state border.

References

1. Association of Sea Commercial Ports (2015). Available from: <http://www.morport.com/>. [Last accessed on 2016 Jul 15].
2. Baburin, V. (2011). The geopolitical context of the construction of the gas pipeline Russia - China. *Bulletin of the Altai science*, 1, 103-109.
3. Belov, M. (2014). Atasu - Alashankou history re-export of Russian oil. RosBusinessConsulting. Available from: <http://rbc.ru/>. [Last accessed on 2016 Jul 25].
4. Byrkova, E. (2015). Cargo turnover of Baltic ports: Key Trends 2014. Proved: information-analytical edition. Available from: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/opinion.html/>. [Last accessed on 2015 Jun 20].
5. Crude Accountability (2014). Available from: <http://crudeaccountability.org/>. [Last accessed on 2015 Jan 27].
6. Gadzhiev, K. (2014). Pipeline diplomacy in the South Caucasus in the geopolitical dimension. *Horizons economy*, 4 (16), 13-21.
7. Gazprom (2016). Available from: <http://www.gazprom.ru/>. [Last accessed on 2016 May 14].
8. The geopolitical position of Russia: Perceptions and Reality / ed. V. Kolosov (2000). Moscow: Art Messenger.
9. Zaslavsky, I. (2005). Case pipe. Baku-Tbilisi-Ceyhan and Kazakhstan choice in the Caspian Sea. Moscow: Publishing House Europe.
10. Kolosov, V. (2012). The post-Soviet borders: identity, cross-border cooperation and security. Geography and territorial structure. Moscow: New Chronograph.
11. Kolosov, V., Mironenko, N. (2001). Geopolitics and Political Geography. Moscow: Aspekt Press.
12. Mironenko, N., Fomichev, P. (1996). The geopolitical position of modern Russia. *Bulletin of Moscow University. Episode 5: Geography*, 4.
13. Moshin, A. (2006). Analysis of the domestic natural gas market development. Moscow: Publishing House of the Ros. Univ of Peoples Friendship.
14. National Company "KazMunaiGas" (2015). Available from: <http://www.kmg.kz/>. [Last accessed on 2015 Mar 13].
15. Nord Stream (2016). Available from: <http://www.nord-stream.com/>. [Last accessed on 2016 Jan 05].
16. Post-Soviet Space: Twenty years of change (2013). Smolensk: Universum.
17. Pototskaya, T. (2014). Russia's geopolitical interests in the post-Soviet space: southern boundary. *Regional Studies*, 1, 87-98.
18. Rosmorport (2016). Available from: <http://www.rosmorport.ru/>. [Last accessed on 2016 Apr 30].
19. Rum, V. (1994). Study on the historical geography of Russia in the course of Geography. *Geography at school*, 1, 25 - 30.
20. Transneft (2016). Available from: <http://www.transneft.ru/>. [Last accessed on 2016 Jul 25].

21. Treyvish, A. (1995). Russian geopolitics of Gostomysl to the present day. Knowledge and power, 8, 5-16.
22. The information-analytical portal "Oil of Russia» (2016). Available from: <http://www.oilru.com/>. [Last accessed on 2016 Jul 24].
23. The Ministry of Energy (2016). Available from: <http://minenergo.gov.ru/>. [Last accessed on 2016 Aug 20].
24. The program of creation in Eastern Siberia and the Far East, a unified gas production, transportation and supply, taking into account potential gas exports to China and other Asia-Pacific markets (2016). Information-Legal Portal BestPravo. Available from: <http://www.bestpravo.ru/>. [Last accessed on 2016 Mar 12].
25. Tyurin, A. (2014). Petrowire war goodbye "Baku-Novorossiysk" hello "Makhachkala-Novorossiysk". However, 10.02.2014. Available from: <http://www.odnako.org/>. [Last accessed on 2015 Apr 07].
26. Tyurin A. (2014). Prosperity of Azerbaijan Oil: lost income and mixed prospects. However, 04.02.2014. Available from: <http://www.odnako.org/>. [Last accessed on 2016 Jul 25].
27. Horev, B. (1995). Is the "New Russia" viable state within its present borders. Geopolitical and geo-economic problems of Russia. St. Petersburg: Russian Geographical Society.
28. Shuper, V. (2009). The geopolitical position of Russia: Potential areas of change. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series, 4, 113-122.
29. Unified state system of information on the world's oceans (2016). Available from: <http://www.russianports.ru/>. [Last accessed on 2016 Aug 02].
30. Yakunin, V. (2009). Development of the transport system and geoeconomic interests of Russia. Economic Strategies, 11(1), 48-55.
31. Zholkver, N. (2015). As Turkmen gas to reach Europe? Deutsche Welle. Available from: <http://www.dw.de/>. [Last accessed on 2015 Jul 02].

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РУБЕЖЕЙ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ СЕКТОРЕ ЕВРАЗИИ

A.Shvets
I.Voronin

THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF SOCIOCULTURAL BOUNDARIES IN THE EURASIA'S BLACK SEA REGION

Аннотация. Социокультурные рубежи в Причерноморском регионе Евразии – результат изменения характера взаимоотношений стран, входящих в этот регион. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году ускорило процесс размежевания некогда единого в Причерноморском регионе Евразии славянского мира. Украина и Россия оказались по разным сторонам социокультурных ценностей. Возникли барьерные границы между украинским и российским мирами в Причерноморье. Рассмотрены геополитические причины этого размежевания.

Ключевые слова: геополитика, Причерноморье, социокультурные рубежи.

Abstract. Sociocultural boundaries in the Black Sea Region of Eurasia are the result of the changing relationship of the countries making up this region. The reunification of Crimea with Russia in 2014 accelerated the process of division of the Slavic world that used to be a single whole in the Black Sea Region of Eurasia. Ukraine and Russia appeared to have different sociocultural values. There emerged borderlines between the Ukrainian and the Russian worlds, between Russia and the West. Below there are geopolitical factors of this division.

Keywords: geopolitics, the Black Sea Region, sociocultural boundaries.

В современной Евразии, которую можно воспринимать как материк и одновременно геополитический конструкт, общественно-географические трансформации многогранны и разноректорны.

Глобальной причиной трансформационных процессов в Евразии стал переход мировой системы взаимодействия государств из архитектуры однополюсности (одномерности) к структурам многополюсности (многомерности). Насыщенность Евразии полюсами силы и влияния – самая высокая в мире. Здесь располагаются, помимо сформированных Европейского и Японского полюсов, Индийский, Китайский, Российский глобальные полюса цивилизационного влияния.

Внутреннюю причину трансформаций в Евразии можно определить как действие фактора *рубежности*. Под рубежностью понимается специфическая

характеристика территории, не сводимая к физическим размерам и протяжённости. Рубежность определяется как зона (поле) высокой энергетики (созидательной или разрушительной) многомерного коммуникационного пространства, где в результате динамического соприкосновения разномасштабных процессов образуется множество рубежей[10].

В нашем исследовании рассматривается рубежность социокультурного пространства, которое близко понятиям геополитического и геокультурного. Социокультурное пространство предполагает наличие скрытой или проявленной конфликтности, вызванной исключительно ценностными причинами (разностью традиций, норм, оценок, верований, форм организации экономической и политической жизни, доступности к ресурсам материального и духовного порядка и др.). Нередко социокультурное пространство идентифицируют как цивилизационное. Это допустимо в том смысле, что любая цивилизация основана на ценностях культуры, выработанных в процессе развития её этнических носителей.

Изучение социокультурных рубежей Евразии неизбежно приводит к выявлению в её пределах регионов, где социокультурная рубежность «раскалена», т.е. имеет проявления конфликтности или высокую вероятность её появления. Такие территории в геополитике называют «узловыми». Маркерами рубежей узловых регионов являются модели взаимодействия государств, проявленные как продвижение или защита их национальных интересов.

Целью работы стала попытка систематизации факторов, трансформирующих современные социокультурные рубежи в одном из узловых регионов Евразии - Причерноморье.

Причерноморье и его социокультурная рубежность – лишь фрагмент в обширной проблематике общественно-географического изучения пространства. Осмысление социокультурной рубежности – результат эволюции научных представлений о граничности географического пространства. Понятие о социокультурном рубеже было сформулировано с помощью выделения территориального смысла пространственной границы традиционно понимаемой как линии. «Исследователи постепенно переходили к рассмотрению границы как процесса, а не как географически фиксированного места, и обращали внимание на символизм и мифологию, что стало возможным в результате взаимодействия новых дисциплин - антропологии и исследований культуры (cultural studies) с географией и историей» [21, с.14].

Осмысленной в культурологическом и одновременно политико-географическом аспектах тема социокультурного пограничья в отечественной географии появилась в работе В.П.Семёнова-Тян-Шанского «Район и страна», где впервые рассматривался механизм формирования подобных разграничительных пространств[18]. В этом труде В.П.Семенов-Тян-Шанский предлагал расширительное толкование граничности,

подразделяя географические границы на *пределы* (расплывчатые полосы постепенных переходов) и *рубежи* (резкие линии смены одного геокомпонента другим). Позже мысль об иерархии границ в зависимости от их влияния на расположение этносов прозвучит в работах В. Бунге [3] и П. Хаггета[19].

Новый импульс изучение социокультурных границ получило в работах по выявлению фронтирных свойств территории. Английское слово «фронтир» произошло от французского *frontiere* и означало границу между двумя странами, территорию между заселёнными и незаселёнными пространствами[22], передовую часть чего-то, некий авангард[21], землю надежды («земля обетованная») на улучшение экономических условий и обретение свободы (к примеру, религиозной, как в случае с русскими старообрядцами, перебравшимися в Сибирь ради сохранения своего способа веры), зону неустойчивого равновесия [11]. Исследования американского и сибирского фронтиров географами дали своеобразный импульс формированию нового исследовательского подхода к изучению рубежных территорий в рамках уже сложившейся дисциплины – географической лимологии. Его суть сформулирована В.А. Колосовым как «изучение границ, представляющих социальные конструкты», а также «элемент этнических, национальных и других территориальных идентичностей»[16, с.17].

Проблематика изучения территориальных идентичностей – центральное звено в понимании сути социокультурной рубежности. Концептуально подобная трактовка рубежности в общественной географии представлена в работах В.А.Дергачёва[6; 8; 10]. Этим же автором наиболее широко в общественной географии исследована проблематика социокультурной рубежности для Причерноморского региона [7; 9]. В концепции Больших многомерных пространств (цивилизаций) В.А. Дергачёва выделяются контактные зоны на их континентальных и морских (континент–море) рубежах. В контактных зонах происходит наложение природных, экономических, социокультурных, информационных и других коммуникаций, понимаемых как каналы контактов. Зоны контактов насыщаются различными видами энергий, формируя рубежную коммуникативность, отражающую рациональную и чувственную природу человека. Рубежная коммуникативность может служить стратегическим ресурсом развития или разрушения социума.

Исходные позиции нашей работы основаны на представлении о том, что современное Причерноморье – это «уникальная кольцевая региональная структура» [15] Евразии, которая с 2014 года находится в эпицентре событий, связанных с переустройством мирового геополитического порядка. Основной «нерв» цивилизационных трансформаций в Причерноморье определяется фактором *возвращения России в число мировых сил, способных бросить вызов цивилизации Запада в лице США и объединённой Европы*. Возвращение России в большую геополитику вызвало беспрецедентное сопротивление стран Запада, применивших против российского государства систему

экономических и политических санкций в ответ на воссоединение с ним Крыма. Твёрдая политическая позиция России в отношении Крыма позволяет говорить о том, что в Причерноморье *формируется новый рубеж геополитического равновесия*, утерянный Россией в конце XX– начале XXI веков, когда контроль над этим регионом перешел к Турции и частично её партнерам по НАТО.

К Причерноморью нами отнесены территории тех государств, которые имеют прибрежную зону в акватории Чёрного моря: Абхазия, Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина. Прибрежное положение объединяет эти территории, формируя общие задачи поддержания безопасности и соблюдения режима черноморских проливов, а также решение проблем внутреннего судоходства, экологии, рыболовства и др. Страны Причерноморья (за исключением Турции) имеют общее прошлое: они принадлежат к постсоветскому или постсоциалистическому пространствам. В настоящее время они либо ассоциированы, либо устремлены к ассоциации в экономические и военно-политические организации, защищающие в регионе ценности Западной цивилизации. Исключение составляют Российская Федерация и частично признанная Республика Абхазия, которые формируют в Причерноморском регионе своеобразный геополитический ареал дружественных отношений.

В геополитике существует понятие Большого Причерноморья, состав которого был согласован в 2005 году на встрече Черноморской комиссии по конфликтам (BSCC) в Вене [20]. В него включаются расположенные вокруг Чёрного моря страны Западных и Восточных Балкан, Украина, Молдова, Россия, Турция, страны Закавказья, объединённые в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). С этой группировкой стран у Российской Федерации накопилось множество нерешённых проблем, связанных с разностью геополитических позиций, что привело к сокращению её контактов с ОЧЭС.

Нередко Причерноморье сравнивают с ключом к Евразии, лежащим на дне Чёрного моря [14]. В этом сравнении отражена не только географическая, но и, в большей степени, историческая специфика региона. Причерноморье в течение многих веков было действительно ключом к контролю Евразийского пространства. Тысячу лет назад через этот регион проходил Великий шелковый путь, а на рубеже XXI века характер коммуникативности Причерноморья накрепко связан с добычей и транспортировкой углеводородного сырья, газа и нефти, ставшего важнейшим стратегическим ресурсом выживания стран западной цивилизации. Именно в роли транзитёра углеводородов Причерноморье заинтересовало западных политологов. Этому региону уделено повышенное внимание при рассмотрении многочисленных проблем Евразийского континента в работе З.Бжезинского «Великая шахматная доска», которая по меткому выражению известного историка и политолога Н.А. Нарочницкой, является «программой утверждения и закрепления американской гегемонии в мире» [14]. С 1997 года

Причерноморье (наряду с Каспийским регионом) объявлено зоной американских национальных интересов, рассматривается как источник энергоресурсов, альтернативный Персидскому заливу, и одновременно плацдарм доступа США к перспективным рынкам Китая, Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии[4;17].

О возросшей геополитической значимости Причерноморья свидетельствует наличие в западных странах развитой сети исследовательских центров и программ, непосредственно направленных на изучение проблем региона. Среди них: Международный центр черноморских исследований (International Centre for Black Sea Studies), расположенный в Афинах, Гарвардский университет, курирующий программы «Black Sea Security Program» и «Black Sea Security Program Regional Workshops», Германский фонд Маршалла и курируемые им грантовые программы, охватывающие страны Причерноморья, а также ряд других научно-исследовательских центров Европы и США [5].

Заметим, что факторы, формирующие социокультурную рубежность в Причерноморском регионе, подразделены нами на *морские*, связанные с трансформаций взаимоотношений стран по поводу использования акватории Чёрного моря, и *континентальные*, определяющие тренды государственных отношений на суше.

Морские факторы социокультурной рубежности в Причерноморье разнообразны и определены географическими особенностями Черноморского бассейна. В нашей работе выделен один из наиболее проявленных, имеющих постоянное присутствие в регионе, морских факторов – использование черноморских проливов.

Чёрное море – это внутренний, почти изолированный от Мирового океана морской бассейн, наиболее глубоко врезавшийся в Евразийскую сушу и связывающий черноморскую акваторию с Атлантикой проливами Босфор и Дарданеллы. Географическая изолированность Чёрного моря создаёт для государств Причерноморья геополитический прецедент неопределённости по поводу режима использования черноморских проливов. В XIX веке вопрос о характере владения Босфором и Дарданеллами стал «ахиллесовой пятой» Российской империи в её стремлении к южным морям и послужил одной из причин развязывания европейскими государствами «первой геополитической войны против России», получившей название Крымской.

Проблема владения проливами до сих пор актуальна в Причерноморье и способна стать фактором осложнения геополитической ситуации в регионе. Проливы Босфор и Дарданеллы являются важным логистическим пунктом снабжения российской воинской группировки в Сирии. Вероятный конфликт с Турцией после инцидента со сбитым российским бомбардировщиком в ноябре 2015 года мог поставить под вопрос переброску зенитно-ракетных комплексов С-400 на авиабазу Хмеймим. Маршрут военных грузов в Сирию через черноморские проливы – кратчайший и занимает четыре дня перехода. Если использовать пролив Гибралтар, то этот маршрут удлинится до 13 дней

из Санкт-Петербурга и 14 с половиной дней при отправлении груза из порта Мурманск.

Закрытия черноморских проливов Турцией не произошло по разным причинам, одна из которых правовая. С точки зрения международного морского права режим прохода кораблей через проливы регулируется Конвенцией Монтрё 1936 года. Этот документ сохраняет в Причерноморье роль главного юридического фактора, регулирующего возможность возникновения в регионе социокультурной конфликтности. Согласно Конвенции, за Турцией закреплён контроль над черноморскими проливами. В соответствии со статьей 21 данной Конвенции, закрыть проход для военных судов Турция может только в *случае угрозы военной опасности* или нахождения в состоянии войны с государством, которому принадлежат данные корабли. Кроме того, стране необходимо получить согласие ООН по вопросу закрытия проливов. Торговые суда в мирное время могут беспрепятственно проходить через проливы, и даже, если Турция находится в состоянии войны, она обязана пропускать гражданские суда дружественных и нейтральных стран [1].

Формально Турция связана в своих действиях по регулированию пропуска судов через черноморские проливы Конвенцией Монтрё, но трактовка *«угрозы военной опасности»* остаётся на усмотрение турецкого государства и может послужить спусковым крючком кризиса в проливах. После окончания Второй мировой войны Турция неоднократно стремилась усилить свой контроль над проливами. В 1982 году она пыталась распространить регламент порта Стамбул на всю зону проливов, получая в этом случае право закрывать Босфор даже в мирное время. Критика соседних держав и, в первую очередь бывшего СССР и Греции, заставили Турцию сделать оговорку о том, что новые правила прохода проливов не будут касаться транзитных судов, проходящих проливы без остановки. В том же 1982 году ООН выработала Конвенцию по морскому праву, к которой Турция отказалась присоединиться, оставив в силе Конвенцию Монтрё, а в 1994 году турецкие власти разработали и ввели в действие новый Регламент судоходства в проливах, имевший нарушения Конвенции Монтрё. По новому Регламенту турецкие власти могли приостанавливать судоходство в проливах, ссылаясь на научные, ремонтные, буровые работы, проведение полицейских операций и спортивных мероприятий, а также действия по предотвращению и устранению последствий загрязнения морской среды и другие условия. В результате введения Регламента с 1 июля 1994 года и по 31 декабря 1995 года было 268 случаев необоснованных задержек российских судов, что привело к потере 1553 часов эксплуатационного времени и к ущербу в сумме более 885 тыс. долл. США, не считая упущенной выгоды, потерянных контрактов и санкций за опоздания [2].

После активных действий России и других Причерноморских стран в 1998 году Турция в очередной раз усовершенствовала Регламент судоходства в проливах. Но и в этот раз документ не избавился от субъективизма

некоторых трактовок. Так в статье 20 Регламента 1998 года был приведен список оснований для остановки судоходства по проливам, среди которых значились обеспечение общественной безопасности, загрязнение и *другие схожие случаи*. Опасения вызывает пункт «другие схожие случаи», поскольку трактовка схожести того или иного случая оставлена за властями Турции и нет гарантий тому, что толкование этого положения не будет излишне расширенным.

Применив указанные положения безопасности Турция в марте 2015 года не пропустила через Босфор украинские танкеры со сжиженным газом, мотивируя отказ потенциальной опасностью таких судов для жителей густонаселенного мегаполиса Стамбула. Украина неоднократно обращалась к Турции с просьбой о проходе судов со сжиженным газом, желая организовать постоянные поставки этого углеводородного сырья в объеме до 10 миллиардов кубометров в год для газораспределительной станции, которую планируется построить в районе Одессы. Попытки украинской власти диверсифицировать газовый импорт страны всякий раз наталкивались на предложение Турции помочь украинской стороне в решении энергетических проблем только после строительства регионального энергетического хаба либо по проекту Трансанатолийского газопровода (TANAP) из Азербайджана в обход России или наоборот, в рамках российского газового проекта «Турецкий поток».

Подитоживая анализ влияния морского фактора на возникновение социокультурной рубежности в Причерноморье отметим, что в акватории черноморских проливов сохраняются историко-географические предпосылки возникновения конфликтов не только регионального, но и глобального уровней. Это связано с тем, что турецкое государство накопило длительный опыт манипулирования морским законодательством, не испытывая при этом значимых последствий за нарушения международных морских законов. Проход через проливы фактически регулируется не международными договорами, а внутренними турецкими директивами, что усиливает геополитические амбиции Турции в Причерноморье.

Влияние *континентального фактора* на появление в Причерноморье социокультурных рубежей прослеживается в системе взаимоотношений Россия – циркумпонтийские государства. *В настоящее время в Причерноморской кольцевой региональной структуре государств у России нет геополитических союзников.* Все государства Причерноморья в той или иной степени находятся под цивилизационным влиянием западных стран, являясь либо членами ЕС и НАТО, либо стремясь к членству в этих организациях.

Среди стран Причерноморья две страны имеют в силу своего географического положения на стыке европейского и азиатского пространств стратегические планы взаимодействия на континентальном пространстве Евразии: Россия и Турция. На протяжении веков отношения России с Турцией были областью соперничества и раздела сфер влияния.

Современность мало изменила этот характер геополитического взаимодействия обеих стран. Одной из причин сохранения соперничества России и Турции является геополитика российского государства, выстраиваемая на идеологических основах неоевразийства как доктрины восстановления целостности постсоветского пространства на основе новой славяно-тюркской интеграции, а турецкое государство исповедует геополитические взгляды «неоосманизма».

Идеология неоосманизма предполагает возврат к этнотерриториальному наследию Османской империи. Турция не признаёт факты геноцида армян, понтийских греков, ассирийцев, совершённых ею в первой четверти XX столетия. Вместе с тем, турецкая политическая элита традиционно поддерживает современные экстремистские силы на Ближнем Востоке и в Северном Причерноморье, объясняя такую политику необходимостью объединения тюркских народов. Турецкий патронат почти четверть века распространялся на крымских татар и нелегальную запрещённую в настоящее время в России этнократическую структуру «меджлис-курултай», которая на протяжении многих лет дестабилизировала общественно-политическую ситуацию на Крымском полуострове. Отдавая отчёт о том, что лидеры «меджлиса-курултая», покинувшие пределы российского Крыма, занимают в отношении России русофобскую позицию, высшее руководство Турции позволило упомянутым политикам провести в августе 2015 года так называемый «II Всемирный конгресс крымских татар». Турция по-прежнему поддерживает создание на территории Крыма национальной автономии крымских татар, что контрастирует с нежеланием турецких лидеров предоставить автономию курдам, проживающим на территории турецкого государства.

Вместе с тем, российско-турецкие геополитические отношения объединяет взаимное желание недопустить реализацию намерений США расширить сферу деятельности НАТО в Чёрном море, обозначенную в доктрине «Активные усилия» («Operation Active Endeavor»), и представляемую американцами как стратегию борьбы с терроризмом и преступностью.

Россия, как и Турция, не желает усиления влияния США в Причерноморском регионе. И здесь необходимо согласиться с турецкими экспертами, что одним из главных препятствий на пути реализации геополитических устремлений США в Причерноморье является Конвенция Монтрё [23]. Усиление присутствия США в Чёрном море как страны НАТО неизбежно поставит на повестку дня вопрос о внесении поправок или даже отмене Конвенции Монтрё. Турция как член Евroatлантического альянса вынуждена будет подчиниться коллективной воле этой организации. Американская стратегия расширения присутствия в Чёрном море разрушит институты безопасности, созданные в регионе по инициативе Турции ещё в 2001 году. Речь идёт о Рабочей Группе по Военно-морскому сотрудничеству в Чёрном море (BlackSeaFor), членами которой являются все прибрежные

государства (исключение составляет Абхазия как частично признанное государство) и Черноморская Гармония (Black Sea Harmony), инициированная Турцией для борьбы с терроризмом.

Российская дипломатия неоднократно подчёркивала, что расширение американского присутствия в Причерноморье бессмысленно, поскольку три страны Причерноморского региона уже являются членами НАТО. Однако в период после присоединения Крыма к России присутствие сил НАТО в акватории Чёрного моря (включая постоянное дежурство кораблей этого альянса) и на территориях причерноморских стран значительно возросло. Ежегодно, начиная с 1997 года, проводятся учения НАТО «Sea Breeze». В учениях «Sea Breeze-2015» принял участие ракетный эсминец США «Donald Cook», способный нести крылатые ракеты «Томагавк» с ядерной начинкой и дальностью полета до 2,5 тыс км [12]. В сухопутной части Причерноморья проходят постоянные учения пехоты НАТО. Судя по локализации учений в Херсонской, Николаевской и Одесской областях Украины, во время учений отрабатываются операции в «кризисном регионе», который приближен исключительно к территории Крымского полуострова. Это можно объяснить только тем, что Крым в настоящее время играет роль плацдарма, где в открытом противостоянии сошлись интересы России и США.

Новые члены НАТО – Болгария и Румыния, поддерживают расширительную стратегию присутствия США в Причерноморье, а Грузия и Украина выступают в этой проблеме с сочувствующих США позиций. Особой активностью в Причерноморье отличается Румыния. На территории этой страны уже существуют три военные базы США – в Бабадаге, аэропорту Михаил Когалницеану и в Фетесе. В 2016 году на территории бывшей советской военной базы Девеселу (уезд Олт) введен в строй американский комплекс противоракетной обороны «Aegis Ashore». Базу Девеселу, на которой размещен мощный радар, противоракеты и средства связи, планируется подключить к системе противоракетной обороны НАТО. В последние годы Румыния выступает инициатором создания черноморской флотилии НАТО. Уже два десятилетия после развала СССР Румыния вынашивает планы поглощения Молдовы, Бессарабии и части северной Буковины. Болгария менее активна в продвижении интересов НАТО в Причерноморье, однако на военной базе в Безмере она оборудовала обширный полигон для учебных стрельб сил Евroatлантического альянса.

Таким образом, между странами Причерноморья сформировано расхождение позиций по проблеме организации коллективной безопасности в регионе. Кроме того, любое «продвижение» причерноморских стран «в Европу» или сближение их позиций с США естественно воспринимается Россией как вызов её национальным интересам, заявленным как интересы глобального геополитического актора. Учитывая позицию Турции, стремящейся сохранить в Причерноморье роль крупного регионального игрока в геополитике, можно согласиться с мнением экспертного сообщества

о том, что Причерноморье ещё долго будет оставаться нестабильным регионом [13].

Нестабильность в Причерноморье усиливается украинским кризисом, породившим ещё один социокультурный рубеж в регионе. Разногласия между Россией и Украиной по поводу территориальной принадлежности Крыма и вопроса федерализации Украины как варианта решения конфликта в Донбассе, постоянная напряжённость вокруг альтернативных путей транспортировки газа в Европу (в обход Украины) – это геополитический фон, на котором развиваются отношения двух славянских государств в последнее десятилетие.

Желание Украины стать частью Запада и в то же время зависимость от российских энергоносителей ставят эту страну в сложное положение. Но это геэкономическая часть противостояния, которая при желании и проявленной воле политической элиты Украины может быть разрешена. Гораздо более опасной составляющей разногласий между Россией и Украиной стало *уничтожение этнической комплиментарности русских и украинцев*, проявленное как часть информационной войны между этими странами.

Объяснять появление образа «врага» только «провинциальным национализмом» украинцев бессмысленно. У этой проблемы более глубокие корни. Этот образ целенаправленно формировался усилиями большей части «гуманитарной интеллигенции» все 26 лет независимости украинского государства и, прежде всего, средствами исторического образования и воспитания в школах. В большинстве современных украинских учебников истории формирование единой украинской нации производилось через образ «внешнего врага». В них подчеркивалось, что украинская нация формировалась не благодаря, а вопреки ее нахождению в составе империй – Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и СССР. Сыграли свою отрицательную роль политическая беспринципность и конъюнктурность позиций современных украинских политиков, подобных второму президенту Украины Л. Кучме, выпустившему в 2003 году книгу «Украина – не Россия». Этот текст актуализировал на государственном уровне возможность появления псевдоистин о разности исторических судеб, самоощущений, культурно-языковых ситуаций у России и Украины. Взаимоисключающая интерпретация событий киевского майдана 2013-2014 годов, крымской весны и войны на Донбассе в средствах массовой информации России и Украины продолжают увеличивать раскол в осознании общности исторической судьбы двух народов.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что современное Причерноморье – это сложный узел социокультурных проблем и рубежей, создаваемых сменой смыслов во взаимодействии государств, расположенных в этом регионе. В новейшей геополитике Причерноморье стало рубежом, где обозначились стратегические приоритеты России как страны, возвращающей своё присутствие не только на региональном уровне, но и в глобальном

взаимодействии Западной и Восточной цивилизаций Евразийского континента. В настоящее время причерноморские рубежи этих цивилизаций «раскалены» и полны запретов, соперничества, скрытой и проявленной конфликтности. Выход из этого средоточия противоречий не вполне ясен. Возможно, России как глобальному политическому актору в Причерноморье пора активизировать работу по созданию новых форматов взаимодействия с каждой страной этого беспокойного региона и миром в целом.

Conclusion. Geopolitically speaking, the contemporary Black Sea Region is one of the most complicated Eurasia's regions. The sociocultural division was formed in this region between the countries claiming different level of geopolitical influence. In the Black Sea Region Russia and the USA form a range of relations of global confrontation. Ukraine and Turkey retain the potential of regional domination.

The aim of the research is systematizing the factors that transform the contemporary sociocultural boundaries in the Black Sea Region.

Sociocultural division is viewed as a variety of space in which there is an evident or a latent conflict.

We see the Black Sea Region as the territories of the countries that have a coastal zone in the water area of the Black Sea. These are: Abkhazia, Bulgaria, Georgia, the Russian Federation, Romania, Turkey, Ukraine. The position at the coast unites these territories making up common tasks of maintaining safety and following the mode of the Black Sea channels, as well as solving the problems of inner navigation, environment, fishery, etc.

The main reason of civilization transformations in the Black Sea Region is related to Russia regaining its place among the world powers that are capable of issuing a challenge to the West represented by the USA and the united Europe. Russia's comeback to big geopolitics caused an unprecedented resistance of western countries that imposed a system of economic and political sanctions against Russia in response to Crimea's reunification with it.

Among additional factors that make up and transform sociocultural boundaries in the Black Sea Region there are marine and continental factors. Marine factors of sociocultural division in the Black Sea Region are various. They are determined by the geographical peculiarities of the Black Sea basin. It is noted that the Bosphorus Strait and the Dardanelles are significant for the geopolitical stability in the Black Sea Region. The continental factors of sociocultural division in the Black Sea Region are related to the interaction of countries of the Region. Here there is still concealed rivalry between Russia and Turkey and a recent confrontation between Russia and Ukraine concerning the solution of the problem of Donbass and the territorial allegiance of Crimea. The sociocultural division in the Black Sea Region is reinforced by the expanding presence of NATO's naval and land forces in the region.

At the current stage of the Black Sea Region development Russia has no geopolitical allies in this region. It is time for Russia as a global political actor in

the Black Sea Region to work actively on creating new formats of interaction with each country of this disturbing region and the world in general.

Литература

1. Арешев А. Г. (2016), Конфликт на Ближнем Востоке: вызовы для ситуации в Причерноморье. – Выступления участников круглого стола «Большое Причерноморье: геополитика и геоэкономика» (8 июня 2016 г.): <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/review/Sbornik-08062016.pdf> (3 марта 2017).
2. Босфор наш? (2015), <https://politota.dirty.ru/bosfor-nash-902706> (1 февраля 2017).
3. Бунге В. (1967), Теоретическая география. М., Прогресс, 279 с.
4. Волович А. (2009), Военно-политическая активность США и НАТО в Черноморском регионе после августа 2008 года: http://flot.com/nowadays/concept/opposite/caspian_activities.htm (25 февраля 2017).
5. Глазова А. В. (2012), Зона особых интересов России: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml> (24 февраля 2017).
6. Дергачев В. А. (1996), Создание зон комплиментарного развития на социокультурных рубежах. Вестник Московского университета. Сер. 5, геогр. № 4, с. 11-14.
7. Дергачев В. А. (1996), Евразийские рубежи вражды и мира / Под ред. А. И. Умова. Одесса, 22 с.
8. Дергачев В. А. (1998), Раскалённые рубежи. Одесса: Астропринт, 104 с.
9. Дергачёв В. А. (2008), Геополитическая трансформация Украинского Причерноморья. Научные труды в семи книгах. Кн. 7. 2008.: <http://dergachev.ru/book-17/01.html> (25 февраля 2017).
10. Дергачёв В. А., Вардомский Л. Б. (2014), Регионоведение. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 519 с.
11. Замятина Н. Ю. (1998), Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах. Общественные науки и современность. № 5, с. 75-89.
12. Ишин А. В. (2016), О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд. Проблемы постсоветского пространства. № 1, с. 38-46.
13. Мироненко В. И. (2016), Северное Причерноморье – Россия, Украина, Молдова. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., Ин-т Европы РАН, с. 19-26.
14. Нарочницкая Н. А. (2000), Ключ к Евразии на дне Чёрного моря: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/eurasiakey.htm> (28 февраля 2017).

15. Полян П. (2012), Причерноморье как амфитеатр геноцида и депортаций. Новое литературное обозрение. Неприкосновенный запас, № 81: <http://www.nlobooks.ru/node/1794#sthash.uIeRGBuH.dpuf> (26 февраля 2017).
16. Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства (2011) / отв. ред. В.А.Колосов и О.И.Вендина. М., Новый хронограф, 352 с.
17. Ротов А. С. (2007),Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России: диссертация ...кандидата политических наук: 23.00.02 Ростов-на –Дону, 2007, 138 с.
18. Семёнов-Тян-Шанский В. П. (1928), Район и страна. М.-Л., Гос. изд-во, 312 с.
19. Хаггет П. (1979), География: синтез современных знаний. М., Прогресс, 684 с.
20. Язькова А. А. (2016), Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., Ин-т Европы РАН, с.7-19.
21. Якушенкова О. (2012),Женщина наамериканскомфронтире. Астрахань: АГУ, 215 с.
22. Prescott V., Triggs G. D. (2008), International Frontiers and Boundaries Law, Politics and Geography. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 504 p.
23. Sinan Ogan (2006),The Black Sea: new arena for global competition.Turkish Policy Quarterly.September 5, 2006:<http://turkishpolicy.com/article/517/the-black-sea-new-arena-for-global-competition-summer-2006> (4 март.2017)

SOME ASPECTS OF THE CRISES AND THEIR INFLUENCE OVER TOURISM

Abstract: Tourism in the current contemporary social flows represents a unique phenomenon and one of the fastest growing economic branches, that if followed chronologically notes permanent growth. With this, its representation in the national economies increases and has influence towards the growth of the gross domestic product. Today, many countries in the world base their whole economy specifically on tourism as an economic category, which can present one of the elementary tools for renewal of the economies of some countries, or even whole regions.

However, beside all of the noted positive aspects by the appearance and the development of this tertiary activity, one important negative characteristic exists, and it is that tourism as a phenomenon is very sensitive and non-elastic when crises appear, that can be social or natural, namely political, war, economic crises, terrorist crises and natural catastrophes can undoubtedly cause a decrease of the number of tourists in a given destination, and sometimes complete diminish of tourism.

In this direction, this paper has a goal to present the influence of crises on touristic flows globally, but also on a national level, specifically in the case of Republic of Macedonia.

Key words: tourism, GDP, crises, Republic of Macedonia

Introduction and literature review

Tourism represents one of the fastest growing economic branches, but at the same time one of the most sensitive and relatively most fragile economic branches. The numerous benefits coming from tourism can have large significance for each and every one state, and in this direction, it is important to observe the tourism and the touristic flows cautiously, especially in relation to crises occurrence. The term crisis, or crises in plural, comes from the Greek word κρίσις, which means an event that is expected to bring about unstable or dangerous situation to either individuals, groups or the society as a whole.

The crises are considered to be negative changes in the sphere of security, economy, politics, social life or environment, especially when they occur suddenly or with a little or no warning. Today, there are many accepted crisis definitions worldwide, such as: a crisis represents a difficult or dangerous situation that requires much attention. [2] Then, crises are unstable situations in political, economic or social questions that include the sudden changes which follow or the crises represent an unstable period with extreme problems in politics, economy etc.

Besides the listed definitions, the risk also stands out, it represents a source of the potential damage to an operator or a destination. In touristic literature catastrophe is defined as a serious disturbance of the community, represented with infrastructure and resources, which lead to organizations' and institutions' reaction.

In international touristic flows, the risk is defined as a danger, probability, threat, insecurity and a feeling of loss. According to this there are seven types of risk: technical, financial, physical, psychological, time risk, social risk and satisfaction risk.

The following can appear as reasons and risks for crisis occurrence: government policies, differing ideologies, development of political events, terrorist attacks, kidnappings etc. Moreover, the invented events and myths are also present, and their fundamental goal is to cause an alteration of the public's safety appearance and by that decrease the visits of a certain destination. Contrary to the enlisted ones, there are also superficial crises like: theft, fraud, corruption, transport problems and similar which are the simplest and have the least influence over the future visit of certain destinations. Crises caused by natural conditions are also frequent and include: floodings, earthquakes, volcano eruptions, tsunami etc. In continuance, the basic types of crises are stated as well as their occurrence in contemporary world.

Methodology

When talking about tourism and its activities, it is obvious that we deal with complex phenomena which requires application of diverse methods that commonly necessitate a great deal of information, as statistical, geographical, method of comparative analysis etc. Crisis also requires application of diverse methods that commonly necessitate a great deal of information. That is why the study is based on classical methodology, which is applied widely in tourism studies, such as research methods of analysis and synthesis which allow us a scientific approach in clarifying the role and place of tourism in national and local economy.

Crises dimensions worldwide and their influence over the tourism flows

The dimensions and the character of the crises that influence the touristic profit can be caused and determined by different causes, therefore we have:

Crises caused by terrorist activities, crises caused by political activities – political crises, crises caused by economic flows – economic crises, crises caused by military activities – military crises, but also natural disasters and catastrophies and other crises.

Touristic profit decrease depends on the intensity and the lasting of the specific crisis, as well as its appropriate management, and further in the paper the

significant manifestations, their direct and indirect influence in the touristic economy will be reviewed.

Crises caused by terrorist activities

[3] Crises that are connected to terrorist activities encompass the events caused by individuals or groups that use threats or violence and advocate personal views, most commonly political ones.

Terrorism as a phenomena in the contemporary world has an enormous effect over the development of the tourism flows in certain states or even whole regions. The terrorist attack on September 11th, 2001 in the USA is one of the most significant attacks that resulted with the occurrence of the economic crisis that indirectly influenced all other larger economies and caused great uncertainty in the business and consumption on a global level. [5] The number of tourists in these period varied, so out of 51,2 million visitors in 2000, the number decreases to 46,9 in 2001, then 43,5 million visitors in 2002, and in 2003 the number reaches the minimum of 14,3 million tourists. On a global level, the tourism decrease after September 11th is approximately 10% out of which there is further loss of 8,8 million employment spots in the world including airline companies, hotels, tour operators, rent-a-car companies and credit card companies, which on the other hand led to a decrease of 1,7% of the overall GDP of the world economy. Another revival of the touristic flows is noted in 2004.

Egypt is an appropriate example of terrorist attacks, where the tourism has a decrease of 43% as a result of the terrorist attacks in 1992. However, the significance of one touristic flow undoubtedly increases with the media influence, and the ability of promptly reaction of the specific government and its influence to censorship certain news, especially the ones appointed towards foreign media, with the appearance of murders or kidnappings of foreign tourists, where it is evident that with the news appearance in the media, the terrorist attack increases multiple times.

The Egyptian government today tries to deal with these undesired challenges through an increase of the safety measures and dealing with terrorist leaders as well as an aggressive marketing campaign regarding the higher safety level in the state. Since 2000 up until today, a few more serious terrorist attacks are noted in Egypt, but the statistical data show that those did not influence the tourist number decrease, on the contrary, the visits of Egypt since 2005 until 2010 were increased twofold, which is of course a result of the proper management of tourism when these types of crises occur.

Today, there are numerous problems that come out of conflicts at certain destinations (ex: consumption of pork meat and alcohol, gambling etc. in the countries of the Arab world, where the aforementioned are forbidden, and according to Islamic beliefs is considered to be wrong). This types of conflicts led to quite a few terrorist attacks over tourists in Egypt, with the reason that tourism

represents a threat for the well established social norms, traditions and value systems, as the rebels say.

It often occurs for terrorist to execute an attack over some touristic object or a destination, because as stated, that way the significance of it increases, and if it is known that there is a media that will cover the news, with an emphasis of the safety of international travelers, the presented newly created situation gives a picture that the area is exceptionally unsafe and it presents a potential terrorist target, which will cause for it to be bypassed in the future or deleted from the world touristic map for a longer period of time.

On 13.11.2015 one of the bloodiest attacks on European ground happened in Paris. It was an attack with 130 casualties. This caused enormous material damage over tourism which is one of the largest sectors of the French economy, [10] accounting for 7% of France's gross domestic product. France is the number one tourist destination in the world, with 83 million visitors annually. Those tourists spent 45.3 billion USD in 2013, according to the Ministry of Foreign Affairs.

Throughout the whole 2015 France succeeded in keeping the leader position by the number of foreign tourists, shows the data from WTO, although numerous problems appear, which culminated in 2016. Most evident were the cancelled arrangements by Korean and Japan tourists that cancelled total of 300.000 arrangements. The total loss in number of tourists in 2016 compared to 2015 is 1.500.000, namely 1.300.000 euros.

Crises caused by political activities – political crises

Political crises represent a part of the everyday life, especially noticeable in some of the South African countries, in Eastern and Southeastern Europe, Eastern Asia etc.

Some of the more important phenomena that influence the tourism instability until today are: the political instability in Eastern Europe for the past few decades, the Persian Gulf War, the civil wars in some of the Former Yugoslavia states, the financial and socio-political happenings in Southeastern Asia, Japan, Russia, Latin America, the Ukraine scenario.

At the end of 2010 and the beginning of 2011, the political crisis that occurred in **Northern Africa** was topical. This crisis was later named as “**Arab spring**” and it included **Morocco**, **Tunisia** and **Egypt** which are known as developed touristic destinations. The “Arab spring” was followed by massive demonstrations for taking over the current government in the previously mentioned countries that were manifested with street violence, which obviously disturbed the safety situation in the concrete touristic destinations. In Tunisia in 2010 the tourism participates in the national GDP with 7%, 12% of the overall employment and was visited by 6.9 million tourists. In 2011, according to the National Office of Tunisian Tourism, the number of tourists decreases for 38,5%.

In 2010 **Morocco** realized 9,3 millions touristic profit, while in the first quarter of 2011, compared to 2010, the number of visitors increases for 6% which tells us that the political crisis in Morocco did not affect the touristic profit in negative sense. The political situation in Egypt and Tunisia caused an increase of the offers of world known tour operators for Morocco and the Canary Islands as an alternative for the cancelled reservations.

[1] In 2010 **Egypt** was visited by 14,7 million tourists and tourism along with the realized profit participates with 11,3% in the national GDP, and as a consequence of the political crisis in the first half of 2011, the number of tourists in the first quarter decreased for 46% which from a financial point of view, means a loss worth of approximately 2 billion USD. [16] in 2016 decreases and reaches 500.000 tourists or 51,2% compared to 2015.

The “Arab spring” spread over in **Libya**, where the demonstrations for taking down the Muammar Gaddafi government, turned out to be a civil war which was later terminated by a NATO alliance military intervention. The media played their role here too, and a large part of the world had a different picture of the region, which will undoubtedly influence the deletion of the destination from the world touristic map, and a long period of time was needed there to restore the whole infrastructure, which is necessary for any touristic development, and of course an improvement of the picture for the safety situation in the country. This political and military crisis had a negative reflection over the tourism of the neighbouring Egypt from a few aspects, of which the most significant are the geographical closeness of the two countries and the fact that Libya emitted the highest number of tourists in Egypt from the Arabian countries that in 2010 amounted to 2 million visitors, and was part of the national GDP in 2011 with 3,2%, and 3,1 of the total number of employees in the country.

Lebanon [4] had a tourism participation of 20% in the total GDP two decades ago, but with the beginning of the civil war (1975-1990), which lasted 16 years, a decrease appeared which was only stabilized in 1999, when tourism takes part in the GDP with 9%, and in the next decade this rate continuously increases and a growth of 39% was noted in 2009 (the highest noted tourism growth in 2009 worldwide, according to World Touristic Organization) compared to the previous year. [16] However, as the undesired political events and the government fall happen in January 2011, Lebanon suffers enormous damages in its touristic traffic with 2.001.811 as a total number of tourists and a decrease of 36% compared to the previous years.

Tibet is also an example of political crisis and its influence over tourism, with the conflict with the government of National Republic of China. A large number of refugees from the conflicts ran away or got an asylum in India and Pakistan, and later returned in their country and opened small enterprises that primarily have touristic activity, and with that influence the local population to work with tourism through opening restaurants, shops, small hotels, souvenirs sale etc. However, still the appearance and the development of tourism on the plateau suffered large material damage caused by the internal unrestings. The last few decades led to an

accelerated and increased tourism growth which undoubtedly affects the construction of better infrastructure (especially the opening of the railroad connection Shanghai – Lhasa). [14] The growth of tourism from 2006 in 2007 amounts to 60%, namely 4 million tourists, only to have a decrease of 20% in 2008, as a result of the unrests in the capital of Tibet, and the prohibition of tourist entrance by the Chinese at the so called The Roof of the World. In 2010 the number of tourists was 6,9 millions. More than 15 million tourists visited Tibet Autonomous Region [TAR] in 2014, up more than 20% from 2013, according to the local government.

Thailand suffered great damages by the anti-government demonstrations in 2008, when the two airports in Bangkok were closed and more than 300.000 tourists could not leave the country, a picture that was transmitted to the biggest and most influential world media, which directly affected the cancelling of a large number of reservations. The unwanted situation continued in 2010, when the streets of Bangkok practically played the role of urban military zones from the demonstrations on one, and the police and the army on the other hand, and some of the luxurious hotels were closed for a few weeks. In the period of 2007 to 2010 the increase of the number of tourists is minimal and even negative in 2009, for Thailand to only recover and rise in 2010-2011 not only as a world sex destination, but as a destination for health tourism. In the third quarter in 2011, the number of visitors amounts to 19.500.000 which is 8% more than 2010, namely 4 mil. more tourists than the previous year. In Thailand, tourism participates in the total GDP with approximately 6% and includes a few millions of work positions. [15] 32,6 million in 2016, bringing in 1.64 trillion baht (45.9 billion USD) worth of business, up nearly 13% from 2015.

The Irish government encountered a similar problem with the tourism development in the **Republic of Ireland**, where it asked the temporary Irish Republican Army to a 18 month ceasefire (1994-1996) and joined the combined local government which affected the improvement of the picture of the safety situation in the country. Ireland reached its highest tourists number in 2007, when the country was visited by 10 mil. tourists, to only start falling down in the next years, which was a result of the economic crisis 2008-2010, but also of the enormous cloud of volcano ash of the Eyjafallajokull volcano on Iceland in 2010.

Turkey notes negative results when it comes to tourism, which is of exceptional importance to the country and makes up approximately 10% of the total country's GDP. However, after the conflict with Russia, the number of tourists decreases (for an incredible 92% in 2016), and an additional fall of the tourists number occurs after the attack of the Istanbul airport when 44 people died. Additional burden for the Turkish tourism is the attack in Istanbul when 12 German tourists were killed. Which in turn caused an enormous decrease of the number of German tourists of 35%.

The coup in 2016 in Turkey additionally affected the disruption of the safety picture in the country and caused even larger damage for the Turkish tourism. [17] Tourism income in 2016 decreased by 29.7% and declined to 22.107.440 compared

to the previous year. While 72,8% of this income (excluding GSM roaming and marina service expenditures) was obtained from foreign visitors, 27,2% was obtained from citizens resident abroad. In this year, while individual expenditures constituted 18.495.978 USD of the total tourism income, 3.611.462 USD of tourism income was obtained by package tour expenditures.

Crises caused by the economic flows – economic crises

Besides the already enlisted undesired events and happenings, there are others, whose occurrence maybe does not cause such a large number of casualties or visible material damage, but they indirectly affect tourism in exceptionally big dimensions. Such are the economic crises that lead to weakening of the economic power of the destinations, but also the consumers – tourists, which indirectly influences the drop in touristic travels.

Economic crises worldwide are followed and accompanied by recession as an economic phenomena. Therefore, the economic crises in the current history can be separated in three main periods:

- The economic crisis that appeared in Western Europe and Northern America in 1980;
- The recession after 1990 which was conceived in Asia, and then spread over to American soil;
- The recession that almost encompassed the whole World economy, in the period of 2008-2010 and is somehow expressed even today.

2010 is considered as a year of revival of tourism, when the great economic recession officialy ends (2008-2010) and a growth of the touristic travels appears again (UNWTO). The WTO, in accordance with its statistical barometers announced that there is an appearance of a global growth of tourism.

[11] The number of international tourist arrivals (overnight visitors) in 2015 increased by 4,6% to reach a total of 1186 million worldwide, an increase of 52 million over the previous year. It was the sixth consecutive year of above-average growth in international tourism following the 2009 global economic crisis. By UNWTO region, the Americas and Asia and the Pacific both recorded close to 6% growth in international tourist arrivals, with Europe, the world's most visited region, recording 5%. Arrivals in the Middle East increased by 2%, while in Africa they declined by 3%, mostly due to weak results in North Africa.

Forecasts prepared by UNWTO in January 2016 point to a continuation of growth in international tourist arrivals at a rate of between 3,5% and 4,5% in 2016, in line with the Tourism Towards 2030 long-term projection of 8% growth a year for the period 2010 to 2020.

Crises caused by military activities – military crises

The military activities in the last few decades are manifested mainly in the countries of Northern Africa, the Middle East and Latin America. The extremely low safety level influenced the deletion from the offers of the touristic tour operators of these destinations. Even a longer period after the termination of the military conflict, the consequences over tourism can be felt and it is a real challenge to bring them back in the world touristic flows.

Libya is in a difficult situation, and with the last events and military interventions in mind, it is almost impossible to think about tourism travels in the country.

The military actions in **Chile, Venezuela, Bolivia, El Salvador and Mexico** affected the perception of the tourists from the rest of the world for unsafe and undesired touristic destinations until a few years ago, which is backed up by evidenced number of tourists data.

The war in Syria and Iraq not only affected the downfall of the touristic flows but had a direct influence on the destroyal of part of the world cultural heritage, located here like Aleppo (UNESCO World Heritage Site).

The war events of the Crimean Peninsula in 2013 have undoubtedly caused enormous consequences for the Ukrainian tourism. [18] Visitors to Ukraine were well down in 2014 compared to the previous year. The country received 12,7 milion foreign guests, a 48% decrease from 2013. The conflict of Ukraine was undoubtedly the major factor responsible for the steep drop. Visitors from most other countries declined. Fewer Poles, Romanians, Germans, Turks, Americans and British contributed to the fall.

Natural disasters and catastrophes

Besides the already enumerated crises and causes of a decrease of the rate of tourism in certain countries and even whole regions, natural disasters can also occur. Among else, tourism is especially sensitive and non-elastic to natural disasters like: earthquakes (Indonesia 2004 and 2007 total casualties over 300.000, Chile 2010 – 500 casualties and inestimable material damage, Haiti 2010 with 300.000 casualties, Turkey 1999 with 45.000 victims, as well as the earthquake in Japan with 9,0° according to Richter scale, which caused a tsunami appearance with unestimable material damage and a large number of casualties (which indirectly influenced the appearance of a threat of nuclear catastrophe in that part of the world), the number of wounded in all these cases is remarkably high, the number of homeless people is enormous and also unestimable material damage was caused.

The earthquake epicenter was close to Norcia, in the south-eastern corner of Umbria, Central Italy a magnitude 6,2 earthquake in August, that left nearly 300 people dead. While some of the towns affected do not stand out on the tourist map,

Umbria as a whole is popular with British holidaymakers as Italy's "green heart". [13] In this quadrangle between Northern Lazio, Abruzzo, Marche and Umbria, there are gems like Valnerina region, hit by the earthquake and now dealing with a 90% drop or zero tourist arrivals, as well as world famous destinations such in Umbria – Assisi, Spoleto and Gubbio – which, although distant from the earthquake epicenter, have seen arrivals drop by between 30% (in November) and 50% (December). The numbers have virtually wiped out the tourism boom enjoyed by Umbria until August 24 (+11%), when the first earthquake hit.

Volcano eruptions also bring about huge material damage (Mount Merap – Indonesia 350 casualties, Nyiragongo – Democratic Republic of Congo 260 casualties, Nabro Volcano - Eritrea 20 casualties), floodings and other disasters. In 2009 a downfall of international touristic travels of 4% occurs, which was mostly influenced by the eruption of the Eyjafallajokull volcano in Iceland, and the damage caused by the thick clouds of smoke and ash led towards the significant decrease of the global air traffic, whereby according to some data, we are speaking of an amount of 1.7 billion USD.

The crises influence over tourism in Republic of Macedonia

The Republic of Macedonia, as a part of the Balkan Peninsula, is in the core of numerous political fluctuations, which were frequently followed by military interventions in the past. The military interventions and the bloody disolution of the previously exceptionally powerful Yugoslavia, led to undesired military events in: Croatia, Bosnia, Kosovo (when Macedonia comes out as the poorest country with only 5% of the total national budget), the civil war in Albania 1996-1997, but also the military conflict between the Macedonian combat forces and the pro-Albanian ONA in 2001.

All of this influences the creation of the overall picture for the regions, but also the country as a touristic destination. With development and the influence of media, the appearance of these undesired events led to worsening the already bad picture and the idea for the real situation on terrain, which undoubtedly caused enormous material damage to tourism, as a quite fragile economic category.

The war conflict in Macedonia in 2001 besides the casualties, also caused an economic downfall, and a serious decrease of the number of touristic visitors in the country. The process of recovery was a long lasting one, and was interrupted by the economic crisis in the period of 2008 and 2009. After this, a stable growth period follows, in terms of the evidenced domestic and foreign tourists and realized overnight stays.

[12] Chronologically followed, the number of tourists in the Republic of Macedonia from 1956 onward (this is when evidention starts) ranges with downfalls and rasings as a result of the socio-politic events in the state. In 1956, 259.663 tourists were evidenced. A number which notes growth, especially noticable in the '80s, is over 1 million tourists, with more than 3 million overnight

stays annually, out of which more than a half were foreign tourists. Later on, a mild downfall happens, which culminates in 2001 and 2002, as a result of the war conflict in the state. So, the number of tourists in 2000 is 632.523 out of which 408.507 were domestic and 224.016 were foreign visitors. A downfall of 52% is noted. The total number of overnight stays in 2001 compared to 2000, was reduced for 54%, while the foreign tourists overnight stays was reduced by 43%.

In the last few years the number of tourists in Macedonia is constantly growing, namely in March 2008 in relation to March 2007, it increases for 44,7%, and in February 2009 in comparison to the same month in 2008, it increased for 3,2%. The number of tourists in May 2010 increased for 0,8% compared to May 2009. In 2015 the country was visited by 485.530 foreign tourists which realized 1.036.383 overnight stays, which is a doublefold increased number compared to 2006, when 442.845 overnight stays were noted. The analysis shows that this growth trend is a result of the promotional campaigns – Macedonia Timeless and the state subsidies to the touristic sector.

The refugee crisis that gripped Macedonia in 2015 and 2016 opened up a room for serious reflections over tourism, especially if we keep in mind the clearly defined attitude and the concept in relation to the problem of the relevant European institutions. Although the number of tourists did not decrease, which only shows the fact that says that this crisis did not reflect over tourism in Macedonia for 2015 and 2016.

Conclusion

In current contemporary living conditions, it is evident that crises represent a segment of the society that has manifestations over the overall surrounding, and it is most frequently in a negative context with negative consequences. Depending on the place and the capacity of appearance, crises occurrences reflect over the economy with a different intensity. Tourism as one of the most profitable economic categories is directly and indirectly involved in these societal flows.

From the discussed so far, it is clear that crises present a phenomena in the everyday life throughout the world, and that is why an appropriate management is necessary, in order to reduce the undesired effects to minimum, especially the ones connected to tourism flows.

Because of that, the occurrence of any type of crises requires a formation of a team for crisis management, that would have a few basic tasks, among which safety improvement, collaboration of the public and the private sector, increasing the marketing activities, hiring expert consulting companies for marketing policies and improvement of the market conditions, increasing the ratings, are the ones with the highest priorities.

The military events in the surroundings, but also within the borders of the Republic of Macedonia, the protests of the so called Colorful Revolution, the fragile political situation expressed with the political crisis in the country, the

terrorist attack in the Kumanovo's "Diva Naselba" as well as the refugee crises were and still are popular in the Republic of Macedonia and as such have a potential to influence the touristic flows in the country. Still, the reflections over tourism are minimal and do not note negative trends and a decrease of the number of tourists in Macedonia.

References:

1. Agency for Public Mobilization and Statistics of Egypt, annual report, 2010;
2. American heritage, dictionary of English language, Houghton Mifflin Company;
3. Hofman, The New York Times inside terrorism, 1998, p.32
4. Ibrahim Saif, Farah Choucair, Arab countries strumble in the face of growing economic crisis, Carnegie endowment, 2009;
5. Jack P. Gibbs, Conceptualization of terrorism, American sociological review, vol. 54, N° 3, 1989, p. 329-340;
6. Michael Hall, Politics and tourism, interdependency and implications in understanding change, Goodfellow publishers, Oxford, 2010, p: 7-18;
7. Mladenovic I., Zlatkovic A., Some aspects of financial crisis influence on tourism industry in west Balkan countries, Economic and organization, Vol. 6, N° 1, 2009, p. 51-58;
8. Stetich Snezhana, Risk management in tourism, The business of tourism, Scientific journal issued by the college of tourism in Belgrade, December, No. 12, 2013, pg. 27-38
9. World Tourism Organisation, Retrieved 2008-06-10, tourism Market trends, 2006;
10. <http://www.gouvernement.fr/en/a-tourism-development-strategy>
11. <http://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284418145>
12. <http://www.stat.gov.mk/Publikacii/8.4.16.01.pdf>
13. <http://www.italy24.ilsole24ore.com/art/business-and-economy/2017-01-19/scossa-turismo-203955.php?uuid=AEZJp3D>
14. <http://factsanddetails.com/china/cat6/sub37/item2846.html>
15. <http://www.reuters.com/article/us-thailand-tourism-idUSKBN14P0QF>
16. <http://www.tradingeconomics.com/egypt/tourist-arrivals>
17. <http://www.turkstat.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=24590>
18. <http://www.visitkievukraine.com/essential/tourism-statistics/>

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ЗАПАДА

I. Yakovenko, A. Voronina

TOURISM AND RECREATIONAL ACTIVITY IN THE CRIMEA IN THE CONDITIONS OF POLITICAL SANCTIONS OF THE WEST

Аннотация. Проанализированы сдвиги в мотивациях, объемах и структуре туристских потоков в Крым под влиянием политических санкций. Выявлены факторы смягчения воздействия санкций на индустрию туризма Республики Крым. Определены направления интегрирования региона в национальную туристско-рекреационную систему Российской Федерации.

Ключевые слова: политические санкции; экономические санкции; туристско-рекреационная деятельность; внутренний туризм; международный туристский рынок.

Abstract. Shifts in motivation, volume and structure of tourist flows to Crimea under the influence of political sanctions were analyzed. The factors of mitigating the impact of sanctions on tourism industry of Crimean Republic were identified. The directions of integration of the region in Russian Federation national tourist-recreational system were determined.

Keywords: political sanctions; economic sanctions; tourism and recreational activities; domestic tourism; the international tourism market.

Введение

Введение в 2014 г. политических санкций против Республики Крым и г. Севастополь, ставших по воле народонаселения новыми субъектами Российской Федерации, объективно сказалось на многих сферах общественной жизни региона. Не стала исключением и сфера туризма и рекреации, в развитии которой произошли значительные трансформации правового, социально-экономического, социокультурного и территориального характера.

Политические санкции вводятся с целью наказания и ослабления страны или региона, побуждения к изменению политического режима или экономической политики в нужном для инициатора санкций направлении. По мнению Г. Андреассон [13], мотивации к международному использованию санкций включают наказание, предупреждение и восстановление, а эффект их воздействия на экономику стран, подвергшихся санкциям, трудно

измерить в связи с необходимостью учета как прямого, так и косвенного воздействия.

В научно-методической литературе накоплен определенный опыт анализа и оценки влияния политических санкций на развитие национального туризма и позиции страны на международном туристском рынке, однако немногочисленные публикации касаются преимущественно развивающихся и реформируемых стран, не обладающих высоко конкурентными позициями в сфере туризма.

Исследования ряда авторов посвящены оценке последствий введения США торгового эмбарго против Кубы в 1962 г. Результатом санкций стало резкое сокращение числа американских туристов, прибывавших на Кубу с целью отдыха. В настоящее время въездной поток из США составляет 100-300 тыс. чел. в год, однако, согласно оценкам Комиссии по международной торговле США, возможная отмена санкций привела бы к росту числа американских туристов до 2,8 млн. чел. ежегодно [14]. В исследовании Д. Робин, Дж. Рейтзес и Б. Черч [19] рассчитана экономическая выгода для США от отмены санкций: только рост объемов круизного туризма стимулирует ежегодное поступление валового внутреннего продукта в объеме 532,277 млн. долл. и создание 7603 новых рабочих мест. В сценариях И. Сандерса и П. Лонг [20] американские перевозчики и туроператоры на пятый год отмены санкций могут рассчитывать на получение более 1,9 млрд. долл. прибыли и создание 12180 рабочих мест.

Дж. Попеску и Д. Холл [18], проанализировав развитие туризма в Сербии в 2004 г., оценили последствия экономических санкций (наряду с другими геополитическими факторами) как причину долгосрочного отсутствия Сербии на международном туристском рынке.

В статье иранских авторов Б.М. Фарахани и М. Шабани (2013 г.) [15] дана комплексная оценка влияния санкций, вызванных ядерной программой Ирана, на развитие туризма в стране. Авторы доказывают двойственную природу эффекта от геополитических и экономических санкций: с одной стороны они являются причиной сокращения въездного туризма, с другой - порождают рост внутреннего (местного) туризма (с 2008 г. по 2012 гг. число внутренних туристов в стране выросло с 54,7 млн. чел. до 71,1 млн. чел. соответственно). В то же время, сокращение выездных туристских потоков из Ирана негативно сказалось на доходах соседних стран, в первую очередь, Турции. Ухудшение имиджа Ирана у иностранных туристов потребует, по мнению авторов, проведения иранскими властями специальной политики и стратегии развития туризма.

А. Овчаров, Г. Исмагилова, И. Зиганшин и М. Русаева исследовали влияние санкций западных стран на развитие российского выездного туризма [17]. Санкции, введенные США, ЕС и другими странами в отношении России в 2014 г., имели отрицательные последствия для многих сфер экономики, включая туризм. Сократился выездной поток из России в Европу, выросли риски инвестирования проектов в гостиничной индустрии, резко ухудшился

имидж страны во въездном туризме. Результатом этих процессов стало снижение жизненного стандарта людей, в т.ч. представителей среднего класса – основных потребителей туристского сервиса. Помимо фактора экономических санкций, кризисные явления в туристической отрасли РФ были вызваны девальвацией рубля, банкротством крупных игроков туристского рынка, сокращением инвестиций и другими причинами. Главной альтернативой реконструкции российской туристической отрасли авторы называют развитие внутреннего туризма, в т.ч. увеличение доли внутренних рейсов, информационную пропаганду внутренних поездок и развитие инфраструктуры Крыма.

Изложение основного материала

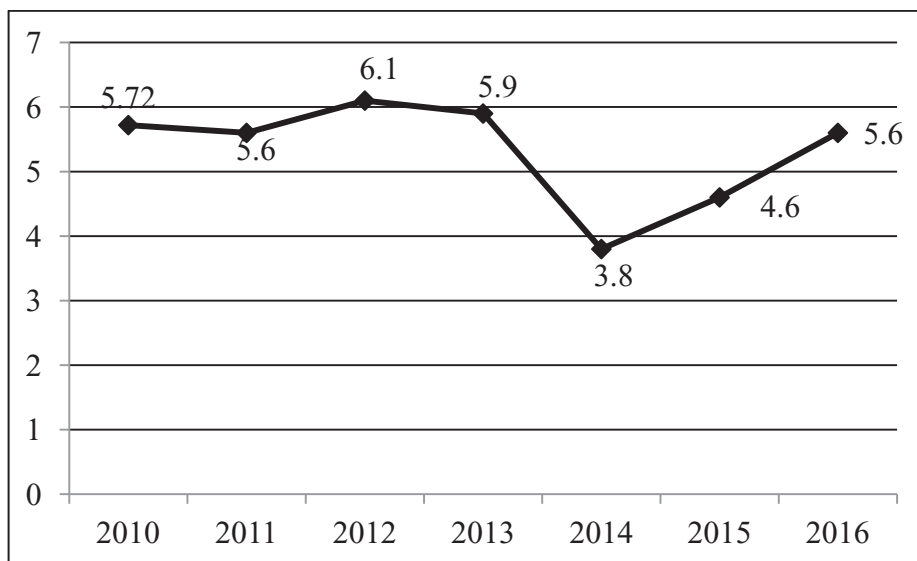
Согласно позиции большинства участников Генеральной Ассамблеи ООН, Крым является временно оккупированной территорией Украины [6]. В целях усиления стратегии по непризнанию Крыма субъектом Российской Федерации Европейский Союз в 2014 г. ввел ряд экономических санкций в отношении Крыма, непосредственно касающихся его туристической отрасли. Европейским операторам не разрешается предоставлять туристские услуги в Крыму; круизным судам, принадлежащим компаниям ЕС или находящимся под флагом стран Евросоюза, запрещено заходить в порты Крыма, за исключением экстренных случаев. В рамках стратегии принят запрет на выдачу шенгенских виз жителям Крыма с российскими паспортами. Обширный блок ограничительных мер также связан с ведением экономической деятельности в регионе, включая запрет на инвестиции, приобретение недвижимости, строительство и обслуживание объектов инфраструктуры. Массированная экономическая блокада Крыма выступает серьезным дестабилизирующим фактором развития туристско-рекреационного комплекса региона и его позиционирования на международном туристском рынке.

Благодаря богатому и разнообразному ресурсному потенциалу и давним традициям использования Крыма для лечения, оздоровления и туристско-экскурсионной деятельности регион являлся наиболее популярной туристской дестинацией в составе Украины. В 2013 г. Крым принимал 6 млн. туристов в год, из них более 65,6% составляли жители Украины, 26,1% – граждане России, 4% – граждане Белоруссии и 4,3% – представители других стран. Основными целями посещения региона были: санаторно-курортное лечение (40%), пляжный отдых (25%), отдых, развлечения и путешествия (25%). Вследствие ухудшения общей социально-экономической ситуации в Украине в 2010-2013 гг. в Крыму отмечалась общая тенденция к сокращению среднего срока пребывания туристов на территории региона (с 12 до 10 дней). Уменьшались потребительские расходы туристов: в 2013 г. 21,06% туристов,

въехавших в Крым, имели ежемесячный доход, не превышавший 500 долл. США [9].

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации и последовавшие за этим политические и экономические санкции привели к резкому сокращению въездных туристских потоков в сезон 2014 г. – с 5,9 млн. чел. (2013 г.) до 3,8 млн. чел. (рис. 1).

Рис.1. Динамика числа туристов, прибывших в Р. Крым в 2010-2016 гг., млн. чел.

Источник: [1,4,7]

Пространственная блокада полуострова со стороны Украины ухудшила условия доставки туристов в Крым: если ранее основным видом транспорта являлся железнодорожный, то с 2014 г. туристы прибывают преимущественно авиатранспортом и паромом через Керченский пролив. Так, из общего числа прибывших в Крым в 2016 г. 42,5% использовали паромную переправу; 41% прибыли на автомобилях и 16,5% воспользовались другими видами транспорта [7].

О реакции крымского туристского бизнеса на присоединение Крыма к Российской Федерации и введение санкций можно судить по результатам социологического опроса менеджеров отелей и транспортных агентств Крыма, проведенного в 2015 г. группой ученых из Болгарии и США (Ivanov, Idzhylova, Webster, 2016) [16]. Было отмечено общее негативное влияние измененной макросреды на производительность отелей в 2014 г. по сравнению с 2013 г. – уменьшение числа туристов, рост издержек и сокращение доходов. Вместе с тем, последствия имели неоднородный характер: отели 2* испытали большие потери по сравнению с отелями

другого класса; отели с числом номеров более 100 имели меньше отмененных контрактов с корпоративными клиентами, чем малые частные отели. Большую устойчивость продемонстрировали сетевые отели: по сравнению с независимыми отелями, они потеряли меньше украинских туристов и увеличили число ночевков туристов из России путем заключения новых договоров с российскими бизнес-клиентами. Многие отельеры пытались смягчить негативные последствия международных санкций, требуя выплат в иностранной валюте и снижая цены; ряд субъектов гостеприимства перешел в теневой сектор экономики. По мнению исследователей, положительное влияние санкций на крымскую туристическую индустрию является следствием меркантилистского подхода Российской Федерации по преодолению проблемы Крыма и поддержке туристских потоков в регион.

Данные государственной статистики свидетельствуют о серьезном сокращении числа субъектов, осуществляющих туристское обслуживание в Р. Крым: число туроператоров в 2015 г. по сравнению с 2013 г. сократилось на 80,2%, турагентов – на 87,3%, почти исчезли юридические и физические лица, официально занимающиеся экскурсионным обслуживанием (табл. 1). Как видно из табл. 2, основные показатели

Табл. 1. Изменение числа субъектов туристской деятельности в Р. Крым, 2013-2015 гг.

Число субъектов туристской деятельности	Годы		
	2013	2014	2015
Всего, единиц	529	71	48
в т.ч. по видам деятельности:			
туроператорская и турагентская	91	21	18
турагентская	188	24	24
экскурсионная	250	16	6

Источник: [10,11]

экономической деятельности в сфере туризма региона за исследуемый период времени резко ухудшились, однако с 2015 г. был отмечен некоторый рост объемов обслуживания и доходов туристских предприятий. Оставшиеся на рынке субъекты туроператорской и турагентской деятельности проявили относительно высокую степень адаптивности к работе в изменившемся правовом и экономическом поле. В расчете на 1 предприятие стоимость реализованных турпакетов в 2015 г. по сравнению с 2013 г. выросла на 3276 тыс. руб., а доход – на 7966 тыс. руб. Примером адаптации служат появившиеся в 2015 г. программы межрайонного кооперирования, в частности, комбинированные туристско-экскурсионные маршруты, разработанные туроператорами Крыма, Сочи, Краснодар и Ставропольского края.

Табл. 2. Общие экономические показатели туристской деятельности в
Р. Крым, 2013-2015 гг.

Показатели	Годы		
	2013*	2014	2015
Число реализованных турпакетов	175280	23455	21615
Стоимость реализованных турпакетов, тыс. руб.	3319568,1	370398,3	458488,3
Доход от предоставления туристских услуг (без НДС, акцизного сбора и аналогичных обязательных платежей), тыс. руб.	2452896,2	454835,0	604935,5
Сумма комиссионных, агентских и других вознаграждений, тыс. руб.	117944,8	22288,6	64984,8

Источник: [10,11]

*данные 2013 г. пересчитаны в рублях по официальному курсу гривны

Санкции против Крыма оказали ощутимый эффект не столько на объем, сколько на структуру выездного туризма. В 2013 г. из Р. Крым туристскими фирмами было отправлено 12301 чел., в 2014 г. и 2015 г. – 30111 чел. и 32206 чел. соответственно [9,10,11]. Закономерно абсолютное преобладание в выездном потоке лиц, направлявшихся с туристской целью в регионы России: в 2015 г. они составили 92,6 % всего выездного потока. По странам Азии путешествовали 4,92% обслуженных туристов, по странам Африки – 1,43, по странам Европы – 0,86%, по странам Америки – 0,17%, по странам СНГ – 0,02%. Таким образом, можно констатировать переориентацию туристского спроса жителей Крыма на внутренний туризм. Из прочих стран-реципиентов крымских туристов необходимо отметить ранее пользовавшихся традиционной популярностью у крымчан Турцию, Египет, Таиланд и ОАЭ, однако масштабы выездных потоков в эти страны крайне незначительны (от 200 до 500 чел. по каждой дестинации).

Нельзя не упомянуть негативный социально-психологический эффект международных санкций, предъявленных Крыму. Сформировался имидж Крыма, как туристской дестинации с неблагоприятной и непредсказуемой геополитической ситуацией и непреодолимыми транспортно-логистическими проблемами. Положительным результатом обсуждения проблемы Крыма в мировом масс-медиа можно считать приобретение им широкой известности как региона, специализирующегося на рекреации и туризме, что может быть востребовано в маркетинговых программах в будущем.

С 2015 г. отмечается тенденция к росту туристского потока в Крым: число туристов в Р. Крым выросло до 4,6 млн. чел., а в 2016 г. достигло 5,6 млн. чел. [7]. Основными факторами, сглаживающими отрицательный эффект влияния международных санкций на развитие въездного туризма в регионе, явились:

- государственная политика Российской Федерации в сфере туризма, в т.ч. реализация кампании содействия развитию крымского туризма;
- изменения конкурентной среды на туристском рынке Черноморско-Средиземноморского региона;
- мероприятия по продвижению имиджа Крыма как перспективной туристской дестинации России в масс-медиа;
- патриотические настроения российских туристов.

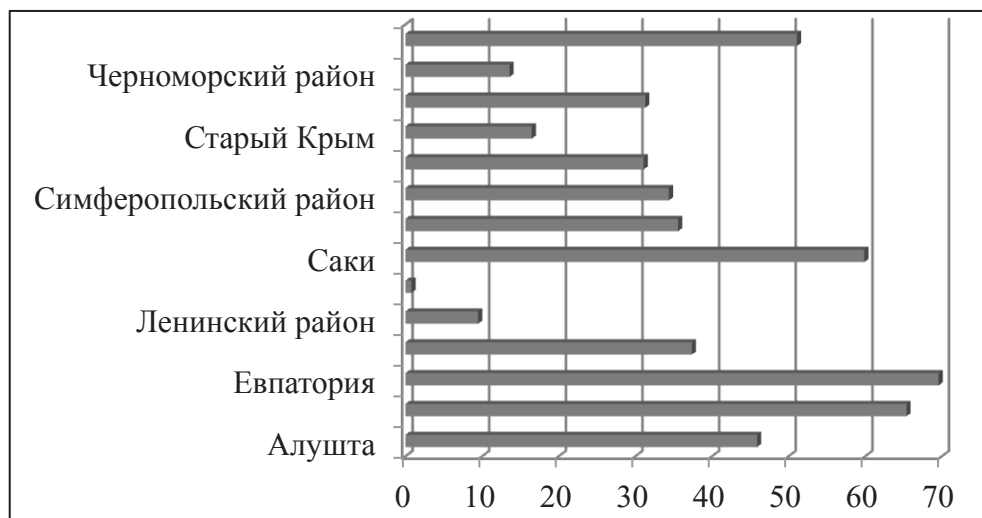
Стратегией развития туризма в Российской Федерации до 2020 г., принятой в

2014 г., взят курс на развитие внутреннего и въездного туризма с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах России. Приоритет внутреннего туризма определяется задачами импортозамещения в сфере туризма и сокращения оттока валюты за пределы страны с выездными туристами, а также продиктован стремлением создать новые фокусы экономической активности местных сообществ и укрепить самоидентификацию и патриотическое воспитание людей. Росту интереса к внутреннему туризму способствовали девальвация рубля и охлаждение отношений с Европой. По оценкам экспертов, объемы выездного потока из России упали в 1,5-2 раза, при этом рост интереса к отдыху внутри страны вырос на 50-60% [2]. Этому вектору развития российского туризма в сложившихся условиях соответствуют интеграция Крыма в состав РФ и возвращение региону функции всероссийской здравницы [12].

В 2014 г. отмечалось активное продвижение массового отдыха в Крыму на уровне государственных компаний РФ. В курортный сезон (июнь-сентябрь) в Р. Крым была реализована государственная адресная программа загрузки, в которой приняли участие 125 коллективных средств размещения. Это позволило в значительной мере компенсировать ущерб от резкого сокращения числа курортников из Украины. Максимальную загрузку – 69,6% – имели здравницы Евпатории, минимальную – 0,8% – предприятия Раздольненского района (Северо-Западный Крым) (рис. 2). В Программе оздоровления льготной категории граждан РФ приняли участие 68 санаторно-курортных учреждений из 9 районов Крыма; было оздоровлено около 44,5 тыс. граждан льготных категорий из 63 регионов РФ; загрузка здравниц в октябре-декабре 2014 г. была обеспечена на 90-100% [9]. В структуре доходов коллективных средств размещения средства из государственного бюджета всех уровней в 2014 г. составили 2366,1 млн. руб. (28,2 % всех доходов), в 2015 г. – 45045,1 млн. руб. (72,6% всех доходов) [9].

Рис. 2. Средняя заполняемость коллективных средств размещения регионов Р. Крым, участвовавших в адресной программе загрузки, июнь-сентябрь 2014 г.

Источник: [9]

Сокращению прогнозируемой нехватки туристов на курортах Крыма способствовало увеличение количества авиарейсов между аэропортом г. Симферополь и аэропортами других регионов России, а также введение льготных тарифов. Если в 2014 г. аэропорт обслужил 2,8 млн. пассажиров, то, по итогам 2015 г., пассажиропоток составил 5 млн. чел. (рост 82,5%), было осуществлено 35,16 тыс. регулярных и чартерных рейсов, выполненных 20 авиакомпаниями из 58 городов России. В соответствии с Программой субсидирования перевозок пассажиров в Республику Крым и в обратном направлении 8 компаний выполняли полеты по 34 маршрутам и перевезли 172245 пассажиров по сниженным тарифам [3]. Однако, в целом, высокая стоимость перелета в сезон «пик» продолжает оставаться ограничивающим фактором при планировании поездок на отдых в Крым среднеобеспеченными россиянами.

Последствия санкций для крымского туризма оказались менее болезненными, чем ожидалось, и по причине изменения расстановки сил на туристском рынке Черноморско-Средиземноморского региона. Ряд геополитических и внутренних социально-экономических проблем ослабил конкурентные позиции ведущих игроков, в первую очередь Турции и Египта, в течение длительного периода остававшимися ведущими направлениями выездного туризма в России. Так, запрет большинства государств Европы на поездки в Египет, введенный после катастрофы российского самолета в октябре 2015 г., привел к 40% снижению числа иностранных туристов в эту страну (5,3 млн. чел. в 2016 г.) и к росту инфляции.

Инцидент с уничтожением Турцией российского бомбардировщика СУ-24 в ноябре 2015 г. стал причиной охлаждения российско-турецких отношений, включая туризм. По рекомендации Ростуризма была приостановлена продажа путевок в Турцию гражданам России, а с 1 января 2016 г. отменен безвизовый режим и чартерные рейсы в Турцию. Падение спроса на отдых в Турции было вызвано также многочисленными террористическими актами, ставящими под угрозу безопасность пребывания туристов в стране. Сложившаяся конъюнктура туристского рынка в Черноморско-Средиземноморском регионе была исключительно выгодна для Крыма, т.к. многие россияне – традиционные посетители египетских и турецких курортов, были вынуждены выбирать другие направления поездок на отдых, и в качестве альтернативы фигурировали российские Сочи и Крым.

С июня 2016 г. начался процесс нормализации двусторонних отношений между Россией и Турцией в сфере туризма. Турецкие отельеры, потерявшие за время кризиса миллионы российских туристов, готовы предоставить в сезон 2017 г. гарантии безопасности и значительные скидки. Этот факт, как и снятие европейскими странами ограничений на полеты на курорты Южного Синая, включая Шарм-эль-Шейх и Дабар, означает утрату Крымом временных конкурентных преимуществ и возвращение в ближайшей перспективе части потока российских туристов к привычным курортным дестинациям в Турции и Египте. В ближайшей перспективе крымским отелям и туроператорам потребуется серьезная работа по улучшению качества услуг и оптимизации ценообразования для достижения большей конкурентоспособности по критерию «цена/качество».

В курортный сезон 2014 г. Министерством курортов и туризма Р. Крым была успешно реализована медийная кампания по продвижению положительного имиджа Крыма. В Крыму были организованы Первая Всероссийская выставка-продажа курортных и туристических услуг Р. Крым и г. Севастополь, Всероссийский конгресс по развитию лечебно-оздоровительного туризма, 9 туристских выставок, 9 информационно-ознакомительных туров по Крыму; Дни Крыма прошли в 4 субъектах РФ. На условиях социальной рекламы были размещены биг-борды на улицах более 150 городов и муниципальных образований Российской Федерации. Освещение крымского туристского сезона в СМИ включало: 795 новостей в интернет-изданиях, 75 публикаций в печатных изданиях, 120 новостных сюжетов на ТВ, 54 интервью, 23 пресс-конференции, 38 эфиров [9]. Возросшая известность Крыма как туристской дестинации России сыграла положительную роль в сокращении ожидаемого ущерба от введения политических санкций. В сезон 2016 гг. большой имиджологический эффект имел проект «Вежливый Крым»: в 13 приморских муниципалитетах функционировала круглогодичная «горячая линия», предоставлявшая консультации по вопросам отдыха в Крыму. За время ее работы было принято 5644 звонка из 76 регионов России [5]. Разработан и функционирует Туристический портал Р. Крым, создан новый туристский бренд Крыма.

При оценке результатов интегрирования Крыма в систему туризма Российской Федерации следует учитывать и ряд важных социокультурных и психологических факторов. Еще входя в состав Украины, Крым принимал потоки туристов из постсоветских республик, в первую очередь, из России и Беларуси, руководствующихся прошлыми стереотипами проведения отпуска в Крыму и ностальгическими мотивациями. В сезоны 2014-2015 гг. немалую роль в активизации спроса на поездки в Крым сыграли патриотические настроения населения регионов России, поддерживавших идею возвращения Крыма в состав Федерации. Следует иметь в виду, что сила проявления данного фактора с течением времени будет ослабевать. В то же время поездка за границу на отдых в представлении среднестатистического российского потребителя еще долго будет оставаться мерилom социального успеха, принадлежностью к определенной социальной группе, что определит неизбежный отток части туристского потока из сегмента внутреннего туризма в сегмент выездного туризма.

Для оценки долгосрочных последствий международных санкций на развитие туристско-рекреационной деятельности в Крыму потребуются специальные исследования, однако, очевидно, что в ближайшем обозримом будущем крымский региональный турпродукт будет ориентирован на внутренний туризм и, частично, на въездные потоки туристов из стран, не поддерживавших санкции. Опыт работы туристско-рекреационного комплекса Крыма в советский период показывает высокую результативность обслуживания внутренних туристов: в 1980-х гг. Крым принимал 7-8 млн. туристов в год, максимальное число туристов было зафиксировано в 1988 г. – 8,3 млн. чел. Эти индикативные показатели были учтены в утвержденной в 2016 г. Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [8]. Прогнозные целевые показатели по стратегическому направлению «Туризм и санаторно-курортное лечение» определяют значения туристского потока для следующих этапов: этап I «Снятие инфраструктурных ограничений» (2020 г.) – 7,7 млн. чел.; этап II «Широкое внедрение инноваций» (2026 г.) – 8,5 млн. чел.; этап III «Наращивание конкурентных преимуществ» (2030 г.) – 10 млн. чел.

Успешное решение проблемы санкций в крымском туризме предполагает реализацию ряда приоритетных экономических и управленческих мероприятий, в т.ч.:

- быструю качественную переориентацию туристского бизнеса региона на обслуживание внутреннего туризма; разрабатываемые программы должны быть максимально диверсифицированными по видам, целевым аудиториям, сезонам и районам проведения;
- достижение мировых стандартов качества туристских услуг по критерию «цена/качество»;
- использование механизма частно-государственного партнерства в инвестировании туристских проектов;

- улучшения транспортно-логистической ситуации в регионе. Следует ожидать значительного числа прибытий российских туристов в Крым в результате реализации проекта строительства моста через Керченский пролив, строительства скоростной трассы «Таврида» и модернизации аэропорта «Симферополь»;
- поиск новых рынков въездного туризма (наиболее перспективным представляется восточный вектор, в первую очередь, Китай);
- реализацию кластерного подхода в территориальной организации туристско-рекреационной деятельности в Крыму;
- масштабную рекламную экспансию Крыма как туристской дестинации в информационном пространстве.

Выводы

Международные политические санкции против Крыма 2014 г. оказали негативное влияние на туристско-рекреационную активность в регионе, приведя к сокращению въездного туристского потока и снижению экономических результатов туроперейтинга, гостиничного бизнеса и транспортных перевозок.

Интегрирование Крыма в систему туризма Российской Федерации стимулировало развитие внутреннего туризма. Важную роль в преодолении последствий санкций сыграли государственная кампания содействия развитию крымского туризма, ослабление ведущих игроков на туристском рынке Черноморско-Средиземноморского региона (Египта и Турции), успешная имиджевая деятельность туристского бизнеса и Министерства курортов и туризма Р. Крым и патриотические чувства российских туристов, определившие выбор Крыма как туристской дестинации.

Дальнейшее развитие индустрии туризма Крыма в составе Российской Федерации потребует от туристского бизнеса переориентации на программы внутреннего туризма, совершенствования регионального турпродукта по соотношению цены и качества, системного улучшения туристской инфраструктуры, налаживания сотрудничества с российскими регионами, поиска инновационных подходов в продвижении туристского продукта и эффективном брендинге.

Conclusion

International political sanctions against the Crimea in 2014 had a negative impact on tourism and recreational activity in the region, causing the reduction in inbound tourist flow and reducing the economic results of tour operating, hotel business and transportation.

The integration of the Crimea in the Russian Federation tourism sphere stimulated the development of domestic tourism. An important role in overcoming the sanctions consequences was played by state campaign on promoting Crimean tourism development, weakening the leading players in the tourism market of the Black Sea-Mediterranean region (Egypt and Turkey). Successful image activity of the tourism business together with the Ministry of resorts and tourism of Crimean Republic and patriotic feelings of Russian tourists, that determined the choice of the Crimea as a tourist destination had a great impact too.

Further development of tourism industry in Crimea being a part of Russian Federation will require refocus from the tourist business on programs of domestic tourism improvement of the regional tourist product in price and quality correlation as well as system tourist infrastructure improvement, cooperation with Russian regions, searching innovative approaches in promoting the tourist product and effective branding.

Литература

1. Аналитическая справка об итогах работы предприятий санаторно-курортного и туристского комплекса Республики Крым Министерства курортов АР Крым (2010-2013 гг.), Министерства курортов и туризма Р. Крым (2014-2015 гг.).
2. Все агентства смогут заработать на растущем рынке внутреннего туризма. http://www.ratanews.travel/news/news_25032015_5.stm.
3. 25 марта 2016 г. состоялось заседание итоговой коллегии Федерального агентства воздушного транспорта. <http://www.favt.ru/novosti-novosti/?id=2502>.
4. Крымская стратегия. Рекреация. Статистический бюллетень Министерства курортов и туризма АРК 2013 год. <http://www.slideshare.net/proletarec/crimean-strategy-2013-2013>.
5. Презентация Министерства курортов и туризма Р. Крым по итогам сезона 2016 г.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О поддержке территориальной целостности Украины» от 27.03.2014 № 68/262, п. 5, п. 6.
7. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым в 2016 г. Министерства курортов и туризма Р. Крым, 2017 г.
8. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. <http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/strategy-fullvers.pdf>.
9. Туризм в Крыму: итоги в цифрах и фактах. Год 2014. (2015) Министерство курортов и туризма Р. Крым.
10. Туризм Республики Крым за 2015 год. Статистический бюллетень (2016) Крымстат. – Симферополь. – 110 с.

11. Туристская деятельность в Республике Крым в 2013 г. Статистический бюллетень. Крымстат. – Симферополь, 2014. – 367 с.
12. В.Н. Шарафутдинов, И.М. Яковенко, Е.А. Позаченюк, Е.В. Онищенко, (2017) Крым: новый вектор развития туризма в России. Монография. – М.: ИНФРА-М. – 364 с.
13. G. Andreasson, (2008) Evaluating the effects of economic sanctions against Burma.
<https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=1335119&fileId=1646821>.
14. L. M. Dowell, (2011) The potential Impact of United States tourists on the Cuban market if travel sanctions are lifted; as well as the identification of their push-pull travel motivational factors.
http://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1030&context=gradconf_hospitality.
15. B.M. Farahani and M. Shaban, The Impact of sanctions on Iran's tourism The Open Access Journal of Resistive Economics (OAJRE)/ Economic Sanctions. Volume 01, Number 1, 2013 Published Online (2013). <http://oajre.ir/the-impact-of-sanctions-on-irans-tourism/>.
16. S. Ivanov, K. Idzhylova and C. Webster, (2016) Impacts of the entry of the Autonomous Republic of Crimea into the Russian Federation on its tourism industry: An exploratory study Tourism Management 54. 162-169.
17. A. Ovcharov, G. Ismagilova, I. Ziganshin I. and M. Rysayeva, (2015) The Influence of western countries' sanctions on the development of the Russian exit tourism. Asian Social Science. Vol. 11. No. 11.
18. J. Popesku and D. Hall, (2004) Sustainability as the basis for future tourism development in Serbia. Tourism and Transition: Governance, transformation and development. 95-103. CABI publishing, UK.
19. D. Robyn, J. D. Reitzes and B. Church, (2007) The impact on the U.S. economy of lifting restrictions on travel to Cuba.
<http://www.ascecuba.org/c/wp-content/uploads/2014/09/v12-robyn.pdf>.
20. E. Sanders, P. Long, Economic Benefits to the United States from lifting the ban on travel to Cuba. The Cuba Policy Foundation, Washington DC. Second Report of Session 2006-07. <http://www.american.edu/clals/upload/Cuba-Policy-Foundation.pdf>.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ЕВРОЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

E.V. Logvina

GEOPOLITICAL EXPANSION ON EUROASIAN SPACE

Аннотация. В статье рассмотрены сущность и условия возникновения экспансии, формы и методы борьбы за континент Евразия. Уделено внимание видам глобальной и всеобъемлющей экспансии: территориальной, экономической, политической, культурной и духовной.

Ключевые слова: экспансия, геополитическое пространство, конкуренция, геополитика, геополитическая экспансия, геополитическая обстановка, политический курс, континент Евразия, экспансионизм.

Summary. In article the essence and conditions of emergence of expansion is considered; forms and methods of fight behind the continent Eurasia. The attention is paid to types of global and comprehensive expansion: territorial, economic, political, cultural and spiritual.

Keywords: expansion, geopolitical space, competition, geopolitics, geopolitical expansion, geopolitical situation, political policy, continent Eurasia, expansionism.

Сегодня геополитическое пространство – основной предмет внимания противоборствующих политических сил и основной театр их действий; именно в этом пространстве формируются центры силы, определяющие вектор развития международных отношений на современном историческом этапе. Именно в этом пространстве в условиях жесткой конкуренции разрабатываются стратегии и принимаются политические решения по переделу мировых природных, финансовых и рыночных ресурсов, развитию интеграционных или дезинтеграционных процессов как в отношении отдельных государств, так и различных межгосударственных образований [1].

Геополитика - это наука о власти и для власти, это наука правления [2]. В геополитике под экспансией традиционно понимают, прежде всего, пространственное расширение, направленное на приращение своей силы за счет внутренних и внешних источников, используя при этом различные методы, например вооруженный захват, экономические, политические, дипломатические и другие виды давления [3, С.520].

Традиционная направленность геополитики высокоразвитых стран в XXI веке не изменилась и главной целью остается расширение экспансии в

отношении государств, рассматриваемых в качестве своих противников.

Современная геополитическая обстановка обусловлена стремительным развитием глобализационных процессов, характерными чертами которых являются: расширение и углубление взаимозависимости стран мира; ослабление национального государственного суверенитета транснациональными корпорациями; завоевание новых географических рынков; «прямой и опосредованной зависимости от таких организаций глобального регулирования как МВФ, ВТО и других международных организаций, навязывающих конкретной стране не свойственные ей условия хозяйственной жизни, вызывающие разрушительные тенденции в ее экономическом комплексе» [4, С.10].

Во второй половине XX века стало очевидно, что борьба за передел мира может вестись не только с применением военной силы, но и путем финансовой, экономической, культурно - идеологической, информационно - психологической экспансии. На рубеже тысячелетий продолжает оставаться актуальной территориальная борьба за сырьевые ресурсы суши и моря, за биоресурсы.

Расширение НАТО на Восток свидетельствует, что одной из главных политических задач является обеспечение контроля над обширными пространствами и территориями бывшего СССР, передел зон влияния в Европе [5].

Особое положение, при этом, среди западноевропейских стран занимает Германия. Объединение Германии привело к укреплению её позиций, изменило геополитическую обстановку в Европе. Теперь она представляет собой наиболее мощную в экономическом и политическом отношении державу, усилению которой объективно способствует выгодное геополитическое положение. Несомненно, что в германской политике будут сохранены прошлые приоритеты, такие как глубокая интегрированность в общеевропейский политический и экономический процесс, активное участие в трансатлантических и западноевропейских экономических и военно-политических структурах, приверженность либерально-демократическим ценностям. Вместе с тем, уже сегодня можно заметить, что Германия в своей внешней политике совершает определенный поворот на Восток. Основания для такого поворота создало ее новое геополитическое положение мощного государства, расположенного в центре Европы. ФРГ настойчиво укрепляла свои позиции в Восточной Европе, расширяя экономическое, политическое и культурное сотрудничество с расположенными здесь государствами уже начиная с 80-х годов. Объединение Германии существенно усилило возможности экономического и политического влияния на восточноевропейские государства. Объединенная Германия может сыграть и весьма конструктивную роль в интеграционных процессах между Востоком и Западом. Таким образом, политический курс Германии может оказать существенное влияние на создание новой геополитической обстановки в Евразии.

Континент Евразия во все времена оставался эпицентром глобальных противоречий. Геополитическое противостояние продолжает идти за влияние на события в странах континента, за контроль над стратегическими коммуникациями, рынками сбыта товаров и услуг, овладение материальными и человеческими ресурсами. В XX столетии заметно усилилось вмешательство в дела континента извне [6].

Как показали события на Балканах, в современных геополитических условиях уделяется особое внимание европейским странам - бывшим союзникам СССР по социалистическому лагерю, которые всегда были объектом геополитического соперничества.

Необходимо отметить, что на формирование современной геополитической обстановки существенное влияние оказывают противоречия, связанные с истощением энергетических ресурсов и возникновением различного рода межгосударственных конфликтов вследствие борьбы за контроль над источниками энергии и маршрутами их транспортировки, а также обусловленные ростом демографической и этнонациональной напряженности в ряде регионов, этнозоизмом и шовинизмом, проявляющимися в деятельности некоторых общественно-политических и военизированных формирований. Передел зон влияния в Евразии, определяется не только политическими, военными, но, в значительной степени, экономическими интересами наиболее развитых государств мира и транснациональных корпораций.

В эпоху глобальных вызовов и угроз социального, техногенного и природного происхождения, борьба за контроль над континентом Евразия в еще большей степени обострилась, приобрела новое содержание, формы и методы. Ведущие страны мира (США, Япония, Германия, Китай и др.), вступив в жесткую конкуренцию за лидерство в рамках шестого технологического уклада (био-, нано-, когно-, инфо- и др.), который стремительно идет на смену технологиям пятого поколения, свои потенциальные резервы и возможности усматривают в получении выгоды от доступа к ресурсам и богатствам Евразии. Расширяется сеть неправительственного влияния на развитие событий в самых различных странах Евразии посредством «цветных революций» (Грузия, Киргизия и др.). В настоящее время продолжает обостряться миграционная проблема на евроазиатском континенте, что ведет к эскалации конфликтов на межнациональной почве. Особое значение сегодня приобретает инициатива КНР по возрождению инфраструктуры «Великого шелкового пути» на континенте Евразия. Согласно точки зрения официального Пекина, реализация данного проекта позволит усилить свои позиции на глобальном рынке ресурсов, товаров и услуг, усилить влияние на развитие событий на континенте [6].

Ведущие и обладающие большой военной мощью государства стремятся к максимальной реализации всех своих интересов в кратчайшие сроки, другие – средне- и слабо развитые страны добиваются этого по частям и

постепенно. Одни пытаются достичь своих национальных интересов путем активной, а другие – ползучей экспансии. Одни идут для этого по пути укрепления национальной геополитической силы (Китай, Индия, Иран), другие – создания новых коалиций (Украина, Узбекистан, другие государства СНГ, страны Балтии и т.д.). Внутри этих и уже сложившихся коалиций (НАТО, ЕС, ОБСЕ и др.) происходит постоянная скрытая или явная борьба за лидерство как в самих коалициях, так и в важнейших регионах мира (например, передел сфер влияния на постсоветском пространстве, на Среднем и Ближнем Востоке).

Геополитическая экспансия возникает на фоне «дефицита топливно - энергетических ресурсов и обострения, в том числе и экономических, противоречий между ведущими государствами мира» [7].

Процесс развития энерготранспортной инфраструктуры подвержен влиянию геополитических факторов. Именно выбор маршрутов транспортировки энергетических ресурсов от мест добычи к рынкам потребления свидетельствует о расстановке сил на мировой энергетической сцене (а также и на региональном уровне) и почти всегда является поводом столкновений интересов различных стран. Особенно остро эта проблема встает, когда речь идет о регионах новой добычи (либо быстро растущего спроса), где международная энерготранспортная инфраструктура еще только создается либо планируется.

Один из перспективных регионов, который в последние годы находится в центре конкурентной борьбы ведущих нефтегазовых компаний мира, – регион Каспийского моря. Благодаря особому географическому положению региона на стыке Европы и Азии, контроль над трубопроводами здесь приобрел такое же важное стратегическое значение, как и владение энергетическими ресурсами. Как известно, экономическая заинтересованность стран транзита, через которые могут пройти экспортные маршруты нефте- и газопроводов, способствовала возникновению серьезной конкуренции между ними. Каждая из пяти региональных стран (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран) имеет свои интересы в отношении путей транспортировки углеводородных ресурсов на мировые рынки.

На сегодняшний день существует достаточно много потенциальных направлений экспорта энергоресурсов Центральной Азии. Предполагаемые маршруты трубопроводов значимы не только для производителей и потребителей, но и для стран-транзитеров, что создает серьезную конкуренцию между ними [8].

Объектом геополитической экспансии может являться как физическое пространство (когда имеет место прямая территориальная экспансия), так и информационное и экономическое пространство [9, С.77-82]. Так, например, агрессия против Югославии «комплексное применение политических, дипломатических и экономических мер, в сочетании с действиями международных неправительственных организаций на фоне ракетных и

бомбовых ударов авиации стран НАТО в условиях широкого проведения информационно-психологических операций, принудило президента Милошевича подписать Дейтонское соглашение и, в конечном итоге, привело к распаду СФРЮ» [10].

С помощью целенаправленных воздействий различного рода политических, идеологических, экономических, финансовых и информационных интервенций стало возможным удаленное управление, разрушение и конструирование зависимой политической системы. Разработано достаточно большое количество способов и методов геополитического противоборства. Среди главных можно выделить технологии так называемых цветных революций, внедрение экономических советников, организация негативных информационных кампаний, экономические санкции, технологии организованного и управляемого хаоса [11, С. 133-134].

Задача обогащения, реализуемая благодаря экономической экспансии, осуществляется установлением контроля над энергетическими ресурсами. Это происходит не только за счет инвестиций, но и путем развертывания военных баз и колонизации других стран.

Из всех видов экспансионизма во второй половине XX века, главенствующее место заняла экономическая экспансия, как наиболее результативная. Конкурентоспособность практически любой страны решается не только за счет эффективного использования своих возможностей, но и на путях подключения к чужим ресурсам. Экономическая экспансия строится на основе привлечения ресурсов чужой страны с помощью механизма инкорпорации и зависимости, при помощи которого контролируется система государства. Как часть экономической экспансии специфическую роль выполняет экспорт культурных и идеологических ценностей. Экспорт идеологии и ментальностей тесно связан с экономическими интересами и является инструментом лоббирования политических и экономических интересов [12, С.217-242].

Высокая степень экономического развития и бытового комфорта – факторы геополитического расширения, т.к. вызывают стремление менее развитых государств использовать те же средства для достижения своих же целей. В результате, государства сами открывают свои пространства для проникновения идей и структур экспансионистов [13, С.12-20].

Экспансия осуществляется путем навязывания своего типа отношения к собственности, характеру производства, распределения и потребления, а также системе управления. При цивилизационном подходе на первый план выступают элементы надстройки общества, прежде всего, общественное сознание, духовный мир человека, наука, культура, религия, язык, мораль, идеология, а также социально-политические, национальные, правовые и другие отношения [14, С.180-181].

Экономическая экспансия выступает, как фактор нестабильности экономики зависимых стран.

Создание разных типов союзов и блоков – тенденция современной системы глобализированной экономики. Институциональными субъектами мировых отношений являются международные организации ООН, ВТО, МВФ, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Лондонский и Парижский клубы кредиторов, региональные интеграционные образования (примером может быть ЕС) и другие структуры, построенные по отраслевому, функциональному и территориальному принципу. Сегодня МВФ, как правило, предоставляет займы только тогда, когда страны урезают бюджетный дефицит, повышают налоги или процентные ставки, что ведет к сокращению экономики. «Открывая под давлением ВТО, МВФ и других международных организаций свою экономику, они в ходе конкурентной борьбы на мировом рынке вынуждены добавлять в свой хозяйственный механизм все больше экономических и хозяйственных ограничений» [4 С.12].

Все теснее становится зависимость между индустриальным потенциалом и широтой экономических, политических, культурных связей отдельных стран. Сильные государства оказывают давление на слабые и не позволяют им проводить независимую политику. Сильные государства могут позволить себе привести к власти в слабых государствах приемлемых руководителей, которые придерживаются политического курса сильного государства [15, С.141].

Ведя экспансионистскую политику по отношению к слаборазвитым странам, понуждающую их раскрывать границы в торговле с ними, по отношению к самим себе принимают защитные меры с тем, чтобы не допускать вывоза капитала из собственных государств [16].

В ожесточенной конкурентной борьбе, которая идет между промышленно развитыми государствами за сферы приложения капитала, рынки сбыта и источники сырья, все большее значение приобретает научно-технический потенциал той или иной страны, используемый для целей внешнеэкономической экспансии. Причем явно прослеживается тенденция к монополизации науки, сосредоточению ее достижений у небольшой группы международных монополий. Монополии стремятся использовать эту тенденцию, чтобы еще глубже внедриться в экономику других стран, увеличивают там свои капиталовложения, добиваются установления контроля над ключевыми позициями в экономике.

Среди целого ряда форм и методов внешнеэкономической экспансии, используемых корпорациями, можно выделить следующие: 1) прямые инвестиции; 2) внешняя торговля; 3) монополизация науки (торговля научно-техническими достижениями). Главными являются прямые инвестиции, дающие возможность не только получать большие прибыли, но и контролировать деятельность заграничных предприятий и целых отраслей экономики импортирующих капитал стран. Прямые инвестиции, т.е. капиталовложения в филиалы и дочерние компании фирм за границей, обеспечивают наиболее надежный по сравнению с другими формами вывоза капитала и прочими методами внешнеэкономической экспансии захват

зарубежных рынков. Значительное развитие получили такие способы вывоза капитала, как скупка контрольных пакетов акций фирм, действующих в зарубежных странах, и расширение уже существующих контролируемых предприятий за счет реинвестиции полученных прибылей.

В арсенале методов экономической экспансии важная роль принадлежит внешней торговле. В качестве одного из орудий внешнеэкономической экспансии выступает экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья (США экспортирует кормовое зерно, маслосемена, табак, пшеницу, цитрусовые, битую птицу).

Торговля научно-техническими достижениями, которая играет важную роль в экономической экспансии, дополняет и, в отдельных случаях, заменяет эти испытанные средства завоевания внешних рынков и укрепления на них позиций монополий [17].

Нельзя не отметить, что экспансия проявляется и в информационной сфере (информационные технологии, организация негативных информационных компаний с использованием СМИ). Информационная сфера активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности. Национальная безопасность существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать [18]. Информатизация стала главным отличительным признаком современного мира, необходимым инструментом для эффективных политических и экономических отношений [19, С.291]. Страна, имеющая превосходство в информационном обеспечении и противоборстве, имеет стратегическое и экономическое преимущество перед конкурентами. Экономический потенциал стран определяется и состоянием информатизации [20, С.35].

Заключение. Традиционная направленность геополитики высокоразвитых стран в XXI веке не изменилась и главной целью остается расширение экспансии в отношении государств, рассматриваемых в качестве своих противников. Во второй половине XX века стало очевидно, что борьба за передел мира может вестись не только с применением военной силы, но и путем финансовой, экономической, культурно–идеологической, информационно–психологической экспансии. На рубеже тысячелетий продолжает оставаться территориальная борьба за сырьевые ресурсы суши и моря, за биоресурсы.

Экспансия в различных формах воздействия (политического, экономического, демографического, духовного, культурного и информационного и т.д.), проникая во внутригосударственную сферу, формирует устойчивые механизмы влияния, которые осуществляют систему зависимостей и взаимозависимостей, а так же сокращает возможности контроля над внутривнутриполитической ситуацией в государстве. Масштабность экспансии напрямую угрожает суверенитету территориальной целостности и

тормозит социально - экономическое развитие страны, т.к. объектами разрушения становится большинство сфер общественно-экономической жизнедеятельности – экономика, общественное сознание, образование, наука и др.

Подводя итог, следует отметить, что в любых геополитических условиях противостоять экспансии очень сложно, поскольку любая экспансия постоянно изменяет методы и технологии воздействия.

Conclusion. The traditional orientation of geopolitics of the advanced countries in the 21st century didn't change and expansion of expansion concerning the states considered as the opponents remains a main goal. In the second half of the 20th century it became obvious that fight for repartition of the world can be conducted not only using military force, but also by financial, economic, cultural идеологической, information and psychological expansion. At a turn of the millennia territorial fight for raw material resources of sushi and sea, for bioresources continues to remain.

The continent Eurasia remained epicenter of global contradictions at all times. The geopolitical antagonism continues to go for influence on events in the countries of the continent, for control over strategic communications, the markets of goods and services, mastering material and human resources. In the XX century intervention in affairs of the continent from the outside considerably amplified: economic crises, social shocks, wars and conflicts in Eurasia [7]. The states conducting and having big military power, seek for the maximum realization of all the interests in the shortest possible time, others – averages - and underdeveloped countries try to obtain it in parts and gradually. One try to reach the national interests by active, and, others – creeping expansion. One go for this purpose on the way of strengthening of national geopolitical force (China, India, Iran), - others – on the way of creation of the new coalitions (Ukraine, Uzbekistan, other states of the CIS, the Baltic State, etc.). In this and already developed coalitions (NATO, the EU, OSCE, etc.) the constant hidden or obvious fight for leadership both in the coalitions, and in the most important regions of the world (for example, repartition of spheres of influence on the former Soviet Union, in the Middle East) happens.

As have shown events on the Balkans, in modern geopolitical conditions, special attention is paid to the European countries - the former allies of the USSR on the socialist camp who were always object of geopolitical rivalry of the West and East. Expansion of NATO to the east demonstrates that one of the main political tasks is ensuring control over extensive spaces and territories of the former USSR. Expansion is performed by imposing of the type of the relation to property, nature of production, distribution and consumption, and also system of management. In case of civilization approach into the forefront elements of a superstructure of society, first of all, public consciousness, inner world of the person, science, culture, religion, language, morals, ideology, and also socio-political, national, legal and other relations act. Economic expansion acts as a factor of instability of economy of dependent countries.

The strong states put pressure upon weak and don't allow them to pursue independent policy. The strong states are able to afford to bring to power in the weak states of acceptable heads who adhere to a political policy of the strong state. Conducting the expansionist policy in relation to underdeveloped countries forcing them to open borders in trade with them, in relation to themselves take protective measures not to allow capital export from own states.

By fight for the global markets, for world natural resources, for imposing of the moral and cultural values, for political and information domination there is a scope of the increasing territories globalization processes which couldn't but affect forms and methods of global and comprehensive expansion: territorial, economic, political, cultural and spiritual.

In fierce competitive struggle which goes between industrially developed states for capital investment spheres the markets and sources of raw materials, the increasing value are purchased by the scientific and technical capacity of this or that country used for the purposes of the external economic expansion. It is possible to distinguish the following from a number of the forms and methods of the external economic expansion used by corporations: 1. direct investments; 2. foreign trade; 3. monopolization of science (trade in scientific and technical achievements).

Expansion in various forms of impact (political, economic, demographic, spiritual, cultural and information, etc.), getting into the interstate sphere, creates steady mechanisms of influence which perform system of dependences and interdependence, and also reduce possibilities of control over an internal political situation in the state. Scale of expansion directly threatens sovereignty of territorial integrity and slows down social and economic development of the country since the majority of spheres of socioeconomic activity economy, public consciousness, education, science, etc. becomes objects of destruction.

Summing up the result, it should be noted that in any geopolitical conditions to resist to expansion it is very difficult. Any expansion for expansion of a sphere of influence and fixing of line items on the chosen polytypic directions (political, economic, etc.) activities, constantly changes methods and technologies of impact therefore to resist to unsafe challenges and its threats, creation of special system controlling mechanisms by all processes" is required ", and also "to have system protection against internal and external destructive processes and impacts" [1].

All above demonstrates that return to a problem of expansion remains urgent now and will remain that and in the future as the developments happening in the world can't be once and for all certain and, the main thing, unambiguous in force, first of all their continuous development.

Литература

1. Шувалов Ю.Е. Российский проект как системная основа для Евразийской интеграции [Электронный ресурс] //Центр социально-консервативной политики (ЦСКП), 2013. – Режим доступа: <http://www.cscp.ru> Дата обращения:19.02.2017
2. Дугин А. Основы геополитики /А. Дугин Учебное пособие - М.: Арктогея, 2000, 928с.
3. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Геополитические вопросы безопасности: энциклопедический словарь-справочник //[авт.-сост.: Баришполец В.А., Манилов В.Л., Махутов Н.А.]; под общ. ред. В.Л. Манилова. Москва: Знание, 2008. – 527с.
4. Будкин В.С. «Экономическая свобода» или «зависимая экономика» - дилемма региона постсоветских государств. //В.С. Будкин. //Экономика Украины № 9, 2016. С.3-18
5. Карякин В.В. «Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография» //В.В. Карякин. – М.: КРАСАНД, 2011
6. Федор Пашин, Александр Новиков Евразия: геоэкономическое противоборство. Торгово-промышленные ведомости 15 июля 2015г. Изд. Торгово-промышленной палаты РФ. Электронный ресурс: Режим доступа <http://old.tpp-inform.ru/global/5950.html>. Дата обращения 15.01.2017г.
7. Ананенков В.И. Военная сила в международных отношениях: учебное пособие /коллектив авторов; //под общ. ред.В.И. Ананенкова. – М.: КРОНУС, 2011, 496с.
8. Е. Телегина О геополитической роли России в формировании энергетического пространства в Центральной Азии, директор Института энергетики и геополитики, д.э.н., проф. РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина Электронный ресурс. Режим доступа - http://elib.org.ua/politics/ua_readme.php?archive=&id=1410792110&start_from=&subaction=showfull&ucat. Дата обращения 15.01.2017г
9. Миньяр-Белоручев К.В. Методологические основы изучения феномена экспансии (на материале экспансии США XIX в.) //Вестник Томского гос. ун-та . №346, 2011. - С. 77-82.
10. Валецкий О.В. «Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов». – М.: «Арктика 4Д», 2008, 344с.
11. Тепляков Сергей Николаевич Пространственно-временная динамика геополитической экспансии и трансформации мирового порядка /Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, 2014, 164с.
12. Шапталов Б.Н. Экономическая экспансия. Теория и практика обретения

- национального богатства //Б.Н. Шапталов. - М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 320с.
13. Комлева Н.А. Геополитические ресурсы: попытка классификации /Пространство и время 3(13), 2013. - 254с.
  14. Ивашев Л.Г. Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России. /Л.Г. Ивашев; М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 416с.
  15. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение //Иммануил Валлерстайн; пер. с англ. Н. Тюкиной, Москва: Территория будущего. Типография «Наука». М.: 2006. – 246с.
  16. Нусратуллин И.В. О роли дифференциальной ренты в изменении мирового порядка //Геополитика, геоэкономика, международные отношения, государственная безопасность: сборник трудов Международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на Восток - проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии», Санкт- Петербург, Россия, 2007 год /Акад. стратегических исслед., информ. и высоких технологий [и др.]; под ред. А.П. Кудинова, Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. - 170с.
  17. А.А. Хачатуров Экономическая экспансия США В Западной Европе. М.: Изд-во «ЗНАНИЕ». 1997. 64с.
  18. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: [утверждена Президентом РФ от 09.09.2000 №Пр-1895] //Российская газета. - 2000. - Федеральный выпуск №188
  19. Уэбстер Фрэнк. Теории информационного общества /Фрэнк Уэбстер; [Пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной]; Под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. - 398с.
  20. Асеев А.Д. Геополитическая безопасность России: методология исследования и пространственно- временные модели: монография //А.Д. Асеев; Московский гор. ун-т упр. Правительства Москвы. Москва: Московский гор. ун-т упр. Правительства Москвы, 2007. - 156с.

**МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В ТУРИСТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

L.V. Detochenko

**PLACE AND ROLE OF RUSSIA IN THE TURIST AREA
OF THE EUROPEAN REGION AT THE PRESENT STAGE**

Аннотация. Изучены возможности развития туристских связей европейского региона и России. Рассмотрены роль и место России как поставщика туристов в европейский регион: факторы, способствующие и препятствующие развитию международного выездного туризма из России в Европу, динамика, изменение географии выездов, распределение российских туристов по видам и субрегионам туризма в Европейском регионе. Изучены возможности участия европейских туристов в туристской отрасли России: динамика, география въездного туризма, изменение доли стран, факторы, влияющие на посещение России европейскими туристами. Показаны возможности туристских связей Россия – Республика Сербская.

Ключевые слова: международный выездной туризм, международный въездной туризм, туристское пространство Европейского региона, туризм в Республике Сербской, факторы, способствующие и препятствующие развитию туризма.

Annotation. The possibilities of development of tourist relations of the European region and Russia are considered. The role and place of Russia as a supplier of tourists to the European region are depicted; factors which promote and prevent the development of international outbound travelling from Russia to Europe, the dynamics, the change of the geography of the visits, distribution of Russian tourists by type and sub-regions of tourism in the European region. The possibilities of participation by European tourists in the tourist industry in Russia: features of the dynamics, geography of inbound tourism, changes in the share of countries, factors affecting the visit of Russia by European tourists are studied. The possibilities of tourism relations: Russia - Republic of Serbia are shown.

Keywords: international outbound tourism, International inbound tourism, tourist area of the European region, tourism in the Republic of Serbia, the factors that promote and prevent the development of tourism.

Российская Федерация – крупнейшая в мире страна по площади территории, девятая по численности населения – обладает на сегодняшний день колоссальным туристским потенциалом. Потенциал этот заключается и в наличии разнообразных, практически всех известных видов, туристско-рекреационных ресурсов, и в наличии большого числа жителей, которые

могут создавать туристские потоки как в пределах страны, так и за рубеж в другие регионы мира. В этом аспекте туристский потенциал России важен для развития индустрии туризма всего мирового геопространства, а особенно – соседских регионов, к которым, в первую очередь, относится Европа.

Европейский регион с момента возникновения туризма как сферы экономики – всегда был мировым лидером как по международным туристским прибытиям, так и по доходам от туризма. В настоящее время при росте абсолютных значений доля европейского региона по рассмотренным показателям сокращается вследствие всё усиливающейся конкуренции в развитии туризма со стороны прочих регионов мира. Многие виды европейского турпродукта испытывают ныне стадию «старения», цены на туристские услуги в регионе достаточно высоки, поэтому увеличение числа туристов в Европу достигается всё большими усилиями. С другой стороны, европейские туристы также сталкиваются со «старением» для них турпродуктов излюбленных регионов путешествий, а новые экзотичные направления чаще всего расположены в районах крайне проблемной транспортной доступности, что серьезно удорожает путешествие. Исходя из выше изложенного, двунаправленные туристские связи «Россия – Зарубежная Европа» являются объективной реальностью и необходимостью для обоих субъектов.

Рассмотрим роль и место России как поставщика туристов в Европейский регион. Выездной международный туризм в РФ на современном этапе по числу участников неизменно преобладал над въездным. Максимум число россиян, выехавших за границу с туристскими целями, достигло в относительно экономически благоприятном 2013 г. – 18,291 млн. [8]. С тех пор в условиях кризиса отношений с Западом и осложнившейся экономической ситуации в стране число выездных туристов значительно уменьшилось.

Российские туристы посещают все регионы мира, но основная доля всегда приходилась на поездки в Европейский регион.

Факторов, способствующих посещению стран Европы российскими туристами, множество:

- относительная географическая близость территорий и, соответственно, доступные транспортные издержки;
- сочетание в регионе природных и культурно-исторических факторов для развития туризма – богатство и разнообразие природных ландшафтов, комфортные климатические условия, обилие морских побережий в сочетании с уникальными центрами сосредоточения памятников материальной культуры и исторического наследия прошлого;
- европейскими странами прилагаются огромные усилия по привлечению новых туристов – создание новых объектов, видов туризма, упрощение режима получения виз [2];
- стабильная политическая и социально-экономическая обстановка;

- возможность совершать турпоездки из России в европейские государства на автомобилях;
- в Европейском регионе существует множество государственных границ на относительно малой площади, и есть возможность познакомиться с другими культурами без особых затрат и проблем;
- пестрота национального состава, обилие традиций и обычаев в различных странах при густоте транспортных магистралей;
- спрос на международные путешествия удовлетворяется крупной индустрией туризма и необходимой инфраструктурой;
- высокий уровень сервиса;
- упрощенный визовый режим (возможность широкого спектра многострановых комплексных туров); для посещения 24 стран Европы нужна единая Шенгенская виза;
- вхождение многих стран Европы в единую зону евро, когда при путешествии по нескольким странам Европы нет необходимости менять валюту;
- положительный имидж стран Европы на туристском рынке;
- достаточно благожелательное отношение к российским туристам во многих странах Европейского региона;
- наличие в Европе предложений всего спектра видов туризма для россиян: природно-рекреационного, экскурсионного, делового, бальнеологического, событийного, гастрономического, винного и прочих.

Изучая динамику и географию туристского потока Россия - Европа на современном этапе, констатируем, что все эти факторы еще в 2013 г. нивелировали такие негативные для туризма моменты как необходимость для россиян оформления виз в большинство стран Европы, довольно высокая стоимость туров. И в 2013 г. из списка первых посещаемых россиянами 30 туристских стран 17 были европейскими. Из топ-10 – половина европейские (табл. 1). Третье место в списке сразу за Турцией (не рассматриваем её как европейское государство) и Египтом – занимала Греция, а 6-е Испания, т.е. страны с демократичными ценами на туры, с наличием недорогой приморской пляжной рекреации, с быстрой выдачей виз и мультивиз. 7-е место Финляндии легко объяснимо географической близостью к России и особой ситуацией с выдачей мультивиз для жителей Северо-Западного региона РФ. 8,9-е места занимали, соответственно, Германия, Италия – страны с крайне диверсифицированным турпродуктом и всегда интересные туристам из России. Из стран бывшей Югославии две страны были в первой тридцатке – Черногория (18 место – 248,7 тыс. туристов) и Хорватия (29 место – 82,1 тыс.). Сербия располагалась лишь на 40-м месте – 38,4 тыс. туристов[9].

Таблица 1: Первая десятка стран-лидеров по выезду российских граждан за границу с целью туризма

2013 г.			2015 г.		Первое полугодие 2016 г.	
№	Страна	Тыс. поездок	Страна	Тыс. поездок	Страна	Тыс. поездок
1	Турция	3078,6	Турция	2665,8	Таиланд	370,8
2	Египет	1909,2	Египет	1838,6	Испания	267,5
3	Греция	1175,6	Испания	580,8	Китай	254,1
4	Китай	1067,5	Германия	571,0	Кипр	246,4
5	Таиланд	1034,9	Греция	528,6	Германия	228,8
6	Испания	1012,8	Таиланд	504,4	Италия	226,4
7	Финляндия	904,7	Италия	481,4	Греция	218,6
8	Германия	830,9	Китай	417,2	ОАЭ	184,9
9	Италия	725,8	Кипр	408,6	Тунис	173,6
10	ОАЭ	653,4	ОАЭ	356,2	Болгария	161,9

Источник: составлено автором по данным [5, 6].

В 2014 г. число туристских поездок из России уменьшилось, а в кризисном для российского туризма 2015 г. выезд россиян за рубеж с целью туризма сократился на 31,3% по сравнению с предыдущим годом – было совершено 12 млн. 107,19 тыс. поездок. Это самое значительное падение выезда за последние годы[3].

Турция и Египет, закрытые для россиян в ноябре 2015-го г., пока сохраняли две верхние позиции в рейтинге самых популярных направлений, но, соответственно, потеряли 19% и 28% российского турпотока. Страны Европы показали значительно большее снижение, причём оно коснулось ранее очень популярных у российских туристов европейских стран: Греция (-48%), Болгария, Испания и Хорватия – «минус» 41% каждая. Из числа других значимых европейских направлений отрицательную динамику продемонстрировали и потеряли больше всего туристов из России: Мальта (-41,6%), Португалия (-40,4%), Чехия (-36%), Италия (-35,6%), Швеция (-38%), Австрия (-37,6%)[3]. Во всех без исключения государствах число российских туристов значительно уменьшилось – в среднем в 2 раза.

Наиболее стабильную позицию в Европейском регионе занимала Черногория, потерявшая лишь 7% российского турпотока. Это легко объясняется тем, что страна – единственное (кроме Турции) безвизовое направление для туристов из России на средиземноморском побережье.

Необходимо отметить, что хотя сокращение российских путешественников в европейских странах было очень значительным, но по данному показателю они не были лидерами. Первые позиции по динамике снижения турпотока из России заняли дальние страны: Индонезия (-96,6%), Тунис (-83%), Доминикана (-82,5%), Мексика (-66,5%). Это говорит об

определённой степени устойчивости российско-европейского турпотока даже в условиях кризисных проявлений в экономике.

Состав стран первой десятки по приему российских туристов в 2015 г. изменился незначительно, лишь произошли изменения позиции в рейтинге. Греция переместилась с третьего на пятое место в десятке лидеров. Испания с удешевлением своего турпродукта и выдачей мультивиз переместилась с шестого места на третье, Германия с 8-го на 4-е, Италия с 9-го на 7-е. Кипр с упрощенными требованиями к получению визы вошел в первую десятку и занял 9-е место.

Обращает на себя внимание изменение позиции Германии, которая хотя и потеряла российских туристов, но эти потери были не столь велики (260 тыс.) как в других странах, и это позволило стране подняться на 4-е место в рейтинге. Это говорит, прежде всего, о том, что Германию посещают не столько участники рекреационного и экскурсионного видов туризма, которые в первую очередь отказываются от путешествий в условиях осложнившейся экономической ситуации, а туристы, выезжающие с деловыми, научными, образовательными целями, которые и в период кризиса продолжают выезжать за границу.

Отсутствие Финляндии в первой десятке в 2015 г. обусловлено резко выросшим курсом евро к рублю, при котором жителям Северо-Запада России, составляющим прежде основной поток краткосрочных «туристов» в эту страну в силу географической близости и особого визового режима, уже не выгодно стало выезжать туда за покупками. Финляндию заменил Кипр, являющийся одним из самых бюджетных направлений для российского туризма, введший упрощенный порядок получения виз россиянами, с доброжелательным отношением к туристам из России.

На 11 место подтянулась недорогая и близкая россиянам по духу Болгария. А Черногория с 18-го перешагнула на 16-е место. Сербия, хотя и показала снижение турпотока на 12%, но, не имея столь важного для россиян морского побережья, зато с благожелательнейшим отношением к России местных жителей, поднялась с 40-го на 27 место, опередив ранее любимую россиянами Хорватию, но ставшую визовой и увеличившей цены на свои туры (30 место).

За первое полугодие 2016 г. (а именно за этот период пока есть последние официальные статистические данные) россиянами за границу с целью туризма было совершено 3 млн. 970,5 тыс. поездок – снижение на 28% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. Однако, в первом полугодии 2015 г. падение турпотока по сравнению с 2014 г. составило 34%, так что ситуация, в принципе, улучшается[5]. Очевидно, что сокращение выезда связано, в первую очередь, с потерей рынком самых массовых направлений первой половины 2015 г. – Египта и Турции. Другие «пляжные» страны, как ни старались, не смогли восполнить «египетские» 1 млн. 054,6 тыс. и «турецкие» 1 млн. 031,5 тыс. поездок; тем не менее, они сумели воспользоваться отсутствием Турции и Египта на российском выездном

туристском рынке[1], став лидерами роста (некоторые, включая Тунис, Иорданию, Марокко, Доминикану – прибавили по несколько сотен процентов).

Из европейских стран заметно прибавили такие пляжные направления как Кипр (64,3%), Болгария (30%), Греция (23,6%). А вот направления, которые позиционируются, прежде всего, как экскурсионные, понесли потери: Великобритания (-20%), Германия (-19,5%), Австрия (-18,7%), Сербия (-17,7%), Финляндия (-15%), Чехия (-13%), Франция (-12,5%) и т.д. Это связано и с дороговизной путешествий по Европе в условиях нынешнего курса евро к рублю, и с тем, что экскурсионные поездки по приоритетности уступают пляжно-рекреационным. Семьи с детьми стараются выехать на море. Если будет возможность путешествовать ещё раз, то возможны и экскурсионные туры, а если нет, то экскурсионные поездки откладываются до улучшения экономической ситуации.

По абсолютным цифрам топ-10 самых популярных туристских направлений россиян в мировом масштабе изменился кардинально. А вот по составу стран Европы в первой и второй десятках изменений почти нет, есть только в распределении по местам. Впервые рейтинг по итогам полугодия возглавил Таиланд. Впервые же на втором месте Испания. Четвертое место занял Кипр. На пятом – Германия, спустившаяся с третьего места. Италия – шестая, была пятой. Греция поднялась с восьмой позиции на седьмую. На десятое место с 11-го поднялась Болгария. Черногория так и осталась 16-й, Сербия опустилась на 33 место, визовая Хорватия ушла на 36 место. Это ещё раз подтверждает тезис об устойчивости интереса к европейскому турпродукту в России.

Констатируем, что виды туризма, в которых участвуют россияне в Европе, и в относительно экономически благополучные годы, и в кризисной сложной ситуации меняются не сильно. Большие изменения наблюдаются по субрегионам Европы и внутри их по отдельным странам, когда в неблагоприятные в экономическом аспекте периоды возрастает роль государств, могущих предложить российским туристам более дешёвый турпродукт, безвизовый или упрощенный режим получения виз.

Ведущие виды туризма для россиян в странах субрегиона Средняя Европа – познавательный экскурсионный с организованными экскурсионными маршрутами с классическими объектами типа Амстердама, Лондона, замков Вены и с комплексными недорогими автобусными турами, зачастую охватывающими несколько городов и стран. Горнолыжный туризм связан с развитием горнолыжного спорта и зимних курортов прежде всего в Альпах, Пиренеях для обеспеченных россиян и интенсивным развитием горнолыжных центров с более демократичными ценами во всех средневысотных горах Средней Европы, в Болгарии. Бальнеологический туризм – достаточно дорогие туры в Альпийском регионе в лечебных центрах на бальнеологических курортах Швейцарии, Австрии, Германии, в центрах талассотерапии во Франции, и более доступные – в Чехии, Венгрии.

Получает серьезное развитие для обеспеченных россиян образовательный туризм, которым в большей степени выделяется Великобритания, Швейцария, Германия. Курортные формы рекреации в рассматриваемом субрегионе связаны с «сезонным» проведением времени на приморских территориях Атлантической и Балтийской пляжных зон, в дачных местах в экологически чистых районах государств, но значительного распространения среди россиян этот вид туризма в Средней Европе не получил.

Отдельные страны субрегиона «Южная Европа» имеют совершенно разный «вес» на мировом и российском туристских рынках. Одни являются его лидерами – Италия, Испания, Греция; другие в последние годы демонстрировали хорошие темпы прироста туристских прибытий – Хорватия, Черногория, Словения; а такие страны как Босния и Герцеговина, Македония, Албания – пока еще мало участвуют в международном туризме, в том числе и в приёме российских туристов. В субрегионе представлены различные виды туризма, но лидирующие позиции занимают приморский пляжный рекреационный туризм в Средиземноморской зоне, в которой для российских туристов достаточно привлекательны бюджетные направления Испании, Греции, Кипра, Хорватии, Черногории, Болгарии и, для гораздо меньшего круга обеспеченных россиян, – Италии, Мальты, Франции. Важнейшим видом туризма в субрегионе является экскурсионный туризм в Италии, Франции, Испании, Португалии, Монако и других странах. Доступен также для обеспеченных жителей России бальнеологический туризм (Италия, Греция), горнолыжный (Словения), образовательный (Италия, Мальта), озерный (Италия, Словения).

Северная Европа – это регион, длительное время являющийся территорией, генерирующей туристские потоки, но в последние годы быстро развивающей въездной туризм, в котором россияне до кризиса активно участвовали в силу соседского положения и наличия недорогих экскурсионных туров. Как показывает опыт Скандинавских стран, рекреационные ресурсы могут быть рукотворными, рекреационный потенциал может быть значительно увеличен за счет разумных государственных вложений и активизации частного предпринимательства. На сегодняшний день страны Северной Европы нашли свою нишу на рынке туристских услуг и предлагают, зачастую, свои особые виды туризма. На современном кризисном этапе поток туристов из РФ в дорогие даже для российского среднего класса страны Северной Европы значительно сократился, но всё же россияне участвуют в Новогоднем туризме – встреча Нового года и Рождества, посещение деревни Санта Клауса, катание на оленьих и собачьих упряжках, посещение арктических зоопарков; в горнолыжном туризме, экскурсионном (например, туры с посещением скандинавских столиц, фьордов в Норвегии, крупных городов), круизном туризме (особенно популярны круизы по Балтийскому морю).

В регионе «Центрально-Восточная Европа» – наиболее приемлемые для россиян цены на туристические услуги. Для региона характерны различные

виды туризма, в которых участвуют жители РФ: в первую очередь, экскурсионный в Чехии, Польше, Венгрии, Белоруссии, бальнеологический в Чехии и Венгрии, озерный рекреационный в Венгрии на озере Балатон, горнолыжный в Чехии, Польше.

Таким образом, возможности видов туризма для участия в них россиян огромны. Но на современном проблемном этапе развития российской экономики усилилась роль факторов, препятствующих развитию туристских связей «Россия – Европа»:

- Многие европейские страны, особенно благополучные северо- и среднеевропейские (Швеция, Норвегия, Дания, Великобритания и др.), очень дороги для российских туристов.
- Южно- и восточноевропейские страны (Румыния, Албания, Македония, Босния и Герцеговина) до сих пор еще не приспособили свои туристические сектора к мировому туристскому рынку и с разрушением относительно закрытого туристического рынка социалистических стран эти государства еще не нашли своих клиентов.
- Некоторые европейские страны, в частности на юге Европы (Италия, Франция, Греция, в меньшей степени – Испания), терпят падение конкурентоспособности в туристских прибытиях вследствие старения их туристического продукта. То есть, большое число туристов из России уже не раз были в Европе и хотят чего-то нового.
- Все усиливающаяся жесткая конкуренция, в том числе и за российского туриста, на мировом туристском рынке. Европу теснят другие регионы, в частности страны Юго-Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки, Карибского региона.
- Все больше туристов из России хотят экзотичного, эксклюзивного туризма, поэтому предпочитают Европе другие, не столь освоенные регионы.

В противоборстве благоприятствующих и препятствующих факторов на сегодняшний день развивается международный выездной туризм из России в Европу.

Рассматривая ситуацию с **въездным туризмом в Россию**, нужно отметить, то этот вид туризма всегда значительно отставал от выездного. По данным Росстата, в относительно благополучном 2013 году иностранными туристами было совершено 2 млн. 664,8 тыс. поездок в Россию, на 3,7% больше, чем в 2012 г. [6]. Основной поток туристов всегда формировали туристы из европейских стран.

Основными факторами, благоприятно влияющими на посещение Российской Федерации туристами из Европейского региона, являются:

- значительная доля населения Европы имеет крупные реальные доходы и достаточно свободного времени (наличие оплачиваемых, продолжительных отпусков), поэтому может позволить себе путешествовать по миру в целом, и по России, в частности;

- географическая близость Европы и европейской части России, т.е. невысокие транспортные издержки в туре;
- существующий у европейского потребителя туруслуг интерес к России, всё ещё, в какой-то мере, непонятной и непознанной для европейцев;
- наличие в России уникального культурного и природного наследия, позволяющего создавать разнообразный туристский продукт, ориентированный на возрастающие потребности различных сегментов европейского туристского рынка;
- разнообразие новых форм и видов туристского предложения, которое формируется ныне в основных туристских центрах России;
- возрастающее значение компьютерных и информационных технологий, позволяющих европейским туристам лучше узнать туристские возможности России;
- улучшающийся, хотя и недостаточными темпами, уровень российского туристского сервиса и туристской инфраструктуры;
- появление в РФ сегментов туристской индустрии, рассчитанных на любой бюджет европейского путешественника;
- возможности для проведения в ведущих деловых туристских центрах РФ, в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге, крупных международных акций (конференций, соревнований, фестивалей), включая и уровень Олимпийских игр, Чемпионата мира по футболу;
- В современных условиях, в период кризиса, за счёт падения курса рубля туризм в России стал финансово доступным многим категориям населения, и появилась возможность удовлетворить существующий интерес к России. Москва даже вошла в десятку самых доступных по стоимости отдыха городов мира для посещения (по рейтингу британского издания The Telegraph).
- положительным фактором можно назвать создание и работу организации Visit Russia, благодаря работе маркетинговой стратегии которой Россия стала более популярна как страна принимающего туризма. Число офисов этой организации в 2016 г. достигло 14.

Что касается географии туристов, посещающих Россию, то среди стран первой десятки с большим отрывом и с почти равными результатами в 2013 г. лидировали Германия (380,3 тыс. поездок) и Китай (372,3 тыс.) (табл. 2).

Таблица 2: Въезд иностранных туристов в Россию

2013 г.			2015 г.		6 мес. 2016 г.	
№	Страна	Тыс. поездок	Страна	Тыс. поездок	Страна	Тыс. поездок
1	Германия	380,3	Китай	677,6	Китай	274,8
2	Китай	372,3	Германия	358,1	Германия	141,3
3	США	197,3	США	165,1	США	73,4
4	Великобритания	157,8	Турция	139,3	Южная Корея	60,1
5	Турция	122,7	Израиль	127,4	Израиль	55,9
6	Италия	117,9	Южная Корея	116,3	Великобритания	51,7
7	Франция	96,9	Великобритания	114,5	Франция	48,6
8	Финляндия	93,8	Италия	109,4	Италия	45,4
9	Израиль	92,5	Франция	86,8	Финляндия	30,6
10	Испания	70,2	Испания	79,4	Испания	22,4

Источник: составлено автором по данным пограничной статистики [4, 6, 7].

Среди первых 30 стран по въезду туристов в Россию – 19 европейских государств. Но здесь, наряду с высокоразвитыми странами Европы, жители которых посещают Россию с реально туристскими целями, много жителей государств – бывших республик СССР, которые, заявляя целью поездки туризм, часто приезжают в Россию с гостевыми целями или с целями устройства на работу. Это Украина, Беларусь, Латвия, Эстония, Литва. В классическом понимании туризма, всё же таких путешественников не всегда можно считать туристами.

Из стран бывшей Югославии в 2013 г. по туристским посещениям РФ лидировала Сербия, занимавшая 24 место с туристским потоком 23,7 тыс. человек.

В условиях начавшегося кризиса в 2014 г. был резкий спад туристских посещений России европейцами. Это вполне объяснимо – экономические санкции против РФ и видение в России «врага» сделали свое дело. В первой десятке исключение составляет лишь Испания, которая отличается спокойным политическим фоном, отсутствием враждебного отношения к России и продолжает наращивать взаимонаправленные потоки туристов.

Если сравнивать данные предкризисного 2013 и кризисного 2015 гг., то сразу видно, что произошло сокращение числа туристов из европейских государств и США. Но 2015 г. был уже годом роста европейских прибытий в Россию. Например, средний прирост в 2015 г. по сравнению с провальным 2014 г. по Испании, Италии, Франции составил около 10% в год. Сказалось некоторое «привыкание» европейцев к негативному образу России,

формируемое средствами массовой информации в некоторых европейских странах и, главное, резко упавший курс рубля, что сделало поездки жителей стран Европы в Россию исключительно дешёвыми. Но упавший курс рубля стимулировал въезд в Россию и граждан неевропейских государств, в первую очередь азиатских. В 2015 г. активно рос турпоток из стран Азии, и в первую очередь Китая, ставшего лидером по туристским посещениям России и прибавившего за год 65,3%, Ирана (+106%), Южной Кореи (+41%), Израиля (+17,7%) и Турции[4].

Испания – единственная страна Европы, из которой поток туристов в Россию увеличился на рекордный 31%. Испанский турпоток не только восстановился после падения (-15%) в 2014 году, но и серьезно возрос. Всего за 2015 год в Россию приехало 2 млн. 937,4 тыс. иностранных туристов, прирост составил 13,7%.

В первом полугодии 2016 г. рост туристских прибытий в Россию продолжался - за полгода вырос на 10% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Несмотря на по-прежнему сохраняющееся во многих европейских странах негативное отношение к России, продолжающуюся политику экономических санкций, наступило некоторое привыкание к ситуации, и европейские туристы в Россию поехали. Тем более, и курс рубля, хотя и несколько выросший по сравнению с предыдущим годом, всё же остается достаточно низким и делает доступными и малобюджетными туры по Российской Федерации. За первое полугодие 2016 г. первая десятка изменилась незначительно. Лишь по понятным причинам, в связи с обострившейся политической ситуацией и введением виз между двумя странами, её покинула Турция с колоссальным спадом в 91%. Прибавила Франция – рост туристских прибытий в Россию +20%, Италия (+16%), Германия (+10%). В первую десятку вошла соседская Финляндия с ростом +11%.

Самый значительный рост прибытий показали европейские страны, сформировавшие основу второй десятки по рассматриваемому показателю – Эстония (+55,6%), Швейцария (+35%), Латвия (+30%), Нидерланды (+20%)[11]. Сербия с ростом +6% заняла 18 место в рейтинге, поднявшись с 2013 г. на шесть позиций. В целом, большинство вошедших в топ-30 европейских направлений показали положительную динамику въезда в Россию.

Но показатели последних лет, особенно кризисный для экономики России период 2013-2016 гг., чётко обозначили новую тенденцию международного въездного туризма в РФ – рост доли азиатских стран. В первом полугодии 2016 г. азиатские рынки снова продемонстрировали значительный рост: Китай (+34%) прочно утвердился на первом месте по рассматриваемому показателю, оттеснив на второе место Германию и превывсив её показатели в два раза; Южная Корея с ростом +34,5% и твёрдо занявшая 4 место в рейтинге; Израиль с ростом +10,7% - 5 место; Индия (+59%) – вышедшая на 11 место. Но самый значительный прирост въезда

туристов в Россию продемонстрировал Иран (+98%)[7], который совсем недавно не входил даже в топ-50, а ныне находится на 19 месте.

Без сомнения можно констатировать, что в современных условиях международный рынок въездного туризма в России уже сейчас превратился из почти чисто европейского в европейско-азиатский, а в перспективе будет преимущественно азиатским. Рост благосостояния жителей некоторых азиатских стран, рост образованности, огромная численность населения в них, географическая близость к России, положительный образ России, игнорирование негативных факторов развития туризма в России, которые так пугают европейцев – всё это говорит о большей перспективности участия именно жителей Азии во въездном туризме в РФ.

Возвращаясь к роли России как принимающей страны для европейских туристов на современном этапе, необходимо отдельно остановиться на негативных факторах – на тех, которые на протяжении всей истории развития европейско-российского въездного туризма играли свою отрицательную роль, и на появившихся недавно:

- различные точки зрения РФ и многих европейских правительств на ситуации в Украине, Крыму, Сирии;
- отрицательный политический и экономический имидж России (в том числе, Москвы и Санкт-Петербурга), «образ врага», созданный в зарубежных средствах массовой информации;
- недостаточный уровень развития в России инфраструктуры туризма; если в основных туристских центрах произошли заметные улучшения в этом аспекте, то в других российских регионах эта проблема пока решается слабо;
- постоянно растущие цены на туристские услуги, особенно на транспорт и проживание; современный низкий курс рубля, тем не менее, отельеры и поставщики других услуг стараются «компенсировать» резким повышением цен;
- удаленность многих туристских регионов России (Урала, Сибири, Дальнего Востока) от Европы; высокая доля транспортной составляющей в пакете туристских услуг снижают конкурентоспособность российского туристского предложения на европейском рынке;
- нехватка средств на рынке капиталов для модернизации существующих туристских объектов, которые требуются для более полной реализации туристского потенциала России;
- недостаточный уровень маркетинга, особенно рекламно-информационной деятельности, продвигающих российский турпродукт; в последние годы, надо отметить, в этом направлении в России делается достаточно много;
- при колоссальном туристско-рекреационном потенциале России довольно невелик перечень предлагаемых и активно рекламируемых европейскому потребителю российских туристских продуктов.

О видах туризма, в которых участвуют европейские туристы в России, и о географии европейского туризма нужно сказать особо. К сожалению, пока набор видов туризма невелик. В основном европейцы участвуют в экскурсионных турах по России. География посещений также неширока. Наиболее популярны у жителей Европы туры в Москву, Санкт-Петербург, по сопряженным, прилегающим к двум российским столицам территориям, по городам Золотого Кольца России, в Карелию, в Казань. То есть, география посещений в основном ограничивается отдельными регионами европейской части России. В отличие от туристов из стран Азии, которые посещают и территории азиатской России, европейцы выезжают туда единично. Надо понимать, что раскрученные российские турпродукты (Москва, Санкт-Петербург) уже испытывают стадию старения для европейского потребителя. Пока не будут обустроены, предложены и в достаточной степени разрекламированы региональные новые интересные конкурентоспособные турпродукты, поток европейских туристов в Россию увеличить трудно.

Популярным видом туризма у европейских путешественников в России является речной круизный туризм. В основном это круизные путешествия по Волге, по каналам и рекам европейского севера России. Морской круизный туризм ограничивается посещением Санкт-Петербурга. В условиях санкций круизные европейские суда в порты Черного моря почти не заходят.

Европейцы участвуют в России в событийном, деловом, научном, образовательном, спортивном видах туризма, но доля этих видов также невелика. Приморский рекреационный пляжный туризм в России туристов из Европы практически не привлекает.

Таким образом, как показывает анализ развития туризма и основных факторов, влияющих на формирование въездных потоков туристов из Европы в Россию, отрицательные факторы пока перевешивают, сдерживая приток европейских туристов в РФ. Основные задачи российского туризма для привлечения туристов и из Европы, и из других регионов мира – нивелирование отрицательного образа страны на мировом туристском рынке, увеличение спектра предложений, расширение географии, видов туризма и туристских услуг, улучшение инфраструктуры и сервиса туризма, создание адекватной цены на российский турпродукт.

Работая над статьёй, автору очень хотелось детально рассмотреть роль и место России в туристском пространстве Республики Сербской. К сожалению, никакой официальной статистики по туристским прибытиям жителей Республики Сербской в Россию и россиян в Республику Сербскую найти не удалось. Проведя собственный социологический опрос, автор не выявила ни одного туриста, который бы побывал в Республике Сербской лично. Но промониторив информацию интернета, стало ясно, что россияне всё же посещают Республику Сербскую, причём не только официальные лица (хотя такие визиты также можно отнести к деловому туризму), но и с туристскими целями. В основном это индивидуальные визиты в аспекте комплексных поездок по Балканам, когда на 1-2 дня заезжают и в Республику

Сербскую, осматривая Баню-Луку и некоторые другие населенные пункты. Очень редки упоминания о посещении и отдыхе в природных резерватах Республики.

Туристский продукт Республики Сербской на российском туристском рынке, по мнению автора, вполне может быть востребован. Огромный плюс, что Республика Сербская, также как и соседняя Сербия, безвизовые для россиян. Таких стран совсем немного в Европе. Могли бы пользоваться спросом комплексные экскурсионные туры с авиасообщением до Белграда, осмотр городов и территорий Сербии и переезд в Республику Сербскую с осмотром достопримечательностей территории. Возможно сочетание такой экскурсионной программы с дальнейшим посещением безвизовой Черногории для приморского рекреационного туризма. Российские туристы любят посещать Европу, но в связи с увеличившимися сложностями с получением Шенгенской визы, шансы безвизовых европейских государств выросли многократно. Кроме того, Республика Сербская способна предложить цены и для небогатых российских туристов. Очень дружественное отношение к россиянам жителей территории – также важный положительный фактор.

Что касается участия жителей Республики Сербской во въездном туризме в Россию, то тут актуально всё, что написано выше в целом для жителей европейских государств.

Думается, что в силу относительной географической близости, разнородности турпредложений, интереса жителей к природе, культуре других территорий и стран российско-европейский туризм всё же «обречён» на дальнейшее, хотя и небеспроблемное, развитие.

Conclusion. Russian-European tourist services in the recent history of the Russian Federation have been developing at a moderate rate. Outbound international tourism in Russia during the time of formation of tourism at present stage has been prevailing according to the number of participants over inbound, reaching a peak in 2013. Russian tourists have visited all regions of the world, but the main share made the trip to the European region. The Europeans have been also always in the lead in the total international tourist flow to Russia.

During the erupted foreign policy crisis and economic sanctions of Western countries against Russia in 2014-2016 have reduced mutually directed flows of Russian-European tourism. Especially sharply in conditions of fall of the ruble to the currencies of European countries outbound tourism indicators of Russians in Europe in the years 2014-2015 decreased. In 2016, these figures began to recover gradually. Visits of European tourists to the Russian Federation during this period, on the contrary, grew, and the ratio of outbound and inbound Russian-European tourism has changed in the direction of increasing of inbound tourism share.

There are a lot of factors that contribute and prevent visiting Europe by Russian tourists and visiting Russia by Europeans with tourist objectives. Weight gain of positive or negative factors influences the decline or rise of Russian-

European tourism connexions. The negative factors have outweighed the positive so far, constraining the flow of tourist trips of Russians to the European countries at the present stage. Nevertheless, all the crisis years in the top ten tourist departures of Russians, there are 5-6 European countries - Germany, Cyprus, Greece, Spain and others.

Talking about inbound tourism, although the influx of European tourists in Russia in 2016 is restored, but the most important tasks of Russian tourism for attraction of tourists from Europe are - the leveling of the negative image of the country on the world political and economic arena, in the tourist market - increase the range of proposals, geography expansion, tourism types and tourist services, the improvement of infrastructure and tourism services, an adequate price for the Russian tourist product. The realities of the present stage are- the presence in the top ten for the entry of tourists in Russia 6 highly developed European countries, new trend of international tourism in Russia - growth in the share of Asian countries is clearly delineated. In modern conditions the international tourism market in Russia has now turned from an almost purely European in the Euro-Asian, and in the future can become a predominantly Asian.

Tourist connexions between Russia and the Republic of Serbia are small at the present stage, but there are enough factors positively affecting their growth and development. There are good prospects for our countries in the inbound and outbound tourism.

It seems that because of the relative geographical proximity, diversity of tour offers, interest of the residents to the nature, the culture of other countries and territories, a Russian-European tourism is still "doomed" to further, though not unproblematic development.

Литература

1. Деточенко Л.В. Меняющаяся региональная география международного выездного пляжно-рекреационного туризма россиян в зимние сезоны 2014-2016 гг. //Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: материалы международной научной конференции (Грозный, 20-25 сентября 2016 г.) /под общей ред. А.Г. Дружинина. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 175-180.
2. Деточенко Л.В. Особенности развития международного туризма на современном этапе. //Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2013. – май. - №3(23). - Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.grani.vspu.ru/files/publics/1369830800.pdf>, С. 74-78.
3. Выездной турпоток из России показал наибольшее падение с 1998 года // RATA news Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. – 2016. – 09 март. - № 4008. – Электрон.текстовые дан. –

- Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_9032016_1.stm, - Загл. с экрана.
4. Въезд-2015: низкий рубль сделал своё дело. // RATA news Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. – 2016. – 10 марта. - № 4009. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_10032016_1.stm, - Загл. с экрана.
  5. Пограничная статистика зафиксировала снижение выезда с целью туризма на 28%. // RATA news Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. – 2016. – 12 сент. - № 4139. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_12092016_6.stm, - Загл. с экрана.
  6. Показатель роста въездного турпотока опустился на уровень 2008 года// RATA news Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. – 2014. – 14 марта. - № 3506. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_14032014_2.stm, - Загл. с экрана.
  7. По новой методике подсчёта турпоток в Россию снизился, а по данным пограничной статистики – вырос. //RATA news Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. – 2016. – 09 сент. - № 4138. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_9092016_2.stm, - Загл. с экрана.
  8. Статистические рекорды 2013 года: три страны перешагнули миллион, Турция – три миллиона. [Электронный ресурс]: RATAnews Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. - №3499. - Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_5032014_5.stm, - Загл. с экрана.
  9. Топ 50 по въезду в РФ за 2013 год (туризм) //ProTurizmClub. – 2014. - Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: proturizm.club/uploads/files/editor/vezd_v_rf_top50.pdf, - Загл. с экрана.

МЕДИЦИНСКИЙ ТУРИЗМ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Z. A. Semenova, A.I. Chistobaev

MEDICAL TOURISM AGAINST THE BACKGROUND OF MODERN GEOPOLITICAL EVENTS

Аннотация. Рассмотрен феномен медицинского туризма как составляющая лечебно-оздоровительной деятельности в странах мира. Раскрыта суть дефиниции «медицинский туризм», определено его место как отрасли экономики. Приведены соотношения параметров стоимости медицинских услуг в странах мира. Показана специализация стран на отдельных видах лечебно-диагностической деятельности. Охарактеризован российский рынок медицинского туризма.

Ключевые слова: здоровье человека, виды заболеваний, медицина, здравоохранение, клиника, медицинский туризм, стоимость лечения, курорты, больницы, страны мира.

Summary. The phenomenon of medical tourism is analysed as a component of medical and recreational activities in the world countries. The definition of the term "medical tourism" is uncovered, its place as an economic branch is identified. The parameter correlation of the medical services cost in different countries is given. The specialization of countries on certain types of medical-diagnostic activity is shown. Russian market of medical tourism that is formed in unstable geopolitical situation in the world is characterized.

Keywords: human health, types of diseases, medicine, health care, clinic, medical tourism, treatment costs, resorts, hospitals, countries, geopolitical situation.

Введение. Современный этап социально-экономического развития в большинстве стран мира характеризуется усилением внимания граждан к состоянию индивидуального и общественного здоровья [5]. Это обусловлено, с одной стороны, повышением уровня и качества жизни людей, а с другой – все ускоряющимися процессами урбанизации, автоматизации производства, загрязнения окружающей среды. Большую роль играют и происходящие в мире геополитические события, под воздействием которых меняются представления об условиях жизни людей в среде обитания. Перемещения в пространственном отношении миллионов граждан сказываются на здоровье как самих мигрантов, так и коренных жителей. Более того, претерпевает изменения сама организация здравоохранения.

Трансформация среды обитания населения сопровождается как позитивными, так и негативными последствиями в состоянии здоровья отдельных людей и их совокупности, называемой социумом. Позитивные факторы способствуют сбережению здоровья населения, а негативные, наоборот, снижают функциональные возможности человеческого организма, ослабляют системы жизнеобеспечения, способствуют возникновению различных заболеваний. В этих условиях сбережение здоровья населения (социума) становится главной задачей государственных и общественных структур, научно-исследовательских организаций. Наряду с медицинской наукой, в решении этой задачи все более зримую роль играют другие науки, среди них – медицинская география, которая прошла длительный путь эволюционного развития [3].

В настоящее время медицинская география трактуется как отрасль науки, изучающая влияние особенностей среды обитания на здоровье населения, возникновение и распространение болезней человека, территориальную организацию здравоохранения, специфику менеджмента территориального здравоохранения и регионального маркетинга медицинских услуг [2]. Соответственно, медико-географические исследования ведутся на стыке естественных, гуманитарных и общественных наук, функции которых направлены на обеспечение сбережения здоровья населения.

Территориальная локализация оздоровительных, лечебно-реабилитационных и собственно медицинских услуг зависит от природных, историко-культурных и социально-экономических особенностей среды обитания населения. Совокупность благоприятных условий проживания людей в среде их обитания создает предпосылки для превращения территориального здравоохранения в отрасль специализации стран и регионов. Таким образом, складывается отрасль экономики, оказывающая оздоровительные, лечебные и медицинские услуги.

Уровень развития медицинского туризма существенно различается по странам мира. Причем динамика этих различий во времени нарастает. Так, если ранее люди стремились укреплять свое здоровье в Европе, то теперь очевиден сдвиг на восток. В этом движении участвует и Россия, хотя этот вид деятельности находится здесь в стадии зарождения.

Медицинский туризм – составляющая лечебно-оздоровительного туризма. Термин «медицинский туризм» возник сравнительно недавно – в 80-е годы прошлого века. До тех пор его отождествляли с лечебно-оздоровительным туризмом, генетические предпосылки которого уходят в XVIII век. В то и последующее столетие на мировом уровне широкую известность имели бальнеологические курорты европейских стран: Карлсбад (ныне Карлови-Вари) в Чехии, Баден-Баден в Германии, Баден в Швейцарии, Виши во Франции. То же самое можно сказать и относительно приморских курортов – Ницце во Франции, Монте Карло в Монако, Капри в Италии. В

XIX веке приобрели популярность северо-кавказские и крымские курорты в России. Первоначально курорты выполняли оздоровительные функции благодаря наличию аттрактивных ландшафтов, минеральных вод, лечебных грязей, морских пляжей. Лечебная составляющая курортно-санаторной деятельности заключалась в обеспечении сочетания отдыха и индивидуальных программ укрепления здоровья клиентов. Что касается клинического вмешательства, то оно могло осуществляться только в исключительных случаях, т.е. когда требовалось экстренное оказание медицинской помощи.

В самом общем виде под лечебно-оздоровительным туризмом понимается посещение бальнеологических и других курортов туристами при смене их постоянного места жительства. Этот вид туризма в качестве главного мотива поездки предполагает получение комплекса лечебно-диагностических, реабилитационных, профилактических и рекреационных услуг, предоставляемых в местностях, отличных от места их постоянного проживания и располагающих необходимыми для этого природными, материальными и людскими ресурсами с целью предотвращения заболеваний или реабилитации, лечения различной патологии [6].

Медицинский туризм, как и более общий лечебно-оздоровительный туризм, представляет собой составную часть внутреннего и международного рынка туристских услуг, являясь его неотъемлемой частью. Его специфика – пребывание пациента в клинике, оснащенной лечебным оборудованием и такими видами инфраструктуры, как медицинский менеджмент, аккредитирующие органы, агентства медицинского туризма и т.п. Возникновение медицинского туризма стало возможным благодаря глобализационным процессам.

Предпосылки возникновения медицинского туризма возникли в результате создания высокотехнологичной биомедицины, унификации национальных и международных законодательств, перехода от патерналистской к контрактной модели врачевания, возможности выхода через «Интернет» в общемировое информационное пространство, формирования общемировой системы скоростных видов транспорта, образования международного рынка туристских услуг, стремления населения к повышению качества жизни. Ныне медицинский туризм стал продуктом взаимодействия социального института медицины и социокультурного комплекса туризма. Его субъектами-организаторами являются не туроператоры, как это имеет место в других видах туризма, а профессионалы-медики. Эта специфика отражается на месте той или иной страны в мировом рейтинге медицинского туризма.

В научной литературе медицинский туризм рассматривается двояко: в узком и широком смыслах. В узком смысле – это миграция пациентов к месту лечения, реабилитации и отдыха в какой-либо стране или в каком-либо регионе, а в широком смысле – сфера медицинской индустрии и гостеприимства, связанная в единую систему рынков с развитой

инфраструктурой, включающая как медицинские учреждения, так и разные стороны бизнеса: страхование, банковскую деятельность, юридическую помощь, транспорт, связь [6]. Таким образом, медицинский туризм – это специально организованный выезд человека за пределы своей страны / своего региона с целью получения необходимого по медицинским показателям квалифицированного клинического вмешательства.

В составе лечебно-оздоровительного туризма медицинский туризм имеет свою специфику: первый – выполняет функцию реабилитации через рекреацию, второй – предполагает и клиническое вмешательство. Потребителем лечебно-оздоровительного туризма является человек, выезжающий за пределы своего места жительства с целью получения качественных реабилитационно - рекреационных услуг, а потребителем услуг медицинского туризма – пациент специализированного медицинского учреждения, получающий за пределами своего места жительства квалифицированное клиническое вмешательство. В организации обоих видов услуг участвуют как врач, так и туроператор; каждый из них выполняет свою функцию: врач лечит, оперирует, реабилитирует, а туроператор обеспечивает туристу выезд /везд и пакет немедицинских услуг.

Медицинский туризм как отрасль экономики. Медицинский туризм пока еще находится на ранней стадии развития. За 30 лет после первого упоминания в научной литературе он не сформировался как самостоятельная отрасль научного знания, но в ряде стран стал отраслью экономики. В прикладном аспекте главной его проблемой остается отсутствие надежной статистической информации, что не позволяет обеспечить достоверный анализ и, тем более, прогноз развития в отраслевом и территориальном разрезах. Те данные, которые приводятся в литературных источниках, зачастую разнятся на порядок. И дело не только в недостатках централизованной информации, но и в методике вычленения показателей из состава лечебно-оздоровительного туризма.

На состоявшейся в 2017 г. в Санкт-Петербурге конференции по сервису MEDIGO указывалось, что мировой рынок медицинского туризма образца 2016 года – это 7 млн. человек и 120 млрд. долларов США[4]. Если сопоставить эти цифры с 2014 годом, то становится очевидным некоторый спад этого вида туризма: тогда эти цифры равнялись 8 млн. человек и 135 млрд. долларов. Перспективы в этом виде деятельности обнадеживающие: ежегодный прирост медицинского туризма в ближайшие годы может достигать 20%, однако такой прогноз будет оправдан только в случае нормализации международной обстановки.

На развитие медицинского туризма оказывают воздействие многочисленные факторы: экономические (например, кризисы 2008 – 2009, 2014 – 2016 гг.), политические (военные действия, нестабильность правящих режимов и т.п.), природные (стихийные бедствия, эпидемии и т.п.). Все эти факторы не отличаются стабильностью во времени: каждый из них, включая

природный фактор, усиливает свое действие. Но главные современные вызовы и риски обусловлены современной геополитикой, которая оказывает влияние на все стороны жизни людей на глобальном уровне.

Создание в стране комплекса медицинских услуг мирового класса требует правительственной поддержки и частных инвестиций в медицинскую инфраструктуру. Решение этой задачи сопряжено с получением международной аккредитации, сертификатов качества и прозрачности статистики клиник, созданием конкурентных цен, обеспечением политической прозрачности, предсказуемости и стабильности общества, наличием отлично подготовленного опытного медицинского персонала, медицинскими достижениями и инновациями в прошлом, максимально быстрым внедрением новейших методов лечения. Немаловажное значение для стабильного развития медицинского туризма имеют и такие факторы, как выгодное географическое расположение рекреационных объектов и учреждений здравоохранения, большой поток иностранных туристов, качественное состояние отелей и клиник, надежность транспортных путей, линий связи. Но, помимо них, все большую значимость приобретает фактор обеспечения безопасности жизни. Под воздействием названных факторов складывается специализация стран и регионов в области медицинского туризма, которая выделяет их на мировом уровне, обеспечивает необходимую конкурентоспособность.

География мирового медицинского туризма. В тенденции география мирового медицинского туризма заметно меняется. Так, если в XIX веке лечебно-оздоровительный туризм, вбирающий в себя, как было отмечено выше, и медицинский туризм, был сконцентрирован в странах Европы, то в настоящее время он все очевиднее смещается в страны Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. По данным GlobalSpa&WellnessSummit, на страны Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока в настоящее время приходится более 50% рынка медицинского туризма. В десятку лидирующих по количеству туристов медицинского сектора стран входят Индия, Венгрия, Мексика, Сингапур, Таиланд, Барбадос, Бразилия, Израиль, Южная Корея, Турция.

Основной причиной изменения географии мирового медицинского туризма становится рост стоимости лечения в развитых странах. Например, стоимость распространенных хирургических операций (коронарное шунтирование, протезирование сердечного клапана, хирургия позвоночника и др.) в США в 10 – 17 раз выше, чем в таких странах, как Таиланд, Сингапур, Малайзия. Высокая стоимость медицинского обслуживания в этой стране стала серьезной проблемой не только для пациентов, но и для работодателей, социальных фондов, страховых систем и государств. Причем сказанное относится не только непосредственно к сектору клинического обслуживания медико-туристов, но и к сопутствующим местам занятости,

связанным с организационными, законодательными, маркетинговыми и другими аспектами ведения бизнеса.

По причине своей молодости медицинский туризм еще далеко не установился как вид бизнеса. Его участники при выборе страны для лечения и отдыха чаще всего пользуются информацией, которую находят в «Интернет» или у туроператоров. И тот, и другой источник информации не всегда достоверны. Что касается врачей как субъектов-организаторов, то они к рекламной деятельности привлекаются не часто. Немаловажен и тот факт, что рекламе с телевизионных экранов большая часть зрителей не доверяет. То же самое можно сказать и относительно рекламы в газетах, особенно относящихся к разряду так называемой «желтой прессы». В этих условиях возрастает значимость информации, поступающей от исследователей.

Если принять во внимание разработанный Ассоциацией медицинского туризма индекс, определяющий привлекательность той или иной страны для иностранцев, которые ищут лечение за рубежом, то получим следующую картину (в скобках указано число из 100 баллов): 1. Канада (78,87), 2. Великобритания (74,85), 3. Израиль (74,17), 4. Сингапур (73,96), 5. Коста-Рика (72,78), 6. Италия (72,01), 7. Германия (70,69), 8. Филиппины (70,66), 9. Япония (70,4), 10. Франция (70,22)[9]. Приведенные индексы медицинского туризма основаны на таких ключевых показателях, как медицинская инфраструктура, технический уровень больниц, подготовка специалистов, сервис. Но не только: наряду с ними, следует учитывать еще более трех десятков показателей, значительная часть которых выходит за рамки лечебных технологий.

Новым игроком на рынке медицинского туризма становятся Объединенные Арабские Эмираты. Основной поток в набирающих популярность клиниках этого государства в настоящее время составляют жители Южной Азии, Восточной и Северной Африки, Персидского залива, а также России и стран СНГ. Заметим, что в этом перечне нет жителей развитых европейских и северо-американских стран. Причина – в ментальности населения, в представлениях о безопасности пребывания в «неудобной» среде. Амбициозная программа медицинского туризма в этой стране нацелена на дальнейший рост привлечения «медицинских» туристов.

Из-за высокой стоимости медицинских услуг в США более миллиона граждан этой страны ежегодно выезжают за границу на лечение и диагностику, расходуя на каждую такую поездку до 5 тыс. долларов и выше (включая все медицинские расходы, пересечение границы и транспорт). Основной мотив выезда из страны, располагающей качественными технологиями лечения, в другие страны состоит в высокой стоимости медицинских услуг. Так, согласно оценкам Patients Beyond Borders, экономия граждан США на лечении в Бразилии определяется в 20-30%, Коста-Рике – 45-65%, Индии – 65-90%, Малайзии – 65-80%, Мексике – 45-65%, Сингапуре – 25-40%, Южной Кореи – 30-45%, Тайване – 40-55%, Таиланде – 50-75%, Турции – 50-55% [8]. Стоимость лечения для богатых американцев – не

единственный фактор выбора страны; они при выборе места лечения опираются на сведения объединённой международной комиссии (Joint Commission International) – ведущей международной организации, которая занимается проверкой и стандартизацией больниц для иностранцев по всему миру.

В развитии мирового туризма традиционно большую роль играет Германия. Эта страна обладает высокой оснащённостью клиник, современным высокотехнологичным оборудованием, квалифицированными специалистами. Медицинскими услугами в Германии пользуются пациенты из Великобритании, США, Канады, Ирландии, стран Персидского залива, а также России, Румынии, Болгарии и других государств Восточной Европы. Надо, однако, отметить, что стоимость лечения различных травм и патологий в Германии одна из самых высоких в мире, поэтому услугами германской медицины пользуются только богатые люди.

По качеству медицинских услуг выделяется Япония. Стоимость лечения здесь выше, чем в азиатских странах, но ниже, чем, например, в Германии или США. Туристов привлекают высокий уровень обслуживания, тактичное обращение к пациенту. На лечение едут преимущественно туристы из России, Австралии, Китая. Эта страна относительно поздно пришла на рынок медицинского туризма, ранее она развивала направление диагностических медицинских программ. Одно из перспективных направлений – экспорт госпиталей и университетских медицинских центров.

В верхних строках рейтинга медицинского туризма среди государств Юго-Восточной Азии находится Южная Корея. Лечение в этой стране популярно благодаря внедрению корейскими медиками традиционных способов исцеления и современных технологий. По сравнению с США или с Японией цены на услуги гораздо ниже. Например, хирургические вмешательства стоят в десять раз ниже, чем в США, исцеление онкологических болезней существенно дешевле, чем в Сингапуре или в Таиланде; страна относится к числу 10 стран-фаворитов по пластической хирургии. Год от года возрастает поток медицинских путешественников из России, особенно из регионов Дальнего Востока.

В последние годы резко увеличился поток туристов из России в Китай с целью получения медицинских услуг, опирающихся на сбалансированные способы лечения на основе классической китайской медицины и передовых западных медицинских технологий. Китайские медики предпочитают исследовать человека, а не его заболевание; они считают, что заболевание – это лишь признак появившегося дисбаланса в организме. Широко практикуются способы действия на функциональные точки тела человека при прижигании, иглоукалывании, массаже. Высоко ценится китайская фармакология, основанная на трактате «Общий свод корней и трав», в котором описано 1734 целебных средств, из них 1074 медикаментов имеют растительное происхождение, 217 – минеральное и 443 – животное. Надо, однако, заметить, что по мнению российских врачей, пользование услугами

китайской медицины сопряжено с определенными рисками, поскольку ею употребляются некоторые непроверенные средства, запрещенные в России.

Высочайшие темпы подъема демонстрирует медицинский туризм Таиланда, куда едут туристы из США, Китая, Японии, России. Цена услуг здесь одинакова как для иностранцев, так и для своих граждан. Многие больницы имеют международную аккредитацию, в них используются уникальные методики, объединившие древние учения Востока с современными западными способами диагностики и лечения. Высококачественные медицинские услуги сочетаются с отдыхом пациентов у моря. Сдерживающие факторы – политическая нестабильность и угроза терроризма.

В целом по миру медицинский туризм стремительно растет, опережая другие отрасли туризма. Более чем в пятидесяти странах развитие данного вида туризма осуществляется под патронажем государства, которое берет на себя и решение вопросов обеспечения безопасности жизни, недопущения резкой дифференциации цен на медицинские услуги и другие виды сервиса, подготовке специалистов-врачей высокой квалификации.

Российский рынок медицинского туризма. В мировом рейтинге Medical Tourism Index Россия находится лишь на 34-м месте. По линии медицинского туризма в нашу страну приезжают до 10 тыс. иностранцев в год, которые тратят около 7 млрд. рублей. Из этого числа 80% приходится на внутренних (т.е. российских) медицинских туристов, еще 15% – на граждан СНГ, 5% – на жителей дальнего зарубежья[4]. Причины столь низкого уровня иностранного медицинского туризма состоят в недостатках менеджмента и маркетинга услуг в сфере здравоохранения, отсутствия комплексного пакета сервиса и информации о его реализации. Речь идет не только о медицинской помощи, но и о сопровождающем ее сервисе, т.е. о туристических услугах.

Желание граждан РФ лечиться не дома, а за границей обусловлено, в первую очередь, недоверием к отечественной медицине, уже затем – желанием получить доступ к технологиям, компетенциям. По причинам геополитического характера и экономического спада в стране, следствием которого явилось снижение уровня жизни населения, упал спрос на медицинский туризм россиян за рубежом. Вдвое сократился выезд из РФ с медицинскими целями в Великобританию и США, почти полностью (из-за политических конфликтов) в Турцию. Количество запросов на лечение россиян в Швейцарии снизилось на 55,6%, в Германии – на 53,8%, в Израиле – на 32,3%. В заметно меньшей мере проявился спад медико-туристов, выезжающих из дальневосточных регионов в Южную Корею, Китай, Таиланд и Японию. В 2,5 раза сократился средний чек, который россиянин оставляет при лечении за рубежом[10]. Все в большей мере пациенты стараются пройти только диагностику, определить тактику дальнейшего лечения и осуществить ее в России.

Заключение. Медицинский туризм – молодая отрасль индустрии туризма, главная особенность которой состоит в обеспечении предоставления услуг как собственно в медицине, так и в классическом туризме. Зародившись в Европе, ныне этот вид туризма распространился на все континенты и набирает особенно большие темпы развития в азиатских странах, чему благоприятствуют традиционные методы лечения, их сочетание с западными технологиями. Одна из главных характерных черт медицинского туризма состоит в наличии более низких цен по сравнению со странами Центральной Европы. Кроме того, сказывается и геополитический фактор: наложение санкций на Россию, отсутствие безвизового режима РФ со странами ЕС, наличие в ряде мест политических и военных конфликтов. Следствием этих явлений стал спад в геоэкономике (не только в РФ, но и в других странах), что повлияло на динамику медицинского туризма на глобальном уровне.

Дальнейшее развитие медицинского туризма нуждается в более пристальном внимании со стороны государственных структур, в частности, в деле установления расценок на оказание медицинских услуг в общественном и частном секторах здравоохранения. Должна быть открыта возможность создания в любой стране общих медицинских компаний с иностранным участием.

Привлечение иностранных инвестиций в развитие медицинского туризма актуально для Российской Федерации, владеющей богатейшими бальнеологическими ресурсами, обладающей огромным природным и культурно-историческим наследием. Решение этой задачи во многом усложняется из-за нестабильной геополитической ситуации, сложившейся в последние годы на Евразийском пространстве.

Conclusion. Medical tourism is quite a new branch of the tourism industry, the main feature of which is provision of services both in medicine and in classical tourism. Originating in Europe, this type of tourism has spread to all continents and is gaining rapid development rates in Asian countries, favoured by traditional methods of treatment and their combination with Western technologies. One of the main characteristics of medical tourism is lower prices compared to the countries of Central Europe. In addition, the geopolitical factor plays a significant role through imposed sanctions on Russia, the absence of a visa-free regime with the EU countries, the presence of political and military conflicts. The consequence of these phenomena is an economic decline in geo-economics (not only in Russia, but also in other countries), which affected the dynamics of medical tourism at a global level.

The further development of medical tourism requires closer attention from government agencies, in particular, in setting rates for the health services in the public and private healthcare sectors. It should be possible to create general medical companies with foreign participation in any country.

The attraction of foreign investment in the medical tourism development is highly relevant for the Russian Federation that owns rich balneological resources, huge natural and cultural historical heritage. The solution of this task is in many ways complicated by unstable geopolitical situation in the Eurasian space.

Литература

1. Марченко О.Г. Мировой медицинский туризм смещается в страны АТР. Аналитический обзор //Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6.
2. Семенова З.А. Медико-географический подход к интеграции знаний о здоровье населения на региональном уровне // Автореферат дисс..... доктора географ. наук.СПб., 2016.
3. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Медицинская география и здоровье населения: эволюция знаний. СПб.: СПб НЦ РАН, СПбГУ. Изд-во «Европейский Дом», 2015.
4. Сергачев В. Конфетке не хватает фантика. Как заманить в Россию «медицинских» туристов // Газ. «Санкт-Петербургские ведомости», 1 марта 2017 г.
5. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Индивидуальное и общественное здоровье как категория медицинской географии //Вестник СПбГУ. Сер. 7: Геология. География. 2011. № 3.
6. Щекин Г.Ю. Концептуализация феномена медицинского туризма в социологии и медицине // Автореферат дисс... доктора социолог. наук. Волгоград, 2013.
7. Щекин Г.Ю. Туризм и медицина. Волгоград: Изд-во Волг. ГМУ, 2013.
8. <http://holodilnik-i-remont.ru/turizm/214-mirovoj-meditsinskij-turizm-smeshchaetsya-v-strany-atr.html>(дата посещения 3 марта 2017 г.)
9. <http://medbe.ru/clinics/o-lechenii-za-rubezhom/top-10-napravleniy-meditsinskogo-turizma/> (дата посещения 3 марта 2017 г.)
10. <https://vc.ru/p/recomend>(дата посещения 7 марта 2017 г.)

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОРТРЕТА ТУРИСТА КРЫМА

Е. А. Lukyanenko, N. V. Strachkova, I. I. Voronin

THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS ON THE FORMATION OF A PORTRAIT OF THE TOURIST OF THE CRIMEA

Аннотация. Представлены результаты социологических исследований, направленных на выявление параметров потребительского спроса на региональный туристский продукт Крыма. Определена роль геополитических факторов в изменении характеристик портрета крымского туриста.

Ключевые слова: туризм, геополитические факторы развития туризма, спрос, портрет туриста Крыма.

Abstract. The paper presents the results of a sociological research aimed at the identification of parameters of consumer demand for regional tourism product of the Crimea. Defines the role of geopolitical factors in the change in the characteristics of the portrait of the Crimean tourist.

Key words: tourism, geopolitical factors of development of tourism, demand, portrait of the tourist of the Crimea.

Процесс интеграции Крыма в российское социально-экономическое пространство имеет множество аспектов, одним из ярких проявлений которых выступает туристский рынок, в современных условиях отличающийся пространственным динамизмом формирования спроса на туристско-рекреационный продукт региона.

Исследованием роли геополитического фактора в сфере рекреации и туризма посвящены работы немногочисленных авторов [1,2,3,5], при этом слабо освещенным представляется вопрос исследования портрета потребителя туристско-рекреационных услуг Крыма в контексте современных геополитических трансформаций.

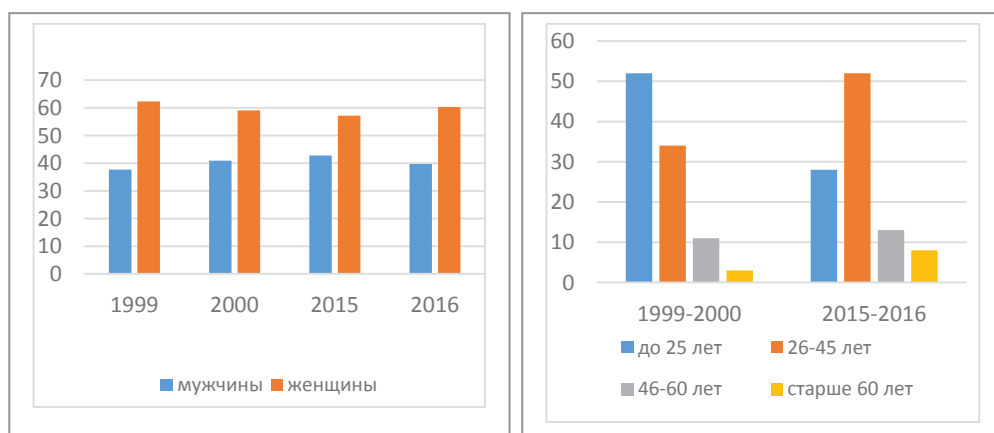
Целью статьи явилось исследование пространственных и функциональных параметров потребительского спроса на региональный туристский продукт Крыма на основе социологических исследований в контексте влияния современных геополитических факторов.

Для выявления ключевых параметров, характеризующих портрет туриста Крыма в 1999-2000 гг. (период пребывания Крыма в составе Украины), а также на протяжении 2015-2016 гг. (в новых геополитических условиях Российской Федерации) в период «высокого сезона» с июня по октябрь, было организовано анкетирование туристов в основных транспортных узлах региона – железнодорожный и автовокзал г. Симферополь, порт г. Керчь и аэропорт г. Симферополь. В качестве генеральной совокупности выступали

граждане, проживающие за пределами Крыма, которые возвращались после отдыха к месту постоянного проживания. Общее число респондентов составило в среднем до 3000 чел. ежегодно.

Анализ социо-демографических характеристик туристов выявил численное преобладание женщин в общем количестве респондентов над мужчинами, при этом данная тенденция сохраняется на протяжении всего периода исследования. Возрастная структура в большинстве – около 80% - представлена молодыми возрастными группами в возрасте до 45 лет, являющимися наиболее мобильными, однако наметилась тенденция уменьшения доли молодежного (до 25 лет) и увеличения доли сегмента семейного отдыха (26-45 лет) (рис. 1).

Рис. 1. Половозрастная структура туристского потока, %

В структуре респондентов по социальному положению преобладающей социальной группой явились государственные служащие, при этом наметилась тенденция к снижению доли данного сегмента в туристском потоке (с 55% в 1999 г. до 29,4% в 2016 году). Также значительные группы представлены учащимися, студентами и предпринимателями с сохранением тенденций к снижению их доли. Это связано с переориентацией туристского предложения Крыма на российский рынок, отличающийся более сложной и дорогой логистикой.

Доля предпринимателей по-прежнему остается невелика; характерно определенное увеличение их числа в турпотоке 2015 года, что может быть связано со вступлением в силу с 01 января 2015 года Федерального закона №377-ФЗ от 29.11.2014 г. «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», при снижении до традиционных значений в 2016 году.

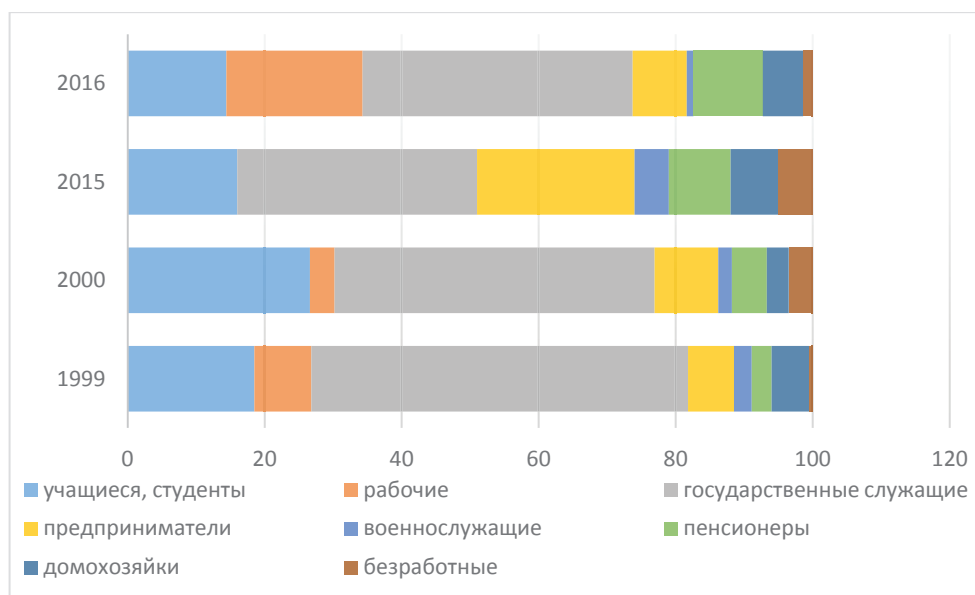
Традиционно меньше всего в Крым прибывает пенсионеров, поскольку данная категория является одной из малоимущих; также практически не

представлена категория работников сельского хозяйства, что связано с низким уровнем доходов в данной сфере, а также со спецификой сельского образа жизни, характеризующегося низкой мобильностью в летний период (рис.2).

Более всего влияние геополитических факторов отражают трансформации структуры въездного туристского потока в Крым.

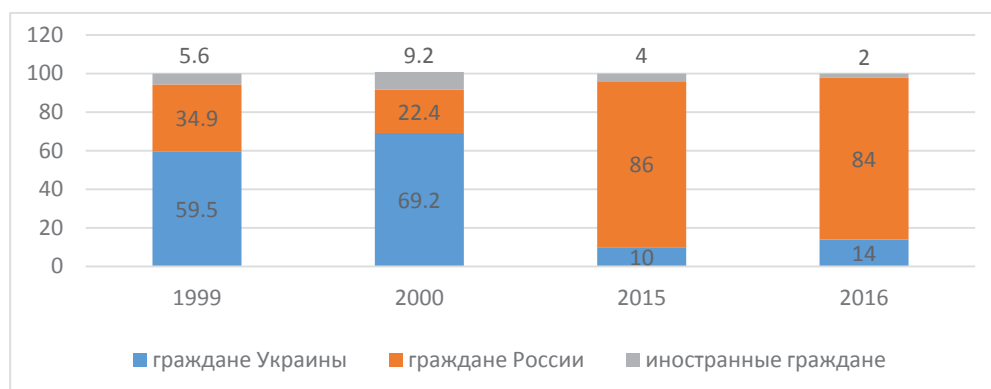
14 мая 2014 года украинское государство принимает закон «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины». В результате, было практически остановлено железнодорожное сообщение с Крымом со стороны Украины, как наиболее используемого вида транспорта при пребывании туристов к месту проведения отдыха. До этого времени в структуре туристского потока Крыма в 1990-2000 гг. преобладали жители Украины, причем их доля отличалась ежегодным стабильным ростом с 59,5% в 1999 г. до 69,2% в 2000 г. [5]. В настоящее время их доля снизилась до 10%.

Рис. 2. Социальная структура туристского потока, %

В целом происходит переориентация туристского рынка Крыма на российский сегмент. Если доля российских граждан в 2000 г. составляла 22,4% туристского потока, то к 2016 году она составила около 90% (рис 3). Основными регионами формирования спроса явились Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область как наиболее мобильные, доходные регионы с наибольшим числом прямых рейсов в Крым, а также Краснодарский край и Ростовская область как наименее удаленные от Крыма территории.

Рис. 3. Регионы формирования спроса на туристский продукт Крыма, %

При этом стоит отметить, что несмотря на прекращение железнодорожного сообщения с Крымом, поток украинских туристов, по оценкам пограничного управления ФСБ, в 2016 г. значительно вырос. По данным Министерства курортов и туризма Республики Крым, число туристов из Украины увеличилось вдвое по сравнению с 2015 годом [6].

Также новые геополитические реалии и санкционный режим практически уничтожил поток иностранных туристов из дальнего зарубежья. В 2014 г. почти в 2 раза сократился поток въездных туристов в Крым [1, с.64]. Если, по данным Службы статистики Республики Крым, в 2013 г. полуостров посетило около 69,7 тыс. чел. иностранных туристов [7], то, следовательно, через год их численность уменьшилась до 34,8 тыс. чел., а в настоящее время статистика международных туристских прибытий в Крым практически не ведется.

Формирование барьерных сухопутных рубежей вызвало не только переориентацию векторов рынка сбыта туристских услуг Крыма с северного, ориентированного на Украину, на восточный, а и кардинальные изменения в структуре видов транспорта, используемых при прибытии к месту проведения отдыха. Результатом воздушной и морской блокады Крыма стало кардинальное изменение позиций полуострова в системе международного туристского движения [4], а во внутренних туристских потоках произошли изменения в пользу авиационного и автомобильного видов транспорта (табл.4).

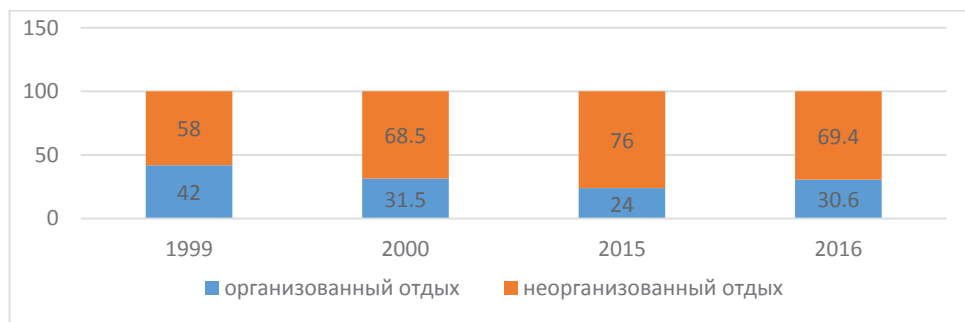
Таблица 4: Виды транспорта, используемые туристами для прибытия к месту отдыха, %

Виды транспорта	1999 г.	2000 г.	2015 г.	2016 г.
железнодорожный	84,1	78,7	6,0	1,0
авиационный	7,0	7,9	54,0	55,0
автомобильный	8,6	13,2	36,0	38,9
водный	0,3	0	3,0	5,0
прочие виды	-	0,2	1,0	0,1

Следует отметить, что геополитические трансформации в Крыму практически не отразились на целях приезда в регион, среди которых лидировал пляжный отдых, обусловленный благоприятными природно-климатическими факторами, которые выделили 58,3% респондентов в 2000 г. и 49,1% в 2016 г. Слабыми сторонами, ограничивающими туристский поток, по-прежнему остаются незначительное разнообразие отдыха и услуг, а также высокая стоимость отдыха, которая не в полной мере соответствует его качеству.

Не меняются, также, предпочтения туристов относительно типа отдыха по уровню организации – число респондентов, обратившихся в специализированные туристские организации за приобретением путевки, остается невысоким (рис. 5). Это объясняется более выгодной стоимостью неорганизованного отдыха, удобством согласования сроков и маршрута поездки, а также возможностью за одну поездку в Крым посетить несколько направлений в различных районах полуострова. Данные тенденции подтверждаются выбором типа размещения – около 50% респондентов предпочитает отдых в частной квартире или доме.

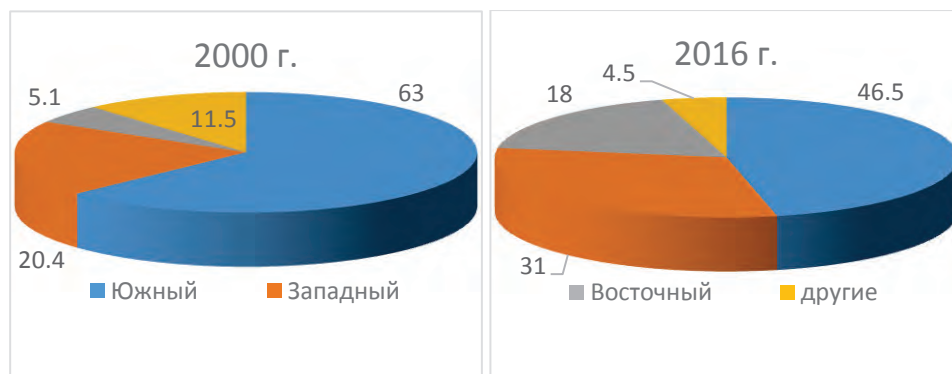
Рис. 5. Предпочтения в выборе типа отдыха, %

Еще одним, не подверженным влиянию геополитических трансформаций, компонентом, явились потребительские предпочтения относительно места проведения отдыха в Крыму. По-прежнему лидером среди рекреационных районов является Южный берег Крыма (Ялта, Алушта),

на что указали 63% респондентов в 2000 г. и только 46,5 % респондентов в 2016 году (рис. 6).

Рис. 6. Территориальные предпочтения туристов в Крыму, %

Результаты опроса свидетельствуют, что туристский спрос становится все более территориально равномерным, что проявляется в росте популярности Западного Крыма благодаря лечебно-оздоровительным свойствам и диверсификации туристского предложения, а также Восточного Крыма по причине его возросшей транспортной доступности благодаря паромной переправе (в 2016 году услугами парома воспользовались 42% туристов [6]).

В целом, геополитические изменения в Крыму не повлияли на стабильность симпатий к отдыху в Крыму – более 70% в 1999-2000 гг. и более 80% в 2015-2016 гг. планируют вернуться на отдых в Крым в ближайшие 5 лет. Высокую оценку со стороны туристов получили такие аспекты как гостеприимство местного населения, качество экскурсионного обслуживания, состояние памятников истории и природы – это то, что является конкурентным преимуществом и в дальнейшем будет привлекать отдыхающих.

Однако анализ факторов, препятствующих выбору Крыма как места проведения отдыха, отражает определенные негативные тенденции, некоторые из которых не преодолены за весь анализируемый период. Лидирующим и неизменным отрицательным фактором является уровень цен при недостаточно высоком качестве отдыха.

Если ранее основным препятствием для туристов служили недостаточно диверсифицированное туристское предложение, отсутствие дополнительных услуг, однообразие отдыха и пр., то в настоящее время элементы туристской инфраструктуры заслуживают, по мнению туристов, средних оценок.

При этом, наибольшие нарекания туристов вызывают элементы общей инфраструктуры региона – состояние дорог, работа общественных туалетов и работа банков, в том числе обслуживание кредитных карт. В целом, туристы считают, что их расходы на пребывание в Крыму оправданы на 3,9 балла, что

не является высоким показателем. Средняя оценка за весь отдых составляет 3,8 балла, это также говорит о среднем качестве отдыха.

Геополитический фактор создаёт для развития туризма региона ряд ограничений пространственного характера: осложнены контакты со странами западного вектора, превращена в барьерную граница Крыма и Украины, проблема транспортной доступности осложняет проведение эффективной ценовой политики на туристском рынке. В сложившейся ситуации геополитические факторы, обуславливающие изменения характеристик туристского потока, необходимо рассматривать как риск в развитии рекреационной и туристической сфер Крыма на глобальном и региональном уровнях.

Ситуация на глобальном уровне негативно отражается на формировании международных потоков. После начала морской блокады Крыма организованный поток иностранных туристов практически исчез в результате прерванного международного авиационного сообщения и прекращения захода в крымские порты круизных лайнеров. Также, по мнению крымских экспертов туристического бизнеса, визиты иностранцев в Крым из Европы, Северной Америки, Австралии носят в настоящее время характер частной инициативы, поскольку в Крыму не осталось фирм, которые специализируются на организованном приёме иностранных туристов. Крупные российские туристические фирмы также не занимаются перевозкой иностранцев в Крым, поскольку из-за санкций Евросоюза, предполагающих запрет на оказание туристических услуг Крыму, у них возникают проблемы с осуществлением международных платежей [5].

Проявление глобальных рисков привели к смещению вектора туристской активности на восточное направление, но при этом обострили риски регионального уровня – высокие цены на туристско-рекреационный продукт региона из-за сложностей логистики, проблемы обеспечения комфортности отдыха в результате водной и энергетической блокад полуострова, а также сложностей банковской системы, необходимость быстрой модернизации дорожно-транспортной инфраструктуры восточных регионов полуострова, формирование нового туристского предложения в связи с меняющимися потребительскими предпочтениями. Своевременное выявление и научно-обоснованное решение сложившихся проблем должно лечь в основу стратегических мероприятий в контексте повышения качества туристского обслуживания в Крыму.

Conclusion. The process of integration of the Crimea into the Russian socio-economic space has many aspects, one of the brightest manifestations of which is the tourist market, which in modern conditions is characterized by the spatial dynamism of the formation of demand for the tourist-recreational product of the region. Identify these processes allows the compilation of a generalized portrait of a tourist of Crimea using the method of sociological survey.

An analysis of the socio-demographic characteristics of the respondents revealed a numerical predominance of women over men, while this trend persists throughout the study period. The age structure in the majority - about 80% - is represented by young age groups under the age of 45 who are the most mobile, but there has been a tendency to reduce the proportion of youth to 25 years) and increase the share of the family holiday segment (26-45 years)

The reorientation of tourist offers of the Crimea to the Russian market, which is more complex and expensive logistics has led to changes in the structure of respondents by social status is the predominant social group was the civil servants, pupils, students and entrepreneurs, but there has been a downward trend in their share in the structure of tourist flow. The least pensioners come to the Crimea, since this category is one of the poor, and the category of agricultural workers is also practically not represented.

The impact of geopolitical transformations reflect changes in the structure of inbound tourist flow in the Crimea and the use of modes of transport. In General, the reorientation of the tourist market of the Crimea to the Russian segment. If the proportion of Russian citizens in 2000 was 22.4% of the tourist flow, by 2016 it was about 90%. Inbound flow of citizens of Ukraine declined sharply, and foreign tourists is virtually nonexistent. In domestic tourist flows, there have been changes in favor of aviation and motor transport modes

At the same time, geopolitical transformations in the Crimea did not affect the purpose of coming to the region, including beach rest, preferences of tourists in favor of unorganized recreation and choice of accommodation in the private sector. Spatial preferences have not changed - the Southern Coast of the Crimea remains the leader among the recreational regions.

In general, geopolitical transformations, exacerbated by the political instability of the neighboring states, create a number of spatial restrictions for the development of tourism in the region. In the current situation, the geopolitical factors that cause changes in the characteristics of the tourist flow should be considered as a risk in the development of the recreational and tourist spheres of the Crimea at the global and regional levels. Timely identification and scientifically sound decision of the existing problems should form the basis of strategic measures in the context of improving the quality of tourist services in the Crimea.

Литература

1. Туристско-рекреационный ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь. Симферополь: Ариал, 2015. 408 с.
2. Эзрох Ю.С. Туристическая отрасль Крыма: потенциал и пути его реализации / Ю.С. Эзрох // Всероссийский экономический журнал. 2014. №12. С.143-160.

3. Яковенко И.М. Территориальное рекреационное неравенство как тенденция развития рекреационного процесса / И.М. Яковенко // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований / под общей ред. И. Н. Воронина и А. Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции (Симферополь, 16-20 сентября 2015 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С.533-538.
4. Страчкова Н.В. Рынок рекреационных услуг Крыма (социально-географическая оценка уровня развития) / Н.В. Страчкова. Симферополь: Таврия, 2001. 48 с.
5. Швец А.Б. Влияние геополитического фактора на туристско-рекреационную деятельность в Крыму / А.Б. Швец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3 (69). №1. – С. 252-260
6. О развитии туристской отрасли Республики Крым в 2016 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mtur.rk.gov.ru/file/o_razvitii_turistskoy_otrasli_respubliki_krim_v_2016_godu_1.pdf (дата обращения 05 марта 2017 г.)
7. Крым. Туристские потоки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gosstat.crimea.ru/ukgturizm2.php#_tur (дата обращения 03 марта 2017 г.).

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕСУРСНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

V.N. Fedorko

CROSS-BORDER RESOURCE AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN THE REGION OF CENTRAL ASIA

Аннотация: Центральная Азия представляет собой специфический геополитический регион на постсоветском пространстве Евразии. В данном регионе, где расположены пять государств – Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, имеются существенные предпосылки для тесной региональной интеграции. Одним из важных элементов интеграционных и дезинтеграционных процессов в Центральной Азии являются проблемы трансграничного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. В статье рассматривается сущность и географические факторы генезиса наиболее актуальных из этих трансграничных проблем. Особое внимание уделено научным основам смягчения противоречий в сфере использования водно-энергетических ресурсов в странах региона. В заключении сформулированы научные принципы решения проблем трансграничного природопользования в странах региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, интеграция, трансграничное природопользование, водные ресурсы, бассейновые структуры.

Abstract: Central Asia is a specific geopolitical region in post-Soviet Eurasia. In this region, where there are five states - Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan, are essential prerequisites for regional integration. An important element of the integration and disintegration processes in Central Asia is the problem of cross-border using of natural resources and environmental protection. The article examines the nature and genesis of the most relevant of these cross-border issues. Particular attention is paid to the scientific basis of mitigating conflicts in the use of water and energy resources in the region. In conclusion, the scientific principles of the addressing of cross-border environmental management in the region are formulated.

Keywords: Central Asia, integration, cross-border environmental management, water resources, river basin structure.

Центральная Азия представляет собой крупный геополитический регион в составе пяти постсоветских государств – Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, расположенных в срединной части Евразийского материка, вдали от Мирового океана. Страны Центральной Азии слиты в единое географическое пространство

многообразными связями ландшафтно-экологического, природно-ресурсного, исторического, социально-экономического, военно-политического и культурно-гуманитарного порядка. Во многих случаях сопредельные регионы соседних стран представляют собой единые в бассейновом и ландшафтном отношении геосистемы. Среди таких трансграничных физико-географических образований выделяются Ферганская долина, Южно-Таджикская впадина (в широком смысле, включая Сурхан-Шерабадскую долину), Зарафшанский бассейн, дельта Амударьи, Чуйская и Таласская долины. Даже пустыни Кызылкум и Устюрт, отличающиеся дисперсно-очаговым характером хозяйственно-селитебного освоения, представляют собой межгосударственные территории, имеющие большой потенциал для развития совместными усилиями транзитного транспортного хозяйства, отгонно-пастбищного животноводства, экологического туризма и охраны природы.

Следует отметить, что приграничное и трансграничное сотрудничество в исследуемом регионе имеют давние традиции и большой опыт. Этому способствовало во многом единое в недавнем прошлом хозяйственно-инфраструктурное пространство так называемого Среднеазиатского экономического района бывшего Советского Союза. В рамках единой транспортной, энергетической, ирригационной и расселенческой системы в странах региона интенсивно протекали процессы эффективного сотрудничества в широких масштабах по совместному использованию природных и трудовых ресурсов, производственной и социальной инфраструктуры, хозяйственной кооперации, сложилась своеобразная система пространственного разделения труда, главным образом, между равнинными и предгорно-горными районами. Однако новые социально-экономические и геополитические условия постсоветского периода, объективные трудности, порождённые кризисом прежней социально-экономической системы и распадом территориально-хозяйственных связей, так же как и в других частях бывшего Союза отрицательно сказались на интеграционных процессах в регионе. Эти социально-экономические процессы, по большому счёту, пришлось строить заново, на принципиально иных, чем ранее условиях, что представляется вполне закономерным, но не перестающим от этого быть проблемным явлением.

Объективными условиями, потенциально способствующими пространственной интеграции регионов сопредельных стран Центральной Азии в рамках целостных трансграничных образований, являются следующие факторы:

- 1) общие водные ресурсы и единство ирригационной инфраструктуры (каналов, водохранилищ, коллекторно-дренажной сети);
- 2) единство дорожно-транспортных коммуникаций (железные и автомобильные дороги, трубопроводы);

3) целостность геоэкологического пространства, которая обеспечивается потоками вещества и энергии в бассейновых геосистемах, разделённых политико-административными границами;

4) контрастность природно-хозяйственных условий, формирующая предпосылки для территориального разделения труда в пределах трансграничных регионов, их взаимодополняющей специализации;

5) сочетание рекреационно-туристских ресурсов, использование которых может превратить некоторые районы Центральной Азии в крупные ареалы трансграничного международного туризма.

Трансграничные ресурсно-экологические проблемы в Центральной Азии, как и в других регионах мира, имеют многоаспектный характер. В качестве наиболее актуальных при этом мы выделяем следующие проблемы:

- общий дефицит водных ресурсов в регионе и продолжающееся сокращение их объёмов;

- увязка режимов энергетического водопользования и оросительного водопотребления между верховьями и низовьями рек;

- создание (вернее, воссоздание на новой геоэкономической основе) всесторонне обоснованной с эколого-экономических позиций межгосударственной энергосистемы, основанной на рациональном сочетании гидро- и теплоэнергетических мощностей.

- рациональная эксплуатация и модернизация трансграничной ирригационной инфраструктуры;

- совершенствование систем гидро- и аэроэкологического мониторинга, охрана качества трансграничных поверхностных и подземных вод, а также атмосферного воздуха;

- сохранение биологического и ландшафтного разнообразия в пределах трансграничных геосистем, создание в соответствующих целях межгосударственных природоохранных территорий;

- рациональная эксплуатация и эффективное воспроизводство кормовых запасов естественных пастбищ на трансграничной основе;

- комплексное и продуктивное использование многообразного потенциала развития трансграничного отдыха и туризма в странах региона;

- интеграция и взаимная адаптация отраслевой и пространственной структуры хозяйства сопредельных территорий на основе углубления географического разделения труда с учётом взаимодополняющей контрастности естественных условий производственного (особенно, сельскохозяйственного) развития, а также сложившихся различий в трудовых традициях и навыках населения предгорно-равнинных и горных районов.

Трансграничными являются основные реки региона, в частности, Амударья, Сырдарья, Зарафшан, Нарын, а водные ресурсы в условиях аридного климата играют исключительно важную роль в устойчивом развитии природно-хозяйственных комплексов. В настоящее время именно водохозяйственный фактор, вкупе с энергетическим, являются

«краеугольными камнями» в контексте макрорегиональной интеграции и межгосударственного сотрудничества центральноазиатских стран.

Физико-географическое единство трансграничных территорий в регионе Центральной Азии обуславливает также возникновение геоэкологических проблем межгосударственного уровня и значения, связанных с трансграничным переносом загрязняющих веществ ветрами, поверхностными и подземными водными потоками. Примерами могут служить воздействие выбросов Таджикского алюминиевого завода, расположенного в городе Турсунзаде, на аэроэкологическую обстановку в Сурхандарьинской области Узбекистана и загрязнение вод р. Зарафшан в пределах Самаркандской области радиоактивными отходами Анзобского горно-обогатительного комбината, находящегося на территории Пенджикентского района Таджикистана. Подобные ситуации свидетельствуют об актуальности трансграничного подхода к охране и оптимизации эколого-географической среды в Центральноазиатском регионе.

Нам хотелось бы в нескольких штрихах с позиций географической науки наметить некоторые концептуальные основы устойчивого развития трансграничных бассейновых природно-хозяйственных систем стран Центральной Азии. Прежде всего, для обеспечения эффективного функционирования территориально целостных систем природопользования в рамках трансграничных речных бассейнов региона необходимо эффективное функционирование полномочных межгосударственных организаций (консорциумов) по управлению природными, в первую очередь, водными ресурсами. В регионе имеются специальные бассейновые управления водными ресурсами, однако комплекс их реальных полномочий и механизмы практической деятельности нуждаются в определённом совершенствовании. Для этого большое значение имеет изучение мирового политико-правового опыта в соответствующей сфере, например, США и Канады в бассейне Великих озёр, стран Индокитая в бассейне Меконга, Румынии, Украины и Молдовы в низовьях Прута и Дуная.

Большое значение для смягчения проблемы дефицита водных ресурсов в регионе имеет рационализация водопотребления в сельском хозяйстве и промышленности. В наибольшей степени это касается орошаемого земледелия, представляющего собой крупнейшего водопотребителя в экономике стран Центральной Азии. Совершенно очевидна актуальность внедрения в практику водосберегающих технологий, связанных с оптимизацией методов и средств орошения, разработкой и соблюдением оросительных норм и режима поливов, а также технической модернизацией ирригационной инфраструктуры. Как нам представляется, подобные меры следует реализовывать не только в низовьях трансграничных водотоков, где наиболее остро ощущается нехватка воды, а на всём их протяжении.

Для смягчения водной проблемы в регионе, наряду с рационализацией водопотребления, большой интерес представляет поиск дополнительных

источников водных ресурсов. Можно выделить несколько магистральных направлений этих изысканий.

Оценка водных ресурсов малых рек и разработка программ по их использованию в сельском хозяйстве, гидроэнергетике и коммунально-бытовой сфере. Так, сравнительно велики незадействованные ресурсы стока малых водотоков в правобережной части среднего Зарафшана (Джизакская и Самаркандская области), в районе Нурата-Туркестанских гор, обращённых к Голодной степи, в Сурхан-Шерабадской впадине. Вполне вероятно, что для вовлечения этих водных ресурсов в хозяйственный оборот потребуется осуществление определённых гидротехнических работ, в частности, строительство небольших водо- и селехранилищ. Вместе с тем, сооружение водохранилищ на низкогорных реках должно быть обосновано с учётом комплекса местных факторов: величины потенциальных запасов воды в пределах водосбора; темпов заиливания чаши водоёма в перспективе; площади затопления и органичности интеграции водохранилища в территориальную структуру сельскохозяйственных земель и расселения населения; возможного негативного влияния на уровень грунтовых вод, водно-солевой баланс и, в связи с этим, мелиоративное состояние земельных угодий; прогнозного изменения режима родников, имеющих исключительно важное значение для питания рек в низкогорной зоне региона; трансформации объёма и режима стока малых рек с учётом долгосрочных регионально-климатических прогнозов. На основе синтеза всех этих параметров следует давать оценку экономической рентабельности и экологической безопасности проектируемых водохранилищ.

Для зарегулирования *наводкового стока* в бассейнах некоторых трансграничных рек целесообразно и эффективно строительство *водохранилищ*. При этом сооружать последние предпочтительнее в горной зоне, где площадь затопляемых земель сравнительно невелика, и относительно малы потери воды на фильтрацию. Особо перспективными подобные проекты видятся в бассейнах ряда трансграничных рек Ферганской долины (Падшаата, Исфара, Сох, Ходжабакирган, Акбура, Аравансай и др.). Осуществлять подобные работы можно на основе межгосударственного финансирования, так как их реализация отвечает интересам стран и верховий, и низовий трансграничных водотоков. Однако при принятии решений о строительстве крупных водохранилищ в горной зоне региона следует учитывать фактор сейсмичности территории и принимать в связи с этим необходимые инженерно-технические меры по предупреждению чрезвычайных ситуаций ещё на стадии расчётно-проектных работ.

Оптимизация хозяйственного использования подземных и коллекторно-дренажных вод. Так, в условиях исправно функционирующей системы дренажа для орошения можно успешно применять подземные и возвратные воды с концентрацией солей 4-5 г/л. В бездренажных же условиях специалисты рекомендуют использование вод с минерализацией до 1,5 г/л, воды же с большей солёностью следует разбавлять пресной поливной влагой.

Вообще, подземные и коллекторно-дренажные воды представляют собой значительный резерв орошения в Центральной Азии, но их использование следует осуществлять лишь на научно выверенной основе, учитывая в каждом конкретном случае ландшафтно-мелиоративные условия местности и локальный водно-солевой режим почвенного покрова.

Существенным фактором обострения проблемы дефицита воды в регионе могут стать климатические изменения. Это предопределяет важность межгосударственного сотрудничества в целях изучения последствий глобальных и региональных перемен климата для водных ресурсов стран региона и разработки совместных программ действия в соответствующих условиях. Большое значение при этом имеют сотрудничество и координация деятельности гидрометеорологических служб сопредельных стран региона в рамках крупных межгосударственных научных программ, обеспечение свободного обмена соответствующей информацией между ними.

В этом контексте следует указать также на особую актуальность охраны области формирования стока в горной зоне региона, в том числе, сбережения горных ледников. Для этого немаловажное значение имеет систематическое осуществление крупномасштабных программ гляциологических исследований в высокогорных районах Памира и Тянь-Шаня, служащих целям и задачам мониторинга региональных снегово-ледниковых систем.

Существенную водоохранную роль играют горные леса. Поэтому должное внимание следует уделять и облесению горных склонов. Проводить лесомелиоративные работы целесообразно на основе комплексного подхода к землеустройству в горных районах с учётом интересов различных сфер землепользования. Для мероприятий, направленных на охрану стокоформирующей зоны Аральского бассейна, в частности, названных выше, необходимо привлечение ресурсов всех государств Центральной Азии, что позволит достичь более эффективных результатов.

Правоммерно говорить об огромной важности сотрудничества центральноазиатских стран в сфере обеспечения геоэкологической безопасности трансграничных речных бассейнов региона и предотвращения чрезвычайных ситуаций в их пределах. Так, в частности, назрела необходимость реконструкции и модернизации гидротехнических сооружений (прежде всего, водохранилищ) на трансграничных водотоках. В особенной степени это касается ирригационных объектов, имеющих длительный стаж хозяйственной эксплуатации. Наиболее значимым в нынешних условиях представляется осуществление реконструкционных работ на Чардаринском, Кайраккумском (БахриТожики – Таджикиском море) и Токтогульском водохранилищах, так как это ощутимо будет способствовать рационализации использования стока Сырдарьи и Нарына. К этим проблемам примыкают остающиеся во многих конкретных случаях неурегулированными вопросы систематического очищения от ила водохранилищ на трансграничных водотоках, в частности, небольших реках региона.

С позиций охраны окружающей среды и рационализации природопользования в регионе немаловажное значение имеет внедрение в практику института международной эколого- и инженерно-географической экспертизы гидротехнических и промышленных объектов в бассейнах трансграничных рек ещё на стадии их проектирования. К подобным экспертным процедурам целесообразно привлекать специалистов в различных областях науки и практики, в том числе, инженеров-геологов, геофизиков, гидрологов, геоморфологов, гидрогеологов, почвоведов, географов, экологов, метеорологов, экономистов, юристов, управленцев. Исключительно важно обеспечить национальную и межгосударственную правовую базу деятельности характеризуемого института, наделив его реальными полномочиями воздействия на процесс принятия тех или иных решений в ходе проектно-строительных работ и определив чёткий организационный и правовой механизм его функционирования.

В целом решение трансграничных ресурсно-экологических проблем в странах Центральной Азии требует реализации следующих мер:

- взаимное согласование интересов государств региона в сфере природопользования, приоритет в управлении трансграничными природными, в частности, водными, ресурсами Центральной Азии социально-экономических интересов над политическими;

- опора на международное право и мировой политический и юридический опыт урегулирования трансграничных проблем, взаимная адаптация законодательства стран региона;

- комплексный подход к использованию многоцелевых, прежде всего, водно-энергетических ресурсов, а также принятие во внимание при эксплуатации природных ресурсов их экологических функций как вещество-энергетических компонентов ландшафта;

- учёт геоэкосистемной целостности трансграничных территорий природопользования и возможностей самоочищения ландшафтных систем, связанных с геоморфологическими, климатическими, гидрологическими, гидрогеологическими, почвенно-геохимическими, биоэкологическими и иными особенностями природной среды;

- общерегиональная модернизация природопользования на основе широкого внедрения ресурсосберегающих (в первую очередь, водосберегающих) технологий в производство;

- рациональное использование возможностей географического разделения труда между сопряжёнными частями соседних государств, заложенных в их взаимодополняющей природно-ресурсной, производственной и инфраструктурной среде, взаимная адаптация отраслевой и пространственной структуры хозяйства территорий с взаимодополняющими направлениями природопользования;

- трансформация отраслевой структуры экономики трансграничных регионов в направлении снижения удельного веса аграрно-сырьевых (особенно водоёмких) отраслей производства, диверсификация последнего,

что будет способствовать, в конечном счёте, снижению зависимости социума от природной среды и ослаблению прямой техногенной нагрузки на неё;

- учёт при проектировании и строительстве крупных техногенных сооружений структуры, функционирования и динамики трансграничных геоэкосистем, для чего важна процедура комплексной эколого-географической экспертизы, оценивающей возможные последствия реализации проектов;

- регулярный мониторинг экологических рисков в трансграничных бассейнах стран Центральной Азии, обмен соответствующей информацией между странами, обеспечение открытого доступа населения к эколого-географическим материалам;

- разработка и реализация единой межгосударственной территориальной схемы охраны природного и культурного наследия трансграничных территорий Центральной Азии;

- согласование кратко- и долгосрочных целей и задач регионального прироста.

Conclusion. The solution of cross-border resource and environmental problems in Central Asia requires the following measures:

- Mutual coordination of interests of the regional states in the sphere of nature, priority in the management of cross-border natureresources of Central Asia socio-economic interests over political;

- The reliance on international law and international political and legal experience in settling cross-border issues, mutual adaptation of legislation of the countries of the region;

- An integrated approach to the use of multi-purpose, first of all, water and energy resources, as well as taking into account in the exploitation of natural resources, their ecological functions as a real-energy components of the landscape;

- Accounting geographical integrity of cross-border areas of nature and landscape systems of self-cleaning capabilities associated with geomorphological, climatic, hydrological, hydrogeological, soil-geochemical, and other biological and ecological features of the natural environment;

- Modernization of region-wide environmental management on the basis of wide introduction of resource-saving (primarily water-saving) in production technology;

- Rational utilization of geographical division of labor between the mating parts of the neighboring states, inherent in their complementary natural resource, industrial and infrastructural environments, mutual adaptation of sectoral and spatial structure of the economy with complementary areas of wildlife areas;

- Transformation of the sectoral structure of the economy of cross-border regions in the direction of reducing the share of agricultural raw material (especially water consumption) production sectors, diversification of the latter, which will help in the long run, reduce the dependence of society on the natural environment and the weakening of the direct anthropogenic impact on it;

- Accounting for the design and construction of large man-made structures structure, functioning and dynamics of transboundarygeosystems, which is important for treatment of complex ecological and geographical expertise, evaluates the possible consequences of the implementation of projects;
- Regular monitoring of environmental risks in transboundary basins of Central Asian countries, the exchange of relevant information between countries, open access of the population to ecological and geographical materials;
- Development and implementation of a unified interstate territorial scheme of protection of natural and cultural heritage of cross-border territories of Central Asia;
- Coordination of short- and long-term goals and objectives of the regional nature.

Литература

1. Салиев А.С. Проблемы расселения и урбанизации в республиках Средней Азии. – Т.: Фан, 1991. – 117 с.
2. Салиев А.С., Федорко В.Н. Трансграничные регионы Узбекистана и сопредельных стран: общие и индивидуальные черты // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время. Мат-лы Межд.науч.-практ. конф. В 2-х тт., Т.2. – Барнаул, 2014. – С.298-308.
3. Салиев А.С., Федорко В.Н., Бадалов У. Вопросы эффективного использования трансграничных рекреационно-туристских ресурсов Средней Азии // Туризм суверенного Казахстана. Сборник статей, посвящённый 20-летию независимости Казахстана и 15-летию кафедры географии туризма КазНУ имени аль-Фараби. - Алматы, 2011. - С.48-53.
4. Федорко В.Н. Некоторые географические аспекты проблем устойчивого развития трансграничных природно-хозяйственных систем Среднеазиатского региона // Природные, медико-географические и социально-экономические условия проживания населения в Азиатской России. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. – Владивосток, 2012. – С.35-40.
5. Федорко В.Н. Характерные черты межгорно-котловинных трансграничных природно-хозяйственных регионов Средней Азии (на примере Ферганской долины) // Географические факторы регионального развития Северо-Восточной Азии. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. – Владивосток, 2013. – С.144-147.

ЗАПАДНИ БАЛКАН – ИЗАЗОВИ И ПЕРСПЕКТИВЕ

R. Gnjato

WESTERN BALKANS – CHALLENGES AND PERSPECTIVES

Апстракт: Захваљујући географском положају, данас је Западни Балкан, као и у протеклих хиљаду година, простор утицаја, прожимања и стравичних сукоба култура Истока и Запада, супротстављених политичких и војних завеза, супротстављених интереса великих сила, супротстављених друштвених и економских система. У исто вријеме, то је простор супротстављених унутрашњих геополитичких, геостратешких, геоекономских, културолошких и свих могућих интереса његових етнонационалних и конфесионалних субјективитета. Захваљујући и једним и другим чиниоцима, Западни Балкан је био и биће неисцрпан извор унутрашње и регионалне нестабилности, додатно подстакнуте екстремним етнонационалним и вјерским анимозитетима фундираним на трагичној историји народа тог простора, прожетој насилним културолошким процесима, скоро искључиво над српским становништвом, укључујући и геноцид током Првог и Другог свјетског рата. У савременим условима, кључни извор унутрашње нестабилности јавља се као посљедица насилног распада СФР Југославије, „заједничке државе“ „југословенских народа“, те у исто вријеме настанка нових држава у којима су поједини етноси изгубили статус којег су имали у „заједничкој држави“, а неки добили којег никад нису имали. Овим дестабилизирајућим факторима треба придодати настојања појединих етноса за сецесијом дијела појединих државних територија, што се, у ово вријеме, односи на албанску етничку заједницу која на све начине, укључујући и подршку утицајних геополитичких фактора Запада, већ реализује давно прокламоване програме албанских геополитичара о стварању тзв. „Велике Албаније“. То подразумева сецесију Косова и Метохије од Србије, а након тога осталих простора бивших југословенских република насељених већинским албанским становништвом (западни дио БЈР Македоније, југоисточни дио Црне Горе). Геополитичку нестабилност и неизвјесност Западног Балкана продукују и актуелна настојања одређених унутрашњих и спољних геополитичких субјеката на уставном преуређењу Босне и Херцеговине те БЈР Македоније. Коначно, један од кључних фактора савременог геополитичког стања и будућих геополитичких процеса у простору Западног Балкана тиче се утицаја глобалних и водећих регионалних фактора, који поједине земље овог простора опредјељује ка евроатлантским или евоазијским интеграцијама.

Кључне ријечи: Западни Балкан, бивша СФР Југославија, балканизација, дезинтеграција, нове државе у западнобалканском простору,

глобализација, нови свјетски поредак, евроазијске интеграције, деглобализација.

Abstract: Due to its geographical position, the Western Balkans have always been an area of collision, interference and forbidding clashes between the Eastern and Western cultures, which have shared opposed political and military alliances, conflicting large force interests, and divergent social and economic systems. Simultaneously, it has been an area of conflicting internal geopolitical, geostrategic, geo-economics, cultural and other interests of its ethnic and confession entities. As a result of all these aspects, the Western Balkans are and have been a perpetual source of both internal and regional instability, which is further aggravated by the extreme ethnic-national and religious animosity based upon the tragic history of the local people characterized with violent cultural processes, almost exclusively suffered by the Serbian people, including the WW I and WW II genocides. Under modern circumstances, the main cause of the internal instability is actually a consequence of the violent break-up of SFR Yugoslavia – “a joint state of Yugoslav peoples” – which was accompanied by the foundation of new states in which certain ethos’s lost the position they held and others gained a status they had never had before. These factors of destabilization are sustained by the aspiration of some ethnos to cause secession of parts of certain state territories, which is particularly typical of the Albanian ethnic community. Namely, they are going to the extreme in an attempt to get support from distinguished geopolitical factors from the West and finally carry out the long-term proclaimed programs advocated by Albanian geo politicians which refer to creation of so-called “Great Albania”. More accurately, this would entail secession of Kosovo and Metohia from Serbia and, finally, secession of other former Yugoslav territories mostly populated by Albanians (west parts of FYR Macedonia, south-east Montenegro). Geopolitical instability and insecurity of the Western Balkans are further affected by current attempts of certain internal and external geopolitical subjects to influence the constitutional arrangement of Bosnia and Herzegovina and FYR Macedonia. Finally, one of key aspects of modern geopolitical state of affairs and future geopolitical processes in the Western Balkans is the impact of global and regional factors, which support some countries in the region to decide on their Euro-Atlantic and Euro-Asian integrations.

Key words: Western Balkans, former SFR Yugoslavia, balkanization, disintegration, new states within Western Balkans region, globalization, new world order, Euro-Asian integration, deglobalization.

Уводне напомене

Било које питање у вези с Западним Балканом међу страним и домаћим „стручњацима“, укључујући широке слојеве свих народа који га насељавају, изазива бројне полемике и опречна мишљења, по правилу обојена властитим интересима. Ова констатација укључује и сам појам Западни Балкан и његов просторни обухват. У научној терминологији и друштвеној пракси, Балкан и Балканско полуострво смтрају се синонимима. У историјско-географском смислу тај простор је могуће дефинисати као „стару Европу, колевку хеленске цивилизације, византијске империје и православне религије“ (Грчић, 2013, стр. 41).

У „актуелној геополитичкој номенклатури, релевантној традиционалним појмовима Балкан и Балканско полуострво, данас званично постоје две појмовно-категоријалне одреднице: Југоисток и Западни Балкан (Радовановић, 2007, стр. 15). Опште прихваћена констатација, укључујући и мишљење претходног аутора, гласи да је Западни Балкан „регион мултилатералног географског положаја, поларизованих етнокултурних, конфесионалних и демографских система диференцираног регионалног развоја“ (ibidem, стр. 14). Такође, данас опште прихваћена констатација гласи да **балканизација** чини главно обиљежје Балкана, нарочито Западног, и подразумејева процесе који продукују унутрашњу геополитичку нестабилност и непредвидивост, те међуетничке, међунационалне и међуконфесионалне анимозитете и директне сукобе са трагичним посљедицама. Такво стање има виушевјековну димензију, па је у потпуности „разумљиво“ да процес балканизације Балкана прати заостајање у свим сегментима друштвеног развоја у односу на остали дио еврског простора.

У вези с карактером балканизације пажњу привлачи констатација да овај процес није могуће схватити у колико се не стави у глобални контекст моћи, тј. утицаја великих сила, те да „историјске метармофозе геополитичких доктрина на Балкану, посебно западном, у последња два века, сведоче да је Балкан „буре барута“ (Грчић, 2007, стр. 29). Такво стање захтијева постепену и дугу трансформацију и компромисе великих сила уколико се не жели изазвати експлозија (ibidem, стр. 29). Међутим, честе експлозије „бурета“ у протеклих 100 година, а нарочито она почетком деведесетих година прошлог вијека, чија се детонација ни до данас није смирила, свједоче да такве трансформације није било.

Након геополитичких пертурбација у европским социјалистичким земљама, крајем двадесетог вијека, остварени су интереси глобализма и водећих европских регионализама. Међутим, у простору Западног Балкана, интереси претходно споменутих геополитичких чиниоца, само су дјелимично остварени. Зато, геополитичка сцена земаља Западног Балкана, овај пут са додатним и веома утицајним геополитичким факторима (Русијом, Турском, укључујући и Кину) улази у сљедсећи чин са још већим заплетом и још неизвјесним исходом.

У географском, културолошком, цивилизацијском и геополитичком смислу, појам **Западни Балкан** ограничава се на простор бивше СФР Југославије без **Словеније** а укључује **Албанију**. Међутим, иако се за Словенију може рећи да културолошки припада средњеевропском културном кругу она је данас, а у будућности биће још више, економски и функционално упућена на земље Западног Балкана. Њено формално чланство у оквиру ЕУ и НАТО све ће мање имати значаја у њеном свеукупном друштвено-економском и социјалном развоју, што претпоставља чвршће везе и упућеност на остатак простора бивше СФР Југославије укључујући и Албанију (Ћато и остали, 2015, стр. 61).

Имајући у виду укупна културолошка обиљежја данашње Хрватске као производ вишевековног утицаја култура Истока и Запада, може се констатовати да она припада и средњеевропском и западнобалканском културном кругу. Но, у геополитичком смислу она је чврсто везана за западнобалкански простор, о чему свједочи њена прошлост и садашњост, што опредјељује њену усмјереност и будућност. Зато, бројни показатељи припадности и упућености Републике Хрватске на западнобалкански простор, као нпр. елементи географског положаја, преовлађујуће особине динарског културног круга, унутрашњи геополитички процеси, спољна политика као посљедица вишедеценијског развоја у оквиру „заједничке државе југословенских народа“, улога у насилном растурању бивше заједничке државе, интереси које има у свим државама насталим на развалинама бивше СФР Југославије укључујући и патернализам над свим етничким заједницама које су кроз дужи или краћи процес етногенезе дошле до форме хрватског националног бића, ову државу, без обзира на њено чланство у ЕУ и НАТО, у потпуности детерминишу западнобалканском (ibidem, стр. 61). Она је то данас и биће док њени геополитички циљеви буду програми радикалних хрватских геополитичара Е. Кватерника, А. Старчевића, Ј. Франка..., укључујући и низ савременика.

Припадност Републике Хрватске Западном Балкану дубоко је фундирана у свим а посебно културолошким и геополитичким процесима који су довели до конституисања хрватског националног бића и савремене хрватске државе у простору који је кроз дугу историју имао српско етнокултурно обиљежје (јужна и средња Далмација, Лика, Банија, Кордун, Горски Котар, Славонија). Њена припадност западнобалканском културно-цивилизацијском кругу утемељена је у вишевековним насилним процесима унијаћења, католичења и кроатизације над српским становништвом, а под окриљем католичке цркве и клерофашистичких валсти. Процеси католичења и кроатизације, на „добровољној“ основи настављени су и након стицања хрватске независности 1991. године, и тешко је претпоставити да ће у догледно вријеме бити заустављени.

Иако вишевековни, претходно споменути насилни процеси, укључујући и геноцид над Србима, најтеже посљедице оствили су у протеклих сто

педесет година. Наиме, **средином XIX вијека**, на идејама Илирског покрета, екстремних хрватских геополитичара и католичке цркве, интензивира се процес кроатизације, у ком се претходно поунијађено и покатоличено српско становништво покушава прогласити Хрватима. Ј. Илић, анализирајући наводе бројних страних путописаца, државних статистичара и научника, наводи да се, у претходно назначеном периоду, „Хрвати налазе у врло малом броју у Босни, Херцеговини, Далмацији, Славонији, па и у Истри. Подручје Хрвата лоцира се уз словеначку границу, од Горског котара, преко Загреба, до мађарске границе. Припадника римокатоличке вероисповести има, али нема Хрвата. Римокатолици тих подручја углавном су сматрани Србима“ (Илић, 1993, стр. 31). Да се римокатолици наведених простора нису осјећали Хрватима говори и чињеница да је у Далмацији **средином XIX вијека** постојала велика одбојност тамошњих католика према сврставању у хрватску етничку групацију. Слично је стање било и у Славонији (Костић, 1990, стр. 140–152). Из наведеног се види да штокавско становништво у простору данашње Републике Хрватске највећим дијелом припада српском етносу, те да је процесом културне асимилације и различитих облика етногенезе добило елементе хрватског националног бића. Процеси католичења и кроатизације кулминацију доживљавају почетком Другог свјетског рата, када руковођене екстремном идеологијом и клерофашизмом усташке власти врше геноцид над Србима као главном сметњом у остварењу „чисте“ хрватске државе, а онда и над Јеврејима, Ромима... Идеја је била да се Срби побију, протјерају и покатоличе а самим тим и кроатизују. Чувени хрватски историчар В. Новак у капиталном дјелу *Magnum Crimen* на основу анализе низа историјских извора и архивске грађе, на преко 1200 страница текста, објашњава утицај клерикализма на наведене догађаје у првој половини XX вијека. Посебно поглавље под називом *Терор и католичење* говори о насилним процесима католичења и кроатизације српског становништва у тзв. НДХ, при чему констатује да је, у периоду 1941–1945. године, покатоличено око 240 000 Срба (Новак, 1986, стр. 600-804). Имајући у виду претходне показатеље и остале посљедице стратега хрватске геополитике у последњих сто година, посебно политике геноцида над Србима, Јеврејима, Ромима, хрватским комунистима и осатлим етничким заједницама које су се бориле против НДХ (око 700 000 свирепо убијених у злогласним усташким концентрационим логорима), укључујући и посљедице хрватске независности и ратних дешавања 1991-1995. године (више од 200000 протјераних Срба), те имајући у виду историјске аспирације у односу на БиХ и остале „хрватске повијесне територије“, сасвим је извјесно да је данашња Хрватска интегралан дио западнобалканског простора, у којем има битан али и промјењив геополитички утицај, зависан од њених традиционалних ментора.

Босна и Херцеговина, Црна Гора, Македонија, укључујући и Албанију, по низу елемената геопросторне детерминације припадају Западном Балкану - релативно диференцираном историјско-географском и савременом геополитичком простору са обиљежјима међусобне повезаности и

међузависности те заједничких и супротстављених интереса. У исто вријеме, Западни Балкан је простор наглашених културолошких и етнокултуролошких различитости те супротстављених националних интереса и стремљења, што га, у савременим геополитичким (не) приликама додатно чини осјетљивим.

Језгро Западног Балкана, по низу историјско-географских, културолошких и геополитичких обиљежја, чини Република Србија. Њен сјеверни дио - АП Војводина, с обзиром на претходно наведена обиљежја, укључујући и елементе културног пејсажа (урбане, руралне, аграрне) припада средњеевропском културном кругу. Међутим, та припадност ни на који начин не доводи у питање њену формалну и суштинску припадност Републици Србији и западнобалканском геополитичком простору. Напротив, културолошке и функционалне посебности те низ компаративних предности у односу на остали дио државног територија Србије овој административно-територијалној и наглашено диференцираној функционалној цјелини, у ово вријеме, обезбеђује улогу катализатора, која се у одређеној геополитичкој констелацији веома лако може трансформисати у улогу генератора геополитичког хаоса, како у Србији тако и у ширем регионалном окружењу.

За разлику од АП Војводина и њене, у ово вријеме, стабилизирајуће геополитичке улоге, јужна српска покрајина Косово и Метохија, и статус којег има у формалном и суштинском погледу, данас представља горући геополитички проблем Србије и укупног Западног Балкана, за који не постоји ни приближно опште прихватљиво рјешење. Овај проблем додатно усложњава једнострано признање косовске независности од стране водећих земаља ЕУ и чланица НАТО, те свих држава насталих у процесу распада бивше СФР Југославије изузев Босне и Херцеговине, захваљујући ставу Републике Српске.

У простору Западног Балкана након распада СФР Југославије формиране су нове државе различитих модела просторне, функционалне и политичке организације. То *a priori* чини формални оквир њиховог унутрашњег развоја и претпоставку „одговарајућих“ облика међудржавне сарадње. С друге старне, укљученост појединих западнобалканских државних субјективитета у одговарајуће европске и евроатлантске савезе обезбеђује одговарајућу позиционираност, привилегије али и бројне обавезе које проистичу из чланства.

Спољни (геополитички) утицаји

Савремени геополитички процеси у простору Западног Балкана у највећој мјери одређени су интересима глобализма и европских регионализама, те све више утицајем Русије и Турске, укључујући и Кину, сагласно њеним геоекономским интересима.

У овом простору, који чини геополитичко чвориште и геополитички крст (Илић, 1994), кључни утицај на геополитичке процесе, након деведесетих

година прошлог вијека, имале су САД и водеће земље ЕУ, укључујући и Ватикан. Р. Гњато (2011) анализира узроке и посљедице процеса глобализма, суштину и смисао новог свјетског поретка, те утицај поменутог процеса на геополитичке процесе у простору бивше СФР Југославије, и при том наглашава да глобализам има историјски континуитет и да се огледа у настојању великих европских сила и САД да створе свијет заснован на својим моралним, културолошким и цивилизацијским вриједностима. Данас САД своју улогу предводника процеса глобализације виде као „природни закон, по коме се спонтано јавља земља која има моћ, жељу и интелектуалну и моралну тежњу да обликује свет према својим вредностима“ (Марковић, 1997, стр. 52). Поред наведеног, модел новог свјетског поретка и подразумијевана контрола над простором Западног Балкана може се посматрати у контексту геополитичке доктрине Хартленд–Римланд, у циљу пуне контроле простора око Русије, како би се елиминисали њени стратешки интереси. Уствари, дезинтеграциони процеси у европском простору отпочети крајем XX вијека, који ни до данас нису завршени на Западном Балкану, у функцији су реализације поменуте доктрине, а у сврси успостављања новог свјетског поретка (Avramov, 1997, стр. 82–83).

Студиозну анализу утицаја глобализације на простор Балкана уопште, даје Љ. Митровић (2007), и наводи да „у контексту савремених друштвених промена и Балкан се, падом Берлинског зида и имплозијом социјализма (1989), нашао у процесу геополитичке транзиције. Наиме, померањем политичке границе дубоко на Исток, избила је у први план културолошка подела на западно хришћанство, с једне, и источно хришћанство и ислам с друге стране. Уместо једног берлинског зида, ничу нови покретни и свуда су сукоби у свету... настала су нова политички турсна подручја“ (Mitrović, 2007, стр. 37). Исти аутор анализира стварне разлоге и генераторе дезинтеграционих процеса у простору Западног Балкана а у контексту глобализма и тежњи ка новом свјетском поретку и закључује да би било површно посматрати распад бивше Југославије кроз њену етничку хетерогеност као главни узрок сукоба, с чим се у потпуности слаже аутор овог рада.

Из културолошких, цивилизацијских и геополитичких разлога, као што је то чинио кроз историју дугу скоро хиљаду година, у пуном капацитету, дезинтеграцију простора бивше СФР Југославије подржао је Ватикан, а из истих разлога, али супротстављених интереса, у тај процес укључила се и Турска и низ екстремних исламистичких земаља.

Геополитичка пракаса савременог свијета, на низу примјера, јасно показује тежњу САД за успоставом новог свјетског поретка, тј. униполарног свијета. У том настојању, у процесу глобализације, своје мјесто нашле су водеће земље Запада и Јапан, дјелимично и Турска. Све оне, директно или индиректно, подржале су дезинтеграцију бивше СФР Југославије и стварање низа мањих држава. Такође, све оне у простору Западног Балкана имају заједничке али и посебне интересе. Но, основни циљ глобализма, прецизније

речено САД, укључујући и неколико најразвијенијих земаља Запада, подразумева пуну контролу Западног Балкана и његово активно укључење у интересе глобализма. У исто вријеме то подразумева елиминацију сваког утицаја Русије на овом простору, што ће се најбоље остварити, и што је већ остварено, сатанизацијом српских националних интереса у свим државама насталим на простору бивше СФР Југославије. Да би се тај циљ постигао Запад је већ обезбиједио да Хрватска и Албанија уђу у НАТО, чини напоре да у тај савез уђу Црна Гора, Македонија, по могућности и БиХ, а „благонаклоно“ гледа на исказану неутралност Србије и при том (п)одржава сецесију Косова и Метохије. Међутим, како кроз историју тако и данас, Западни Балкан никад није био изван утицаја Русије на кључна геополитичка збивања. Данас обновљена и моћна Русија и њени геополитички и геоекономски савези чине незаобилазан фактор свјетске геополитичке сцене, па се ни једно горуће геополитичко питање у свијету, укључујући и Западни Балкан, не може ријешити без њеног учешћа. Ослонац на културолошку блискост и природну упућеност Срба на Русе и обрнуто, што подразумева обостране али и шире интересе, олакшава Русији „повратак“ на Западни Балкан. Но, евентуално чланство Црне Горе и БиХ у НАТО суштински би измијенило геополитички контекст Западног Балкана, са реперкусијама на улогу и утицај кључних геополитичких фактора на низ развојних процеса у свим западнобалканским државама.

У контексту савременог геополитичког и геостратејског положаја, БЈР Македонију прате различити проблеми и отворена питања. Њено одређивање према Истоци или Западу могло би имати тешке последице по питању геополитичке стабилности и територијалног интегритета. Слична констатација могла би се изрећи за Србију и Црну Гору, укључивши и БиХ. Зато, у постојећој констелацији спољних геополитичких утицаја и унутрашњих интереса чини се прихватљивим модел у оквиру којег би Србија, Црна Гора, БиХ и БЈР Македонија, у формалном смислу, задржале неутралан статус у односу на Исток и Запад. На тај начин оне би сачувале макар прихватљив ниво унутрашње стабилности у којем би реални економски, социјални и слични проблеми имали приоритет у односу на „осјетљива“ питања.

Вишевјековна присутност Турске, њена економска и војна моћ те геополитички, геостратејски па и геоекономски интерси и сл. чине је битним фактором савремене геополитичке сцене Западног Балкана. Њен реалан утицај у свим западнобалканским државама, нарочито у БиХ и Албанији, је изузетан и вишеструк. С друге стране, културолошка блискост и упућеност појединих западнобалканских етноса, искључиво припадника ислама, олакшава присутност и снажан утицај Турске у свим западнобалканским земљама. Зато, у времену које предстоји, а имајући у виду унутрашњу геополитичку реалност и објективно постојеће регионалне интересе и утицаје, у узаврелом геополитичком простору Западног Балкана треба очекивати усаглашено дјеловање Русије и Турске, укључујући и Кину, како

би се остварила протутежа америчком глобализму укључујући и интересе водећих европских регионалиста, прије свега земаља чланица ЕУ. С друге старне, усаглашено дјеловање кључних геополитичких фактора Истока у простору Западног Балкана, утемељено на реалним историјским, културолошким и савременим геополитичким, геоекономским и геостратешким претпоставкама и интересима, бар донекле би допринијело нормализацији односа између појединих западнобалканских геополитичких субјективитета (држава), чије се дјеловање у савременим геополитичким условима фундира на етнокултуролошким, етнонационалним и вјерским посебностима и искључивостима. У исто вријеме, то би смањило оштрицу реалног утицаја политике глобализма у корист деглобализације и тежи ка мултиполарном свијету и регионалним формама геопросторне организације, те афирмацији државних субјективита.

Претходне анализе, иако веома скромне, упућују на недвосмислен закључак да ће Западни Балкан и даље остати у сфери утицаја Истока и Запада, те да ће се тај утицај и даље остваривати на „природном“ савезништву и међусобној упућености.

Геополитички проблеми и изазови земаља западног Балкана у савременим геополитичким околностима

Земље Западног Балкана након релативне геополитичке стабилности поново улазе у фазу геополитичких процеса са неизвјесним исходом. Разлози су унутрашње а још више спољашње природе. Након распада бивше СФР Југославије све државе на том простору, укључујући Албанију а изузимајући Словенију, мада не по свим акутним геополитичким питањима, оптерећене су различитим националним, етничким, граничним, територијалним, имовинским, статусним, језичким, вјерским и сл. проблемима. Она су кључни фактор геополитичке дестабилизације свих држава Западног Балкана а у исто вријеме фактор дестабилизације међудржавних односа. У исто вријеме, нестабилан Балкан и Балкан изван контроле Запада обесмишљава давно постављене и обновљене геополитичке доктрине које заговарају пуну контролу Хартленда, дакле Русије (Будимир, 2013, стр 89-1022). Да би се овладало Хартлендом неопходно је претходно успоставити пуну контролу над његовим рубним појасом, што без сумње укључује и Балкан у цјелини. Ову теорију прије више од једног вијека поставио је британски географ Х. Макиндер. Њен смисао има историјски континуитет, а данас се огледа у глобализму, процесу који је застао у различитим дијеловима свијта укључујући и Западни Балкан. Зато, САД и водеће земље Запада, експоненти геополитике глобализма, настоје довршити заопчете процесе с почетка деведесетих година двадесетог вијека како би се овај простор ставио под пуну контролу и у функцију глобализма. У том смислу, унутрашњи геополитички проблеми појединих западнобалканских

земаља, који се по потреби генеришу, нису ништа друго већ повод интервенистичком дјеловању Запада, у циљу пуне контроле свих западнобалканских држава, што подразумева њихову укљученост у интересе глобализма.

Политика глобализма, утемељена на Хартленд теорији, супротна је виталним интересима појединих народа и земаља Западног Балкана, укључујући и неке водеће актере на глобалној геополитичкој сцени, прје свега Русију али и Кину посматрано из угла њених геоекономских интереса.

Сагласно геополитичкој логици и геостратегијској позицији у односу на интересе глобализма, „интегрисање простора Хартленда је геостратегијска нужност за Руску Федерацију ако жели да буде велика сила и глобални актер. Она дели простор Хартленда на југу са девет централноазијских земаља насталих на развалинама совјетске империје, а на западу са Украјином и Белорусијом, без којих не може да има статус европске силе. Интеграција мора да почне са окупљањем бивших совјетских република у неку одрживу заједницу. Ово је геополитичка логика Хартленд – теорије, која јасно каже да без контроле над целокупним простором Hartlenda нема доминације у Евроазији... Зато је од животне важности за руску државу да прво чврсто интегрише простор Хартленда, а тек онда да иде у шире интеграције“ (Ibidem, стр. 101). Међутим, да би сачувала улогу глобалног геополитичког фактора, обезбиједила и учврстила стратешку позицију и парирала интересима глобализма, „Нова Русија“, у исто вријеме, мора се пдједнако посветити интеграцији и Хартленда и његовог рубног појаса, што укључује и Западни Балкан.

Суштински супротстављени интереси глобализма, с једне, и интереси обновљене и моћне Русије (Нове Русије) с друге стране, данас се подједнако преламају и сучељавају у различитим дијеловима свијета укључујући и Западни Балкан. На овом простору и једни и други интереси, у исто вријеме, имају ослонац и отпор у појединим етничким, националним и државним субјективитетима, што додатно усложњава геополитичко стање у том пртостору али и ефикасност спољних утицаја. Зато, само компромис интереса главних геополитичких актера на глобалној геополитичкој сцени, уокико до њега дође, може стабилизovati Западни Балкан. У супротном, већ препуно балканско „буре барута“ пријети новом експлозијом.

Додатни проблем стабилизације Западног Балкана, и ако се о њему гласно не говори али се и те како осјећа, тиче се међусобно супротстављених интереса главних актера процеса глобализације. У питању су супротстављени интереси САД, с једне, и ЕУ, с друге стране. Ради се, прије свега, о супротстављеним геоекономским али и неким геополитичким, укључујући и специфичне геостратегијске интересе. У том смислу, и једна и друга „страна“ у простору Западног Балкана имају своје „играче“, који по природи ствари настоје искористити улогу „докера“. Генерално, стабилан Западни Балкан под пуном контролом ЕУ, и подршком по могућности свих западнобалканских држава, није у интересу САД. С друге стране, Западни

Балкан под пуном контролом САД, није у интересу ЕУ. Сем ових, у смислу геополитичке и осталих облика присутности и утицаја, Западни Балкан је подједнако интересантан за Русију укључујући и Турску, а све више и Кину, прије свега њене геоекономске интересе.

У констелацији моћи и утицаја кључних спољних геополитичких фактора, с ослонцем на домаће „природне“ савезнике, у простору Западног Балкана поново се интензивирају различити геополитички процеси са неизвјесним исходом. За разлику од неизвјесног исхода, извјесно је да су спољни утицаји производ међусобно супротстављених геополитика по питању уређења глобалног географског простора укључујући и Западни Балкан. У смислу претходне констатације, с једне стране су интереси политике глобализма, прецизније речено САД и водећих земаља ЕУ, укључујући и Јапан, а с друге интереси процеса деглобализације и заговорника јачања улоге државе у глобалном геополитичком простору, што се односи на Русију, Кину, Индију и низ утицајних земаља свијета, те на највећи број средње развијених и неразвијених земаља свијета.

О позицији држава Западног Балкана у савременим геополитичким процесима глобалног и регионалног карактера те о њиховим унутрашњим и међусобним геополитичким проблемима нешто више у наредним разматрањима.

***

На глобалном плану, геополитички дискурс и социоекономске развојне процесе **Република Хрватска** је дефинисала интеграцијом у европске и евроатлантске савезе, ЕУ и НАТО. Подрешка коју је Запад пружио хрватској независности у процесу растурања бивше СФР Југославије подразумијевала је брзу интеграцију Хрватске у поменуте савезе, у циљу претходно дефинисаних интереса глобализма. Подршку свих кључних фактора Запада (САД, ЕУ, Ватикана) Хрватска је настојала искористити како би „једном за увијек“ „ријешила“ питање Срба у њеним данашњим границама, одређеним први пут у њеној историји по завршетку Другог свјетског рата. Такву подршку Хрватска је настојала искористила не само да би стекла независност и „ријешила“ српско питање у овире њених граница већ како би, у изузетно повољним геополитичким околностима, остварила програме радикалних хрватских геополитичара из прве половине двадесетог вијека, укључујући и њихове сљедбенике. Као што је познато, у питању су геополитичке конструкције о „повијесним“ правима Хрвата не у Босни и Херцеговини већ **на** Босну и Херцеговину, што се односи на дијелове Србије у простору Војводине па чак и у простору Косова и Метохије, те „повијесно“ право на дијелове Црне Горе (Боко-которски залив). Ипак, из прагматичних разлога Запад није подржао Хрватску у њеним геоманијским аспирацијама и сну о „Хрватској у повијесним границама“, што ни на који начин не значи да се хрватска геополитика одрекла радикалних програма. Напротив, у новим околностима хрватски геополитички интереси у БиХ, Србији и Црној Гори

остварују се на посредан начин, подршком и афирмацијом прва прије свега хрватског етноса, али и осталих мањинских етноса припадника католичанства и ислама, укључујући подршку новим облицима територијалне организације простора. На тај начин Хрватска остварује два суштинска предуслова ефикасности политике глобализма у простору Западног Балкана: слаби државни субјективитет и геополитичко јединство претходно споменутих држава, с једне, а са друге стране, ствара реалне претпоставке да те државе, у новим облицима територијалне и политичке организације лакше постану плијен глобализма, укључујући и интересе водећих земаља ЕУ.

На унутрашњем плану геополитички процеси у Републици Хрватској, са рефлексом на међудржавне односе у региону Западног Балкана, тијесно су везани за: проблематичан статус националних мањина у тој држави, нарочито српске, став о карактеру Другог свјетског рата и још проблематичнији у односу на геноцид у тзв. Независној држави Хрватској, карактер рата у бившој СФР Југославије, права протјераног и повратничког српског становништва и сл. Такође, реални геополитички проблеми, који не оптерећују само Републику Хрватску већ и њене сусједице (Републику Словенију, Републику Србију, Босну и Херцеговину и Црну Гору) тичу се неријешених граничних и пограничних (територијалних и акваторијалних) спорова.

Претходно споменута геополитичка питања у форми објективно постојећих проблема, као продукт радикалне хрватске геополитике а још више спољних интереса и утицаја, у мањој и већој мјери, имају улогу генератора савремених геополитичких процеса у свим западнобалканским државама.

Босна и Херцеговина, у констелацији унутрашњих и спољних геополитичких утицаја, оптерећена је низом геополитичких, економских, социјалних, демографских и укупних развојних проблема. Међусобно супротстављени геополитички и културолошки интереси њених конститутивних народа, укључујући и сложену политичку и територијалну организацију државе (два ентитета, десет кантона, један дистрикт, већи број јединица локалне управе) стао су извор латентних и отворених сукоба на различитим нивоима власти и просторне организације.

У геополитичком смислу, витални интерес српског народа у цјелини, што пофразумијева интерес српског народа у Републици Српској, тиче се очувања Републике Српске и њених надлежности дефинисаних Споразумом о миру у Босни и Херцеговини 1995. године (Дејтонски мировни споразум). Интерес Хрвата у БиХ и иначе, у овом моменту, тиче се успоставе кантоналног модела организације државе, на етничком принципу, или „трећег ентитета“ са хрватском већином.

Супротно претходним, интереси Бошњака и свих етничких заједница исламске конфесије, пракса је показала, усмјерени су ка формалном укидању ентитета и формирању унитарне државе.

Сагласно Дејтонском мировном споразуму, Дистрикт Брчко, издвојен је као посебна административно-територијална цјелина у оквиру БиХ. У правном и функционалном смислу Дистрикт нарушава територијални интегритет Републике Српске, а у одређеним геополитичким околностима, никако „случајним“, овај геопросторни и геополитички (под) систем може бити узрок дестабилизирајућим процесима у БиХ и ширем регионалном окружењу.

Различити и непомирљиви геополитички интереси конститутивних народа у БиХ ову сложену државну заједницу чине још сложенијом и проблематичнијом. Ти интереси различито позиционирају државу у односу на утицајне геополитичке факторе, што додатно усложњава њену геополитичку стабилност и предвидивост. Зато, само усаглашен приступ утицајних спољних геополитичких фактора ову сложену државу може учинити одрживом. У противном, она је осуђена на пропаст а њени народи на међусобне сукобе, патњу и неизвјесност.

Република Србија, на унутрашњем и спољном геополитичком плану, оптерећена је бројним проблемима, неупредиво тежим у односу на остале државе настале на развалинама бивше СФР Југославије. Ипак, кључни проблем Србије тиче се *de facto* губитка суверенитета над дијелом националног простора, узрокованим једностраним проглашењем независности АП Косово и Метохија и признањем самопроглашене независности од великог броја држава свијета.

Геополитичку стабилност Србије потерса различито виђење њених геополитичких субјективитета по питању интегрисаности у европске и евроатлантске савезе односно природне упућености ка Русији и евроазијским интеграцијама. У смислу претходних дилема, постоји привидан консензус о предностима уласка Србије у ЕУ, док тај консензус по питању уласка у НАТО апсолутно не постоји. Напротив, кључни геополитички чиниоци Србије претендују на неутралност у односу на НАТО. Међутим, због специфичног географског и геостратешког положаја те реалне позиционисаности у односу на Исток, Србија је изложена различитим притисцима и уцјенама Запада, нарочито САД, како би се ставила у функцију интереса глобализма. Сем *de facto* признања пуне независности Косова и Метохије, притисци и уцјене подразумевају „удаљавање“ Србије од Русије и отворено супротстављање њеним интересима било гдје у свијету па и на Западном Балкану, што је за српски народ у цјелини неприхватљиво. Из тих разлога реално је очекивати додатне притиске и уцјене, овај пут углавном од стране САД, како би се Србија натјерала на послушност. У противном слиједи америчка подршка албанским политичким програмима везаним за југ Србије, а по потреби и осталим мањинским етносима у циљу јачања сепаратизма и дезинтеграције државног територија. Ипак, геополитичка реалност у простору Србије и укупног Западном Балкана је нешто другачија и сасвим јасно показује незаустављив повратак Русије, те застој глобализма и успоставу нових односа у том простору. Захваљујући тој чињеници а још реалном утицају Русије и

њених савезника на глобалној геополитичкој сцени, бар на неко одређено вријеме, чини се реалним очекивати нешто умјеренији и одговорнији однос Запада у односу на Србију и укупан Западни Балкан.

Геополитичка стабилност **Бивше СР Македоније** у највећој мјери тиче се агресивне политике и сепаратистичких тежњи албанске заједнице, која захваљујући високом природном прираштају данас чини око 30% укупне популације државе, односно 90 % укупног становништва њеног западног дијела (ibidem, стр. 25). Поменуте тежње дио су политичког пројекта на стварању тзв. Велике Албаније, озваниченог 1878. године. Сталан извор нестабилности ове бивше југословенске републике тиче се назива државе, неприхватљивог за Грчку. Због тога, држава још увијек носи званичан назив „Бивша југословенска Република Македонија“. Такође, извор геополитичке дестабилизације на унутрашњем и међудржавном плану, праћен промјењивим међудржавним односима, тиче се македонског језика, којег оспорава сусједна Бугарска, те самопроглашене аутокефалности „Македонске цркве“ што оспорава Српска православна црква. Ипак, суштински утицај на геополитичку стабилност државе и њену судбину има позиционираност у односу на политичке и економске интересе глобализма, прије свега америчке. Сметња и супротстављање америчким интересима имали би катастрофалне посљедице за ову геополитички веома рањиву државу. Из тих разлога Македонија је уцијењена држава, веома подложна бурним процесима, што на недвосмислен начин покзују геополитички проблеми током 2017. године, а у вези с албанским захтјевима за измјеном Устава у смислу изједначавања статуса са Македонцима. Окренутост ка европским и евроатлантским савезима и пуна подршка америчким интересима у ово врфијеме могу бар донекле сачувати јединство државе и њену стабилност. У противном слиједи подршка албанском сепаратизму и цијепање државе, а могуће и њен нестанак.

Геополитички и укупни развојни процеси у **Црној Гори**, нарочито након њеног изласка из државне заједнице са Србијом (2006) „дефинисани су њеним евроатлантским путем, с једне, и унутрашњим факторима, с друге стране. Пут ка међународном признању Црне Горе захтијевао је испуњење бројних захтјева тзв. међународне заједнице оличене у ЕУ, НАТО, а цијена независности, међународне подршке и могућег приступа евроатлантским интеграцијама плаћена је разбијањем државне заједнице са Србијом, 'удаљавањем' од Србије, признањем самопроглашене независности КиМ...“ (ibidem, стр. 25–26). Додатно, геополитичку стабилност Црне Горе потреса концепт грађанске државе која само привидно све њене етносе ставља у исти положај, а суштински протежира интересе етногене црногорске нације (Гњато и Станојевић, 2012, стр. 15–19). Имајући у виду чињеницу да званична Црна Гора безрезервно, и на сваки могући начин, подржава политику америчког глобализма, поготово у односу на Србију и Русију, треба очекивати пуну подршку Запада започетим геополитичким процесима у

овој држави, како на унутрашњем тако и на спољњем плану. То, између осталог, подразумејева, пуну подршку Црној Гори на њеном путу у НАТО.

Република Албанија од оснивања до данас имала је промјењив геополитички положај и утицај у региону Западног Балкана. Практично, још од 1912. године, кад су је основале водеће силе Запада, била је у функцији различитих геополитичких интереса и сфера утицаја. У периоду након деведесетих година двадесетог вијека Албанија је под пуном контролом Запада односно САД што потврђује и њено чланство у НАТО.

Тежње за проширењем државног територија на сусједне државе, допринијеле су али ипак нису пресудно утицале на сецесију и самопроглашену независности Косова и Метохије. Оне су искључиво производ геостратешких интереса Запада, па у том смислу треба сагледавати мјесто и улогу Албаније у геополитичким процесима који слиједе у западно-балканском простору.

Кад је ријеч о Албанији и њеној геополитичкој улози у простору Западног Балкана не треба губити из вида снажан утицај Турске, која се из историјских, културолошких али све више савремених геостратешких и економских разлога, настоји вратити на Западни Балкан (Танасковић, 2011). У том смислу треба тумачити утицај Турске на Албанију и снажну подршку албанским империјалистичким тежњама све до најновијег периода. Међутим, у промијењеним геополитичким околностима на глобалном нивоу и све затегнутијим геополитичким односима на релацији Турска – остале чланице НАТО и Турска – ЕУ, те све чвршћим везама са Русијом, реално је очекивати избалансирану подршку Турске како Албанији тако и осталим западнобалканским државама.

Conclusion

With its around 275 000 km² territory, the population of over 22 million people and six internationally recognized states, Western Balkans are again, within the recent geopolitical circumstances and with inherited problems rooting back from different historic periods, a sphere of interest strongly affected by key geopolitical factors such as USA, EU, Russia, Turkey, and China and their geoeconomics interests.

Within the constellation of factors comprising Western Balkans geopolitical scene, some Western Balkans states, i.e. some Western Balkans nations, have faced major challenges regarding diverse affiliations to different geopolitical and geoeconomics alliances. With all the mounting “internal” problems resulting from the violent SFRY break-up, the aforementioned challenges share a historic dimension and are affected by foreign impacts of globalization articulated via US interests which only further imperil and threaten the stability of Western Balkans. On the other hand, attempts of distinguished factors of deglobalization, Russia above all, to improve their presence in Western Balkans area, which is supported by “natural”

allies, are in opposition with interests of US and most EU member states. The only “logical” conclusion which arises is that the opposed interests of the leading countries of both globalization and deglobalization processes necessarily lead towards the destabilization of “the region” which may have vast consequences. Therefore, it is only the harmonized interests of influential geopolitical factors and the **neutral** geopolitical position of Western Balkans countries (B&H, Serbia, Montenegro, and Macedonia) that might make this region relatively stable.

Литература/references:

1. **Avramov, S.** (1997). *Postherojski rat zapada protiv Jugoslavije*. Veternik: LDI, стр. 1–450.
2. **Bžezinski, Z.** (1999). *Velika šahovska tabla*. Podgorica: CID, стр. 7–200.
3. **Будимир М. Желько** (2013): Макиндеров геополитички поредак и евроазијска интеграција. Србија и евразијски геополитички простор., Едиција расправе. Књига 4. Иститут за политичке студије Београд.
4. **Гњато, Р.** (2011): Геополитички процеси и отворена питања новонасталих држава на географском простору бивше Југославије. *Зборник радова: Трећи конгрес српских географа*. Бања Лука: ГДРС, СГД, ПМФ Бања Лука, ГФ Београд, стр. 17–29.
5. **Гњато, Р., Станојевић, М.** (2012): Геополитичке последице вјештачких етногенеза на простору бивше СФР Југославије. *Гласник, бр. 16*. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, стр. 1–24.
6. **Гњато, С., Станоевич, М., Гњато, Р.** (2014): Геополитические проблемы государств, созданных на просторах бывшей СФР Югославии. *Вестник Ассоциации российских географов обществоведов, vol. 3*. Ростов-на-Дону: Ассоциация Российских географов обществоведов (АРГО), стр. 73–79.
7. **Гњато, Р., Станоевич, М., Гњато, С.** (2015): Современные геополитические процессы на пространстве западных Балкан в контексте переопределения классической теории «центр–периферия». *Вестник Ассоциации российских географов обществоведов, vol. 4*. Ростов-на-Дону: Ассоциация Российских географов обществоведов (АРГО), стр. 137–149.
8. **Гњато, Р., Гајић, М.,** и остали (2015): Геополитичка ртеалност у простору Западног Балкана. *Гласник, 19*. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске
9. **Грчић, М.** (2007): Геополитички смисао и бесмисао балканизације. *Зборник радова: Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима*. Београд–Бања Лука: ГФ Београд, ПМФ Бања Лука, стр. 29–36.

10. **Грчић, М.** (2013): Проблеми културног идентитета Балкана. *Гласник*, бр. 17. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, стр. 39–67.
11. **Илић, Ј.** (1994): Геополитичке особености Балканског полуострва и српско питање – историјско-географски преглед. *Зборник радова Војно-географског института*. Београд: ВГИ, стр. 65–68.
12. **Марковић, М.** (1997). Нови светски поредак. *Геополитичка стварност Срба*. Београд: Институт за геополитичке студије, стр. 52.
13. **Митровић, ЈБ.** (2007): Положај и улога Србије и Републике Српске у кључу гекултуре и геополитике глобализације Балкана. *Зборник радова: Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима*. ГФ Београд, ПМФ Бања Лука, стр. 37–42.
14. **Novak, V.** (1948/1986). *Magnum Crimen – pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj*. Zagreb, Beograd: Nova knjiga
15. **Радовановић, М.** (2007): Западни Балкан као геополитички појам – етнонационални, демополитички и геодемографски концепт. *Зборник радова: Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима*. Београд–Бања Лука: ГФ Београд, ПМФ Бања Лука, стр. 13–16.
16. **Костић, Ј.** (1990). Спорне територије Срба и Хрвата. Београд: АИЗ Досије
17. **Танасковић, Д.** (2011): Неоосманизам – повратак Турске на Балкан. Београд: Службени гласник, стр. 1–164.
18. **Хантингтон, С.** (2000): *Сукоб цивилизација и преобликовање светског поретка*. Подгорица: ЦИД, стр. 13–358.

**ЕВРОАЗИЈСКЕ ОСОБИНЕ БАЛКАНСКОГ ПОЛУОСТРВА
КАО ДЕТЕРМИНАНТЕ ГЕОПОЛИТИЧКИХ ПРОЦЕСА¹**

М. Grcic

**EURASIAN CHARACTERISTICS OF BALKAN PENINSULA
AS A DETERMINANTS OF GEOPOLITICAL PROCESSES**

Апстракт: Амбивалентан, прелазни евроазијски положај Балканског Полуострва, латентно делује на историјске ритмове грађења и разграђивања геополитичких структура. Овај рад има за циљ, да укаже на географску димензију евроазијских особина Балкана, која га доводи у близину проблемског средишта савремених геополитичких расправа. При томе, не треба мешати географске евроазијске особине Балкана, о којима је говорио класик српске географије Јован Цвијић, са потоњим идејама руског евроазијског покрета.

Кључне речи: Балкан, балканизам, балканизација, евроазијске особине, Југоисточна Европа, географија, геополитика.

Abstract: Ambiguous, transient Eurasian position of the Balkan Peninsula, the latent works on historical rhythms of construction and destruction of geopolitical structures. This paper aims to point out the geographic dimension of the Eurasian Balkans properties, which places it near the center of the problem of contemporary geopolitical debates. At the same time, should not be confused geographical characteristics of the Eurasian Balkans, what was talking about a classic Serbian geographer Jovan Cvijić, with subsequent ideas of Russian Eurasian movement.

Keywords: Balkan, balkanism, balkanization, Eurasian features, South East Europe, geography, geopolitics.

Увод

Геополитички процес, као процес формирања, функционисања и трансформисања геополитичких система од локалног до глобалног нивоа, представља један од најсложенијих процеса и феномена у људској историји. Стога су се географи и универзални мислиоци од античких времена бавили покретачким снагама тог процеса. Када је у питању Балканско полуострво, суштину и законитости геополитичког процеса најцеловитије је разјаснио

---

¹ **Захвалност:** Рад је део пројекта 176017, који финансира Министарство за Просвету, науку и технолошки развој Републике Србије.

класик српске антропогеографске школе Јован Цвијић. Наиме, Цвијић је у својим радовима развио концепцију прелазних *евроазијских особина* Балканског полуострва, које су у вези са географским положајем и кретањем. Цвијићеви ставови имају концептуалних сличности са потоњим ставовима једног од оснивача руског *евразијског покрета*, економског географа П. Н. Савицког (Савицки П. Н. 1997).

Цвијић је покушао да осмисли евроазијске антропогеографске детерминанте Балканског полуострва, и да решавање националног питања у време националног препорода балканских народа стави у контекст решавања европског "Источног питања". Придајући Моравско-вардарској удолини централишућу, повезујућу, транзитну и прелазну улогу на комуникационој директриси између Европе и Мале Азије, Цвијић изводи из тога закључак да Србија по свом географском положају као "моравска земља" има све предиспозиције да integriше "центрипеталне силе" и преузме улогу "Пијемонта" српских и јужнословенских земаља, што је донекле било и реализовано стварањем Краљевине СХС односно Југославије 1918. године.

Руски евроазијци између два светска рата, а пре свега П. Н. Савицки, покушали су да одговоре на централно питање руске социјалне мисли 19. века - питање односа Русије и Европе. По њиховом схватању "*Евразија*" није ни Европа ни Азија, него посебан трећи простор, који је "место развоја" оригиналне руске културе и цивилизације. Савицки користи евроазијско полазиште као основу за извођење далекосежнијих закључака о изукрштаним многоструким утицајима византијске, татарске и европске културе на руску културу, која је различита од свог окружења.

У овом раду покушаћемо, колико је то могуће у једном кратком експозеу, да рекапитулирамо Цвијићеве географске опсервације о "евроазијском склопу" Балкана, и да им дамо неко ново светло, које им одузима "антикварско значење" и чини их подстицајним за данашње расправе о геополитичким процесима и пројектима будућности Балкана.

1. Балкан као геопростор

Као што се полуострво Анадолија назива Мала Азија, тако се Балканско полуострво може назвати Мала Европа. Ова два потконтинента приближно подједнаке површине, међусобно се приближавају на Босфору толико да су повезани мостом. Управо захваљујући свом мостовском географском положају, Константинопол, односно Цариград је могао да игра улогу метрополе Византије као евроазијске империје. Византијска синтеза (римске политичке мисли с православном хришћанском црквом и грчком културом) утицала је на културни развој земаља и народа Балкана. *Византија* је симболизовала евроазијско јединство (*Catena Mundi*) више од једанаест векова, тачније 1123 године - од свечане инаугурације Константинопоља 330 године до пада Цариграда под налетима Османлија 1453. године

(Острогорски Г., 1959). Продор Османлија је дугорочно затворио балкански дух раскршћа, тако да су балкански народи били ускраћени за она два појма која су карактеристична за европску ренесансу – “индивидуализам” и “модерност” (Буркхарт Ј., 1996). Турски продор је за више векова овом подручју дао ново име Румелија, као што је и Мала Азија добила нови назив Анадолија. У време кад је Први српски устанак (1804 г.) наговестио отварање тзв. "Источног питања" односно питање наследства "*Европске Турске*", немачки географ Аугуст Цојне (Zeune) предложио је (1808) назив Балканско полуострво (Balkanhalbinsel) на основу турског назива "Балкан" за Стару планину. Европљани су прихватили овај назив за све европске поседе Отоманске империје, разликујући их од остатка Европе. Тако се укоренило мишљење да земље Балкана тобож не припадају европској цивилизацији већ византијском и оријенталном свету. Парадоксално је да Западни Балкан, који има античко грчко, римско и византијско наслеђе, сада треба да доказује своју припадност европској цивилизацији. “Као да Европа није јединствен спој грчко-римско-хришћанске традиције коју је управо Византија очувала у средњем веку, док је Западно римско царство пропало под најездом варвара” (Ђурић М., 1994).

Балканско полуострво заузима 1/20 део или 5% површине и око 1/15 део становништва Европе. **Појам Балкана** као економског простора је шири, обухвата територије 11 држава и три ентитета, које партиципирају на Балканском полуострву, плус Кипар и Молдавија које му гравитирају. Балкански економски простор, укључујући и Турску, има површину близу 1.550.000 km² и 133 мил. становника. Ако се узме само европски део Турске а искључи њен малоазијски део, онда је Балкан упола мањи и има 789 816 km² и 68,6 мил. становника, али још увек значајан по свом економском и тржишном потенцијалу.

Чудно је да Балкан још увек није нашао модел заједништва. Упоредо са уједињавањем ЕУ одвијају се дезинтеграциони процеси на Балкану, познати под називом "*балканизација*". Због тога Балкан данас има уситњено и нестабилно тржиште и увелико застарелу инфраструктуру. Уз ефикасну консолидацију тржишта, информационог простора и пословне климе за стране инвестиције, Балкан као регион има потенцијал да учини економско чудо. Европеизација или балканизација – то није само геополитички, већ цивилизацијски избор, пред који су стављени сви балкански народи (Грчић М., Раткај И., 2004).

Ширење Европске уније према југоистоку све више даје основа покушајима да се термин *Балкан* замени термином *Југоисточна Европа* (Foucher M., 1994). Појам Балкана има више културолошко значење, у смислу византијског и османлијског наслеђа, док Југоисточна Европа има геополитичко значење, као маркирани део Европске уније. У оптицају је и назив *Западни Балкан* за земље које још нису чланице ЕУ.

2. Балкан као цивилизацијски лимитроф

Географска средина Балкана има неколико специфичних особина које проистичу из рељефа и позитивно или негативно утичу на кретање и комуникације између западноевропског, источноевропског и азијског културног круга. Цвијић је издвојио следеће особине које утичу на правце и интензитет кретања: 1. *Особине изоловања и одвајања* и 2. *Особине спајања и прожимања*, које се деле на три групе: *продирање са периферије; депресије и лонгитудинални путеви; усеци, превале и трансверзални путеви* (Цвијић Ј. 1966., с. 14). Ове особине су у одређеним историјским условима, деловале стимулативно или дестимулативно на "центрипеталне" и "центрифугалне силе", које су градиле или разграђивале геополитичке структуре Балкана. Те осцилације плиме и осеке моћи и утицаја са истока или са запада, одређивале су ритмове културних, економских и геополитичких процеса на Балкану.

Положај Балканског полуострва у зони велике цивилизацијске границе или **лимитрофа**, између Европе и Азије, утицао је да се ту историјски мењала динамика везе „стварање – разарање“. То је утицало на сложене и турбулентне геополитичке процесе, познате под називом "балканизација", и "балканизам" као културни стереотип. Периферан положај и два типа географских особина полуострва, т.ј. "продори-спајање-прожимање" и "изоловање-одвајање", су оне објективне географске особине које чине регион врло важном периферијом за центре моћи у Европи и Малој Азији (Римску империју и Византију, Османску империју, Хабсбуршку монархију), све до хладноратовских блокова Истока и Запада и савремених центара европске и светске моћи. Овај простор је историјски вршио функцију "споне светова" (*catena mundi*). Историјске карте овог подручја показују да је вековима ту била "међа светова" (*antemurale christianitatis*), подељеност између страних империја и интересних сфера.

Карактеристике економске, културне и геополитичке периферности сублимирају се у појму „балканизам“, који означава „посредност“ или "периферност". У очима Запада, Балкан није просто као Оријент, незавршени «други», него као незавршени «ја», унутрашњи други Европе, који има тешкоће у процесу модернизације и служи као симбол националистичке нетолерантности, варварства, "нешто полуразвијено, полуцивилизовано, полуоријентално“, супротно појму "европеизма" и "глобализма" (Тодорова, 2010). За разлику од *оријентализма*, који описује менталну супротност (другост), *балканизам* се бави менталном неједнозначношћу (друго „ја“ Европе), у односу на нарцисоидну и самовеличајућу слику Европе и „Запада“.

Што се тиче објашњења економског заостајања, ту постоје дијаметрално супротна гледишта. Имајући у виду тешку историју коју јој је наметао географски и геополитички положај, разумљиво је да се ова крепка и позитивна народна снага није могла несметано развијати. У том смислу Мирослав Крлежа у једним свом есеју каже: "Да се та огромна снага воље и способности није могла да развије до неких већих мисаоних и умјетничких

или политичких система (као предуслова за сваку цивилизацију већег стила), то је било условљено географским и геополитичким и стратешко-империјалним елементима великих сила око југословенског рељефа, неприкладног за рентабилан начин продукције и сиромашног биолошком људском супстанцом" (Krlježa M. Предговор књизи *Zlato i srebro Zadra*).

Други сматрају да су византијске интриге, етничке неслоге и проблеми везани за турску окупацију, утицали да је “Балкан” постао метафора за социјалну неразвијеност и заосталост. Трећи сматрају да није проблем у узроцима заостајања Источне и Југоисточне Европе, него у узроцима феноменалног развоја Западне Европе (Тодорова М. 2010).

3. Транзитни евроазијски положај

Најпогодније копнене везе Европе са Азијом иду у два правца - кроз "Врата народа" између Урала и Кавказа ка Централној Азији, и преко Балканског полуострва ка Малој Азији. Та претежно планинско-котлинска област се кроз речне долине на свом северном крају отвара и спушта у широку долину Дунава дуж које се пружао римски "Лимес". Кроз речне долине су водили древни римски путеви, који су премрежили полуострво, међу којима је свакако најважнији римски *Via militaris*, односно средњовековни *Царски друм* приближно на траси данашњег еврокоридора Десет, и *Via Egnatia*, од Драча до Цариграда. Тим правцима и данас воде најважнији транзитни аутоутови и пруге на Балканском полуострва. Другу особеност Балканског полуострва чине морске луке, преко којих се повезује са медитеранским и црноморским земљама.

Коначна подела Римског царства на Западно и Источно, коју је 395. учинио цар Теодосије I Велики, имала је далекосежне последице на каснију културну географију Балкана (Острогорски, 1959). Области у источним и јужним деловима Балкана, биле су изложене процесима хеленизације, док су западни крајеви били изложени романизацији. Међутим, и после те поделе, у време Византије, Балканско полуострво је захваљујући отворености према суседним областима Мале Азије и Европе, имало улогу трансмисије, а затим и центра дифузије хришћанске православне културе. То илуструје ширење ћирило-методијевске културе. Расцеп у хришћанској цркви 1054. године, који је такође ишао преко Балканског полуострва, довео је до поделе јужнословенских народа на православне и католике (Пузовић В., 2008).

Југоисточна Европа је испала из европских токова развоја заједно са падом Византије крајем средњег века. Од тада па до данас, прелазни евроазијски положај и отвореност за утицаје споља, детерминише значај Балканског полуострва у стратегији великих сила (Грчић, 2007). Политичке кризе и ратни пожари у том простору лако су се преливали и ланчано ширили из једне области у другу, много лакше него процеси интеграције и модернизације.

Геополитичке и геостратешке везе између балканске периферије и центара моћи Европе, закомпликоване су отварањем *Источног питања* и германског плана "*Продора на исток*" (Drang nach Osten). Суштина овог геополитичког проблема, по Цвијићу, није ништа друго него укрштање интереса и конфликт тадашњих центара моћи Русије и Аустроугарске у експанзији према Балкану. Утицаји страних сила настављени су у XX веку, у виду фашизације у време Другог светског рата, потом совјетизације после Другог светског рата (изузев Грчке, а после 1948. и бивше Југославије), и коначно, савремене „евроинтеграције“ и „натоизације“. Многе граничне линије кроз историју, као што су биле Теодосијева линија, Војна крајина, "Санитарни кордон", "Гвоздена завеса", и геостратешке директрисе и војни плацдарми, означавале су сфере интереса и утицаја великих сила (Грчић, 2008).

4. Особине спајања и прожимања

Положај и географске особине спајања и прожимања, имају посебан геополитички значај, али оне много теже долазе до изражаја него особине изоловања и одвајања. Особине "спајања и прожимања" огледају се у погодностима долина за саобраћај и кретање, и у положају тачака атракције за насељавање и привредне делатности. Оне погодују "центрипеталним силама" које су ретко кад у историји успевале да надвладају "центрифугалне силе" које проистичу из особина "изоловања и одвајања".

Са геостратешког гледишта, Цвијић је издвојио планинску "периферију" која има особине изоловања и одвајања, и долињски "централни појас", унутар њега "централну област" и још уже "балканско језгро", који имају особине спајања и прожимања. Цвијићев академски концепт кључног положаја Моравско-вардарске удолине на Балканском полуострву подсећа на геостратешку хипотезу Х. Макиндера о "Хартленду" као евроазијској "осовини историје" (*Pivot of history*) (Грчић М., 2000).

1. Периферију чине изоловане планинске области динарског, шарско-пиндског, родопског и карпатско-балканског планинског система. "Разне везе, које поједине области нашег полуострва имају по свом географском положају и нарочито разна пластика његових планинских система морају стварати разне обласне индивидуалности, и отежавати стварање једне велике балканске државе" (Цвијић, 1906).

2. Централни појас Балканског полуострва је Моравско-вардарска удолина. Цвијић каже: "Противно томе постоји централни појас Балканског Полуострва, од Београда до Солуна, који је утицајем моравско-вардарске комуникације и њеном привлачном и централишућом снагом, у многоме једна целина; у њега се стичу све трансверзалне комуникације, од нишке бифуркације полази и нишко-цариградски пут. Централно језгро или политички центар за стварање велике државе, нарочито средишњих и

западних делова, или централна област, мора се налазити на овом централном појасу и дуж моравско-вардарске комуникације" (Цвијић, 1906). Почетком XIX века, Моравска област је одиграла другу историјску улогу. "У њој је планула српска револуција 1804. године, формирала се нова српска држава, моравска Србија" (Цвијић, 1966).

3. Централна област Балканскога полуострва, по Цвијићу, мора лежати око средине Моравско-вардарске удолине и захватати њене пластичне и комуникационе чворове, нарочито **прешевско развође** и околне котлинско-долинске крајеве, нарочито Косовску и Метохијску котлину, затим удолине Мораве и Вардара између Скопља и Ниша и суседне жупе. "Због историјске улоге и трагова српског средњовековног живота, централна је област названа *Стара Србија* (Цвијић, 1996). Стара Србија је колевка и историјско језгро средњовековне српске културе и државе. "То су области за које су најјаче везани српска свест и српска осећања. (...) После јелинских грађевина нема ништа лепше на Балканском полуострву од српских задужбина Средњег века" (Цвијић, 1923).

4. Цвијић је унутар централне области издвојио ужу, најповољнију, коју је назвао "**балканским језгром**" (Цвијић, 1906). У геостратешком погледу, Цвијић закључује да "Скопско-прешевска област има централни положај на Балканском полуострву" зато што представља теренски кључ, који затвара две готово највеће а свакојако најважније долине Балканскога полуострва", долине Мораве и Вардара (Цвијић, 1906, 1996). Исправност Цвијићевих теза потврђују велике битке које су вођене у том геопростору у средњовековној и у новијој историји. И данашња геополитичка подељеност тог простора чини га осетљивим "буретом барута", нешто као "Балкан у малом". Противећи се анексији Босне и Херцеговине, Цвијић истиче да је и то "централна област и језгро (...) за српски народ", "...кључ за решавање српског питања" (Цвијић, 1909). Цвијић истиче да тај простор природно гравитира, посредством уздужних и попречних долина, ка моравско-вардарској трансверзали и повезује се с њом у једну целину. По Цвијићу, "Економски и трговачки интереси извесних динарских области и сада иду према моравско-вардарској депресији; ти крајеви не могу добити живота и значаја осим ако се прикључе моравско-вардарској држави, организму довољно јаком с географског и економског гледишта" (Цвијић, 1916).

Треба ипак истаћи да развитак и геополитичка судбина простора, не зависи само од географских прилика, већ и од друштвено-историјских чинилаца. Друштвени чиниоци подижу централитет одређених тачака и површина атракције, по принципу кумулативно-кружне узрочности. "Људство се, дакле, увек груписало око извесних тачака и површина атракције, образујући најпре мало језгро, и око њега су се други људски слојеви нагомилавали, слично кристализацији материје у неорганском свету. Једном скупљени, људи радом и интелигенцијом усавршавају и подижу вредност географског положаја неког места или краја; то привлачи друге који се желе користити изворима тога географског положаја и његовом већом вредношћу,

оном која је произашла из људског рада. Такве људске агломерације расту и напредују" (Цвијић, 1966).

Изразито планинска природа тла и отвореност према већ поменутиим спољашњим утицајима, довели су до тога да **Балкан нема изразитог функционалног средишта**. Ниш је важна раскрсница у централној области, али две главне тачке нодалитета (гравитације) Балканског полуострва – Београд и Константинопољ (Цариград, Истамбул), налазе се на дијаметрално супротним рубовима Балканског полуострва (Грчић, 1996). Византинци су у Цариграду видели не само мегалополис и престоницу Царства, него и својеврстан стожер, нарочиту "ружу ветрова", према којој је све источно од Цариграда - Исток, а све западно од Цариграда - Запад. Већи значај он је имао за Малу Азију. За европску оријентацију Балкана кључну стратешку улогу има **Београд**: "Он се као сфинкс пружао на ставама Саве и Дунава и гледа у панонску равницу, одређен својим положајем да у њој изазива велике догађаје и да на њу најјаче утиче. Све велике реке које протичу кроз Панонски басен конвергирају према Београду" (Цвијић Ј., 1966).

5. Особине изоловања и одвајања и процес "балканизације"

Особине изоловања и одвајања, које отежавају кретање, могу бити физичке, геополитичке или психолошке баријере. Геоморфолошка структура Балкана је уситњена и мозаична, као шаховска табла. Релјеф Балкана није плато, равни монолит, као што је то Пиринејско полуострво, него дуборез, комбинација долина и планина у континенталном пределу, и полуострва и острва у приморју. У менталитету балканских народа постоји одређена *територијалност*, која подразумева постулирање регионалног идентитета. У свакој природној форми, где постоје људска насеља, јавља се посебан род и народ, стил и склад, као особит полис на сваком острву Грчке. Услед тога, етнички идентитет преовлађује над грађанским идентитетом, органски (источни) национализам над грађанским (западним) национализмом. Али ту нема апсолутне непоновљивости, међу поновљивим разликама увек се крију и неочекиване конкретне карактеристике и форме. Те особине су утицале на необично сложену физичку, културну и политичку антропогеографију Балкана. У Русији и Западној Европи је сасвим друга природа – равница, нерашчлањеност, монолит, лапидар. А овде – изрезбареност, рашчлањеност. Планински карактер полуострва и подељеност на више области омогућили су малим етничким групама да се одрже.

Из тих особина рељефа проистичу две моћне историјске компоненте Балкана. *Прва*, у планинским областима погодним за одбрану и за партиципацију на саобраћајницама ширег значаја, била су историјска језгра првих јужнословенских државица (тзв. "склавинија"), и *колевка патријархалне балканске културе и цивилизације*. Друга, из наизглед изолованих форми, кретале су *метанастатичке миграционе струје* које су

биле важне за демографска освежавања и културна прожимања у низијама, речним долинама и котлинама. Ове две компоненте су снажно утицале на етнички састав, културни и политички развој Балкана (Грчић М. 2002).

Географске особине изоловања и одвајања погодивале су настанку етнокултурне и геополитичке мозаичности Балкана познате под називом **балканизација**. Балканизација је екстремни случај негативне поларизације, када се мале разлике у области културе, религије, нације, језика и слично, претварају у судбоносни проблем. Тај појам постао је метафора за типичне феномене, који се појављују у различитим регионима велике цивилизацијске границе између Европе и Азије. Збигњев Бжежински у својој књизи "Велика шаховска табла", говори о евразиском Балкану и о балканизацији региона Евразије после распада Совјетског савеза (Бжежински, 2001), мада том термину у руској литератури конкурише и термин "окавказивање".

Цвијић је веровао да је могуће уједињење Јужних Словена у једну државу и чак стварање југословенске цивилизације (Цвијић, 1923). Цвијићева идеја била је, на неки начин, пандан Нојмановој доктрини Средње Европе (*Mittleurope*) под германском (културном) хегемонијом, и комплементарна са Масариковом идејом: Средња Европа = појас од малих, мирољубивих и демократских држава (без Немачке), који почиње од Прибалтика, пролази преко Чешке и Словачке, Мађарске до Балкана (*Shatter belt*). Међутим, идеологија "бољег живота" у Европској унији, пробудила је дух балканизације на једној, и геополитичку консолидацију *Mittleurope* с центром у Берлину, на другој страни. Тако је остварење идеала "Балкан балканским народима", о којем је маштао Цвијић, враћено на почетак.

Постоји ли данас у овом периферном делу Европе јединствен национални идентитет? У одговору на то питање, В. Михајлов истиче следећу хипотезу: Балкан – то је регион, чији житељи имају заједнички идентитет – наднационални и надрелигиозни. Ипак балкански идентитет није толико престижан и пожељан, да би постао реалан и дугорочан фактор геополитичког и институционалног обједињавања региона Балкана. Узрок томе је спајање и прожимање неколико идентификационих маркера при одсуству строгих граница међу њима: Балкан, Централна Европа, Црноморски и Средоземни региони, исламски свет и др. (Михајлов В. 2013).

Conclusion

Ambivalent geographical properties – fusion and permeation, and their opposed features of isolation and disconnection have affected the duality of consciousness – mentality of a man on a crossroad, from which **the inclination of the Balkan man towards dualism** emerged. It is the fragments of different cultures, which have merged in the area for centuries that create an impression of non-homogeneity. Foreigners have always perceived this cultural synthesis on a crossroad as a "misunderstood civilization" of the Balkan "mild savage" whereas

the peoples of Balkans have recognized it as a historical logic of the European "third world" between the East and the West.

Earlier theories on East and West Europe and recent apologies of "joint European home" are often encumbered with confessional, ethnic, national, and geopolitical perceptions bursting with prejudice and stereotypes on the duality of Balkan cultural development (eastern and western) and conflicts among its geopolitical structures known as "balkanization". The gap between the "eastern" and "western" models of development is not as deep and insurmountable as it is perceived in the West because during the course of history neither "East" nor "West" had been systems mutually blocked for the exchange of cultural influence. Even nowadays, the Balkans are a geopolitically undefined part of Europe ("West Balkans" in particular) but the peninsula is essentially an element of European culture with all its territorial, historic, and national specificities in line with which precise Eurasian properties may be singled out. It is only the European cultural homogeneity that may provide peace and co-living in the Balkans and South-East Europe. Only then can the term "balkanization" change its prefix and become a synonym for "Balkan globalization" that should reinforce the Balkan-wide process of cooperation and consolidation within the fields of transport, telecommunications, energetic, ecology, security, and other.

Литература

1. **Бжежински З. (2001).** *Велика шаховска табла*. "Романов", Београд.
2. **Буркхарт Ј. (1996):** *Разматрања о светској историји*, СКЗ, Београд.
3. **Верват С. (2008).** *Центар и периферија у Аустроугарској*. "Књижевна историја". Часопис за науку и књижевност. XL. Институт за књижевност и уметност. Београд. с. 187-201.
4. **Грчић М. (2000).** *Политичка географија*. Географски факултет. Београд. 527 стр.
5. **Грчић М. (2002).** *Српска државотворна идеја у простору и времену*, "Гласник". Географског друштва Републике Српске, св. 7, Бања Лука, стр. 7-18.
6. **Грчић М. (1996).** *Елементи политичке географије и погледи на геополитичке проблеме Балкана у делима Јована Цвијића*, "Гласник" Географског друштва РС, 1, Бањалука. с. 67-77.
7. **Грчић М. (2007).** *Геополитички смисао и бесмисао балканизације*. „Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима“, ПМФ, Бања Лука, с. 29-36.
9. **Грчић М. (2008).** *Цвијићева перцепција географског положаја Србије*, Гласник СГД, II, с. 1-20.
10. **Грчић М., Раткај И. (2004):** *Еврорегиони и еврокоридори као фактори интеграције земаља Југоисточне Европе са ЕУ*. Зборник радова, св. LI (2003): Географски факултет, Београд.

11. **Ђурић М.** (1994): *Искусство разлике*, Терсит – БИГЗ, Београд.
12. **Михајлов В.** (2013). *Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности*. Культурная и гуманитарная география. Т. 2. № 2. с. 140-152 (www.gumgeo.ru).
13. **Острогорски Г.** (1959). *Историја Византије*, Београд (репринт 1998).
14. **Пузовић В.** (2008). Црквене и политичке прилике у доба великог раскола 1054. Београд.
15. **Савицкий П. Н.** (1997). *Континент Евразия*. Аграф. Москва.
16. **Тодорова М.** (2010). *България, Балканите, светът: идеи, процеси, събития*. „Просвета“, София.
17. **Foucher M.** (1994). *The Geopolitics of Southeastern Europe*, "Eurobalkans", № 15, Athenes.
18. **Цвијић Ј.** (1906). *Централна балканска област и балканско територијално језгро*. Исто у: Цвијић Ј. (1921). "Говори и чланци I", Београд, с. 133-142.
19. **Свијић Ј.** (1909). *L'anexion de la Bosnie et la question Serbe*, Paris. Исто: Цвијић Ј. (1921). *Анексија Босне и Херцеговине и српско питање*. Говори и чланци I. Београд.
20. **Свијић Ј.** (1916). *Questions balkaniques*. Paris et Neuchatel.
21. **Цвијић Ј.** (1922). *Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основе антропогеографије, I*. Београд. Исто: **Цвијић Ј.** (1966). *Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основи антропогеографије*. Завод за издавање уџбеника СРС. Београд.
22. **Цвијић Ј.** (1923). *О основама јужнословенске цивилизације*. "Говори и чланци" IV, Београд.
23. **Цвијић Ј.** (1996). *Балкански рат и Србија*. Антропогеографски и етнографски списи II. Сабрана дела, књ. 9. Београд, САНУ и ЗУНС. Београд. с. 253-261. Први пут објављено 1912.
24. **Суботић М.** (1993). *Социјалне и политичке идеје руског евроазијског покрета*. Филозофске студије, 25, стр. 77-106. Београд.

**БАЛКАНЫ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

N.M. Mezhevich, N.S.Chukalova

**THE BALKANS AS THE QUINTESENCE OF
CENTRAL AND EASTERN EUROPE**

Аннотация. Объектом исследования выбран регион Центрально-Восточной Европы, прослежены этапы его определения в научной литературе. Авторы последовательно доказывают, что причины сложившихся противоречий и сложностей на политической арене имеют исторические предпосылки. Авторы опираются на обширную теоретическую базу: использованы социологические, географические, а также политические теории и подходы к изучению региона и его идентичности. Важно отметить, что система ценностей, на которых строится глобалистскими элитами идентичность региона сегодня, представляется во многом спорной, поскольку основана на противопоставлении стран Центрально-Восточной Европы и России.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Европейский Союз, границы, вопросы идентичности, Междуморье, Балканы.

Abstract. This article aims to trace the theoretical and practical aspects of formation and development of Central and Eastern Europe. The region of Central and Eastern Europe was chosen as the object for analysis and the stages of its definition in the scientific literature were determined. The authors consistently prove that the causes of the contradictions and complexities in the political arena have historical background and this confirms the relevance of the work. The article is based on extensive theoretical basis: sociological, geographical, and political theories and approaches to the study of the region and its identity are used. It is important to note that the system of values according to which the identity of the region exists today is controversial in many ways because it is based on the contrast with “alien” - Russia.

Key words: Central and Eastern Europe, European Union, borders, issues of identity, Intermarium, Balkans.

Теоретической предпосылкой к рассмотрению вопросов региональной идентичности и суверенитета Центрально-Восточной Европы могут стать различные концепции теории международных отношений. К числу последних целесообразно отнести и научно-теоретические воззрения

транснационалистов, чьи подходы также дифференцированы, но, как правило, базируются на учёте четырёх главных тенденций:

1. Размывание границ между внутренней и внешней политикой. Международная активность регионов и других объектов федеративных государств, непосредственное влияние международной жизни на внутривнутриполитические процессы.

2. Демократизация международных отношений и внутривнутриполитических процессов, основанная на достижениях постиндустриальной революции и распространении информации.

3. Возрастание роли трансграничных экономических акторов.

4. Модификация традиционных подходов к суверенитету, или десуверенизация.

Современные международные отношения детерминируются регионализмом; они все более основываются не на традиционной геополитической совокупности истории, культуры, традиций и классическом понимании суверенитета, а на субъективном осознании элитами своих базовых интересов, в конечном счете определяемых экономикой. В результате, правящие элиты Центрально-Восточной Европы, начиная с 90-х годов, добровольно секвестировали качество и количество суверенных управленческих функций. Сопrotивляющиеся элиты были поставлены под бомбы и санкции.

На постсоциалистическом пространстве развернулся процесс дезинтеграции, сочетающейся с десуверенизацией под внешним управлением. Однако, если в конце XX века казалось, что для того, чтобы получить преимущества от интеграции, придется расстаться с частью суверенитета, то сейчас очевидно, что конфискация суверенитета не будет сопровождаться преференциями.

По мнению Ларри Вульфа, вплоть до начала XVIII столетия европейцы подразделяли свой континент на средиземноморский Север и балтийский Юг, и лишь с наступлением века Просвещения родилась концепция «Восточной Европы» [1]. С подобным подходом нельзя согласиться. Ориентализм как научный подход - еще не факт признания Центрально-Восточной Европы как политической данности.

С нашей точки зрения, географическая данность приобрела политическое наполнение в 1918-1920 гг. С 1944 по 1956 год формировалась вторая версия Центрально-Восточной Европы. Процессы распада социалистической системы и СССР в 1986-1991 году дали начало третьей, но не последней стадии эволюции региона. Расширения Европейского Союза на восток не привели к отмиранию Центрально-Восточной Европы как региона.

Сама по себе Центрально-Восточная Европа (или большая Восточная Европа), включающая Балканы как политический регион, возникла в рамках Версальско-Вашингтонской системы. Однако нельзя сказать, что это произошло одномоментно. Территориально-политическое устройство в регионе непрерывно менялось вплоть до 1939 года, продолжало

эволюционировать в годы Второй мировой войны (Первый и Второй Венские арбитражи). События 1917 и 1918 годов закрыли вопрос о самом существовании трех империй как политических проектов. Возник регион Восточная Европа как политическая и историческая данность. Еще раз подчеркнем, сразу же обозначился масштаб внутренних проблем. Мы не можем списывать эти проблемы межвоенного периода, особенно в двадцатые годы, на интриги ведущих мировых держав, поскольку регион Центрально-Восточной Европы обладает собственными внутренними источниками конфликтогенности. Это обстоятельство де-факто признается в восточноевропейских столицах. Вопрос лишь в том, какие из этого делаются выводы. Длительное пребывание польского народа в составе объективно чужих империй привело к формированию собственного имперского комплекса, на удивление прочного и продолжающего определять внешнюю политику ряда восточноевропейских государств спустя 100 лет после Версаля.

Канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег писал послу фон Чиршки в Вене: «... в случае победоносного исхода войны необходимо образование нескольких буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией с тем, чтобы отодвинуть Россию как можно дальше на восток» [2, с.196]. Данный подход получил закономерное воплощение в Брестском договоре 1918 г. Пока существовала Австро-Венгрия — монархия Габсбургов, авторы этих планов в основном исходили из идеи ее территориального сохранения при изменении административно-политической системы, т.е. превращения ее в федерацию или конфедерацию, объединение территорий или объединение народов. Достаточно вспомнить проекты второй половины XIX — первой половины XX в.: Дунайскую конфедерацию венгров Лайоша Кошута, Срединную Европу австрийского немца Феликса Людвига Шварценберга, Пан-Европу Рихарда фон Куденхофа-Калерги, различные другие формы регионального сотрудничества государств [5].

Южнославянская межвоенная демократия, со всеми известными изъянами, не может рассматриваться как убедительный пример. Демократия, обрекающая страну на внутреннюю слабость и внешнюю агрессию, не может рассматриваться как ценность. Этот урок, дважды полученный на Балканах, имеет значение и для России. «Для федеративного полиэтнического государства сильная власть необходима не только для успешного проведения экономических реформ, но и как политический фактор, сдерживающий центробежные тенденции, неизбежные в условиях политической и экономической дезинтеграции» [4, с.29]. В этих условиях особые требования предъявляются и к экономике, кризисные явления в которой начались еще до смерти лидера И. Броз-Тито [6, с.35].

Подведем итоги. Идентификация большой Восточной Европы в системе координат «белый Брюссель – черная Москва» перестает устраивать элиты региона. В этом контексте вспомним и одну из трактовок балканизма.

«Балканизм основывается на ряде иерархически организованных бинарных оппозиций (рациональное - иррациональное, центр - периферия, цивилизация - варварство), в которых первый знак всегда главный по отношению ко второму..., а второй знак всего лишь оттеняет значение первого» [3, с.94]. «Пятьдесят оттенков серого» неизбежно раскрасят карту большой Восточной Европы.

Conclusions: The region's elites are no longer satisfied with the identification of large Eastern Europe in the coordinate system "White Brussels - black Moscow". In this context, we should also recall one of the interpretations of balkanizm. "Balkanizm is based on a number of hierarchically organized binary oppositions (rational - irrational, center - periphery, civilization - barbarism), where the first sign is always the main to the second ... and the second sign just shows off the importance of the first" [3, p.94]. Fifty shades of gray will inevitably color the big map of Eastern Europe.

Литература

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
2. «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918 гг. / отв. ред. В.К. Волков. М.: Наука, 1977. 321 с.
3. Душан И. Белич Балканы как метафора // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2004. № 1–2. С. 88-108.
4. Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства: (внутренние и внешние факторы). М.: МГИМО Университет, 2007. 236 с.
5. Романенко С.А. Процесс национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы: итоги к концу 20 века // Migracijske teme. Časopis za istraživanja migracija i narodnosti. Zagreb, 1994. S. 225–248.
6. Beck U. Risk Society: Toward a New Modernity. Sage Publications. L., 1992.

БАЛКАНСКИ ГЕОПОЛИТИЧИ ЧВОР И СРБИЈА

D. Sekulović
B. Forca

BALKANS GEOPOLITICS KNOT AND SERBIA

Апстракт: Из конкретних европских, евроазијских и глобалних средишта геополитичке моћи, на Балкан се гледа из различитог географског оптикума. Пошто је географски неодвојив део Европе, Балкан је згодно послужио да апсорбује мноштво екстернализованих политичких, идеолошких и културних фрустрација које потичу из тензија и противречности својствених регионима и друштвима изван Балкана. Балканизам је временом постао згодна замена за емоционално пражњење које је раније пружао оријентализам, пошто је ослободио Запад оптужби за хришћанску нетрпељивост према исламу, као и за колонијализам, евроцентризам и расизам.

У оцени положаја Србије у оквиру балканског геополитичког чвора од значаја је анализа позиције спољнополитичких центара моћи и њихових геополитичких партнера у региону, као и односи према другим геополитичким чворовима (Кавказ, Блиски исток) или кључним зонама (Босфор, Дарданели, Суец). Обично, центри моћи, као што су САД, НАТО, ЕУ, Русија и други, демонстрирају своју наклоност према заштити интереса одређеног етноса, религије или државе. Као историјски примери могу да послуже односи између *Евроазије* (Русије) и православне Србије, као и између *Mittleuropa* (Немачка, Аустрија) и католичке Хрватске. У последњим деценијама атлантска политика, нарочито САД, се залаже првенствено за муслимански фактор у региону. Најочигледнији пример томе је америчка позиција у босанском и косовском конфликту.

Кључне речи: Србија, Балкан, Балканизам, Геополитички чвор.

Abstract: From concrete European, Eurasian and global centers of geopolitical power, the Balkans are viewed from different geographical optikum. Since the geographical inseparable part of Europe, the Balkans is used to absorb a lot of external political, ideological and cultural frustrations stemming from tensions and contradictions inherent in the regions and societies outside the Balkans. During the time, balkanism became replacement for emotionally draining, previously provided by Orientalism, because it release West from accusation of Christian intolerance toward Islam, as well as colonialism, Eurocentrism and racism.

In assessing the position of Serbia in the Balkan geopolitical knot it is important to analyze a position of foreign political power centers and their geopolitical partners, as well as relations to other geopolitical knots (Caucasus, the Middle East) or key zones (Босфор, Дарданели, Суец). Usually, the centers powers, such as the US, NATO, EU, Russia and others, demonstrate their affection for protecting the interests of certain ethnicities, religions or countries. As historical examples can serve relations between Eurasia (Russia) and the Serbian Orthodox, and between Mitteleuropa (Germany, Austria) and the Croatian Catholic. In the last decades of the Atlantic policy, particularly the US, is committed primarily to the Muslim factor in the region. The most obvious example of this is the US position in the Bosnian and Kosovo conflicts.

Key words: Serbia, Balkan, Balkanism, geopolitical knot.

Увод

Протеклих неколико година геопростор Балкана поново се налази у првом плану актуелности. Балкан је данас политички подељен на источни и западни. Источном Балкану припадају земље које су пуноправне чланице Европске Уније и НАТО-а, а западном оне које то нису, али испољавају жељу да то буду. Прве имају одређену привилегију – већу помоћ у економском развоју и заштитни „кишобран” у очувању своје безбедности. Као геополитичко и геостратегијско значајно европско подручје на њеном југоистоку, Балкан представља колевку Европе у њеном цивилизацијском, културно-историјском и политичком развоју. У географском и геостратегијском погледу, детерминише „геополитички крст“, и „геополитичко чвориште“ Истока и Запада, велика врата према истоку и западу, северу и југу Европе. Такође, као праг и врата Европе, Балкан је значајна тачка сусретања и сукоба различитих цивилизација (првенствено православне, католичке и муслиманске) у историји, а и данас. У етничком смислу је подручје „етничког коктела“; мост сусретања, али и колизије многих народа, великих сеоба народа, миграција, деоба, сецесија, јаких националних и националистичких страсти, које су засноване на, тако рећи, „вишку историје“ балканских народа.

Чињеница да лежи на размеђи три континента (Европе, Азије и Африке), и да представља *контактну зону* судара и мешања три велике религије и њихових цивилизацијско-културолошких разлика и интереса (православне, римокатоличке и исламске), Балканско полуострво чине једним у геополитичком смислу од најнестабилнијих региона не само Европског континента него и шире.

Савремени Балкан налази се у процесу друштвене трансформације и економске транзиције – грађења нових унутрашњих, међудржавних и међународних односа, као и послератног опоравка. Оружани сукоби вођени на геопростору тзв. западног Балкана током деведесетих година 20. века

имали су веома крупне геополитичке, геоекономске и социјалне последице, чије уклањање захтева веома много људских напора и материјално-техничких средстава. Савлађивање насталог јаза оружаним сукобима и међуетничке, међуверске и међунационалне нетрпељивости, неће бити ни мало лако решити. Мора да се спроведе средствима и методима који не захтевају нове жртве и нова страдања, јер је већина нација на Балкану крочила на пут *нестајања са ових простора*.

Србија се данас, попут митског феникса, налази пред обавезом уздизања из сопственог пепела, налогом да се, с парадоксалном одважношћу и упорношћу онога који има мало шта да изгуби, суочи са сопственом будућношћу која не зрачи превеликим обећањима ни оном преосталом и не само евроатланском делу цивилизације. Српски народ нашао се пред изазовом нових наднационалних интеграција својим нето дезинтегрисаних и још увек дезинтегришућих етничких простора, интеграција у чији исход данас нескривено подозревају и они који су их иницирали.

Управо због оваквог геополитичког и геостратегијског значаја Балкана и Србије „креатори“ Новог светског поретка имају посебну геополитику и геостратегију на Балкану.

1. Балкански геополитички чвор

Почетком 20. века Европа је свом репертоару *Schimpfwörter*, погрдних речи, додала један нови појам који се, иако недавно скован, показао трајно од оних са стогодишњом традицијом. „Балканизација“ је означавала не само уситњавање великих и снажних политичких јединица, већ је постала синоним за повратак племенском, заосталом, примитивном и варварском. У својој најновијој хипотези, посебно у оквиру америчког високошколског образовања, тај појам је потпуно истргнут из контекста и почео је да се односи на најразличитије проблеме. Чињеница да је Балкан описиван као „друго“ у односу на Европу није потребно посебно доказивати. У вези са Балканом наглашавано је да његови становници не маре за стандарде понашања које је као нормативе смислио и прописао цивилизовани свет. Као и свака генерализација, и ова се заснива на редукционизму, али тај редукционизам и стварање стереотипа о Балкану достигли су такав степен и интензитет да читав дискурс¹ заслужује и захтева посебну анализу [Todorova, M., 2006].

Историјско-географски Балкан представља „стару Европу“, колевку хеленске цивилизације, византијске империје и православне религије, за разлику од „нове Европе“, која баштини културне тековине Римске империје, католичке цркве и културно-историјске епохе ренесансе. На Балканском

---

¹ Diskurs (lat. *discursus*) је именица која значи govor, razgovor, odnosno raščlanjivanje, analizu. Danas se često koristi u semantic, jezičkoj disciplini gde označava lingvističku jedinicu sastavljenu od nekoliko rečenica.

полуострву формирала се прва цивилизација у Европи (античка Грчка), прва империја (Македонска), а за њом су долазиле и пропадале друге империје (Византија, затим Турска, Хабзбуршка) и интересне сфере великих сила. Исток и Запад хватао се вековима у коштац на балканском тлу, под најразличитијим облицима црквене, културне, идеолошке или државно-политичке експанзије. Балкан је специфичан регионални конгломерат различитих народа, култура, религија и језика. Кроз турбулентну историју у овом региону су се смењивали бурни догађаји и ратови, који су доводили до различитих процеса етничких интеграција и дезинтеграција. Ако се за Америку каже да је „лонац за претапање“ (melting pot) имиграната различитог етнокултурног порекла, онда се за Балкан може рећи да је „узаврели лонац“ у којем превиру различите културе, религије и етнички идентитети [Грчић, М., 2013].

Географски неодвојив од Европе, али балканистички конструисан као „унутрашња (културна) другост“ нижег реда, Балкан је „згодно послужио да апсорбује мноштво екстернализованих-спољашних политичких, идеолошких и културних фрустрација које потичу из тензија и противречности својственим регионима и друштвима изван Балкана“ [Todorova, M., 2006]. Тако је Балканизам временом, а нарочито у новије доба, постао сјајна и исплатива замена за емоционално пражњење које је раније пружио оријентализам, јер је Запад ослобађао оптужби и самооптужби за расизам, колонијализам, европоцентризам и нетрпељивост према исламу. Тако балканизам нуди покриће за лицемерно умирење свести.

Због оваквог геостратешког и геополитичког значаја Балкана „креатори“ Новог светског поретка (НСП) имају посебну стратегију која подразумева неколико битних чинилаца [Томић, Д., 2015], [Trud, A., i Trud, Ž., 2013]:

1) Уместо биполарног или мултиполарног међународног поретка јачају тенденције униполарног поретка са доминацијом САД и јачање НАТО алијансе и Европске уније (ЕУ) у циљу неутрализације Русије и Кине, као некадашње моћне империје, које се ревитализују.

2) Чврсто и доминантно стационирање СР Немачке у Европи и ЕУ и њена контрола и уравнотежење са Француском и Великом Британијом. Пошто је Балкан стратегијски регион источног Средоземља због путева нафте и саобраћајница, Немачка и САД се конфронтирају у циљу контроле Балкана, те је Балкан за велике силе стално поље конкуренције и надметања, док су нације, државе и народи Балкана само пијуни у тој шаховској партији.

3) Овиме се и онемогућава појављивање евентуално нове доминирајуће државе на Балканском полуострву и Европи.

4) Трансформација Балкана у подручје сталних латентних конфликта и опасности, уместо заједничке сарадње и интеграције и на основу тога и постојање „светског полицајца“ који те конфликте решава.

5) Ревитализација улоге и функције НАТО-а, отварање перспектива и смисла њене егзистенције, као и евентуалне акције.

6) Ширење НАТО- на Исток (а тиме и америчког утицаја), окружење и изолација Русије (пример Украјине) и пресецање православне трансферзале ка Југу – Средоземљу и Блиском истоку.

7) Интереси САД и Немачке према Балканском полуострву се опсервирају кроз „балканизацију Балкана“, стварање малих зависних полуколонијалних држава, које су перманентно подложне утицају великих. „Својим морским и копненим присуством Американци су у могућности да забију клин између Европе и Африке, пресецајући вековне везе између њих. Зато, Америка, геополитички и геостратешки посматрано, има јак интерес да ослаби северну обалу Медитерана (Шпанију, Француску, Италију и Грчку), подржавајући Немачку у њеном подухвату парцелисања Европе“ [Galau, M. P., 1997]. Уситњавање северног приобаља Средоземног мора доприносио би том великом плану: контроли извора енергије и налазишта стратешких сировина у Африци.

8) Заједнички интереси САД и Немачке опсервирају се кроз редукцију национализма, а тиме и државних структура и минимализацију посебних националних интереса, а тиме и држава у различитим циљевима. Национализам претставља препреку ширењу светског поретка – општег извора добробити, а Америка верује да јој је религиозна дужност да омогући човечанству да у њој уживају. Немачка зна да ће у Европи она моћи да потпуно избрише остатке Версаја и сећање на претрпљене поразе у два светска рата које је започела, једино ако успе да укине државе - нације које је окружују, поделивши их на регионе будуће велике Европе над којима ће онда лако преузети управу.

9) Инфилтрација исламског фундаментализма на Балкан и Европу са коначном интенцијом латентног политичког и културолошког слабљења хришћанске Европе, при чему Косово и Метохија и Босна и Херцеговина треба да одиграју улогу „Тројанског коња“ Америке.

10) На балканским просторима овај процес представља симбиозу католицизма и ислама у функцији неутрализације и слабљења православља на Балкану. „Европа већ столећима уништава или протерује са свог тла две цивилизације, а фаворизује и прима трећу: уништава јеврејску цивилизацију и источно хришћанство, а упоредо с тим све више се исламизује... Али, већ столећима ситуација у Европи је обрнута. Ислам долази у Европу и уништава европску цивилизацију источног хришћанства, а Европа му у томе помаже“ [Секуловић, Д. и др., 2015].

Политика дестабилизације Балкана, овог важног европског региона, служи да се легитимише присуство и постојање највећег и јединог војног савеза на свету – НАТО у региону, чиме се практично оправдава његова егзистенција, али и даље ширење. Крајњи резултат представља контрола европских држава и европских граница од стране јединог војног савеза, субординација ЕУ једном ригидном и опасном Левијатану, иза кога, наравно, стоје интереси глобалног Хегемона (неограничени господар) - САД, који

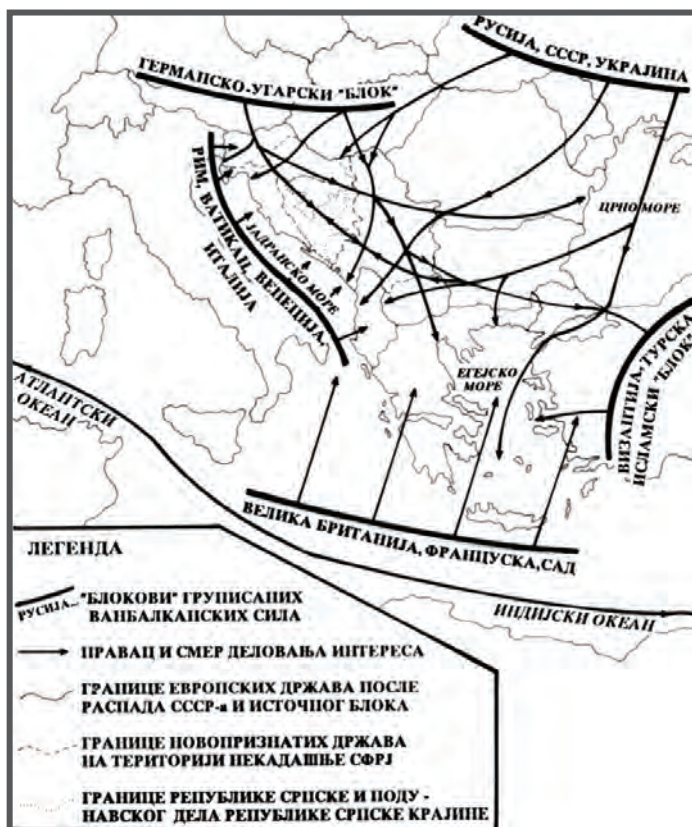

имају примарну улогу у одлучивању у овом војном савезу [Stojanović, S., 2009].

На Балкану се преплићу различити геополитички и цивилизацијско-религијски интереси, па је ово зона великих (гео)политичких потреса. Четири значајне геополитичке концепције – атлантизам, евроазијство, (средњоевропски) континентализам и неоосманизам, показују занимање да на српском етнопростору (који је значајно шири од територије Републике Србије) успоставе зоне контроле, утицаја или занимања [Пророковић, Д., 2014].

Према томе, Балканско полуострво је у зони цивилизацијског лимитрофа, у којој су се историјски смењивале динамика веза „стварање – разарање“ (Слика 1).

Слика 1: Балкански геополитички чвор

Сматрајући да је географски термин *Балкан* „постао непрецизна и омаловажавајућа одредница“, енглески историчар српског порекла Стив Павловић иронично је запазио: „Без јасних граница између полуострва и залеђа, међе на којима се Балкан завршава остају спорне. Нивоља је у томе

што је ширење и сужавање територије Балкана обично пре политичко него географско питање. У данашње време сам назив Балкан није популаран. За неке делове полуострва тврди се да су Средоземље (ако не и северни Атлантук), или латински (тине практично и западноевропски), или средњоевропски (и тешко свакоме који се одважи да на њих прошири Балкан), или алпски (ако не и аустријски) делови. Чак и део полуострва на коме настају Балканске планине и који је некада настојао да усвоји име, сада је део франкофонске заједнице народа. Тине су на Балкану остали заглабљени само остаци његових народа, пошто он сам „није више у Европи“ [Pavlović, S., 2001].

У својој књизи *Велика шаховска табла* Бжежински хладнокрвно је најављивао америчку стратегију у Евроазији. Да би САД наставиле да контролишу свет, Русија би морала да буде расцепљена на три дела: европски, азијски и централни, а директни коридор исток-запад морао би да буде отворен преко Балканског полуострва, Кавказа и Туркменистана [Bžezinski, Z., 2001].

2. Геополитичка стварност Србије

Као предуслов у остваривању примарног геополитичког и економског циља актера НСП – продора на Исток и овладавање простора Евроазије – појављује се проблем претходног овладавања, освајања и контроле Балкана, а посебно његовог централног маневарског простора – Србије, као значајног геополитичког и геостратегијског региона. Она се налази на размеђу два најважнија, најбогатија и најмногљуднија континента – Европе и Азије, повезујући их главним и најкраћим комуникацијским снопом: копненим, поморско-речним и ваздушним путевима. Овај комуникацијски сноп повезује северну Европу са Средоземљем, западну Европу са Блиским истоком и Африком [Секуловић, Д., 2011].

Простор Балкана, по свом геополитичком положају, јесте врло динамичан простор. Србија, будући у његовом средишту, била је кроз дугу своју историју изложена последицама многих историјских догађаја и процеса, оних који су везани непосредно за простор Балкана, тако исто и оних од глобалног значаја. Утицаји који су на тај начин долазили у Србију понекад су имали благотворно дејство по државу и народ, да би се опет у неким другим приликама сручили на њега са разорношћу једне стихијске појаве. У последњих 20-так година Србија је опет била сведок и учесник драматичних и сложених догађаја који, у то нема сумње, имају глобални значај. То су били они догађаји са далекосежним последицама, које далеко превазилазе локални геопростор.

Често су, као последица велике борбе крупних геополитичких играча, на Балкану остајали несређени међуетнички и међудржавни односи. Током последњих деценија 20. и прве и друге деценије 21. века, показало се да

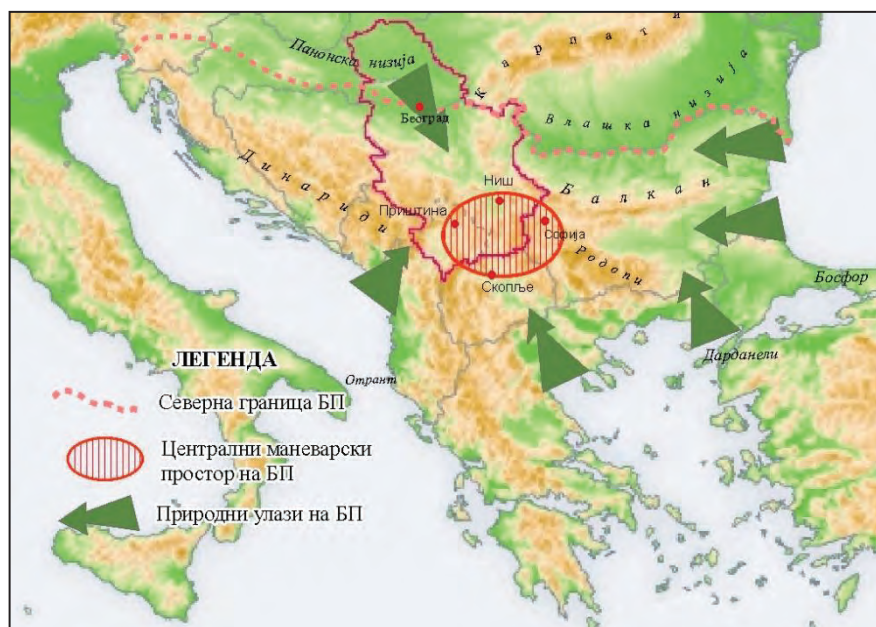
српски геополитички циљеви нису били у сагласности са циљевима чак три, од четири наведена геополитичке концепције (атлантизма, средњоевропског континентализма и неоосманизма), услед чега је дошло до значајне ерозије геополитичког положаја земље. Србија је била принуђена на геополитичко повлачење, па се зона контроле континуално просторно смањује, а као последица тога се јавља и процес претварања зона утицаја у зоне занимања [Пророковић, Д., 2014].

Историјски посматрано, положај Србије у „балканском геополитичком чвору“ где се укрштају „вектори“ интереса великих сила и где се налазе „раседи“ између „тектонских плоча“ њихових интересних сфера увек је био деликатан. И сада је Србија, мање као субјект, а више као објект, укључена у специфичну „балканску велику игру“ која је много комплекснија и стратификованија од некадашњег релативно једноставног биполарног блоковског сучељавања. У основи, и даље је на делу антагонизам „моћи Мора“ и „моћи Копна“, који се сматра „првим законом геополитике“ али стварање великих, стратешких савеза и сврставање по том принципу, из чега проистиче „други закон геополитике“, у постмодерном раздобљу се враћа неким предхладноратовским постулатима [Степић, М., 2014].

Услед повољних природних веза Србија са суседним деловима највећим делом покрива централну балканску област (централни маневарски простор), која има најлакше непосредне комуникацијске везе са суседним земљама. Овај простор обухвата: Скопску област са Овчим пољем, Кумановом (БЈР Македонија) и прешевским развођем, Косово, крајеве око Врања, Лесковца, Пирота и Ниша и крајеве око Ћустендила и Софије у Бугарској. У тој области скопско-прешевска област има јединствен положај. Она има лаке и сигурне везе у свима правцима, држи у себи кључ најважније уздужне комуникације и њену везу главном попречном комуникацијом. Због ових особина скопско-прешевска област постаје средиште из кога се може најлакше контролисати пространим балканским областима, и из које се може утицати на све делове у унутрашњости Балканског полуострва. Из тих разлога Цвијић је скопско-прешевску област по важности издвојио од осталих и назвао је *балканским језгром* [Цвијић, Ј., 1991]. Централни део Балкана обухвата простор Краљево – Приштина – Скопље – Софија, а највећи део припада Србији (Слика 2). То је централни маневарски простор на Балкану преко којег пролазе значајне комуникације. Из њега се природно проходне зоне комуникација зракасто шире на остале делове Балканског полуострва [Секуловић, Д., 2011].

Са националног становишта геопростор Србије може се посматрати као национално ратиште и дефинисати границама, величином и обликом са свим карактеристикама и појавама које у њему делују. У том случају потребно је дефинисати могуће изазове, претње и ризике по националну безбедност и, на основу тога, дефинисати стратегијске, оперативне и тактичке елементе на геопростору државе. У анализи америчког дневника „*Defence and foreign affairs*“, наводи се да „... чвор југоисточне Европе остаје Београд“ [Sekulović, D., Milkovski, V., 2005].

Слика 2. Војногеографски положај Србије на Балканском полуострву

У процесу ширења Европске уније ка југоистоку појам Балкан све чешће се замењује појмом Југоисточна Европа. У пракси, појам Западни Балкан ограничава се на простор бивље Југославије без Словеније а укључује Албанију. Земље настале у процесу дезинтеграције бивше СФРЈ оптерећене су низом сложених геополитичких и укупних развојних проблема. Неке од њих су укључене у ЕУ и НАТО, неке теже ка тим савезима, а само неке желе да задрже неутралност у односу на НАТО. Практично, Запад је успоставио пуну контролу над већим делом западнобалканског простора и на тај начин обезбедио снажан геополитички утицај на свеукупне развојне процесе у новонасталим земљама, као и утицај на позиционирање новонасталих држава у односу на регионално окружење. Супротно интересима Запада обновљена „Нова Русија“, практично од почетка овог века, остварује све већи геополитички и економски утицај на глобалном нивоу, укључујући и западнобалкански простор. Практично, у простору Западног Балкана преплићу се геополитички и геостратегијски интереси Запада и процеса глобализма који стреми ка униполарном свету, с једне, и интереси Русије и концепта мултиполарног света, с друге стране. Овакво стање подгрева старе и генерише нове проблеме у свим државама Западног Балкана и њиховим међусобним односима [Гњато, Р. и др., 2015].

Препреке са којима се српски народ суочава у, свему прокламованом углавном сасвим дивергентним а императивним, реал-политичким процесима свога придруживања интегративним Евро структурама, бројне су, разноврсне и у значајној мери јединствене. То њихово суштинско својство формирано је

на чињеници да је српски народ (као апсолутно-већински елемент мултиетничког српског друштва) у протеклих 20-так година био, а тенденцијски узев, вероватно биће и у блиској будућности („отворени” дефинитивни статуси Космета, Републике Српске, Војводине, Рашке области,...) објекат темељних и свеобухватних *дезинтеграција*, подржаваних, финализованих и међународно-правно санкционисаних управо од стране евро-атлантског дела савременог света. Недовршеност тих епохалних процеса чини од територија на којима он данас већим делом живи, један, у геостратешком смислу узев, слободно лебдећи етнички простор који још увек тражи, или, прецизније речено, *очекује* своју државну форму у којој би се стабилизовао [Radojičić, M., 2006]. Терминолошко прецизније, рефлекс је резигнирајућег истраживачког увида да се српски народ данас налази у позицији *објекта*, пре него субјекта сопствене историје, позицији у каквој је, уосталом, углавном и бивао током дугог постојања своје државне „куће наред друма“.

Србија у процесу глобализације и НСП је пример једног малог народа који се никако не сналази, јер је или превише подложен спољним утицајима или им се тврдоглаво супроставља.

Данас, Србија се попут митског феникса, налази пред обавезом уздизања из сопственог пепела, налогом да се, с парадоксалном одважношћу и упорношћу онога који има мало шта да изгуби, суочи са сопственом будућношћу која не значи превеликим обећањима ни оном преосталом и не само евроатланском делу цивилизације. Пројекат „Придруживање Србије Европској унији“ је, не само сувише тежак, већ и животно, односно искуствено неуверљив одговор на ону најкрупнију колективно-егзистенцијалну дилему пред којом се српски народ нашао на почетку 21. века: пристајање на могуће одсецање Космета од остатка своје државне територије? Српски народ се нашао пред изазовом нових наднационалних интеграција својим *нетто* дезинтегрисаних и још увек дезинтегришућих етничких простора, интеграција у чији исход данас нескривено подозревају и они који су их иницирали.

Из свих набројаних и многих других, сродних разлога, пројекат „Придруживање Србије ЕУ“ чак и на нивоу реторичког „идеал-лошког“ самоприказа, представља не само сувише тежак, већ и животно, односно искуствено неуверљив одговор на оне најкрупније колективно-егзистенцијалне дилеме пред којима се српски народ нашао на почетку 21. века [Nakarada, R., 2004]. Штавише, уместо њиховог решавања *редоследом приоритета* – најпре државно-територијална консолидација, потом опоравак становништва од биолошких последица катастрофалних задњих деценија колективног битисања, након тога економска реформа друштва и најзад, темељно промишљен сваки пројекат његових евентуалних будућих наднационалних интеграција – српски народ се нашао пред императивом њиховог симултаног решавања. Овакву визију наше будућности чини додатно непрегледном, њену привлачност становништву кардинално

редукованом, а све досад понуђене стратегије друштвеног развоја – недовољно делотворним. Уз то, симултана позиционираност наведених проблема на „агенди захтеваног“, омогућава спољним политичким актерима наше садашњости грубо манипулисање њима на начин условљавања решавања једног („Европска интеграција Србије“) не/решавањем другог (квијетистичко² пристајање на врло извесно одсецање Косова и Метохије од Србије, поништавањем државних атрибута Републике Српске њеним утапањем у државно тело унитарно концепиране БиХ,...), односно његово решавање на начин који ће осујетити и минимално димензиониран српски државно-територијални интерес. То је само један од модалитета геополитичке и геостратегијске трговине, односно трговине простором који се нуди српском народу од почетка 1990-их година наовамо.

Ако желимо да опстанемо морамо превазићи идеолошки инат прошлог, али исто тако и удворичко понижавање према глобалним центрима моћи. Потребно је укључити се у „глобализационе процесе, али мудро и селективно, изузетно опрезно и промишљено, а то је могуће само ако изнутра одбацимо догме глобалистичке идеологије и ммф-овске бирократске фразеологије или пак често јалове антиглобалистичке ставове“ [Radun, B., 2017¹]. А све што се дешава у турбулентним токовима глобализације потребно је неидеолошки, објективно и мудро оценити и одвагати и закључити.

Србија се налази пред избором геополитичке стратегије гарантоване националне целовитости и сигурности. Такву варијанту спољнополитичког ангажовања можемо да формулишемо као **активна неутралитет**. То је повезано са са успешним успостављањем свестраних економских, политичких и војних контаката с једне стране, и добросуседских односа с друге стране. Суштинска карактеристика будућег *активног неутралитета* Србије треба да буде изградња повољних државних позиција у неизбежној будућој политичкој трансформацији нашег региона са позиција правичног и трајног решавања савременог (а не историјски истрошеног) српског националног питања. Основни критеријуми за дефинисање спољнополитичких приоритета Србије треба да буду постављени у зависности од реалности њеног геополитичког и геостратешког положаја. Војна неутралност Србије, коју је прокламовала Народна скупштина 2007. године, мора да нађе место у нормативним (закони и прописи) и стратешким документима, чија је ревизија у току [Форца, Б., 2016].

Актуелни *процеси балканизације* показују да простор Балкана и Србија на њему нису ушле у период *геополитичког смиревања и трајнијег мира*. Напротив, у овој фази деловања они се *прикривају* разним облицима спољнополитичке сарадње, интеграција и наводног регионалног повезивања. Истовремено се, испод њихове *привидне интегративне копрене*, одвијају процеси даље геополитичке инфилтрације Запада и исламског фактора, у

---

² Kvijetiv (lat. *quies* mir) – saznanje prave suštine stvari koje vodi ka umirivanju volje za životom, ka odricanju te volje u razočaranju, rezignaciji.

циљу настављања започетих процеса *националног, верског и територијалног атомизовања, и дезинтеграције, српског националног корпуса и његових територија*. Иако слабо видљиви, ти тзв. *сукоби ниског интензитета*, одвијају се пред нашим очима као део остваривања, политике још снажније доминације НАТО и САД-а на Балкану. Овај, за њих својеврсни *intermarium*³, значајан је сам по себи али и као зона са које се могу вршити контрола и даља геополитичка уклињавања ка Средњем и Блиском Истоку. Брзом сменом политичких догађаја, медијском манипулацијом и убрзавањем наведених процеса, ствара се својеврсни контекст “*геополитике хаоса*” у коме је тешко и стручњаку а камоли обичном грађанину да иза њихове маске интеграција и фасаде наводне пријатељске помоћи, препозна опасности потпуне *геополитичке блокаде* и изолације Србије и српског народа [Деспотовић, Љ., 2010].

Косовски проблем је прворазредно геополитичко питање. Све до избијања украјинске кризе Косово је било и највеће геополитичко жариште на континенту. Како је могуће да се то превиди? У суштини, одговор је једноставан: ЕУ се није бавила геополитиком. Истина, поједине земље, попут Немачке и Велике Британије имале су своје геополитичке циљеве који су се тицали тежњи за даљим географским уситњавањем балканских политичких јединица. То је тактика стара колико и свет, како би велике силе лакше контролисале одређени географски простор. У том контексту посматрано, чак је могуће да Косово не представља последњи случај сепесије на Балкану. Међутим, са једне стране, то су циљеви који се дефинишу на основу деветнаестовековних геополитичких матрица. Британски приступ, утемељен на атлантистичкој концепцији и континуалним покушајима изгузивања Русије из континенталне Европе у одређеној мери није изненађење. По овом питању Велика Британија је потпуно усаглашавала свој наступ са САД још од почетка XX века [Proroković, D., 2016].

Conclusion

Important historical, political and territorial characteristic of the Balkan is contained in the fact that he's boundaries are determined for centuries by external factors (major powers) in accordance with their interests and power, usually as not necessarily by contempt ethnic-national principle and need of the rounding national territory as an important factor for peace and stability in the region. The metaphor of the Balkans as a *powder keg* is the product of this policy, which is designed to provide permanent instability and intolerance Balkan states and peoples as an important feature of the policy of „divide and rule”. An important consequence of this attitude of the international community towards the Balkans are century-old conflicts of the Balkan states as a consequence of unresolved territorial disputes

---

³ Копнени простор између Црног и Јадранског мора.

and the status of national minorities who stayed out of natural (ethnic) and administrative boundaries native countries.

The unfavorable trend in the geopolitical development of the Balkans should not be stopped. National political and intellectual elites have to be confronted with the fact that most of the Balkan nations are slowly disappearance from the region. To stop this trend and to approach the way of building peace and prosperity, it is necessary to take appropriate measures, including the promotion of inter-ethnic and inter-religious reconciliation and tolerance, the establishment and maintenance of interstate, regional and international cooperation, accelerating economic development and improving the quality of life of all citizens. Foreign assistance, without conditions and impartiality is of great importance. Such assistance should be obligations of the international community.

Favorable geopolitical and geostrategic position of Serbia can be successfully valorized in terms of its full integration into Europe. The valorization is only possible through the harmonization of relations with the environment, the stabilization of the internal situation and cooperation with European and international institutions and associations. Ignorance and inert attitude to European integration initiates the possibility that Serbia stay out of all the developments and current trends. It is therefore a priority geopolitical interest of Serbia its integration into European economic, political and security system. Because of this geostrategic and geopolitical importance of the Balkans and Serbia, „the creators of the” New World Order have a special geopolitics and strategy in the Balkans.

Литертура

1. Bžežinski, Z.: *Velika šahovska tabla*, CID Podgorica/Beograd, Romanov - Banja Luka, Vojna štamparija, Beograd, 2001.
2. Galau, M. P.: *Strategija na balkanskom tlu*, „Smisao“, br. 1, Beograd, 1997.
3. Ѓњато, Р., Гајић, М., Ѓњато, О., Станојевић, М.: *Геополитичка реалност у простору Западног Балкана*, Гласник, Географско друштво Републике Српске, Свеска 19, Бања Лука, 2015.
4. Грчић, М.: *Проблеми културног идентитета Балкана*, Гласник, Географско друштво Републике Српске, Свеска 17, Бања Лука, 2013.
5. Деспотовић, Љ.: *Обележја геополитичког положаја Србије и српских земаља у контексту актуелних процеса балканизације*, Социолошки преглед, Вол. XLIV, Бр. 4, Београд, 2010.
6. Nakarada, R.: „*Značaj socijalnog konsenzusa za proces pridruživanja Evropskoj uniji*“ u: *Kako ubrzati pridruživanje Republike Srbije Evropskoj uniji*, Institut za Evropske studije, Beograd, 2004.
7. Pavlović, S.: *Istorija Balkana*, CLIO, Beograd, 2001.
8. Пророковић, Д.: *Геополитички положај Србије на почетку 21. века као елемент стратешког контекста*, Могуће стратегије развоја Србије,

- Економски зборник, Књига XIII, САНУ, Одељење друштвених наука, Београд, 2014.
9. Proroković, D.: *Budućnost EU iz ugla geopolitike: između kontrolisane atrofije i kontrolisane konsolidacije*, *Budućnost EU i Zapadnog Balkana – Pogled iz Srbije*, *Spoljnopolitičke sveske* br. 3, 2016.
  10. Radojičić, M.: *Srbija u procesima evroatlantskih integracija – između traumatičnog iskustva i real-političke nužnosti*, ERD: www.nspm.org.yu/Debate/2006_radojicic_123.htm, februar 2017.
  11. Radun, B.: *Srbija u raljama globalizacije*, ERD: www.nspm.org.yu/komglobalizacijaradun.htm, februar 2017.
  12. Sekulović, D., Panagopoulos, A., Wellbrock, W: *Balkan i Srbija u uslovima globalizacije, 4th International Conference, Law, Economy And Management In Modern Ambience, LEMiMA 2015*, Proceedings, Volume 3, University „UNION-Nikola Tesla”, Belgrade, Faculty of Business Studies and Law in Belgrade, Faculty of Strategic and Operational Management, Belgrade, Serbia, 2015, str. 154-161. http://lemima.rs/fajlovi/Lemima_2015_Vol_3.pdf
  13. Sekulović, D.: *Vojna geografija 2*, Medija centar „Obrana“, Beograd, 2011.
  14. Sekulović, D., Milkovski, V.: *Mesto i uloga geoprostora Srbije i Crne Gore u okviru pristupanja sistemu kolektivne bezbednosti*, opštevojni teorijski časopis „Vojno delo“, 4/2005, GŠ VSCG, Beograd, 2005.
  15. Степић, М.: *Србија и Дунавска стратегија: геополитички дискурс*, Могуће стратегије развоја Србије, Економски зборник, Књига XIII, САНУ, Одељење друштвених наука, Београд, 2014.
  16. Stojanović, S.: *Globalizacija i bezbednosne perspektive sveta*, Vojnoizdavački zavod, Beograd, 2009.
  17. Todorova, M.: *Imaginarni Balkan*, Drugo izdanje, Biblioteka XX vek, Beograd, 2006.
  18. Tomić, D.: *Novi svetski poredak, globalizacija i region Balkana*, Centar za balkanske studije, „Etnički i kulturni identiteti u procesu globalizacije i regionalizacije Balkana“, Zbornik radova, Punta, Niš, 2002, str. 108-113.
  19. Trud, A. i Trud, Ž.: *Razaranje Balkana – Kako su razbili Jugoslaviju*, Mettela, Beograd, 2013.
  20. Цвијић, Ј.: *Балканско полуострво*, САНУ, Књ. 2, Београд, 1991.
  21. Форца, Б.: *Војна неутралност Републике Србије између декларативног опредељења и поступања у пракси*, Зборник са међународног научног скупа „Допринос војне неутралности Републике Србије безбедности и стабилности у Европи“, ИМПП Београд и Hanns Seidel Stiftung - Канцеларија у Београду, 2016.

**РОЛЬ БАЛКАНСКИХ СТРАН В ФОРМИРОВАНИИ
МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

М.М. Agafoshin, I.A. Zakharov

**THE ROLE OF THE BALKAN COUNTRIES IN SHAPING
MIGRATION FLOWS IN THE EUROPEAN UNION: THE
GEOPOLITICAL ASPECT**

Аннотация. В статье рассматривается влияние геополитических событий в странах Азии и Африки, приведших к возникновению Европейского миграционного кризиса; анализируется направленность и мощность миграционных потоков в страны Евросоюза. На основе статистических данных авторы делают вывод, что через территорию балканских государств проходит крупнейший миграционный маршрут из Азии и это превращает страны региона в важных участников формирования миграционных потоков в ЕС.

Ключевые слова: миграционный кризис, международные миграции, Европейский союз, Западный Балканский миграционный маршрут.

Abstract. The article discusses the impact of geopolitical events in the countries of Asia and Africa, which led to the emergence of a European migrant crisis, and analyzes the direction and intensity of migration flows into the EU. Based on statistical data, the authors determine that the largest migration route from Asia passes through the territory of the Balkan states, which makes the countries of the region an important participant in the formation of migration flows in the EU.

Keywords: migrant crisis, international migration, European Union, Western Balkan migratory route.

Глобализация как сложный и многоаспектный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, вне всякого сомнения, имеет своё демографическое измерение. В условиях глобализации поляризованная картина демографического развития мира приводит к интенсификации миграционных процессов, при этом основной поток населения движется из развивающихся стран «Глобального Юга» в развитые «Глобального Севера», что приводит к формированию в мире совершенно новой миграционной ситуации, проявлением которой стал современный миграционный кризис в странах Европейского Союза (ЕС).

На протяжении большей части своей истории Европа не являлась центром притяжения мигрантов, скорее наоборот – страны Европы активно

«поставляли» свое население на освоение новых территорий в Северной и Южной Америке, а так же Австралии. И только со второй половины XX в. Европа, прежде всего страны ЕС, стали одним из глобальных центров мировой иммиграции, занимающем в настоящее время второе место в мире после Северной Америки по общей численности привлеченных мигрантов. Причиной роста миграционной притягательности стран ЕС является совокупность факторов. К одному из наиболее важных следует отнести высокий уровень жизни, который отражен в показателях социально-экономического развития стран ЕС, значительно превосходящих соответствующие у развивающихся государств [1]. Важную роль играет, также, дисбаланс развития мирового рынка труда между развитыми, к которым относится большинство стран Европейского Союза, и развивающимися странами – их ближайшими соседями. С середины XX в. в большинстве развивающихся государств Азии и Африки произошли кардинальные изменения структуры населения, обусловившие стремительный рост численности населения[2]. В тот же исторический период для европейских государств, наоборот, стало характерным уменьшение численности населения и его старение, вызвавшие дефицит трудовых ресурсов, которые данные государства были вынуждены компенсировать за счёт миграции. Миграционные процессы облегчало и то, что страны ЕС имеют тесные исторические связи со своими бывшими колониями, из которых поступала основная доля иммигрантов. На показатели увеличения миграционных потоков оказало влияние и развитие транспортной системы, увеличившее пространственную подвижность населения.

С начала 1990-х г. страны ЕС ощутили резкую интенсификацию миграционных потоков, вызванных рядом причин (таблица). Важным катализатором изменения направленности и численности миграционных потоков в страны ЕС стали геополитические изменения в странах Восточной Европы и СССР. Распад социалистического блока вызвал волну миграций из бывших социалистических стран в Западную Европу. Именно геополитические события последних десятилетий выдвинули проблему миграции в ряд наиболее острых для стран ЕС.

В настоящее время страны ЕС аккумулируют около 22% международных мигрантов, что позволяет говорить о Европе как об одном из глобальных центров миграционных потоков. На территории ЕС в 2015 г. проживало около 54 млн. иммигрантов (10,6% населения ЕС), среди которых 34,3 млн. лиц (6,7% населения ЕС) родились за его пределами [3]. Высокая численность мигрантов в странах ЕС позволила решить им ряд важных экономических задач (приток дешёвой рабочей силы вызвал экономический подъём), так и привела к эскалации многих проблем (рост организованной преступности и терроризма). Тем не менее, более 20 лет совершенствовавшие свою миграционную политику страны ЕС оказались не готовы к принятию фактически неконтролируемого потока мигрантов, начавшегося в 2011 г.

Действительно, современную миграционную ситуацию в странах ЕС можно охарактеризовать как кризисную, не имеющую precedентов со времен Второй мировой войны. Радикальные изменения интенсивности миграционных потоков в ЕС в течение последних пяти лет связаны с событиями «Арабской весны» и последующими военными конфликтами в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Основной поток мигрантов и беженцев идёт из охваченных войной с 2011 г. Сирии и Ирака, а также – Афганистана (рис. 1). Значимую роль в возникновении конфликтов сыграли демографические особенности, сложная этноконфессиональная структура населения стран[4, 5], а также вмешательство извне.

Вооруженные конфликты и экономическая нестабильность вынудили покинуть свои страны более 5 млн. человек; большая часть вынужденных мигрантов обосновалась в соседних странах (Турция, Иордания, Ливан), но многие отправились в страны ЕС, что во многом простимулировано государственной политикой предоставления социальных пособий. Основной маршрут для мигрантов и беженцев из стран Азии, по которому они попадают в страны ЕС, проходит через территорию Турции к греческим островам в Эгейском море (Лесбос, Лерос, Хиос, Самос), откуда стремятся попасть в Афины и Салоники, а также через сухопутную границу с Грецией и Болгарией. По классификации агентства Европейского союза по безопасности внешних границ «Frontex», данный маршрут носит название «Восточный Средиземноморский путь». Восточный Средиземноморский путь на протяжении многих лет находился под давлением нелегальной миграции; так, например, в 2008–2009 гг. данным маршрутом воспользовалось более 90 тыс. мигрантов. За период 2011–2015 гг. этим маршрутом воспользовалось более 1,2млн. человек. Наибольшая нагрузка пришла на 2015 г, когда, в течение года, прибыло более 885 тыс. мигрантов [6].

Таблица: Численность иммигрантов в странах-членах ЕС, 1990–2015 гг.

1990		2015	
Страна	тыс. чел.	Страна	тыс. чел.
Германия	5936	Германия	12005
Франция	5897	Великобритания	8543
Великобритания	3650	Франция	7784
Италия	1428	Испания	5852
Нидерланды	1182	Италия	5788
Польша	1127	Нидерланды	1979
Бельгия	891	Швеция	1639
Испания	821	Австрия	1492
Австрия	793	Бельгия	1387

Швеция	788	Греция	1242
Латвия	646	Португалия	837
Греция	618	Ирландия	746
Хорватия	475	Польша	619
Португалия	435	Хорватия	576
Эстония	381	Дания	572
Литва	349	Венгрия	449
Венгрия	347	Чехия	405
Дания	235	Финляндия	315
Ирландия	227	Латвия	263
Словения	178	Люксембург	249
Румыния	135	Словения	235
Люксембург	113	Румыния	226
Чехия	110	Эстония	202
Финляндия	63	Словакия	177
Словакия	41	Литва	136
Болгария	21	Болгария	102
Мальта	15	Мальта	41
Исландия	9	Исландия	37
Всего	26911	Всего	53898

Составлено авторами по:[7].

Греция и Болгария для большинства мигрантов не являются конечным пунктом, поскольку они стремятся, прежде всего, в богатые страны Западной и Северной Европы, прежде всего, ФРГ и Швецию. Таким образом, мигрантам приходится покидать территорию ЕС и продолжать свой путь через Западный Балканский маршрут, который проходит через Македонию, Сербию (страны, не входящие в ЕС), затем - в Венгрию и Хорватию, а далее в государства Западной Европы.

Основной поток мигрантов проходил по территории Македонии и Сербии в Венгрию, но закрытие границы в сентябре 2015 г. с венгерской стороны привело к изменению маршрута. Мигранты начали использовать территорию Хорватии и Словении для достижения своей цели (рис. 2). К потоку из Греции в Сербию присоединяются мигранты, решившие прокладывать свой путь через Болгарию. Помимо транзитных мигрантов из стран Азии, данный маршрут формируют и мигранты из Албании, и частично признанной Республики Косово. Рекордное число мигрантов, прибывших в Грецию, оказало прямое воздействие на интенсивность Западнобалканского маршрута; так с 2011 г. данным путём воспользовалось 960 тыс. человек; максимальная нагрузка пришлась на 2015 г. – 764 тыс.

Рис. 1. Гражданство мигрантов в странах ЕС в 2015 г.

Составлено авторами по: [3]

Современная политика ЕС в отношении мигрантов и беженцев опирается на Дублинское соглашение. Важной особенностью является то, что за процедуру предоставления политического убежища для мигрантов отвечает то государство, которое оказалось для беженца страной въезда на территорию ЕС. Таким образом, пограничные страны ЕС оказались в невыгодном положении. Ситуация усугубилась тем, что под натиском беженцев и из опасений их несправедливого распределения Греция и Венгрия прекратили регистрацию мигрантов, став пропускать их дальше в страны Западной и Северной Европы. В свою очередь, одностороннее нарушение соглашений со стороны Греции и Венгрии привело к тому, что крупнейший европейский реципиент мигрантов – Германия – приостановила действие Шенгенского соглашения и ввела пограничный контроль на своей территории. По причине невозможности направить мигрантов в Германию и другие страны Западной Европы, Венгрия, а так же Македония и Хорватия – закрыли границы для мигрантов. В результате, огромные массы мигрантов скопились на границах Греции и Сербии, не имея возможность продолжить свой путь.

Частичным выходом из данной ситуации стало принятие пакета мер, направленных на перераспределение между странами уже прибывших на территорию ЕС мигрантов и беженцев. Но данные меры ввели ещё больший раскол между странами ЕС по вопросу мигрантов, преимущественно по линии «Восток–Запад». Так, восточноевропейские страны ЕС, Финляндия, Испания и Португалия отказались принимать мигрантов по квотам.

Рис. 2. Западный Балканский миграционный маршрут.

Составлено авторами по:[6, 8]

В итоге, данные меры слабо работают: например, из Греции было перераспределено всего 10 тыс. мигрантов вместо намеченных 63 тыс. [9]. В Балканских и Восточноевропейских странах велико опасение, что слабо контролируемый поток мигрантов может негативно сказаться на их менее защищенных рынках труда, увеличить социальную напряжённость, вызвать рост преступности среди мигрантов и, возможно, активизировать проявления терроризма. Следует отметить, что население данного региона привержено традиционным ценностям, значительно отличающимся от западных норм, к тому же оно не имеет опыта интеграции этнических и религиозных меньшинств. Для балканских стран обострение миграционного кризиса стало тяжелым бременем, оказавшим негативное влияние на экономику и социальную сферу. Особенно актуально это для Сербии и Македонии, которые покрывают издержки от пребывания на своей территории мигрантов практически самостоятельно, в то время как Хорватия и Словения, входящие в ЕС, могут рассчитывать на финансовую поддержку со стороны Брюсселя.

Острейшие социокультурные и экономические проблемы, вызванные масштабной нелегальной иммиграцией в страны Балканского региона, могут привести к усилению радикального национализма и религиозной нетерпимости, поскольку основной поток мигрантов идёт из стран, население которых исповедует преимущественно ислам. Увеличение степени религиозной и этнической мозаичности населения Балкан, вызванное иммиграцией[10], используется многими местными политическими

партиями, которые делают акцент в своей пропаганде на проблему миграции и, тем самым, способствуют росту своего электората. Примером данной политической стратегии может служить партия «Золотая заря» в Греции, в которой она стала третьей по величине политической силой в парламенте, выступая за полное изгнание иммигрантов. На фоне роста антимигрантских настроений в Болгарии растёт популярность националистической партии «Атака», созданы две крупные общественные структуры «Воинский союз Васила Левски» и Болгарское национальное движение «Шипка», целью которых является патрулирование болгаро-турецкой границы и препятствование проникновению мигрантов в Болгарию.

Заключение. В начале XXI в. произошла резкая интенсификация миграционной подвижности населения мира. Революционные и военные события в странах Азии и Африки привели к миграционному кризису в Европе. Данный кризис стал серьезным вызовом для многих государств, лежащих на миграционном маршруте. Балканские страны играют транзитную роль для мигрантов, через их территорию проследовало около 1 млн. мигрантов, преимущественно из Сирии, Афганистана и Ирака. Это стало серьезной нагрузкой для ресурсов стран, не входящих в ЕС, в первую очередь для Сербии и Македонии.

Несмотря на снижение потока мигрантов в страны ЕС в 2016–начале 2017 гг., до урегулирования кризиса пока ещё далеко. Отдельные страны ЕС (Австрия, Дания, Венгрия, Великобритания) принимают решения, связанные с миграционной ситуацией, в одностороннем порядке. Ряд стран отказываются выполнять обязательства по квотируемому приёму мигрантов на свою территорию. Население Великобритании, несогласное со многими аспектами общеевропейской политики, в том числе и касающейся мигрантов, проголосовало на референдуме за выход из ЕС. Миграционный кризис продолжает испытывать страны ЕС на прочность и их единство.

Conclusion. At the beginning of the XXI century, due to changes of the geopolitical situation and the emergence of a large number of military conflicts, there has been a sharp intensification of migration mobility of the population of the world. Revolutionary and military events in the countries of Asia and Africa have led to a migrant crisis in Europe. The crisis has become a serious challenge for many States lying on the migratory route. The Balkan countries play a transit role for migrants. Through their territory proceeded about 1 million migrants, mostly from Syria, Afghanistan and Iraq. This became a serious stress for the resources of countries outside the EU, primarily for Serbia and Macedonia.

Despite the reduction of the flow of migrants to the EU in 2016 – early 2017, the crisis has not solved yet. Some EU countries (Austria, Denmark, Hungary, UK) make decisions related to the migration situation unilaterally. A number of countries refuse to comply with the obligations of the reception of migrants into its territory. The population of UK voted in a referendum for withdrawal from the EU,

due to disagreements of many aspects of EU policy including migration problem. The migrant crisis continues to test the EU strength and its unity.

Литература

1. Агафшин М.М. Европейский миграционный кризис: африканский аспект. // Материалы XV Всероссийской школы молодых африканистов. М.: 2016. С. 9–12
2. Агафшин М.М. Влияние демографических особенностей на процессы регионального развития арабских стран Ближнего Востока // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: мат-лы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО) / Под общ. ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 16–20.
3. Migration and migrant population statistics // Eurostat Statistics Explained [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=236348> (дата обращения: 10.02.2017).
4. Агафшин М.М., Горохов С.А. Трансформация конфессионального пространства Западной Азии // География в школе 2017. № 1. С. 24–29.
5. Горохов С.А. Ислам в современном мире // География в школе. 2009. № 7. С. 12–14
6. Risk Analysis for 2016. The Frontex. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.frontex.europa.eu> (дата обращения: 22.10.2016).
7. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (2015). Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org> (дата обращения: 05.02.2016).
8. Europe emergency. UNHCR. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.unhcr.org> (дата обращения: 15.02.2017).
9. Member States' Support to Emergency Relocation Mechanism. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 15.02.2017).
10. Горохов С.А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2014. № 4. С. 56–61

ГЕОЕКОНОМСКИ ОДНОС ЕВРОАЗИЈСКЕ ЕКОНОМСКЕ УНИЈЕ
ПРЕМА РЕПУБЛИЦИ СРБИЈИM. Sibinović
A. WinklerGEOECONOMIC RELATIONSHIP BETWEEN EURASIAN ECONOMIC
UNION AND THE REPUBLIC OF SERBIA

Апстракт: Евроазијска економска унија (ЕАЕУ) настала је 29. маја 2014. године потписивањем споразума између чланица оснивача: Русије, Белорусије и Казахстана. Неколико месеци касније придружиле су се Јерменија и Киргистан. Основно геостратешко опредељење Евроазијске економске уније садржано је у привредној сарадњи бивших држава Совјетског савеза, јачању економских односа у Централној Азији и успостављању зоне слободне трговине са европским партнерима. Врховни савет Евроазијске економске уније донео је одлуку на самиту у Астани, 31. маја 2016. године, да упуту званични позив Републици Србији о унификацији трговинског режима. Иако је у фокусу овог споразума економски развој, неизбежне су и одређене геополитичке импликације. Циљ овог рада је да истражи потенцијале и ограничења геоекономских односа Евроазијске економске уније и Републике Србије.

Кључне речи: Евроазијска унија, Република Србија, геоекономија, геополитика, геостратегија.

Abstract: Eurasian Economic Union (EAEU) was formed on 29 May 2014 with the signing of an agreement between the founding members: Russia, Belarus and Kazakhstan. A few months later were joined by Armenia and Kyrgyzstan. Basic geostrategic orientation of the Eurasian Economic Union is contained in the economic cooperation between the countries of the former Soviet Union, the strengthening of economic relations in Central Asia and the establishment of a free trade zone with the European partners. The Supreme Council of the Eurasian Economic Union has made a decision at the summit in Astana on 31 May 2016, to issue an official invitation from the Republic of Serbia for the unification of the trade regime. Although the focus of this Agreement is economic development, are inevitable and certain geopolitical implications. The aim of this paper is to explore the potential and limitations of geo-economic relations between the Eurasian Economic Union and the Republic of Serbia.

Key words: Eurasian Union, the Republic of Serbia, geo-economics, geopolitics, geostrategy.

Увод

Савремене геоекономске концепције засноване су на принципима који омогућавају државама да стратешки користе привреду у остваривању националних интереса на глобалном и регионалном нивоу. Овакав приступ подразумева комплексну интеграцију економије, политике, безбедности, образовања и културе. Због тога је једна од најзначајнијих тенденција у развоју светске привреде раст интеграционих процеса и успостављање великог броја трговинских блокова. Савремени друштвени системи посвећени су истраживању оптималних модела светске привреде и константним реформама процеса глобализације. Интеграциони процеси у сфери трговине карактеристични су по богатству корпорација, брзој акумулацији капитала, динамици, настанку и развоју нових компанија. На темељу идеје привредног удруживања развила се и Евразијска економска унија (ЕАЕУ). Заговорници јединственог евроазијског простора истичу економске интеграције као “најбољи лек” у превазилажењу последица светске економске кризе. Сагласно томе, у оквиру ЕАЕУ функционишу и други облици удруживања различитог степена интегративности (Царинска унија, Организација колективне безбедности, Шангајска организација за сарадњу итд.).

Геостратешко опредељење Републике Србије сагласно је са савременим интеграционим процесима у свету. Иако релативно мала земља, користећи свој географски положај, Србија је у позицији да на таласу интеграционих процеса унапреди свој привредни раст, али под условом да као партнер активно учествује у дешавањима у региону. Партнерство базирано на заједничким интересима са ЕАЕУ и ЕУ, може да допринесе привредном развоју у свим државама на Балкану. Економска позиција Србије значајно зависи од улагања страних инвеститора, због чега је неопходна политичка стабилност како у самој држави, тако и у региону. Са једне стране савремене геоекономске концепције извоза капитала, инвестиција и слободне трговине, представљају платформу за сарадњу међу балканским државама на вредностима западног света. Са друге стране, модернизација и економски развој Србије треба да буде усаглашена са моделима који подразумевају настојање да се у економском развоју користе достигнућа у погледу нових технологија и знања, а не тежњу ка буквалном усвајању западних вредности и имитирању Запада.

Савремени геоекономски принципи

Геоекономија савременог света дефинисана је конкурентском борбом економских система за овладавање и коришћење просторних ресурса. Савремени свет постаје све више технички и економски узајамно повезан и интегрисан у глобални систем, због чега геополитичке доктрине почињу

уступати место геоекономским идејама и приступима. О томе сведочи нагли раст обима светске трговине у последњих пола века, појава и ширење међународних регионалних економских интеграција, различити уговори о слободној трговини, итд. У темељу идеологије “новог светског поретка” фиксирана је идеја да се међународни конфликти решавају путем споразума и договора, а не путем рата и насиља – дакле геоекономским, а не геополитичким методама. Ипак, геополитика и геоекономија су вишеструко повезане и још увек не искључују једна другу у потпуности.

Истраживањем савремених геоекономских принципа бавили су бројни аутори (Жан К. и Савона П. 2007; Dugin A. 2007; Babić B. 2010; Engdahl, W. 2011; Kovačević, F. 2014; Attali, J. 2014), који се слажу у једном - да је за објашњење актуелних процеса прилагођавања новим (глобалним) економским и политичким захтевима неопходно познавање геоекономских феномена и категорија. Геополитичке конфронтације великих сила одвијају се на пољу економије и борбе за ресурсе, због чега је геоекономија важна као алтернативни мултидисциплинарни правац у изучавању геополитике и економије, јер сагледава условљеност њихових односа са географским положајем одређеног региона. Лутвак (Luttwak, 1990) наглашава да геоекономија представља *примену принципа геополитике на поље економије и географског положаја у ери глобализације и доминације неолибералне идеологије*. Разумевање геоекономије заснива се на економској и геополитичкој реалности с почетка 21. века, где се на другачији начин дефинишу стара и нова супарништва међу државама (Шћекић, 2015).

Савремени геоекономски принципи подразумевају: а) упоређивање државе с корпорацијом, која експлоатише ресурсе, производи робе и услуге и репродукује факторе производње; б) обезбеђивање економског раста (дохотка) уз помоћ неког система организације и управљања; в) конкурентску борбу између држава-корпорација за тржишта роба и услуга, у којој побеђују оне државе које нуде квалитетнију робу и услуге по нижим ценама; г) као основни фактор победе у конкурентској борби сматра се организационо-управни систем државе. Евидентан је закључак да државе-корпорације које раде неефикасно не само да деградирају факторе производње, него и снижавају глобални економски оптимум дохотка, животног стандарда и обима производње.

Као устаљени начини усавршавања организационо-управљачког система сматрају се слободни избори, ограничавање мандата за кључне руководеће дужности, политички плурализам, слобода говора, информисаност становништва, приватизација, ширење слоја власника, развој унутрашње и спољашње конкуренције, снижавање нивоа монополизације економије. На тај начин, агресивне геополитичке идеје, које су базиране на закону максималне просторне експанзије етноса, трансформишу се у геоекономске идеје (Грчић, 2016). Све су чешће прогнозе да ће у 21. веку геополитика као територијализована политика постепено слабити, док ће геоекономске концепције у спољашњој и унутрашњој политици играти све важнију улогу.

У том смислу термин “геополитика” ће постепено бити замењен терминима “геопацифизам”, “геоекономија”, “геокултура”, “геоетика” итд.

Геоекономска концепција Евроазијске економске уније

Велике државе релативно ретко мењају своје стратешке документе. Стратегије од националног интереса најчешће се везују за председнике, па се промене дешавају по истеку мандата или се у континуитету настављају. Најчешће нема радикалних резова и драматичних заокрета, јер је промена политике процес који се реализује низом детаљно планираних активности. Међутим, промена руске концепције дефинисане 2013. године одступа од устаљених принципа, иако већина раније дефинисаних циљева остаје иста. Познато је да Русија тежи формирању мултиполарног света, увећању својих економских потенцијала, активном деловању на спречавању сукоба “цивилизацијског карактера”, итд. Суштинска разлика између претходне и нове концепције је избор спољнополитичких партнера. Претходна стратегија била је заснована на формирању “партнерства за модернизацију” са Европском унијом и у том тренутку Русија је достигла историјски максимум у спољнотрговинској размени са ЕУ (око 340 млрд. евра). Прва линија гасовода “Северни ток” била је у пуној употреби, док су текле припреме за изградњу два крака “Јужног тока”. Међутим, од фебруара 2014. године и ескалације кризе у Украјини односи ЕУ и Русије се драматично мењају. Због тога је дефинисана нова концепција којом се руски интереси остварују у оквиру БРИКС-а и Евроазијске економске уније (ЕАЕУ), док је Европска унија мање заступљена. Русија није променила стратешке циљеве, али мења приоритете када је реч о избору стратешких партнера, јер ће мултиполарни поредак бити базиран на стратешкој интеграцији. Интензивирање регионалних економских интеграција подразумева виши степен интеграција унутар Евроазијског савеза и јачања улоге регионалних резервних валута (дедоларизација међународне трговине).

Активности Евроазијске економске уније повезане су са процесом интеграције земаља насталих поделом некадашњег Совјетског Савеза и могу се посматрати са аспекта новог мултиполарног поретка. Конкретни план интеграције евроазијског простора саопштио је Нурсултан Назарбајев, председник Републике Казахстан, на државном универзитету “Ломоносов” у Москви 1994. године. Назарбајев је своју концепцију засновао на идејама познатог руског научника Лава Николајевича Гумилева који је посебно указивао на значај географских и културно-историјских веза народа на територији Централне Евроазије (видети: Gumilev, 1993 Грчић, 2010; Ћирић, 2012). Основна концепција Евроазијске економске уније заснива се на међународном привредном удруживању и трговинској интеграцији. Процес интеграције заснован је на основама економског прагматизма, принципа равноправности, немешања у унутрашње ствари држава, уважавања

суверенитета и државних граница. Економски интереси држава постављени су испред апстрактних геополитичких доктрина, што је довело до формирања јединственог економског простора. Синергија развоја ЕАЕУ црпи се из комплементарности привреда, историјског наслеђа и блискости народа. Због тога интеграција евроазијског простора обухвата, осим привредне, још и политичку, војну, образовну, културну и хуманитарну компоненту. Оснивањем Евроазијске банке за развој, Антикризног фонда и међународног Центра за високе технологије створени су конкретни механизми финансијске интеграције у виду заједничког тржишта са слободним прометом робе, услуга, капитала и радне снаге. Унија има за циљ успостављање јединственог политичког, економског, војног, царинског, валутног, правног, хуманитарног и културног простора. Следећи корак, који се може очекивати је формирање монетарне уније са јединственом евроазијском наднационалном обрачунском валутом (Ћирић, 2012). Евроазијска идеја се све више рефлектује на сферу образовања и културе (Евроазијски клуб научника; Евроазијска асоцијација универзитета, итд.), што води ка успостављању јединственог образовног простора. Процеси започети у евроазијском простору могли би да се прошире на Пацифички басен, а носиоци интеграција били би Русија, Кина, Индија и Иран (Vinokurov, 2013). Други правац ширења интеграција кретао би се ка западу, до граница Европске уније на Балкану, а као нуклеус евроазијског партнерства могла би да буде Република Србија.

Важно је напоменути да постоје значајне разлике у геостратешкој перцепцији евроазијских интеграција између САД, ЕУ и Русије. Са једне стране, намеће се геополитичка традиција: западна (атлантска) и руско-совјетска (евроазијска), а са друге стране, јавља се геоекономско супарништво у оквиру кога Сједињене Америчке Државе настоје да пацифичком региону предложи нови интеграциони пројекат “Транс-пацифичко партнерство” (Trans-Pacific Partnership, TPP). Основна идеја САД-а је успостављање највеће зоне слободне трговине у свету, а потписало га је дванаест земаља Азијско-пацифичког региона, које заједно производе чак 40 одсто светског бруто производа (Аустралија, Брунеји, Канада, Чиле, Јапан, Малезија, Мексико, Нови Зеланд, Перу, Сингапур, Вијетнам и САД), док су из споразума изостављене Кина и Русија (Черин, 2016). Европска унија, иако делимично дезоријентисана након изласка Велике Британије, чврсто држи своје позиције на Балкану користећи инвестиционе фондове. Међутим, нису само владе укључене у надметање, него и бројне мултинационалне компаније. Укључивање корпоративног капитала у “геоекономске игре” обезбеђује већи обим инвестиција и неопходну спољну помоћ регионалним тржиштима, али профит остварен од природних ресурса, комбинован са геополитичким, геостратешким и војним факторима, може довести до заостравања односа. Занимљива је чињеница да се крајем 20. века политичко-географска перцепција Централне Азије није битно разликовала у САД-у и Русији, али је конвенционалну концепцију схватања нарушио термин “Већа Централна Азија” у коју су САД сврстале Авганистан и

Пакистан и тиме промениле географску перцепцију Централне Азије као групе постсовјетских држава. Намера САД-а била је да Авганистан поставе у центар “Транс-пацифичког партнерства” и осујете руску идеју евроазијске интеграције (видети: Blank, 2004; Starr, 2005; Sharshenova, 2009).

Геостратешка перспектива Републике Србије

У геоекономском надметању простор Балкана има специфичан значај због пресецања различитих цивилизацијских кругова и зона утицаја, које су доприносиле да кроз историју буде полигон за сукобљавање и намиривање интереса великих сила. Руски утицај се у другој декади 21. века интензивно повећава на Балкану, али пре свега у Србији, кроз инвестиције (Гаспром) и медијску присутност (Спутњик). Овај простор је од историјског значаја за Русију због културне, етничке, верске и цивилизацијске блискости народа. Због тога је у Астани 31. маја 2016. године на самиту лидера земаља-чланица ЕАЕУ, Врховни савет Евроазијске економске уније донео одлуку о почетку преговора са Републиком Србијом о успостављању јединственог трговинског режима.

Нова геоекономска реалност отвара Србији простор за реализацију тзв. вишесмерне економске политике, балансирајући између европског и евроазијског економског простора. Овакав вектор спољне економске политике Србије могао би да буде прекретница привредног развоја земље. Стварањем зоне слободне трговине (ЗСТ) са Евроазијском економском унијом Србији би постало доступно тржиште постсовјетских држава са око 183 милиона становника, али би додатно омогућило и повезивања са земљама Пацифичког региона окупљеним у организацију АСЕАН (Association of Southeast Asian Nations). Привредна иницијатива земаља чланица ЕАЕУ односи се на отварање заједничких технопаркова, кооперацију и развој у сфери фармацеутске индустрије и унапређење и развој свих врста туризма са Србијом. Стратешко опредељење Републике Србије требало би да буде засновано и на извозу аутомобила (Фиат), шећера, млечних прерађевина, цигарета и алкохолних пића. Ако имамо у виду да је процес агломерације капитала на Балкану тек у почетној фази, било би од великог значаја за Србију да се позиционира као регионални финансијски центар. Отварањем Кинеске банке (Bank of China) у Београду почетком 2017. године и најављено отварање Евроазијске банке за развој, могли би да доведу до експоненцијалног раста страних инвестиција.

Међутим, потписивање споразума о зони слободне трговине са Евроазијском економском унијом могло би да има и неколико негативних консеквенци. Србија би тиме могла да заустави или значајно успори процес евроинтеграција, што би узроковало геополитичку нестабилност која би неминовно водила ка конфронтацији са чланицама НАТО у окружењу (Хрватска и Албанија). Са песимистичког становишта, уместо економских

принципа, могли би да се наметну етнички принципи на Балкану, што подразумева наставак старих сукоба. Оптимистичка позиција, наглашава идеју повезивања ЕАЕУ и ЕУ, где би се Србија позиционирала као кључна спона између евроазијских друштава, односно постала би “економски мост” савремених геоekonomских токова.

Summary

The integration process inevitably leads to the geo-economic transformation of the countries of the Eurasian space into a significant whole which changes the current world economic, trade and political relations. The result of integration manifests itself as a viable long-term project that is understandable and acceptable to the widest circles of society. Eurasian Economic Union (EAEU) is a form of dynamic regional integration based on known models of economic groupings of countries that establish new economic content with innovations that match the challenges of the modern world. The basic idea of EAEU is contained in the establishment of a free trade zone with interested partners, with the aim of increasing the scope of economic growth and investment. The creators of the Eurasian integration space (see: Gumilev, 1993) perceive the Eurasian Union as a sustainable project for broad mutual cooperation with various organizations including the European Union. Such defined integration processes are essential for the Republic of Serbia. Developmental advantage of Serbia compared to neighboring countries is the possibility of strategic cooperation with Russia and its partners from EAEU.

Historically, Serbia has not valorize its geographical position and the real question is whether suit conditions in the contemporary geo-economic power centers that generate change in this part of Europe? During the 20th century, the population in the territory of the Republic of Serbia survived a number of crises periods are considerably slowed down the development of economy, science, education, culture. M. Grčić (2008) notes that Serbia has entered the 21st century with exhausted resources, natural environment, inadequate quality of national wealth, the heavy burden of external and internal debts, occupied part of its territory, precarious international situation and negative demographic balance. New consideration of geo-positioning Serbia should move towards economic integration taking place between EU - EAEU and real opportunities to take the role in Balkans integration, as Cvijić argued, by geographical position belongs.

Литература

1. Babić, B. (2009). Geoekonomija – stvarnost i nauka. *Megarend revija*, 6(1), 27-54.
2. Blank, S. (2004). Infrastructural policy and national strategies in Central Asia: the Russian example. *Central Asian Survey*, 23(3-4), 225-248.
3. Dugin, A. (2007). *Geopolitika postmoderna – vremena novih imperija*. Sankt-Peterburg: Amfora.
4. Engdahl, W. (2011). *A Century of War: Anglo-American Oil politics*. Wiesbaden.
5. Gumilev, L. (1993). *Iz istorii Evrazii (From the story of Eurasia)*. Moscow: Iskustvo.
6. Kovačević, F. (2014). *Teoretičari klasične geopolitike*. Podgorica: CGO.
7. Luttwak, E. (1990). From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, 20, 17-23.
8. Sharshenova, A. (2009). Political construction of geography: the US and Russian concepts of Central Asia. *POLIS Journal*, 2, 1-43.
9. Starr, F.S. (2005). *A Greater Central Asia partnership for Afghanistan and its neighbours*. Washington: Silk Road Papers Series by the Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
10. Šćekić, R. (2015). Uticaj geoekonomije na države Jugoistočne Evrope. *Economics & Economy*, 3(6), 61-71.
11. Vinokurov, Y. (2013). Pragmatic Eurasianism: Prospects for Eurasian Integration. *Russia in Global Affairs*, 11(2), 87-96.
12. Грчић, М. (2008). Цвијићева перцепција географског положаја Србије. *Гласник Српског географског друштва*, 88(2), 3-12.
13. Грчић, М. (2010). Концепција ритмова етногенезе Л. Гумиљова. *Демографија*, 7, 27-43.
14. Грчић, М. (2016). *Економска географија - скрипта*. Београд: Географски факултет.
15. Жан, К. и Савона, П. (2007). *Выводы: геоекономика как инструмент геополитики*. (Retrieved from: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics>).
16. Ћирић, А. (2012). Евроазијска економска заједница. *Зборник радова правног факултета у Нишу*, 62, 1-17.
17. Черин, С. (2016). *Ко ће профитирати ако пропадне Транспацифичко партнерство?* (Преузето са: <https://rs.sputniknews.com>).

ЦРНА ГОРА У ГЕОПОЛИТИЧКОМ КОНТЕКСТУ БАЛКАНА

М. Doderović
Lj. PopovićMONTENEGRO IN THE GEOPOLITICAL CONTEXT OF THE
BALKANS

Апстракт: У раду се анализира позиција Црне Горе кроз три геополитичке концепције – атлантизам, континентализам и неоосманизам. Атлантизам је традиционално заинтересован за контролу приобаља и у том контексту САД и Великој Британији много више одговара да у тој зони имају у сваком погледу слабију Црну Гору, него војно и економски јачу државу. Гледано са аспекта начелних интереса атлантизма, може се закључити да је осамостаљивање Црне Горе био циљ ове геополитичке концепције. Међутим, црногорска обала представља геополитичку контактну зону атлантизма, неоосманизма, континентализма. Најважнији геополитички циљ за атлантизам у овом дијелу Средоземља јесте контрола Отранта, па је због тога и албански дио обале најинтересантнији. Други циљ је спријечити излазак континентализма на топло море, што се најприје може десити у Истри или сјеверној Далмацији, па је због тога хрватски дио јадранске обале такође интересантнији од црногорске обале. Црна Гора, без обзира на то што има излазак на море у зони од великог геополитичког интереса атлантизма, нема прворазредни значај за ову геополитичку концепцију. Због тога је атлантизам вјероватно и спреман да у претварању геополитичких циљева у спољно-политичке доктрине и стратегије попусти у погледу Црне Горе или је третира као објекат дипломатске трговине. Непосредно после осамостаљивања Црне Горе, у геополитичку битку за јадранску обалу укључила се и Русија на врло оригиналан начин.

Кључне ријечи: геополитика, атлантизам, неоосманизм, континентализм

Absrtact: The paper analyzes the position of Montenegro in three geopolitical concepts - Atlanticism, continentalism and Neo-Ottomanism. Atlanticism is traditionally interested in the control of the coastal area. In this context, for the US and the UK is much more convenient to have in that zone, in every respect weaker Montenegro, but militarily and economically strong state. From the point of principle interest Atlanticism, it can be concluded that the independence of Montenegro is the objective of this geopolitical concept. However, the Montenegrin coast represents the geopolitical contact zone of Atlanticism, Neo-Ottomanism and Continentalism. The most important geopolitical goal for Atlanticism in this part of the Mediterranean is the control of Otranto, and therefore

the most interesting is the coastal zone of Albania. The second objective is to prevent the release of continentalism to the warm sea, which at first could happen in Istria and northern Dalmatia, and therefore the Croatian part of the Adriatic coast is of greater interest than the Montenegrin coast. Montenegro, regardless of its sea zone of great geopolitical interest to Atlanticism, has no primary importance for this geopolitical concept. That is why Atlanticism is likely and ready to transform geopolitical objectives in foreign policy doctrines and strategies and treat Montenegro just as an object of diplomatic trade. Immediately since the independence of Montenegro, Russia has been involved in a very original way in the geopolitical battle for the Adriatic,

Key words: geopolitics, Atlanticism, Neo-Ottomanism, continentalism

Увод

Нови свјетски геополитички поредак данас се још увијек налази у етапи настанка, кад још нису у потпуности дефинисани основни правци развоја савремених геополитичких и међународних односа. У географском и популацијском смислу, Црна Гора спада у ред најмањих европских држава. Црна Гора, која се налази на размеђи Истока и Запада, повезана са балканским и медитеранским сусједима, припада тренутно једном од најдинамичнијих, али и најперспективнијих региона. Ту, посебну позицију и користи које из ње произилазе, Црна Гора уграђује у темељне вриједности своје спољне политике. На основу стратешких државних интереса, односно интереса својих грађана, уважавајући процесе у региону, ширем европском окружењу и на глобалном плану, Црна Гора као самостална држава усмјерава своје спољнополитичке активности. Црна Гора је стицањем своје независности први пут у модерној историји у прилици да у значајној мјери самостално може утицати на свој геополитички и међународни положај. То значи да утиче на свој положај у савременом, новом свјетском геополитичком поретку. Црна Гора због својих објективних околности (реалности које јој је поставила историја) нема могућности пресудно утицати на развој савремено геополитичког поретка. Оваква ограничења, која је поставио историјско-географски развој Балкана (економско заостајање за Европом, велика страдања и исељавања становништва, фрагментираност простора у велики број држава основаних углавном на етничком принципу) допринијела су томе да је црногорски народ у отаџбини данас много мање бројан него што је требао бити, с много мањим територијем него што је Црна Гора могла имати. У Европи су велике државе настале окрупњавањем мањих феудалних посједа под централну власт која је изграђивала нацију на територијалном, а не етничком принципу. Савремено доба је доба глобализације и сарадње у којем нема мјеста изолацији. Рад се састоји од сегмента који поможу да се схвати позиција Црне Горе кроз њену прошлост и садашњост. 1. Географски контекст 2. Географско историјски контекст 3. Положај и улогу Црне Горе у

свјетском геополитичком поретку 4.Интерес три геополитичке концепције – атлантизма, континентализма и неоосманизма и Црна Гора у њима.

2.Географско историјски контекст

Данашња Црна Гора, односно већи дио римске провинције Превалис,називала се до краја X вијека само Диоклијом. Назив потиче од римског града Доклеје који се налази близу Подгорице. Од XI вијека јавља се и друго име Зета, по имену десне притоке Мораче. Од ХИВ вијека на Балканско полуострво продиру Турци. До ХВИИИ вијека кад почиње њихово повлачење, Турци су чинили већину скоро у свим варошима дуж путева. Антропогеографске последице Турских освајања биле су велике миграције становништва, формирање Војне крајине, исламизација западног дијела Јужних Словена и Шиптара, друштвено-економско заостајање балканских народа, и ратови. Између Црне Горе и Турске је 28. јуна 1876. године почео рат. Трајао је до јануара 1878. године. Турска је поражена у овом рату и била је приморана да призна самосталност Црне Горе. Црна Гора је добила знатно територијално проширење. Године 1878. одржан је Берлински конгрес који је ревидирао одредбе Сан Стефанског уговора тј. услове мира које је Русија наметнула Турској. Берлинским конгресом Црној Гори, Србији, и Румунији призната је независност. Босна и Херцеговина окупирана је од стране Аустрије, а 1908. год. је анектирана. Анексија Босне и Херцеговине изазвала је реакцију и протест у Црној Гори и Србији. Оне су у анексији Босне и Херцеговине виђеле пријетњу својој самосталности, а насупрот тих догађаја Аустроугарска је у Србији виђела подстрекача национално-ослободилачких покрета јужно-словенских народа. Непосредни повод за Први свјетски рат био је антентат на аустроугарског престолонаследника у Сарајеву, јуна 1914.год. Аустроугарска, иза чијих је леђа стајала Њемачка, објавила је рат Србији 28. јуна 1914.год., затим је Њемачка објавила рат Русији и Француској, а Енглеска Њемачкој. Рат је трајао све до новембра 1918. год. када је капитулирала Њемачка. Мировна конференција у Версају 1919. год. бавила се прекрајањем политичке карте Европе. Француска и Енглеска су постале водеће силе Европе. Аустроугарска се распала и нестала с политичке карте свијета. Распадом Аустроугарске створене су Чехословачка и Пољска. Јужне области бивше Аустро-угарске (Босна и Херцеговина, Словенија, Далмација, Хрватска, Војводина) ушле су заједно са Србијом и Црном Гором у састав Краљевина СХС преименоване 1929.год. у Краљевину Југославију. На конференцији на Јалти 1945. год. створен је биполарни свјетски поредак и извршена је пођела интересних сфера на Балкану. У вези Јалте Черчил констатује да Совјетски Савез има виталне интересе у земљама на Црном мору (Румунија и Бугарска), а Британија сматра правилним да покаже посебан обзир према руском гледишту за те двије земље и - »према жељи Совјета да на практичан начин преузму водство, оријентирајући их у име заједничке ствари«. Напротив, за Грчку је заинтересована Британија.

Совјетски Савез признаје Британији тај положај, као што Британија признаје присне односе Совјетског Савеза и Румуније. У наставку Черчил тумачи рјешење за Мађарску и Југославију. У Јалти је владала атмосфера у којој су се они који су дијелили могли чак и цинички шалити иза леђа малих народа. Остала је забиљежена Стаљинова изјава: »Орао мора допустити птицама да пјевају, и не смије га узнемиравати разлог због којег пјевају«. Тобође, нека само говоре и протестују, велики су они који одлучују. (Артхур Цонте 1968.287). Уставом донесеним 27. априла 1992. године проглашена је СР Југославија, суверена савезна држава, заснована на равноправности грађана и равноправности република које улазе у њен састав. Трећу Југославију чинеле су републике Србија и Црна Гора, на територији од 102.179 км² и са 10.338.000 становника (1990). СР Југославија је била највећа од земаља бивше СФРЈ. Оснивање нове државе прате економски проблеми из претходног периода (пад производње, критична незапосленост, висока инфлација и дубоки структурни поремећаји, узроковани прије свега нетржишним привредним системом и дугогодишњом неповољном политичком ситуацијом у земљи). Треба истаћи једну аномалију која је била карактеристична за СРЈ. То је велика асиметричност и у погледу територија, и у погледу величине становништва између двије федералне јединице, Црне Горе и Србије. Црна Гора је учествовала са 13,5% у територији СР Југославије, са 6,1% у укупном броју становника, са 6,1% по броју запослених и 4,9% у друштвеном производу. Црна Гора је обновила самосталност 21. маја 2006.године на референдуму.

Спољнополитичке акције и потези држава могу се објаснити у оквирима геополитичке културе, која се састоји од геополитичких имагинација и геополитичких традиција, а утиче на свакодневну државну праксу. Различите геополитичке имагинације и геополитичке традиције чине темеље на којима се стварају одређени геополитички дискурси – формални, практични и популарни. Геополитичка перцепција представља посљедицу прожимања дугорочне геополитичке традиције и краткорочних геополитичких дискурса, који за посљедицу имају позитивну или негативну перцепцију према другоме. Она је такође и фактор који се односи на традиционалну слику стварану током дужег временског раздобља и субјективну процјену симпатичности и солидарности грађана једних према другима. Црна Гора се према геополитичкој поћели свијета Саула Цохена налази на додиру евроазијског-континенталног и маритимног геостратешког подручја. Цохенова поћела свијета представља својеврстан сукус претходних поћела свијета. У њој је присутна хијерархијска организација простора, која је један од главних фактора поћеле свијета (уз географски фактор дистрибуције копна и мора, наравно). Геостратешка подручја Саула Цохена састоје се од геополитичких регија. Црна Гора припада ивичном дијелу маритимног геостратешког подручја, те се налази у геополитичкој регији Поморска Еуропа и Магреб. Геополитичке регије састоје се од држава и појединих регија унутар држава. Осим, ових подручја, постоје схаттербелти (зоне притиска, растресања и

фрагментације геополитичког поретка) и гатењау регије. Црна Гора би због свог положаја на контакту рељефних цјелина, животних жаришта и геополитичких регија могла постати гатењау држава која би била прелазни простор и простор комуникације између југоисточне Европе и остатка Европе, али и средње и јужне Европе. Црна Гора као мала држава с мало становника у глобалним размјерима не може утицати на промјене глобалних геополитичких структура. Међутим, глобалне геополитичке структуре и најважнији актери глобалног геополитичког поретка могу својим директним или индиректним, колатералним ђеловањем значајно утицати на међународни положај Црне Горе. Моћ најважнијих актера глобалног поретка толика је да могу промијенити не само међународни положај мањих држава, него без већих проблема могу промијенити и политичку ситуацију у некој држави. И у самом стицању самосталности и потврде Црне Горе међународним признањем, пресудну улогу су одиграли међународни фактори. Неки од њих били су за признање Црне Горе, а већина глобалних геополитичких актера је била против признања нових држава, водећи се принципом територијалног интегритета постојећих држава. Црна Гора, као демократска и отворена земља, у новом државном капацитету, развија политичке, економске и друге односе са кључним државама у свијету, при чему интензитет и значај тих односа кореспондирати с државним, националним и укупним интересима Црне Горе. Црну Гору је до сада признало 178 земаља, а са исто толико су успостављени и дипломатски односи, а отворен је знатан број амбасада у Подгорици и постепено се проширује и дипломатско-конзуларне мреже Црне Горе у свијету.

Данашња Црна Гора, односно већи дио римске провинције Превалис, називала се до краја X вијека само Диоклијом. Назив потиче од римског града Доклеје који се налази близу Подгорице. Од XI вијека јавља се и друго име Зета, по имену десне притоке Мораче. Од XIV вијека на Балканско полуострво продиру Турци. До XVIII вијека кад почиње њихово повлачење, Турци су чинили већину скоро у свим варошима дуж путева. Антропогеографске посљедице Турских освајања биле су велике миграције становништва, формирање Војне крајине, исламизација западног дијела Јужних Словена и Шиптара, друштвено-економско заостајање балканских народа, и ратови. Између Црне Горе и Турске је 28. јуна 1876. године почео рат. Трајао је до јануара 1878. године. Турска је поражена у овом рату и била је приморана да призна самосталност Црне Горе. Црна Гора је добила знатно територијално проширење. Године 1878. одржан је Берлински конгрес који је ревидирао одредбе Сан Стефанског уговора тј. услове мира које је Русија наметнула Турској. Берлинским конгресом Црној Гори, Србији, и Румунији призната је независност. Босна и Херцеговина окупирана је од стране Аустрије, а 1908. год. је анектирана. Анексија Босне и Херцеговине изазвала је реакцију и протест у Црној Гори и Србији. Оне су у анексији Босне и Херцеговине виђеле пријетњу својој самосталности, а насупрот тих догађаја Аустроугарска је у Србији виђела подстрекача национално-ослободилачких

покрета јужно-словенских народа. Непосредни повод за Први свјетски рат био је антентат на аустроугарског престолонаследника у Сарајеву, јуна 1914. год. Аустроугарска, иза чијих је леђа стајала Њемачка, објавила је рат Србији 28. јуна 1914. год., затим је Њемачка објавила рат Русији и Француској, а Енглеска Њемачкој. Рат је трајао све до новембра 1918. год. када је капитулирала Њемачка. Мировна конференција у Версају 1919. год. бавила се прекрајањем политичке карте Европе. Француска и Енглеска су постале водеће силе Европе. Аустроугарска се распала и нестала с политичке карте свијета. Распадом Аустроугарске створене су Чехословачка и Пољска. Јужне области бивше Аустро-угарске (Босна и Херцеговина, Словенија, Далмација, Хрватска, Војводина) ушле су заједно са Србијом и Црном Гором у састав Краљевина СХС преименоване 1929. год. у Краљевину Југославију. На конференцији на Јалти 1945. год. створен је биполарни свјетски поредак и извршена је појела интересних сфера на Балкану. У вези Јалте Черчил констатује да Совјетски Савез има виталне интересе у земљама на Црном мору (Румунија и Бугарска), а Британија сматра правилним да покаже посебан обзир према руском гледишту за те двије земље и - »према жељи Совјета да на практичан начин преузму водство, оријентирајући их у име заједничке ствари«. Напротив, за Грчку је заинтересована Британија. Совјетски Савез признаје Британији тај положај, као што Британија признаје присне односе Совјетског Савеза и Румуније. У наставку Черчил тумачи рјешење за Мађарску и Југославију. У Јалти је владала атмосфера у којој су се они који су дијелили могли чак и цинички шалити иза леђа малих народа. Остала је забиљежена Стаљинова изјава: »Орао мора допустити птицама да пјевају, и не смије га узнемиравати разлог због којег пјевају«. Тобође, нека само говоре и протестују, велики су они који одлучују. (Артхур Цонте 1968.287). Уставом донесеним 27. априла 1992. године проглашена је СР Југославија, суверена савезна држава, заснована на равноправности грађана и равноправности република које улазе у њен састав. Трећу Југославију чинеле су републике Србија и Црна Гора, на територији од 102.179 км² и са 10.338.000 становника (1990). СР Југославија је била највећа од земаља бивше СФРЈ. Оснивање нове државе прате економски проблеми из претходног периода (пад производње, критична незапосленост, висока инфлација и дубоки структурни поремећаји, узроковани прије свега нетржишним привредним системом и дугогодишњом неповољном политичком ситуацијом у земљи). Треба истаћи једну аномалију која је била карактеристична за СРЈ. То је велика асиметричност и у погледу територија, и у погледу величине становништва између двије федералне јединице, Црне Горе и Србије. Црна Гора је учествовала са 13,5% у територији СР Југославије, са 6,1% у укупном броју становника, са 6,1% по броју запослених и 4,9% у друштвеном производу. Црна Гора је обновила самосталност 21. маја 2006. године на референдуму.

Спољнополитичке акције и потези држава могу се објаснити у оквирима геополитичке културе, која се састоји од геополитичких имажинација и

геополитичких традиција, а утиче на свакодневну државну праксу. Различите геополитичке имажинације и геополитичке традиције чине темеље на којима се стварају одређени геополитички дискурси – формални, практични и популарни. Геополитичка перцепција представља последицу прожимања дугорочне геополитичке традиције и краткорочних геополитичких дискурса, који за последицу имају позитивну или негативну перцепцију према другоме. Она је такође и фактор који се односи на традиционалну слику стварану током дужег временског раздобља и субјективну процјену симпатичности и солидарности грађана једних према другима. Црна Гора се према геополитичкој пођели свијета Саула Цохена налази на додиру евроазијског-континенталног и маритимног геостратешког подручја. Цохенова пођела свијета представља својеврстан сукус претходних пођела свијета. У њој је присутна хијерархијска организација простора, која је један од главних фактора пођеле свијета (уз географски фактор дистрибуције копна и мора, наравно). Геостратешка подручја Саула Цохена састоје се од геополитичких регија. Црна Гора припада ивичном дијелу маритимног геостратешког подручја, те се налази у геополитичкој регији Поморска Еуропа и Магреб. Геополитичке регије састоје се од држава и појединих регија унутар држава. Осим, ових подручја, постоје схаттербелти (зоне притиска, растресања и фрагментације геополитичког поретка) и гатењау регије. Црна Гора би због свог положаја на контакту рељефних цјелина, животних жаришта и геополитичких регија могла постати гатењау држава која би била прелазни простор и простор комуникације између југоисточне Европе и остатка Европе, али и средње и јужне Европе.

Црна Гора као мала држава с мало становника у глобалним размјерима не може утицати на промјене глобалних геополитичких структура. Међутим, глобалне геополитичке структуре и најважнији актери глобалног геополитичког поретка могу својим директним или индиректним, колатералним ђеловањем значајно утицати на међународни положај Црне Горе. Моћ најважнијих актера глобалног поретка толика је да могу промијенити не само међународни положај мањих држава, него без већих проблема могу промијенити и политичку ситуацију у некој држави. И у самом стицању самосталности и потврде Црне Горе међународним признањем, пресудну улогу су одиграли међународни фактори. Неки од њих били су за признање Црне Горе, а већина глобалних геополитичких актера је била против признања нових држава, водећи се принципом територијалног интегритета постојећих држава. Црна Гора, као демократска и отворена земља, у новом државном капацитету, развија политичке, економске и друге односе са кључним државама у свијету, при чему интензитет и значај тих односа кореспондирати с државним, националним и укупним интересима Црне Горе. Црну Гору је до сада признало 178 земаља, а са исто толико су успостављени и дипломатски односи, а отворен је знатан број амбасада у Подгорици и постпено се проширује и дипломатско-конзуларне мреже Црне Горе у свијету.

**МИГРАЦИЈЕ СТАНОВНИШТВА КАО ДЕТЕРМИНАНТА
ПРОСТОРНЕ РЕДИСТРИБУЦИЈЕ СТАНОВНИШТВА НА
БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРВУ**

Danica Šantić

**MIGRATION AS A DETERMINANT OF THE POPULATION
REDISTRIBUTION IN THE BALKAN PENINSULA**

Апстракт: Повећање интензитета миграционих кретања у свим регионима света на почетку XXI века условљава хитно доношење одлука према усељавању и креирање сврсисходних миграционих политика. То је за државе Балканског полуострва једина шанса у условима биолошког изумирања, одмаклог старења и неравномерног просторног размештаја људских ресурса неопходних за свеукупни будући развој и напредак. Међутим, то се не може постићи без комплексног сагледавања миграција становништва на овим просторима у једном дужем историјском контексту. Тврдња чувеног српског историчара Николе Самарџића да су миграције зла коб српског народа се може применити и на све народе овог дела Европе, али оне истовремено представљају и шансу да се кроз конкретне мере, институције и начине њиховог спровођења краткорочно и дугорочно делује у жељеном правцу ка преусмеравању непожељних демографских трендова, а све у циљу економског, социјалног и свеукупног развоја држава. Из тих разлога се у раду наглашава значај проучавања миграција и порекла становништва од Цвијићеве антропоеографске школе до данас.

Кључне речи: миграције, становништво, демографија, Балканско полуострво

Abstract: Increasing the intensity of migration flows in the world at the beginning of XXI century causes the urgent decision-making toward immigration and creating meaningful migration policy. It is very important for the Balkan states in terms of biological extinction, aging and uneven spatial distribution of human resources necessary for the future development and progress. However, this can not be achieved without consideration of the complex migration in this region in a longer historical context. The claim of the famous Serbian historian Nikola Samardzic that migrations are the evil fate of the Serbian people can be applied to all Balkan nations, but they also represent a chance to get through concrete measures, institutions and ways of their implementation in the short and long term working in the right direction towards diverting undesirable demographic trends, with the goal of economic, social and overall development of the country. For these reasons, the paper emphasizes the importance of studying the origin and migration of population from Cvijićeve anthropogeographical school until today.

Key words: migration, population, demography, Balkan Peninsula

Балканско полуострво по својим физичко-географским и друштвено-географским особеностима представља посебан регион са сопственим културним, економским и политичким снагама. Јован Цвијић је овај простор посматрао као велику цивилизацијску границу између Европе и Азије. Међутим, политичке промене у Европи на крају XX века и нови светски поредак трансформисали су положај балканског региона, те уместо раскрснице између Истока и Запада, све више постаје сфера утицаја Запада (Грчић, 2005; Грчић, 2008). Балкан, често схваћен као метафора за полуразвијен, полуоријенталан, полукцивилизован и полуколонијалан регион, проблематичног, психички противуречног човека, „балканца“ (Ното балканисуса) (Џаџић, 1994), све чешће прати епитет “буре барута”, али је, како истиче М. Грчић, барут “најчешће увозни, а детонатори су водили према страним снагама” (Грчић, 2005:211).

Савремени положај Балканског полуострва, у светским и европским миграционим токовима, се тешко може разумети без сагледавања његове прошлости. Миграције становништва чине једну од главних карактеристика овог простора вековима уназад. Државе Балкана су и у прошлости, али и данас, карактерисали имиграциони и емиграциони токови, али су оне представљали и важна транзитна подручја регионалних кретања унутар самог полуострва, међународних миграција у оквиру Европе и сеоба становништва међуконтиненталног карактера између Европе, Азије и Африке. Својим географским положајем, овај регион је био и остао мост или коридор између Истока и Запада и важно подручје спајања и прожимања народа, култура и цивилизација. Дворниковић је упоредио Балкан са “Вратима народа” између Урала и Каспијског језера, истичући специфичан мозаик народа који се налази на геополитичком мосту између Европе и Азије (Дворниковић, 1937).

У зависности од историјских периода у којима се феномени миграција прате, могуће је валоризовати географски положај Балканског полуострва и са позитивног и са негативног аспекта, како за унутрашње, тако и за међународне миграције. Познато је у нашој и европској науци да су српски извори за познавање сложених миграционих феномена у дугом историјском периоду, од средњег века до данас, једно од најзначајнијих научних и културних наслеђа, које су народима Балканског полуострва оставили Јован Цвијић, као и савременици и следбеници његове антропогеографске школе, неговане кроз читав XX век. Везе, односи и утицаји миграција становништва у сложеним релацијама у оквиру демографских система, и њих са елементима осталих система природне и друштвене врсте, показују да су на Балканском полуострву миграције становништва, и у краћим, и у дужим раздобљима мењале демографски развитака, и трансформисале трендове насељености и правце развоја економских, социјалних, етничких и, генерално, друштвених структура од микро, мезо до макронивоа. Миграције становништва се на овом простору вековима одвијају кроз циклична кретања, испољавајући

сличности и разлике у просторним манифестацијама у различитим временским периодима, што кореспондира са значењем и рангом појединих фактора у склопу система детерминанти миграционих феномена. И управо се по својој цикличности одвијања разликују од других елемената демографског развитка односно од природног кретања и структура становништва, које карактеришу устаљени демографски трендови без већих варијација. То омогућава сагледавање миграција становништва као фактора регенерације демографских процеса. Цикличност одвијања миграција можемо пратити на примерима унутрашњих пресељавања (метанастазичке струје некад, и најновије струје избеглог, расељеног и прогнаног становништва деведесетих година XX века), као и преко међународних миграција (исељавања у европске и ваневропске земље некад, и новије економске и друге миграције у Европу и свет).

Током дугог историјског периода главни покретачи пресељавања становништва били су политички фактори, који су довели до интензивних демографских промена на Балканском полуострву. Сеобе становништва су биле карактеристика овог простора још од најстаријих времена, али се интензивирају доласком Словена од VII до IX века и турском најездом у XIV веку. Великим сеобама Срба крајем XVII и почетком XVIII века исељене су читаве породице са Косова и Метохије и Шумадије и насељена је Панонска низија. Истовремено са планинских простора Албаније досељава се становништво ка Косову и Метохији. Затим, у XIX веку, стварањем модерне српске државе и њеним територијалним ширењем, дошло је до пресељавања читавих породица из динарских простора и других метанастазичких области, која се интензивирају стварањем нове државе Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1918. године (Цвијић, 1922). Ратови у првој половини XX века покренули су велике таласе избеглог и расељеног становништва, планско насељавање Косова и Метохије (после I светског рата) и Војводине (након I и II светског рата) из Босне и Херцеговине, Хрватске, Црне Горе (Ђурђев, 1986), као и протеривање немачког и мађарског становништва из Војводине. Готово исти правци се понављају и 90-их година XX века са масовним миграцијама избеглог, расељеног и прогнаног становништва из Босне и Херцеговине, Хрватске, Словеније и Косова и Метохије ка територијама Централне Србије и Војводине (преко 600.000 избеглих и прогнаних и 220.000 расељених), али и унутар наведених територија, као и у иностранство. Такође, за период након I светског рата је карактеристична и размена становништва након грчко-турског рата 1922. године, када је 1,5 милиона Грка исељено из Мале Азије, и пола милиона Турака из Грчке (Пећинар, 2012). Значајни су примери и миграције Турака из Бугарске након II светског рата и то 1947-1951. и 1969-1978. године, када је око 250.000 људи емигрирало из Бугарске у Турску. Ова миграција етничких Турака се наставила и у периоду 1986-1992. године када је готово пола милиона људи напустило Бугарску (Elchinova, 2011)

Метанастасичка кретања

Просторна покретљивост становништва Балканског полуострва у последња два века посматра се кроз транзицију феномена миграција од традиционалних до модерних, различитих својстава, карактеристика и типова. Кроз транзиционе етапе у одвијању просторне покретљивости становништва трансформисани су порекло, просторни размештај и композиција становништва од микрорегионалног, мезорегионалног до макрорегионалног нивоа. Праћење савременог и будућег стања, питања и проблема разноврсних облика и типова миграционих феномена на свим регионалним нивоима могуће је кроз утврђивање законитости и манифестационих облика просторног кретања људи у ближим и даљим историјским епохама. Специфичне просторне детерминанте овде, као и у осталим регионима Европе и света, стварале су особености у стању, развоју и последицама просторне мобилности становништва као мултидисциплинарног друштвеног феномена.

У првој половини XX века антропогеографски систем научних проматрања миграција и порекла становништва имао је прворазредни значај за спознају националног и културног идентитета народа и држава на овим просторима и увођење миграционе проблематике као предмета истраживања посебних друштвених научних дисциплина (географија, социологија, етнологија, историја и др). У овом периоду Цвијићева антропогеографска школа достигла је врхунски научни и апликативни значај, признат у светским оквирима, а њени представници су, поред њеног оснивача Јована Цвијића, били и његови ученици и следбеници В. Радовановић, А. Урошевић, Б. Милојевић, Ј. Дедијер, Р. Николић, Б. Дробњаковић, Т. Ђорђевић, М. Филиповић, Љ. Павловић, М. Лутовац, Б. Букуров, Ј. Трифуновски (Спасовски, Шантић, 2016).

Проблематика миграција и порекла становништва Балканског полуострва била је једна од кључних одредница истраживања Јована Цвијића и његових ученика и следбеника. Кроз ова истраживања повезана је историја насељавања Балканског полуострва са културним процесима и променама, што је суштински утврдило историјске, културне, социјалне, демографске и геополитичке импликације на просторни размештај и композицију становништва на различитим регионалним нивоима. Као детерминанту миграционих кретања истакнут је географски положај, у чијој анализи су примењени дијалектичко-материјалистички и историјско-материјалистички концепти, указујући да се становништво увек груписало око одређених тачака и површина атракције и да су се на тај начин образовала језгра око којих су текла даља насељавања (Цвијић, 1922; Спасовски, Шантић, 2015; Спасовски, Шантић, 2016). "Цвијић је у своју концепцију антропогеографских проучавања миграција становништва уградио веома јасну и прецизну историјску димензију чврсто повезујући сеобе становништва Балканског полуострва за чињенице историјског, економског,

друштвеног и политичког карактера, али увек имајући на уму конкретне природне услове земаља из којих се становништво покреће и у које се усељава, физичкогеографске карактеристике балканских простора и ондашње људске потребе и могућности овладавања тим просторима" (Радовановић М., 1982: 266).

Цвијићев рад има велики историјски и национални значај како за Србе тако и за друге народе овог простора, јер је пружио веома богат приказ миграција становништва од периода турских освајања до средине XX века. Цвијић истиче да је значајно утврдити метанастазичке области, број исељеника, правце миграција, као и утицај на становништво преко чијих области су струје прелазиле, као и етнографске процесе који су наступили у земљи матици и земљи одредишта миграната (Цвијић, 1902; Радовановић, 1982; Грчић, Грчић, 2015). Презентовао их је у свом импозантном делу "Балканско полуострво и јужнословенске земље" (1922), као и у делу "Антропогеографски и етнографски списи" (1987). Његовим делом "Антропогеографски проблеми Балканског полуострва" (1902) покренута је чувена едиција Српске Краљевске академије, касније Српске Академије наука и уметности "Насеља и порекло становништва", која имају непроцењив значај за истраживања у овој области.

Цвијићевим опсежним теренским истраживањима и укључивањем великог броја ученика и следбеника, по прецизно припремљеним упутствима за теренски рад у сагледавању порекла становништва на основу традиције појединих родова, прикупљена је обимна документација која је омогућила реконструкцију главних миграционих струја, њихових узрока и последица на антропогеографске, етнографске, социокултурне и геопросторне одлике Балканског полуострва. Захваљујући томе добијена је синтеза главних миграционих токова и праваца током векова, уз бројне и разноврсне податке о демографским, социјалним, економским, културним, етнобиолошким, психичким и другим променама и процесима, на простору југоисточне Европе, у средишњим и западним деловима, односно неколико миграционих праваца или метанастазичких струја (Спасовски, Шантић, 2016). Цвијић издваја четири главне миграционе струје које су биле предиспониране директрисама рељефа: динарска струја, која је најзначајнија по свом обиму, али и последицама, а имала је неколико веома значајних грана (из Херцеговине, Црне Горе, Сјенице и Пештера у Шумадију и западну Србију, из Херцеговине и Црне Горе у Босну, из Црне Горе, Херцеговине и Босне у Далмацију); косовско-метохијска струја, за коју се сматра да је једна од најстаријих, а која је полазила од Скадра и Зете, Косова и Метохије ка Поморављу и Шумадији. У моравској долини ове струје су се спајале са вардарско-моравском или јужном струјом, која је ишла из Македоније (од Прилепа, Битоља, Охрида) и Албаније уз долину Мораве до Београда; У више махова је ова "новоформирана" струја повукла за собом и групе становништва из Поморавља, Шумадије и Источне Србије, које су прелазиле Саву и Дунав и разливала се по Панонском басену чак до Сент Андреје и у

Румунији до Ердеља. Ова кретања су определила развој насељености и географски распоред балканских народа. (Цвијић, 1902; 1922; Милојевић Б. Ж., 1927, Спасовски, Шантић, 2016).

У источном делу Балканског полуострва метанастазичка кретања су била мањег обима и готово безначајна у поређењу са сеобама српског народа. Описујући кретање становништва на простору Доњодунавске плоче и Маричког слива, Цвијић их означава као унутрашња сељакања бугарског народа и кретање балкандија. Спољашње миграције са овог простора су последица руско-турских ратова (од почетка XVIII века) и ишле су ка Банату, Румунији, Бесарабији, Јужној Русији и Добруци. Миграције Епирско-арбанашке области су се одвијале у четири велике струје: Малисорска и Дукађинска, као и струје Шкумбије и Тоске. Правац кретања ових миграционих таласа је био из планинских области унутрашње Албаније ка плодним долинама горњег Лима, Ибра, Дрима, Јужне Мораве, али и ка залеђу Јадранског мора, као и ка западној Македонији и средишњој Грчкој, све до Пелопонеза. Становништво Егејске области је у мањем обиму учествовало у метанастазичким кретањима континенталног блока. Ове миграције су биле усмерене ка Малој Азији, те их пре можемо сматрати делом Источно медитеранске области, него делом миграционих струја Балканског полуострва. Поред унутрашњих сељакања, за ову област су значајне и грчке шршвачке миграције усмерене ка обалама Средоземног и Црног мора. Цвијић наводи и турске сеобе које су се одвијале у два правца: југ-север на почетку (од XIV до XVII века) и север-југ на крају турске владавине (од XVII века до Балканских ратова). И на крају, треба поменути и инверсне сеобе које се везују за крај турске владавине и сукцесивно насељавање ослобођених крајева (Цвијић, 1922).

Као исход оваквих комплексних истраживачких резултата утврђено је да је испремештано сво становништво на простору од Велешке клисуре до Загребачке горе од средњег века до прве половине XX века. Тако су метанастазичка кретања била један од најважнијих чинилаца спајања и прожимања у историји балканских народа (Грчић, 2005). Овим укрштањем становништва, које је услед миграција измешано и изменило етнички тип појединих области, нестало је старог или средњевековног типа и образован је нови етнички амалгам (Цвијић, 1902; Цвијић, 1922), односно "комплекс становништва" који је насељен из српских земаља у различитим историјским околностима (Грчић, 2005:41).

Питање миграција становништва је било од великог значаја, како у време Цвијићевих истраживања, тако и након Првог светског рата, када је створена Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца, када нестају препреке у виду граница, политичких превирања и слично. Након 1919. године, из ослобођених крајева Грчке и Бугарске у Турску одлази велики број Турака, као и муслимана из области Рашке, Босне и других крајева. У северним деловима Грчке се насељавају малоазијски Грци, у Добруци Бугари, а у Македонији досељеници из различитих крајева. Овим миграцијама је знатно промењена етничка слика

Балканског полуострва. Истовремено, на територији новостворене државе Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, унутрашње миграције су се довијале у три правца: ка Војводини, Косову и Метохији и Македонији. У Војводину се насељавају становници Лике, Херцеговине, Јужног Поморавља, а у деловима Македоније становници Лике, северне Далмације и Јужног Поморавља. Ове миграционе токове прекинуо је Други светски рат (Лутовац, 1987).

Миграције становништва у другој половини XX и на почетку XXI века

Интересовање за свеобухватно интердисциплинарно проучавање миграција и порекла становништва у другој половини XX века настаје као последица јачања свих облика и типова просторне мобилности становништва у националним и међународним оквирима у условима индустријализације и урбанизације како на просторима Балканског полуострва, тако и у Европи и свету, чиме је битније и у краћем року промењена просторна композиција становништва заснована на дивергентним трендовима у природном обнављању становништва (депопулација и популациона експанзија). Последице појачане просторне мобилности становништва на свим регионалним нивоима од националног до глобалног су постале значајније, сложеније, мултиплициране међу елементима не само у геопросторним, већи и у демографским, геоеколошким, економским, културно-цивилизацијским, социјалним системима.

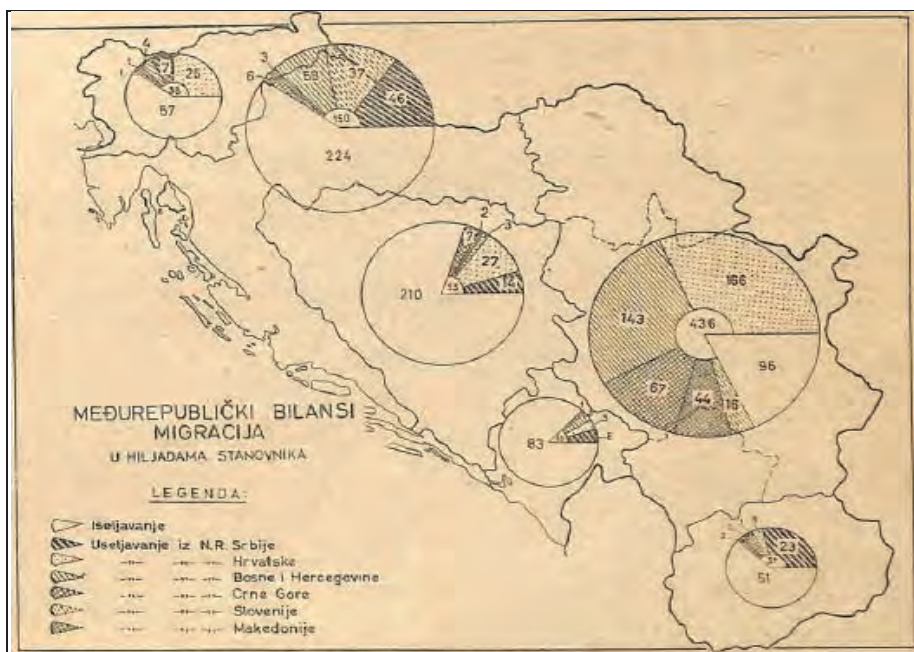
Транзицију миграционих феномена на целом простору Балкана карактерише прелаз од доминације локалних миграција до 60-их година, ка доминацији регионалних пресељавања и миграција на релацији град-град од 80-их година до избегличких миграција од 90-их година XX века на простору бивше СФРЈ. Ови трендови одвијали су се истовремено уз интензивирање емиграционих кретања међународног карактера. То су, уз методолошке разлике у пописивању мигрантског становништва, важне детерминанте промена у просторном размештају популационих потенцијала у овом делу Европе.

Унутрашња пресељавања

После Другог светског рата извршена је аграрна реформа, започели су процеси индустријализације, урбанизације и деаграризације, што је створило нове услове за кретање становништва на простору бивше Југославије. На територији коју су напустили Немци у Војводини, Славонији и Словенији, Италијани у Истарском приморју и Турци у Македонији, насељавају се беземљаша. Након рата, у 114 села и градова Војводине, колонизовано је око 250.000 људи, у великој већини Срба, са територија Босне и Херцеговине

(76.000 лица), Хрватске (40.000 лица), Црне Горе (38.000 лица), из Централне Србије (15.000 лица). Гаћеша наводи да је колонизација Војводине након Другог светског рата била једно од "највећих организованих пресељавања становништва у историји Европе" (Гаћеша, 1984). Приликом колонизације се водило рачуна да се насељеници групишу на регионалној основи и по етничкој сродности, како би се лакше прилагодили новој средини. Из Босне и Херцеговине је 13.534 породица насељено око Бачке Паланке, Новог Сада, Сенте, Кикинде и места поред Тамиша и Бегеја, а из Војводине је 4.862 породице размештено око Старе Пазове, Руме и Новог Сада. Породице из Црне Горе, њих 5.394 су колонизоване око Куле и Бачке Тополе, а из Централне Србије (6.472 породице) у околину Оџака, Ковина, Панчева, Алибунара и Вршца. Хрвати су насељени у северозападном делу Бачке, у околини Сомбора и то 9.279 породица, а 1.678 породица из Македоније око Панчева и Вршца. Најмањи број породица је био из Словеније, њих 363 и оне су насељене у околини Вршца. Сем тога у непосредној околини Земуна је било насељеника готово из целе Југославије (Лутовац, 1987; Спасовски et all 1992; Илић, 1993). Међутим, како наводи Ђурђев, ова колонизација је била увод у још масовније досељавање у Војводину све до 1968. године, када су колонисти долазили махом из Босне и Херцеговине и Централне Србије и када је досељен готово исти број лица као и у време колонизације (Ђурђев, 1995).

Слика: Међурепубличке миграције, попис 1948.

Извор: Обрадовић, 1955

У периоду непосредно након завршетка рата било је и индивидуалног померања становништва и то Турака из Македоније и муслимана из Рашке, што је представљало наставак ранијих, предратних миграција. Услед свих напред наведених миграционих кретања становништва, још једном је значајно измењен етнички састав Балканског полуострва. Србија је била једина република у саставу бивше Југославије са позитивним миграционим салдом у износу од 339.924 лица према попису 1948. године (слика 1). Разлог за то треба тражити у миграцијама становништва ка Београду, као савезном центру, али и услед већ поменуте колонизације Војводине. Овај тренд је наставаљен све до распада државе 1990-их година, са нешто мањим апсолутним вредностима миграционог салда.

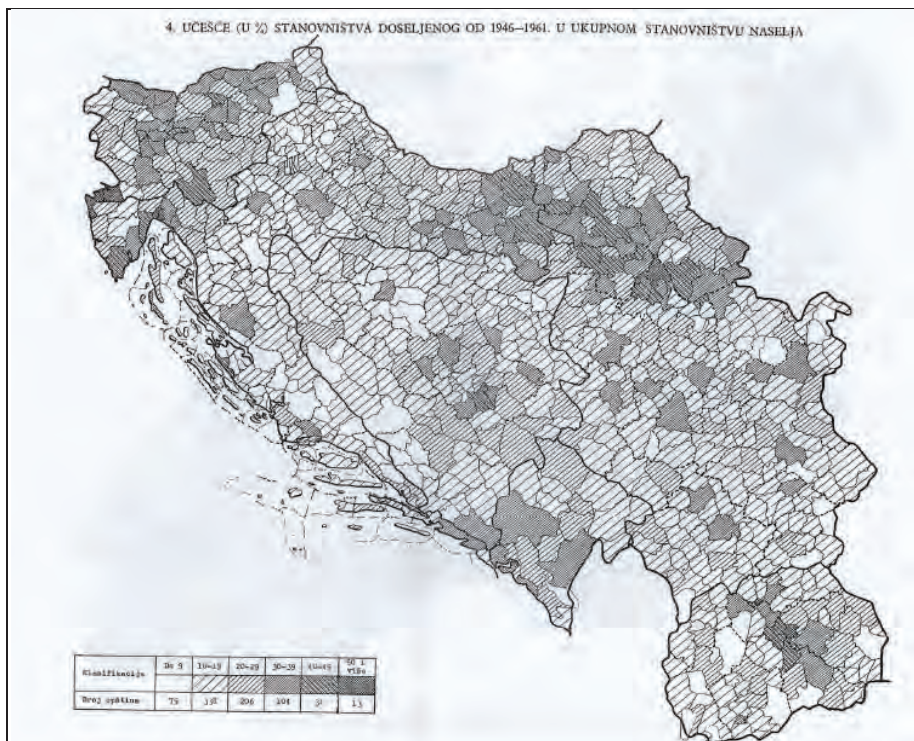
Миграција на релацији село-град, које се као облик модерних миграција јављају од средине XIX века и између два рата, а посебно након Другог светског рата, биле су инициране процесима индустријализације, урбанизације, деаграризације. Миграције на релацији село-град и мање развијени-развијени региони добијају од 50-их година XX века незапамћене размере, мењајући демографску, економску, социјалну структуру читавих области. Сматра се да је у бившој Југославији између 3 и 5 милиона људи учествовало у миграцијама овог типа од 50-их до 70-их година прошлог века (Лутовац, 1987). Миграције ка градовима, али и сеоским насељима у њиховој непосредној близини, достижу свој максимум 1970-их година, пре свега услед интензивног индустријског развитака, повољног саобраћајно-географског положаја и других фактора који су привукли становништво из удаљенијих, претежно брдско-планинских сеоских насеља. Транзицију миграција после II светског рата прати и развој дневних, недељних, месечних миграција ученика, студената и радника, што је било повезано са промењеним економским и социјалним условима у послератном периоду, а директно условљено развојем саобраћаја, као и субурбанизацијом руралних зона у окружењима градова. Основна карактеристика послератног периода јесте да локалне миграције постају основни тип просторне покретљивости становништва (Спасовски, Шантић, 2016).

Транзиционе процесе модерних миграција прате после 70-тих година миграције град-град, мање развијени-развијенији градови и њихова окружења, да би у последње две деценије дошло до последње фазе транзиције миграција коју означавамо као миграције ка главним градовима и регионалним центрима, а која на простору бивше Југославије настаје у периоду колапса транзиције привреде и друштва, осиромашења становништва и привредног заостајања великих регионалних целина. Навешћемо и примере неких обратних процеса, који се огледају у интензивирању кретања становништва из градова ка селима у последње две деценије у Грчкој и Румунији.

То се јавља као последица неуспеле транзиције и економске кризе, па се становништво одлучује на повратак у просторе њиховог порекла, најчешће сеоска насеља, због економске неизвесности у градовима.

Слика: Удео миграната у укупном становништву 1948-1961, по насељима, попис 1961

Извор: Републички завод за статистику, 1963

Истраживања просторне мобилности становништва у другој половини XX века била су заснована на статистичкој документацији, а мање на теренском раду и била су усмерена на утврђивање обима и праваца миграционих токова, као и на одређени тип пресељавања према изабраним демографским, економским, социјалним и другим аспектима миграција, а мање на праћење миграционих струја и порекла становништва. Карактеристике миграционих кретања на основу података пописа становништва у последњих пола века сагледаћемо за територију Републике Србије, а на основу података пописа становништва од 1961-1981. године, као и на основу података едиције "Етнички простор Срба" у издању Географског факултета из Београда.

Републику Србију кроз XX век углавном карактерише позитиван миграциони салдо у односу на републике претходне Југославије, а у погледу етнонационалних обележја позитиван салдо пресељавања одликовао је Србе, Црногорце и Македонце у Србији. Неке егзактне податке приказаћемо за међупописни период 1961-1981. године, јер је то период стабилног друштвеног развоја и пописивања свих становника Србије (Албанци се након 1981. године нису одазивали акцијама пописивања становништва у Србији).

Миграциони салдо становништва Централне Србије у периоду 1961-1981. године износио је око 176.000 лица (око 340.000 досељених и 164.000 одсељених), где међурејубличка пресељавања учествују са око 51%, а унутрашње миграције са Косовом и Метохијом и Војводином са око 49%. Централна Србија је у том периоду имала позитиван салдо пресељавања са Косовом и Метохијом (због исељавања Срба) и Војводином (због утицаја Београда као главног града). На Косову и Метохији је био карактеристичан негативан миграциони салдо у износу од око 77.000 лица више исељених него досељених у посматраном периоду, од чега је ка Централној Србији било усмерено готово 93% одсељавања. Негативне вредности миграционог салда Косова и Метохије биле су карактеристичне за све етничке заједнице ове покрајине изузев за албанско становништво. У негативном миграционом салду Косова и Метохије са Централном Србијом, Срби су партиципирали са 81%, а Црногорци са 11%. Централној Србији у позитивном миграционом салду са Војводином Срби доприносе са 41%, Црногорци са 10%, Хрвати, Словенци и Македонци са по 4%. У српској науци су већ више деценија изнети фактори масовног миграционог егзодуса Срба и Црногораца са Косова и Метохије, узроковани факторима политичког притиска, као и биолошке експанзије албанске популације, а такође и економским, социјалним и другим варијаблама. Најновији егзодус око 220.000 Срба и другог неалбанског становништва са Косова и Метохије у току рата и распада Југославије од 90-тих година, а посебно од НАТО бомбардовања Србије и Црне Горе 1999. године, потврђује историјски континуитет овог процеса, и његово циклично појачавање у време одређених политичких и ратних дешавања.

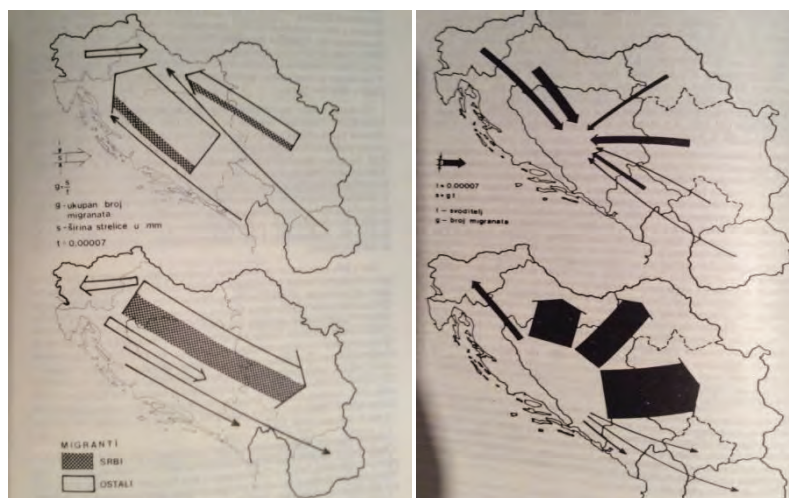
По етнодемографској структури салдо пресељавања са Босном и Херцеговином је у посматраном двадесетогодишњем периоду био позитиван за све етничке групе осим Муслимана, а удео Срба је износио око 89%. Миграциони салдо Централне Србије са Хрватском је био позитиван, и у њему су Срби учествовали са 84%. Салдо пресељавања између Централне Србије и Македоније је био позитиван, али не висок, и у њему доминирају Македонци са 75%, а затим Срби и остали народи. Словенија је једина република бивше Југославије са којом је Централна Србија имала негативан миграциони салдо, у коме су на првом месту Срби са три пута већим уделом од Словенаца. Војводина је у посматраном периоду имала позитиван миграциони салдо од око 57.000 лица (око 180.000 досељених и 123.000 одсељених). У односу на друге републике бивше Југославије, Војводина је имала негативан миграциони биланс само са Словенијом. У међурејубличком миграционом салду у Војводини, као и у Централној Србији, су доминирали Срби.

Територија Косова и Метохије у међурејубличким миграцијама у периоду од 1961-1981. године је имала негативан миграциони салдо са свим републикама изузев Црне Горе. Највећи удео у негативном миграционом салду је отпадао на Македонију (55%), а у укупном салду пресељавања према Македонији доминирају Албанци. Негативан миграциони салдо Косова и

Метохије по карактеру је био идентичан са Македонијом, Словенијом и Хрватском по доминацији Албанаца, док је негативан миграциони салдо са Босном и Херцеговином резултат пресељавања припадника неалбанског становништва.

Све наведено потврђује изузетну селективност миграната по националности, која се циклично повећавала у нестабилним политичким приликама и која је имала важан дугорочни утицај на просторне аспекте етничке композиције овог дела Балканског полуострва. Важност за етнодемографске процесе је посебно диференцирање природног прираштаја по националности, што уз етничку хомогенизацију миграционих кретања мења просторни размештај народа и националних мањина на Балкану.

Слика 3: Обим и смер миграција становништва на релацији Хрватска – остали делови СФРЈ (1) и мигрантско становништво у Босни и Херцеговини (2), попис 1981.

Извор: (Спасовски et all 1992; Илић, 1993)

Етничка хомогенизација миграционих кретања на овим просторима највише се односила на Србе и Хрвате усмерене ка матичним земљама, а кулминација тог процеса дешава се после 90-тих година XX века. Политичка и економска криза на простору бивше Југославије, која је настала као последица дезинтеграције државе, санкција и бомбардовања, имала је значајан утицај на демографски развитака становништва овог дела Европе. Код неких компонената развитака, због њихове дугорочне природе, последице су биле мање изражене (биолошки процеси: рађање и умирање), па и њихов утицај на динамику укупног становништва, док су код других поменути догађаји имали снажно дејство (масовне присилне миграције) са знатним последицама на бројност становништва и његов просторни размештај. Највећи број избеглих и прогнаних лица на територији Републике Србије

регистрован је пописом избеглица 1996. године, када је износио 617.728 лица. Највећи број ових лица је регистрован на територији Војводине и то готово 260.000 лица или 42% њиховог укупног броја (највише на територији Срема и Бачке). Према попису становништва 2002. године, избеглице су чиниле 5% укупног становништва Централне Србије и Војводине, док су према последњем попису становништва 2011. године статус избеглице имала свега 12% лица од броја забележеног 1996. године. Смањење броја лица са статусом избеглице у Србији резултат је натурализације, повратка у земље порекла, пресељења у треће земље, али и деловања морталитета у избегличкој популацији. Преко 60% избеглица, према Попису избеглих лица 2001, определило се да жели да реши свој статус кроз интеграцију (Лукић, 2015; УНХЦР, КИРС, 2002). Услед потребе за интеграцијом, око 200.000 избеглица је укинуло избеглички статус, што представља највећи процес интеграције у Европи“ (Влада Републике Србије, 2009:26; Лукић, 2015). У току ратова 90-их година према Ђурђевићу у Војводини је остало око 200.000 избеглица, па се процењује да колонисти, њихови потомци, као и избеглице чине око 30% данашњих житеља покрајине (Ђурђевић, 1997) „Кроз процес повратка, који је са различитим успехом спровођен у БиХ и Републици Хрватској (31% повратника у БиХ и 18% повратника у Републику Хрватску), број избеглица је смањен за још 149.000. Такође се процењује да је још 49.000 избеглица нашло уточиште у трећим земљама“ (Влада Републике Србије, 2009:26).

Суморна слика ових кретања је чињеница да данас, 20 година од ратних дешавања, нема помака у повратним миграцијама у Хрватску, Босну и Херцеговину и на Косово и Метохију. И након две деценије од ратних дешавања на простору бивше Југославије, Србија је са регистрованих 57.076 избеглих и 227.585 интерно расељених лица на првом месту у Европи. Такође, сврстана је међу пет држава света (уз Авганистан, Бангладеш, Танзанију и Источни Судан) са продуженим избеглиштвом (UNHCR, 2012; Лукић, 2015). То, уз већ достигнут праг широко распрострањене биолошке депопулације, која је знатно раније захватила Србе, Хрвате, Мађаре и друге, чини данашње раздобље демографског развоја Србије као историјски незапамћену депресијацију српског народа, што уз масовну емиграцију образованог и младог становништва у високоразвијене земље Европе, САД и Аустралије угрожава целокупни развој и биолошки опстанак Срба.

Спољне миграције становништва

Корени економских миграција на простору Балканског полуострва датирају још из XIX века, када је најпожељније одредиште миграната била Америка (САД), услед велике потражње за јефтином радном снагом. Након увођења исељеничких квота, као и светске економске кризе у периоду између два светска рата, значајно је смањен број миграната са ових простора у ову

прекоморску земљу, државе крајње дестинације миграната постају европске земље, пре свега Немачка и Француска.

Исељавања узрокована економским факторима у другој половини XX века у земље Западне Европе представљају стадијум у транзицији модерних миграција. Гостујући радници или "гастарбајтери" су представљали продукт привредног дисбаланса земаља Балканског полуострва у односу на европске земље. Специфичност су појединачна исељавања у већем проценту становништва са нижим образовним нивоом и из руралних области. Последице овог миграционог таласа су за демографски развитак једне државе, огромне и ненадокнадиве, јер се у земљама Западне Европе и ван ње данас налазе трећа и четврта генерација миграната, мада су финансијска средства која шаљу ближњима значајна за државу и ублажавање сталног раста сиромаштва становништва.

Комунистичке власти балканских држава, уз изузетак Југославије и Грчке, затварају своје границе за економске мигранте након Другог светског рата. Гостујући радници из Грчке одлазе на рад у земље Западне Европе, након потписивања споразума 1960. године, док Југославија отвара границе 1963/64. године. Као главно одредиште миграната из ове две државе издваја се Западна Немачка. Велики удео миграната из бивше Југославије одлази и у Аустрију (12%), Француску (5%) и Швајцарску (3%), а значајан је удео миграната који су мигрирали у Аустралију (6%). Подаци пописа становништва 1971. године, у којем су по први пут пописани радници на привременом раду у иностранству, указали су да је 204.000 лица или 2,8% укупне популације било ван граница Југославије (Танић, 1974; Šantić et al, 2016). Као последица нафтне кризе 1973-1974. године уследиле су повратне миграције од око 300.000 миграната, а исељавање је добило слабији интензитет. Међутим, према расположивим подацима, чак око милион лица је остало у земљама Западне Европе као радници или чланови њихових породица. То је чинило око 4% укупне популације тадашње државе, по чему је Југославија заузимала друго месту у Европи, одмах иза Португалије. Број радника и чланова породица у иностранству је континуирано растао до 1990-их година. Такође, према званичним подацима из 1981. године у земљу се вратило њих око 280.000, при чему се између 19-34% поново вратило у иностранство, због немогућности да нађу запослење или да се уклопе у стари друштвени систем (Schierup, 1995, Вајић-Најдукović, 2010, Šantić et al, 2016). На почетку новог века, услед промене методологије пописивања 2002. године у Србији, регистровано је више од 415.000 лица (5,3% популације) који су боравили дуже од годину изван граница наше земље. Иако је то пораст од чак 50% у односу на претходни попис, стваран број лица која бораве у иностранству је многоструко већи. Значајна промена у последњих неколико деценија јесте образовна структура миграната. Од 1990-их је карактеристична миграција високообразованих лица, која представља губитак главног популационог потенцијала за развој друштва, а за коју до сада нема назнака везаних за повратне миграције (Šantić et al, 2016).

У осталим државама Балканског полуострва значајнија миграциона кретања су забележена на крају прошлог века, односно након промена које су уследиле симболичним рушењем Берлинског зида 1989. године. Последња деценија XX века учинила је Балкан изразитим емиграционим подручјем, како због пада комунистичких режима, тако и због југословенских грађанских ратова. Постепено прикључивање држава са овог простора Европској Унији водило је ка трансформацији емиграционих у имиграционе средине. Наиме, слом комунистичког режима и отварање граница је условио миграционе токове из Румуније, Бугарске и Албаније ка земљама Јужне Европе и то ка Шпанији, Италији и Грчкој. За 15 година у Шпанију и Италију се иселило преко милион људи пореклом са Балкана, али је након светске економске кризе 2008. године тај број значајно смањен. Немачка је најмање од свих држава на континенту осетила последице кризе што јој је дало могућност да одржава одређен годишњи ниво прилива радне снаге, због чега долази до поновног пораста броја балканских имиграната, посебно након ступања Румуније и Бугарске у Европску Унију 2007. године. Са друге стране, две државе Балканског полуострва Грчка и Словенија су се трансформисале из емиграционих у имиграционе државе. У Словенији су најбројнији имигранти из бивших југословенских република, од чега је њих половина пореклом из Босне и Херцеговине. Грчка се од типично емиграционе државе у последње две деценије трансформисала у типично имиграциону државу, и отворила је своје границе за странце у потрази за послом. Од преко 700.000 људи који су дошли у Грчку у том периоду, њих готово 60% је било пореклом из суседне Албаније, док једна петина долази из осталих земаља бившег Источног блока. Присуство великог броја странаца у условима изразите економске кризе, отвара простор за појаву анти-имиграционих, па чак и отворено расистичких покрета у тој земљи. Посебну категорију држава представљају оне које истовремено имају и имиграциони и емиграциони карактер, као што су онедавно Хрватска и Румунија. Ове државе имају потенцијал у будућности да изврше слични преображај какав су оствариле Грчка и Словенија. Са друге стране, земље као што су Србија, Босна и Херцеговина, Албанија и Македонија настављају да показују високи емиграциони карактер, чак и поред осетног пада исељавања у XXI веку (www.iom.int).

Балканске државе данас представљају хетерогену миграциону средину, где су оне земље које су прве завршиле процес придруживања Европској Унији временом постале земље имиграционог карактера. У будућности могуће је предвидети да ће и остатак региона извршити такву транзицију и да ће се смањити његов емиграциони потенцијал. Нове кризе и сукоби на том простору у будућности довеле би у питање овакве процесе и његову хомогенизацију. Међутим, потражња за јефтином радном снагом није тако снажна у Европи данас као што је била пре само пар деценија, пре свега услед последица економске кризе и пораста незапослености у већем делу континента. Из овога се може закључити да ће емиграциони таласи

балканског становништва у будућности бити контролисани пре свега потражњом за радном снагом на тржишту, а не ограничењима држава као што је био случај у прошлости.

Conclusion

Population mobility is one of the major components of demographic development in Balkan region, which has causal link with social elements of geospatial systems. Migration significantly determines the directions of transformation within demographic and other fields of development in past, present and especially in the future, so the continuity of the research in this field is justifiable. The purpose of this paper is to define the main migration flows and corridors in different historical periods and their influence on origin and composition and also on changing structural characteristics of population in this area. Modern refugee crisis, the largest in Europe since the Second World War, has the global character in its causes, extent and consequences. In connection with that, since its very beginning in summer 2015 through Balkan route in transit crossed around one million people. It irrefutably confirms the need for more detailed, more organized and more practical multidisciplinary research of the phenomenon of migration, the population origin, character and disposition of diaspora in the region and the world. It requires commitment on these issues in scientific organizations and institutions, as well as among practitioners in Serbia, Balkan and in Europe. That is very close to the heritage that left antropogeographical school of Jovan Cvijić. Hence, today a prior challenge to the scientists and the entire society is in addressing population issues and problems in a time of global migration, whose consequences for Europe and the Balkans alter the geographical distribution of population and ethnic communities through a new, still an immense composition in geospace.

The problems of research of population origin in connection with modern population composition significantly define future directions of transformation in all spheres of development in this region. Examining all the previous findings it is possible to determine relations between population mobility and other elements of territory and population systems, and also the connections of migration and other elements of spatial systems, which are important for planning the overall development of Balkan region.

Литература:

1. Влада Републике Србије (2009). Стратегија за управљање миграцијама. Београд: „Службени гласник РС“, број 59/09
2. Гаћеша, Н. (1984). Аграрна реформа и колонизација у Југославији 1945–1948, Матица српска, Нови Сад
3. Грчић, М., (2005) Балкан као културни субконтинент Европе, *Гласник Српског географског друштва*, св. LXXXV, бр. 1, стр. 209-2018

4. Грчић, М. (2008) Цвијићева перцепција географског положаја Србије, *Гласник Српског географског друштва*, св. LXXXVIII, бр. 2, стр. 3-12
5. Грчић М., Грчић Љ. (2015): Утицај историјских миграција на насеља и порекло становништво Мачве. *Гласник (Herald) Географског друштва Републике Српске*, 19. Бања Лука.стр. 81-102
6. Дворниковић В. (1937): Душа Балкана, Књига о Балкану II, Балкански институт, Београд
7. Ђурђев, Б., (1995) *Послератна колонизација у Војводини: Методи и резултати демографске анализе, колонизације у Војводини 1945-1948. године*. Нови Сад: Матица Српска
8. Ђурђев Б., (1997) Географија становништва, Уџбеник, Нови Сад
9. Илић, Ј., (1993) Број и размештај Срба на територији Авнојске Хрватске, *Едиција: Етнички простор Срба*, књига 3, Географски факултет, Београд, стр. 7-207
10. Комесаријат за избеглице Републике Србије и Биро за хуманитарну помоћ Европске
11. Лукић, В. (2015) Две деценије избеглиштва у Србији, Попис становништва, домаћинстава и станова 2011, Републички завод за статистику, Београд
12. Лутовац, М. (1987) Поговор Књизи Јована Цвијића Балканско Полуострво и јужнословенске земље, Београд.
13. Милојевић Б. Ж., (1927): *Цвијићева књига*, Београд 1927.
14. Обрадовић, С. (1955) Становништво по родном крају, Коначни резултати пописа становништва од 15. Марта 1948, књига VI, Савезни завод за статистику.
15. Пећинар, А. (2012) Дипломатски односи Краљевине Југославије и Грчке у периоду последње владе Елефтериоса Венизелоса (1928-1932), Докторска дисертација, Филозофски факултет, Београд.
16. Радовановић, М. (1982). Елементи дијалектичког и системско-структурног при- ступа у Цвијићевој концепцији проучавања насеља, Научно дело Јована Цви- јића, Научни скупови, књ. XI, Београд: САНУ
17. Републички завод за статистику, књиге пописа становништва 1948-2011. Године
18. Спасовски М., Шантић Д. (2015): Актуелност појава и процеса у развоју становништва регионалног и глобалног карактера у делима Војислава С. Радовановића, *Демографија – Међународни часопис за демографска и остала друштвена истраживања*, књ. 12, Београд, стр. 55-69
19. Спасовски, М., Живковић, Д., Степић, М. (1992) Етнички састав становништва Босне и Херцеговине, *Едиција: Етнички простор Срба*, књига 2, Географски факултет, Београд
20. Уније

21. Цвијић Ј. (1922): Метанастасичка кретања: њихови узроци и последице, *Насеља и порекло становништва, књига 12: Српски етнографски зборник*, књига 22, Београд.
22. Цвијић Ј., (1902) Антропогеографски проблеми Балканског полуострва, *Насеља српских земаља*, књига 1, Српски етнографски зборник, књига IV, Београд.
23. Џаџић П. (1994): *Homo Balcanicus, Homo Heroicus I-II*, Просвета, Београд
24. Bajić-Hajduković I. (2010). Serbian Remittances in the 21st century: Making sense of the interplay of history, post-communist transformation of social classes, development policies and ethnographic evidence, Paper for the Migration Working Group seminar, Florence.
25. Elchinova, M. (2011), Settlers from Bulgaria in Turkey - From Forced Migration to a Transnational Mode of Life, NETWORK MIGRATION IN EUROPE WWW.MIGRATIONEDUCATION.ORG
26. Schierup CU (1995) Former Yugoslavia: long waves of international migration, 285-8
27. Spasovski, M., Šantić D. (2016). Reaffirmation of the population origin studies in Serbia in early 21st century, 150th Anniversary of Jovan Cvijić' Birth, Proceedings of the International Conference held at the Serbian Academy of Sciences and Arts, October 12-14, 2015. Eds. Vidojko Jović & Ana M. Petrović, Serbian Academy of Sciences and Arts, Scientific meetings, Book CLXII, Presidency, Book 10, Volume II, pp. 603-612, Belgrade.
28. Šantić D., Kozlovs M., Martinović M. (2016) Migrant Remittances in Serbia, a New Approach, Collection of paper of the 4th International Congress: "Migration in XXI century, Causes and Consequences", Vol. 2, Brčko, BiH, pp 37-50
29. Tanić Ž. (1974), *Peasents on the European crossroads: the analyses of economic migrations*, IDN-CDI, Belgrade
30. UNHCR, КИРС (2002). Регистрација избеглица у Србији март-април 2001. Београд
31. www.iom.int приступљено 5.3.2017

**МИГРАЦИОНИ ПРОЦЕСИ НА ПРОСТОРУ БИХ КАО ПОСЉЕДИЦА
ГЕОПОЛИТИЧКИХ ПРОЦЕСА И НАСИЛНОГ РАСПАДА СФРЈ**

D. Marinković

**MIGRATION PROCESSES WITHIN BIH SPACE AS A CONSEQUENCE
OF GEOPOLITICAL PROCESSES AND THE VIOLENT BREAK-UP OF
SFRY**

Апстракт: Миграције становништва су веома важан фактор демографског развоја Босне и Херцеговине, због изразите транзитности и значајног геостратешког положаја. У историјском развоју овог простора дошло је до додира три различита културно-цивилизацијска круга: православног или источно-хришћанског, католичког или западно-хришћанског и исламског или турско-источњачког, што је за посљедицу имало стварање специфичног етнокултурног и националног мозаика становништва. Дакле, културно-историјска насељеност указују на веома бурну прошлост која је детерминисана културним, политичким и економским утицајима сусједа и честим кретањима становништва. То се као фактор, у датом друштвено-историјском моменту, одразило и на формирање миграционих праваца, насељавање, демографски развој и етничку композицију становништва. Овај простор карактеришу веома различити облици миграција, који су најчешће детерминисани историјским, социо-економским и гео-политичким факторима. Почетком 1991. године на простору Босне и Херцеговине почиње политичка криза у облику међунационалне и међурелигијске нетолеранције и сукоба три најбројнија народа (Срба, Хрвата и Муслимана), што утиче на масовно расељавање становништва унутар и изван граница државе. Најинтензивније ратне операције, расељавања, избјеглиштво и премјештање становништва трајали су у периоду 1992-1995. године. У овом периоду створена је јасно изражена национална поларизација становништва на просторима два ентитета: Републике Српске и Федерације БиХ. Директне посљедице рата су велики демографски губитци, трајно и привремено расељено аутохтоно становништво, досељавање великог броја избјеглог и расељеног становништва, као и несагледива материјална разарања и друштвено-економски поремећаји од којих се овај простор још увијек опоравља. Скоро поуздано може се констатовати да је претходни рат проузроковао кретање више од два милиона (или око 50%) становника бивше Босне и Херцеговине по цијелом свијету. Након рата, потписивањем и имплементацијом мировних споразума у Дејтону и Паризу, почиње нови преразмјештај и миграције становништва у облику кретања и повратка избјеглог и расељеног

становништва. Изузетно велике друштвено-политичке промјене и миграције становништва детерминисале су значајне друштвено-економске и демографске посљедице у развоју и перспективи овог простора.

Кључне ријечи: гео-политички фактори, избјеглиштво, Босна и Херцеговина, демографске посљедице, повратак.

Abstract: Migrations of the population are very important factor of the demographic progress (development) of Bosnia and Herzegovina because of the expressive transition and important geostrategic position. In the historical progress of this region, three different cultural-civilized circles had come into contact: Orthodox or East-Christian, Catholic or West-Christian and Islamic or Turkish-East, which had had the formation of the specific ethno-cultural and national mosaic of the population as its consequence. Consequently, cultural-historical settling points at the very troubled past which is determined by cultural, political and economical influences of the neighbours and often movements of the population. As the factor, in the socio-historical moment, it had the reflections at the forming of the migration directions, settling, demographic progress and ethnical composition of the population. This region is characterized by very different forms of the migrations which are usually determined by historical, socio-economical and geo-political factors. At the beginning of 1991, the political crisis started at the territory of Bosnia and Herzegovina as a form of inter-national and inter-religious intolerance and conflict among the three most numerous nations (Serbs, Croats and Muslims) which influenced massive depopulation of the inhabitants within and out of the borders of the country. The most intensive war operations, depopulations, exile and removals of the population had taken place in the period from 1992-1995. In this period, a clearly expressive national polarization of the population was formed at the territory of the two entities: Republic of Srpska and Federation of Bosnia and Herzegovina. The direct consequences of the war were great demographic losses, permanent and temporary displaced native population, immigration of the great number of the refugees and displaced persons as well as the incalculable material destructions and socio-economic disorders, which this region is still recovering from. It could almost reliably be stated that the former war caused the movement of more than two million (or about 50%) inhabitants of the former Bosnia and Herzegovina across the whole world. After the war, by signing and implementation of the peace agreements in Dayton and Paris, this region is facing new redistribution and migration of the population in the form of movement and return of the refugees and displaced persons. Exceptional great socio-political changes and migration of the population determined also significant socio-economic and demographic consequences in the development and perspective of this region.

Key Words: geo-political factors, refugee movement, Bosnia and Herzegovina, demographic consequences, return.

Босна и Херцеговина се налази на западном дијелу Балканског полуострва и граничи са Републиком Србијом и Републиком Црном Гором на истоку и југоистоку и Републиком Хрватском на сјеверу, западу и југу. Административно је подијељена на два ентитета: Федерацију БиХ (51%) и Републику Српску (49%) и дистрикт Брчко. Федерацију БиХ чини 10 кантона који имају 79 општина, Република Српска има 63 општине, док је Брчко посебна административна јединица – Дистрикт.

Босна и Херцеговина на површини од 51.209,2 км квадратних према резултатима Пописа 2013. године има 3.531.159 становника.¹ Према етничкој структури најбројнији народи у БиХ су Бошњаци, Срби и Хрвати, као и знатан број осталих националних мањина. Службена писма су латиница и ћирилица.

Према првим резултатима Пописа из 1991. године Босна и Херцеговина је имала 4.354.911 становника.² Индекси раста становништва БиХ су били веома различити у појединим периодима, што је детерминисано високом стопом природног прираштаја, миграцијама становништва и укупним друштвено-економским развојем. У периоду 1948-1991. године индекс раста становништва био је веома висок па се број домаћинстава повећао за више од два пута. Истовремено, смањена је просјечна величина са становника општинских центара, као и знатно спорије повећање у осталим насељима, чему су допринијеле интензивне миграције становништва на релацији село-град.

Кроз историјски развој основне компоненте природног кретања становништва Босне и Херцеговине имале су различита обиљежја. Након Другог свјетског рата почео је интензивнији процес демографске транзиције, условљен прије свега индустријализацијом друштва, коју прати стална рурално-урбана миграција становништва и појачана урбанизација и дерурализација. Према подацима из 1953. године у БиХ регистрована је изузетно висока стопа наталитета од 38,5‰, висок морталитет од 14,4‰, па је природни прираштај био 24,1‰. Према попису из 1991. године на истом простору стопа наталитета била је 15,4‰, морталитета 6,7‰, па је стопа природног прираштаја била 8,7‰. Претходни показатељи илуструју касну подфазу демографске транзиције, која се манифестује у интензивном смањењу стопа наталитета и морталитета. Демографска транзиција овог простора има изразито регионална обиљежја, која су условљена бројним транзиционим факторима. Раст становништва Босне и Херцеговине до 1991. године углавном је био детерминисан природним компонентама кретања, при чему је од посебног значаја био негативан миграциони салдо становништва.³

---

¹ Попис становништва, домаћинстава и станова у Босни и Херцеговини 2013, године - Резултати пописа, Агенција за статистику БиХ, Сарајево, 2016.

² Први резултати Пописа становништва СР БиХ 1991, године, Републички завод за статистику СР БиХ, Сарајево, 1991.

³ Маринковић Драшко, Демографски проблеми процеса избјеглиштва у Републици Српској, Научна монографија, ГДРС, Бања Лука, 2005.

Кретање броја становника БиХ у периоду 1991-2013. године веома је незахвално за научне анализе, јер на овом простору двадесет двије година није спроведен ниједан попис становништва. До сада објављени резултати Пописа из 1991. године су некомплетни, па се више од двадесет година морале користити процјене броја становника. Четири године рата оставиле су огромне друштвено-економске посљедице у развоју овог простора и истовремено утицале на велике промјене у броју становника. У том периоду у БиХ су се десила обимна кретања и унутрашње и спољне миграције становништва, које су превазишла сва дотадашња. Са простора оба ентитета: Републике Српске и Федерације БиХ одселио се велики број аутохтоног становништва у правцу другог ентитета, сусједних држава (Хрватске и Србије и Црне Горе) и у друге земаље у свијету. Процес избјеглиштва карактерисала су велика расељавање становништва унутар граница, али и иселавање изван граница БиХ, након чега је слиједио дјелимичан повратак становништва. У том периоду било је значајних досељавања избјеглих лица из сусједних држава. Након губитка избјегличког статуса у иностранству већи број повратника су промјеном предратног мјеста боравака у БиХ постали расељена лица.

Миграциони трендови у прошлости

Босну и Херцеговину традиционално карактеришу веома сложени миграциони, а поготово емиграциони, процеси који су детерминисали значајне демографске промјене, као и неке трајне посљедице. Миграције становништва су историјска појава овог простора, јер је вијековима био изложен бројним и различитим сеобама и кретањима становништва. Оне претпостављају досадашње трендове нешто слабијег интензитета, који за посљедицу имају негативан миграциони салдо, што се може темељити на основу последњег пописа становништва из 1991. године и неких процјена. За анализу миграционих токова становништва БиХ не постоји одговарајућа миграциона статистика (миграциона картотека или регистри становништва).

Досадашњи пописи становништва, као и подаци виталне статистике, на простору БиХ упућују на релативно висок и веома растући негативни миграциони салдо. Стопа раста становништва овог простора у периоду 1948-1981. године је била веома ниска, што је детерминисано интензивним смањењем стопе наталитета и негативни миграциони салдо од -548.958 лица. У том периоду емиграцијом је било обухваћено више од 16%, или просјечно сваки шести становник БиХ. Становништво бивше БиХ највише је емигрирало у правцу Србије (48,6%) и Хрватске (42,5%), а најмање у правцу Македоније (0,9%). У емиграцији најчешће су учествовали Срби са 49,5% и Хрвати са 27,1%, а најмање муслимани са 5,4% удјела. Дакле, према овим показатељима Срби и Хрвати су били носиоци емиграционих процеса овог простора, што потврђује констатацију да су обим и правци миграција ових

народа значајно утицали на касније промјене етничке структуре становништва Босне и Херцеговине.⁴ Истовремено, дошло је до великих структурних промјена, које се манифестују смањењем удјела пољопривредног и повећањем броја градског становништва, што је посљедица емиграције становништва из села у градове.

Етничка припадност је имала велики значај приликом формирања миграционих праваца, па се хрватско становништво у око 94% случаја селило у правцу Хрватске, српско у око 77% случаја у правцу Србије, а муслиманско у око 49% случаја у правцу Хрватске, у око 30% у правцу Словеније и у око 15% случаја у правцу Србије. Истовремено, на простору БиХ највише су се досељавају Срби у 34%, Муслимани у 19% и Хрвати у 17% случаја. Дакле, највеша миграциона размјена БиХ је остваривана се Србијом и Хрватском.⁵

У периоду 1961-1981. године у Босни и Херцеговини су регистровани веома интензивни емиграциони процеси, који се првенствено манифестују економским миграцијама из руралних средина према општинским центрима и већим градовима. Наиме, механичким приливом становништва остварен је убрзани раст броја становника већих градова, као што су: Сарајево, Бања Лука, Мостар, Тузла и Зеница. Усљед интензивних процеса деаграризације и урбане концентрације становништва и остали урбани центари су такође имали интензивно повећање броја становника.

Према попису из 1981. године обим миграција у БиХ је имао нешто блажи интензитет у односу на раније периоде, а што је посљедица нешто бржег друштвено-економског развоја, повећања стопе запослености, нижег природног прираштаја и релативне истрошености емиграционих простора. Међутим, овај простор је и даље имао изразито негативан миграциони салдо, па се стопа емиграција у периоду 1961-1981. године повећала са 8,2‰ на 14‰.

Попис становништва 1991. године обављен је у атмосфери поремећених међунационалних и међурепубличких односа и општег сазнања о распаду бивше државе. Национална поларизација била је веома присутна, па се то нажалост одразило на квалитет и презентацију резултата пописа, који до сада никада није комплетиран за државни ниво. Међутим, на овом простору је и даље евидентан изразито негативан миграциони салдо, који је уз константно смањење природног прираштаја, био главни фактор успореног демографског раста. Негативан миграциони салдо БиХ у периоду 1981-1991. године је износио -180.534 лица.

За укупан демографски развој Босне и Херцеговине, поред унутрашњих међурепубличких, од посебног значаја имају и вањске економске миграције. Вањске миграције су у почетку имале мањи интензитет, да би се након 1970.

---

⁴ Становништво – упоредни подаци пописа становништва за 1971, 1981 и 1991. годину, Статистички билтен бр.265, Федерални завод за статистику, Сарајево, 1998.

⁵ Маркотић Анте, Нека обиљежја босанско-херцеговачке међурепубличке миграције, Зборник радова: Погледи на миграције становништва Југославије, Институт друштвених наука, Центар за демографска истраживања, Београд, 1990.

године интензивирале, па данас имају веома значајан удио у укупној миграцији становништва. Нажалост статистички подаци о обиму вањских економских миграција до сада су били веома непоуздани. По обиму вањских економских миграција 1991. године, од свих бивших југословенских република, простор БиХ је био на другом мјесту, одмах иза Хрватске. Према статистичким показатељима до 1991. године око 4,7% становништва бивше СР БиХ живјело је изван њених граница.

Претходне анализе указују да миграције становништва простора Босне и Херцеговине имају своје историјско утемељење, а правци миграција су били прилично уходани. Миграције су оставиле посебан печат, како на укупан демографски, тако и на друштвено-економски развој, те биле важан фактор промјене демографских структура, а посебно полно-старосне, етничке и економске. Емиграционим процесима овај простор вијековима је “давао” фертилно, радно-способно и најквалификованије становништво, па су на директан или индиректан начин слабили биолошки потенцијали многих села, која су данас углавном пушта.

Процес избјеглиштва у периоду 1992-1995. године

Проучавање избјеглиштва у Босни и Херцеговини било је веома отежано, јер постигнути резултати углавном зависе од дате ситуације, тренутног стања и расположивости података. Овај процес карактерисала је стална динамика, па је у недостатку званичног пописа становништва било веома тешко утврдити његов стварни обим. Да би се нпр. примијенио принцип селективности код анализе обима избјеглих и расељених било је потребно ускладити методологију постојеће статистичке базе, што је био и највећи проблем, јер нема одговарајућих регистара, миграционе картотеке или друге емпиријске грађе. Расположиви извори података често су били методолошки неупоредиви. Стога је јединствена оцјена да су подаци разних институција, невладиних, хуманитарних и других међународних организација некомплетни и врло често дати на бази нестварних процјена. Додатни проблем је представљала мобилност, тј. честа пресељења, промјена мјеста боравка и процес повратка избјеглог и расеђеног становништва па су подаци о овој популацији брзо застарјевали.

Босну и Херцеговину су у периоду 1992-1995. године карактерисала интензивна принудна кретања становништва која су по свом обиму и просторном оквиру превазишла сва дотадашња. Процес избјеглиштва се манифестовао веома комплексно и истовремено учврстио у ред друштвених појава које, сходно присутном друштвено-политичком набоју, окупирају ширу друштвену пажњу. Избјеглиштво се веома различито дефинише у нашој литератури, па се поред међународног термина избјегло лице често суочавамо и са следећим категоријама:

- прогнана лица (прогнаници или ратом угрожена лица) су лица која су стизала у колонама прије, за вријеме и после војних акција и присилних прогона и која као таква немају право на избјеглички статус,

- расељена лица су држављани бивших југословенских република, тј. лица која су некада живјела у истој држави, а која су због прогона на националној, вјерској или политичкој основи морала да напусте стално мјесто боравка и због тога немају формално-правну заштиту према важећем међународном закону и Конвенцијама о избјеглим лицима

- привремено расељена лица су лица која се у међународно-правном вокабулару дефинишу као Internal Displaced Persons (IDP), тј. интерно расељена лица са статусом који им обезбјеђује одређену међународно-правну заштиту и помоћ.⁶

Избјегло, прогнано, расељено и привремено расељено становништво се суочава са скоро истим проблемима око обезбјеђења основних животних потреба (стан и храна), обавезе друштва према њима су сличне, па је за њих често дефинисан и сличан или исти формално-правни статус.

Уставни и правни статус избјеглица и расељених лица на простору БиХ регулисан је одредбама из Мировног споразума (Анекс 7) и Уставом Босне и Херцеговине, а званичним актима прецизиран је у смислу начина остварења права и обавеза.⁷

Законом о избјеглицама из Босне и Херцеговине и расељним особама у Босни и Херцеговини регулишу се следећа питања:

1) Стицање и престанак статуса избјеглица из Босне и Херцеговине и расељених особа у БиХ

2) Статус повратника, права избјеглица из БиХ, права расељених особа и повратника;

3) Начин остваривања њихових права и

4) Средства за подршку у стварању услова за повратак.

Овим Законом утврђени су статус избјеглице, расељене особе и повратника у Босну и Херцеговину.

Законом утврђена права избјеглица у БиХ су:

1. право на повратак у раније пребивалиште,

2. право на избор другог пребивалишта,

3. право на поврат имовине,

4. право на поврат станарских права,

5. право на објективно и свеобухватно информисање које се посебно односи на стање у ранијем пребивалишту,

6. право на допунско школовање,

7. право на кориштење конзуларних и других услуга.

---

⁶ Маринковић Драшко, Демографски проблеми процеса избјеглиштва у Републици Српској, Научна монографија, ГДРС, Бања Лука, 2005.

⁷ Избјеглице из Босне и Херцеговине и расељене особе – стање – повратак – перспективе, Билтен Министарства за људска права и избјеглице, Сарајево, 2001.

Расељене особе према Закону имају права наведена од 1-4, као и друга права која се конституишу прописима ентитета, кантона и општина, а која се нарочито односе на економску, социјалну и здравствену заштиту и слободу вјерског изражавања и политичког дјеловања.

Избјеглиштво у Босни и Херцеговини се према обиму и испоњеним правцима манифестовало у два основна облика, тј. као унутрашње и вањско. Етничка припадност је најчешће имала одлучујућу улогу у формирању избјегличких праваца, па је још прије почетка рата долазило до пресељења становништва из средина гдје је њихов народ био у мањини. Избјеглиштво у БиХ треба дефинисати као двосмјерни процес у коме су се на једној страни одсељавали припадници једног, а досељавали избјегли и расељени припадници другог народа. Контратокови процеса избјеглиштва још увијек су веома присутни, јер процес повратка још увијек није завршен.

Постоје различити статистички подаци и документациона грађа о обиму избјеглиштва на простору Босне и Херцеговине, па у зависности од врсте коришћених параметара и статистичких анализа понекад долази и до нереалних процјена. Међутим, према званичној статистици УНХЦР-а на простору бивше БиХ под утицајем рата и ратних посљедица покренуто је око 2,5 милиона становника, што је око 55% предратног броја. Више од половине (53,5%) од укупног броја принудних миграната са простора бивше СФР Југославије је било из Босне и Херцеговине. УНХЦР је објавио процјену да је 1996. године у око 100 земаља широм свијета било око 1.050.000 избјеглих лица из БиХ, што је скоро четвртина или 23,9% предратног становништва.¹⁸ Истовремено, у Босни и Херцеговини је било евидентирано око милион расељених лица. Неке процјене указују да се у периоду 1991-1998. године из БиХ принудно иселило око 1.3 милиона становника, да се још око 60.000 лица иселило добровољно, а да се око 270.000 људи води као погинули и нестали. Крајем 2001. године у свијету је евидентирано 749.700 избјеглих лица из Босне и Херцеговине. Највише их је регистровано у Њемачкој (28%), Србији и Црној Гори (25%), Хрватској (14%) и Аустрији (7%). Ове четири земље прихватиле су око 74%, док су све остале земље у свијету заједно прихватиле око 26% од укупног броја избјеглих лица са овог простора.⁸

Анализом избјеглиштва са аспекта Лее-ове теорије о миграцијама, која се заснива на “push” и “pull” моделу, може се констатовати да је овај облик миграција у Босни и Херцеговини детерминисан дјеловањем политичких “push” фактора од којих су најдоминатнији егзистенционални (животна потреба), социо-психолошки притисак и етничка дискриминација.

Неке од познатијих хипотеза о токовима и контратоковима миграција (Zipf-а и Todaro-а) које се могу примијенити и на феномен избјеглиштва у БиХ су:

- 1) да се мигранти (избјегла и расељена лица) крећу уходаним токовима;

---

⁸ Census of Refugee and Other War-affected Persons in the Federal Republic of Yugoslavia, UNHCR, Geneva, 1997.

2) да се за сваки главни ток формира контраток и

3) да је нето миграција веома велик, ако је главни фактор развоја миграционог тока био негативан у мјесту поријекла.

Један од основних узрока избјеглиштва у БиХ било је успостављање нових друштвено-политичких односа на простору који је карактерисала етничка хетерогеност становништва. Избјеглиштво се често манифестовало различитим притисцима, па је значајан број аутохтоног становништва завичај напуштао и самоиницијативно, односно из страха од прогона и личне сигурности. Са ескалацијом ратних сукоба становништво је тражило уточиште на територијама на којима нема оружаних сукоба и у подручјима гдје је њихов народ имао знатну доминацију.

Анализа основних карактеристика избјеглиштва у Босни и Херцеговини указује да је овај процес одраз тежње избјеглог и расељеног становништва за већом индивидуалном и колективном слободом и мирним животом, што је било од пресудног значаја за емиграцију. Са овог аспекта потисни фактори процеса избјеглиштва били су у вези са егзистенцијалним (животна потреба и борба за опстанак) и социо-психолошким (притисак у облику етничке дискриминације) разлозима. Узроци и мотиви избјеглиштва били су првенствено детерминисани факторима личне безбједности, у страху за очување и властитог и живота најближих, тј. страх за физички опстанак, несигурност, неизвјесност и бијег из ратом захваћених подручја. Право на бијег из кризних подручја једно је од демократских права, које је законом регулисано у одредбама међународно признатих права према Женевској Конвенцији о заштити жртава рата. Према овој Конвенцији подразумијева се да лица која добију статус избјеглице имају велики сплет неизвјесних околности, које их очекују у даљем животу.

Поред етничке припадности, један од важнијих фактора код избора одредишта избјеглих лица из БиХ била је економска развијеност простора и просторна дистанца пресељења. Студије случаја указују да су разлози због којих се избјегло становништво из БиХ досељавало у Војводину били у вези са географским положајем и непосредном везом овог простора са сјевероисточним дијелом Републике Српске и БиХ, али и због традиционалних веза, јер је то био правац колонизације њихових рођака и пријатеља након Другог свјетског рата. Сличне студије указују да се избјегло становништво веома често руководило и неким од ранијих миграционих искустава, односно да је за одредишта досељавања бирало економски развијеније средине и веће градове због лакшег запослења, школовања и уопште више могућности.

Иако није било универзалних законитости, ипак се могу истаћи одређене правилности у кретању избјеглог и расељеног становништва према неким регионалним центрима и општинама. Студије случаја у Републици Српској указују да је на регионални размјештај, формирање гравитационих центара, избјегличких праваца и просторних дистанци кретања значајно утицао низ

фактора и тренутних околности, које се могу подијелити у четири доминантне групе:

1. близина некадашњег сталног мјеста боравка,
2. дислокација индустријских постројења у току ратних операција,
3. слободан избор обзиром на ратне околности и
4. слободни смјештајни капацитети.

Овакве студије указују да су избјеглички правци били усмјерени према слободним, односно ратом незахваћеним, и етнички хомогенијим регијама које су имале своје гравитационе центре, који су касније постали избјеглички центри (нпр. Бања Лука, Бијељина, Власеница, Вишеград и Требиње). Компарација назначених регионалних избјегличких центара указује на изузетно велику оптерећеност неких регија, обзиром на њихове реалне могућности за прихват и смјештај избјеглог и расељеног становништва.⁹

Током анализе просторних посљедица овог процеса посебно је евидентан неприродан притисак на урбане средине у Босни и Херцеговини, јер су многи настојали да сеоски начин живота замијене градским. То је било и економски и социолошки неправедно, па је дошло до веће концентрације пољопривредне и неквалификоване радне снаге у градовима, док су у руралним срединама остајали празни и полупразни простори. Такође, и прије процеса избјеглиштва у већим БиХ градовима био је вишак радне снаге, па се доласком избјеглог и расељеног становништва ситуација још више погоршала. Студије случаја, указује да се приликом просторног размјештаја требало знатно више залагати за размјештај избјеглог и расељеног пољопривредног становништва у руралним срединама. Већи број примјера указује на веома изражене проблеме у прилагођавању планинаца на специфичности живота у равничарским просторима, а посебно са аспекта климатских, привредних, етнокултурних и других карактеристика. Због тога је просторни размјештај избјеглог и расељеног становништва у одговарајућу животну средину требао да буде један од приоритетних задатака друштвене заједнице са антропогеографског, економског, етничког и културно-психолошког аспекта.

Демографске посљедице избјеглиштва у Босни и Херцеговини веома су бројне и комплексне. Масовно страдање и расељавање становништва веома се негативно одразило на укупан демографски развој, док је велики прилив избјеглог и расељеног становништва привремено побољшао демографску слику већег броја општина. Међутим, процес избјеглиштва детерминисао је поремећаје основних демографских оквира виталних функционалних контингената становништва, утицао на смањење обима репродукције и пад стопе природног прираштаја и условио поремећаје најважнијих структура становништва. Живот у избјеглиштву се одразио на готово све сфере живота, а као посљедица пресељења јавили су се бројни и сложени демографски

---

⁹ Маринковић Драшко, Регионални распоред избјеглог и расељеног становништва геопростора Републике Српске, Гласник ГДРС, бр.9, Бања Лука, 2004.

проблеми, који се манифестују у смањењу фертилних стопа, погоршања старосне и осталих структура, жељом за емиграцијом у иностранство и сл. Смањење репродуктивне стопе код становништва које се доселило у градове из руралних средина углавном се јавило као посљедица другачијих социоекономских услова и начина живота, кориштења контрацептивних средстава и утицаја градског начина живота. Демографске посљедице су се најдиректније одразиле у измјени етничке структуре и стварања етнички хомогених простора.

На основу параметарских анализа у студијама случаја долази се до констатације да је репродуктивна моћ избјеглог и расејеног становништва, усљед разних социоекономских фактора значајно умањена, па је евидентно смењење удјела броја дјеце у избјегличким домаћинствима. Дакле, комплексни друштвено-економски фактори, који се односе на низак друштвени доходак, велику незапосленост и неријешена стамбена питања, имали су веома негативног утицаја на кретање природног прираштаја. Значајан број избјеглих и расејених лица је у периоду избјеглиштва засновао породицу, што је на један начин побољшало демографску слику, али је ипак само дјелимично успорило негативне тенденције на нисконаталитетним подручјима у неким општинама БиХ.¹⁰

Социо-економске посљедице процеса избјеглиштва манифестују се квантитативно и квалитативно, губитком највиталнијег и високообразованог и квалификованог становништва, што је значајно пореметило економску структуру становништва. Тежак социоекономски положај у процесу избјеглиштва утицао је да велики број избјеглог и расејеног становништва, трајно емигрира у развијеније дијелове свијета (западна Европа, Канада, САД, Аустралија, итд.). Процјењује се да је у периоду 1996-2001. године простор Босне и Херцеговине напустило око 92.000 лица и да већина избјеглих лица која су се још тад налазила у иностранству није планирала повратак у ранија мјеста боравка.

Једна од најважнијих психолошких посљедица процеса избјеглиштва у БиХ условљена је измјеном животних услова, јер се избјеглички статус веома негативно одразио на личност избјеглих и расејених лица и њихове породице. Наиме, личност избјеглице, као човјека који је размишљао о преживљавању, без сталног смјештаја и прихода, без могућности да ради у својој професији, без завичаја, односно човјека лишеног пријатеља и некадашњих комшија, веома се негативно одражавало на његово психолошко стање. Рат и посљедице рата и процес избјеглиштва утицали су на врло честа раздвајања породица, разна психосоматска обољења, трауме и сличне здравствене тегобе, које су се веома негативно одразиле и на психологију личности избјеглих и расејених лица. Према студијама случаја и

---

¹⁰ Marinkovic Drasko, Demographic consequences of the distribution of the refugees and displaced persons of Republic of Srpska, International scientific conference: Migrations, Crises and Recent Conflicts in the Balkans, DemoBalk Network, Laboratory of Demographic and Social Analyses (LDSA), University of Thessaly, Volos, Greece, 2005.

истраживањима избјеглиштво су посебно тешко подносиле старије и болесне особе, док се млађа категорија становништва знатно лакше прилагођавала. Психолошке посљедице избјеглиштва биле су доста учесталије и сложеније у колективним избјегличким центрима.

Током рата у Босни и Херцеговини број избјеглог и расељеног становништва се веома брзо повећавао, па је поред ратне стихије и масовног страдања становништва, требало брзо рјешавати избјегличке проблеме. Стратегија смјештаја избјеглог и расељеног становништва била је детерминисана могућностима привремених и трајних рјешења која су прописана Међународном Конвенцијом о статусу избјеглица из 1951. године и њеним Протоколом из 1967. године. Послератна рјешења проблема избјеглиштва у БиХ била су у складу са одредбама Општег оквирног споразума о миру у Босни и Херцеговини (Анекс 7) и Устава Босне и Херцеговине према коме су утврђена три основна права избјеглих и расељених лица:¹¹

- 1) да се слободно врате својим домовима,
- 2) да им се врати имовина које су лишени током непријатељства од 1991. године и
- 3) да им се надокнади сва имовина која не може да им се врати

Начелно, ова права су усклађивана са стратегијом избјеглих и расељених лица на ентитетском нивоу. Институционални оквир, који је у вези са спровођењем Закона о избјеглом и расељеном становништву дефинисан је радом и надлежностима ентитетских Министарства за избјеглице и расељена лица. Такође, веома важну улогу имао је Комесаријат за избјеглице и хуманитарну помоћ, који се специјализовао за питања статистичке, аналитичке, оперативне и техничке подршке процесима повратка избјеглог и расељеног становништва.

Према Анексу 7 мировног споразума у БиХ предвиђено је да жеље избјеглих и расељених лица могу бити одлучујуће приликом избора одговарајућег рјешења. Могућа рјешења била су углавном условљена прилагођавањем и будућим плановима, али и неким од додатних препрека материјалне (повратак имовине), правне (могућност запослења) и личне природе (раздвојеност породице, етничка хетерогеност простора, принудна мобилизација). Обједињавање породице био је посебан вид рјешавања проблема избјеглиштва и примјењивао се кад год је то било могуће. Међутим, стратегија размјештаја избјеглог и расељеног становништва уопште није обухватала неке веома важне одреднице, као што су: природни, социо-економски и демографски параметри, који би у значајној мјери утицали на већу равномјерност у просторном размјештају становништва.

Привремена рјешавања проблема избјеглиштва углавном су била детерминисана активностима државних и локалних институција и

---

¹¹ План повратка и репатријације на територију Федерације Босне и Херцеговине у 1998. години, Министарство социјалне политике, расељених особа и избјеглица Федерације БиХ, Сарајево, 1998.

међународне заједнице, а обухватала су прихват и пружање хуманитарне заштите (обезбјеђење хране, лијекова, санитетског материјала, одјеће и обуће, рјешавање привременог смјештаја, успостављање колективног центра и сл.). Један од важнијих проблема било је обезбјеђење привременог смјештаја на сљедећи начин:

1. код родбине или пријатеља,
2. у колективном избјегличком центру и
3. у привремено напуштеним стамбеним објектима.

Према привременом рјешењу проблема смјештаја избјеглих и расељених лица избјеглиштво у Босни и Херцеговини је веома специфична појава ове врсте у свијету. Наиме, у почетку избјегличке кризе највећи број избјеглих и расељених лица привремено се смјестио код родбине, пријатеља или познаника, а знатно мање у колективним избјегличким центрима. Касније је, ипак, највећи број смјештен у колективним избјегличким центрима и алтернативном смјештају и привремено напуштеним стамбеним објектима. Према статистичким показатељима од укупног броја избјеглих и расељених домаћинстава 1996. године највише, или око 60%, било је у привремено напуштеним стамбеним објектима, око 32% код родбине, око 4% у избјегличким центрима, док су остали на неки начин успјели да ријеше свој стамбени проблем.

Начин трајног рјешења смјештајних проблема избјеглог и расељеног становништва углавном је био у сагласности са међународном праксом у оваквим случајевима, која подразумева три могућности:

- 1) репатријација или повратак,
- 2) асимилација или останак у држави азила и
- 3) пресељење у треће земље

Од свих могућности трајног рјешења проблема избјеглиштва у Босни и Херцеговини, највише је пропагиран повратак избјеглог и расељеног становништва у претходна мјеста боравка. Међутим, највећи број избјеглих и расељених лица на простору Републике Српске 1996. године се изјаснио за останак у мјестима избјеглиштва, па је то требало такође прихватити као једно од рјешења. Негативан став о повратку у претходна мјеста боравка на простор БиХ био је условљен: етничком структуром становништва, бригом за личну сигурност и слободу кретања, девастираном имовином, немогућности запошљавања, слободним испољавањем етничких и вјерских опредјељења, што је било посебно изражено код тзв. мањинских повратака.

Одмах по окончању рата у Босни и Херцеговини већина европских држава почиње са реализацијом плана репатријације избјеглих лица. Међутим, обим повратак избјеглих и расељених лица никада није испунио предвиђања међународне заједнице. Анализе указују да је највећи број повратака избјеглог и расељеног становништва у БиХ остварен у прве три године након рата (57%), а да је након тога константно смањење интензитета укупног повратка.

Повратницима на простор БиХ су према Закону о избјеглицима из Босне и Херцеговине и расељним особама у Босни и Херцеговини загарантована следећа права:

1. помоћ у нужној оправци властитих кућа и станова,
2. кориштење кредита за почетак послова ради стварања прихода за породицу,
3. адекватну помоћ у новцу,
4. неопходну исхрану,
5. основну здравствену заштиту,
6. основно образовање и
7. социјалну помоћ, под условом да нису запослени.

Останак избјеглог и расељеног становништва у мјесту избјеглиштва је приваћен такође као једно рјешења. Наиме, према попису избјеглих и расељених домаћинстава из 1996. године у Републици Српској око 88% избјеглих и расељених лица изразило је жељу за останком, од чега је око 44% жељело да остане на истом простору уз промјену тренутног смјештаја, око 31% да остане у истом смјештају, док је око 13% жељело пресељење у неку другу општину. Неки од најдоминантнијих разлога због којих се расељена лица нису одлучивала за повратак били су несигурност (30%), смјештај (24%), немогућност запослења (13%) и школовање (6%).¹²

Статистичке анализе указују да је постојала битна разлика између жеља избјеглог и расељеног становништва на простору Републике Српске, које углавном није жељело да се врати у Федерацију БиХ, и жеља избјеглих и расељених лица на простору Федерације БиХ, који су жељели да остваре повратак у Републику Српску.

Након рата, због тешког социо-економског стања на простору Босне и Херцеговине, повратак избјеглог становништва из иностранства био је веома успорен. Доста дуго је била актуелна и појава тражења азила у развијенијим европским земљама. То је касније престало обзиром на међународну Конвенцију која указује да по престанку рата престају и обавезе држава које дају азил ратом угроженим лицима. Процјењује се да је 2001. године у око 40 држава широм свијета још увијек било око 600.000 избјеглих лица из Босне и Херцеговине. Најтратеније државе за БиХ азиланте биле су Њемачка са 24%, Аустрија са 22%, Шведска са 19% и Холандија са 17% удјела. Од овог броја око 200.000 избјеглих лица још увијек је требало трајно рјешење, што значи да државе прихвата нису успјеле ријешити њихов статус у облику давања држављанства, дозволе трајног боравка, азила, радно-правног статуса или на неки други легалан начин. На основу правног статуса избјегла лица у иностранству могу се разврстати у неколико категорија: лица која су стекла пуни избјеглички статус (азил), лица која још нису добила позитиван одговор о свом статусу (азилу), лица чији је захтјев за добијање азила одбачен и лица

---

¹² Маринковић Драшко, Демографски проблеми процеса избјеглиштва у Републици Српској, Научна монографија, ГДРС, Бања Лука, 2005.

под привременом заштитом. Избјегла лица која нису трајно ријешила свој статус у државама прихвата су се вратила у БиХ. Међутим, у земаљама прихвата значајну улогу имао је и већи број захтјева којим избјегла лица траже пресељење у треће земље. Према евиденцији Међународне организације за миграције (ИОМ) оваквих захтјева је било око 100.000. Највећи број избјеглог становништва из БиХ тражио је исељење у треће, најчешће прекоокеанске државе, као што су: САД, Канада и Аустралија. Такође, велики број некадашњих држаљања БиХ могу се срести у европским земљама као што су: Данска, Холандија, Шведска, Велика Британија, итд.¹³

Може се констатовати да је процес избјеглиштва био и остао један од најважнијих послератних друштвено-економских проблема простора Босне и Херцеговине. Манифестовао се у веома специфичном облику принудних миграција и у потпуно новој форми, законитостима и тенденцијама, које су последица екстремно дестабилне ситуације, међунационалних односа и ратних сукоба. Дакле, овај процес је означио сасвим нову и битно другачију етапу демографског развоја овог простора. Рјешавање проблема избјеглиштва, поред изузетно ниског природног прираштаја и емиграције становништва, један је од најзначајнијих демографских проблема са којим су се и Републике Српска и Федерација БиХ дугорођно суочавале. Са тог аспекта било је потребно провести веома комплексну анализу изразито сложених параметара избјеглиштва као специфичног друштвеног процеса, како би ефекти таквих истраживања били примјениви у пракси.

Избјеглиштво на нашим просторима улази у сферу просторног планирања, јер је као процес измијенило просторни размјештај и етничку композицију становништва. Овај процес, поред демографских, условио је и велике социо-економске, психолошке, културно-историјске и политичке последице. На просторима поријекла и прихвата избјеглог и расељеног становништва дошло је до значајних економских поремећаја и сиромаштва, па је додатно отежано и прецизно разграничење између економских миграција и избјеглиштва. Наиме, значајан број становништва користио је избјеглички статус да се доселили у економски перспективније просторе и тако оствари економску миграцију. Због тога новија истраживања овог процеса указују на изузетан значај теоријског разграничења избјеглиштва и економских миграција.

---

¹³ The Return of the Refugees and Displaced People as a Precondition for the Survival of Bosnia and Herzegovina, Sarajevo, 2004.

Summary

Having identified migration trends of the recent past and present of Bosnia and Herzegovina, it can be noted that the migrations were one of the key factors of its demographic development. All the former censuses of the population show that Bosnia and Herzegovina is typically emigration area and that negative migration balance marked every inter-census period. According to 2013 Census of Population, Households and Dwellings, population in the Bosnia and Herzegovina largely decreased in comparison to 1991, which was a direct consequence of the massive population movement, refugees, emigration and the fall in birth rates. In addition, this geospace is characterized by large internal population migrations. Demographic analyses indicate that the Bosnia and Herzegovina is prone to emigration. Internal migrations within the region move from underdeveloped and isolated areas towards commercially developed areas of better life standards. Causes of these migrations vary and most frequent ones are better job positions, larger profit, professional advancement and education. In Bosnia and Herzegovina, there have been massive economic migrations as well as migrations of highly educated working population towards economically developed countries. In the last decade of the former century, the territory of Bosnia and Herzegovina is characterized by the process of the exile and return of the refugees and displaced persons. In the period from Census from 1991, migration movements, especially the process of the exile as well as the natural movements of the population, determined the change in area distribution of the population in relation to the earlier historic periods. A significant number of the population emigrated from Bosnia and Herzegovina in the process of the exile in the direction of Republic of Croatia, Republic of Serbia and Montenegro, more developed European and other countries in the world. At the same time, at this territory redistribution and relocation of the population between the entities of Republic of Srpska and Federation of Bosnia and Herzegovina took place which caused different demographic, socio-economic, geopolitical and other consequences.

Литература

1. Демографија, (2005). Сарајево: Агенција за статистику Босне и Херцеговине.
2. Census of Refugee and Other War-affected Persons in the Federal Republic of Yugoslavia, (1997). Geneva: UNHCR.
3. Избјеглице из Босне и Херцеговине и расељене особе – стање – повратак – перспективе, Билтен Министарства за људска права и избјеглице, (2001). Сарајево.
4. Marinkovic, D., (2005). Demographic consequences of the distribution of the refugees and displaced persons of Republic of Srpska, International scientific conference: Migrations, Crises and Recent Conflicts in the Balkans, Volos, Greece: DemoBalk Network, Laboratory of Demographic and Social Analyses (LDSA), University of Thessaly.
5. Маринковић, Д., (2005). Демографски проблеми процеса избјеглиштва у Републици Српској, Научна монографија, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
6. Маринковић, Д., (2004). Регионални распоред избјеглог и расељеног становништва геопростора Републике Српске, Гласник ГДРС, бр.9, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
7. Маркотић, А., (1990). Нека обиљежја босанско-херцеговачке међурејубличке миграције, Зборник радова: Погледи на миграције становништва Југославије Београд: Институт друштвених наука, Центар за демографска истраживања.
8. План повратка и репатријације на територију Федерације Босне и Херцеговине у 1998. години, (1998). Сарајево: Министарство социјалне политике, расељених особа и избјеглица Федерације БиХ.
9. Попис становништва, домаћинстава и станова у Босни и Херцеговини 2013, године - Резултати пописа, (2016). Сарајево: Агенција за статистику БиХ.
10. Први резултати Попис становништва, домаћинстава, станова и пољопривредних газдинстава у БиХ 1991, године, (1991). Статистички билтен 219, Сарајево: Републички завод за статистику СР БиХ.
11. Становништво – упоредни подаци пописа становништва за 1971, 1981 и 1991. годину, (1998). Статистички билтен бр.265, Сарајево: Федерални завод за статистику.
12. The Return of the Refugees and Displaced People as a Precondition for the Survival of Bosnia and Herzegovina, (2004). Sarajevo

**DEMOGRAFSKI GUBICI I DEMOGRAFSKI RAZVOJ SRBA KAO
POSLJEDICA RATNIH DEŠAVANJA 1992-1995.**

S. Pašalić

**DEMOGRAPHIC LOSSES AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF
SERBS AS A WAR CONSEQUENCE IN 1992-1995**

Apstrakt: Predmet istraživanja u ovom radu su demografski gubici u BiH (srpski nacionalni korpus) tokom rata 1992-1995., kao i u poslijeratnom periodu. Cilj istraživanja je ustanoviti, izračunati i/ili/ procijeniti direktne i migracione demografske gubitke domicilnog stanovništva u periodu 1991-2016. i vrednovati njihov učinak na promjenu broja stanovnika, te sagledavanje demografskog razvoja Srba u BiH (1991.-2013.). Istraživanja demografskih gubitaka zahtijevaju integralni pristup, sa pretežno naučno-empirijskim istraživanjima, sa primjenom ključnih naučnih metoda. Osnovna intencija u istraživanjima ratnih gubitaka mora se zasnivati na potpunosti, vjerodostojnosti i istinitosti podataka, na osnovu kojih je jedino moguće doći do saznanja koja mogu dobiti status naučne spoznaje, odnosno naučne istine. Izvori podataka su jedan od najznačajnijih faktora valjanosti i pouzdanosti podataka. U empirijskom istraživanju najvažniju ulogu imaju empirijski i naučni izvori podataka, koji su primijenjeni u ovom radu.

Ključne riječi: demografski gubici, izvori podataka, empirijsko istraživanje

Abstract: Research subject in this paper are demographic losses in BiH (Serbian national corps) during the war 1992-1995, as well as in the postwar period. The aim of the research is to affiliate, calculate and estimate direct and migration demographic losses of domicile population during 1991-2016 and value their affect on change of population number and overview of demographic development of Serbs in BiH (1991-2013). Research of demographic losses demand integral approach with predominantly science-empirical research, with application of key science methods. The basic intention in war losses research must be based on entirety, credibility and data accuracy, on the basis of which it is possible to come to the conclusion that it can get the status of scientific knowledge. Data source are the one of the most significant factors of validity and reliability of data. In the empirical research, the main role has the empirical and scientific data source that are applied in this paper.

Key word: demographic losses, data source, empirical research

Uvod

Prostor BiH karakterišu izuzetno složeni istorijski, etnodemografski, migracioni, kulturni i drugi faktori koji su uticali na vjekovna kretanja i migracije stanovništva. Na tako česte demografske promjene, koje su se odvijale u svim dosadašnjim ratovima, kao i u periodima mira, dodatne i intenzivne demografske promjene u BiH su se dešavale neposredno pred rat, tokom cijelog rata 1992 – 1995, i neposredno nakon rata, pa sve do današnjih dana. Zajedničko za sve te oblike je odlazak “nepoželjnog” stanovništva sa jedne teritorije, zahvaćene neželjenim događajima, na drugu, relativno sigurniju teritoriju. Rezultat ovih događaja u BiH bila je etnička teritorijalna homogenizacija i uprošćavanje etničkog mozaika pojedinih područja i regiona unutar BiH.

Sve etničke grupe bile su podložne pomjeranjima, i to na svim prostorima BiH, pri čemu su se prostori ponašali kao spojeni sudovi. Međutim, nije svako uklanjanje stanovništva u BiH i etničko čišćenje, kako se često poistovjećuje.

Ni jedan rad iz ove oblasti, koji bi se fokusirao samo na jednu godinu (na primjer 1992) i samo na određeni broj opština, ne bi mogao vjerno odslikati ni dimenzije, ni uzroke, ni posljedice migracionih kretanja na istraživanom području.

Ovo istraživanje je naučno-empirijskog karaktera, zasnovano na prikupljanju podataka tokom dvije decenije. Istraživanje se oslanja na primarne izvore podataka, dok podaci drugih izvora imaju status sekundarnih izvora.

Istraživanja koja se zasnivaju samo na međusobnoj komparaciji preuzetih podataka iz sekundarnih izvora, pri čemu se saopštavaju samo statistički podaci, bez naučno-empirijske zasnovanosti i analiza, dovode do stvaranja krive istorijske slike i predstavljanja pogrešnih statističkih podataka.

Rezultati svakog naučnog istraživanja u najvećoj mjeri, pored subjektivnih, zavise od ova dva kamena temeljca: izvora podataka, i metodološkog postupka. Ako se jedno istraživanje uradi po propisnoj metodologiji i na osnovu nespornih izvora podataka, greške u analizi i interpretaciji rezultata i nisu presudni, pošto svako kritičko razmatranje korektno izvedenih rezultata može nadoknaditi sve propuste u analizi i interpretaciji, u procjeni značaja i značenja.

Razumije se da su najbolja ona istraživanja, koja se dizajniraju prije proučavane pojave, koja se prate longitudinalno, i registruju po jedinstvenoj metodologiji, a potom se vrši jedinstvena i transparentna obrada podataka i prikazuju rezultati, koji su provjerljivi.

Svako istraživanje ratnih demografskih gubitaka mora biti naknadno, ali to nije smetnja da se primjeni najnaučniji i najpouzdaniji metod, sa ujednačenom metodologijom i osloncem na primarne izvore podataka. Pošto postoji nekoliko mogućih metodoloških pristupa, otvara se pitanje izbora između njih. Za izbor moraju da postoje racionalni razlozi, i ti razlozi će u velikoj mjeri opredijeliti izbor izvora podataka.

U radu na svojim izvještajima eksperti Tužilaštva ICTY polaznu osnovu imali su u njima dostupnim podacima, koje su preuzeli od određenih institucija iz BiH, a

potom dali vlastite procjene, za koje tvrde da su utemeljenije od ostalih, ali i da su "još uvijek nekompletne i treba ih smatrati radom u razvoju" (Tabeau, 2009).

Jedna od najuočljivijih slabosti tih istraživanja sadržana je u određenim političkim kvalifikacijama, kao na primjer "...unutrašnje i vanjske migracije, uglavnom muslimanskog stanovništva", iako je na temelju zvaničnih statističkih podataka poznato da je u okviru prisilnih (ratnih) migracija zahvaćen najveći broj srpskog, a tek potom muslimanskog i hrvatskog stanovništva u BiH. Poseban je problem što se migracije "uglavnom muslimanskog stanovništva" izražavaju u relativnim brojevima, a sve to bez istraživanja migracija "uglavnom srpskog" i "uglavnom hrvatskog" stanovništva, jer sama priroda relativnih brojeva to nalaže.

Izvori podataka su osnovni činioci valjanosti i pouzdanosti. Međutim, eksperti Tužilaštva ICTY nisu provodili vlastito naučno-empirijsko istraživanje, čak ni naučno-teorijsko, već su se koristili izvorima, koje su kreirali drugi po svojim kriterijima i metodologiji, takođe bez longitudinalnog istraživanja. Eksperti Tužilaštva su tako bili potpuno zavisni od onoga što im je dostupno, i što su mogli samo selekcionisati do mjere do koje ne bi ostali bez ikakvog materijala.

Iz izvještaja navedenih eksperata, vidljivo je da su preuzimani spiskovi od raznih institucija, koje ne pružaju dovoljno validnih podataka o smrtnim slučajevima. Autori se ne koriste medicinskim, odnosno bolničkim ustanovama kao izvorima podataka, iako su medicinske ustanove jedini relevantni izvor utvrđivanja i konstatovanja uzroka smrti. U tome autori imaju ispravan načelan stav: «Finally, we realize that the source requirements of our empirical counting method are high (i.e. the availability of a pre-war census, post-war sources on survivors etc.), and cannot be easily followed for any other conflict (Tabeau, E.(2009).

Autori Tužilaštva nisu primjenili analitičko-sintetički pristup, na osnovu sveobuhvatnijih i validnijih izvora. Prvo, popis stanovništva u Sarajevu 1992-1994. godine, kao jednu od korišćenih varijabli, nikada nije prezentovan kao zvaničan rezultat. Navodno, ta istraživanja je vršio Institut za istraživanje ratnih zločina.

Poznato je da je kroz istoriju svjetsko stanovništvo doživljavalo velike promjene u svom razmještaju uzrokovano genocidom i etničkim čišćenjem. Između ovih ekstrema je *deportacija* (progon) i veliki *transfer* stanovništva. Bosna i Hercegovina imala je veoma složenu istorijsku prošlost, posebno u pogledu demografskih promjena, uzrokovanih uglavnom ratnim dešavanjima na ovom prostoru.

Najtragičnije i najupečatljivije su te promjene nastale tokom Drugog svjetskog rata, kada je od deklariranih 1.700.000 žrtava na jugoslovenskom prostoru, najveći broj poticao sa prostora BiH (oko 705.000), gdje su se, u etničkoj mješavini, i desila najokrutnija zbivanja, koja su dijelom bila izazvana postupcima stranih snaga, ali dijelom i komponentom građanskog međuetničko-vjerskog rata, bez koje nije bilo ni jednog rata u istoriji ovih prostora.

U istraživanjima međunarodnih eksperata pojednostavljeno se posmatra pitanje pokretljivosti stanovništva tokom 1992-1995. godine, jer su ih podveli pod tzv. prinudne migracije. Poznavanje istorijskih migracija u Bosni i Hercegovini, upućuje na saznanja o Bosni i Hercegovini kao tipičnom emigracionom prostoru,

posebno srpskog i hrvatskog stanovništva ka državama maticama - Srbiji i Hrvatskoj.

Navodi u svim dosadašnjim radovima od strane međunarodnih eksperata u vezi pitanja demografskih promjena i velikog transfera stanovništva u Bosni i Hercegovini 1992-1995. godine, su generalizovani i praktično podvedeni isključivo pod progon i etničko čišćenje. To ukazuje na nedovoljnu istraženost, ili pak nedovoljno poznavanje demografskih kretanja na ovim prostorima, bilo u mirnodopskim ili u određenim vanrednim okolnostima. S tim u vezi, može se zapaziti da su velika demografska kretanja u Bosni i Hercegovini, koja se mogu posmatrati i u periodu 1992-1995. jednim dijelom uzrokovana brojnim faktorima koji su bili prisutni i prije rata, kao što su:

- ekonomski (stalna želja za povoljnijim uslovima života, sada pojačana i zbog pogoršanih uslova izazvanim ratnim dešavanjima);

- geografski (preseljenje u područja povoljnije političke klime);

- socio-psihološki (vezani za lične ili objektivne razloge za preseljenjem, potrebom za pripadanjem svojoj zajednici);

- politički (usljed narušavanja ljudskih prava, rizik za grupu ljudi od strane druge društvene grupe na -religijskoj, etničkoj osnovi, doživljaja koji su mogli biti od uticaja i prije rata, a koje je rat samo potencirao);

Dakle, velike demografske promjene u Bosni i Hercegovini usljed migracija stanovništva 1992-1995. godine, mogu se posmatrati kroz dobrovoljne (spontane) i prinudne migracije.

Ako se ovim podacima dodaju i podaci o različitoj stopi prirodnog priraštaja pojedinih etničkih zajednica u BiH, pokazaće se da je udio Muslimana rođenih prije 1980. godine još manji, s obzirom da ova etnička zajednica ima znatno veći prirodni priraštaj od ostalih etničkih zajednica.

Tabela 1. Stope nataliteta, mortaliteta i prirodnog priraštaja Srba, u Bosni i Hercegovini ¹

	Srbi	Hrvati	Muslimani
Stopa n / 1000			
1961.	26,6	33,9	40,6
1971.	17,6	21,4	25,2
1981.	14,8	15,8	21,0
1991.	13,9	14,7	20,4
2015.	8,0		
Stopa m /1000			
1961.	7,2	9,1	11,1
1971.	6,3	6,7	6,6
1981.	7,1	6,9	6,2
1991.	6,9	6,7	6,4

² Podaci iznijeti u ICTY koji su u cijelosti prihvaćeni

2015.	12,8		
Stopa j / 1000			
1961.	19,6	24,8	29,5
1971.	11,3	14,7	18,6
1981.	7,7	8,9	14,8
1991.	7,0	8,0	14,0
2015.	-4,8	-2,1	-0,2

Izvor: Pašalić, S. (2012). Demografski gubici u BiH, ICTY, Hag

Na ovom, i svim drugim primjerima, dokazujemo tezu o etničkoj teritorijalnoj homogenizaciji kao procesu koji nije mogao biti kontrolisan, jer je bio posljedica rata kao više sile.

Demografski gubici u Bosni i Hercegovini

U dosadašnjim istraživanjima demografske problematike ratnih dešavanja u BiH, najčešće se nametao problem utvrđivanja direktnih ratnih demografskih gubitaka (poginulih i nestalih).

Problematika demografskih uzroka, gubitaka i posljedica ratnih zbivanja u BiH, jedan je od najvažnijih aspekata koje je nužno poznavati za razumijevanje uzročno-posljedičnih odnosa tokom rata 1992-1995. i u poslijeratnom periodu.

Demografsku sliku BiH danas karakterišu tri dugoročna, globalna i depopulaciona demografska procesa. Ukupnu depopulaciju stanovništva (smanjenje broja stanovnika) BiH je prvi puta nakon Drugog svjetskog rata zabilježila u posljednjem međupopisnom razdoblju (1991-2013).

Ovo istraživanje se temelji na dostupnim, ali i validnim podacima, te procjena veličine i strukture demografskih gubitaka u Bosni i Hercegovini tokom rata (1992-1995) i u poslijeratnom periodu, posebno u pogledu direktnih ratnih i migracionih gubitaka stanovništva, te gubitaka nataliteta.

U istraživanju su korišćene dvije grupe izvora podataka. Prvu grupu čine popisna i vitalna statistika Agencije za statistiku BiH, Republičkog zavoda za statistiku Republike Srpske i Federalnog zavoda za statistiku BiH. Riječ je o popisnoj građi i dokumentima u kojima su izneseni rezultati popisa stanovništva (1991. i 2013. godine, te podaci vitalne statistike, koji se odnose na natalitet (rađanje), mortalitet (smrtnost) i prirodni priraštaj. Radi se, dakle, o primarnim statističkim izvorima podataka, najvišeg stepena dostupnosti i vjerodostojnosti.

Drugu grupu čine sekundarni izvori podataka. To su izvori koji se primarno ne bave prikupljanjem i obradom demografskih podataka, ali ipak u okviru svoga rada imaju evidentiranje ili vođenje odgovarajuće statističke baze podataka. Ovo se naročito odnosi na prikupljanje, evdenciju, obradu i publikovanje podataka o broju poginulih, umrlih zbog posljedice rata i nestalih vojnika i civila, te o broju izbjeglih, povratnika, interno raseljenih lica tokom rata i u postratnom periodu. U dosadašnjim istraživanjima demografske problematike ratnih dešavanja u BiH,

najčešće se nametao problem utvrđivanja direktnih ratnih demografskih gubitaka (poginulih i nestalih).

1.Ratni demografski gubici (1992-1995)

a) Direktni demografski gubici

Prema raspoloživim podacima procjena je da su direktni demografski gubici³ u BiH iznosili od 97.207 do 104.732.2. Uzmemo li navedene brojke kao osnovu za dalja i dublja istraživanja, možemo procijeniti da je tokom rata u BiH poginulo, ubijeno, nestalo ili umrlo zbog ratnih posljedica približno 2,40 % ukupnog stanovništva BiH (po popisu 1991. godine).

Direktne demografske gubitke karakteriše:

- relativno visok udio stradalih civila, što upućuje na prostornu neselektivnost samih ratnih aktivnosti, a što pokazuje da su se ratna dejstva odvijala udaljenije od linija razdvajanja, zatim građanske, posebno međuetničke i međuverske prirode sukoba, te izmešanosti civila i vojnika u svakom pogledu, kako u borbenim akirvnostima, tako i između njih;³

- selektivnost ratnog mortaliteta prema polu i starosnoj dobi, odnosno veće stradanje muškaraca, naročito u starosnoj dobi od 20-40 godina života;

- struktura ratnog mortaliteta prema vremenu i području stradanja, takođe upućuje na vremensku i prostornu selektivnost direktnih demografskih gubitaka.⁴

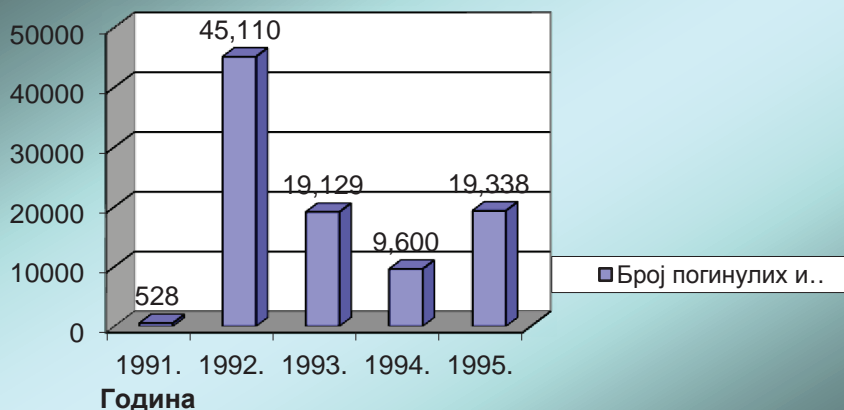
Određeni metodološki problemi postoje i pri pokušaju definisanja vremenskog okvira direktnih ratnih gubitaka. Prema istraživanjima Istraživačko dokumentacionog centra u Sarajevu, ubijeni i nestali u periodu 1991-1995. godine imaju sljedeći trend:

Prema istraživanjima Istraživačko-dokumentacionog centra (IDC) Sarajevo i Ewe Tabeau " Rat u brojkama" .

Ratna aktivnost daleko od linija razdvajanja, u dubokoj pozadini, karakteristična je zbog građanske, vjersko-etničke prirode rata, jer je "naoružani" narod iz ranije ratne doctrine SFRJ, bio u prilici da upotrebljava oružje bez kontrole i po vlastitom nahođenju i osećanju ugroženosti.

Treba imati na umu građansku prirodu rata u BiH, gdje nisu ubijale samo vojske, nego se borio svako protiv svakoga.

Графикон 1:
Убијени и нестали у БиХ (1991-1995.)

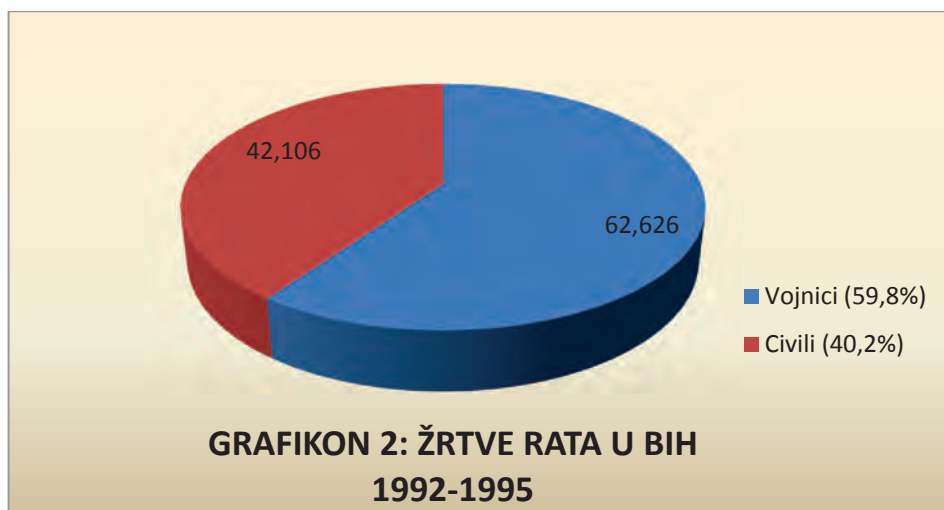
Iz podataka se vidi da je s obzirom na direktne žrtve rata najteža ratna godina 1992., tokom koje je poginulo, ubijeno, umrlo zbog posljedica rata i nestalo približno 46,41% smrtno stradalih stanovnika. Slijedi 1995.godina, sa 19,89%, 1993. sa 19,68%, 1994. sa 9,88%, te 1991. godina sa 0,54% ratnog mortaliteta (poginuli iz BiH na ratištima izvan BiH).

Drugi, međunarodno pouzdaniji izvor podataka o ukupnom broju stradalih tokom rata u BiH, je knjiga "Rat u brojkama", autora Ewe Tabeau, eksperta demografa u Međunarodnom krivičnom sudu za bivšu Jugoslaviju u Hagu. Navedeni autor uradila je više od 30 izvještaja za potrebe Tužilaštva u ICTY u Hagu, od 2000. do 2011. godine. Njen metodološki pristup u izradi izvještaja bitno se razlikuje od izvještaja koje je radio Istraživačko dokumentacioni centar u Sarajevu. Ključna primjedba je da Tabeau nije koristila mnoštvo različitih i relevantnih izvora podataka, kako bi se izbjegli netačni statistički podaci i stvorila kriva istorijska slika o istraživanom problemu. Konačno, najbolja približna procjena o istini o ratnim stradanjima u BiH će se dobiti iz mnogih, relevantnih i referentnih izvora (Pašalić, 2011). kada se radi o broju žrtava u ratu, ni jedan od tih izvora, ako se koristi sam, ne može biti dovoljan, odnosno kompetentan. Pored Istraživačko dokumentacionog centra u Sarajevu, ukupne žrtve rata u BiH iznijela je još i Tabeau u svojoj knjizi "Rat u brojkama". Prema njenim istraživanjima ukupan broj žrtava u ratu (1992-1995) iznosio je 104 732, napominjući da podaci nisu konačni i da broj žrtava predstavlja minimalan broj, i to:

Bošnjaci - **68.101**, Srbi - **22.779**, Hrvati - **8.858** i Ostali - **4.992**
65,02%   **21,75%**   **8,46%**   **4,77%.**

Ekspert Tužilaštva Ewa Tabeau kaže: "Konačna brojka od **104.732** žrtve rezultat je dvanaestogodišnjeg rada na bazama informacija, na građenju i

obnavljanju tih baza, na izvorima provjere, na poboljšanju metodologije, učenju o ratu... mi smo 2005. godine objavili brojku od 106.222 žrtve, ova iz 2010. godine nije mnogo drugačija, ali je značajno pouzdanija i bolja kao dokument". Uz to, treba dodati da je navedeni ekspert posjetio BiH (Sarajevo) tek 2000. godine, tako da o nekoj vrsti empirijskog istraživanja nema ni govora.

Prema E. Tabeau, 2012.

Koliko su podaci o ukupnim žrtvama rata rastegljiviji, te zasnovani na paušalnim procjenama, vidljivo je iz niza drugih izvora podataka, koji nisu utemeljeni na empirijskim istraživanjima:

-*Institut* za zdravstvenu zaštitu Sarajevo, 1996. godine objavio je preliminarne podatke o **156.824** žrtve rata, a samo dva mjeseca nakon toga objavio je podatke o ukupno **278.800** žrtava;

-prema istraživanjima **I. Bošnjovića i A. Smajkića** broj ubijenih i na drugi način nastradalih iznosi 258.000, od čega 138.800 Bošnjaka;

- po prof. Murat Paši, ubijeno je, smrtno stradalo ili nestalo oko 328.000 ljudi, od čega oko 218.000 Bošnjaka;

-V. Žerjavić je objavio da je u BiH ubijeno 220.000 ljudi, od toga 160.000 Bošnjaka, 30.000 Hrvata i 25.000 Srba;

Međunarodni institut za istraživanje mira iz Štokholma 1993. godine, objavio je podatak o 169.100 ubijenih;

-prema prof. Herbertu Hirschu, ubijeno je oko 200.000 ljudi;

- prof. Francis Boyl je 1997. godine iznio procjenu od 139.000 smrtno stradalih, dok je George Kenneyu 1995. godine broj smrti vezanih za rat procijenio na 25.000 do 60.000.

Postoji još niz drugih podataka od brojnih autora o različitom broju žrtava tokom rata u BiH, koji se kreću u rasponu do 150.000 do 250.000 žrtava.

Dakle, iznijeti paušalni podaci i procjene od 25.000 do 328.000 žrtava rata navedenih autora govore o jednom diletantskom pristupu u istraživanju direktnih ratnih gubitaka u BiH, te kao takvi nisu upotrebljivi za iole relevantnija istraživanja o demografskim gubicima u BiH.

Prema brojnim izvorima podataka u Republici Srpskoj, ukupan broj srpskih žrtava u ratu u BiH kreće se između 30 000 do 32.500 i (od čega oko 17.500 vojnika na liniji fronta, 5.000 individualnih stradanja vojnika i do 10.000 civila).⁵

Ako se uzmu podaci o ukupnom broju žrtava rata u BiH (1992-1995), po navedenim izvorima, očigledno je da se razlikuju od prethodno navedenih, što znači da još uvijek nema konačnih i potpuno tačnih. Prema navodima Tabeau, broj žrtava koje ona navodi su samo približne minimalnom broju, a ne ukupni broj. Upravo takva konstatacija nam daje uporište u tome da je broj žrtava srpskog nacionalnog korpusa minimiziran i da se kreće do **32 500**, što je znatno više od njenih navoda (oko 10 000 žrtava).

Uzimajući u obzir navedene podatke i istraživanja o stradanjima srpskog stanovništva u BiH (na osnovu više izvora podataka), direktni ratni demografski gubici u BiH iznose minimalno oko 110.000, od čega oko 29,5% su Srbi, oko 60,5% Bošnjaci, te 8% Hrvati i 2% Ostali.⁶

Tabela 2. Poginuli i nestali 1992-1995.

Bošnjaci	%	Srbi	%	Hrvati	%	Ostali	%
66 500	60,5	32500	29,5%	8800	8,0%	2 200	2,0%

Izvor: Pašalić, S. Exort report, ICTY, Hag, 2013.

Ako se proporcionalno učešće u populaciji stradalih uporedi sa proporcionalnim učešćem u opštoj populaciji, vidjeće se da je za Srbe ta proporcija približno ista, za Muslimane nešto viša, i to zbog toga što je proporcija hrvatskih žrtava daleko niža od proporcionalnog učešća Hrvata u opštoj populaciji.

U srpskoj zajednici, pri srednjoj vrijednosti gubitaka od 32,500 taj procenat iznosi 2,65%.

Da je ukupan broj žrtava u Republici Srpskoj zaista validan, pokazuju to i podaci o ukupnom mortalitetu tokom ratnog perioda.

Podaci koje je autor elaborirao u ekspertskom izvještaju u MKSJ u Hagu, maj, 2011. Procjene koje je uradio autor na osnovu više relevantnih izvora podataka. Na osnovu iznijetih (više) izvora podataka, broj poginulih u BiH 1992-1995., kreće se od 97.000-110.000.

Tabela 3. Ukupni (i ratni) mortalitet u ratu (1992-1995) u Republici Srpskoj

Godina	Rođeni (natalitet)	Umrli (mortalitet)	Prirodni priraštaj
1992.	16 226	18 136	-1 910
1993.	13 684	15 438	-1 754
1994.	16 587	12 809	3 778
1995.	13 181	12 191	990
SVEGA:	59 678	58 574	1104

Izvor: Pašalić, S. (2002), Anropogeografska stvarnost Srba u BiH, Banja Luka: Banjaluka Kompani

Prirodni mortalitet u toku rata iznosio je oko 6⁰/₀₀, što znači da je tokom rata broj umrlih prirodnom smrću iznosio oko polovine od ukupnog mortaliteta, odnosno broj umrlih nasilnom smrću je približan podacima ukupnog stradanja Srba u BiH (32 500).

Tabela 4. Nestali, ekshumirani i indetifikovani u BiH i RS

Ukupan broj nestalih	Ekshumirani	Utvrđen	Nestali Srbi koji nisu pronađ.	Ozren i Vozuća
34 964	25 000	14 792	1 665	412 (129)

Izvor: Podaci udruženja za nestale osobe RS, 2016.

Antropogeografska destrukcija na prostoru BiH, gdje su bili nastanjeni Srbi, može se posmatrati i definisati sa aspekta uništenih naselja, poginulih i nestalih, ali i prognanih sa određenih prostora, te utvrđivanje stratišta i logora u kojima su bili zatočeni Srbi u BiH.

Tabela 5. Zbirni podaci (po regijama) antropogeografske destrukcije Srba u BiH

Regija (oblast)	Broj Srba 1991.	Uništena naselja	Naselja-prognani	Naselja – stratišta	Naselja - logori	Broj logora
Posavina	29 094	14	46	13	26	46
Srednja Bosna	66 462	39	150	19	28	52
Sarajevska oblast	153 182	56	105	28	29	91
Lašvansko-bug.kra	41 780	57	157	9	15	36
Kupreško-liv.kraj	8 560	28	34	6	13	29
Zapadna Krajina	123 151	279	357	13	7	13
Cazinska krajina	27 289	47	67	3	8	19
Sjeveroist. Bosna	61 220	53	89	8	31	67
Podrinje	24 535	68	90	40	17	28
Hercegovina	46 724	45	116	20	29	60
SVEGA:	518 362	686	1 232	159	203	441

Izvor: Pašalić, S. (2002). Antropogeografska destrukcija Srba u BiH, Banja Luka: Banjaluka kompani

2. Migracioni demografski gubici.

Pod migracionim demografskim gubicima podrazumijevamo gubitke stanovništva nastale zbog ratom indukovanoj pojačanog iseljavanja stanovništva iz zemlje. Oni su zbog svog obima, prostornog ishoda, te strukturno-demografskih

obilježja izazvali složene i nepovoljne, kratkoročne i dugoročne efekte na populacioni i društveno-ekonomski razvoj BiH u cjelini.

Prisilni migranti su raseljeni usljed približavanja ratnih sukoba (pred rat), zatim usljed izbijanja ratnih sukoba, usljed osjećanja egzistencijalnog i individualnog proganjanja, ili masovnih kršenja ljudskih prava. Od svih republika bivše SFRJ, daleko najviše pogođeno izbegličkom krizom bilo je stanovništvo Bosne i Hercegovine. U periodu 1993-1998., preko 70% svih izbjeglica i interno raseljenih lica iz bivše Jugoslavije su bili građani BiH.

Najveća prosječna godišnja stopa migracionog salda zabilježena je u BiH u prvoj polovini 1990-tih godina (-51,8‰), sa ukupnim gubitkom od oko jednog miliona ljudi. Skoro polovina tog gubitka je nadoknađeno između 1995-2000. godine, povratkom iz bližih i daljih zemalja.

Nakon završetka rata 1995. godine, broj izbjeglica u inostranstvu počeo se smanjivati, sve do 2010. godine, kada ih je izvan BiH još 527 887, a određeni broj je integrisan u zemljama izbjeglištva (postali su državljani tih zemalja).

U uslovima bez rata 1992-1995. godine, prema dotadašnjem trendu iseljavanja stanovništva, iz BiH, bi otišlo oko 40 000 stanovnika. Na osnovu prezentovanih podataka o ratnim gubicima u BiH (1992-1995), njihov ukupan broj iznosi:

- direktni ratni gubici 110.000, čisti demografski gubici (gubici nataliteta) 39 750, migracioni demografski gubici 986 216, ukupni demografski (ratni) gubici 1 135 966 (ili 25,95% ukupnog stanovništva).

3. Čisti demografski gubici (gubici nataliteta)

Jedan od vrlo važnih pokazatelja uticaja rata na prirodnu dinamiku stanovništva BiH u ratnom (1992-1995) i poslijeratnom periodu, jesu čisti demografski gubici stanovništva. Čisti demografski gubici ili gubici nataliteta stanovništva BiH tokom rata i zbog rata ulaze u grupu nedirektnih demografskih gubitaka. Osnova je metodološko polazište definisanja veličine čistih demografskih gubitaka, kao odnos između ostvarenog nataliteta u posmatranom ratnom periodu i očekivanog nataliteta koji bi se (s manjom ili većom vjerovatnoćom), ostvario da nije bilo rata, i koji se može izračunati na osnovu dosadašnje prirodne dinamike stanovništva.

Prvi korak u ocjeni gubitaka nataliteta jeste procjena ukupnog nataliteta u BiH između 1992. i 1995. godine. Prema procjenama u BiH je između 1992. i 1995. godine živorođeno oko 160.000 djece.

Drugi korak u ocjeni veličine čistih demografskih gubitaka stanovništva BiH jeste procjena kretanja nataliteta od 1992-1995. godine u uslovima izostanka rata. Pri tome treba imati na umu već istaknute nepovoljne dugoročne tendencije u dinamici nataliteta, kao i činjenicu da će upravo u tom periodu kroz najfertilniji period života prolaziti žene rođene između 1967. i 1973. godine, u godinama vrlo niskog nivoa nataliteta.

Procjenu očekivanog mirnodopskog nataliteta proveli smo na osnovu prosječne relativne godišnje promjene broja živorođenih od 1981.-1991. godine, koja je iznosila preko 14‰. Pri tome smo duboko svjesni činjenice da je to tek jedna od nekoliko mogućih pretpostavki veličine mirnodopskog nataliteta i metoda za njegovo izračunavanje.

Aplicirajući navedeno smanjenje broja živorođenih na svaku iduću godinu od 1992. do 1995. godine, dobijamo podatak prema kojem se u BiH u neratnim uslovima od 1992.-1995. godine mogao očekivati natalitet oko 200 000 živorođene djece, što u odnosu na procijenjeni ostvareni natalitet u BiH u tom periodu predstavlja smanjenje od 40 000 živorođene djece.

Kako i u normalnim prilikama, određeni broj živorođene djece umire, procijenjeni gubitak bi se mogao umanjiti za taj iznos. Smratnost odojčadi (do jedne godine) u BiH se može u tom periodu uzeti oko 5,5‰. Umanjimo li utvrđeni gubitak nataliteta (40 000) za stopu smrtnosti odojčadi (oko 250), dobićemo čisti demografski gubitak od 39 750 živorođenih.

4. Poslijeratni demografski gubici u Bosni i Hercegovini

Demografski ratni gubici su jedna od najvažnijih odrednica ukupne depopulacije stanovništva u BiH. Uprkos metodološkim ograničenjima za upoređivanja, ipak se sasvim pouzdano može tvrditi da stanovništvo BiH u posljednjem međupopisnom periodu (1991-2013) , karakteriše ukupna depopulacija ili pad broja stanovnika. Drugim riječima, između 1991. i 2013. godine, broj stanovnika BiH značajno je smanjen.

Demografske gubitke poslije rata karakterišu pad nataliteta i migracije (negativan migracioni saldo). Visina demografskih gubitaka zavisi od procjene o tome kakve bi prilike vladale da nije bilo rata i njegovog uticaja na razvoj prirodne i ukupne depopulacije poslije rata. O tome su moguće različite procjene, naročito ako se stručni argumenti pomiješaju sa ideološkim i političkim motivima.

Čisti demografski gubici (gubici nataliteta) računaju se od 1996. do 2013. godine, u slučaju da rata nije bilo, gdje se stopa nataliteta konstantno smanjuje, u desetogodišnjem razdoblju prosječno za 2,4‰. Na osnovu očekivanog broja stanovnika u poslijeratnim godinama i procjene stopa nataliteta, izračunava se ukupan broj živorođenih u proteklom petnaestogodišnjem periodu.

Na osnovu direktnih i nedirektnih ratnih gubitaka u BiH u periodu 1991-2013. godine, očekivanog broj stanovnika (u uslovima da nije bilo rata), te stvarno procijenjenog broja stanovnika, kao i drugih statističkih podataka i procjena, ukupni demografski gubici u BiH iznose:

-najveća prosječna godišnja negativna stopa migracionog salda je zabilježena u Bosni i Hercegovini u periodu 1992-95 (-51,8 na 1000 stanovnika), sa ukupnim gubitkom od jednog miliona ljudi. Polovina tog gubitka je nadoknađena između 1995. do 2000. godine (blizu 500.000, a ostalo je izvan BiH 527.000).

Tabela 6. Demografski gubici u BiH (1991-2013)

Kategorija demografskih gubitaka	Apsolutno	%
Direktni demografski gubici (ratni mortalitet)	110.000	10,80/ 9,49
Migracioni gubici (kao posljedica rata)	908.480	89,20/ 78,42
Ukupni stvarni demografski gubici	1.018.450	100,0
Čisti demografski gubici (gubici nataliteta)	140.750	12,1
Sveukupni demografski gubici	1.159.200	100,0

Izvor: Pašalić, S. (2012). Eksport report, ICTY, Hag

Imajući u vidu ukupne promjene (smanjenje) broja stanovnika u BiH između 1991. i 2013. godine, moguće je kvantifikovati njihov uticaj na nastalo smanjenje ukupnog broja stanovnika u tom vremenskom horizontu (koje je, kako smo naveli, i to:

$D = (N-M) + (I-E)$ $D = (665.505-688.900^7) + (-935.085) = (-23.395) + (-935.085) = -958.480$, dalje se izvodi ukupan broj stanovnika za 2013. iz obrasca:

$D = P_2 - P_1$ gdje se dolazi do međupopisne promjene broja stanovnika:

$P_1 = 4.377.033(1991) - 958.480$ (ukupni demografski gubici 1991/2013.) = 3.418.553. Od ovog broja oduzimaju se popisana nerezidentna lica (196.000), što nas dovodi do ukupnog broja stalnog (rezidentnog) stanovništva od 3.285.553. Na ovaj broj potrebno je dodati 49.606 imigranata (doseljeni u BiH), što u konačnom daje 3.335.159 (P_2), odnosno $P_2 - P_1 = 3.335.159 - 4.377.033 = -1.041.874$.

Dakle, u međupopisnom periodu 1991.-2013. godine negativni migracioni saldo je bio glavni faktor ukupne depopulacije u BiH, dok je prirodno smanjenje djelovalo u istom smjeru, ali sa znatno manjim ponderom. Treba pri tome naglasiti da se radi, prije svega, o ratom pogoršanom migracionom bilansu, koji je već i ranije bio negativan, tj. o migracijama koje prati rat, a nakon rata, posebno u uslovima privredne recesije (slučaj u BiH), djeluje na smjer i intenzitet promjena ukupnog broja stanovnika i njegovih struktura (starosno-polne, ekonomsko-socijalne, obrazovne, nacionalne i drugih). U popisu stanovništva 2013. godine primijenjena je nova koncepcija, tj. koncepcija *prisutnog* (de facto) ukupnog stanovništva, ali nešto izmijenjena u odnosu na njegovo izvorno značenje. U skladu s preporukama Evropske ekonomske komisije UN-a i Statističkog ureda Evropske zajednice iz 1998. godine, definicija ukupnog stanovništva u popisu iz 2013. godine temelji se na načelu "uobičajeno boravište" (usual residence), koja međutim nije potpuno identična standardnoj definiciji tog pojma. Naime, bitno je

---

U ukupan mortalitet uključeni su umrli prirodnom smrću (578.900) i stradali u ratu (110.000 ratni mortalitet)

da se u ukupno stanovništvo BiH ne ubrajaju njeni građani koji su u inostranstvu duže od godinu dana, a istovremeno ubrajaju se strani državljani koji u BiH borave duže od godinu dana. Dakle, proizilazi da podaci popisa 2013. godine o ukupnom broju stanovnika i broju stanovnika u pojedinim strukturama **nisu** precizno uporedivi sa istim podacima iz ranijih popisa.

Tabela 7. Rezultati popisa stanovništva u BiH 2013.⁸

BiH	Srbi %	Bošnjaci %	Hrvati %	Ostali %
3.531.159	1.086.733	1.769.592	544.780	130.036
100%	30,78	50,11	15,43	3,68
Demog.gub..91/13 -845.874 -19,32%	-279.371 -20,45%	-133.364 -7,00%	-216.072 -28,40	-217.085 62,53
Dem.gub..prel./konač. -260.463	-68.798 -5,95%	-134.129 -7,04%	-49.122 -8,27%	-8.432 -6,09%

Извор података: *Агенција за статистику БиХ, коначни резултати, Сарајево, 2016.*

Razradimo li dalje smanjenje ukupnog broja stanovnika BiH u međupopisnom periodu 1991.-2013. godine analitički, sa demografsko-statističkog aspekta, pokazuje se da su to smanjenje uslovile obje komponente ukupne depopulacije: prirodno smanjenje stanovništva (uključujući ratni mortalitet) i negativan migracioni saldo. Konstatovali smo da je smanjenje ukupnog broja stanovnika u periodu 1991.-2013. nastalo pod uticajem obje njegove odrednice, prirodnog smanjenja i negativnog migracionog salda.

Ali ako uzmemo u obzir objavljene rezultate popisa stanovništva od strane Agencije za statistiku BiH, gdje su uključeni u stalno (ukupno) stanovništvo i popisani koji žive duže od godinu dana izvan zemlje, a potom ih isključimo iz stalnog (ukupnog) broja, dobićemo objektivnije i realno (postojeće) stanje ukupnog broja stanovnika u BiH i njenim nižim teritorijalnim jedinicama.

Popis stanovništva 2013. godine pokazao je da se i dalje pogoršava dosadašnji trend neravnomjernog prostornog razmještaja stanovništva. Takav je razmještaj po pravilu je posljedica neravnomjernog ekonomskog razvoja, a privredno zaostaliya područja ujedno su područja slabije prirodne demografske dinamike i istovremeno emigraciono intenzivnija. Danas se međutim može reći da su takva demografska obilježja pojedinih krajeva postali faktor (uzrok) njihovog ekonomskog zaostajanja, jer bez njihove demografske revitalizacije nema osnove za dalji društveno-ekonomski razvoj.

Rezultate popisa je objavila Agencija za statistiku BiH, bez saglasnosti Republičkog zavoda za statistiku Republike Srpske

Tabela 8. Broj stanovnika u BiH bez nerezidenata (popis 2013.)

BiH	Republika Srpska	Federacija BiH	Brčko Distrikt
3.335.159	1.178.668	2.078.239	78.252
100%	35,34	62,31	2,35
Demog.gubici prelim./konač..	-148.323	-293.364	-14.776

Izvor: Autorska izračunavanja na osnovu podataka Agencije
za statistiku BiH 2016.

U proteklom postratnom periodu, doseljavanje u Bosnu i Hercegovinu usmjereno je prije svega prema Sarajevu i okolini (Kanton Sarajevo), kako iz unutrašnjosti BiH, tako i iz tzv.arapskih zemalja.

Izbjeglički egzodus iz Bosne i Hercegovine u Srbiju i Hrvatsku bio je znatno veći. Između 1991. i 1997., prema službenim podacima, u Hrvatsku je iz BiH doselilo oko 240.000 ljudi. Ali dio njih je iselio dalje, prema zapadnoevropskim i prekomorskim zemljama, a dio se zadržao i uzeo hrvatsko državljanstvo (Markotić 1999: 751-754). Broj iseljenih u Srbiju kretao se do 260.000, što je potvrđeno popisom stanovništva 2002.godine, kada je u Srbiji popisano više od 400.000 lica koja su doselila od 90-tih godina prošlog vijeka iz bivših jugoslovenskih republika.

Prirodni priraštaj, odnosno biovitalitet je glavni elemenat opstanka jednog naroda.

Kada on postane negativan, ukoliko nema imigracije, dolazi do smanjenja broja stanovnika. Ako je godišnja stopa prirodnog priraštaja stanovnika $-4,61^{0}_{00}$, tada se broj stanovnika određene teritorije upolovljuje za 150 godina. Stopi od $-9,2^{0}_{00}$ odgovara period od 75, a stopi od $-13,77^{0}_{00}$ period od 50 godina. Ako je stopa prirodnog priraštaja stanovništva $-27,35^{0}_{00}$, tada se broj stanovnika dvostruko smanji, odnosno upolovi za 25 godina, tj. za jedan generacijski razmak i obrnuto, ako je stopa prirodnog priraštaja, na primjer, $35,26^{0}_{00}$, tada će se broj stanovnika udvostručiti za 20 godina. Godišnjoj stopi od $6,96^{0}_{00}$ odgovara period udvostručenja od 100, stopi od $3,47^{0}_{00}$ od 200 i stopi od $1,39^{0}_{00}$ period od 500 godina.⁹

SUF y Republici Srpskoj po podacima popisa 2013. iznosi **1,18**. Analizom opšte stope nataliteta u Republici Srpskoj evidentno je da ona spada u niske stope (oko $8,0^{0}_{00}$), što se odnosi i na bruto stopu fertiliteta. Strateški cilj Srpske i njenih nižih teritorijalnih jedinica je dostizanja nivoa tzv. stacionarnog stanovništva, odnosno očuvanje postojećeg kontingenta stanovništva. Za dostizanje tog cilja sada nedostaje više od 7.000 rođene djece na godišnjem nivou.

⁹ Navedene godišnje stope za udvostručenje, odnosno za dvostruko smanjenje ili upolovljenje broja stanovnika izračunati su po obrascima koji su navedeni u uvodu ovog rada.

Tabela 9. Depopulacija u BiH 1991-2016. (procjena)

	Broj stanovnika 1991.	Broj stanovnika 2016.	Depopulacija
Republika Srpska	1 569 332	1 143 084	-462 248
Federacija BiH	2 720 074	2 007 548	-712 526
Brčko Distrikt	87 627	75 992	-11 635
Bosna i Hercegovina	4 377 033	3 226 624	-1 150 409

Izvor: Autorovo izračunavanje na osnovu podataka vitalne statistike

Vrlo je izvjesno smanjenje stanovnika na broj ispod 1.000.000 početkom 2030. godine. Vjerovatnoća ostvarenja projekcije je vrlo izvjesna, a u najoptimističnijoj varijanti moguće je ostati na istom broju stanovnika kao i 2013. To bi bilo ostvarivo jedino uz manji pozitivan neto migracioni saldo i uz značajno povećanje fertiliteta. Ipak, obje varijante su malo vjerovatne, dok je smanjenje broja stanovnika najizglednije.

Republika Srpska – indeks demografskih resursa

Indikatori	I ₀	P _f (20-29)	P _{13/91}	I _v	I _D	TIP
Republika Srpska	2,65	11,54	0,75	4,19	44,59	E
Demografski bilans	1981.	%	1991.	%	2013.	%
Srbi u BiH	1.320.644	32,0	1.369.258	31,28	1.056.291	30,41

Izvor: Popisi stanovništva u BiH 1981., 1991., 2013. Agencija za statistiku BiH, 2016.

Uzimajući u obzir podatke o popisu stanovništva u BiH 2013.godine, te podatke koje je objavio RZS Republike Srpske, dobijaju se novi rezultati kombinacijom navedenih podataka. Na osnovu tih kombinovanih podataka dolazimo do ukupnog demografskog kapaciteta Srba u BiH.

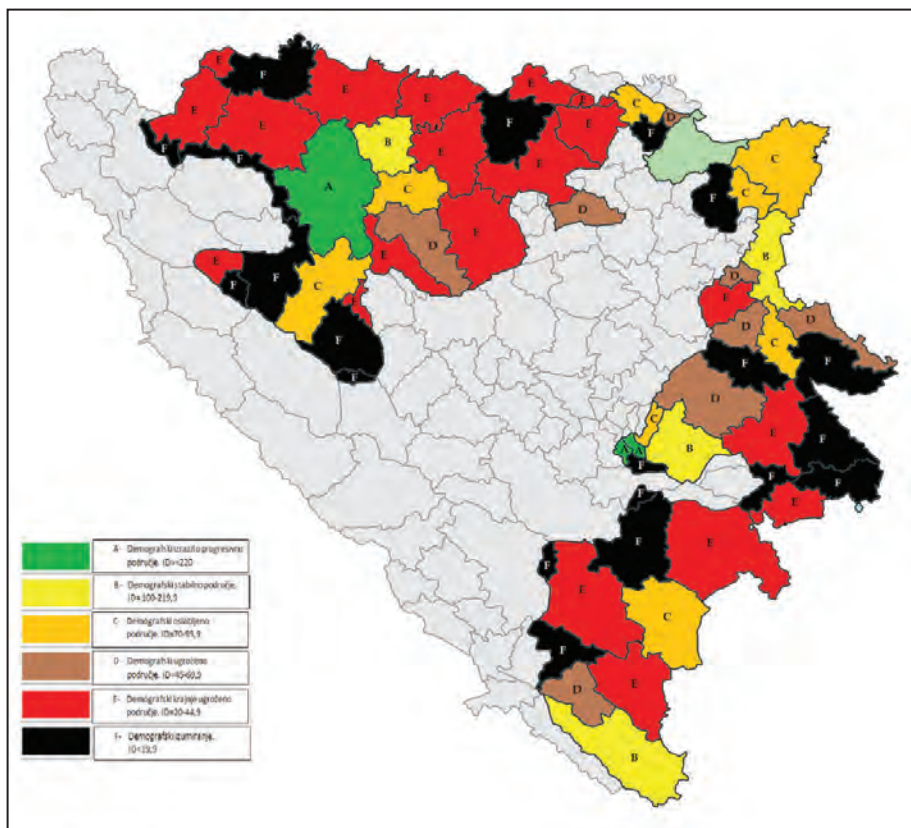
Tabela 10. Demografski kapacitet Srba u BiH 2013.¹⁰

BiH	Srbi %	Bošnjaci %	Hrvati %	Ostali %
3.473.078	1.056.291	1.746.230	544.641	128.877
100%	30,41	50,28	15,68	3,71
Demog.gub..91/13	-309.813	-152.726	-216.221	-218.244
-903.955	-34,27%	-16,89%	-23,92%	24,14%
-20,65%				

Izvor: Republički zavod za statistiku, Banja Luka 2017. Agencija za statistiku BiH 2016.

Rezultate popisa je objavila Agencija za statistiku BiH, bez saglasnosti Republičkog zavoda za statistiku Republike Srpske

Karta 1. Indeks demografskih resursa po opštinama i gradovima Republike Srpske

Izvor: Autorovo izračunavanje na osnovu demografskih indikatora i Popisa stanovništva 2013.

Conclusion

The BIH area is characterized by extremely complex historical, ethnodemographic, migration, cultural and other factors that had an influence to eternal movements and population migrations. Every research of war demographic losses must be afterward but that is not impediment to apply the most scientific and the most reliable method with equal methodology and standfast to primary data sources.

The issue of demographic causes, losses and consequences of the war in BiH is one of the most important aspects that are necessary to be known in order to understand cause-and-effect relationships during the 1992-1995 war and in the postwar period.

Taking into account the above information and research about the suffering of the Serbian population in Bosnia and Herzegovina (based on multiple data sources), direct war demographic losses in Bosnia amounts to a minimum of about 110,000, of which about 29,5,5% are Serbs, Bosniaks around 60.5% and between and Croats 8% and Others 2%.

Natural mortality during the war was approximately 6⁰/₀₀, which means that during the war the number of deaths from natural causes was about the half of the total mortality, or number of violent death is approximate to the data of the total suffering of Serbs in Bosnia and Herzegovina (32.500).

If it is accepted that the war losses of Bosnian Croats were about 8 800, then the population of 0.71% to 0.85%. of residents were perished. The highest average annual rate of net migration was recorded in BiH in the first half of the 1990s (-51.8%₀₀), with a total loss of about one million people. Almost half of that loss was compensated between 1995-2000 year by returns from near and far host countries.

If we elaborate whether a further reduction in the total population of BiH in the inter-census period from 1991 to 2013 analytically and from the demographic and statistical point of view, it points out that the reduction has conditioned both components of the total depopulation: natural reduction of the population (including war mortality) and negative net migration. We have concluded that the decrease in the total number of inhabitants in the period from 1991 to 2013 was formed under the influence of both of its determinants, natural decline and negative net migration.

Natural increase or biovitality is the main element of the survival of a nation. When it becomes negative, unless there is immigration, there is a decrease in population. If the annual rate of population growth is -4,61⁰ / ₀₀, then the number of inhabitants of a certain territory is being halved for 150 years.

The strategic objective of the Republic of Slovenia and its lower territorial units is reaching the levels of so-called stationary population (equal number of births and deaths), and the preservation of the existing contingent of the population. In order to achieve this goal, more than 7,000 births annually are necessary.

Literatura

1. Breznik, D. (1975): *Unutrašnje migracije. Jugoslovenski pregled*, 19 (5): 169–176.
2. Hranilović, N. (1987): *Iseljenička politika i služba u Jugoslaviji između dva rata. Migracijske teme*, 3 (3-4): 325–334.
3. Jones, H. (1990): *Population Geography*. London: Paul Chapman.
4. Nejašmić, I. (2005): *Demogeografija: stanovništvo u prostornim odnosima i procesima*. Zagreb: Školska knjiga.

5. Nejašmić, I. (2008): *Stanovništvo Hrvatske: demogeografske studije i analize*. Zagreb: Hrvatsko geografsko društvo.
6. Pašalić, S. (2002): *Antropogeografska stvarnost Srba u BiH 1992-2000*. Banja Luka: Banjaluka Kompani.
7. Pašalić, S. i sar. (2006): *Demografski razvoj i populaciona politika Republike Srpske*. Bijeljina: IP Mladost.
8. Pašalić, S. (2012): *Demographic losses u in Bosnia and Herzegovina 1991-2011*. Banja Luka: Republic Center for war crime research.
9. Pašalić, S. (2013): *Export report*. Hag: ICTY.
10. Pašalić, S. (2014): *Demografska budućnost Republike Srpske – izumiranje stanovništva ili populaciona revitalizacija*. Zbornik radova Opstanak. Ur. Dragan Batavelić. Aleksandrovac, crp. 111-123.
11. Wertheimer-Baletić, A. (1999): *Stanovništvo i razvoj*. Zagreb: Mate.
12. Žerjavić, V. (1989): *Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svjetskom ratu*. Zagreb: Jugoslavensko viktimoško društvo.
13. Tabeau, E. (2009). *Rat u brojkama – demografski gubici u ratovima bivše Jugoslavije 1991-1999*. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji

**ПРОМЈЕНЕ У ДЕМОГРАФСКОМ И ЕТНО-ТЕРИТОРИЈАЛНОМ
РАЗМЈЕШТАЈУ СТАНОВНИШТВА БИХ КАО ПОСЉЕДИЦА
НАСИЛНОГ РАСПАДА БИВШЕ СФРЈ**

Igor Zekanovic

**CHANGES IN DEMOGRAPHIC AND ETHNIC-TERRITORIAL
DISTRIBUTION OF BIH POPULATION AS A CONSEQUENCE OF A
VIOLENT BREAKUP OF FORMER SFRY**

Апстракт: Посљедња деценија XX и почетак XXI вијека остаће упамћени по политичко-географским процесима, који су у крајњој инстанци, измијенили политичку карту Европе, нарочито Западног Балкана. Дезинтеграциони процеси у геопростору Југославије протекли су у знаку грађанског и етничко-вјерског рата, чија је ескалација била у геопростору Босне и Херцеговине.

Такође, разарање југословенске државно-друштвене заједнице, које се одвијало у знаку етничких сукоба око историјских територија, промијенило је етнодемографске структуре, а посљедице насилног разарања оставиле су снажан утицај на демографски развој и етно-територијални размјештај становништва у БиХ.

Становништво као најбитнији ресурс и елемент друштвено-економског развоја формира скуп етнодемографских карактеристика који има специфичну вриједност у геополитичком вредновању геопростора. Етнодемографски процеси и појаве представљају један од основних елемената геополитичког положаја БиХ.

Кључне ријечи: грађански рат, СФР Југославија, становништво, избјеглице, етно-територијални размјештај.

Abstract: The last decade of 20th and early 21st centuries should be remembered for the political-geographical processes, which finally altered the political map of Europe and West Balkans in particular. Disintegration processes in Yugoslavian geospace had been largely affected by the civil and ethnic-religious conflict, which had escalated in Bosnia and Herzegovina geospace.

In addition, the disintegration of Yugoslavian state and social community, which reflected in the ethnic conflict on historical territories, changed the ethnic-demographic structure and resulted in a violent breakup that greatly affected the demographic growth and ethnic-territorial distribution of BiH population.

Being a most pertinent resource and element of the social-economic development, the population forms a set of ethnic-demographic features that are vital for the geopolitical evaluation of a geospace. Ethnic-demographic processes and phenomena are one of basic elements of the geopolitical position of BiH.

Key words: civil war, SFR Yugoslavia, population, refugees, ethnic-territorial distribution.

Увод

Геопростор БиХ, према свом положају, историјским и етнодемографским особинама, представља изразито сложен и функционално комплексан, етно-религијски територијални систем. Представљајући спецификум по много чему, овај геопростор у различитим историјско-географским периодима и политичко-географским околностима има своје интеграционе и дезинтеграционе токове, а позитивне и негативне промјене рефлектују се прије свега на демографске карактеристике, било да се ради о унутарнационалним или вишенационалним промјенама.

Сложени политичко-географски процеси крајем XX вијека у Европи, нису заобишли геопростор СФР Југославије, која се почела дезинтегрисати већ почетком деведесетих година прошлог вијека. На њеној територији формиране су нове политичко-територијалне заједнице.

Дезинтеграциони процеси су протекли у знаку грађанског и етничко-вјерског конфликта, чија је ескалација била у геопростору Босне и Херцеговине. Конфликт је трајао око три и по године, а окончан је потписивањем Општег оквирног споразума у новембру 1995. године. Створена је сложена држава Босна и Херцеговина, специфична по много чему, а чине је двије политичко-територијалне јединице, ентитета: Република Српска и Федерација Босне и Херцеговине. Територија предратне општине Брчко проглашена је дистриктом.

Директне посљедице конфликта представљају демографски губици, трајно или привремено расељено становништво, досељавање великог броја избјеглог и расељеног становништва, као и велика материјална разарања и економски баласти. Рат у геопростору БиХ изазвао је присилне миграције више од 2 милиона становника, или око 50% укупне популације. Поред ратних страдања, избјеглиштво као процес утицало је на широк спектар демографских промјена.

Религијско-цивилизацијске и демографске одреднице геопростора

На формирање етничког и религијског мозаика у БиХ највише су утицала четири догађаја. Први је да су славенски народи Балканског полуострва до краја 9. вијека примили хришћанство. Други је подјела хришћанске цркве 1054. године. Трећи догађај је долазак Османлијског царства и нове религије - ислама почетком 14. вијека на Балканско полуострво. Четврти, политичко-географски печат дало је рјешавање

„источног питања“, тј. настанак балканских држава и повлачење турске империје крајем 19. вијека из југоисточне Европе.

На овом простору сучељавају се три различита културно-цивилизацијска круга: православни или источнохришћански, католички или западнохришћански и исламски или турско-источњачки, што геопростору даје специфично етнокултурно и национално обиљежје. Национални мозаик је толико сложен, да оба ентитета имају своје конститутивне народе и мањине, своје сународнике и „браћу“ на територијама сусједних држава.

О поријеклу и броју становника у БиХ прве поузданије податке пружају нам турски пописни дефтери. „Тако дефтер из 1463/1469. године региструје на овом простору 37.125 хришћанских и свега 332 муслиманске куће. Пописни дефтер Босанског Санџака (без Херцеговине) из 1489. године говори о 25.068 хришћанских и 4.485 муслиманских кућа“ (Спасовски, Живковић, Степић, 1992, стр. 11-12.).

У првој половини XVI вијека, тачније у периоду 1520-1530. како биљеже турски извори, у Босни има 19.619 хришћанских и 16.935 муслиманских кућа. „У Херцеговини 9.588 хришћанских и 7.070 муслиманских те у Зворничком санџаку 13.112 хришћанских и 2.654 муслиманских кућа“ (Његован, Кицошев, 1998, стр. 126). Пред аустроугарску окупацију „у Босни и Херцеговини године 1851. највише је Срба (44%), затим муслимана (37,3%), а најмање Хрвата (18,5%)“ (Његован, Кицошев, 1998, стр. 126).

Окупацијом започиње четрдесетогодишњи период аустроугарске владавине (1878-1918) које карактеришу политичке, економске и социјалне промјене. Дошло је до даље трансформације етничке и етно-територијалне композиције становништва. Већ 1879. године аустроугарска власт ће извршити први од четири пописа становништва (1879, 1885, 1895. и 1910.) који ће потврдити раније често непоуздане податке о кретању броја становника у Босни и Херцеговини.

На основу података из првог пописа, на геопростору БиХ је регистровано „1.158.440 становника, од чега је православаца 496.761 (грко-источњака), муслимана 448.613 (мухамеданаца), католика 209.391 (римокатолика)“ (Štastika miesta i pučanstva Bosne i Hercegovine, 1880, стр. 4.). Другим пописом од 1. маја 1885. године, утврђено је да у Босни и Херцеговини живи „1.336.091 становник, од чега 571.250 православаца, 492.710 муслимана и 265.788 католика“ (Штатистика мјеста и житељства Босне и Херцеговине по попису народа од 1. маја 1885, 1886, стр. 363).

Број становника до трећег пописа 1895. године је повећан. Износио је „1.568.092 лица. На православну популацију је отпадало 673.246 становника, муслиманску 548.632, а католичку 334.142 становника“ (Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22. априла 1895, 1896, стр. стр. LVII-LIX). Посљедњи аустроугарски попис из 1910. године биљежи „1.898.044 становника. Православних има 825.418, муслимана 612.137, а католика 434.061 становник“ (Терзић, 1995, стр. 410.).

Табела 1: Преглед становништва БиХ по религијској припадности
од 1879. до 1910. године

Година пописа	Укупно становништва	Православно становништво		Муслиманско становништво		Католичко становништво		Остало становништво	
		Број	%	Број	%	Број	%	Број	%
1879.	1.158.440	496.761	42,88	448.613	38,73	209.391	18,08	3.675	0,31
1885.	1.336.091	571.250	42,76	492.710	38,88	265.788	19,89	6.343	0,47
1895.	1.568.092	673.246	42,93	548.632	34,99	334.142	21,31	12.072	0,77
1910.	1.898.044	825.418	43,49	612.137	32,25	434.061	22,87	26.428	1,39

(Извор: Štatistika miesta i pučanstva Bosne i Hercegovine, С i Кр. Владина тискарна, Сарајево, 1880. год, стр. 4, Штатистика мјеста и житељства Босне и Херцеговине по попису народа од 1. маја 1885, Земаљска штампарија, Сарајево, 1886. стр. 363, Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22. априла 1895, Земаљска штампарија, Сарајево, 1896. стр. LVII-LIX, Славенко Терзић, Пројект „аустроугарског Балкана“ у Босни и Херцеговини (О идеолошким основама научних истраживања и научне пропаганде), Зборник радова: Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена, Историјски институт САНУ, Београд, 1995. стр. 410.)

Послије Првог свјетског рата и слома Аустро-угарске монархије, геопростор Босне и Херцеговине улази у састав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Територија је улазила у састав четири бановине, а подјела се заснивала на националним и економско-географским принципима. Тако је, Врбаска бановина са центром у Бањалуци имала већинско српско становништво. Југозападни дијелови са већинским хрватским становништвом припали су Приморској бановини са сједиштем у Сплиту. Зетска бановина са сједиштем у Цетињу је обухватала Херцеговину, Црну Гору и Метохију. Териториј источне Босне са Сарајевом обједињен са западном Србијом чинио је Дринску бановину. Оваква административно-територијална подјела се одржала до 26.08.1939. године, када је споразумом Цветковић – Мачек успостављена бановина Хрватска.

Први попис између два свјетска рата је обављен 1921. године. У геопростору Босне и Херцеговине живјело је 1.890.440 становника. Православног становништва је било 829.360 или 43,87%; муслимана 588.173 или 31,11%; римо-католика 444.309 лица, или 23,50%.

Табела 2: Становништво Босне и Херцеговине према
вјероисповијести 1921.године

	Право- славних	Римо- католици	Грко- католици	Еван- гелисти	Мусли- мани	Изра- елићани	Остали	Без конфесије	Укупно у БиХ
	829.360	444.309	9.308	6.627	588.173	12.031	538	94	1.890.440
%	43,87	23,50	0,49	0,35	31,11	0,64	0,03	0,01	100,00

(Извор: Дефинитивни резултати пописа становништва од 31. јануара 1921. год. Краљевина Југославија - Општа државна статистика, Сарајево, 1932.)

Послије десет година, обављен је други попис. Босна и Херцеговина је имала 2.323.555 становника, од чега: православних 1.028.139 (44,25%); муслимана 718.079 (30,90%) и католика 547.949 или 23,58%.

Табела 3: Становништво Босне и Херцеговине по вјероисповијести
1931. године у процентима (%)

Православни	Католици	Муслимани	Јевреји	Остали	Укупно
1.028.139	547.949	718.079	11.267	18.121	2.323.555
44,25	23,58	30,90	0,49	0,78	100,00

(Извор: Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31. marta 1931. godine, knjiga 2, Prisutno stanovništvo po veroispovesti, Kraljevina Jugoslavija – Opšta državna statistika, Beograd, 1938. god.)

Бројно кретање становништва према конфесионалној припадности указује на снажан и уједначен популациони раст православног, исламског и католичког становништва. То је омогућавао висок наталитет и проширена природна репродукција становништва. Број православног становништва се повећао са 829.360 (43,87%) на 1.028.139 (44,2%), муслиманског са 588.173 (31,1%) на 718.079 (30,9%), а католичког са 444.309 (23,5%) на 547.949 (23,6%) лица.

За вријеме Другог свјетског рата, овај геопростор је ушао у састав фашистичке Независне Државе Хрватске. Од тада па све до краја рата, на геопростору Босне и Херцеговине вршени су стравични злочини, а с обзиром на интензитет борби у народноослободилачком рату од свих југословенских територија, овај простор је био главно поприште грађанског рата 1941-1945. Сматра се да је на Босну и Херцеговину отпадало око 40% укупних жртава са простора Југославије. Завршетком Другог свјетског рата и проглашењем Федеративне Народне Републике Југославије успостављена је административно-политичка јединица Босна и Херцеговина као једна од шест република ФНР Југославије, односно Социјалистичке Федеративне

Републике Југославије. Била је једина југословенска република без већинског „државотворног“ народа.

Послијератне демографске промјене могу се пратити кроз шест пописа становништва извршених: 1948, 1953, 1961, 1971, 1981. и 1991. године.

Табела 4: Национална структура становништва Босне и Херцеговине од 1948. до 1991. године

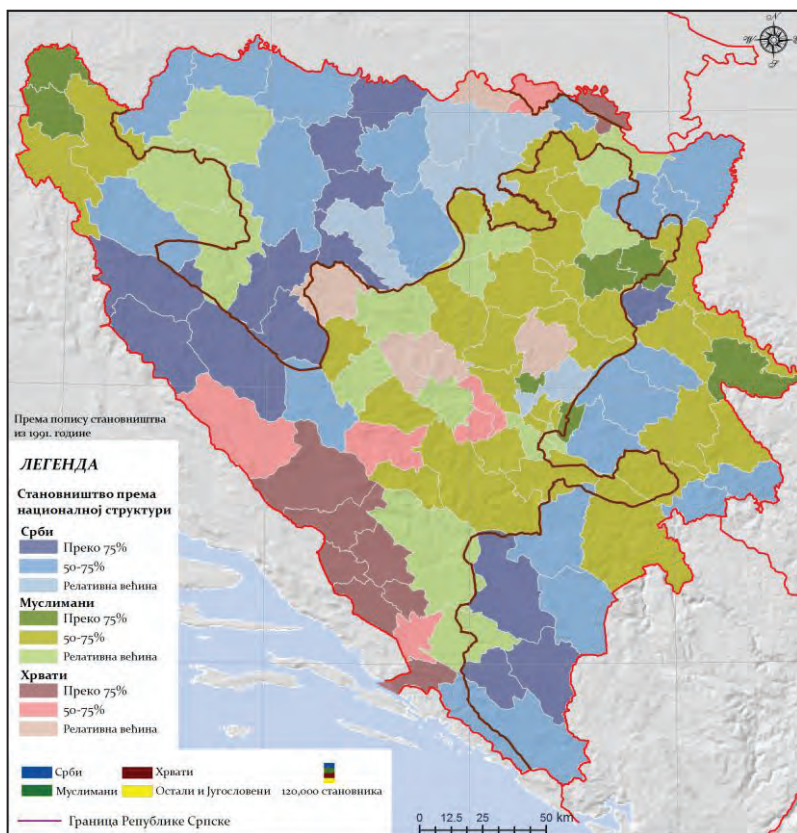
Година пописа	Укупно 100%	Срби	%	Хрвати	%	Муслим-ани	%	Остали	%
1948.	2.565.277	1.136.116	44,3	614.123	23,9	788.403	30,7	26.635	1,1
1953.	2.847.790	1.264.372	44,4	654.229	23,0	891.800 (591.800)*	31,3 25,6	37.389 (337.389)	1,3 7,0
1961.	3.277.948	1.406.057	42,9	711.665	21,7	842.248	25,7	317.975	9,7
1971.	3.746.111	1.393.148	37,2	772.491	20,6	1.482.430	39,6	98.042	2,6
1981.	4.124.256	1.320.738	32,0	758.140	18,4	1.630.033	39,5	415.345	10,1
1991.	4.377.033	1.366.104	31,2	760.852	17,4	1.902.956	43,5	347.121	7,9

(Извор: Милена Спасовски, Драгица Живковић, Миломир Степић, Етнички састав становништва Босне и Херцеговине, Географски факултет Универзитета у Београду, Београд, 1992. стр. 46-47, www.fzs.ba - Федерални завод за статистику)

* У резултатима пописа 1953. године, Муслимани су исказивани као „Југословени неопредијељени“.

На основу резултата првог пописа из 1948. године, Босна и Херцеговина је имала 2.565.277 становника, од чега Срба 1.136.116, муслимана 788.403 и Хрвата 614.123. На основу података о националној припадности евидентно је да су Срби представљали најбројнију етничку групу, са 44,3% у укупној популацији. Од 1971. године Муслимани чине већинско становништво са 1.482.430, или 39,6% укупне популације, а пописом 1991. године 43,5% укупног становништва. Према посљедњем предратном попису Срба је било 1.366.104, или 31,2%. Хрвати су према бројности становништва увијек били на трећем мјесту и његов удио у укупном становништву је константно опадао: од 23,9% у 1948. до 17,3% у 1991. години.

Слика 1: Етнички састав по општинама према попису становништва из 1991. године

(Извор: Попис становништва БиХ из 1991. Године, www.fzs.ba)

Према непоузданим подацима из првог послеријатног Пописа становништва, домаћинстава и станова у Босни и Херцеговини, 2013. године, које је објавила Агенција за статистику БиХ, укупан број становника износи 3.531.159. Бошњачко становништво је најбројније са 1.769.592 становника или 50,1%. Затим слиједи српско становништво са 1.086.733 становника или 30,78%. Хрвати су трећи по бројности са 544.780 или 15,42 % од укупног становништва.

Пописи нам казују, да ни једна од три вијековима водеће етничке групе у БиХ није имала апсолутну већину (Влада и институције Републике Српске нису признали резултате пописа 2013. које је објавила Агенција за статистику БиХ), па се није могло говорити нити о етнички хомогеној држави, нити о концепту нација – држава, као што је био случај у осталим југословенским републикама.

Слика 1: Етнички састав становништва по општинама према попису становништва из 2013. године

(Извор: Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine, Agencija za statistiku BiH, Sarajevo 2016 godine, www.bhas.ba, https://sr.wikipedia.org/sr/Демографија_Босне_и_Херцеговине)

Утицај грађанског и етничко-вјерског рата на демографске процесе у БиХ

Распадом Југославије на њеном геопростору створене су националне државе: Словенија, Хрватска, Македонија, Србија и Црна Гора. Посљедња, шеста република, Босна и Херцеговина, није се тако лако могла трансформисати у суверену државу, првенствено због немогућности усклађивања интереса њених конститутивних народа. Била је једина република бивше Југославије без „већинског“ државотворног народа.

Три конститутивна и политички самостална народа, затим погрешне политике, вјерске разлике, различити национални идентитети, историја и економска криза условиће бурне политичко-географске процесе у овом геопростору. Супротстављени интереси српског, хрватског и муслиманског-бошњачког народа имали су посебно изражену просторну димензију, односно

све три стране су територију Босне и Херцеговине сматрале својом и различито схватале „нову“ политичко-територијалну заједницу.

Као један од увода у почетак трагичних догађаја било је преурањено признавање БиХ. „ЕЗ 6. априла 1992. у Бриселу усваја Декларацију о признавању Босне и Херцеговине у границама које су наслеђене из периода њеног егзистирања као федералне јединице бивше СФРЈ“ (Степић, 2004, стр. 334). План за рјешење босанскохерцеговачке кризе поругалског дипломате Хозе Кутиљера био је посљедњи мировни покушај прије ескалације трагичних догађаја и прекретница у даљим мировним преговорима, који су вођени у далеко деликатнијим условима. Од 6. априла 1992. године, у геопростору Босне и Херцеговине вођен је грађански, етничко-вјерски и братоубилачки рат, а чија се суштина заснивала на разграничењу између Срба, Хрвата и Муслимана.

Конфликт је окончан је завршним преговорима, који су вођени у Сједињеним Америчким Државама, у држави Охајо, у граду Дејтону, од 1. до 21. новембра 1995. године. Бивши Високи представник за Босну и Херцеговину Волфганг Петрич у својој књизи „Босна и Херцеговина од Дејтона до Европе“ истакао је слjedeће: „Грађански рат у БиХ је трајао три и по године. Током овог рата безуспјешно су вођени многи преговори за његово окончање. Прво је пропао Кутиљеров план из фебруара 1992. године. У периоду од фебруара – априла 1993. године, зарађеним странама је нуђен Венс–Овенов план који пада у воду. Јануара 1994. године, одбачен је и Овен–Столтенбергов план, а затим и план Контакт групе. Тек на интервенцију САД-а коначно на територији Босне и Херцеговине је престао ратни сукоб и мир је потписан 21. новембра 1995. године у ваздухопловној бази Рајт – Петерсон у Дејтону (држава Охајо) САД.“ (Петрич, 2002, стр. 37.). Његово дефинитивно прихватање и потписивање обављено је 14. децембра 1995. године у Паризу“ (Поповић, Лукић, 1999, стр. 11).

У геопростору Босне и Херцеговине се у правом смислу ријечи се потврдила теорија Самјуела Хантингтона о „Сукобу цивилизација“, тачније, да ће будући конфликти бити засновани на културно-цивилизацијским основама, а нације у будућности бити носиоци екстремних национализма, а сукоби бити дуж културних граница. Хантингтон константује, да је „југословенски рат“ оживио старе цивилизацијске подјеле на религијској основи, које су кулминирале грађанским и етничко-вјерским ратом у Босни и Херцеговини. Такође, сматра да је посљедњи рат у БиХ представљао доказ сукоба цивилизација и религија (Зекановић, 2012).

Ако анализирамо „Дејтонску“ БиХ као политичко-географски систем, њено конституисање као сложене државе, дефинисање уређења и политичко-територијалних јединица, био је комплексан проблем, заснован првенствено на етничкој и религијско-цивилизацијској хетерогеношћу простора. Због тога Босна и Херцеговина нема дефинисан облик државног уређења, по чему је јединствена државна заједница у свијету. Њено уређење има религијско

цивилизацијске премисе, а заснива се на формули 1+2+3, прецизније: једна држава, два ентитета и три конститутивна народа и религије.

Према посљедњем предратном попису становништва из 1991. године, Босна и Херцеговина је имала укупно 4.377.033 становника, од чега: 1.902.956 Муслимана (43,5%), 1.366.104 Срба (31,2%) и Хрвата 760.852 (17,4%). Религијска структура се готово подударала са процентуалним учешћем националних заједница: 42,8% муслимани, 30,1% православци и 17,7% католици.

Сходно резултатима пописа из 1991, демографско стање у границама ентитетске подијеле би изгледало на сљедећи начин: У данашњим границама Федерације БиХ живјело би 2.720.074 лица или 61,14% укупног становништва. Већинско становништво би било Бошњачко са 52,34%. У Српској би живјело 1.569.332 лица или 35,85% укупног становништва, а Срби би били већинско становништва са удјелом од 55,43 %.

Табела 5: Процјена распореда становништва на основу пописа из 1991. године - према ентитетској подјели БиХ

ЕНТИТЕТ	ФЕДЕРАЦИЈА БиХ	РЕПУБЛИКА СРПСКА	БРЧКО ДИСТРИКТ	БОСНА И ХЕРЦЕГОВИНА
Бошњаци	1.423.593	440.746	38.617	1.902.956
%	52,34%	28,08%	44,07%	43,48%
Хрвати	594.362	144.238	22.252	760.852
%	21,85%	9,19%	25,39%	17,38%
Срби	478.122	869.854	18.128	1.366.104
%	17,58%	55,43%	20,69%	31,21%
Остали	62.059	39.481	2.899	104.439
%	2,28%	2,52%	3,31%	2,39%
Југословени	161.938	75.013	5.731	242.682
%	5,95%	4,78%	6,54%	5,54%
УКУПНО	2.720.074	1.569.332	87.627	4.377.033
%	62,14%	35,85%	2,00%	100,00%

(Извор: Uperedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, Министарство за људска права и избјеглице Босне и Херцеговине, Сарајево 2005. год, стр. 42.)

Конфликт у геопростору БиХ, тј. ратна разарања од 1992. до 1995. године резултирала су огромним директним и индиректним демографским губицима и промјенама. Рат је за посљедицу имао повећану стопу морталитета са једне, и смањење природног прираштаја са друге стране.

Различите су процјене директних демографских губитака. Према процјенама Министарства за људска права и избјеглице Босне и Херцеговине, у конфликту је животе изгубило „око 250 хиљада људи, а још око 17 хиљада званично се води као нестало“ (Uperedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, 2005, стр. 21). Такође, према процјенама Истраживачко-

документационог центра (ИДЦ) Сарајево и експерта за демографију у међународном кривичном суду за бившу Југославију у Хагу Ewe Tabeau - директни демографски губици у БиХ износе од 97.207 до 104.732 лица. Демограф Стево Пашалић сматра да „директни демографски губици у БиХ износе минимално око 110.000, од чега око 31,5% су Срби, око 60,5 Бошњаци, те 8% Хрвати и остали“ (Пашалић, 2011, стр.341).

Утицај избјеглог и расељеног становништва на етно-територијални размјештају становништва БиХ

Грађански и етничко-вјерски рат, вођен на геопростору Босне и Херцеговине, био је основни узрок избјегличких миграција. За вријеме грађанског и етничко-вјерског конфликта своје пријератне домове у Босни и Херцеговини напустило је око 2,2 милиона особа, што представља више од половине предратног домицилног становништва. Од тог броја, око 1,2 милиона особа потражило је избјегличку заштиту у преко 100 земаља широм свијета. Тако је од 1992. до 1995. године регистровано 1.200.000 избјеглих лица у следећим земљама: Њемачкој (320.000), Србији и Црној Гори (297.000), Хрватској (170.000), Аустрији (86.500), Шведској (58.000), Словенији (43.000), Швајцарској (24.500), Турској (23.500), Холандији (22.000), САД-у (20.000), Канади (20.000), Италији (12.100) и Норвешкој (12.000). У прве четири земље евидентирано око 72,8% од укупног броја избјеглих лица са овог геопростора.

У исто вријеме је око милион особа расељено унутар Босне и Херцеговине. Као посљедица ратних сукоба, повећане су и добровољне миграције грађана, који су и након успоставе мира наставили да се исељавају из Босне и Херцеговине. Правци расељавања у периоду 1992-1995. године карактерисало је помјерање становништва сходно етничкој припадности према подручјима која су била под контролом тадашњих војних формација заснованих на етничком принципу. Тако су се Бошњаци концентрисали на подручја под контролом Армије БиХ, Хрвати на подручја под контролом Хрватског вијећа одбране, а Срби на подручја под контролом Војске Републике Српске, што се сматра за почетак етничке хомогенизације и консолидације.

Уз демографску деструкцију, рат је радикално измјенио ситуацију у стамбеном сектору са дјелимичним или потпуним уништавањем готово пола милиона пријератних стамбених јединица. Од овог броја, око 80% стамбених јединица било је или разорено или тешко оштећено, што чини приближно трећину пријератног стамбеног фонда.

Потписивање Оквирног споразума за мир, око милион особа било је расељено унутар БиХ од чега готово трећина унутар својих домицилних административно-територијалних јединица, углавном преко линија административног разграничења и подијеле некада јединствених

територијалних јединица. Такође, послје рата, почетком 1996. године услиједио је егзодус око 100.000 људи из Српског Сарајева.

Табела 6: Расељена лица у БиХ 1996-2006.

ентитет/држава	1996.	2000.	2005.	2006.
Р. Српска	381.095	248.289	85.877	69.765
Ф. БиХ	-	286.629	98.093	61.310
Брчко Д.	-	16.834	2.168	1.123
Остали	-	-	795	-
Укупно БиХ	око 1.000.000	551.752	186.138	132.198

(Извори: Raseljeni, izbjeglice i povratnici u Republici Srpskoj, Vlada Republike Srpske, Banja Luka, 2006. god, Драшко Маринковић, Демографски проблеми процеса избјеглиштва у Републици Српској, Географско друштво Републике Српске, Бањалука, 2005. стр. 76, Uperedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, Ministarstvo za ljudska prava i izbjeglice Bosne i Hercegovine, Sarajevo, 2005. god, стр. 209.)

Повратак избјеглог и расељеног становништва почео је одмах по окончању сукоба. До 2005. године био је регистровано преко милион повратника у БиХ од којих готово половина тзв. мањинских. Највећи број повратака остварен је у прве три године по успостављању мира. Значајан број повратака регистрован је у годинама након увођења Плана за provedбу имовинских закона и веома уско везан је за поврат имовине њиховим пријератним власницима и носиоцима станарских права. (Uperedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, 2005)

„Први, свеобухватан, службени попис расељених особа на подручју Босне и Херцеговине, извршен је крајем 2000. године, када је евидентирано 556.214 расељених особа (183.355 породица).“ (Uperedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, 2005, стр. 81).

Послије, 10 година од потписивања мировног споразума према евидентираним породичним захтјевима за ревизију статуса (ре)регистрацију, готово 190.000 расељених особа у БиХ још је требало трајна рјешења. Највећи број (ре)регистрованих расељених особа на територији ФБиХ боравило је на подручју Кантона Тузла и Кантона Сарајево, односно више од половине (ре)регистрованих особа је расељено на подручју ова два кантона. Истовремено, у општинама које се налазе на подручјима Кантона 10 (Западнобосанског) и Посавског кантона/жупаније укупно је (ре)регистровано мање од 1% расељених особа у ФБиХ.

У општини Тузла, евидентирано је преко 7% од укупног броја (ре)регистрованих расељених особа на подручју ФБиХ, а одмах потом слиједе општине: Илиџа, Нови Град Сарајево, Живинице, Илијаш, Град

Мостар, Сребреник, Сански Мост, Вогошћа и Горажде, све са преко 3.000 евидентираних расељених особа.

Највећи број расељених особа на подручју ФБиХ потиче са 10 општина на поручју Републике Српске. У погледу праваца расељавања, видљиво је да највећи број особа које су (ре)регистроване у ФБиХ потиче из подрињског подручја, око 40% расељених особа (Сребреница (10.153), Зворник (7.423) и Братунац (6.431), Фоча (3.971), Власеница (3.897), Вишеград (2.959) и Рогатица (2.930), а одмах потом слиједе општине Добој (2.285), Приједор (1.748) и Соколац (1.748)).

У Републици Српској је трећина свих расељених (ре)регистрованих особа боравила на подручјима која географски гравитирају Граду Бањој Луци (13.029), те општинама Бијељина (7.318) и Приједор (7.158) а затим у општинама: Зворник, Добој, Модрича и Вишеград, у којима је било (ре)регистровано више од 3.000 расељених особа. На подручјима ових седам општина, боравило је више од половине свих расељених особа у Српској. Најмањи број (ре)регистрованих расељених особа боравило је у општинама: Костајница, Шековићи, Кнежево, Пелагићево, Челинац, Калиновик, Хан Пијесак и Берковићи.

„Са подручја општина у Кантону Сарајево, пријератно пребивалиште је имало преко 10.000 расељених особа, а из свега 10 општина ФБиХ потиче преко 40% особа расељених у РС. То су: Мостар (4.404), Сански Мост (4.209), Завидовићи (3.738), Маглај (3.201), Кључ (2.845), Бихаћ (2.496), Зеница (2.431), Доњи Вакуф (2.345), Лукавац (2.277) и Гламоч (2.022).“ (Uparedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, 2005, стр. 102).

Када је ријеч о Дистрикту Брчко, готово половина (ре)регистрованих породица (преко 47%), интерно је расељена у Брчко Дистрикту, док преостали број расељених особа потиче, углавном, са подручја ФБиХ. Највише их је пријератна пребивалишта имало у општини Јајце (360 породица, 978 особа) и Лукавац (51 породица, 110 особа), а затим из општина Кантона Сарајево, Травника, Вареша и Бихаћа. Укупан број (ре)регистрованих особа износио је 2.168 (Uparedna analiza pristupa pravima izbjeglica i raseljenih osoba, 2005).

Када је ријеч о националној структури расељених особа, онда сходно ранијој констатацији, расељеничке струје су се кретале према мјестима етничке већине. У Федерацији БиХ већина расељених особа су Бошњаци, у геопростору РС то су Срби, што потврђује тврдњу о етничкој хомогенизацији и етничкој консолидацији у геопростору БиХ.

Табела 7: Национална структура (ре)регистрованих расељених особа у БиХ

Националност	Бошњак	Хрват	Србин	Остали	Укупно
Ф БиХ	83.584	11.810	2.034	665	98.093
%	85,2%	12,0%	2,1%	0,7%	52,7%
Р С	236	191	85.330	120	85.877
%	0,3%	0,2%	99,4%	0,1	46,1%
Брчко дистрикт	609	59	1.490	10	2.168
%	28,1%	2,7%	68,7%	0,5%	1,2%
БиХ укупно	84.429	12.060	88.854	795	186.138
%	45,4%	6,5%	47,7%	0,4%	100,00%

(Извор: UPOREDNA ANALIZA PRISTUPA PRAVIMA IZBJEGLICA I RASELJENIH OSOBA, Ministarstvo za ljudska prava i izbjeglice Bosne i Hercegovine, Sarajevo 2005. god, стр. 108.)

Ову тврдњу поткрепљује и анализа резултата Пописа становништва у БиХ 1991. и 2013. и Пописа становништва Републике Српске 2013. године. Тачније Табела 8, гдје сходно пријератној етничкој структури и Пописима 2013. године можемо сагледати димензију политичко-географских процеса у смислу консолидације и хомогенизације. На примјер, удио српског становништва у Бањој Луци се повећао у односу на 1991. годину за 55.231 лице или са 54,6 на 90%. У Бијељини је удио српског становништва између два пописа повећан са 59,2 на 86,1% У Коњицу се број бошњачке популације повећао са 54,3% на 89,4%, као и у Бугојну са 19.697 на 24.650 лица или са 42 на 78,3% учешћа у укупном становништву. У Ливну хрватско становништво је већинско са 85,8% учешћа у укупном становништву, за разлику од 1991. године када је било већинско са 72,2% учешћа.

О етничкој хомогенизацији казује и сљедећи примјер. Град Мостар је према попису из 1991. године имао 126.628 становника, од чега 43.856 муслимана, 23.846 Срба и 43.037 Хрвата. Данас, Град Мостар има 105.797 становника, од чега 46.752 Бошњака, 4.421 лица српске националности и 43.037 Хрвата. Дакле, ако додамо и Општину Источни Мостар са 244 становника (78 Бошњака, 153 Срба и 11 Хрвата), долазимо до закључка да је Град Мостар напустило око 19.500 Срба.

Слично је и са Градом Сарајевом, који је прије рата имао 527.049 становника. Муслимана је било 259.470, Срба 157.143, Хрвата 34.873 и Југословена 56.470. Послије рата, Град је административно подијељен на Град Сарајево (Кантон Сарајево) и Град Источно Сарајево. Ако сходно Пописима из 2013. године хипотетички спојимо Кантон Сарајево и Град Источно Сарајево, укупно би имали 473.509 лица, од чега 348.904 Бошњака, 69.799 Срба и 17.945 Хрвата. Дакле, етничком косолидацијом и хомогенизацијом посматраног геопростора из Сарајева се иселило више од 106.000 Срба и око 36.000 Хрвата (Табеле 9 и 10).

Табела 8: Етнички састав општина/градова према пописима 1991. и 2013. године (примјери консолидације)

Град/Општина	1991						2013									
	Укупно	М	%	С	%	Х	%	Југ.	%	Укупно	Б	%	С	%	Х	%
Сарајево	527 049	259 470	49,2	157 143	29,8	34 873	6,6	56 470	10,7	*	*	*	*	*	*	*
Бања Лука	195 692	28 558	14,6	106 826	54,6	29 026	14,8	23 656	12,1	180 053	6 816	3,8	162 057	90,0	4 887	2,7
Б. Грахово	8 311	12	0,1	7 888	94,9	226	2,7	135	1,6	2 449	6	0,2	2 028	82,8	393	16,0
Бихаћ	70 732	46 737	66,1	12 689	17,9	5 580	7,9	4 356	6,2	56 261	49 550	88,1	910	1,6	3 265	5,8
Бијељина	96 988	30 229	31,2	57 389	59,2	492	0,5	4 426	4,6	103 874	11 680	11,2	89 474	86,1	498	0,5
Братунац	33 619	21 535	64,1	11 475	34,1	40	0,1	223	0,7	18 651	6 588	35,3	11 897	63,8	30	0,2
Бугојно	46 889	19 697	42,0	8673	18,5	16 031	34,2	1 561	3,3	31 470	24 650	78,3	376	1,2	5 767	18,3
Вишеград	21 199	13 471	63,5	6 743	31,8	32	0,1	319	0,2	10 118	895	8,8	8 942	88,4	32	0,3
Гацко	10 788	3 858	35,8	6 661	61,7	29	0,3	84	0,8	8 710	332	3,8	8 316	95,5	13	0,1
Гламоч	12 593	2 257	17,9	9 951	79,0	184	1,5	118	0,9	3 860	1 251	32,4	1 697	44,0	906	23,5
Градешка	59 974	15 851	26,4	35 753	59,6	3 417	5,7	3 311	5,5	49 196	6 266	12,7	40 707	82,7	800	1,6
Д. Вакуф	24 544	13 509	55,0	9 533	38,8	682	2,8	593	2,4	13 985	13 376	95,6	107	0,8	58	0,4
Дервента	56 489	7 086	12,5	22 938	40,6	21 952	38,9	3 348	5,9	25 922	1 686	6,5	21 495	82,9	2 181	8,4
Завидовићи	57 164	34 198	59,8	11 640	20,4	7 576	13,2	2 726	4,8	35 988	32 735	91,0	573	1,6	1 204	3,3
Зеница	145 517	80 359	55,2	22 433	15,4	22 510	15,5	15 654	10,8	110 663	92 988	84,0	2 409	2,2	8 279	7,5
Кнежево	19 418	1 071	5,5	13 263	68,3	4 770	24,6	169	0,9	9 368	413	4,4	8 886	94,8	24	0,3
К. Варош	36 853	11 090	30,1	14 056	38,1	10 695	29,0	745	2,0	18 361	4 516	24,6	12 730	69,3	852	4,6
Коњиц	43 878	23 815	54,3	6 620	15,1	11 513	26,2	1 358	3,1	25 148	22 486	89,4	355	1,41	1 553	6,2
Ливно	40 600	5793	14,3	3 913	9,6	29 324	72,2	1125	2,8	34 133	4 047	11,9	438	1,3	29 273	85,8
М. Град	27 395	3 272	11,9	21 057	76,9	2 139	7,8	593	2,2	15 926	354	2,2	15 340	96,3	148	0,9
Невесиње	14 448	3313	22,9	10 711	74,1	210	1,4	123	0,8	12 542	508	4,0	11 964	95,4	27	0,2
Н. Град	41 665	14 040	33,7	25 101	60,2	403	1,0	1 557	3,7	30 885	6 490	21,0	23 638	76,5	256	0,8
Приједор	112 543	49 351	44,0	47 581	42,3	6 316	5,6	6 459	5,7	80 916	22 303	27,6	54 365	67,2	1 666	2,1
Рогатица	21 978	13 209	60,1	8 391	38,2	19	0,6	186	0,8	10 302	1 009	9,8	9 217	89,5	18	0,2
Рудо	11 571	3 130	27,0	8 150	70,4	5	0,0	106	0,9	7 578	574	7,6	6 963	91,9	7	0,1
Сребреница	36 666	27 572	75,2	8 315	22,7	38	0,1	380	1,0	11 698	6 122	52,3	5 467	46,7	14	0,1
Теслић	59 854	12 802	21,4	32 962	55,1	9 525	15,9	3 465	5,8	37 236	6 887	18,5	28 166	75,6	1 346	3,6
Х. Пијесак	6 348	2 543	40,1	3 674	57,9	7	0,1	68	1,1	3 445	420	12,2	2 994	86,9	7	0,2
Чајниче	8 956	4 024	44,9	4 709	52,6	5	0,1	77	0,9	4 697	835	17,8	3 806	81,0	6	0,1

(Извори: Popis stanovništva, domaćinstava, stanova i poljoprivrednih gazdinstava 1991, Državni zavod za statistiku RBiH, Сарајево, 1993;

Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u BiH, 2013, Agencija za statistiku BiH, 2016;

Попис становништва, домаћинстава и станова у Републици Српској 2013. године, Републички завод за статистику, 2017.)

Табела 9: Кантон Сарајево - Етнички састав у 2013. години

Општина	Укупно	Бошњаци	Срби	Хрвати
Сарајево	55.181	41.702	2.186	3.333
Центар				
Хацићи	23.891	22.120	218	179
Илица	66.730	58.120	1.600	3.030
Илијаш	19.603	18.151	421	382
Нови Град	118.553	99.773	4.367	4.947
Ново Сарајево	64.814	48.188	3.402	4.639
Стари Град	36.976	32.794	467	685
Трново-Фед.	1.502	1.376	97	4
Вогошћа	26.343	24.351	542	321
Кантон Сарајево	413.593	346.575	13.300	17.520
Град Сарајево	275.524	222.457	10.422	13.604

(Извор: Popis stanovništva, домаћinstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine. (2016). Agencija za statistiku BiH, Sarajevo, 2016. god.)

Табела 10: Град Источно Сарајево – етнички састав у 2013. години

Општина	Укупно	Бошњаци	Срби	Хрвати
Ист.Н.Сарајево	10.401	44	10.028	102
Ист. Илица	14.437	632	13.455	148
Ист. С. Град	1.116	41	1.059	6
Соколац	11.620	629	10.894	28
Пале	20.359	165	19.932	126
Трново	1.983	818	1.131	15
Укупно	59.916	2.329	56.499	425

(Попис становништва, домаћинстава и станова у Републици Српској 2013. године, Републички завод за статистику, Бања Лука, 2017. год.)

Conclusion

A complex ethno-demographic structure of the geospace of Bosnia and Herzegovina, numerous elements of demographic development in the past and political-geographical processes defined the modern ethno-demographic composition of the population in Bosnia and Herzegovina in the twentieth century. When it comes to political-geographical processes, religious and civilization determinants of this geographical area were twofold; on the one hand, they were

integrative in terms of ethnic homogenization and consolidation and disintegrative in terms of multiethnicity, on the other. The religious factor played a crucial role in the formation of ethnic identities and defining their geopolitical interests.

Historical-geographical, ethnic-geographical and geopolitical circumstances on the territory of Bosnia and Herzegovina at the time and the destruction of Yugoslav state and social community, manifested in a form of ethnic conflicts over historical territories, led to the ethnic division of B&H on the basis of ethnic majority and bipolar ethno-geographic structure.

Today, twenty-six years after the conflict in B&H, the aftermath of the war is seen in demographic characteristics ethnic and territorial population distribution. Certain are not only quantitative but also qualitative losses, given that in armed conflicts killed a large number of reproductive population.

In addition to war victims, exile, as a specific form of migration, is the basis of ethnic and territorial distribution of population in the geographic space of Bosnia and Herzegovina. It has had a series of political consequences in a wider geopolitical setting and had an impact on the spatial distribution of the population and ethnic groups in the area. Furthermore, it has also had social-economic, psychological, cultural-historical and political consequences.

Therefore, the victims of the conflict and the process of exile as a result of the conflict are still an important part of modern demographic processes and distribution of territory and ethnic groups in B&H.

From the political and geographic aspect, civil, ethnic and religious conflict and exile process, definitely changed the ethno-territorial composition geoterritory and have firmly established ethnic consolidation and homogenization of population.

Литература и извори:

1. *Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22. априла 1895.* (1896). Земаљска штампарија, Сарајево.
2. *Дефинитивни резултати пописа становништва од 31. јануара 1921. године.* (1932). Краљевина Југославија - Општа државна статистика, Сарајево.
3. Зекановић, И. (2012). Религијско-цивилизацијске одреднице геопростора БиХ као детерминанта савремених политичко-географских процеса. *Гласник-Herald*, sv. 16. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, стр. 25-41.
4. Маринковић, Д. (2005). *Демографски проблеми процеса избјеглиштва у Републици Српској*, Географско друштво Републике Српске, Бања Лука.
5. Његован, Д., Кицошев, С. (1998). Етно-демографски развој Босне и Херцеговине од турске окупације до данас, Зборник радова: *Република Српска у дејтонским границама*. Географско друштво Републике Српске, Бањалука, стр. 123-134.

6. Пашалић, С. (2011). Демографски губици у Босни и Херцеговини (1991-2011), Зборник радова: *Трећи конгрес српских географа*, Географско друштво Републике Српске, Бања Лука, стр. 335-346.
7. Петрич, В. (2002). *Босна и Херцеговина од Дејтона до Европе*, Свјетлост, Сарајево.
8. *Попис становништва, домаћинстава и станова у Републици Српској 2013.* (2017). Републички завод за статистику, Бања Лука.
9. Поповић В., Лукић, В. (1999) *Документи Дејтон – Париз*, Институт за међународно право и међународну пословну сарадњу Бањалука, Бањалука.
10. Спасовски, М., Живковић, М., Степић, М., (1992). Етнички састав становништва Босне и Херцеговине. Универзитет у Београду, Географски факултет, Београд.
11. Степић, М. (2004). *Српско питање – геополитичко питање*. Јантар група, Београд.
12. Терзић, С. (1995). Пројект „аустроугарског Балкана“ у Босни и Херцеговини (О идеолошким основама научних истраживања и научне пропаганде). Зборник радова: *Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена*. Историјски институт Српске академије наука и уметности, Београд, стр. 407-423.
13. *Штатистика мјеста и житељства Босне и Херцеговине по попису народа од 1. маја 1885.* (1886). Земаљска штампарија, Сарајево.
14. *Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31. marta 1931. godine, knjiga 2, Prisutno stanovništvo po veroispovesti.* (1938). Kraljevina Jugoslavija – Opšta državna statistika, Beograd.
15. *Popis stanovništva, домаћinstava, станова и поqоpprivредних газdinstava 1991.* (1993). Državni zavod za statistiku R BiH, Sarajevo.
16. *Popis stanovništva, домаћinstava и станова u Bosni и Hercegovini 2013. godine.* (2016). Agencija za statistiku BiH, Sarajevo.
17. *Raseljeni, izbjeglice и повратници u Republici Srpskoj.* (2006). Vlada Republike Srpske, Banja Luka.
18. *UPOREDNA ANALIZA PRISTUPA PRAVIMA IZBJEGLICA I RASELJENIH OSOBA.* (2005). Ministarstvo за људска права и изbjеглице Bosne и Hercegovine, Sarajevo.
19. *Štatistika miesta и pučanstva Bosne и Hercegovine.* (1886). С и Kr. Vladina tiskarna, Sarajevo.
20. www.bhas.ba - Агенција за статистику БиХ
21. www.rzsrs.ba – Републички завод за статистику Републике Српске
22. www.fzs.ba - Федерални завод за статистику
23. https://sr.wikipedia.org/sr/Демографија_Босне_и_Херцеговине

**ДЕМОГЕОГРАФСКИ ПРОЦЕСИ И ПРОБЛЕМИ ОБНОВЕ
СРПСКОГ ЕТНИЧКОГ ПРОСТОРА У РЕПУБЛИЦИ
ХРВАТСКОЈ**

М. Živković

**DEMOGRAPHIC PROCESSES AND PROBLEMS OF
REVITALIZATION OF THE SERBIAN ETHNIC SPACE IN
REPUBLIC OF CROATIA**

Апстракт: У раду се говори о демогеографским аспектима ревитализације српског етничког геопростора и проблему очувања идентитета српског етноса у Републици Хрватској, апострофирајући при том проблеме геополитичког, социо-економског и културолошког карактера. Ово комплексно питање засновано је на историјским, етнодемографским, државотворним и савременим геополитичким детерминантама, као и остварењу основних људских права. Рад има фундаментални значај у сложеној проблематици глобалних и регионалних развојних процеса јер потенцира кључне претпоставке одрживог развоја српског субјективитета у Хрватској, заснованог на етнокултурном развојном моделу и стратегији остварења националних интереса од виталног значаја.

Abstract: The paper discusses the demographic aspects of revitalization of the Serbian ethnic geospace and the issue of preservation of the Serbian ethnic identity in Republic of Croatia, focusing on geopolitical, social-economic, and cultural features. One such complex issue is rests upon the historical, ethnic-demographical, statehood-wise, and modern geopolitical determinants as well as on basic human rights. The paper is fundamental when it comes to both global and regional development processes as it points out the key properties crucial for the sustainable development of Serbian subjectivity in Croatia based on the ethnic-cultural development model and the strategy for achieving vital national interests.

Кључне ријечи: Срби, Хрватска, српски етнички простор, демогеографски, етнокултурни, асимилација, геноцид, ревитализација.

Key words: the Serbs, Croatia, Serbian ethnic space, demographic, ethnic-cultural, assimilation, genocide, revitalization.

Увод

Геопросторно јединство културних и духовних вриједности једног народа (етноса) дефинише његов етнички простор. Према томе и просторни оквир духовног и материјалног стваралаштва српског народа јасно дефинише његову етнотериторијалност.

Геополитичким процесима разградње СФР Југославије (1991 – 1995) и стварањем нових геополитичких творевина (држава), детерминисаних различитим глобалним, регионалним и локалним интересима и факторима, разграђује се и политичко-територијално јединство историјског и етничког простора српског народа. Дио српског историјског и етничког простора пријератне (авнојевске) Хрватске (припада западном српском геопростору - српски геопростор западно од ријеке Дрине и Дунава), насилним путем, у грађанско-вјерском рату, припојен је и уврштен у састав данашње Републике Хрватске, као новог геополитичког субјективитета. Посљедицама протеклог рата, у новим врло комплексним и деструктивним геополитичким процесима, српски етнички простор у данашњој Хрватској доживјет ће демографску, културолошку, духовну, социјално-економску, политичку и сваку другу девастацију, доводећи у питање укупност опстанка српског националног бића. Легитимно и универзално цивилизацијско право народа подразумјева успостављање основних система вриједности, што у конкгену претпоставља и могућност ревитализације српског етничког простора, а самим тим и опстојност српског националног бића у данашњој Хрватској.

Дакле, основни циљ рада је да се укаже на кључне развојне процесе, прије свега демогеографске, и проблеме ревитализације српског етничког простора у Хрватској.

Различит методолошки приступ у попису становништва по пописним годинама, као и промјене управно-територијалне организације простора данашње Хрватске, промјене општинских и граница атара, те дијелом измјењена топонимија, отежали су истраживање и онемогућили одређене компаративне анализе.

Српски етнички простор у ретроспекту историјско-географских кретања

Историјски контекст територијализације духовног и материјалног стваралаштва Срба детерминише етнотериторијалност српског народа у данашњој Хрватској. У складу с тим, српски историјски и етнички простор у Хрватској чинило би подручје западне и источне Славоније, западног Сријема, Баније, Кордуна, Лике и сјеверне Далмације. Ове историјско-географске просторне цјелине пружају се у граничном појасу са Босном и Херцеговином (Република Српска и Федерација БиХ) и Србијом (Војводина). Просторно, са фрагментално заступљеним релативно мањим етничким

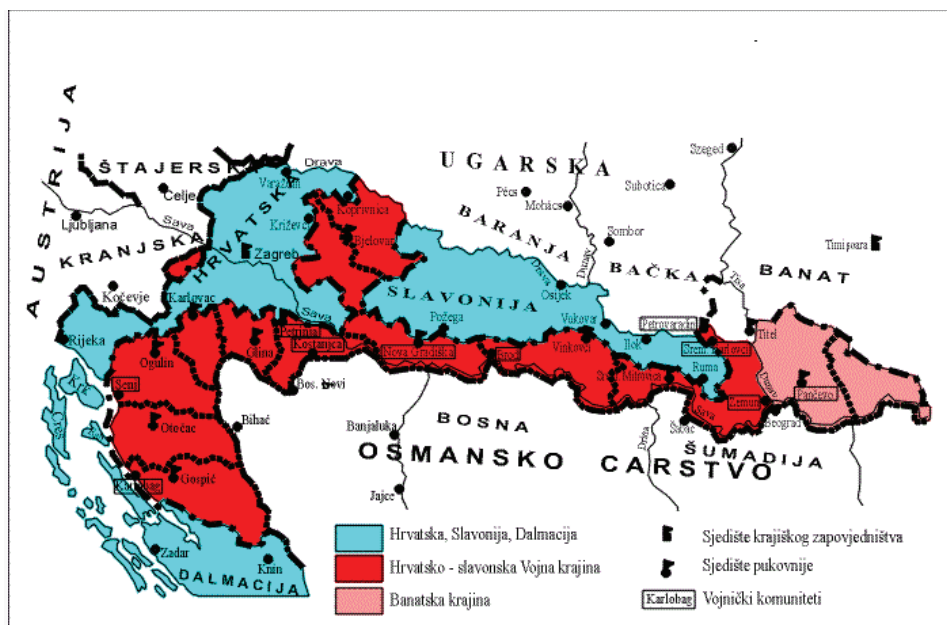
групама „ ... које су своју народност стекле у оквиру српског геопростора, а врло често извеле из српског етноса... „ (Гњато, 2000, стр. 55), као што је случај са већим дијелом хрватске популације, чине компактну цјелину српског геопростора западно од Дрине. Наведена српска етничка подручја захватају око 20 000 км² (1/3) од укупне површине Хрватске. Ради се о подручјима различитих природногеографских (Панонско-перипанонска и Динарско-јадранска област) и друштвеноекономских одлика, испољеног геодиверзитета, односно различитих могућности и ограничења. Ниског је нивоа економске развијености и мале просјечне насељености (око 10 ст/км²), што је посљедица генеративних развојних фактора одређених историјско-географским процесима. Наглашавамо, у негативном контексту, посљедице посљедњег грађанско-вјерског рата по укупни развој српског историјског и етничког простора и српског националног бића у цјелини.

Српски етнос, са духовним, културним и материјалним вриједностима, развија се у простору данашње Хрватске у континуитету од примарне славенске колонизације. Наведену констатацију потврђују бројни историјски извори различитог карактера и поријекла (Византијски извори, 2007). Подразумијева се да извори прије званичних државних статистика немају поузданост и садржајност пописних података, међутим дају значајне информације за прецепцију опште слике протеклог времена. Генерално, они потврђују домицилност српског етничког корпуса у Хрватској на много широј територији од, овим радом, дефинисаног историјског и етничког српског простора. У прилог овој тврдњи наводимо и чињеницу да средином XIX вијека, кад почињу први озбиљни пописи становништва, „... водећи државни статистичари (аустријски, мађарски) и научници Хрвате не налазе уопште или их налазе у врло малом броју у Босни, Херцеговини, Далмацији, Славонији ...“ (Илић, 1993, стр. 31), што између осталог додатно потврђује и чињеницу о српском геопростору западно од Дрине и Дунава. Према бечком професору статистике Брахелију у Хабзбуршкој монархији настањено је више Срба него Хрвата. Хрвате не наводи као етнички чист народ већ као Словено-Хрвате и Србо-Хрвате (Brachelli, 1861, str. 58). Према истом извору у Славонији и Далмацији (изузето подручје Војне крајине која се углавном простирала дијеловима тих подручја), дакле углавном српском историјском и етничком простору, настањено је више од 600 000 Срба, док се Хрвати као народ не спомињу. Према томе, ради се о српском геопростору чија се етничка слика историјским процесима (културна асимилација, унијаћење, вјештачка етногенеза, геноцид) мијењала у деструктивном смислу. Процеси унијаћења и покатоличења одвијају се у континуитету, различитим интензитетом, накнадно и кроатизацијом (видови ентоцида), под патронатством Католичке цркве (Ватикан), а спроводи се посредством ауторитета Аустрије и Угарске, односно Аустро-угарске, накнадно и Хрватске. Интензивна кроатизација извршена је крајем XIX и почетком XX вијека, када хрватска популација простора данашње Хрватске постаје доминантнијом у односу на српску.

Дакле, укупно српско становништво простора данашње Хрватске, изван оквира аутентичне Хрватске (подручје кајавског и чајавског дијалекта) (Илић, 1993, стр.26), „... обухваћено је процесом вјештачке етногенезе Хрвата, са различитим исходом у појединим дијеловима“ (Гњато и Станојевић, 2012, стр. 3). Између осталог, њихово етничко поријекло детерминишу и називи постојећих родова.

Поред аутохтоности Срби су у односу на „Хрватску“ у већем дијелу своје историје били и аутономни (Живковић, 2001, стр. 117). То потврђује и постојање Војне крајине (XVI–XIX вијек), формиране углавном на дефинисаном српском етничком простору (прилог 1), са специфичним политичко-управним статусом у Хабзбуршкој монархији, гдје се и очувала српска апсолутна већина све до посљедњег рата (1991–1995) када је у тим подручјима формирана Република Српска Крајина, уједно посљедњи државноправни субјективитет српског народа у Хрватској.

Прилог 1. Карта Војне крајине

Извор: www.hic.hr/books/pavlicev/images/s08.gif, уз корекције аутора

Одређени државотворни елементи сачувани су на простору Славоније и Далмације и послије укидања Војне крајине (1881), што се види из бројних законодавних уредби Аустро-угарске у којима се наглашава да су донешене за земље Хрватске, Славоније и Далмације. Окончањем Првог свјетског рата и стварањем Краљевине СХС (Југославије) 1918. српски народ добија статус конститутивног народа. Правно-политичка равноправност са хрватским

народом србима је укинута 1941-1945. када је над њима почињен геноцид, а накнадно 1990. године, када су преименовани у статус националне мањине.

Генерално, демогеографски развој српског етноса, детерминисан историјским развојним процесима, од средине XIX вијека поприма регресиван карактер, те у апсолутним и процентуалним вриједностима Срби узимају све мање учешћа у популацији Хрватске. Пописом становништва 1910. године у оквирима данашње Хрватске живјело је 3 460 584 становника од чега 611 257 Срба (17,7%). Дефинисани српски етнички простор настањивало је више од 400 000 Срба или 71,8% укупне српске популације (табела 1 и 2)

Табела 1. Удио Срба у српском историјском и етничком простору територија данашње Хрватске, 1910. година

Српски историјски и етнички простор	Укупан број становника	Срби	
		Број	%
Западна Славонија	163 555	81 969	50,1
Источна Славонија и западни Сријем	35 780	27 314	76,3
Кордун и Банија	210 271	160 577	76,4
Лика	140 230	100 226	71,5
Сјеверна Далмација	124 384	68 614	55,2
Укупно	674 221	438 700	65,0

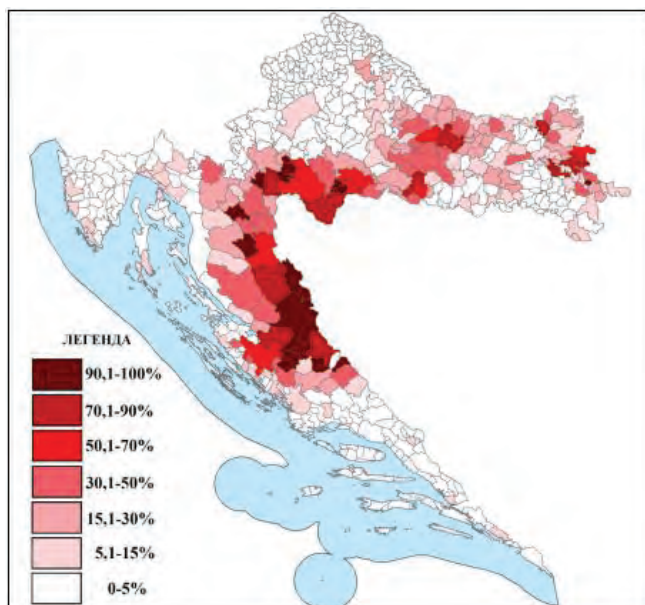
Извор: Илић, 1993, стр. 33-38

Посљедице Првог, а посебно Другог свјетског рата, уз спроведени геноцид, имају деструктиван учинак у укупном демографском развоју српског становништва и демогеографском развоју српског историјског и етничког простора у периоду 1910–1991. године. Према званичним пописима, укупан број становника Хрватске повећао се за 38,3%, а број Срба за исти период на истој територији смањено за 4,8% (Илић, 1993, стр. 121). Најизраженија етничка хомогеност и концентрација српског становништва је у раније дефинисаном српском историјском и етничком простору (прилог 2).

Према попису 1991. године Хрватска је имала 4 784 265 становника, од којих 581 663 (12,2%) Срба (табела 2). Са изјашњавањем Југославена, који углавном потичу из редова српског народа, Срба је било знатно више, око 700 000. И поред тога, Срби су послје Хрвата представљали најбројнији народ у Хрватској. У српском историјском и етничком простору живјело је око 365 000 Срба, што је око 63% од укупне српске популације у Хрватској, а у осталим дијеловима Хрватске око 37% (табела 2).

Прилог 2. Процентуални удио Срба у Хрватској по општинама 1991. године

Извор: <http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1991/pdf/G19914018.pdf>

У свим подручјима српског етничког простора (СЕП) Срби су имали апсолутну већину, изузев западне Славоније с релативном већином (прилог 2). Према званичним пописима од 6 697 насеља у Хрватској у 1071 насељу (16%) Срби су имали апсолутну већину. Процесима индустријализације (од 1960-их) појачане су миграције Срба из СЕП-а, као слабије развијене средине у значајније индустријске центре с већинским хрватским становништвом, чиме се број Срба смањивао у СЕП-у, а повећавао у осталим дијеловима Хрватске, гдје добрим дијелом подлијежу асимилацији. Наведени процеси слабили су репродуктивну моћ и укупни демографски потенцијал СЕП-а, посљедично слабећи укупност српског националног бића. Уз то, наглашен негативан миграциони биланс Срба у односу на Хрватску (Илић, 1993) и низак природни прираштај, додатно слабе српски етнос и укупни потенцијал српског народа. Општине са српском већином углавном су руралног карактера, депопулационе, емиграционе, слабије насељене и мање економске развијености.

Процесима геополитичке дезинтеграције СФР Југославије Срби 1990. у Хрватској губе државотворност одузимањем статуса конститутивног народа. Посљедицама нове, дискриминационе политике битисање српског националног бића доведено је у питање. Из тих разлога, поучени прошлошћу, на српском историјском и етничком простору (бивша Војна крајина), после спроведеног референдума за аутономију унутар Хрватске 1999. године, што нова хрватска власт није прихватила, проглашена је 1991.

Република Српска крајина (РСК), као нови геополитички субјективитет (прилог 3). Подручје РСК (1991-1995) насељавало је око 360 000 становника. Ратне прилике у Хрватској довеле су до појачане асимилације Срба, бројних људских жртава и присилних миграција.

Прилог 3. Република Српска Крајина (1991-1995)

Извор: www.wikipedia.org

Дјелимично спроведено етничко чишћење дијела РСК-е (већи дио западне Славоније) и Хрватске почетком рата довршава се 1995. године егзодусом и систематским етничким чишћењем историјског и етничког простора српског народа, у конкретном Републике Српске Крајине. Може се са сигурношћу рећи, на бази бројних извора, да је Хрватску напустило око 400 000 Срба, који су своје уточиште нашли у Србији, Републици Српској и дијелом свијета. Девастацијом, отуђењем и присвајањем материјалних и културних добара, вјековно ствараних од стране српског народа, урушава се српско национално биће, његов идентитет и етнотериторијалност, чиме се довршава „рјешење српског питања“ у данашњој Хрватској започето у фашистичкој хрватској творевини 1941. године.

Савремени демогеографски развојни процеси и проблеми обнове српског етничког простора

Положај српског народа у данашњој Хрватској промијењен је у основи губитком политичко-правног статуса државотворног народа. Недостатком националних институција смањују се могућности политичког и културног дјеловања, односно заштите и развоја националног идентитета и националних

интереса уопште. Самим тим српски народ у оквирима свог етничког простора и Хрватској уопште, има низ проблема политичко-правног, социоекономског и културолошког карактера. Наведени проблеми имају историјску димензију, али и савремену у стварању услова у којима егзистира српски етнос, односно српско национално биће, што одређује и његову савремену стварност.

Према попису становништва 2011. у Хрватској је живјело 186 633 становника српске националности, што је 4,4% од укупне популације (табела 2). Дакле, број Срба се у односу на 1991. годину смањило за више од 2/3. Становништво Хрватске се у периоду 1991-2011. смањило за готово пола милиона, а број Хрвата у апсолутном, а посебно у % износу знатно повећао (табела 2). Од 1910. године одвијају се процеси константног смањења удјела српске популације уз истовремену националну хомогенизацију Хрватске. Методом екстраполације може се израчунати да би број Срба у данашњој Хрватској, да није било геноцида у вријеме Другог свјетског рата и етничког чишћења у протеклом рату, износио око 1,5 милиона. И поред свих ратних дешавања и њихових посљедица (погибије, присилних миграција, асимилација, изразито негативног природног прираштаја) Срби у Хрватској чине други народ по бројности, односно најбројнију националну мањину. Наведене податке треба узети са резервом. Према мишљењу аутора стварни број Срба је знатно мањи. Да би регулисали основна грађанска права (пензионо, радни стаж, власништво над имовином...) дио Срба регистровао је стални боравак у Хрватској, иако тамо нису стално настањени, што у конкретним приликама одговара хрватским властима. У прилог наведеног иде и чињеница да је до 2010. године, према регистрима хрватске владе, евидентирано 130 220 Срба повратника, од који је према истраживањима сваки трећи настањен у Хрватској (Mesić i Bagić, 2011).

Табела 2 – Број и удио Срба према попису 1910, 1991. и 2011. године

Година пописа	Бр. стан. Хрватске	Хрвати	%	Срби	%	Срби у СЕП-у	% у ук. бр. Срба у Хрват.
1910.	3 460 584	2 371 546	68,5	611 257	17,7	438 700	65,0
1991.	4 784 265	3 736 356	78,1	581 663	12,2	365 000	63,0
2011.	4 284 889	3 874 321	90,4	186 663	4,4	80 000	43,0

*Из објективних разлога званични подаци за СЕП 1991. и 2011. године дати су у приближним бројкама.

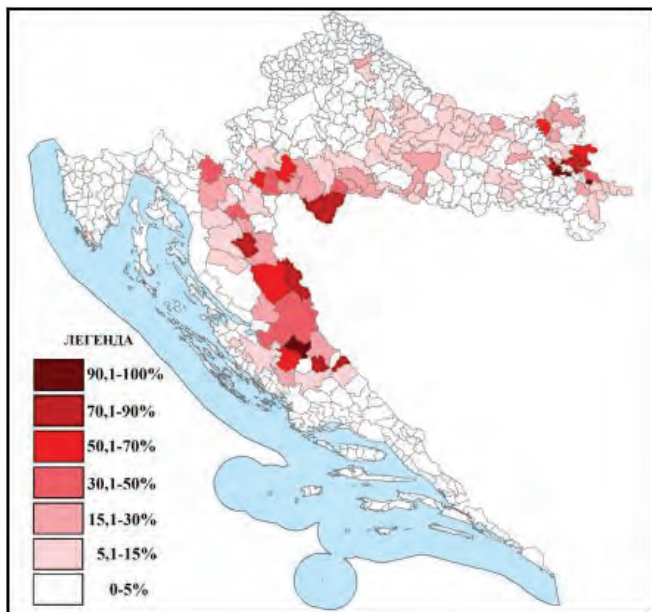
Извор: Илић (2003); Popisi stanovništva R Hrvatske 1991 (1991); Popisi stanovništva R Hrvatske 2011 (2013)

Етничку хомогеност Срби су задржали у српском историјском и етничком простору (прилог 4), премда се њихов број према попису из 2011.

свео на око 80 000, односно свега 22% предратне српске популације. Дакле, у већем броју насеља српско становништво и даље има већину, али је њихов апсолутни број врло мали. Значајнија концентрација Срба задржана је једино у источној Славонији, односно Подунављу. Наглашавамо, да општине у којима Срби имају апсолутну већину или значајан удио катрактерише „демогрфска пустош“. У прилог томе наводимо да је 2011. било 158 села са 10 и мање становника и 37 села без становника, а 1991. су имала српску већину (Ковјанић, 2014).

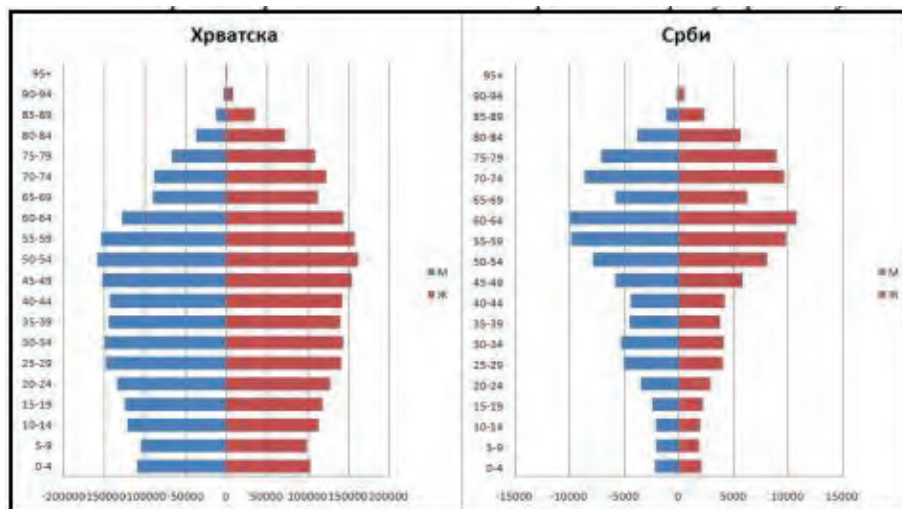
Наведени развојни процеси имају тренд даљњег погоршања. Томе у прилог иде нарушена старосна структура (прилог 5). Просјечна старост становништва Хрватске износи 41,7 година, а Срба у Хрватској 53,1 година (Popis stanovnika R Hrvatske, 2011, 2013). Просјечна старост Срба у СЕП-у (углавном се ради о руралној средини) виша је од просјечне старости Срба у другим дијеловима Хрватске. Развојни трендови указују на даљње старење, односно изумирање становништва у СЕП-у и изражену асимилацију српског етноса у другим дијеловима Хрватске, што доводи у питање опстанак и укупни развој српског народа. У прилог томе наводимо да се у периоду 2001-2011. број Срба у Хрватској смањило за око 15 000 (Popis stanovništva R. Hrvatske 2011, 2013). Генерално, српско становништво у Хрватској је у дубокој демографској кризи, што је последица протеклог рата и савременог политичког и правног статуса Срба.

Прилог 4. Процентуални удио Срба у Хрватској по општинама 2011. године

Извор: http://www.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf

Прилог 5. Старосна структура становништва Хрватске и српског становништва у Хрватској 2011. године

Извор:

http://www.dzs.hr/Hrv/censuses/census2011/results/htm/H01_01_18/H01_01_18.html

Према неким истраживањима српска и ромска популација највише су изложене ризицима друштвене изолације и социјалне искључености, што у крајњем подразумева и слабу економску моћ (Gjenero, 2012). Непоштовањем и кршењем елементарних националних и грађанских права Срба отежава се очување права на основне вриједности идентитета (језик, писмо, вјероисповјест...), као и институције културе, запослења, имовину и друго. Поред тога, континуирано се наставља процес етничке, вјерске и укупне културне асимилације. У том контексту наводимо неколико примјера. Вербално и физичко насиље је врло учестало, без одговорних. Између осталог, од 1996 убијена су 83 лица српске националности, а да при том нико није санкционисан од надлежних власти (Ковјанић, 2014). Говор мржње константно је присутан у медијима, као и одржавање тензија колективне кривике Срба за рат. У појединим срединама недостају основни услови за живот. Уништен је велики дио стамбених, привредних и инфраструктурних капацитета у СЕП-у, што отежава услове за приврђивање и живот уопште. Неријешен је још увијек велик број захтијева за обнову (око 1 700 у 2011). Око 30 000 власника друштвених станова српске националности у Хрватској остало је без станарског права (Mesić i Vagić, 2011). Нерегулисан је у довољној мјери повратак национализоване имовине Српској православној цркви. Повратници се сусрећу са бројним проблемима у остваривању основних грађанских права. Уништена и девастирана је огромна културна заоставштина српског народа: 78 православних објеката, 29 музеја, 920 споменика- најчешће из периода антифашистичке борбе, што је у

супротности са тезом о антифашистичкој борби хрватског народа, хиљаде умјетничких дјела је уништено или покрадено, уништено је или девастирано 181 православно гробље, милиони књига писаних ћирилицом итд. (Двери српске, 2010). Поред свега, код српског становништва, претежно у градским срединама, изражена је асимилација и етномимикрија. Дио становништва српског етничког поријекла не изјашњавају се као припадници српске националне мањине, већ најшешће као неопредјелени. За претпоставити да се и њихово потомство не изјашњава Србима (Lajić i Vara, 2010). Асимилација се одвија и путем отварања нових унијатских цркава, покушаја стварања Хрватске Православне цркве и наметањем става да су Срби у Хрватској православно Хрвати (Мандић, 2013). Према томе, укупни развојни процеси одвијају се у правцу:

- физичког уништавања, вјековно стваране, врло богате историјско-културне баштине и материјалних добара;
- отуђења и присвајања културних, духовних и материјалних вриједности српског етноса;
- културне и етничке асимилације.

Наведени процеси претпостављају уништавање и ниподаштавање српског националног бића, што у крајњем води постепеном губљењу етнонационалног простора.

Одређеним законским одредбама Хрватске, наведене прилике се у одређеној мјери, али ни изблиза у довољној, поправљају. Нажалост, бројне законске одредбе постоје декларативно или су параван за међународну заједницу. Законом о „подручјима посебне државне скрби“, с основним циљем ревитализације и одрживог развоја слабије развијених подручја, уврштена су и подручја СЕП-а, међутим без конкретних резултата. Ни закон о правима националних мањина, о пропорционалној заступљености међу запосленима у јавним службама међу запосленима (мањинска заједница треба да чини најмање 15% становништва), није испоштована у пракси (табела 3).

Табела 3. Процентуални удио Срба међу запосленима у јавном сектору 2012. год.

Општина	Срби у стан. (%)	Срби у запосл. (%)	Општина	Срби у стан. (%)	Срби у запосл. (%)
Б. Манастир	25,6	12	Грачац	45,2	13
Војнић	44,7	13	Двор	71,9	26
Вуковар	34,9	31	Книн	23,1	8
Гвозд	66,5	14	Плашки	45,6	13
Глина	27,5	6	Костајница	25	6

Извор: Gjenero, D., 2012.

Позитивна је реституција власништва, гдје су Србима углавном враћене све заузете куће. Дјеломично су обновљене порушене куће Срба у српском етничком простору. Обновљено је више српских институција и организација с основним циљем заштите и равномјернијег статуса Срба у друштву. Основани су и разни фондови, културна друштва, часописи.... Формирање Заједничког вијећа општина (регионално тијело мањинске самоуправе) на подручју источне Славоније, западног Сријема и Барање са циљем афирмације уставних права Срба, позитиван је примјер могућег правца активности и дјеловања.

Генерално, непостојање политичко-правних националних институција основни је проблем српског становништва данашње Хрватске у очувању етнотериторијалности и развоју националног идентитета.

* * *

Културна и етничка асимилација уз актуелне демографске проблеме акутни су развојни проблеми српског етничког простора и уопште српског народа у Хрватској. Геополитички, односно политичко правни услови и демографски капацитет кључни су фактори у претпоставци могућих процеса обнове етничког простора српског народа. Подразумијева се, да у конкретном, комплексне процесе ревитализације детерминишу поред унутрашњих фактора и геополитички и други релевантни фактори на регионалном и глобалном нивоу. Уважавајући релевантне, стварне и потенцијалне, факторе развоја, њихову позицију, интересе и могућности, актуелне регионалне и глобалне геополитичке и друге развојне процесе, могуће је градити почетну основу за рјешавање бројних отворених питања у српском геопростору, а тим и етничком простору српског народа у Хрватској.

Ревитализација СЕП-а обновом његових духовних, културних и материјалних вриједности, уништених и девастираних, демографски опустошених од стране Хрватске протеклим ратом, могуће је градити на грађанским моделима и моделу српских етно-културних регија (Гњато, 2000). Модел етно-културних регија претпоставља аутотхон и аутономан, функционално одржив систем. Уз актуелни концепт трансграничне сарадње, који протежира Европска унија, модел српских етно-културних регија претпоставља културно и друго повезивае СЕП-а у Хрватској са другим српским геопростором који геополитички није јединствен. Увјерења смо да је наведене проблеме могуће ријешити систематски, „у контексту рјешења општег српског питања о којем је својевремено говорио и Ј. Цвијић“ (Живковић, 2001).

Дакле, ради се о реалним, легитимним и универзалним цивилизацијским вриједностима, уједно и питањима, која су детерминисана низом геополитичких и других релевантних развојних фактора.

Conclusion

The Serbian historical and ethnic space in modern Croatia covers the historical-geographical regions of west and east Slavonia, west Srijem, Banija, Kordun, Lika, and north Dalmatia. The Serbian people have been the major population of these areas ever since the primary Slavic colonization. Hence, the local spiritual and material cultures of the Serbian people have defined its ethnic territoriality for centuries. The territory in question is a domicile Serbian ethnic space with specific autonomy within Croatia, which has played a statehood role among the Serbs. The ethnic properties of the Serbian ethnic space in modern Croatia have destructively altered over the years, resulting from the overall historical processes such as cultural assimilation, genocide suffered by the Serbian people, and artificial ethno-genesis. These processes among the Serbian people, its ethnic culture and ethnic-territoriality formed the majority of Croatian nation, i.e. its modern statehood.

It is feasible to revitalize the Serbian ethnic space and its spiritual, cultural, and material values which were violated, devastated, and demographically devastated by Croatia during the recent war events (1991-1995) only through a model of formation of Serbian ethnic-cultural self-sustainable regions and cross-boundary cooperation within the Serbian geospace that is still not geopolitically uniformed.

Thus, we focus on real, legitimate, and universal civilization values and issues which are determined by a whole range of geopolitical and other relevant development factors.

Литература

1. Brachelli H.F.(1861). *Handbuch der Geographie und Statistik des Kaiserthums Oesterreich*, Leipzig.
2. Gjenero (2012). *Ostvarivanje prava na zapošljavanje pripadnika nacionalnih manjina u javnim službama i osiguravanje rodne ravnopravnosti u 2012. godini*, Srpski demokratski forum Zagreb.
3. Ђато, Р. (2000). *Геополитички аспекти и могућности ревитализације геопростора западних српских земаља и потенцијални модел територијалне организације*, Гласник, бр. 5, Географско друштво Републике Српске, Бања Лука.
4. Ђато, Р., Станојевић, М., (20129). *Геополитичке последице вјештачких етногенеза на простору бивше СФР Југославије*, ГДРС, бр. 16, Бања Лука.
5. Двери Српске (2010). *Часопис за националну културу и друштвена питања*, бр. 46, Београд.
6. Живковић, М. (2001). *Западна Славонија - окупанско-пакрачки крај-регионалногеографски приступ*, ГДРС, књ. Бања Лука.

7. Илић, Ј. (1993). *Број и размјештај Срба на територији авнојевске Хрватске. Срби у Хрватској – насељавање, број и територијални размјештај*. Географски факултет, књ.3, Београд.
8. Илић, Ј. (2006). *Срби у Хрватској пре и после распада Југославије*. Зборник Матице српске 3 – друштвене науке (120), Нови Сад.
9. Ковјанић, А. (2014). *Етногеографске карактеристике и положај Срба у Хрватској*, Демографија, књ. XI, Београд.
10. Lajić, I., Bara, M. (2010). *Uticaj rata u Hrvatskoj 1991-1995. na promjenu udjela Srba u nacionalnom sastavu stanovništva Slavonije*, Stanovništvo, 48 (1).
11. Мандић, М. (2013). *Српски етнички простор и национална свијест- између перцепције и стварности*, Зборник обиљежавања 20. годишњице Географског друштва Републике Српске, Бања Лука.
12. Mesić, M., Bagić, D. (2011). *Manjinski povratak u Hrvatsku – studija otvorenog procesa*, UNHCR, Zagreb.
13. *Popis stanovništva R. Hrvatske 1991(1991). Stanovništvo Hrvatske prema narodnosti po naseljima – prvi rezultati*, Beograd.
14. *Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. (20139. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinjem jeziku*, Statističko izvješće 1469, Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske, Zagreb.
15. Internet izvori:
16. www.hic.hr/books/pavlicev/images/s08.gif
17. www.wikipedia.org

**ПОСЉЕДИЦЕ НАСИЛНОГ РАСПАДА СФРЈ НА РАЗВОЈ НАСЕЉА У
БОСНИ И ХЕРЦЕГОВИНИ (РЕПУБЛИЦИ СРПСКОЈ)**

M. Mandić

**THE VIOLENT SFRY BREAK-UP CONSEQUENCES ON THE
SETTLEMENT DEVELOPMENT IN BOSNIA AND HERZEGOVINA (THE
REPUBLIC OF SRPSKA)**

Апстракт: У раду се анализирају развојни проблеми и промјене у мрежи и систему насеља Босне и Херцеговине (Републике Српске) настали дезинтеграцијом Социјалистичке Федеративне Републике Југославије (СФРЈ). Дезинтеграција СФРЈ одвијала се у сложеним приликама геополитичке прекомпозиције Европе и глобалног процеса транзиције социјалистичког друштвеног система, под утицајем страних политичких фактора, те са снажно испољеним унутрашњим националним антагонизмима. Етнички сукоби прерасли су у грађански рат, који је на простору БиХ вођен у периоду 1992-1995. године, са испољеним политичким, геопросторним, економским, демографским и другим посљедицама, које су сублимиране у физичкој деструкцији насеља и промјенама у њиховим типолошким и структуралним карактеристикама и укупним развојним могућностима. Овим радом сагледавају се посљедице дезинтеграције простора у контексту развоја насеља и указује на угроженост одрживости насеобинског система посматраног простора.

Abstract: The paper analyzes development problems and changes within the settlement network and system in Bosnia and Herzegovina (the Republic of Srpska) resulting from disintegration of Socialist Federative Republic of Yugoslavia (SFRY). SFRY disintegration took place during the complex rearrangement of Europe and the global process of transition of the Socialist social system under the influence of foreign political factors and severe internal nationalist antagonism. Ethnic clashes grew into the civil war in B&H, which lasted from 1992 to 1995 and had political, geospatial, economic, demographic and other consequences that were sublimated into the physical destruction of settlements and changes in their typological and structural properties and total development opportunities. The paper addresses consequences of disintegration of the space within the context of settlement development and points out the vulnerable sustainability of our target settlement system.

Кључне ријечи: дезинтеграција, СФРЈугославија, Босна и Херцеговина, Република Српска, грађански рат, друштвена транзиција, мрежа насеља, насеобински систем, становништво, развој.

Key words: disintegration, SFR Yugoslavia, Bosnia and Herzegovina, the Republic of Srpska, civil war, social transition, settlement network, settlement system, population, development.

Уводна разматрања

Социјалистичка Федеративна Република Југославија (СФРЈ) била је заједница равноправних народа и народности успостављена као федерација шест конститутивних јединица (република) те је функционисала на основу успостављеног консензуса и високог степена самосталности њених федералних јединица. Социјалистичка Република Босна и Херцеговина, трећа република по површини и броју становника, у географском смислу заузимала је централни положај и имала компактну територију. Динарски планински систем протеже се средином њеног геопростора и одваја Панонски и Перипанонски простор од Јадранске области те генерише већину природногеографских карактеристика југословенског простора и посједује разнолика природна богатства. У привредном смислу средиште је рударства и екстрактивне индустрије Југославије. Инфраструктура жељезничког и друмског саобраћаја, успостављена рјечним долинама, у функцији је повезивања Панонског простора на сјеверу и Јадранског на југу те представља најкраћу повезницу привредно развијених дијелова Хрватске с морем. Индустрија је била базна функција у развоју урбаних средишта и носилац процеса урбанизације.

Етнички хетерогена, БиХ је у националном и вјерском смислу обједињавала југословенски политички простор. На простору БиХ суређу се и преплићу три цивилизацијска круга: источноевропски (православни) представљен Србима, западноевропски (католички) Хрватима и оријентални (исламски) Муслиманима, као доминантним етничким групама. Кроз дуг и буран историјско-географски развој одвијали су се ратови и буне праћени миграцијама становништва, добровољним и присилним пресељењима у току којих се одвијале културне асимилације. Културолошка хетерогеност и преплитање геополитичких интереса великих сила на Балкану имају пун израз у БиХ, коју је познати српски географ Јован Цвијић назвао „кључем рјешавања проблема и стабилности на Балкану.“ (Цвијић, 1987). Према историчару Владимиру Ћоровићу, Босна је „најсложенија област на Балкану.“ (Ћоровић, 1925), а Андрић сагледава опасности и трагичне посљедице културног и духовног простора Босне ријечима: „...Подијељеност народа у Босни је тешко бреме...Сваки покушај било ког народа да силом савлада други, дубоко је несрећан и крвав (Андрић, стр.3, 2017)“. Из наведених разлога, у процесу дезинтеграције Југославије 90-их година прошлог вијека, управо је БиХ, као једина југословенска република у којој ни један од државотворних народа није имао апсолутну већину, била простор на

којем се могла зауставити даља дезинтеграција Југославије и грађански рат започети издвајањем, односно политичком сецесијом Словеније и Хрватске.

Дезинтеграција СФРЈугославије није била само подјела некад јединственог политичког простора и формирање нових државотворности, већ и дезинтеграција јединственог привредног система, инфраструктуре, протока сировина, енергије, робе, капитала и кретања становништва. За српски народ, настањен у већем броју на простору више федералних јединица (Србија, Хрватска, БиХ, Црна Гора), дезинтеграција Југославије представљала је дезинтеграцију српског националног простора и етноса у више политичких субјективитета у којима Срби углавном губе државотворност, те имају неравноправан политички положај, правни, културни и социјални статус.

Дезинтеграција СФРЈугославије покренула је сложене друштвене појаве и процесе: оружане сукобе, људске и материјалне губитке, уништавање материјалног и духовног културног наслијеђа, миграције становништва, нове културне асимилације, стагнирање привредног развоја, укидање социјалистичких и успостављање капиталистичких друштвених односа. Наведени процеси снажно су испољени кроз физичку, привредну и културну деструкцију насеља. Управо промјене у типолошким и структуралним карактеристикама мреже и система насеља БиХ показатељ су сложености, карактера и посљедица политичке дезинтеграције СФРЈугославије, што је и основни циљ овог рада. Компаративна анализа демографских и социоекономских показатеља развоја насеобинског систем БиХ у периоду 1991-2013. године указују на стагнацију демографског и економског развоја насеља, а тиме и простора БиХ уопште. Негативни процеси у насеобинском систему угрожавају укупну одрживост простора и показатељ су укупних дешавања на простору БиХ крајем XX и почетком XXI вијека.

Методом анализе доступних историјских извора и документационе грађе сагледавани су генеза, културолошке и типолошке карактеристике насеља БиХ те размер ратне деструкције. Компаративном анализом статистичких показатеља развоја насеља у периоду прије (попис 1991) и послеје дезинтеграције СФРЈ (попис 2013) године, утврђивани су слабљење демографског и функционалног капацитета насеља и развојне посљедице. Разлика у методологији наведених пописа и административно-територијалној организацији БиХ отежавају компаративну анализу. Резултати пописа становништва 2013. године за простор Федерације БиХ објављени су на нивоу градова и општина, а за простор Републике Српске и на нивоу насељених мјеста, што отежава компаративну анализу. С тога, фокус рада стављен је на простор Републике Српске, за који су пописни резултати по насељеним мјестима званично објављени, те је могуће праћење промјена у насеобинском систему.

Карактеристике насеобинског система Босне и Херцеговине у контексту историјског развоја и пописа становништва 1991. године

Простор БиХ карактерише изражена физичкогеографска и културолошка хетерогеност. Становништво славенског поријекла, насељено од раног средњег вијека, вјековима је било под политичким и културним утицајем Византије и Србије (православља) с истока, романским (католичким) с југа, германским и угарским (католичким) са запада и сјевера те вишевјековном владавимом Турака, којом је почело ширење исламске цивилизације на Балкану. Наведени политички и културни утицаји дефинисали су политички, културни и привредни развој простора, динамичне миграције становништва, културне асимилације (унијаћење, покатоличење, исламизација) и нове етногенезе (босански муслимани као нови етнос - Муслимани, а од 90-их година прошлог вијека као Бошњаци). У сложеним историјским условима одвијала се и генеза насеља, углавном спонтано насталих, чији је континуитет често прекидан ратовима и сеобама. Помјерање становништва из разлога личне безбједности на више надморске висине, резултирало је формирањем насеља разбијеног типа које је Цвијић назвао „старовлашким типом“. Засеоци патронимичних имена указују на просторни размјештај родова у процесу миграција.

У вријема аустро-угарске управе (1878-1918) у БиХ колонизовано је око 200 000 становника различите етничке припадности с простора ове царевине (Нијемци, Мађари, Украјинци, Пољаци, Талијани, Чеси,...). Насељени су углавном у градове те рурални простор Панонског и Перипанонског дијела БиХ, у простору до тада, неповољних природних услова (углавном мочварни простор), у којем су формирали нова насеља изграђена планском интервенцијом. Овом колонизацијом усложњена је етничка структура и разбијен етнички просторни континуитет српског и муслиманског становништва (Краљачић, 2001). У привредном смислу постигнут је значајан напредак, развој урбаних насеља, успостављање инфраструктуре као и укупна валоризација геопростора. Постепено одвијало се сасељавање становништва у ниже предјеле.

Мрежа насеља у планинском динарском простору је ријетка и рељефно предиспонирана, са сточарством као основним обликом привређивања. Посједује значајан демографски потенцијал, углавном српског православног становништва, који је константно слабио током XX вијека. Демографски губици у Другом свјетском рату, колонизација за Војводину, процеси индустријализације и урбанизације БиХ 60-их и 70-их година прошлог вијека, ослабили су демографски потенцијал руралног простора и мрежу сеоских насеља, чије је физичко и демографско пропадање настављено деструкцијом у грађанском рату 1992-1995. године.

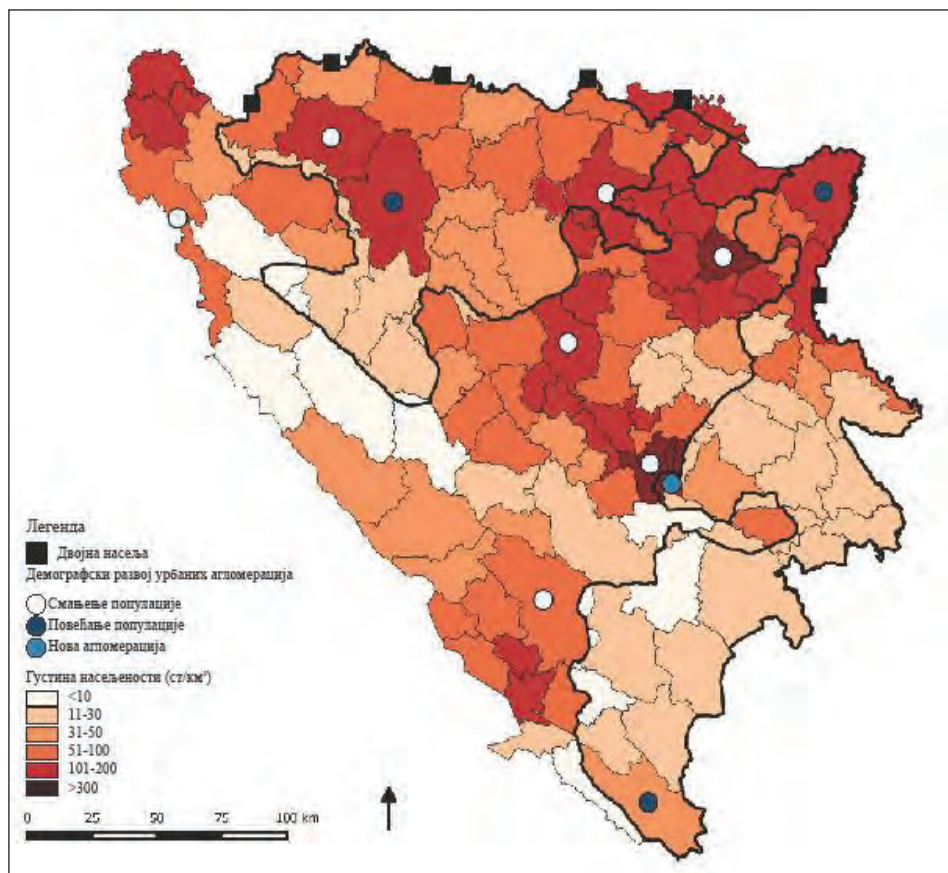
Дуж лијеве и десне обале Уне и Саве у контексту историјских дешавања, на вишевјековној граници Турског царства и хришћанске Европе, развила се насеља у сложеним условима пограничног живота с динамичним кретањима

становништва, иселјавањем и повратним миграцијама. Ова насеља у простору некадашњих географско-историјских области Крајина, војно-трговачких функција, углавном насељена српским становништвом, потискивањем Турске с Балкана, добијају значајну функцију у привредном и културном повезивању БиХ са окружењем. Од краја XIX вијека, у оквиру истих државно-правних и привредних система (Аустро-угарске монархије, Краљевине Југославије и СФР Југославије) насеља на обје обале развијају се као јединствене функционално повезане урбане цјелине, физички подијењене ријечним током. Функционално се допуњују, те је њихов развој међусобно условљен. Могу се назвати коресподентним или двојним насељима (карта 1). Њиховом развоју доприноси непосредна близина најважнијих трансферзалних саобраћајница (аутопут, жељезничка пруга, пловни савски пут) које повезују југословенски простор и окосница су привредног развоја. Политичка и функционална обједињеност наведеног простора кључни је фактор у развоју ових насеља. Дуж источних граница уз ријеку Дрину нису се развила демографски и привредно значајнија насеља. Простор Подриња представљао је крајем XIX и почетком XX вијека „тврду“ границу између Турске и Србије, односно Аустро-Угарске и Србије. Изузев перипанонског обода, наведени погранични простор с обје стране има карактеристике слабије насељености, привредне развијености и инфраструктурне опремљености. Из наведених разлога није развијена мрежа коресподентних насеља што ће дугорочно имати негативне развојне посљедице те данас у развојном смислу углавном представља проблемско подручје (Živković, Mandić, Papić, Stanojević, 2016)

Историјски фактори и геополитичке прилике у окружењу предиспонирали су просторни размјештај етничких група те формирање насеља у чијој се генези, функцијама и морфофизиономији, успостављеним просторно-функционалним везама и односима рефлектује укупност друштвених кретања. С тиме у складу, просторни размјештај појединих етноса условно би се могао свести на констатацију да су Срби углавном настањивали Динарски планински простор, сјеверни и источни погранични простор, Хрвати дио југозападне Босне и долину Неретве, а исламизирано становништво доминирало је у ријечним долинама, котлинама те средишњој и источној Босни. Простор БиХ карактеришу физичкогеографске разлике, услови насељености и привређивања као и културноисторијски развој, те су се развила насеља различитих морфофизиономских, функционалних и социолошко-културолошких карактеристика. До почетка XX вијека хришћанско становништво углавном је настањивало рурални простор (сеоска насеља), а муслиманско било већинско у градским насељима. Просторни размјештај етноса мијењао се у току XX вијека, нарочито друге половине, као посљедица процеса индустријализације и урбанизације те досељавања сеоског становништва у градове.

Карта 1 –Просторна дистрибуција становништва и урбаних центра 2013.године

Демографски притисак у регионална средишта успоставио је као посљедицу релативно уравнотежен однос етничких група те су малобројна велика градска насеља са апсолутном етничком већином. Апсолутну и релативну већину Срби су имали углавном у мањим урбаним средиштима и општинама планинског Динарског простора, високе Херцеговине, дијела Подриња и Крајине (Кључ, Шипово, Мркоњић Град, Дрвар, Гламоч, Котор Варош, Кнежево, Соколац, Калиновик, Рудо, Хан Пијесак, Требиње, Невесиње, Фоча, Челинац, Србац, .. и од већих Бања Лука). Хрвати су имали апсолутну већину на простору дијела југозападне Босне и ниској Херцеговини и средњој Босни са углавном мањим насељима (Ливно, Љубушки, Груде, Чапљина, Читлук, Посушје, Широки Бријег, Вареш, Крешево, Кисељак), а Муслимани у западној и средњој Босни и дијелу Подриња (Велика Кладуша, Бихаћ, Доњи и Горњи Вакуф, Градачац, Јајце, Јабланица, Кладан, Коњиц, Завидовићи, Бреза, Фојница, Живинице, Жепче, Зворник). Муслимани су чинили релативну већину у великим урбаним

средиштима Сарајеву, Тузли и Зеници, а заједно с Хрватима подједнак удио у Мостару, Бугојну и Травнику. Имали су већину у више општинских средишта (Добој, Дервента, Модрича, Прозор, Гацко, на простору чијих су општина већину имали Срби или Хрвати. Значајан удио Југословена био је у великим индустријским средиштима и у градовима са српском већином (Сарајево, Тузли, Зеници, Бањој Луци, Броду, Мостару, Дрвару...). Удио Југословена на попису 1991. године био је мањи у односу на 1981. годину, као посљедица јачања националних тензија (Popis stanovništva BiH 1991, 1995). Најмањи удио изјашњених Југословена имали су етнички хомогене хрватске општине и српске општине високе Херцеговине и дијела планинског простора. Национална структура, односно просторни размјештај етничких група и осјећај припадности југословенској заједници били су кључни фактор при изјашњавању о останку, односно издвајању из СФРЈ, те политичких подјела унутар БиХ и њеног унутрашњег административно-територијалног уређења послје грађанског рата.

Константан привредни развој БиХ до 90-их година XX вијека био је праћен демографским растом. Просторни размјештај становништва карактерисало је константно преразмјештање становништва из Динарског планинског простора и Херцеговине према Панонској и Перипанонској области на сјеверу и према регионалним средиштима. Рурални простор имао је демографски максимум у пописним периодима 1961. и 1971. године, послје којих се процес дерурализације интензивира. Као посљедицу има слаблање демографског потенцијала и пораст удјела патуљастих и малих насеља са свим геопросторним посљедицама које из наведеног процеса произлазе. Удио насеља с мање од 100 становника износио је 1971. године 20%, 1991. године 34,5%, а 2013. године 51%. (ibidem, Попис становништва, домаћинстава и станова у БиХ 2013).

Савремени развојни процеси (индустријализација, урбанизација, деаграризација), однос према селу у условима социјалистичке привреде и други фактори, покренули су рурални егзодус чије се посљедице манифестују у величини насеља, првенствено планинског простора. По попису становништва 1991. године, (посљедњи попис становништва у оквиру СФРЈ обављен у години почетка њене дезинтеграције), БиХ је имала 4 377 033 становника у 5 825 насеља, од којих 30 без становника. Условно сведена на исти број становника, просјечна величина насеља износила је 751 становник. По типологији насеља на основу броја становника, преко 4 800 насеља (82% насеља) било је мање од просјечне величине, а чак 1 456 насеља имало је 100 и мање од 100 становника (Popis stanovništva BiH 1991, 1995).

Резултати упоредне компаративно-статистичке анализе и разврставања насеља на основу величине, односно броја становника и етничке структуре, указују на значајне разлике у величини насеља настањених појединим етничким групама. Срби су чинили апсолутну или релативну већину у 57% насеља с мање од 100 становника, што је за преко 20% више од удјела Срба у укупној популацији. Готово 4 000 насеља имало је мање од 500 становника

(категорија малих насеља), од чега су Срби настањивали у апсолутној или релативној већини око 48%, Муслимани око 36%, а Хрвати 16% насеља. Генерално, може се закључити да су Срби углавном били концентрисани у патуљастим и малим насељима. Њихов већински удио у насељима средње величине и великим (преко 500) становника) био тек нешто изнад 30%, дакле мањи од удјела у укупном становништву. У сеоским насељима живјела је половина становништва БиХ, са значајним удјелом Срба. Хрвати су чинили апсолутну или релативну većину у насељима већим од 500 становника, а Муслимани у насељима већим од 1000 становника (50%). У насељима већим од 500 становника припадници ова два народа чинили су većину у већем проценту од удјела у укупном становништву (ibidem). Наведени резултати указују на просторну дистрибуцију етничких заједница као посљедицу историјскогеографског развоја простора БиХ и рефлектоваће се на одрживост насеобинског система у контексту политичких дешавања крајем XX вијека.

Етничка структура одразила се у резултатима референдума о издвајању БиХ из оквира југословенске заједнице 1991. године, са израженим разликама у изнесеним ставовима на нивоу појединих административно-територијалних јединица, и основни је фактор подјеле БиХ на три дијела, односно три етничке групе, на основу чије територијализације биће успостављене Република Српска и касније обједињавањем муслиманске и хрватске стране Федерација Босне и Херцеговине.

Промјене у развоју насеља БиХ као посљедица дезинтеграције СФР Југославије

Дезинтеграција СФРЈ почела је 1991. године издвајањем република Словеније и Хрватске, а затим Босне и Херцеговине, у којој је, због неусаглашених ставова три најбројнија народа о питању самосталности, 1992. године избио међуетнички сукоб, завршен тек крајем 1995. године посредством међународне заједнице. Територијална подјела и унутрашње устројство БиХ успостављено је одредбама Дејтонског мировног споразума, при чему је Федерација Босне и Херцеговине добила 51%, а Република Српска 49% територије.

Посљедице политичке дезинтеграције СФРЈ су вишеструке. По питању политичке дезинтеграције поједине федералне јединице (републике) заузеле су различите ставове. Различите политичке ставове о проблему унутрашњег уређења државе имале су и поједине етничке и вјерске заједнице заузимајући се појединачно за националне интересе. Етничка и вјерска хетерогеност БиХ усложњавала је питање издвајања БиХ из југославенске заједнице и чинила немогућим успостављање заједничког става. Супростављени национални интереси довели су у питање cjеловитост БиХ и били узрок избијању грађанског рата. Дакле, *дезинтеграција БиХ* и *избијање оружаног сукоба* били су прва посљедица дезинтеграције СФРЈугославије. Националне и

вјерске прилике утицале су на формирање више супростављених страна, а дисконтинуитет њиховог просторног размјештаја довео је до општег рата са честим помјерањем граница оружаних сукоба, те је у току четворогодишњег рата, простор који није био физички угрожен, мален. Посљедице оваквог карактера општег рата „свих против свих“, нестабилност и помјерање линија сукоба, манифесовали су се великом физичком деструкцијом насеља и људским губицаима. **Физичка деструкција великих размјера, насеља и инфраструктуре** произашла је из начина дезинтеграције СФРЈугославије односно издвајања БиХ и њене дезинтеграције. Обзиром на административно-територијалну и политичку организацију постдејтонске БиХ, праћење статистичких података за укупан геопростор је отежано, те је, како је већ наглашено, фокус рада на простору Републике Српске. Истражујући страдања Срба у протеклом рату, Пашалић наводи 620 спаљених и уништених села у којима су Срби имали апсолутну већину и 66 села са учешћем Срба мањим од 50% (Пашалић, 2002), дакле око 12% од укупног броја насеља. Регионално посматрано, највећа физичка деструкција насеља догодила се на простору западне Босне (268 села), првенствено у општинама Шипово, Гламоч и Дрвар, затим у Подрињу (68 села), простору Лашве и Бугојна (57), сјевероисточне Босне (53), Цазинске Крајине (47), Херцеговине (45), Средње Босне (39), Купрешко-Ливањског краја (28) и Посавине (14) села (ibidem). Разарањима су била изложена и урбана насеља. Оштећен је стамбени фонд, инфраструктура, дио привредних капацитета. (Сарајево, Мостар, Дервента, Мркоњић Град...). Рушење насеља и уништавање културно-историјских споменика народа друге националности и вјере у функцији су етноцида и културног геноцида чему су највише били изложени објекти сакралне архитектуре. На ширем простору БиХ **измијењен је културни идентитет простора**. Хомогенизација културног идентитета мреже насеља и насеобинских система видљива је између два ентитета као и између кантона у Ф БиХ, са израженим порастом утицаја оријента у насељима кантона с бошњачком већином. Промјена културног идентитета огледа се и у измијењеној топонимији више насеља, те се промјена назива насеља поставља као значајно политичко питање. Тиме су називи насеља постали средство доказивања историјског права и начин обиљежавања националног простора.

Демографски губитци као посљедица уништавања насеља и ратних сукоба уопште, испољили су се на више начина, **као непосредно страдање становништва, миграције и пад природног прираштаја**. Процес избјеглиштва је по свом обиму захватио трећину становништва. Просторни размјештај избјеглог и расељеног становништва одвијао се према регионалним средиштима. Бања Лука и Бијељина концентрисале су око 2/3 избјегличке популације. „Избјеглиштво је један од кључних фактора етнодемографских и социоекономских процеса и регионалног размјештаја становништва (Маринковић, 2014, стр. 45)“. Босна и Херцеговина је 1991. године имала 4 377 033 становника, а 2013. године 3 531 159 становника,

односно за 23,44% мање. (Stanovništvo BiH 1991, 1995; Попис становништва БиХ 2013, 2013). Пад броја становника непосредно се одразио на густину насељености и величину насеља и њихов укупни развој (карта 1 и 2). Миграције становништва захватиле су цијели простор БиХ у годинама рата, с доминантним учешћем иселавања припаданика мањинских етничких група с простора етничке већине. Становништво се расељава унутар БиХ или одлази изван њених граница. Ратне миграције имале су већи утицај на коначни просторни размјештај становништва од непосредних ратних губитака. Као посљедица миграција већег обима је **развој периурбаних насеља у приградским подручјима** регионалних и субрегионалних центара (Бања Лука, Бијељина, Приједор, Градишка,...). Овим процесом својеврсне ратне и постратне субурбанизације дошло је до развоја наведених урбаних агломерација. Укупан демографски развој урбаних насеља БиХ је стагнирао и у већини је забиљежен пад броја становника на попису 2013. године.

Рефлексија ратних сукоба на демографски развој траје још увијек и одражава се у мрежи и систему насеља, односно смањеним присуством становништва и константним слабљењем демографског потенцијала. Обзиром на дугорочност посљедица демографских губитака и спорост опоравка, демографски губитци представљају најтежу посљедицу дезинтеграције и рата. Непосредно у рату, процјењује се да је страдало око 110 000 становника, те с миграционим салдом укупна разлика у броју „изгубљеног“ становништва у периоду 1991-2013. године износи готово 600 000 становника (Пашалић, Мандић, 2015). Укупне друштвене прилике условљене ратом и ратним посљедицама (политичка, економска и социјална нестабилност) одразиле су се на природни прираштај чији је пад константан и дугорочно слаби виталност становништва (репродуктивну способност, старосну структуру). На простору РС природни прираштај посљедњих година има негативне вриједности, односно $-3,3\%$ 2013. године (Демографска статистика, билтен бр. 17, 2014). Размјере депопулације дошле су до изражаја на попису становништва 2013. године и одражавају се у броју празних (напуштених) и порасту удјела патуљастих насеља. На простору РС 51% од укупног броја насеља су тзв.патуљаста насеља, односно са мање од 100 становника, око 20% од њих има 10 и мање становника, а 8% су без становништва (Попис становништва БиХ 2013, 2013). Карактеришу првенствено општине Требиње, Вишеград, Калиновик (табела 1, карта 1 и 2). У Ф БиХ то је простор југозападне Босне, првенствено до 1991. г. насељен Србима (насеља општина Дрвар и Гламоч), као и неке општине с хрватским становништвом које имају наслијеђену ситну мрежу насеља из ранијег периода.

Простор РС, посматрано у цјелини, мање је насељен (53 ст/км^2) од простора Ф БиХ (око 66 ст/км^2) и с већим удјелом патуљастих насеља. Обзиром на карактеристике природне динамике становништва и правце миграција, процес депопулације у РС израженији је него у Ф БиХ, док су у Ф БиХ демографски стабилнија насеља с бошњачком етничком већином.

Табела 1 Промјене у величини насеља и становништву на простору Републике Српске у периоду 1991-2013. године

Год. пописа становништва	1991.		2013.	
Величина насеља	Удио у ук. броју насеља	Удио у станов.	Удио у ук. броју насеља	Удио у станов.
< 100 ст.	34,5	2,5	50,9	3,0
101-500 ст.	39,1	17,2	30,5	15,9
5001-1000 ст.	14,6	17,4	10,5	15,4
> 10001 ст.	11,9	62,8	8,1	65,9
Укупни број становника	1 587 364		1 326 991	

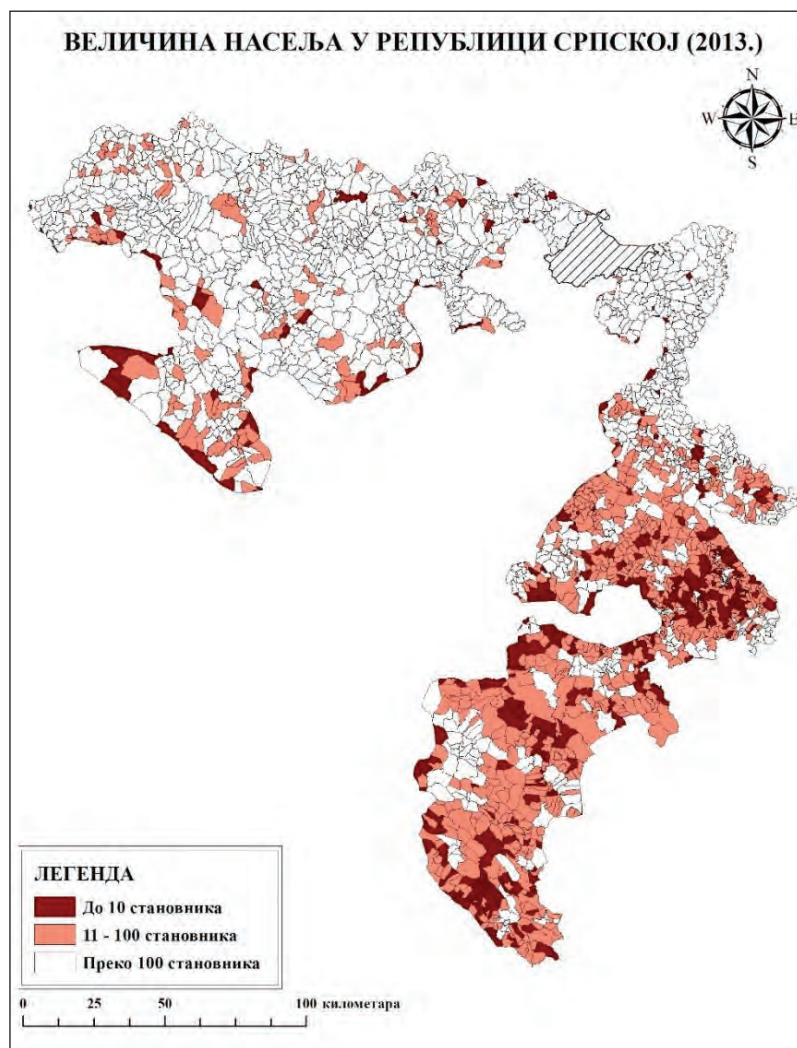
Извор: Stanovništvo BiH narodnosni sastav po naseljima, Zagreb, 1955. Попис становништва, домаћинства и станова у БиХ 2013. За територију РС, Бања Лука, 2013.

Изузимајући из анализе патуљасте општине (мање од 1000 становника), мали је удио насеља с демографским растом (Требиње Лакташи, Бијељина, периурбана насеља Бање Луке). Мрежа насеља општина Брод, Вишеград, Дервента, Калиновик, Котор Варош, Рогатица, Сребреница, Фоча у просјеку је је слабија за 40% демографског потенцијала.

Мировним споразумом у Дејтону 1995. године завршен је грађански рат у БиХ, али не и дезинтеграција југословенског простора. Наведеним споразумом дефинисано је унутрашње уређење БиХ и инсистирано на њеној цјеловитости. Као држава три конститутивна народа Срба, Бошњака и Хрвата, подијељена је на два ентитета (Република Српска и Федерација БиХ) и накнадно успостављен Брчко дистрикт. Ова подјела заснива се углавном на просторном размјештају етничких група и ратним позицијама. Федерација БиХ подијељена је у 10 кантона, седам с бошњачком и три с хватском етничком већином. Ентитетске границе не преклапају се с границама пријератних општина, а у више случајева пресјекле су насеља.

Посљедица тако успостављених ентитетских граница је нова административно-територијална организација БиХ, чије се јединице локалне самоуправе (општине) међусобно значајно разликују у површини, броју становника и укупним карактеристикама мреже насеља. Бивша Социјалистичка Република БиХ у административно-територијалном смислу била је подијељена у 113 општина, од којих 10 у граду Сарајево.

Карта 2 – Величина насеља у Републици Српској 2013. године

Дејтонском подјелом РС припале су 33 цјеловите општине, 9 општина с већином насеља и управним средиштем те мањи дио 18 општина без управног средишта. Републици Српској припао је простор на којем су 1991. године регистрована 2 713 насеља, од којих су ентитетском границом подијељена 234 насеља (Маринковић, 2014, стр. 17). Ентитетском подјелом постојећих формално су настала нова насеља. Дакле, као посљедице новоуспостављене политичке организације БиХ су *нова административно-територијална организација државе и јединица локалних самоуправа и посредно подјела насеља.*

У актуелној административно-територијалној организацији ентитета, Ф БиХ има 79 општина с разликом у броју становника; од 1000 до више од 100 000 становника (Нови Град Сарајево, Тузла, Мостар). Република Српска има 63 јединице локалне самоуправе, од којих су становништвом најмање Источни Дрвар (66), Источни Мостар (257), Купрес РС (300), Петровац (361) до највеће Бања Лука (преко 180 000) становника. Дакле, простор БиХ има више јединица локалне самоуправе у односу на период прије рата. Удио општина с мање од 10 000 становника са 10 у 1991. години, порастао је на 37 у 2013. години, од чега 25 у Републици Српској (Popis stanovništva BiH, 2013). Подјелом постојећих општина поједине локалне самоуправе остале су без урбаног средишта, односно без насеља већег функционалног капацитета, које би могло бити носилац локалног развоја те пружати услуге становништву. Недостатак садржаја друштвене инфраструктуре, нужно преорјентише становништво у правцу најближег развојног средишта и покреће дневне миграције и трајна исељења. Дакле, нова административно-територијална организација БиХ утицала је на *промјене у функционалној хијерархији насеља и просторно-функционалним везама и односима*. Недостатак функционалног капацитета у појединим управним средиштима локалних заједница, као покретача развоја, потенцира нужност административно-територијалне реорганизације. На простору РС од 63 општинска средишта, по више критерија, карактеристике урбаности и извјесни функционални капацитет неопходан локалном развоју имају 23 насеља.

Иако су сеоска насеља етнички углавном хомогена, у условима етничке хетерогености поједина насеља су подијељена и иницирају потребу корекције ентитетских граница у смислу поштовања њихове цјеловитости из практичних разлога. Преко 300 катастарских општина је подијељено, а у њима око 14 000 земљишних парцела дијели ентитетска линија. Оваква подјела копликује располагање пољопривредним посједима и кориштење услуга локалне заједнице. На простору подијељених насеља изражена су посљедице физичке деструкције, а у неким случајевима и заостала минска поља. Тиме је смањена њихова привредна функција, могућности различитих облика валоризације те нужно требају планску интервенцију. Простор малих локалних заједница и заједница уз линију разграничења углавном је ријетко насељен, с мрежом патуљастих насеља, слабије инфраструктуре и привредне активности, и по више елемената представља проблемско подручје (карта 1 и 2)

Град Мостар по ентитетској подјели припао је Ф БиХ. Неслагање Хрвата и Муслимана има за посљедицу подјелу града по етничком и вјерском принципу, углавном током ријеке Неретве. У физичким структурама и морфофизиономији јасно се издвајају хришћански и оријентални дио града. Поједини елементи урбаних структура демонтирани су и пренесени у други дио града. За потребе развоја регионалних функција за обје етничке заједнице у урбаном простору Мостара развија се двојна инфраструктура (засебне

школе, универзитет, културне и здравствене институције, спортски терени). Културни идентитет Срба је готово нестало. Подјељеност карактерише и нека мања урбана насеља (Доњи Вакуф). Специфичан примјер просторно-функционалне организације, социјалне и етничке топологије града представља Брчко дистрикт као заједница три народа. Градско насеље Брчко спада у 10 највећих урбаних агломерација БиХ. У његовој просторној структури јасно су видљива три културна идентитета, функционалном организацијом прилагођена том концепту. Федерално Сарајево и Источно Сарајево „независно функционишу као два паралелна града“ (Pecelj et al. pp.141).

Дезинтеграцијом Југославије урбана насеља у близини границе (Требиње), а посебно тзв. двојна насеља (Градишка, Брод, Зворник,...), суженог гравитационог подручја, „нашла су се у новом економском окружењу, углавном функционално ослабљена. (Благојевић, 2016). Ова насеља имају велики значај у просецу интегрисања у регионалне развојне токове те требају нове модалите развоја у условима пограничне сарадње и политичке стабилности региона (карта 1).

Промјене у структури привреде последица су дезинтеграције некад јединственог југословенског тржишта, ратних разарања и транзиције друштвеног система, односно начина провођења приватизације. Привреда БиХ заснивала се на индустрији и рударству које су 1990. године учествовали са 53% запослених у привредном сектору. Од преко милион запослених, само је 15% било запослених у ванпривредном сектору. (Statistički pregled, 1991). Стагнирање и константно опадање удјела запослених у привреди (тзв. градотворне, базне дјелатности), ослабило је могућности улагања у инфраструктуру те је она углавном наслијеђена из пријератног периода. Град Сарајево запошљавао је 1990. године, преко 60 000 радника у индустрији и рударству, што је приближно броју запослених у индустрији Републике Српске данас, који износи 20% укупно запослених. Град Бања Лука је 1990. године у индустрији запошљавао 44% укупно запослених, а данас само 14% (ibidem; Попис становништва БиХ 2013, 2013). У ратом и транзицијом друштвеног система измијењеној структури запослених доминира услужни сектор (у којем трговина с 16,5%), а удио непривредног (квартарног) сектора је око 23%, од чега запослених у јавној администрацији и управи је око 13%. (ibidem). Промјена у структури градске привреде, односно деиндустријализација, довела је до функционалног и физичког пропадања индустријских зона и комплекса. Процес деиндустријализације и начин њеног провођења има шири политички и економски контекст и карактерише земље бившег социјализма. Њено слабљење, као носиоца укупног привредног развоја, зауставило је инфраструктурна улагања, довело до опадања броја радних мјеста, повећења незапослености и пада животног стандарда те утицало на вањске миграције становништва, слабећи укупни демографски развој. Индустријске зоне и комплекси постају браунфилди урбаних

простора, те постепено добијају услужну функцију, трансформишући просторно-функционалну структуру градова.

Посљедице измијењене привредне структуре и слабљење базних функција градова попут домино ефекта одражавају се на урбану морфофизиономију, социоекономску структуру становништва и карактер и динамику миграција. Унутрашње миграције радне снаге из проблемских подручја (рурална насеља и мања урбана насеља) одвијају се према већим регионалним средиштима, као првој етапи кретања. Недостатак радних мјеста покреће становништво преко граница БиХ те слаби демографски потенцијал. Депопулација руралног простора одражава се у спонтаном гашењу насеља. Изражена поларизација просторног размјештаја становништва уз главне саобраћајне правце и у регионална средишта, диференцира простор БиХ и предиспонира развојне могућности, односно одрживост насеобинског система (карта 1 и 2). „Карактеристике савременог демографског развоја, пројектоване у мрежи и систему насеља, указују на изражену просторну диференцијацију развојних процеса и ширење развојне периферије“ (Mandić, Marinković, Majić, 2015. pp.297).

Простор БиХ нема велике урбане агломерације. Агломерација Града Сарајева има око 400.000 становника, а друга по величини Бање Луке око 170 000 становника. Слиједе их градови Тузла, Мостар и Зеница с агомерацијама око 100 000 становника. Њихов ред величине није се мијењао деценијама, али су, изузев Бање Луке, као посљедица рата, све демографски стагнирале. Република Српска има само 14 насеља с више од 10 000 становника, дакле насеобински систем нема демографски капацитет.

Политичка подијељеност унутар БиХ негативно се манифестује на функционално повезивање мреже насеља између ентитета у јединствен насеобински систем. Насеља БиХ функционишу као два релативно слабо повезана насеобинска система: насеобински систем, РС и насеобински систем Ф БиХ. Брчко дистрикт представља засебну просторно-функционалну цјелину. Етничка подијељеност утиче на привредну и културну интеракцију насеља с окружењем истог етничког поријекла (Републике Српске са Србијом, хрватских кантона с Хрватском, бошњачких кантона с Турском и арапским земљама) него унутар територије БиХ међу ентитетима. Мјере планске интервенције, рационалније организације и валоризације геопростора и насеља у правцу функционалног повезивања и јачања намећу се као нужност. „Стратешко приступање планирању демографског развоја и успостављање принципа одрживости просторних система,“ од којих су насеља тачке концентрације активности и полуге развоја, „представља витални национални интерес“ (Мандић, 2015. стр. 69). Значајну функцију у привредном и културном повезивању с окружењем и укључивању у регионалне процесе имају погранична, двојна насеља.

Conclusion

Disintegration of SFR Yugoslavia took place under the complex conditions of social transition of socialist countries and changes in the political map of Europe. Internal antagonism started the secession of the country's federal units including Bosnia and Herzegovina. The ethnical and religious heterogeneity of the population and the opposed positions of ethnic groups regarding B&H secession played a key role in political divisions and beginning of the civil war. The spatial distribution of ethnic groups caused the vast spread of the clashes and defined the proportion of war destruction.

We may discuss consequences of SFR Yugoslavia disintegration on the settlement development in B&H from different aspects: geopolitical, demographic, cultural, social-economic, spatial-functional, etc. In addition, the consequences timeline may be separated into the war period in B&H and post-war period. It was the start of the civil war that marked the beginning of SFRY disintegration, the vast physical destruction of settlements, the spatial re-distribution of population followed by human losses, the ethnic homogenization of space, and changes in cultural identity. The Dayton Peace Agreement defined the political arrangement of B&H and the borderline of its entities. The post-war settlement development has been taking place under the conditions of a new spatial-functional organization with a whole range of problems emerging from the internal administrative-territorial organization, the division of former unified settlements, the stagnation of commercial growth, and constant depopulation. All these problems result from the nature of the war, the new system of arrangement, and the processes initiated by the war itself. The weakening of demographic potential manifests through the settlement network along the entity borderline and negatively affects the total sustainability of the space. The ratio of undersized settlements keeps growing and their spatial continuity makes the space an expanding problem area.

Geospatial facts (spatial distribution and age of the population, infrastructure condition, commercial inactivity, ecological risks) indicate the unfeasible sustainability of the existing settlement network and compulsory planning interventions. A sparsely populated space is commercially, ecologically, and geopolitically unsustainable if there are no measures for its spatial-functional re-organization and integration into the settlement and commercial systems of more prosperous areas in the Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina, and the region.

Литература и извори

1. Андрић, И. (2017). *Развој духовног живота у Босни*, Политика, Београд.
2. Благојевић, Б. (2016). *Двојни градови Босне и Херцеговине након дезинтеграције Југославије – развојни проблеми Брода*, Зборник радова Географски факултет, Универзитет у Београду, Београд.
3. *Демографска статистика, билтен бр.17*, (2014), Република Српска, Завод за статистику, Бања Лука.
4. Živković, M., Mandić, M., Papić, D., Stanojević, M. (2016). Cross boundary cooperation in service of development of Bosnia and Herzegovina- sample of priority backward areas along the borderline. E-ISSN: 2224-3496, Volume 12).
5. Краљачић, Т. (2001). *Калајев режим у Босни и Херцеговини (1882-1903)*. Академија наука и умјетности Републике Српске, монографије књ. I, Одјељење друштвених наука, књ. IV, Бања Лука – Српско Сарајево.
6. Mandić, M., Marinković, D., Majić, A., (2015). *Spatial Differentiation of Republic of Srpska as a Consequence of Demographic Development and Changes in the Settlement System*. Asocijacija ruskih društvenih geografa (ARGO, Međunarodna naučna konferencija, Simferopolj.
7. Мандић, М. (2015). *Геопросторне последице демографског развоја Републике Српске у контексту промјена у насеобинском систему*, Научни скупови, књ. XXXIV, Академија наука и умјетности Републике Српске, Одјељење медицинских наука књ. 10, Демографска политика у Републици Српској Стварност и потребе, Бања Лука.
8. Маринковић, Д. (2014). *Демографске детерминанте популационе политике Републике Српске*, Природно-математички факултет, Универзитет у Бањој Луци, Бања Лука.
9. Пашалић, С. (2002). *Антропогеографска стварност Срба у Босни и Херцеговини 1992- 2000*. Бања Лука.
10. Пашалић, С., Мандић, Р. (2015). *Последице будућих демографских промјена у Републици Српској*, Демографска политика у Републици Српској – Стварност и потребе - Научни скупови, књ. XXXIV, Академија наука и умјетности Републике Српске, Одјељење медицинских наука. Књ.10, Бања Лука.
11. Pecelj, M., Milinčić, M., Pecelj-Purković J., Pecelj, M. (2012). *Paralelni gradovi – Iskustva Sarajeva kao podjeljenog grada*, Lokalna uprava u uređenju prostora i naselja, Gradovi u XXI veku, Asocijacija prostornih planera Srbije, Univerzitet u Beogradu Geografski fakultet, Republička agencija za prostorno planiranje, Beograd.
12. Popis stanovništva Bosne i Hercegovine 2013. Agencija za statistiku BiH.
13. *Попис становништва, домаћинстава и станова у Босни и Херцеговини 2013. на територији Републике Српске - прелиминарни резултати* (2013), Република Српска, Републички завод за статистику, Бања Лука.

14. *Попис становништва, домаћинстава и станова у Босни и Херцеговини 2013. Економске карактеристике* (2017). Република Српска. Републички завод за статистику, Бања Лука.
15. *Stanovništvo Bosne i Hercegovine – narodnosni sastav po naseljima* (1995), Republika Hrvatska, državni zavod za statistiku, Zagreb.
16. *Statistički pregled* (1991). *Radnici i čist lični dohodak po opštinama u SR BiH, septembar 1990*. SR Bosna i Hercegovina, Republički zavod za statistiku.
17. Ђоровић, В. (1925). *Историја Босне*, Српска књижевна задруга, Графички завод „Макарије“, Београд.
18. Цвијић, Ј. (1987). *Балканско полуострво и јужнословенске земље*. Сабрана дела, књиге (I-IV), Београд.

НОВИ ТРЕНДОВИ У ТУРИЗМУ ИСТОЧНЕ ХЕРЦЕГОВИНЕ У НОВИМ УСЛОВИМА РАЗВОЈА

М. Lojović, O. Gnjato

NEW TRENDS IN TOURISM OF EASTERN HERZEGOVINA UNDER THE NEW DEVELOPMENT CONDITIONS

Апстракт: У савремени условима, релевантним за развој туризма, источна Херцеговина представља природну и функционалну везу Хрватске, Црне Горе и укупног простора БиХ. Кључни фактори развоја туризма ове регије чврсто су везане за геополитичке прилике у БиХ и укупном простору Западног Балкана. У вези са овим су нови трендови у туризму ове регије и преферирају индивидуални доживљај, аутентичност и скуство.

Кључне ријечи: источна Херцеговина, геополитички положај, фактори развоја.

Summary: In contemporary conditions, relevant for the development of tourism, east Herzegovina presents a natural and functional bond between Croatia, Montenegro and the overall area of Bosnia and Herzegovina. Key factors for the development of tourism in this region are tightly connected with geopolitical circumstances in Bosnia and Herzegovina and the total area of West Balkan. Related to this are new tourism trends of this region, which prefer individual experience, authenticity and the background.

Key words: eastern Herzegovina, geopolitical position, development factors

Уводни приступ

Источна Херцеговина је географски појам за југоисточни дио Републике Српске, са административно-територијалним јединицама: Требиње, Билећа, Љубиње, Берковићи, Гацко, Невесиње и Источни Мостар. Ова условно диференцирана регија има површину од 3.827 км², што чини 15,5% територије Републике Српске; има 365 насељених мјеста са укупно 73.000 становника или 19 становника на 1 км². Условне границе регије одређене су функционалним утицајем главног урбаног и развојног центра регије- Града Требиња.

Посебну улогу у смислу фактора развоја туризма има савремени геополитички положај ове регије у односу на окружење, те економска развијеност и социјални статус становништва граничних регија. Геополитички процеси из деведесетих година прошлог вијека, све до уназад десетак година, резултирали су прекидом низа економских, културних и

осталих традиционалних веза источне Херцеговине са сусједним Дубровником, туристичком дестинацијом од посебног интереса нарочито за Требиње. Међутим, у условима савремене геополитичких реалности поново оживљавају, прије свега, економске везе, у оквиру којих сем енергетике туризам има препознатљиву и све већу улогу, а затим пољопривреда, образовање, култура. Унапређењу туризма и туристичког промета у регији, нарочито у Требињу, гдје до изражаја долазе једнодневни туристички аранжмани, све више доприноси сарадња са херцег-новским приморјем, посебно у сфери туризма али и осталим друштвеним дјелатностима.

Географски положај у функцији развоја туризма источне Херцеговине

Источну Херцеговину одликује сложен али у исто вријеме и веома специфичан географски положај, у оквиру којег на регионални, па тиме и на туристички развој у савременим условима посебан утицај имају сљедеће саставне компоненте: „природногеографска, политичко-географска, саобраћајно-географска културно-географска те туристичко-географска“ [1].

Природногеографски положај ове регионалне цјелине је изузетно повољан и претпоставља различитије облике туризма у три релативно добро диференциране рељефне, климатске, биоегеографске и еоклиматске субрегије: а) ниску Херцеговину или област Хумина-простор Требиња и Попова поља, б) Рудине-општине Билећа, Љубиње, Берковићи и в) планински дио-општине Гацко, Невесиње и Источни Мостар [2].

Политичко-географски положај источне Херцеговине је промјенљива категорија, зависна од општих и посебних геополитичких прилика на свим нивоима организације глобалног географског простора, нарочито у оквиру Западног Балкана. У савременим геополитичким приликама регија источне Херцеговине представља мост сарадње са државама у окрежењу, посебно у сфери туризма. Нормализација геополитичких прилика у прсотору бивше СФР Југославије, практично наком 2000-те године, оживљава туристичка кретања из различитих емитивних центара Планинско-котлоинског и Панонског пртостора бивше те бивше државе ка дубровачком и херцегновском примпрју, при чему је источна Херцеговина све наглашеније транзитно подручје и простор транзитног туризма.

Успостава нових политичких и уопште функционалних веза у региону земаља југоисточне Европе, посебно између Босне и Херцеговине и Хрватске, претпоставља пуну афирмацију туристичких и укупних геопросторних вриједности источне Херцеговине, и стварање сасвим новог модела регионалног развоја те међурегионалне и међудржавне сарадње.

Саобраћајно-географски положај источне Херцеговине, слично шолитичко-географском, има промјенљиву улогу у њеном туристичком и укупном регионалном развоју. У стабилним политичким приликама до пуног

изражаја долази транзитна функција регије, што посебно афирмише транзитни туризам а и све гране руралне економије на којим почива ова грана привреде. У нестабилним геополитичким приликама, као што то су то биле деведесете године двадесетог вијека, транзитна улога источне Херцеговине практично замире, а са њом и транзитни туризам, манифестујући негативне посљедице у руралном развоју укључујући и туристичку функцију главног регионалног центра – Града Требиња.

У стабилним геополитички приликама саобраћајногеографски положај источне Херцеговине, од посебног значаја за развој транзитног туризма, дефинисан је магистралним правцем који повезује Јадранско приморје и континенталну унутрашњост РС и ФБиХ са Србијом и панонском Хрватском, с једне, и лонгитудиналним који повезује укупан простор РС и ФБиХ са Црном Гором, с друге стране.

Културно-географске детерминанте географског положаја у развоју туризма источне Херцеговине, у посљедњих хиљаду и више година, допринијеле су да се у овој регији, у оквиру различитих политичких, културних, социјалних и привредних система, имајући при том у виду улогу природне средине, образује специфичан културни ареал, у којем се данас одвајају различити развојни процеси, с рефлексом на развој туризма, а посебно неке његове видове.

У културном простору источне Херцеговине доминирају духовни и материјални елементи српскоког православног становништва, препознатљиво мјесто, нарочито у материјалној култури имају оријентални, док спорадично припада елементима западне католичке провинијенције [4].

У савременим геополитичким приликама, дефинисаним исходом грађанског и етничко-вјерског рата у БиХ (1992-1995), односно потписивањем Споразума о миру у Босни и Херцеговини (у Дејтону, 1995) источна Херцеговина је остала у саставу Републике Српске основане 1992, године. Међутим, знатан дио територија ове регионалне цјелине (дијелови општина Коњиц, Мостар, Столац, Чапљина, као и западни обод Поповог поља) у којем је вијековима живио српски народ, припао је Херцеговачко-неретванском кантону односно Федерацији Босне и Херцеговине, што је у многоме оштетило Републику Српску и њену организовану и цјеловиту туристичку понуду, нарочито у сфери културног туризма.

За развој туристичке привреде источне Херцеговине, у сфери културног туризма, прворазредно мјесто припада туристичком производу српске духовне и материјалне културе, слиједи елементи понуде оријенталног, док елементи западне односно католичке провинијенције имају спорадичан удио.

Нови трендови у туризму источне Херцеговине

Савемени трендови раста и развоја туризма, посебно међународног, указују да је туризам брзорастућа „индустрија“ која значајно утиче на

национални и глобални развој. Након педесетих година XX вијека туризам добија обиљежја масовне појаве, односно масовних сезонских и привремених демографских миграција на међународном и националном нивоу, и представља један од најважнијих агрегата хетерогених дјелатности савременог свијета. Заузима треће мјесто у међународној размјени материјалних добара и услуга, па тако добија све значајније мјесто у свјетској економији. Према подацима WTO 2010.године, у међународном туристичком промету учествовало је 935 милиона учесника, а релевантне процјене WTO-е указују да ће у периоду до 2020. године у међународном туристичком промету учествовати 1,54 милијарде особа [5].

Битна одлика туризма у другој половини XX и почетком XXI вијека је његова масовност у којој учествује преко милијарду организованих и индивидуалних учесника. У овом периоду на свјетском туристичком тржишту догодиле су се квалитативне промјене у туристичкој тражњи и туристичкој потрошњи, као и трансформација туризма из „*тврдог*“ у „*меки*“ облик (облик индивидуалног туризма) [6].

С обзиром на чињенице које указују да туризам у свијету, и код нас, у последњих тридесетак година све више добија економски и друштвени значај то се намеће све већа потреба потпуне валоризације туристичких ресурса, с освртом на могућност нових видова. Овај приступ постао је саставни дио туристичке понуде и политике туризма источне Херцеговине.

Једно од основних обиљежја туризма XX вијека била је масовност и стандардизација са *упакованом* понудом, у хотелима и хотелским ланцима сличних садржаја. Међутим, процјене туристичке тражње на међународном туристичком тржишту показују постепено напуштање *масовног* и *упакованог* (*тврдог*) туризма и оријентисаност на *индивидуални* туризам вишег квалитета - *меки* туризам. Као нова оријентација односно нови тренд овај вид туризма се позиционира и на туристичком тржишту источне Херцеговине. Уколико говоримо о одрживом туризму, кључни предуслови су квалитет и конкурентност туристичког производа, очувана и здрава животна средина, безбједност и правна заштићеност потрошача [1].

Туристички ресурси источне Херцеговине, као предуслов нових трендова развоја туризма, су бројни и разноврсни: очувана животна средина, природна и еколошка разноврсност, археолошке, грађевинске, архитектонске, урбане и руралне посебности, етнокултурни мозаик,... Ове вриједности у потпуности одговарају савременим захтјевима туристичке тражње и омогућују различите (нове) видове туризма: туризам у сеоским просторима, екстремни туризам, алтернативни туризам, туризам специјалних интересовања, рекреативни туризам, екстремни туризам, спелеолошки туризам, пјешачење и планинарење, едукативни туризам у природи и сл.

Сеоски туризам прати све већа туристичка тражња у свијету, због чега многе, прије свега, развијене земље овом виду туризма поклањају све већу пажњу. У оквиру источне Херцеговине овај вид туризма је у почетној фази развоја, и захтијева низ подстицајних мјера које ће омогућити функционално,

естетско, правно и све видове уређења сеоских простора, нарочито сеоских насеља и сеоске инфраструктуре. Сеоска насеља источне Херцеговине су веома специфичне физиономије, у којим живи преко 20% укупног становништва регије [7].

Планински туризам, је савремени облик туризма и дио туристичког производа источне Херцеговине. Планине, Зеленгора, Чемерно, Волујак и Лебршник су дестинације лјетњег туризма специфичних видова (еко, излетничког, рекреативног, едукативног, авантуристичког, ловног, риболовног, специјалних интересовања..). Овим видовима туризма у пуној мјери доприноси природни диверзитет (високопланински простори, високопланинска вегетација, заштићене и ендемске врсте, глацијална језера, планински водостоци, природни резервати.., те специфични антропогени садржаји (историјски, културни, сеоски, катунски и сл). Геоморфологија овог подручја на граници високогорске заравни, са надморским висинама преко 1.000 м, и планине Зеленгоре надморске висине око 2000 м, чини идеалан простор за развој планинског туризма. То подразумева не само планинарство у касичном смислу него и низ других активности које се могу упражњавати на планини и које се данас везују планински туризам. Ту се прије свега мисли на пјешачење и шетњу, планинарско пјешачење и пењање, планински wellness, обилазак трансверзала, гљиварење и сл.

У концепцији развоја планинског туризма источне Херцеговине одговарајуће мјесто има сеоски туризам, у којем основни фактор чини сосоко домаћинство. Ово се прије свега односи на привремена тзв. *катунска* насеља у којим током лјетњих мјесеци бораве сточари из субмедитеранског дијела источне Херцеговине. Овај вид туристичке понуде има традицију с теденцијом раста [8].

Рекреативни туризам источне Херцеговине претпоставља валоризацију различитих, прије свега, природних туристичких вриједности планинског дијела регије (заштићена подручја, планинса језера, ријеке, пејсажне вриједности...). Овај облик туризма подразумева додатну и одговарајућу валоризацију природних туристичких потенцијала ниског дијела регије холокарстних и субмедитеранских еоклиматских и биогеографских одлика, укључујући и валоризацију и додатно унапређење расположиве инфра и супраструктуре, што у први план ставља Требиње као најразвијенији центар регије.

Комплементаран рекреативном туризму је **здравствено-рекреативни туризам**. У регији источне Херцеговине овај вид туризма биљежи почетне кораке у планинском дијелу регије. Међутим, још увијек недостаје организована и потпуна понуда.

Специфични видови туристичке понуде, мисли се на планове и перспективе развоја, тичу се акумулације Билећко језеро. Перспективно, ријеч је о језеру спорта на мирним водама, што захтијева изградњу пристаништа, молова и пултова за изнајмљивање опреме, паркова, бутика и осталих објеката потребних туристичкој понуди и тражњи. Билећко језеро

(„*Језеро спорта*“) је подлога развоју мулти спортског туризма: зрачно-водене активности, роњење, скијање на води, јет-ski, кајак и риболов.

Туристичка понуда источне Херцеговине која се базира на естетским, геоморфолошким и биолошким разноликостима у потпуности се уклапа у концепт нових облика туризма, будући да искључују критериј физичког прихватног капацитета простора, а самим тим и минималних инвестиционих захвата. Из тога слиједи да и врло ограничена инвестициона улагања омогућавају одржив развој туризма.

Екстремни туризам у простору источне Херцеговине је у фази настајања. Простор регије је веома погодан за развој *нових* видова а који се најчешће називају *алтернативним*. Планински бициклизам, мотокрос, „*off road*“ аутомобилизам и сл., имају веома повољне услове и захтијевају незнатна инвестициона улагања у инфраструктуру. Такође, морфологија простора ствара предуслове афирмацији и развоју алпинизма и спелеотуризма, што употпуњује палету нових облика у туристичком производу регије. **Спелеолошки туризам** источне Херцеговине базира се на многобројним спелеолошким објектима, још увијек недовољно валоризованим. Велики број пећина и осталих спелеолошких објеката нуде вишеслојан туристички производ са кумулативним атракцијама (природни феномени подземља, естетски доживљај, авантура, рекреација). Овај вид туризма је занимљив судионицима различитих друштвених слојева и интереса. Он је по томе и „масовни“ (школска популација) и „нови“ туризам, па је као такав, врло „животан“ туристички ресурс.

Стварни интерес за спелеотуризам у свијету, и овој регији је сваким даном све већи. Према подацима International Show Cave Association у свијету постоји око 800 туристичких пећина. Процјењује се да пећине годишње посјети преко 150 милиона посјетилаца, а да је приход око 2.3 билиона USA \$. Неке од њих имају задивљујући број посјетилаца (Carisbad Caverns, Mamouth Cave i Wind Cave – USA), док неке посјети једва неколико хиљада (пећина Angelika у Бразилу или San Michele на Сардинији) са око 3.000 посјетилаца. Међутим, одрживост и економска исплативост неке туристичке пећине не зависе само од броја посјетилаца, већ и од низа других фактора. Већ и сам вриједносни однос: улазница-остала потршња, који се креће 1:2 показује гдје су већи извори добити. Осим класичног спелеотуризма, који је намијењен широком кругу посјетилаца, простор источне Херцеговине нуди и нове могућности авантуристичког спелеотуризма, намијењеног мањим групама специјалних захтјева.

Пјешачење и планинарење је „зелени“ тренд у туризму источне Херцеговин. Овај нови облик туризма испољава се кроз активни одмор, с фокусом на пјешачење, ходање или пењање. У овој регији постоји више клубова, удружења, индивидуалних група и појединаца који су прхватили овај облик туризма. У

Едукативни туризам у природи, као нови облик туризма, у простору

источне Херцеговине је у почетној фази развоја. Ова регија „*парк природе*“ нуди садржајне и инспиративне едукативне стазе, било да се ради о садржајима флоре, фауне или геоморфолошким мотивима. Уствари, сва три дијела регије, а нарочито високо-планински, захваљујући компонентним и комплексним туристичким мотивима, заслужују посебну пажњу истраживача и корисника простора, што претпоставља, између осталог, одговоран и организован едукативан туризам, у којем највеће и препознатљиво учешће имају корисници млађе животне доби: ђаци и студенти.

Посматрање природе („*дивље љепоте*“), је ниви тренд у туризму најразвијенијих земаља свијета. У Републици Српској, и у оквиру ње у источној Херцеговини, овај вид туризма је у повоју. Могло би се рећи да нешто већу шансу, у ово вријеме, има на тзв. ИВА подручјима (Important bird area), што се односи на *Билећко језеро* (*посматрања природе* – „*дивље љепоте*“, *слушање тишине*, *посматрање птица*-Birdwatching или *birding*).

Резултати истраживања говоре да *посматрање природе* привлачи све већи број корисника. То упућује на закључак да овај вид туризма може бити саставни дио туристичког производа источне Херцеговине, у којем по правилу учествују туристи посебних интересовања и веће платежне моћи. Најчешће, ради се о посматрачима птица. Тако нпр. у North Queensland-у, у Аустралији, око 20 % туриста је учествовало су посматрању птица (око 400.000 туриста). Други примјер је из мање развијеног свијета-Грузије. Тамошње локално орнитолошко друштво има промет од око 500.000 \$ од посматрача птица, углавном енглеских туриста (податак саопштен на BirdLife meetingu у Љубљани 2006. године).

Гастрономско-излетнички туризам је нови али и традиционални вид туризма источне Херцеговине. Заснива се на аутентичној исхрани, здравим домаћим производима и прерађевинама од меса, млијека, традиционалним и препознатљивим пићима, нарочито вину, надалеко чувеном и љековитом херцеговачком меду и сл. Овај вид туризма посебно је интензиван на подручју Требиња. Нормализација геополитичких прилика у региону, посебно са сусједним Дубровником те организовани једнодневни туристички излети станих туриста из Дубровника и Херцег Новог и посјета туристичким дестинацијама Требиња и околине предиспонирају овај вид туризма, и у том смислу афирмишу источну Херцеговину као туристичку регију посебних културолошких вриједности. Туристички промет источне Херцеговине, захваљујући излетничком туризму, има нагли тренд раста од 2013. године, када је Хрватска постала чланица Европске уније, чему у пуној мјери доприноси диспаритет цијена угоститељских услуга на дубровачком у односу на требињско тржиште.

Conclusion

Contemporary demand on global tourism market and new geopolitical reality in the area of West Balkan affirmed new types of tourism, which each day involves more clients with specific requirements. In this regard, eastern Herzegovina positions itself on the tourism market of Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina, as well as on the overall market of former SFR Yugoslavia, as a tourist destination of exceptional tourist value and specific interests. Its geo-diversity, natural and anthropogenic, fully contributes to affirmation of new trends in the tourism industry. In this way, in the tourist traffic within this region, due to new geopolitical circumstances and the new forms of demand, an increasing presence of foreign tourists in one-day arrangements is noticeable, which cannot in any way satisfy interests of tourism industry. This industry involves each day more and more subjects of different interests in the field of agriculture, trade, education, culture, hotel industry, catering, protection and spatial planning etc. Therefore, more organized tourist offer, more complete tourist product and additional efforts within the area of marketing and tourist destination management should contribute to the improvement of stationary tourism, and in that way to the volume and effects of tourist traffic. This would improve tourist industry as well as integrated regional development of eastern Herzegovina.

Литература:

1. Гњато Р., и др., „Стратегија развоја туризма РС 2010-2020“, Универзитет Бања Лука, 2011., стр.11.
2. Гњато Р., „Источна Херцеговина-регионално-географски проблеми развоја“, ГД БиХ, Књига 8. Сарајево, 1991.,стр. 51.
3. Крешевљаковић Х.,и др.,“Стари херцеговачки градови“, Наше Старине II, Сарајево, 1954., стр.,15.
4. Дедијер Ј., „Херцеговина-антропогеографске студије“, Српски етнографски зборник, Књига 6, Београд, 1909. стр., 50-72.
5. Попеску Ј.“Менаџмент туристичких дестинација“, Универзитет Сингидунум, Београд, 2011. стр., 3.
6. Хацић О.,“Културни туризам“, Универзитет у Новом Саду, 2005. стр.1.
7. Гњато О.“Геодиверзитет у функцији одрживог развоја источне Херцеговине“,Београд,
8. 2008. стр.79-90.
9. Лојовић М. и др.“Природногеографске вриједности Зеленгоре као потенцијал развоја еко и авантуристичког туризма,“ Глобус, Београд,2009. стр.183-187.

ГЕОПОЛИТИЧКИ ЗНАЧАЈ СКАДАРСКОГ ЈЕЗЕРА ЗА ЦРНУ ГОРУ

Апстракт: Узима се да је Скадарско језеро један од најважнијих ресурса Црне Горе у економском, еколошком и туристичком смислу. Поврх тога, гледано с геополитичког и геокултурног аспекта, Скадарско језеро са својим приобаљем представља историјско, културно и духовно чвориште Црне Горе. У раду се анализира геополитичка позиција Скадарског језера кроз фазе геоиисторијског развоја Црне Горе, као и компоненте његовог савременог геополитичког положаја и значаја које су, уједно, чиниоци будућег развоја овог региона.

Кључне ријечи: *Скадарско језеро, геополитички значај, геокултурни простор, прекогранична сарадња*

Abstract: It is assumed that Skadar Lake is one of the most important resources of Montenegro in economic, ecological and tourism sense. In addition, viewed from the geopolitical and geo-cultural aspect, Skadar Lake with its coastal area represents historical, cultural and spiritual hub of Montenegro. The paper analyzes the geopolitical position of Skadar Lake through the stages of geo-historical development of Montenegro, as well as components of its modern geopolitical position and importance which are at the same time, factors of future development of the region.

Key words: *Skadar Lake, geopolitical importance, geocultural space, cross-border cooperation*

Геопросторне одреднице Скадарског језера

Развоју савремене политичке географије и геополитике својствена је интердисциплинарност, као и синтеза великог броја разноврсних знања. Поред тога, на значају све више добијају, осим класичних политичко-географских истраживања (нпр. формирање политичко-географске карте свијета, проблем државних граница, политичко-економске интеграције), нове истраживачке парадигме и теме: глобална економија, природни ресурси, екополитика и др. Специјалисти у области политичке географије издвајају три нивоа политичко-географских истраживања: глобални и регионални, онај на нивоу засебних држава, и истраживање ареала, рејона, градова са низом специфичних особености (Грчић, 2000; Путырский, 2014). Један такав специфичан простор који би се по значају за истраживања ове врсте могао сврстати у трећи ниво или групу, је Скадарско језеро и његов ободни појас.

У зависности од социополитичких и етнолингвистичких промјена на простору Црне Горе и сјеверне Албаније Скадарско језеро добијало је

различите називе: Labeatis palus из периода антике, Блато скадарско и Језеро скадарско (XV вијек), Диоклитијско језеро (XVI вијек), Бојанско језеро (XVII вијек), Зетско језеро (XVIII вијек) и, коначно, Скадарско језеро (Radunović, 1981). Скадарско језеро је највеће природно језеро на Балканском полуострву, са површином која варира од 354 km² при водостају од 4,71 m^{nnv}, до 505,8 km² при водостају од 10 m^{nnv} (Burić, Radulović, 1983). Око 2/3 површине Језера припада Црној Гори, а 1/3 сусједној Албанији. У зависности од водостаја односно површине донекле се мијењају и географске координате Језера. Налази се између 42°03' и 42°21' с.г.ш. и 19°01' и 19°30' и.г.д. При водостају од 4,71 m^{nnv} запремина Језера је 1,76 km³, а преко 4 km³ при водостају од 10 m^{nnv}. Површина слива Скадарског језера је око 5.490 km², од чега је на територији Црне Горе 4.460 km² (81,2%), а на територији Албаније 1.030 km² (18,8%). Дубина Језера при максималним водостајима је преко 15 m, а при минималним око 10 m. Дубина дна у појединим дјеловима- окама износи 60 m (Радушко око) (Radulović, 1997). Највећа дужина Језера је 44 km (између мјеста истицања Бојане и ушћа Ријеке Црнојевића у Језеро), а највећа ширина (између залива Подхум и острва Старчево) достиже 14 km. Просјечна ширина му је 8,68 km. Дужина обала Језера са острвима (дио који припада Црној Гори) је око 150 km. Преко Језера успостављен је дио границе између Црне Горе и Албаније у дужини од око 36 km (Burić, 2003), што чини 21,3% укупне дужине границе између ових двају држава.¹ Са сјевероистока Језеро ограничавају обронци Проклетија, са југоистока и југа Тарабош (595 m) и Румија (1594 m), са југозапада Суторман (1188 m) и Созина (992 m), а са сјеверозапада висови и површи Ловћена (1749 m). На појединим дјеловима Језеро продире дубље у копно формирајући притом блатишта каква су: Хотско (Хумско) блато, Горње блато, Фучко блато, Мало блато, а за Скадарско језеро присутан је назив Веље блато (Радусиновић, 1964). Средње мјесечне температуре површинског слоја језерске воде су у јануару око 6,4°C, у јулу до 24,4°C, у децембру 8,4°C, док током топлих јулских и августовских дана температура воде достиже до 28°C (Stanković, Kasalica, 1997). Воде Скадарског језера сврстане су у А2,С, II класу, па се може рећи да је укупан квалитет воде задовољавајући. Највећа провидност воде евидентирана је на средини Језера од 5,5 m, а на локалитету Цкла 4,3 m. Најмања провидност од 1,1 m регистрована је код Врањине, а приближно толико и на потезу Вирпазар-Плавница (Ђорђевић и др., 2010). Са црногорске стране веће притоке Језера су Морача (учествује са око 62% у његовом водном билансу), Каратуна, Базагурска ријека, Ријека Црнојевића и Ораховштина са Црмничком ријеком; на албанском дијелу у Језеро се уливају Прони и Тата, Риола, Врака, Бунуши и Кири. Бојана је отока Језера. Године 1858. дошло је до великих хидрографских промјена у сливу Скадарског језера, Дрима и Бојане послје продирања већег дијела тока Дрима преко раније прокопаних

¹ По М.Бурићу (2003, стр.104) граница између Црне Горе и Албаније дуга је 169 km, док је у Статистичком годишњаку Црне Горе нешто дужа и износи 172 km (*Статистички годишњак*, Завод за статистику Црне Горе, Подгорица, 2008, стр.18).

канала за наводњавање и за рад воденица око Скадра, према ријеци Кири и према Бојани низводно од Скадра. Ријека Дрим која се улива у Бојану низводно од њеног истека из Језера двојако утиче на водни режим Скадарског језера: при високим водама хидраулички успорава истицање из Језера, и у изузетним случајевима високих поводања вода из Дрима дјелимично тече и према Језеру. Регулисање Дрима довело би до снижења максималних нивоа Језера за око 1 m што би било повољно са аспекта заштите и коришћења приобаља (Ђорђевић и др., 2010). Последице великих осцилација вода нивоа Језера су поплаве и плављење обрадивог земљишта, чиме је највише погођено црногорско приобаље које је у највећој мјери важан пољопривредни рејон. На црногорској територији плави око 130 km², а у Албанији око 20 km² (Radulović, 2011).² На Језеру је велики број острва (око 50) од којих су познатија: Велико и Мало Старчево, Голубово, Велика и Мала Бешка, Горица Омерит, Велики и Мали Морачник, Градац, Велика и Мала Топхала, Планик, Дуга Горица, Грможур, Врањина и Лесендро³, Велика и Мала Чаковица, Каменик, Липоњак; за вријеме високог водостаја језерске воде у острва се претварају Космач, Превлака, Одринска Гора, Ком и Жабљак Црнојевића.

Ободни појас Језера (дио који припада Црној Гори) захвата неколико историјско-географских и етно-племенских области: Крајину, Црмницу, Ријечку нахију, Љешанску нахију, Доњу Зету и дио Малесије. Језеро припада општинама Подгорица, Цетиње и Бар. Језеро има повољан саобраћајни положај будући да га окружују важне саобраћајнице- друмске: Подгорица-Петровац, Подгорица-Тузи-Скадар, Вирпазар-Острос; жељезничке пруге: Београд-Подгорица-Бар, и Подгорица-Тузи-Скадар. Повољности саобраћајног положаја доприноси и близина међународног аеродрома у Голубовцима (од Врањине удаљен око 10 - 12 km).

Геоисторијски развој и геополитичке позиције Скадарског језера и околине-кратак преглед

Приликом анализе историјског развоја и геополитичког значаја Скадарског језера и, шире посматрано, његовог басена потребно је имати у виду неколико кључних момената: (1) долазак Словена на Балканско полуострво и њихово устаљивање на овим просторима, (2) раскол хришћанства на православну и римокатоличку цркву 1054.године познат као Велика шизма, (3) ширење ислама на Балканско полуострво већ од XIV

---

² Током 2010.године поплаве су регистроване три пута- у јануару, новембру и децембру. Колико је хидролошки систем Језера био оптерећен види се по томе што је водостај Језера 20.септембра 2010. године износио свега 30 cm, 1.децембра исте године 512 cm, а само дан касније 553 cm (Burić, Ducić, Doderović, 2016).

³ Изграђеним насипима за Јадранску магистралу и пругу Београд-Бар Врањина и Лесендро су повезани са копном.

вијека, (4) развој политике великих сила- Венеције, Хабсбуршког и Руског царства⁴, (5) политика династија Војислављевића, Немањића, Балшића, Црнојевића и Петровића, (6) успостављање границе на Скадарском језеру, (7) формирање Албаније 1912/1913.године.

Подручје Скадарског језера имало је веома значајну улогу у историји Црне Горе. Од V до II вијека п.н.е. на овим просторима егзистирале су скупине илирских племена (посебно је значајно племе Лабеати, по којем је Језеро именовано у *Lacus Labeatis*), од II вијека п.н.е. до V вијека н.е. присутни су Римљани и римска цивилизација, а од V-VI вијека овдје се трајно насељавају словенска племена. Словени се организују у специфичне административне јединице- жупе, којима је на овом простору географски ембрион управо било Скадарско језеро. Од укупно девет жупа које су сачињавале средњовјековну Дукљу, на Језеро и његов ободни наслањале су се: Лушка (*Lusca*), Подлужје (*Podlugiae*), Купелник (*Cupelnich*), Облик (*Obliquus*), Црмница (*Cermeniza*) и Крајина (Група аутора, 1967). С обзиром да је географски положај Крајине као јужног обода Језера у ранозетској држави био веома повољан у односу на Скадар, ријеку Бојану и само Језеро, то је она у IX и X вијеку имала улогу територијалног средишта Зете. Од друге половине XII вијека на овим просторима устаљују се Немањићи који Скадарском басену повећују посебну пажњу, а сам басен ће имати повлашћен положај. Један од разлога био је важност Језера као риболовног подручја нарочито за рибу укљеву, која је преко оближњег трга Свети Срђ на Бојани извожена у оближње зетске градове, али и у јужну Италију (Група аутора, 1970). Језеро и ободни појас задржаће улогу централног језгра и за вријеме владавине Балшића и Црнојевића од XIV вијека. У непосредној близини Језера биле су лоциране најстарије зетске престонице- Крајина, Прапратна, Скадар и Жабљак Црнојевића (Јовићевић, 2011). Доласком Млечана на ове просторе (1396.г.) геостратешки значај ријеке Бојане и Скадарског језера је порастао, а они су имали јаку флоту за контролу ових вода највише из разлога обезбјеђивања несметане трговине. Бојана је била једини природни пут за Скадар и Дриваст (Група аутора, 1970).

Пропашћу династије Црнојевића ове просторе запосиједа Османско царство у наредном петовјековном периоду, чиме Скадарско језеро губи дотадашњу позицију. Током владавине династије Петровића са Турцима се воде честе борбе за превласт на Језеру из разлога њихове тежње за овладавање овим подручјем због његовог стратешког и саобраћајно-економско-трговачког значаја. Подручје Језера имало је улогу „источног бедема“ Црне Горе, а од линије Жабљак Црнојевића-Врањина-Лесендро па до Обода, Сутормана и Бобије ређају се сукоби од XVI вијека па све до ослобођења од Турака (Радусиновић, 1964). Излазак на Скадарско језеро

---

⁴ Прва четири момента истакао је чешки антропогеограф Виктор Дворски у својој студији *Црногорско-турска граница од ушћа Бојане до Таре* (Праг, 1909.године), након што је пропутовао црногорско-турску граничну територију током 1906. и 1908.године.

сматран је приоритетом у политици Црне Горе. Тако је владика Данило Петровић (владао од 1697. до 1735.г.), као творац политичке мисли о слободи и независности Црне Горе, први схватио нужност изласка Црне Горе на Скадарско језеро, и покушао да га освоји 1717.године (Група аутора, 1975). Петар I Петровић-Његош (1784-1830) је у својој политичко-стратешкој мисли о стварању државе која би се ослањала на некадашње зетско приморје, у њој види и Скадарско језеро, поред осталог, и као важан унутрашњи водени пут до Улциња. Овладавање обалама Језера и долинама Зете и Мораче значило је проширење животног простора становништва тадашње Црне Горе. Водени пут преко Скадарског језера био је економска „жила куцавица“. Петар II Петровић-Његош (1830-1851) тежио је задобијању Зете како би преко Скадарског језера осигурао директну везу са Јадранским морем. Од посебног значаја за контролу већег дијела Језера имала су острва Врањина и Лесендро због доминантне позиције и као двије врло значајне геостратегијске тачке. Ова два острва Црна Гора заузима 1840. да би их Турци повратили 1843.године и ту остали све до 1878.године. Турци су у циљу контроле пловидбе Језером на острву Грможур 1847. изградили утврђење. Језеро је имало посебан значај као водени пут који је од Ријеке Црнојевића преко Језера водио до Скадра, а затим преко Бојане за Улцињ (Павићевић, 2004). Књаз Данило Петровић је меморандумом од 31.маја 1856.године упућеном министрима потписницима Париског уговора, захтијевао да се, поред осталог, Црној Гори прошири граница на Скадарском језеру. Преко Језера водио је главни коридор за напад Турака на Црмницу и Црну Гору, као што је био случај и 1768.године. Трговачко-транзитна артерија са албанским подручјима ишла је углавном преко Скадарског језера (Пејовић, 1981; Група аутора, 1975; Павићевић, 1990). Борба за Крњицу и Крајину 1861-1862. имала је карактер битке на води, будући да су се и Црногорци служили својим лађама за превоз војника, муниције, хране и осталог. На Скадарском језеру вођена су ратна дејства и 1876-1878.године, када су Црногорци успјели да заузму острва Врањину, Лесендро и Грможур (Franećović, 1960). У Првом балканском рату освајање Скадра сматрано је за циљ од животне важности, јер би његовим добијањем Црна Гора коначно стекла потпуну контролу над басеном Језера. Међутим, већ у априлу 1913. Црна Гора је одлуком Великих сила морала напустити Скадар и уступити га Албанији, чиме се замисао за пуном контролом над басеном Скадарског језера није реализовала.

Још у XIII вијеку поморци Млетачке Републике који су пловили уз Бојану, установили су да се због плићака који постоје узводно од трга Свети Срђ отежано плови, па се морају прокопати и очистити. Ради неометаног саобраћања млетачке флоте Бојаном и Скадарским језером 1406.г. Млетачка Република шаље своје стручњаке за уклањање препрека пловидби (Franećović, 1960). Од када је Дрим провалио према Бојани, прво 1846. и још јаче 1858/9.године, почиње низ активности на регулацији овог хидрографског система. Питање регулације Скадарског језера, Дрима и Бојане било је покренуто од црногорске стране на Берлинском конгресу 1878.године. У

циљу рјешавања овог проблема поднешено је више пројеката и засијдало више комисија: пројекат инжењера Ламберта, студија инжењера Хелингера из 1884.г., пројекат инж. Панциера 1889.г., пројекат инж. Поснела из 1893.г., инж. Равотиа из 1896.г., извјештај комисије инж. Милеа из 1910.г., студија инж. Бриоа из 1910.г. Питање регулације Скадарског језера, Дрима и Бојане покренуто је од стране Црне Горе и на Лондонској конференцији 1913.г. Након I свјетског рата настављено је са израдом студија и пројеката на регулацији: 1923. извјештај инж. Кадо из Министарства грађевина у Тирани поднио је албанској влади извјештај за рјешавање проблема пловидбе на Бојани; затим Студија инж. Зиндаришића из 1923. по налогу југословенске Дирекције вода; 1925.г. отпочели су преговори југословенске и албанске владе у циљу утврђивања основних принципа за регулацију Скадарског језера, Дрима и Бојане, па је при југословенској Дирекцији вода основана Скадарска секција чији су стручњаци 1930.г. израдили Основу за израду генералног пројекта за регулацију Бојане и Дрима и за мелиорацију земљишта у подручју Скадарског језера⁵; елаборат италијанских инжењера из 1940.г. којим предвиђају могућност пловидбе Бојаном од Скадра до мора за бродове до 600 тона носивости, што се, имајући у виду тадашњи геополитички моменат у овом дијелу јадранске обале, вјероватно односило на омогућавање пловидбе за италијанска ратна пловила; 1947.г. одређена је заједничка комисија југословенске и албанске владе за регулацију Скадарског језера која рад обуставља због догађаја из 1948.г.; 1956.г. споразум Владе ФНР Југославије и НР Албаније о водопривредним питањима и основана је Југословенско-албанска комисија за водопривреду с циљем рјешавања отворених водопривредних питања између двају земаља; 1962.г. ова комисија формирала је Сталну Југословенско-албанску Поткомисију за регулацију Скадарског језера, Дрима и Бојане; затим је 1968. Институт „Јарослав Черни“ из Београда израдио предпројекат регулације Бојане; па 1973. предпројекат „Заштита и мелиорација приобалне зоне Скадарског језера“ израђен од стране Агрокомбината „13.јул“ из Титограда; исте године и идејни пројекат регулације Скадарског језера, Дрима и Бојане Водопривредног предузећа „Зета“ из Титограда⁶ (Милошевић, 1983). Послије изградње хидроелектрана на Дриму у Македонији и Албанији могућност рјешавања проблема је отежана, па је питање регулације тока Дрима а тиме и несметаног пражњења

---

⁵ У закључку Основе Скадарске секције, који је и данас актуелан, наведено је: „Режим вода Скадарског језера може се уредити само под условом да се Дрим стално и дефинитивно одврати од Бојане. Задржавањем регулисаног Дрима у Забојани или Задримљу омогућава се Бојани да несметано врши своју функцију отоке Језера. Регулацијом пак Бојане снизиће се ниво воде у Језеру, чиме ће се води отети велики комплекси земље и омогућити мелиорација приобалног земљишта поред језера“ (наведено према: Милошевић, 1983, стр.82).

⁶ О детаљима техничких рјешења из 1930., 1968., и два пројекта из 1973.године више у: Спахић, Н.(1983). Приказ неких техничких рјешења регулације Скадарског језера, Дрима и Бојане. У: *Скадарско језеро*. Титоград: ЦАНУ, стр.87-98.

Скадарског језера ријеком Бојаном и данас отворено, што се негативно одражава у виду поплава приобалног дијела Језера.

Граница између Црне Горе и Османског царства на Скадарском језеру често се мијењала. Прво је била успостављена разграничењем из 1858-1860.године, затим на Сан-Стефанском миру 1878.године, да би исте године услиједила њена корекција на Берлинском конгресу. Миром у Сан-Стефану Црна Гора је била добила, поред осталих територијалних проширења, скоро цијело Скадарско језеро, а 28 и 29 чланом Берлинског уговора то је доживјело ревизију на начин што је Црној Гори припао много мањи дио Језера. Затим је услиједио период разграничења између Црне Горе и Турске од 1879. до 1918.г. Данашњи облик границе на Језеру потиче из 1913.године, и потврђен је Флорентинским или Фирентинским протоколом 1926.године између Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца и Краљевине Албаније (Franetović, 1960; Ражнатовић, 1979). Геополитички и геопрометни положај Скадарског језера је такав да оно има улогу контактнoг простора у геокултурном и цивилизацијском смислу. У овом граничном региону између Црне Горе и Албаније присутан је додир становништва различитих етно-конфесионално-лингвистичких карактеристика.

Скадарско језеро- један од најзначајнијих ресурса Црне Горе

Узима се да је Скадарско језеро најважнија акваторија Црне Горе у хидролошком, еколошком, водопривредном и туристичком смислу (Đorđević i dr., 2010).⁷ За воду се сматра да је један од кључних медијума животне средине, док су њени ресурси примарно природно богатство који се у теоријама економског развоја означавају као развојни чиниоци (Милинчић, 2001).

Басен Скадарског језера је са великим резервама површинских вода које се, како је већ напријед истакнуто, током године мијењају у зависности од коте нивоа његових вода и крећу се од 1,76 до 4 km³. Након пречишћавања

---

⁷ На Међународном научном скупу *Скадарско језеро- стање и перспективе* одржаном у Подгорици и Скадру од 19 до 21.јуна 2010.године усвојена је Декларација у 4 тачке: „1.Скадарско језеро је један од најзначајнијих природних ресурса државе Црне Горе и државе Албаније. 2.Нужно је активирати све механизме како би се богатство Скадарског језера: биодиверзитет, културна баштина, водни потенцијали и обрадиво земљиште очували и користили на одржив начин. 3.Потребно је да се одмах настави са истраживањима Скадарског језера према програму сачињеном у сарадњи Црногорске академије наука и умјетности и Академије наука Албаније. У том смислу, поред финансијских средстава која издвајају двије владе, за реализацију ових активности треба усмјеравати и средства из страних извора. 4.Одлуку о даљој валоризацији Скадарског језера треба донијети тек када буду истражени елементи који утичу на стање свих сегмената животне средине.“

оне се могу употребљавати за пиће. Издан Зетске равнице најбогатије је лежиште подземних вода у Црној Гори. Претпоставља се да та издан у слоју дебљине само 10m садржи резерве од око 0,4 km³, а на дебљини до 25 m резерве су око 1 km³ (Radulović, 1997). Земљиште је важан потенцијал језерског басена које се може подијелити у следеће категорије: (1) плављено, које обухвата оранице, воћњаке, ливаде и мочваре (око 14 000 ha), (2) само језерско дно (око 10 000 ha), и (3) неплодно земљиште које је ван плављеног подручја (око 10 000 ha). Зетска равница сјеверно од Скадарског језера са површином од 250 km², један је од економски најважнијих дјелова Црне Горе, како у прошлости тако и данас. Њен дио познат као Доња Зета (јужно од ријеке Цијевне) спада у ободни појас Скадарског језера. Шљунак и пијесак (највеће резерве су на подручју Зетске равнице) такође су важни природни потенцијали Језера. Данас познате и економски најзначајније налаге тресета у Црној Гори налазе се у водама Скадарског језера, Посебно важан је простор Подхумског залива гдје је утврђено присуство тресета (> од 50% органске материје) и полутресета (30-50% органске материје), као и то да се може користити као квалитетна сировина за производњу разних органских, органско-минералних и хуминских ђубрива, те за употребу у балнеолошке сврхе (Dragović, 1997).

Скадарско језеро је најважнији риболовни објект у Црној Гори, а рибарство је важна привредна грана за становнике насеља у приобалном дијелу (Додоши, Жабљак Црнојевића, Врањина, Каруч, Превлака, Крњице и др.). На Језеру се улови око 95-96% годишњег цјелокупног улова слатководне рибе у Црној Гори. Четрдесетогодишњи просјек улова рибе у Језеру наводи на закључак да је 1000-1200 тона годишње⁸ на црногорском дијелу нормалан интензитет риболова (Радусиновић, 1964; Ђорђевић и др., 2010). Подаци из историјских извора упућују на закључак да се становништво око Језера риболовом почело масовније бавити још у XV вијеку (Радусиновић, 1964), а познато је да се укљева извозила током ранијих вјекова у оближње зетске градове али и у Јужну Италију. Према резултатима истраживања у Језеру постоји 45 врста риба сврстаних у 17 фамилија. Са привредног становишта најважније врсте рибе су: укљева, шаран (крап) и скобаљ-три најдоминантније ципринидне врста рибе у улову (око 75%), затим клијен, жуताљ, лола, сребрни караш, шарадан и мрена. Од морских имиграната најзначајније су кубла, јегуља и скакавица (Радусиновић, 1990). „Рибарство“ на Ријеци Црнојевића једина је фабрика за прераду рибе у Црној Гори, са капацитетима од 8 милиона конзерви плаве и 2 милиона конзерви језерске рибе.

Скадарско језеро има извјестан саобраћајни значај. У прошлости је пловидба била развијена и сматра се да је стара колико и само Језеро. Већ у доба последњег илирског краља Генција (II вијек п.н.е.) спомиње се пловидба

⁸ Године 1937. улов рибе на Скадарском језеру је износио 484 t, 1939. 577,6 t, 1948. 890,3 t, 1958. 1328 t, док је, према *Статистичком годишњаку Црне Горе за 2008.годину*, 2006.године у Црној Гори уловљено 410 t шарана и 30 t укљеве.

на Скадарско језеру. Сигурно је обављана и за вријеме Балшића и Црнојевића. Заузимањем Скадра и околине од стране Турака Улцињани су обављали пловидбу на Скадарском језеру. У вријеме турске владавине становници села Широка као и Крајињани обављали су пловидбу и превозили терет на Језеру, а касније и Цеклињани (од почетака XVIII вијека) стичу превласт над Турцима на Језеру. Цеклињани су имали организоване чете на Скадарском језеру (понекад су имали и преко 50 лађа) и временом контролисали сјеверозападни дио Језера и Крајину, што се окончало 1862.г. када је дошло до споразума књаза Николе са Турцима, којим је цеклинско четовање обустављено. Од тада обављају превоз разног материјала по Језеру, нарочито соли из Скадра до сладишта на Плавници, Сињцу на Горњем Блату и Ријеци Црнојевића. Берлинским мировним уговором Црној Гори су припале 3/5 Скадарског језера, док је чланом 29 истог уговора остварила и слободну пловидбу на Бојани (Franetović, 1960). Јахта краља Николе Слављанин обављала је превоз путника и поште на Језеру, док је од 1885. путнике и робу превозио брод *Жабљак*. Од 1894. до 1905. пловидбу Језером одржава компанија *The Anglo-Montenegrin trading company*, док је у периоду 1905. до 1916. пловидбу Језером одржава италијанска фирма *Барско друштво*. Послије завршетка I свјетског рата обновљена је пловидба на Скадарско језеру тако што је - од новембра 1918. до 15.априла 1920.- обављана под савезничким заставама, а од 1920.до 1923. под контролом ратне морнарице Краљевине СХС. На Цетињу је 1920.г. основана *Јадранско-скадарска пловидба* (сједиште јој је било на Липовику, у Ријеци Црнојевића) која је одржавала путничко-теретне линије на релацији Ријека Црнојевића-Скадар сваког дана преко Вирпазара, Плавнице и Остроса, и која је 1925.преузела бродове од ратне морнарице. *Бродарско-акционарско друштво Бока* (основано 1920.г.) је од 1928. преузело пловидбу и на Скадарско језеру, куповином цјелокупног бродовља *Јадранско-скадарске пловидбе*. Послије II свјетског рата на Језеру је био повећан број пловних објеката. У Котору је 1948.г. формирано је бродарско предузеће *Ловћен* за обављање пловидбе на Црногорском приморју и Скадарском језеру.Бродарско предузеће *Галеб* основано је 1954.г. као државно привредно предузеће за превоз путника и терета на Скадарском језеру, све до 1981.г. када је престало са радом (Бољевић-Вулековић, 1988). Савремени саобраћај на Скадарском језеру углавном се обавља мањим бродићима за излетничке и туристичке сврхе, као и за потребе риболова. Пловидба се данас види углавном за потребе наутичког туризма и треба да се развија у складу са еколошким условима. За развојно позиционирање оваквог вида пловидбе на значају ће добијати постојећа пристаништа: Ријека Црнојевића, Вирпазар, Крњице, Цкла, Каруч, Плавница и Врањина.⁹

---

⁹ Према: Одлука о изради просторног плана посебне намјене Националног парка Скадарско језеро, Влада Црне Горе, 2014 (доступно на интернету).

Еколошке компоненте значаја Скадарског језера чине га акваторијем значајним не само за земље које га дијеле, него и за Европу и свијет. Од 1983.године Скадарско језеро проглашено је за Национални парк на површини од 40 000 ha, док је од 1995.године на Рамсарској листи мочвара од међународног значаја, на површини од 20 000 ha. Албански дио Језера је у статусу природног резервата, а ријека Бојана је национално заштићена од 2005.године са статусом заштићени пејзаж. Укупан биодиверзитет Језера је висок; сам регион сматра се биогенетским резерватом европског значаја. Систем мочвара Скадарског језера и ријеке Бојане један је од 24 прекогранична мочварна локалитета од међународног значаја- *Ecological Brick Sites*. Језеро је идентификовано као EMERALD подручје, IPA подручје за биљке, и IBA подручје значајно за птице (Bušković, Bulić, 2011). Овај највећи Национални парк у Црној Гори издваја се изузетним богатством орнитофауне (279 врста орнитофауне које стално или привремено борави на Језеру) и ихтиофауне (45 врста риба сврстаних у 17 фамилија), те бујном вегетацијом мочварног типа. Макропејзаж Парка чине 3 цјелине: сјеверни дио карактеришу мочварна подручја; јужни дио Језера са огољелим крашким пејзажом разуђених обала богатих заливима, острвима (нарочито низ острва поред обале Крајине познати као „Крајински архипелаг“), полуострвима и ртовима; и акваторијални пејзаж који заузима изражено мјесто у визуелној перцепцији Парка. Главни изазови заштите биодиверзитета су природни (поплаве, земљотреси, еутрофикација, климатске промјене), и они антропогеног поријекла (комуналне отпадне воде обје државе, Комбинат алуминијума у Подгорици, нелегалне депоније, одлагање отпада директно у водна тијела, нелегалан лов и риболов); потребно је издвојити и промјене у начину коришћења земљишта, ширење људских насеља, изостанак спровођења закона и прописа.

Скадарско језеро као највећа слатководна лимнолошка површина на Балканском полуострву, национални парк непоновљивих екосистема, плитка али пространа криптодепресија, орнитолошка станица свјетског значаја, риболовни објекат, те културно-историјско наслеђе доприноси да је ово језеро важан туристички ресурс. Присутно је мишљење да на Балканском полуострву, а могуће и у Европи, нема језера које се према наведеним показатељима може упоредити са Скадарским. Ипак степен његове туристичке валоризације заостаје за стварним потенцијалима, и „у сјенци“ је интензивног развоја туризма на Црногорском приморју, што, с друге стране, може бити шанса успјешној валоризацији поготово за видове промета¹⁰ конкурентне приморском туризму (Stanković, Kasalica, 1997; Uskoković, 1997). Према Мастер плану развоја туризма Црне Горе до 2020.године, Скадарско језеро сврстано је међу три униката-регије који су предложени за

---

¹⁰ Овдје у виду имамо препоручене сегменте одрживог туризма: културни туризам, вински путеви, посматрање птица, пјешачење, бициклизам, једрење, спортски риболов и наутички туризам-пловидбу коју треба развијати у складу са еколошким условима.

пројектне моделе чији је трајан развој одлучујући предуслов за позиционирање и дугорочну привредну успјешност црногорског туризма. Кластеризацијом Црне Горе као туристичке дестинације Скадарско језеро је, заједно са Цетињем, издвојено у четврти кластер због историјског значаја, разноликости флоре и фауне и фасцинантних пејзажа.

Културно-географске карактеристике Скадарског језера

Скадарско језеро и његов ободни појас чине специфичну културну регију, културно чвориште и историјско језгро Црне Горе. Можда само још Бока которска на тако малом простору има тако вриједне и значајне драгоцености културно-историјске баштине¹¹. Ово отуда што је језерско подручје било историјска позорница прожимања, настанка, трајања и нестанка бројних цивилизација и култура (Vuјović, 2011). Највреднији сегмент културне баштине на Језеру припада споменичком фонду: средњовјековним манастирима из доба владавине Балшића и Црнојевића, фортификационим објектима (тврђава Облун у Вуковцима, тврђава Планиница у Додошима, утврђење Бесац у Вирпазару, утврђење Грможур на истоименом острву, тврђава Лесендро код Врањине, остаци утврде Самобор), мноштво сеоских цркава (најпознатије су: црква Благовијести на Јекси, црква Св. Тројице у Вуковцима, Св. Петке у Ђуковићима, Св. Николе у Ријечанима, Св. Ђорђа у Друшићима, Св. Петке у Курилу и др.),¹² примјери специфичног народног градитељства, велики број руралних, урбаних и амбијенталних цјелина (насеље Врањина, рибарско насеље Каруч, Жабљак Црнојевића, Ријечки град-Обод Црнојевића, Годиње, Додоши, полуострво Превлака Ријечка, Вирпазар, Посељани- село млинова, старо насеље Подхум), и појединачних објеката (кућа Св. Петра Цетињског на Ријечи Црнојевића, владина кула на Каручу, мост књаза Данила на Ријечи Црнојевића, Стари бунар у Остросу). Од археолошких локалитета познати су: некрополе у Гостиљу (III-II вијек п.н.е.), Мјаци у Матагужима, Кирза у Сукурићу (антички период), локалитет у Дубрави у Вуксанлекићима (средњи вијек), тумули у Горњим Вуковцима и други (Vuјović, 2011).

На острвима Скадарског језера и приобаљу током средњег вијека изграђени су знаменити манастирски комплекси, па зато ово језеро због значајне улоге у култури и умјетности заслужује име *Зетска света гора* (Група аутора, 1970). Данас је у саставу Зетске свете горе 11 манастира у власништву Митрополије Црногорско-приморске Српске православне цркве: манастир Врањина (посвећен Св. Николи, 13.вијек, у другој половини 15.

¹¹ Т.Вујовић (2011) наводи да је у ужем појасу Скадарског језера заштићено 29 споменика културе, уз још евидентираних 18 покретних културних добара, и 18 споменика из НОБ-а.

¹² За преглед цркава више у: А.Čilikov, *Crkve i manastiri basena Skadarskog jezera*, CANU, Podgorica, 2013.

вијека за кратко вријеме био је сједиште Зетске митрополије, неколико пута рушен, а данашњи храм саграђен је 1886.године заслугом књаза Николе Петровића, данас је општежитељни мушки манастир), Старчева Горица или Старчево на истоименом острву (задужбина Балшића из дуге половине 14.вијека, посвећен је Пресветој Богородици, од свих храмова на Скадарском језеру има најчистије и најједноставније архитектонско рјешење, са триконхосом и централном куполом; у комплексу манастира сахрањени су оснивач манастира старац Макарије, као и чувени штампар Божидар Вуковић Подгоричанин; данас је ово мушки манастир), манастир Бешка (чине га двије цркве- старија Св. Георгија задужбина Ђурађа Страцимировића Балшића из последње четвртине 14.в., и млађа посвећена Благовијестима, задужбина Јелене Лазарева Балшић, из прве половине 15.вијека; данас је женски општежитељни манастир), Морачник на истоименом острву (саграђен између 1404. и 1417.године, за ктитора се сматра Балша III; посвећен је Богородици Тројеручици и складна је триконхосна грађевина; данас је општежитељни мушки манастир), манастир Орахово у истоименом селу (један од најстаријих духовних свјетионика овог краја, посвећен Св. Николи), манастир Горњи Брчели (зимска резиденција цетињских митрополита, посвећен Покрову Пресвете Богородице; по предању потиче из времена Балшића, а поуздано се зна да је данашњу цркву саградио владика Данило I Петровић Његош; гробно је мјесто двојице црногорских митрополита, данас је женски манастир), Доњи Брчели (храм Св. Николе, данас општежитељни мушки манастир), Ободски манастир изнад Ријеке Црнојевића (посвећен Св. Николи, 1475.г. подигао га Иван Црнојевић; једно вријеме услед надирања Турака сједиште Зетске митрополије било је у овом манастиру; оvdје је штампана прва књига код Јужних Словена *Октоих* од 1493-1494.године; данас је општежитељни женски манастир), манастир Ком у сјеверозападном дијелу Скадарског језера, у водоплавном периоду претвара се у острво (посвећен Успењу Пресвете Богородице, подигнут између 1415. и 1427.године, ктитори Ђурађ и Љеш Црнојевићи; кратко вријеме у манастиру је било сједиште Зетске митрополије до послје пада Жабљака под Турке 1478.г.; оvdје су гробна мјеста Црнојевића: Љеша, Ђурђа, Стефана и његове супруге Маре; данас је то мушки манастир), манастир Космач на истоименом острвцу у дијелу Скадарског језера који се зове Горње (Мало) Блато (посвећен Св. Георгију, потиче из 14.вијека, а данас је мушки манастир) и Пречиста Крајинска у близини Остроса најдревнији духовни центар Зетске свете горе, данас је у рушевинама (посвећен Успенију Пресвете Богородице, вјерује се да је задужбина светог краља Јована Владимира из 11.вијека; и оvdје је кратко вријеме било сједиште Зетске митрополије) (Петровић, Драгојловић, 2013). Сматра се и да је поред пирга (куле) на острву Топхала- које је данас најистуреније острво црногорског дијела Језера према Албанији- постојао храм (тролисне основе) егзистирала монашка заједница. Сам пирг- који постоји још и на манастиру Морачник- служио је као осматрачница кретања бродова на Језеру и војске у околини (млетачке, касније турске) (Ćilikov,

2013). Бројност храмова посвећених Богородици у оквиру цркава и манастира (Пречиста Крајинска, Старчево, Бешка, Ком, Морачник) у ареалу Скадарског језера јасно говори о утицају на уздизање Богородичиног култа који се, нарочито током XIV и XV вијека, шири на просторе данашње Црне Горе, а који је на ове просторе долазио преко Србије са Свете Горе Атонске (Ђурашковић, 2013).

Од покретних споменика културе са овог подручја познати су *Пролог* и *Четворојеванђеље* са Старчеве Горице, *Цетињски Псалтир* написан на неком од преписивачких центара басена Скадарског језера, *Врањинско четворојеванђеље*, и чувени *Горички зборник*- преписка Никона Јерусалимца и Јелене Балшић написан прије 1442.г., можда и најважније дјело средњовјековне Зете. На подручју Скадарског језера и јужног дијела Црногорског приморја¹³ развијен је култ светог мученика краља Јована Владимира († 1016.г.), као и у Албанији (посебно Скадар, Драч, Елбасан и Тирана) и дијелу Македоније. На овим просторима присутна су 3 основна елемента хиљадугодишњег присуства Св. Јована Владимира: остаци манастира Пречисте Богородице Крајинске код Остроса (једно вријеме ту су биле његове мошти), крст Св. Јована Владимира (чува га породица Андоровић из села Микулића подно Румије) и вјековни обичај изношења овог крста на врх планине Румије за Тројичиндан (Ђурашковић, 2013).

Скадарско језеро у контексту прекограничне сарадње

С аспекта наше теме посебно се чини важним то што, како ствари стоје, геополитика иреверзибилно све дубље улази у области одржавања и одрживости човјечанства на земљи, као и то темељн еколошка питања преузимају терен класичне геополитике- нарочито ефекат стаклене баште и борба за воду све су важнији од класичних геостратегијских категорија и геополитичких доктрина (Petrović, 2004). Као контактна и комплементарна област између Црне Горе и Албаније овај басен¹⁴ има посебну улогу и значење, што захтијева комплексно сагледавање с просторно-планског и других развојних аспеката (Бакић, 1983). Циљ прекограничне сарадње је смањење негативних ефеката граница као административних, правних и физичких баријера, као и рјешења заједничких проблема и искоришћавање неискоришћених потенцијала. У концепту полицентричног и еколошки

---

¹³ Култ Св. Јована Владимира нарочито је развијен у Бару гдје је септембра 2016.г., поводом хиљадугодишњице његове смрти, освештан велики Саборни храм посвећен овом светитељу. Какво поштовање ужива овај светитељ види се и по томе што су прве Службе и Похвале њему у част писане и сачуване не само на српском него и на грчком језику, а онда са грчког превођене на црквенословенски (Ђурашковић, 2013).

¹⁴ Микроеполитике иако принуђене да дјелују локално треба упорно да мисле глобално, док се на појединачним геополитичким промишљањима минијатурних простора уопштавају ризични опажаји цјелине свијета (М. Кнежевић, 1997).

одрживог регионалног развоја Црне Горе до 2020.године, басен Скадарског језера дефинисан је као прекогранична развојна зона, коју, у ширем обухвату, чине: Подгорица, Даниловград, Бар, Улцињ и са албанске стране Скадар. Приоритети развоја у прекограничној зони *Басен Скадарског језера* су: саобраћајна интеграција, те привредна сарадња у подручју индустрије, енергетике, туризма, пољопривреде, трговине, заштите животне средине (Prostorni plan RCG, 2006).

У периоду 2000-2009.г. успостављен је Прекогранични форум за Скадарско језеро између Црне Горе и Албаније који окупља представнике различитих институција двају земаља релевантних за управљање и заштиту Језера (министарства, Национални парк, локалне управе, НВО сектор, образовне институције, заводи за заштиту природе); 2003. потписан је Меморандум о разумијевању од стране представника министарстава двају земаља на тему животне средине и спровођења принципа одрживог развоја; 2005. одржана је Међународна конференција „Скадарско језеро, међународно именовање за територијални развој“; 2008-2012. покренут пројекат „Интегрално управљање екосистемом Скадарског језера“; 2010. одржан је Међународни научни скуп „Скадарско језеро-стање и перспективе“.

Црна Гора и Република Албанија као земље кандидати за чланство у Европску унију, имају приступ ЕУ фондовима у оквиру Инструмената за претприступну подршку (IPA). До сада су у оквиру програма прекограницне сарадње уговорени пројекти из три мјере: 1.Економски развој са нагласком на туризму, 2.Заштита и промоција животне средине, и 3.Унапређење социјалне кохезије кроз пројекте људи-људима. На Скадарско језеро од програма прекограничне сарадње 2007-2013.г. односили су се директно из друге мјере: -Израда хидролошке студије за регулацију водног режима Скадарског језера и ријеке Бојане, с циљем смањења негативних ефеката поплава и ради ефикасније економске валоризације овог битног ресурса за обје земље; - Примјена интегралног модела управљања екосистемом Скадарског језера-ЕМА план, у циљу успостављања и јачања сарадње с обје стране границе за одрживо управљање и развој подручја Скадарског језера.

Conclusion

Skadar Lake is one of the most important resources of Montenegro, of highly ambiental, ecological and landscape values, especially in hydrological, ecological, water and tourist sense, which is an important condition of the development of Montenegro.

Skadar Lake and its coastal area had an important role during geo-historical development of Montenegro, an extremely important geopolitical, traffic-geographical, geostrategical, defense, and geocultural importance; besides that, basin of the Lake was a geographical embryo, a historical core of Montenegro, as its coming out and management of its coasts and equatorial was considered to be a

historical necessity, national interest and vital issue of Montenegro. Therefore, this area has a special role and significance for cultural-historical identity of Montenegro.

On the cultural heritage there is an imposing delineation of cultural-historical continuity in the development of Montenegro, especially on the islands of the Skadar Lake, valley of the River Crnojevica and their environment. Although they have a role of the basis for perspective of further development of this value, they are still not valorized enough. In spite of having all important factors of attractiveness, the level of its touristic valorization is behind a lot smaller and touristically less valuable limnological facilities.

Montenegro shares the Skadar Lake with Albania, coming from the assumption of indivisibility that the Lake should be treated as an integral, not a non-administrative regional unit, at which formal borders shouldn't represent barriers. Therefore it is expected that the Lake would get more integrational role between these countries during solving development issues in accordance with advantages of cross-border cooperation, as well as postulates of sustainable development.

Литература

1. Бакић, Р.(1983). Просторно-плански аспекти третирања Скадарског језера и његове околине. У зборнику реферата: *Скадарско језеро*. Титоград: ЦАНУ, стр.319-326.
2. Бакић, Р.(2003). Геополитички положај Црне Горе. У књизи: *Огледи-простор и становништво Црне Горе*. Андријевица: „Комови“, стр.18-21.
3. Бољевић-Вулековић, В.(1988). Развој црногорске пловидбе на Скадарском језеру. У: *Зборник которске секције друштва историчара Црне Горе*, 4, стр.173-206.
4. Burić, D., Ducić, V., Doderović, M.(2016). Poplave u Crnoj Gori krajem 2010.godine sa osvrtom na kolebanje proticaja Morače. *Glasnik odjeljenja prirodnih nauka*, 21, str.47-64.
5. Burić, M.(2003). *Geografsko-istorijski atlas Crne Gore*. Nikšić: Institut za geografiju Filozofskog fakulteta u Nikšiću.
6. Burić, M., Radulović, M.(1983). Skadarsko jezero- najveći hidrografski objekat kopna SR Crne Gore. У: *Skadarsko jezero*. Titograd: CANU, str.37-44.
7. Bušković, V., Bulić, Z.(2011). Prirodne vrijednosti i njihova zaštita na prostoru basena Skadarskog jezera. У: *Skadarsko jezero- stanje i perspektive*. tom 2, Podgorica: CANU, str.89-100.
8. Vujović, T.(2011). Crnogorsko kulturno nasljeđe obala Skadarskog jezera. У: *Skadarsko jezero- stanje i perspektive*. tom 2, Podgorica: CANU, str.85-102.
9. Група аутора.(1967). *Историја Црне Горе- Од најстаријих времена до краја XII вијека*. књига прва, Титоград: Редакција за историју Црне Горе.

10. Група аутора.(1970). *Историја Црне Горе- Црна Гора у доба обласних господара*. том 2/ књига 2, Титоград: Редакција за историју Црне Горе.
11. Група аутора (1975). *Историја Црне Горе- Од почетка XVI до краја XVIII вијека*. том 1, Титоград: Редакција за историју Црне Горе.
12. Грчић, М.(2000). *Политичка географија*. Београд: Географски факултет Универзитета у Београду.
13. Dvorski, V.(2000). *Crnogorsko-turska granica od ušća Bojane do Tare*. Podgorica: CID (prvo izdanje objavljeno u Pragu 1909.godine).
14. Dragović, B.D.(1997). Neki prirodni potencijali područja Skadarskog jezera i mogućnosti njihovog korišćenja u skladu sa ekološkim zahtevima. U: *Prirodne vrijednosti i zaštita Skadarskog jezera*. Podgorica: CANU, str.67-76.
15. Dragović, R.D.(1997). Treset Skadarskog jezera- ekološki aspekt. U: *Prirodne vrijednosti i zaštita Skadarskog jezera*. Podgorica: CANU, str.203-213.
16. Đorđević, B., Sekulić, G., Radulović, M., Šaranović, M.(2010). *Vodni potencijali Crne Gore*. Podgorica: CANU.
17. Đurašković, L.(2013). Karakteristike hrišćanskog kulta u Crnoj Gori. U: *Etnološke odlike Crne Gore*. том 1. Podgorica: CANU, str.271-379.
18. Јовановић, Р.(1983). *Црна Гора и велике силе 1856-1860*. Титоград: Историјски институт СР Црне Горе.
19. Јовићевић, А.(2011). *Древни српски манастири*. Никшић: Матица српска- Друштво чланова у Црној Гори.
20. Кнежевић, М.(1997). Геополитичност простора моћи. У: *Геополитичка стварност Срба*. Београд: Институт за геополитичке студије, стр.189-201.
21. Милинчић, М.(2001). *Србија: геополитика животне средине*. Београд: Српско географско друштво.
22. Милошевић, М.(1983). Историјат досадашњих активности на регулацији Скадарског језера, Дрима и Бојане. У: *Скадарско језеро*. Титоград: ЦАНУ, стр.77-85.
23. Павићевић, Б.(1990). *Данило I Петровић Његош, књаз црногорски и брдски 1851-1860*. Београд: Књижевне новине.
24. Павићевић, Б.(2004). *Саздање црногорске националне државе 1796-1878*. Историја Црне Горе. књига 4/ том 1, Подгорица: Историјски институт Црне Горе.
25. Пејовић, Ђ.(1981). *Црна Гора у доба Петра I и Петра II*. Београд: Народна књига.
26. Петровић, Д., Драгојловић, П.(2013). *Зетска Света Гора*. Врањина.
27. Petrović-Piroćanac, Z.(2004). *Mali pojmovnik geopolitike*. Beograd: Centar za političke studije.
28. Путырский, В.Е.(2014). *Политическая география*. Москва: Юрайт.
29. Radunović, R.(1981). О називима Скадарског језера. У зборнику referata: *Четврта jugoslovenska onomastična konferenca*. Ljubljana: SAZU, str.151-162.

30. Радусиновић, П.(1964). *Скадарско језеро и његов ободни појас-географска проматрања*. Титоград: Графички завод.
31. Радусиновић, П.(1990). *Цеклинска племенска заједница и њена риболовна комуница на Скадарском језеру*. Београд: САНУ.
32. Ражнатовић, Н.(1979). *Црна Гора и Берлински конгрес*. Цетиње: Обод.
33. *Prostorni plan Republike Crne Gore do 2020 (nacrt plana)*. Ministarstvo za ekonomski razvoj, Podgorica, 2006.
34. Radulović, V.(1997). Vode Skadarskog jezera i okolnih izdani kao izvorišta za vodosnabdijevanje. U: *Prirodne vrijednosti i zaštita Skadarskog jezera*. Podgorica: CANU, str.39-65.
35. Rastoder, Š.(1995). *Životna pitanja Crne Gore*. knjiga 1, Bar: JP Kulturni centar.
36. Stanković, S., Kasalica, S.(1997). Turističke vrednosti Skadarskog jezera. U: *Prirodne vrijednosti i zaštita Skadarskog jezera*. Podgorica: CANU, str.509-518.
37. Uskoković, B.(1997). Komplementarnost razvoja (odgovornog) turizma i zaštite Skadarskog jezera. U: *Prirodne vrijednosti i zaštita Skadarskog jezera*. Podgorica: CANU, str.497-508.
38. Franetović, D.(1960). *Historija pomorstva i ribarstva Crne Gore do 1918*. Titograd: Istorijski institut NR Crne Gore.
39. Čilikov, A.(2013). *Crkve i manastiri basena Skadarskog jezera*. Podgorica: CANU.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна и универзитетска библиотека
Републике Српске, Бања Лука

911.3:327(4+5)(082)

МЕЂУНАРОДНА научна конференција "Геополитички процеси у савременом евроазијском простору" (2017 ; Бања Лука)

Геополитички процеси у савременом евроазијском простору : зборник радова = Геополитические процессы в современном евразийском пространстве : сборник работ / Међународна научна конференција, Бања Лука, 31.05-04.06.2017. =Международная научная конференция, Баня-Лука, 31.05-04.06.2017. г. ; [уредници Александар Георгиевич Дружинин, Рајко Гњато]. - Бања Лука : Географско друштво Републике Српске ; [б.м.] : Асоцијација руских друштвених географа ; Бања Лука : Природно-математички факултет, 2017 (Бања Лука : Вилукс). - XIII, 617 стр. : илустр. ; 25 cm

Радови на срп., рус. и енгл. језику. - Тираж 150. - Напомене и библиографске референце уз текст. - Библиографија уз сваки рад. - Abstract.

ISBN 978-99976-711-0-3 (Географско друштво Републике Српске)

COBISS.RS-ID 6508824

ISBN 978-99976-711-0-3

